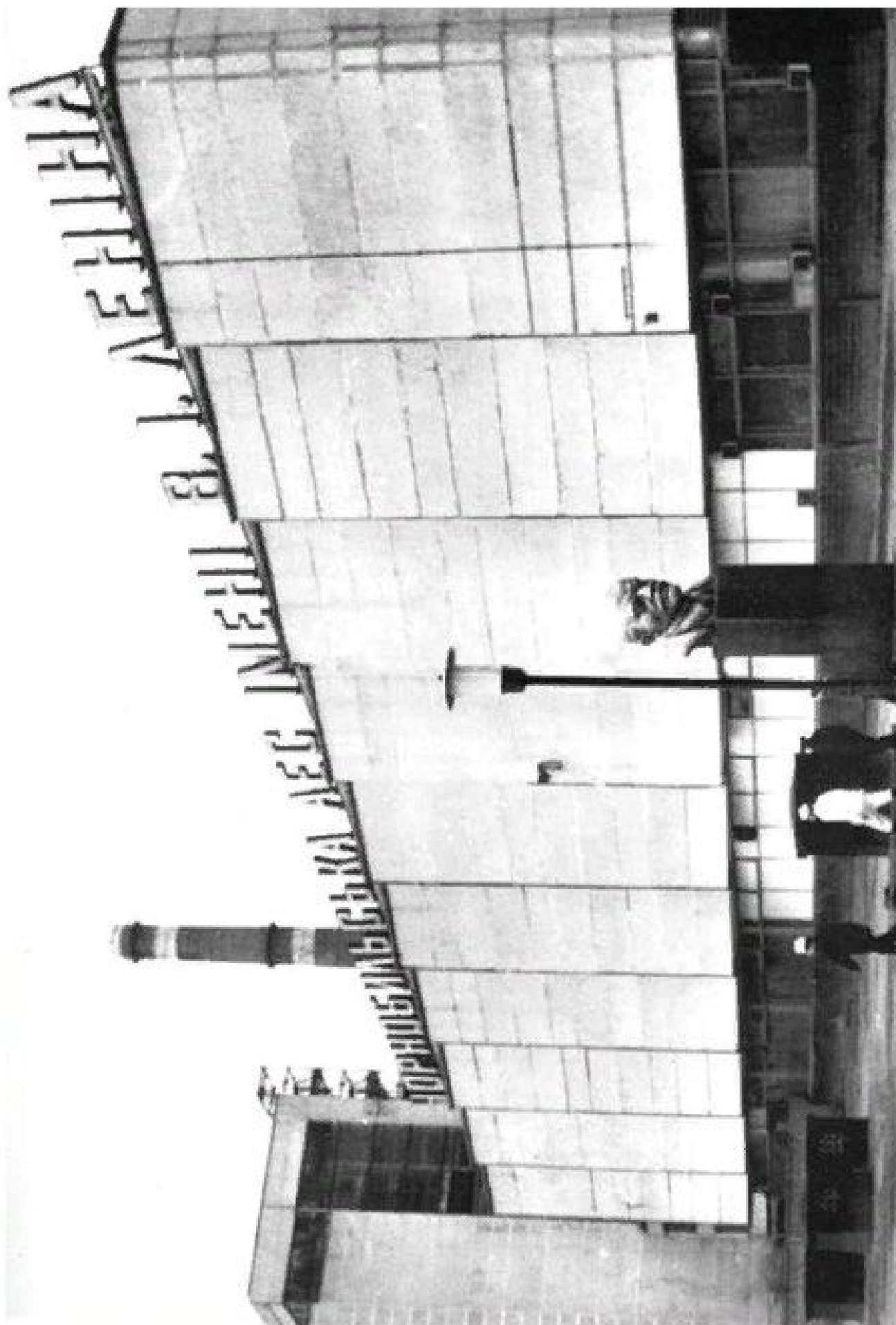

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
СПУСЯ

Редакционная коллегия

А.М. Бородкин, Н.С. Двороковская (*зам. председателя*),
Л.Н. Дмитриевская, Е.Б. Демкина, А.А. Дьяченко (*председатель*),
А.Н. Константинов, Э.Л. Отрошенко (*зам. председателя*),
Н.В. Рысь, С.Ю. Савр (*зам. председателя*), А.А. Скрылев,
А.Г. Старец, Э.В. Черкасова

Муниципалитет Выхино-Жулебино города Москвы

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА: двадцать лет спустя

*Под редакцией
доктора исторических наук
А.А. Дьяченко*

МОСКВА

2006

УДК 621.311
ББК 31.47
Ч 49

Чернобыльская катастрофа: двадцать лет спустя / Муниципалитет Выхино-Жулебино города Москвы. Под ред. д-ра истор. наук А.А. Дьяченко. — М.: Academia, 2006. — 432 с.: ил.

В книге предпринята попытка научно осмыслить события, связанные со взрывом реактора Чернобыльской АЭС и ликвидацией последствий катастрофы. Причем все статьи на эту тему написаны непосредственно участниками событий. Исследовательские материалы составляют первые главы. Основное же место отведено здесь мемуарным заметкам, воспоминаниям «чернобыльцев», проживающих ныне главным образом на территории муниципального образования Выхино-Жулебино города Москвы, под патронажем муниципалитета которого выходит эта книга. Затронута также тема об общественной деятельности бывших ликвидаторов последствий катастрофы, воздается дань уважения памяти ушедших. В книге публикуется большое число любительских и архивных фотографий, имеется справочный аппарат.

Для массового читателя, специалистов по профилактике и ликвидации чрезвычайных обстоятельств, управленческого персонала атомных электростанций, студентов и аспирантов высших учебных заведений технического, медицинского и обществоведческого профиля.

ISBN 5-87444-245-6

ББК 31.47

© Авторы, 2006 г.
© Издательство «Academia», 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	8
Введение	9

Глава 1

Чернобыльская катастрофа

Как это было. <i>А.А.Дьяченко</i>	11
Основные причины. <i>А.А. Дьяченко</i>	14

Глава 2

Ликвидация последствий катастрофы

Создание системы ликвидации катастрофы. <i>А.А.Дьяченко</i>	44
Оперативная группировка Министерства обороны СССР. <i>А.А.Дьяченко</i>	73
Инженерные войска. <i>Ю.П. Дорофеев</i>	96
Когда не справлялись роботы. <i>Н.Д. Тараканов</i>	98
После катастрофы. <i>Л.Н. Ильин</i>	115
Проектирование и строительство «Укрытия»	121
Вклад учреждений здравоохранения	137
Как живешь, Чернобыль? <i>Б.И. Огородников</i>	157

Глава 3

Воспоминания чернобыльцев

Воспоминания сотрудников института по эксплуатации АЭС	
Вместо введения	174
Как начиналась битва за воду. <i>В.И.Пашевич</i>	175
Характеристика состояния здоровья инвалидов-чернобыльцев	
<i>Г.А. Зубовский, О.Б. Тарарухина</i>	179
Короткие рассказы. <i>Б.Ф.Никольский</i>	187
Гипотеза о неучтенном факторе. <i>А.И. Яшников</i>	201
Зона: люди и звери. <i>В.М. Гордина</i>	206
Как мы везли образец. <i>А.Л. Кононович</i>	213
На одной волне. <i>А.С. Якубова</i>	216
Не бойтесь обращаться в суд. <i>А.М. Исмиев</i>	220
О Валентине Александровиче Жильцове — муже и отце.	
<i>М.И. Громова, Т.В. Полетаева</i>	221
Воспоминания чернобыльцев — жителей района Выхино-Жулебино	
Не сдаюсь! <i>В.Ф. Авдошкин</i>	224
Моя специальность — роботы. <i>Л.Г. Агейков</i>	224
Печальное возвращение. <i>С.В. Антонов</i>	227
Из Афганистана в Чернобыль. <i>Н.М. Баранов</i>	228
Высота — 50 метров. <i>С.П. Баталов</i>	229
9 дней или 9 месяцев. <i>О.В. Башмаков</i>	230

Содержание

В составе комиссии. <i>А.С. Безруков</i>	231
Опять «Афган». <i>А.Г. Беляков</i>	231
Фуршет в ангаре. <i>А.Н. Бирюкова</i>	234
Сегодня — чертеж, завтра — монтажные работы. <i>А.М. Бородин</i>	235
Деактивация третьего энергоблока. <i>Ю.А. Бурянин</i>	238
Строительство «Саркофага». <i>Ш.Ф. Валиулин</i>	238
Деактивация. <i>И.Н. Василенко</i>	244
45 дней осени 1986 года. <i>Ю.Ю. Вилькович</i>	244
Был месяц май. <i>В.Л. Вишневская</i>	246
Страна призраков. <i>Б.С. Гележе</i>	246
На реке — теплоход. <i>Ю.Я. Главатских</i>	248
На третьем энергоблоке. <i>В.В. Гречишкина</i>	249
Ремонт техники. <i>А.В. Грицук</i>	250
Транспортировка тяжеловесных балок для «Саркофага». <i>В.В. Гушин</i>	250
Чернобыльский район — моя родина. <i>Е.Б. Демкина</i>	253
От Волги до Припяти. <i>С.В. Демкин</i>	254
В разгар весеннего сева. <i>Н.С. Двороковская</i>	255
От 3 до 7. <i>М.И. Дробков</i>	257
Командировка в Чернобыль. <i>А.А. Дьяченко</i>	257
Зона. <i>В.Д. Иванкин</i>	266
Мертвое поле. <i>А.И. Ильченко</i>	267
Лагерь назывался «Сказочный». <i>Н.Г. Киселев</i>	268
Только я остался в живых. <i>В.С. Ковалев</i>	269
Мы и без премии проживем. <i>Е.А. Козлова</i>	270
Деактивация техники. <i>А.А. Козлов</i>	279
Поликлиника — второй дом. <i>А.Н. Константинов</i>	280
Первым делом — вертолет. <i>А.Е. Куканос</i>	281
В особой зоне. <i>А.В. Леонов</i>	282
Карта радиационной опасности. <i>Н.А. Назаров</i>	283
Горячая точка съемки. <i>С.В. Наумов</i>	287
Радиодозиметрический контроль. <i>Э.Л. Отрошенко</i>	287
На втором энергоблоке. <i>В.В. Полежава</i>	291
Срочная служба в Чернобыле. <i>А.В. Попов</i>	292
Деактивация третьего энергоблока. <i>С.Н. Рулев</i>	293
Чтобы мама не волновалась. <i>С.Ю. Сара</i>	293
Деактивационные работы. <i>Ю.А. Синицин</i>	298
В составе оперативной группы округа. <i>А.А. Скрылев</i>	298
Вертолеты над реактором. <i>А.Д. Старец</i>	299
Период полураспада. <i>В.Я. Степанов</i>	300
Отсветы чернобыльских зарниц	306
Зона как в фильме «Сталкер». <i>В.В. Стрелков</i>	315
Из огня да в полымя. <i>Н.В. Тарасова</i>	316
В клинической лаборатории. <i>Л.С. Трошина</i>	317
В полевой столовой. <i>Г.А. Фирян</i>	318
Работали в три смены. <i>О.А. Флотский</i>	319
Рядом с четвертым энергоблоком. <i>А.Ф. Харитонов</i>	319
Деактивационные работы. <i>А.М. Черкасов</i>	320
Ревизия оборудования АЭС. <i>В.К. Шанин</i>	321
Ветеринария в зонах загрязнения. <i>И.И. Яременко</i>	323

Содержание

Глава 4

О чернобыльском движении

Союзу «Чернобыль» России — 15 лет. <i>В. Л. Гришин</i>	325
О деятельности московской организации чернобыльцев. <i>Л.В. Зверковский</i>	370
Двадцать лет со дня трагедии. <i>В.Д. Маспанов</i>	379
Общественная чернобыльская организация района «Выхино-Жулебино». <i>Н.С. Двороковская</i>	383

Глава 5

Их нет с нами

От редакции	388
Боборыкин Владимир Иванович. <i>М.Н. Боборыкина</i>	391
Гайдук Алексей Константинович. <i>Е.Н. Гайдук</i>	392
Валерий Алексеевич Легасов. <i>М.М. Легасова</i>	393
Беседы с В.А. Легасовым. Мемуарные заметки. <i>Ю.А. Устынюк</i>	395
Лабецкий Евгений Владимирович. <i>Л.Х. Лабецкая</i>	406
Матейчук Игорь Сергеевич. <i>И.П. Матейчук, Е.И. Матейчук</i>	407
Живичкин Анатолий Николаевич. <i>Ю.В. Очагова</i>	409
Заключение	412
Приложение 1. Термины, употребляемые в монографии	414
Приложение 2. Список сокращений	419
Приложение 3. Директива Совета национальной безопасности США.	422
Приложение 4. Приказ Минсредмаша СССР № 211 от 20.05.1986 г.	426

К ЧИТАТЕЛЯМ

В.А. Лысенко

Двадцать лет отделяет нас от взрыва реактора Чернобыльской АЭС. Для локализации катастрофы и ликвидации ее последствий потребовалась невиданная в мирное время мобилизация сил и средств страны. В кратчайшие сроки в район Чернобыля были направлены необходимые материальные и интеллектуальные ресурсы. Среди первых были и ликвидаторы последствий катастрофы, ныне жители нашего района.

Работа на атомной станции, в тридцатикилометровой зоне, выполнялась оперативными группировками министерств и ведомств. Они были направлены на достижение основной цели — уменьшение влияния радиоактивного загрязнения не только в нашей стране, но и в северном полушарии планеты.

К сожалению, до настоящего времени, чернобыльская тема недостаточно освещена в средствах массовой информации. В связи с этим, материалы книги, которую мы предлагаем вниманию читателей, послужат весомым вкладом, раскрывающим трагическую и вместе с тем героическую страницу истории нашей Родины.

Управа и муниципалитет Выхино-Жулебино, несмотря на все трудности, всегда помнят, будут заботиться о чернобыльцах нашего района, проявивших мужество, высокий профессионализм в то тяжелое для страны время.

Навсегда останется в наших сердцах память о павших и пострадавших от радиации чернобыльцев. Уверен, что книга воспоминаний затронет чувства не только чернобыльцев, но и широких слоев российского общества.

*В.А. ЛЫСЕНКО,
руководитель муниципального
образования Выхино-Жулебино,
участник ликвидации последствий
катастрофы на Чернобыльской АЭС*

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать первый век не избавил человечество от войн и военных потрясений. Возросло число террористических актов, направленных на установление гегемонии отдельных агрессивных групп населения планеты, на передел естественных ресурсов и духовное порабощение менее защищенных слоев общества.

Вместе с тем, не уменьшаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера во многих регионах земного шара. К сожалению, стираются из памяти факты трагедии чернобыльской катастрофы, уходят из жизни пострадавшие в то лихолетье.

Однако, прошедшее время позволяет отбросить все незначительное и, опираясь на проведенное обобщение плачевного опыта предупреждения и ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, сконцентрировать внимание общества на более эффективном развитии управления программами дальнейшего совершенствования защиты флоры и фауны планеты от природных катаклизмов и техногенных катастроф на объектах промышленности, на разработке проблем их предупреждения.

Цель и задачи исследования определили структуру книги. Она состоит из введения, пяти глав и заключения. К книге прилагается список использованных источников и литературы.

В первой главе кратко излагаются начальные страницы летописи трудовой биографии г. Припяти, история созда-

ния Чернобыльской АЭС, анализируются причины катастрофы, обосновывается, что их корни возникли одновременно с зарождением ядерной энергетики в стране. Они произрастали на благодатной почве научно — необоснованной политики и стратегии научно-технического и социально-экономического экстенсивного развития народного хозяйства СССР, при вмешательстве малокомпетентного, но всесильного партгосаппарата в науку и, в том числе, в ядерный энергокомплекс.

Во второй главе основное внимание сосредоточено на одном из основных факторов успешного решения проблем ликвидации последствий катастрофы — своевременном и качественном создании сложной централизованной системы на базе многочисленных объединений министерств и ведомств, направленных в 30-ти километровую зону ЧАЭС. Анализ условий создания такой системы и ее функционирования, выявление ее сильных и слабых граней позволит разрабатывать более эффективные предложения по развитию таких сложных систем, повышению их готовности к выполнению комплексных работ в чрезвычайных ситуациях при техногенных авариях и катастрофах. Представлен кратко алгоритм формирования государственных органов страны по ЛПЧК. Кратко раскрыта деятельность оперативных группировок Министерства обороны СССР, других министерств и ведомств, раскрываются усилия государственных органов при выполнении ком-

рядок и организовать работы в соответствии с «Планом...»

Нач. смены АЭС тов. Б.В. Рогожкин сообщил, что не нашли 3-х человек (2-х операторов центрального зала и оператора ГЦН). Взяв прибор ДРГ-3 (других приборов на щите не оказалось), я пошел искать этих людей. Прибор показал зашкал (более 1000 мкр/с). В помещении ГЦН были разрушения, отметка +12 провалена, у входа с северной стороны.

При попытке попасть в центральный зал попал под поток контурной воды и вернулся на щит, чтобы переодеться. На щите не оказалось в аварийных комплектах сапог. Пришлось находиться в них до 24.00, что привело к несчастному случаю — острый лучевой ожог (акт Н-1 № 165 от 03.07.1986 г.). Начальник смены АЭС сообщил, что операторы ЦЗ нашлись. В 5.09 позвонил нач. ОТ и ТБ тов. В.Г. Каплун, сказал, что работает штаб ГО и чтобы я занялся в помощь нач. смены ОТ и ТБ выгородкой грязной зоны.

В 5.40 на щите появился главный инженер ЧАЭС г. Н.М. Фомин. Было ему доложено, что обстановка тяжелая, приборы зашкаливают, мощность доз непредсказуемы и по воздействию персонал может получить большие дозы. Необходимо эвакуировать персонал блока. На это он ничего не ответил и ушел на БЩУ-4. Далее я выполнял указания штаба по выводу персонала из блока. Приходилось гнать из зоны. Все ссылались на то, что они выполняют задание главного инженера (Чугунов, Коваленко, Орлов, Клименко, Юдин и другие). Необходимое количество знаков для выгородки отсутствовало. Поэтому проводил организацию ограждений с помощью веревок и самодельных предупреждающих плакатов. До 1 мая провел на блоке 489 часов. 26 и 27 апреля по 21 часу.

Выполнял различные задания штаба ГО. Во время дежурства на блоке нач. отдела ОТ и ТБ г. В.П. Каплун трижды не выходил на смену и один раз выходил в нетрезвом виде. Об этом было доло-

жено тов. Н.М. Фомину, секретарю парткома тов. С.К. Парашину и секретарю парторганизации г. Л.П. Воробьеву. Во время дежурства тов. В.П. Каплуна исчез журнал ответственного дежурного ОТ и ТБ, пришлось заводить новый.

Со 2 мая по указанию медиков я был отправлен в п/л Иловница в г. Чернобыле, где проработал до 16.06.86, с 16.06.86 по 3.07.86 был госпитализирован по лучевой травме. С 26 апреля 1986 г. по 16 июня 1986 г. работал без выходных дней.

Считаю, что в первые дни катастрофы не проявил партийной принципиальности в том, чтобы настоять на категорическом запрещении доступа персонала на 4-й блок и отмене распоряжения главного инженера, а также в постановке вопроса о начальнике отдела, как должностном лице, деморализующем коллектив отдела. Готов получить любое партийное взыскание. Единственное, прошу партийную комиссию оставить меня в рядах коммунистической партии.

7 сентября 1986 года.

Красножен

В Припятский горком
компартии Украины

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Отвечаю на вопросы в порядке их постановки.

1. Кому доложено об аварии, время.

Доложено оперативному дежурному штаба ГО Киевской области лично мной в 2 часа 40 минут. До ВПО Союзатомэнерго дозвониться не смог. Со штаба ГО г. Припять мне позвонил сам начальник штаба ГО, раньше, чем я ему.

Оповещение руководящего состава ЧАЭС и служб ГО осуществлялось по команде директора дежурной телефонисткой в соответствии с ранее составленным списком.

2. Оповещение командиров форми-

Глава 1

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА

КАК ЭТО БЫЛО

А.А. ДЬЯЧЕНКО

Чернобыльская АЭС расположена в Белорусско-Украинском Полесье, в 18 км от районного центра Чернобыля, в 150 км на северо-запад от Киева и в 310 км на юго-восток от Минска. В 4 км от АЭС построен город атомщиков. Его назвали Припятью по имени реки, соединяющей белорусское и украинское Полесье и несущей свои воды в Днепр.

Начальные страницы трудовой летописи Припяти написаны 4 февраля 1970 года, когда был забит строителями первый колышек, и вынут первый ковш земли. Средний возраст жителей города в 1986 году составлял двадцать шесть лет. Ежегодно здесь рождалось более тысячи детей. Только в Припяти можно было увидеть парад колясок, когда вечерами мамы и папы гуляли со своими малышами...

Припять уверенно шагала в будущее. Ее промышленные предприятия продолжали наращивать производственные мощности. В ближайшие годы планировалась постройка энергетического тех-

никума и еще одной средней школы, Дворца пионеров, молодежного клуба, торгового центра, крытого рынка, гостиницы, новых зданий авто- и железнодорожного вокзалов, стоматологической поликлиники, кинотеатра с двумя кинозалами, магазина «Детский мир», универсама и других объектов. По генеральному плану в Припяти предполагалось иметь до восьмидесяти тысяч жителей. Вот так люди жили, вот такие были планы. Общая численность населения в 30 км зоне вокруг АЭС была свыше 100 тыс. человек (средняя плотность населения — 70 чел./кв. км). Около 50 тыс. проживало в г. Припяти, более 12 тыс. в г. Чернобыле. Обслуживающий персонал АЭС насчитывал около 6,5 тыс. человек. Сеть дорог слаборазвита (7 км дорог на 10 кв. км площади района). К г. Припяти подходили дороги с трех направлений.

Проектное задание на строительство первой очереди АЭС электрической мощностью 2000 МВт разрабатывалось Уральским отделением института «Теплоэлектропроект» и институтом «Гидропроект» Минэнерго СССР, назначенным генеральным проектировщиком.

ДЬЯЧЕНКО А.А. — д.и.н., полковник в отставке, участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (1986—1987), член Союза писателей России, действительный член АВН МО.

А.А. Дьяченко

Проект реакторного отделения и радиационно-опасных вспомогательных сооружений выполнил Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт энергетических технологий (ВНИПИЭТ) Минсредмаша СССР.

Технический проект 2 очереди АЭС (мощность 2 тыс. МВт) также разрабатывался Институтом «Гидропроект».

В основу проекта ЧАЭС была положена одноконтурная технологическая схема блочного типа: реактор (РБМК — 1000) — две турбины (К-500) — два турбогенератора (ТТВ-500) электрической мощностью 500 МВт каждый.

Водоснабжение АЭС — за счет р. Припять из наливного пруда — охладителя площадью 21,4 кв.км с замкнутой системой водоснабжения.

Строительство ЧАЭС осуществлялось трестом «Южатомэнергострой» Минэнерго СССР (генеральный подрядчик).

Научным руководителем РБМК-1000 был утвержден Институт атомной энергии им. Курчатова (ИАЭ), а главным конструктором — Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ) Минсредмаша СССР.

Строительство АЭС велось в три оче-

реди. Каждая по два энергоблока, имевшие общие системы спец водоочистки и вспомогательные сооружения (хранилища жидких и твердых радиоактивных отходов, распределительные устройства, газовое хозяйство, резервные дизель-генераторные электростанции, гидротехнические и другие сооружения). К 1986 г. в эксплуатации находились 4 энергоблока первой и второй очереди. В 1,5 км к юго-востоку от главного корпуса велось строительство двух энергоблоков третьей очереди.

Первый энергоблок вступил в строй 27 сентября 1977 г. Второй энергоблок был выведен на заданную мощность 1000 МВт 28 мая 1979 года. На третьем энергоблоке проектная мощность была достигнута 9 июня 1983 года. 31 декабря 1983 года дал первую электроэнергию 4-й энергоблок.

Таким образом, перед аварией была достигнута проектная мощность ЧАЭС, составившая 4 млн. кВт.

Функционирование АЭС обеспечивалось 4 тысячами сотрудников. В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года на первой и второй очередях АЭС работало 176 специалистов (эксплуатационники, ремонтники и др.).

На 24 января 1978 года станция выработала первый миллиард киловатт-часов электроэнергии, на 22 апреля 1979 года — первые 10 млрд. кВт час. 3-й и 4-й энергоблоки — второе поколение атомных станций этого типа и, в отличие от 1-го и 2-го энергоблоков, они располагались не отдельно, а в одном здании, т.е. разделялись друг от друга только внутренними стенами и служебными помещениями. 5-й и 6-й энергоблоки планировалось ввести в 1986 и 1988 годах соответственно.

Реактор РБМК-1000 — это гетерогенный каналный реактор на тепловых нейтронах. В качестве замедлителя используется графит, а теплоноситель — вода. В реакторе нет прочного корпуса, свойственного реакторам типа ВВЭР (водяной энергетический реактор). Кон-

струкция реактора позволяет перегрузку ядерного топлива без остановки (увеличивается коэффициент использования мощности).

Реактор размещается в наземной бетонной шахте размером 21,6x21,6 и 25,6 м, которая является средством биологической защиты. Графитовая кладка заключена в цилиндрический корпус толщиной 30 мм. Реактор опирается на бетонное основание, под которым располагается бассейн-барботер системы локализации аварии.

В качестве ядерного топлива используется слабо обогатенная по урану-235 двуокись урана. Стационарная загрузка топлива в один реактор составляет свыше 190 тонн. Каждая тонна ядерного топлива содержит примерно 20 кг ядерного горючего (урана-235). Ядерное топливо загружается в реактор в виде тугоплавких таблеток, помещенных в трубах из циркониевого сплава — ТВЭЛак.

ТВЭЛы размещаются в активной зоне в виде тепловыделяющих сборок (ТВС), объединяющих по 18 ТВЭЛов. Эти сборки (около 1700 штук) помещаются в специальные вертикальные технологические каналы в графитовой кладке. По этим же каналам циркулирует теплоноситель (вода), которая в результате теплового воздействия от происходящей в реакторе цепной реакции доводится до кипения. Пар через специальные коммуникации подается на турбину, которая вырабатывает электрическую энергию. По мере выгорания топлива кассеты с ТВЭЛами заменяются в ходе работы реактора без понижения его мощности.

К моменту аварии активная зона реактора 4-го энергоблока содержала 1659 кассет с ТВЭЛами. Общая активность приближалась к предельной величине и составляла 1500 МКв. Радиоактивные продукты деления реактора имели период полураспада от 2,35 суток (нептуний — 239) и свыше 27000 лет (плутоний — 239).

Кругооборот воды в реакторе осуществлялся шестью работающими и двумя резервными главными циркуляционными насосами (ГЦН). В цилиндре активной зоны имелись сквозные отверстия (трубы), в которых размещались 211 стержней регулирования из бористой стали или карбида бора, поглощающих нейтроны, а также регулирующих изменение скорости нейтронного потока. По мере извлечения стержней из активной зоны (поднятия вверх) начиналась цепная реакция и нарастание мощности реактора (чем выше извлечены стержни, тем больше мощность). Однако в любом случае количество опущенных в активную зону стержней должно быть не менее 28-30 (после Чернобыльской аварии установлено, что в нижнем положении должно находиться не менее 70 стержней) для того, чтобы способность реактора к разгону не превысила возможность поглощающих стержней при необходимости заглушить реактор. Эти 28—30 стержней (в настоящее время — 70) составляли так называемый оперативный запас реактивности. В момент аварии в крайнем верхнем положении находилось 205 стержней (по свидетельству старшего инженера управления реактором — 193), т.е. внизу оставалось только 6 стержней (или 18), что явилось грубейшим нарушением регламента эксплуатации.

Реактор имел также противоаварийные системы. Прежде всего, это система управления и защиты реактора (СУЗ). Она обеспечивала пуск, автоматическое и ручное регулирование мощности, плановую и аварийную остановку реактора. Аварийная остановка осуществлялась по сигналам аварийной защиты (АЗ) или нажатием специальной кнопки.

Аварийная защита должна срабатывать при превышении заданных уровней и скорости нарастания нейтронного потока, при отказах в работе оборудования, а также при превышении значений технологических параметров. По сигналу АЗ в активную зону автоматически

должны быть введены стержни СУЗ, чтобы заглушить реактор.

В случае разрыва труб контура многократной принудительной циркуляции, по которому протекает теплоноситель, должна включаться система аварийного охлаждения реактора (САОР) и в течение 45 секунд подавать воду из гидрорезервуаров в технологические каналы до постоянной подачи воды от специальных насосов.

В ходе регламентных работ на 4 ЭБ АЭС 26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты по местному времени произошел взрыв реактора.

Два последовательных взрыва сместили 1000-тонную плиту перекрытия. Была разрушена активная зона реактора. Радиоактивные материалы (газы, пыль, твердые остатки) были выброшены из реактора и разнесены воздушными массами.

По разным оценкам в окружающую среду было выброшено 3—4% радиоактивных веществ (оптимистическая оценка Госкомитета СССР по атомной энергии и представленная в МАГАТЭ). По другим данным [1.1] выброс составил

около 8—10% от общего количества радиоактивных веществ.

Эта катастрофа произошла при проведении проектных испытаний системы обеспечения безопасности (СОБ) реактора 4 энергоблока перед постановкой его на плановые ремонтные работы.

Известно, что СОБ предусмотрена для использования механической энергии вращения турбогенераторов для выработки электроэнергии в случае полной потери энергоснабжения АЭС и одновременно произошедшей максимальной проектной аварии (разрыв трубопровода ДУ-900 контура реактора).

В этом случае не обеспечивается подача воды системой аварийного охлаждения реактора (САОР), что приведет к перегреву и плавлению ядерного топлива.

Необходимо отметить, что проектные испытания системы СОБ при принятии в эксплуатацию 4 ЭБ не были проведены, так же, как и на других ЭБ ЧАЭС. Более того, ни на одной АЭС страны с реакторами РМБК-1000 такие испытания не проводились.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Одной из первых частных причин, приведших к катастрофе при проведении данных испытаний, было отнесение их к чисто электрическим, а не к комплексным, что потребовало бы при разработке программы испытаний согласования с Генеральным проектировщиком, Главным конструктором, научным руководителем и Госатомнадзором СССР.

«...испытания должны были проводиться в режиме пониженной мощности, для которой характерны повышенный, относительно номинального, расход теплоносителя через реактор, незначительный недогрев теплоносителя до температуры кипения на входе в активную зону и минимальное паросодержа-

ние. Эти факторы оказали прямое влияние на масштаб аварии» [1.2].

В данной работе не ставятся задачи подробного анализа проведения испытаний на четвертом ЭБ ЧАЭС. Будут представлены только основные фрагменты, фиксирующие нарушения нормативных документов, инструкций, что, в конечном счете, привело к катастрофе.

В документах МАГАТЭ так характеризуется сложившаяся ситуация: «предлагалось проверить способность турбогенератора во время полного отключения электроснабжения станции подавать энергию в аварийных условиях... Неверно составленная программа испытания с точки зрения безопасности и грубые

нарушения основных правил эксплуатации привели... к аварии».

Итак, 25 апреля 1986 года в 01 час 06 минут персонал 4-го ЭБ приступил к снижению мощности до 700 МВт. В 3 часа 47 минут тепловая мощность реактора снижена на 50% (1600 МВт).

В 7 часов 10 минут оперативный запас реактивности (ОЗР) был равен 13,2 стержня (минимально допустимое — 15 стержней).

Минимальный ОЗР — условие поддержания энерговыделения, а не предел безопасности.

В 14 часов 00 минут система аварийного охлаждения реактора отключена от контура циркуляции (охлаждать реактор уже невозможно в случае аварии). Начата подготовка ЭБ к проведению испытаний. В это время диспетчер Киевэнерго потребовал отсрочки выполнения программы испытаний (это уже грубейшее нарушение: диспетчер не имел права распоряжаться реактором в ходе испытаний, а персонал ЭБ не обязан был выполнять такие вводные, не предусмотренные программой). Блок продолжал работать на мощности 1600 МВт, и должен был — на 700 МВт. Это первое отклонение от программы испытаний.

В 23 часа 10 минут снижение мощности ЭБ продолжено.

26 апреля 00 часов 05 минут. Тепловая мощность реактора снижена до 720 МВт. Происходит смена оперативного персонала 4 ЭБ.

01 час 23 минуты 4 секунды. Начало испытаний. Начался выбег четырех ГЦН.

01 час 23 минуты 10 секунд. Нажата кнопка МПА (максимальная проектная авария), специально смонтированная для имитации сигнала МПА и выдачи его на схему запуска резервного дизельгенератора.

01 час 23 минуты 40 секунд. Нажата кнопка АЗ-5 аварийной защиты реактора. Стержни аварийной защиты начали двигаться в активную зону. Но так как за 1 минуту до аварии ОЗР снизился до 7 стержней, то это привело при нажатии

кнопки АЗ-5 к проявлению эффекта положительного выбега, т.е. к росту мощности реактора. Через 5 секунд реактор взорвался. (Почему решение о включении аварийной защиты было принято именно в этот момент, установить не удалось).

Конструктивный недостаток реактора, приведший к положительному выбегу, был обнаружен еще в 1973 году. Он был недостаточно изучен, и ему не придали значения, т.к. он оказывал существенное влияние только при одновременном погружении из крайнего верхнего положения большого количества стержней, что произошло при катастрофе на ЧАЭС [1.2].

Иностранцами специалистами в реакторах РБМК-1000 были выделены следующие основные недостатки [1.6]:

- «неверная конструкция стержней, что может привести к кратковременному увеличению реактивности при нажатии аварийной кнопки;

- возможность удаления из активной зоны практически всех стержней;

- медленное движение стержней вниз при аварийной остановке;

- положительный коэффициент паровой реактивности;

- возможность потери охладителя».

Выяснение истинных причин катастрофы необходимо было в первую очередь для того, чтобы предотвратить возможные аналогичные инциденты на других АЭС.

Уже на первом заседании ОГ Политбюро было заслушано сообщение о предполагаемых причинах аварии на ЧАЭС, и академику А.П. Александрову с привлечением Минэнерго, Минсредмаша, Госатомэнергонадзора, ученых и специалистов было поручено продолжить работы по выявлению причины аварии.

Не случайно и созданная ПК предназначалась в момент ее образования, прежде всего, для решения типовой задачи: расследование причин аварии и, конечно, выявление виновных.

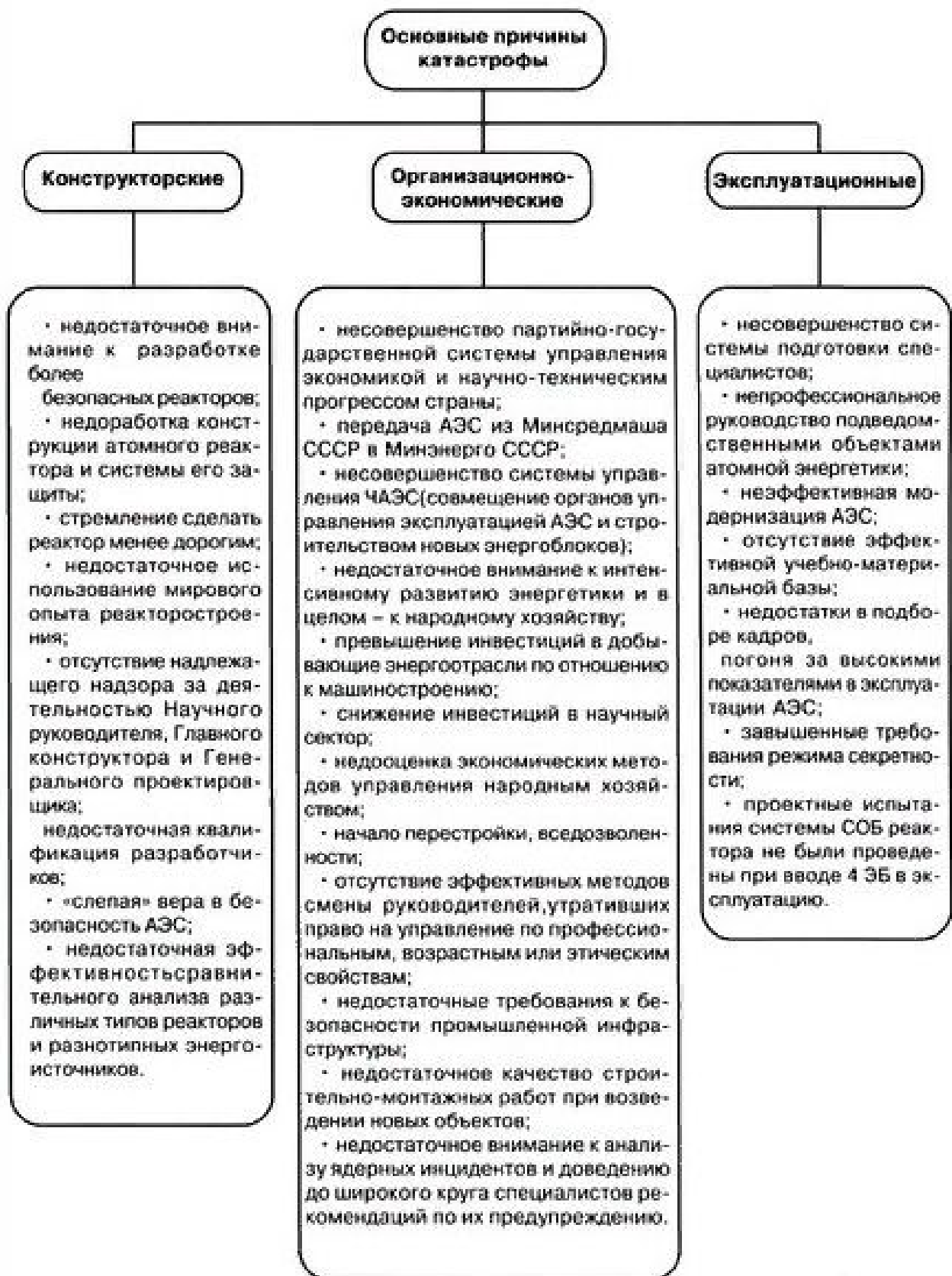

Рис. 1.1. Основные причины катастрофы

Но на месте, в Чернобыле, все оказалось сложнее. Комиссия в своей работе столкнулась с невиданными размерами катастрофы, причем, готовых «рецептов» ее ликвидации еще не было в мировой практике.

Несмотря на это, среди основных вопросов, подлежащих первоочередному решению ПК, было: выявление причин катастрофы и разработка мер по недопущению подобных явлений в будущем.

Как уже известно, для этой цели в составе ПК была создана специальная группа. Возглавил работу Первый заместитель министра МСМ А.Г. Мешков.

Начиная анализ причин катастрофы, необходимо отметить, что они были многоуровневыми, т.е. катастрофа произошла не только по вине оперативного персонала АЭС и конструкторов реактора. В этом были повинны многие звенья сложной системы разработки, производства реакторов, приемки готовой продукции (ввода в строй), эксплуатации АЭС, в том числе и подготовки кадров, и др. Причем, чем выше звено в иерархической организационно-технической системе, тем более значителен урон и последствия от непродуманности и ошибок работников этих звеньев.

Классификация основных причин представлена на рис. 1.1.

Одной из причин взрыва реактора в первые дни называлась кавитация в Главных циркуляционных насосах (ГЦН) реактора, которая происходит при увеличенном расходе воды через реактор и малой его мощности.

В поддержку «кавитационной» версии выступал главный конструктор реактора РБМК-1000 академик РАН Н.А. Доллежал [1.4]:

«Основные версии причин, вызвавших аварию 26-го апреля 1986 года, в основном, базируются на неожиданности нейтронно-физических процессов, возникших в реакторе. Развившаяся при этом энергия привела к разрушению реактора и выбросу в атмосферу радио-

активных элементов и части конструкции реактора. Основательно ли такое утверждение? Можно ли считать виновниками аварии только нейтроны?

Наиболее распространенной математической моделью аварии на 4-м блоке ЧАЭС является версия, исходящая из того, что в активной зоне реактора в какой-то момент, несмотря на очень глубокую отравленность ее ксеноном, возникла надкритичность, вызвавшая мгновенный всплеск нейтронов очень высокой мощности, и взрыв газов, возникших вследствие протекавших при этом химических и физических реакций, разрушивших реактор. Непосредственным поводом, вызвавшим это событие, считается неудовлетворительная работа поглощающих стержней системы аварийной защиты реактора, не выполнивших главного своего назначения — прекращения реакции деления.

Немалое число предположений и допущений, принятых в аналитических моделях, побуждает ученых-специалистов отыскивать новые, еще не обнаруженные причины аварии. Становится понятным, что ее нужно видеть не только в активной зоне реактора, но во всем комплексе блока, т.е. в реакторе совместно с контуром многократной циркуляции теплоносителя.

В одноконтурных ядерно-энергетических установках, к числу которых относится и РБМК-1000, характерной является взаимосвязь физических процессов, протекающих в активной зоне реактора, и теплофизических процессов, протекающих в контуре теплоносителя. В свете этого нельзя не рассмотреть вопрос о возможном «вкладе» в аварию кавитационных процессов».

И далее ...

«Конечно, считать кавитацию единственной «виновницей» аварии нельзя. Она, вероятнее всего, вызвала лишь начало разрушения системы, которую часто называют «баланс-мощность-теплоотвод».

Несомненно, и то, что одновременно

шел какой-то нейтронно-физический процесс, который, в частности, сохранил нерасплавленными кристаллы двуокиси урана, предоставив им возможность быть вынесенными на большую территорию.

Изложенная «кавитационная» версия аварии показывает, что ни на принципиальность схемы реактора РБМК-1000, ни на ее исполнение, возлагать вину нет оснований. На вопрос, можно ли было предвидеть или предотвратить кавитацию, следует ответить: да, можно было сделать и то, и другое, так как кроме осуществления соответствующих решений в контуре многократной циркуляции теплоносителя был запрет на работу восемью главными циркуляционными насосами одновременно, а в систему управления введена автоматическая защита реактора от превышения давления пара и понижения уровня воды в барабанах-сепараторах. К сожалению, эта защита была заблокирована (отключена) еще до начала испытания со свободным выбегом генератора, т.е. до отключения второй турбины.

Здесь можно повторить уже сказанное выше: если бы можно было создать такую компьютерную подсистему, которая контролировала бы, корректировала и в необходимых случаях отменяла ошибочные или неправильные действия оператора, то аварии 26 апреля 1986 года не было бы».

«Кавитационная» версия была принята как одна из возможных причин. Исходя из этого, с целью повышения безопасности на АЭС с реакторами РБМК была запрещена работа с восемью ГНЦ на тепловой мощности менее 700 МВт.

Но непосредственной причиной, являющейся официальной версией на первом этапе работы комиссии был, конечно, человеческий фактор (ошибки персонала 4 ЭБ в ходе испытаний).

Научно-технический прогресс в основных развитых странах, как принято говорить, семимильными шагами осуществляет вековую мечту человечества:

переложить самые «тяжелые» функции на плечи машин. В подтверждение этому достигнутые результаты в различных отраслях промышленности: многотонные средства перевозки грузов, могучие краны, землероечные машины и др. Но этого оказалось недостаточно. В новейших отраслях промышленности, в том числе и в ядерной энергетике, в полный рост встал вопрос о необходимости замены, а может, и подстраховки человека в тех процессах, где он уже не сможет осуществлять адекватные действия по ходу сложнейших и быстропротекающих процессов. Наглядный пример — взрыв 4 ЭБ. Поэтому закономерно разделение функций в промышленных процессах между оператором и машиной.

Именно отсутствие необходимых «страховочных» устройств на АЭС и позволило, допустило многократные нарушения регламента, вытекающие из-за незнания процессов, протекающих в реакторе операторами.

Уместно напомнить об утверждении академика Н.А. Доллежаля о том, что никакие высокочувствительные контрольно-предупредительные средства автоматизации не заменят высококвалифицированных кадров.

В подтверждение этому приведем высказывание академика А.П. Александрова, Президента АН СССР (1975—1986 г.г.) о программе испытаний на ЧАЭС, об эксперименте, приведшем к взрыву реактора. На вопрос о том, знал ли он о готовящемся эксперименте, он ответил [1.5.]: «В том-то и трагедия, что не знал. Никто вообще в нашем институте не знал о готовившемся опыте и не участвовал в его подготовке. И конструктор реактора, стоящего на Чернобыльской АЭС, академик Н.А. Доллежаль тоже ничего об этом не знал. Когда я потом читал расписание эксперимента, то был в ужасе. Множество действий по этому расписанию привело реактор в нерегламентное состояние. Не буду вдаваться в технические подробности, ска-

жу только, что эксперимент был связан со снятием избыточного тепла. Когда реактор остановлен, турбогенератор по инерции крутится и дает ток, который можно использовать для нужд станции.

Спрашивают также, кто разрабатывал опыт.

Руководство АЭС поручило подготовить проект эксперимента Донтехэнерго — организации, которая не имела дела с АЭС. Дилетанты могут руководствоваться самыми добрыми намерениями, но они вызовут грандиозную катастрофу — так и произошло в Чернобыле.

Директор станции, не привлекая даже заместителя главного инженера своей АЭС, физика, разбирающегося в сути дела, заключил договор с Донтехэнерго о проведении работ. Регламент эксперимента был составлен и послан на консультацию и апробацию в институт «Гидропроект» имени Жука. Сотрудники института, имеющие некоторый опыт работы с атомными станциями, не одобрили проект и отказались его визировать.

Я часто теперь думаю: хоть бы «Гидропроект» поставил кого-либо из нас в известность! Но его сотрудники не могли даже предположить, что на станции все-таки решатся проводить эксперимент.

В нашем бывшем министерстве, Минсредмаше, об эксперименте тоже не знали: ведь Чернобыльская АЭС была передана Минэнерго. Может быть, это и было первой ошибкой...

По-всякому можно относиться и к бывшему Минсредмашу, попрекать его отсутствием гласности, излишней секретностью, но там были профессионалы и по-военному дисциплинированные люди, четко соблюдающие инструкции, что в нашем деле чрезвычайно важно.

Существует инструкция, которую обязан соблюдать персонал любой АЭС. Это технический регламент, гарантия ее безопасности. Так вот, в самом начале нового, ошибочного регламента Донтехэнерго записано: «Выключить систему

аварийного охлаждения реактора — САОР». А ведь именно она включает аварийное охлаждение реактора. Мало того, были закрыты все вентили, чтобы оказалось невозможным включить эту систему. Ясно, что никто не имел права работать по «самодельному», а не по утвержденному регламенту.

Двенадцать раз эксперимент нарушал действующую инструкцию по эксплуатации АЭС. Одиннадцать часов АЭС работала с отключенной САОР!

Можно сказать, что изъяны существуют в самой конструкции реактора. Однако причина аварии, все-таки, — непродуманный эксперимент, грубое нарушение инструкции эксплуатации АЭС. Реакторы такого типа стоят и на Ленинградской, и на Курской АЭС — всего пятнадцать штук. Почему же авария произошла в Чернобыле, а не в Ленинграде, например?

Повторяю, недостатки у реактора есть. Он создавался академиком Доллежалем давно, с учетом знаний того времени. Сейчас эти недостатки уменьшены, компенсированы. Дело не в конструкции. Вы ведете машину, поворачиваете руль не в ту сторону — авария! Мотор виноват? Или конструктор машины? Каждый ответит: «Виноват неквалифицированный водитель».

...Хочу повторить в назидание потомкам следующее.

Атомная энергетика — стимул для развития промышленности вообще. Нельзя сейчас закрыть ее на 15-20 лет, как предлагают некоторые. Это значило бы окончательно растерять специалистов, а потом повторить весь путь заново. И так наши специалисты под давлением общественного мнения разбегаются кто куда. Нужно продолжить и существенно совершенствовать работы по АЭС.

Меня очень тревожит гонение на атомную энергетiku, которое началось в стране. Не может целая отрасль науки и промышленности быть подвергнута ostrакизму. В этом отношении уже есть отри-

цательный опыт с генетикой и кибернетикой. Я по-прежнему убежден в необходимости развития для страны атомной энергетики. Убежден, что при правильном подходе к ней, при соблюдении всех правил эксплуатации она безопаснее, экономически надежнее тепловых станций, загрязняющих атмосферу, гидроэлектростанций, уродующих реки.

Когда пускали атомные электростанции, я часто брал туда с собой детей, потом внуков. Помню, и на испытания атомохода «Ленин» приехал с младшим сыном, школьником. Пуск любого нового блока АЭС обязан проявить все его недостатки. Пуск четвертого блока Чернобыльской АЭС в 1984 году также проявил недостатки, и были приняты меры к их устранению, но полностью эта работа закончена не была. Именно поэтому так называемый оперативный запас реактивности был гораздо ниже нормы, когда реактор нужно было — и полагалось — остановить. И аварии не было бы!

Безопасность работы — единственный критерий существования АЭС. Выполнить его можно, лишь учитывая уже имеющийся опыт работы. Зачем же разрушать отрасль промышленности, где работали ученые, инженеры, конструкторы, которые, все-таки, чего-то стоили? Ведь все равно не обойтись без атомной энергетики, и новому поколению неизбежно придется к этому возвращаться и начинать все с нуля».

Ряд видных ученых (Л.А. Ильин, А.И. Воробьев и др.), бывшие государственные деятели (В.Ф. Скляр и др.) утверждают, что одна из основных причин катастрофы в неэффективности функционирования высших звеньев управления государством определяется общественно-политическим и экономико-социальным содержанием системы, господствующей в нашей стране более семи десятилетий, т.е. считается, что система социализма не эффективна и не имеет будущего.

Необходимо отметить, что такие популистские заявления в настоящее время

отдельных ученых, государственных деятелей не имеют под собой объективной базы, фундамента. Они голословны.

Для этого достаточно вспомнить основные вехи успешного развития нашей страны (индустриализация, Великая Отечественная война (ВОВ), восстановление разрушенного народного хозяйства после ВОВ и др.)

Но, к сожалению, система не имела таких свойств, которые бы противодействовали проходимцам, карьеристам, льстецам и др. «деятелям», направлявшим свои основные усилия не на совершенствование системы, улучшение жизненного уровня населения и его духовного роста, а на формирование своей личной карьеры, обогащение и др.

Одной из причин чернобыльской катастрофы послужила передача АЭС из Минсредмаша СССР в состав Минэнерго СССР. В созданный в Минсредмаше Межведомственный научно-технический совет по атомным электростанциям входили ведущие руководители и специалисты атомной энергетики и смежных отраслей. Возглавлял Совет академик АН СССР А.П. Александров. «...и ни в одном из решений этого совета не фигурировали слова, позволяющие хотя бы усомниться в безопасности реактора типа РБМК» (мон. Москва -Чернобылю, стр.47). Реактор гордо именовался реактором «Русского типа». Это обусловило его превалирующее применение при строительстве новых АЭС.

Кроме того, в середине 60-х годов эксплуатация АЭС была поручена Минэнерго СССР, не имеющего научно-технических сил и средств по эксплуатации АЭС. Только в середине 70-х годов было принято решение о формировании Всесоюзного научно-исследовательского института по эксплуатации АЭС.

Как уже изложено, в выводах о причинах катастрофы на ЧАЭС, предоставленных на совещании экспертов МАГАТЭ, основная вина была возложена на персонал АЭС.

Результаты дальнейших исследова-

ний причин катастрофы были изложены в акте комиссии Госатомнадзора в 1990 году.

Основные из них следующие [1.6.]:

- Возможные причины, включающие в себя взрыв водорода, разрыв коммуникаций, эффекты кавитации и даже диверсионный акт противоречат объективным данным;

- Чрезвычайно низкий уровень разработок по обоснованию нейтронно-физических процессов, происходящих в активной зоне реакторов РБМК;

- Передача главному конструктору неверных методик расчета нейтронно-физических процессов;

- Из-за ошибочно выбранных разработчиками РБМК параметров активной зоны он представлял собой динамически неустойчивую систему;

- Причины катастрофы скрыты не в программе как таковой, а в незнании разработчиками программы особенностей поведения реактора в предстоящем режиме работы.

Главный вывод, сделанный комиссией: катастрофа и её последствия обусловлены не действиями обслуживающего персонала, а непониманием, прежде всего со стороны Научного руководителя, влияния паросодержания на реактивность активной зоны РБМК.

Итак, кто же сделал эту катастрофу возможной? Наши соотечественники! Их можно разделить (конечно, условно) на три группы.

Первая — это те, «кто заказывал музыку».

Вторая — кто проектировал и готовил станцию к работе.

Третья — работники АЭС.

Чернобыльская катастрофа и руководители

О первых в то время не принято было говорить. Это те, кто определял пути и методы развития нашей страны и одновременно привел ее к сегодняшнему состоянию. Они не всегда прислушивались к разумным рекомендациям специалистов. Это они очень вежливо и

аккуратно вводили экономические ограничения на проект, ставили нереальные сроки для его реализации, поощряли «любителей» повышенных обязательств и др.

И здесь уместно предоставить слово Г.А. Каурову, начальнику управления Минатома РФ, который еще в 1991 году отмечал [1.7.]:

«Обсуждая причины катастрофы с человеком, долго работавшим директором Курской АЭС — В.К. Горелихиным, на вопрос, почему катастрофа не произошла на его АЭС, ведь на ней эксплуатируются реакторы РБМК, он ответил, что в безопасной эксплуатации своих энергоблоков он не сомневался. «Я знал, что мои ребята (оперативный персонал) строго выполняют требования эксплуатационной документации и в случае неясной, нестандартной ситуации, без сомнения, остановят энергоблок». Но ведь каждый внеплановый останов приводит к снижению выработки энергии, грозит невыполнением плана и неприятностями, прежде всего, директору. Но В.К. Горелихин никогда не ставил такие остановки в вину персоналу, а принимал грозы начальства на себя. Поэтому сам директор и коллектив Курской АЭС работали надежно, но не заслуживали особых благодарностей и наград. Из обсуждений этого вопроса с руководством ряда других АЭС следовало, что выполнение регламента являлось неукоснительным требованием к персоналу станций. Но, оказывается, не везде было так. Ведь продвижение по службе, получение различных социальных, материальных и других льгот было связано с выполнением заданий плана. Выполнение его величества плана любой ценой, в том числе за счет снижения качества и требований безопасности, стало раковой болезнью нашей промышленности. Метко написал в своей книге «Последнее предупреждение» Р. Гейл: «... в Москве не следует покупать холодильник или другую бытовую технику, сделанную в конце месяца, потому что фабрики в это

время гонят план в ущерб качеству продукции».

Любой ценой стремился перевыполнить плановые задания директор ЧАЭС В. Брюханов. Говорят, что к этому моменту на его небосклоне появился явно различимый блеск звезды Героя Социалистического Труда. Можно предположить, что поэтому на ЧАЭС регулярно, в ущерб качеству, в нарушение регламентирующих документов, и вызывая теплые чувства у высшего начальства, принимались обязательства по сокращению сроков различных ремонтов. Обязательства по досрочному выполнению планов, их перевыполнению, сдаче-приемке в эксплуатацию различных объектов к очередным юбилеям всячески поощрялись руководством и, в частности, министром В.Ф. Склярковым, а недоделки, отступления от регламентов и другие нарушения зачастую не замечались. Обязательства о досрочном завершении ремонта 4-го энергоблока было взято в апреле 1986 г. Можно предположить, что стремление любой ценой быть передовым заставило В. Брюханова, в нарушение всех положений и инструкций, задержать доклад о катастрофическом характере свершившейся аварии. Аналогично, с отступлением от правил и норм безопасности, действовал оперативный персонал ЧАЭС. От этого неопровержимого факта не уйти никаким все вновь и вновь создаваемым комиссиям, пытающимся оправдать действия персонала и объяснить аварию только конструктивными причинами реакторов РБМК.

Катастрофа обнаружила целый ряд негативных сторон в жизни общества. Необходимо остановиться на некоторых из них.

Обнаружилась недостаточная техническая грамотность населения, и особенно в области физики и биологии и, в частности, ядерной физики и радиобиологии. А мы живем в такое время, когда без элементарных знаний об атоме, о возможности получения во благо людей заключенной в нем энергии, излучениях,

их биологических свойств и степени опасности для человека, обойтись невозможно. Чернобыль показал, что такие знания являются повседневной необходимостью и должны реализоваться не только в лабораториях ученых или аудиториях ВУЗов и классах школ, а и при выращивании урожая или получении продуктов животноводства, при добыче полезных ископаемых, на производстве различных изделий, в быту и даже на рынке. Поразительно, но к грамотному восприятию сложившейся после Чернобыля обстановки оказались не готовы многие ученые, и не только гуманитарных профилей знаний, но и ведущие исследователи в области физики и других точных наук, а также медики, биологи и учителя. Еще более поражает то, что в роли советников и консультантов высших руководителей страны оказались люди, хотя и занимавшие высокие военные и государственные посты, но недостаточно представляющие, в чем различие «всяких там баров, кюри, радюв и беккерелей». Именно недостаточной общей грамотностью высших руководителей страны и подобранных ими советников и консультантов можно объяснить принятие целого ряда невыполнимых, безответственных решений. В качестве примера может служить постановка задачи по проведению в короткий срок (3-6 месяцев) дезактивации 30 км зоны, включая, г. Припять, и эвакуацию в нее к началу 1987 г. высланных из этой зоны жителей. Практическое решение этой задачи, справедливо воспринятое военными как приказ, потянуло за собой ввод в зону радиоактивного заражения многотысячного контингента войск. В мае 1986 г., в то время, когда не было понятно общее состояние ядерного топлива в зоне реактора, когда опасность еще одного мощного выброса радиоактивности из очага взрыва не была снята, в 5-6 км от разрушенного блока тысячи военнослужащих проводили бесцельную дезактивацию г. Припяти и близлежащих деревень.

А вот точка зрения (в экспертном заключении) объединенного комитета (Минск — Москва — Киев), работавшего в рамках Международного сообщества восстановления среды обитания и безопасного проживания человека «СЕН-МУВР» в 1-й части книги «Чернобыльская катастрофа: Причины и последствия».

Исследования Чернобыльской катастрофы и ее последствий показывают, что она не обусловлена какой-то одной, хотя бы и очень серьезной, причиной, а стала закономерным результатом достаточно сложной и длительной по времени причинно-следственной цепи событий. Поэтому ответ на вопрос об истоках Чернобыльской катастрофы лежит не только в плоскости непосредственных предпосылок катастрофы, прежде всего связанных напрямую с самой АЭС, но и в изучении процесса развития советской ядерной энергетики как составной части социально-экономического и научно-технического развития страны в целом. Именно в последнем, кроются глубинные, по существу дела и более отдаленные по времени, корни событий 1986 и последующих годов.

Факты свидетельствуют о том, что с самого начала формирование и развитие ядерной энергетики СССР не диктовалось социально-экономическими потребностями, а стимулировалось военно-политическими и идеологическими факторами. Как известно, исходным пунктом соответствующих НИОКР и промышленных разработок была задача создания атомной бомбы с целью найти противовес возрастающей угрозе ядерной войны и обеспечить оборонное могущество страны. Эта важнейшая и грандиозная задача была успешно решена в кратчайшие сроки — менее чем за шесть лет (с конца 1943 по август 1949 года, когда прошли первые испытания ядерного оружия). После завершения работ по созданию атомной бомбы активно осуществлялись НИОКР, связанные с совершенствованием ядерно-

го оружия и созданием атомного подводного флота. Для производства оружейного плутония был разработан и использован реактор канального типа, тогда как для потребностей флота — корпусного типа. Именно они в дальнейшем и предопределили формирование двух основных направлений технической политики СССР в области ядерной энергетики, основанных затем на РБМК и ВВЭР.

Таким образом, возникновение в начале 50-х годов гражданской ядерной энергетики в СССР представляло собой не что иное, как ответвление соответствующих работ в военной области, роль которого в общем объеме таких работ была крайне незначительной. Сооружение в 1954 году в Обнинске первой АЭС с электрической мощностью всего 5 МВт, не могло идти ни в какое сравнение с размахом испытаний ядерного и термоядерного оружия в те годы, хотя и знаменовало собой рождение новой энергетической подотрасли.

Такой «военный» генезис ядерной энергетики не является уникальным опытом СССР — аналогичным образом процесс шел и на Западе, прежде всего в США и Великобритании.

Не отрицая ни самой необходимости создания «ядерного щита» СССР в те далекие годы, когда жесткая конфронтация двух общественных систем вела к балансированию на грани войны, ни огромных заслуг советских ученых во главе с И.В. Курчатовым, а также конструкторов, рабочих, в предельно сжатые сроки выполнивших важнейшее государственное задание, необходимо все же подчеркнуть следующее. Вышеупомянутые и ряд других проблем развития ядерно-промышленного комплекса и его составляющей — ядерной энергетики в существенной мере определялись и в определенной мере продолжают обуславливаться спецификой военной сферы, в рамках которой происходило это развитие.

В первую очередь, речь идет о жес-

ткой и односторонней военно-политической ориентации соответствующей области научно-технической политики, в рамках которой преследовалась единственная цель — создание нового типа вооружений, и не учитывались в полной мере другие важнейшие вопросы, прежде всего, безопасности персонала, населения и окружающей среды. Решение этих вопросов всегда откладывалось на более поздние сроки, ими занимались как второстепенными, а финансирование соответствующих НИОКР осуществлялось по остаточному принципу. Указанное обстоятельство неизбежно ограничивало возможности использования богатого интеллектуального и инженерного потенциала, накопленного в данной области, в гражданской экономике, на благо всего общества в мирное время.

При этом примечателен тот факт, что, несмотря на высокие темпы пионерских разработок коллектива И.В. Курчатова и реальную подчиненность вопросам безопасности ядерных реакторов и всего производства в целом задачам создания атомной бомбы, в конце 40-х годов указанным вопросам все же уделялось внимание. Впоследствии, когда военно-политический цейтнот был существенно смягчен, и логично было бы ожидать значительного повышения внимания к вопросам безопасности персонала, населения и окружающей среды, этого на самом деле не произошло.

Более того, уже с конца 50-х годов наметилась тенденция к снижению значимости так называемого человеческого фактора в указанных вопросах, причем как персонала АЭС, так и разработчиков ядерно-энергетических систем. Так, существовавшая с 1939 г. действенная система экономического стимулирования персонала, основанная на учете стажа безаварийной работы энергетиков, в 1959 г. (т.е. вскоре после ввода в строй первой экспериментальной АЭС и на пороге коммерческого основания ядерной энергетики) была упразднена

под лозунгом «возросшей сознательности» работников. Были увеличены оклады, но сокращены премии, определяющиеся конечным результатом — отсутствием инцидентов.

В результате аварийность АЭС из-за ошибок персонала за год увеличилась тогда в два раза. В последующие два десятилетия (60-70-е годы) закономерно произошли негативные качественные изменения в кадровом корпусе эксплуатационников АЭС, резко возрос дефицит атомных операторов. Кстати, уже после Чернобыля, в 1988 г. Минатомэнерго СССР осуществило аналогичную акцию экономического дестимулирования безопасной работы АЭС, введя новую сетку должностных окладов, следствием, которого стало сокращение премий за безаварийную работу сменных дежурных — основной категории персонала, непосредственно обеспечивающих безопасность и надежность АЭС.

Что же касается ученых и конструкторов, то 60—70-е годы, когда число сооружаемых АЭС увеличивалось наиболее быстро, ознаменовались разрушительной кадровой и организационной политикой в отношении ведущих НИИ, которую проводили Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС (И.Д. Сербин) и некоторые областные комитеты партии. Как отмечал президент Ядерного общества СССР профессор В.В. Орлов, «монополизм, засилье рутины (при провозглашении самых амбициозных программ) привели к снижению научного уровня, а вслед за ним и общего уровня работ по ядерной энергетике в стране, к прогрессирующему ее научно-техническому отставанию».

Не менее красноречиво и свидетельство академика В.А. Легасова, который следующим образом характеризовал тот период развития ядерной энергетики в СССР: «Все большее количество ресурсов тратилось на создание объектов, не имеющих прямого отношения к атомной энергетике. Начали ослабевать научные организации, бывшие в стране

когда-то самыми мощными, стали терять уровень оснащённости современным оборудованием, начал стареть персонал, не очень приветствовались новые подходы... Выросло поколение инженеров, которые квалифицированно знали свою работу, но не критически относились к самым аппаратам, к системам, обеспечивающим их безопасность». Добавим к этому, что десятки лет, в том числе и после Чернобыля, отечественная ядерная энергетика располагала всего одним (!) тренажером, сданным в 1978 г. в эксплуатацию при Нововоронежской АЭС — следствие отношения к подготовке кадров, как к второстепенному делу.

На специфику управления НИОКР в военной сфере, отличающейся жесткой иерархией, субординацией и «заданностью» сравнительно узкой цели, обновлением систем вооружений, в условиях СССР накладывалась не менее жесткая структура партийно-государственного управления экономикой и НТП, включая ядерные разработки. В начале 80-х годов в ЦК КПСС был организован даже специальный сектор атомной энергетики. Однако сказанное, конечно, не означает, что во второй половине 40 — начале 50-х годов пороки упомянутой системы, включая ее военно-промышленную подсистему, не сказывались на формировании ядерной энергетики. Ранее уже отмечалось крайне слабое внимание к вопросам радиационной безопасности. Кроме того, следует подчеркнуть явное преобладание не только военно-политических, но и политико-идеологических приоритетов над социально-экономическими и экологическими.

Военные приоритеты развития ядерного комплекса в СССР закономерно в течение длительного времени оставались его единственным ориентиром и стимулом (политическим и финансовым) со всеми вытекающими последствиями, включая не только второстепенность вопросов безопасности и социально-экономической эффективности ядерных

установок, но и всеохватывающую секретность. Секретность начиналась с подбора и расстановки кадров и распространялась вплоть до доступа местного населения к информации о действии ионизирующего излучения на организм человека. Даже специалисты, работавшие внутри этой сверхсекретной системы, получали только ту информацию, которая была ограничена их узкой профессиональной ориентацией, либо должностным положением, не имея при этом важных данных по смежным вопросам.

Например, авария, аналогичная Чернобыльской по техническим характеристикам, произошла более чем за 10 лет до того на Ленинградской АЭС. Материалы по данному инциденту были известны руководству ЧАЭС, но до персонала не дошли, осев в первом отделе. Следует подчеркнуть, что такое положение дел имело место не только в области технических аспектов ядерных НИОКР, но и в тесно сопряженных с ними областях, таких, как радиационная медицина и радиобиология.

Негативные черты отчетливо прослеживаются и в предшествовавшие Чернобылю десятилетия. Это, в частности, подтверждает пример выбора базового реактора для советской ядерной энергетики. Как уже отмечалось, изначально, опираясь на опыт ядерно-промышленных разработок, базовыми моделями реакторов стали уран-графитовые и водо-водяные, причем специалистами последние полагались как основные, а первые — как дополнительные направления реакторостроения. Реакторы типа ВВЭР считались основой развития отрасли и западными разработчиками, прежде всего в США и Франции.

Другого мнения придерживались государственные и хозяйственные руководители ядерного комплекса, в первую очередь атомной промышленности, которая оказалась неспособной своевременно и качественно производить нужную машиностроительную продукцию

(корпуса, оборудование, парогенераторы и т.д. для ВВЭР). В то же время отечественной наукой была разработана технология производства графита ядерной чистоты с содержанием некоторых примесей в миллионные доли процента, необходимого для РБМК. В сложившейся ситуации научно обоснованный выбор наиболее безопасной — с учетом человеческого фактора (ошибки, просчеты в управлении и т.д.) и эффективной — с социально-экономической точки зрения модели реактора был прине-сен в жертву возможности производственной базы. Академик В.А. Легасов писал, что «когда нужно было не улучшать старое, а создавать новое (имея в виду урановый проект), принципиальное слово предоставлялось науке. И обратный пример, так трагически продемонстрировавший себя в Чернобыле. Когда наука стала вынужденно в своих предложениях исходить из возможностей производства, то это немедленно сказалось на падении уровня, достигнутого ранее, стали приниматься неоптимальные решения».

Выбор уран-графитового реактора в качестве более предпочтительного (хотя и не однозначно приоритетного, как иногда утверждается), помимо производственно-технологических мотивов, которые доминировали в технологически ориентированном сознании партийно-государственного аппарата, усилившего свои позиции в ядерном комплексе с 60-х годов, диктовался, видимо, не менее престижными политико-идеологическими соображениями, столь характерными для всех эшелонов этого аппарата. В данном типе реактора руководство ядерно-промышленным комплексом и ВПК видело возможность незамедлительного ответа на вызов, брошенный в середине того десятилетия США, объявивших об «экономическом прорыве» в области ядерной энергетики, переходе к крупным коммерческим АЭС. Такая возможность считалась гарантированной, исходя из значительного

опыта эксплуатации (1946–1958) и, главное, большой мощности уран-графитовых реакторов. В 60-е годы такие реакторы были установлены на Белоярской АЭС (1964 и 1967 гг.), а с 1973 г. (Ленинградская АЭС) началось внедрение РБМК-1000.

Многие отечественные специалисты-атомщики отмечают, что для одновременного использования нескольких типов реакторов, помимо основных РБМК и ВВЭР, с 60-х годов стали разрабатываться и применяться реакторы на быстрых нейтронах (БН-350, БН-600), реакторы малой мощности для удаленных районов Крайнего Севера и Сибири (АР-БУС): имелись определенные основания, связанные с возможной подстраховкой одного типа другим. В таких соображениях, несомненно, имеется логика.

Однако принципиальным является тот вопрос, что вряд ли кто всерьез сопоставлял эффективность дополнительных расходов на параллельную разработку и эксплуатацию разнотипных ядерных реакторов в СССР и возможного использования этих сумм на развитие иных энергоисточников, от традиционных ТЭС до гелиоустановок.

Сравнительный анализ эффективности различных типов оборудования, включая ядерные реакторы, уместен и должен проводиться еще на стадии опытно-промышленных испытаний (которые применительно к РБМК и ВВЭР практически закончились в 60-е годы), а не коммерческой эксплуатации. Наконец, РБМК среди самих реакторщиков уже длительное время считался далеко не лучшим, правда, в первую очередь, по экономическим (большому расходу топлива, капитальным затратам) и технологическим (неиндустриальная основа его сооружения) соображениям, заведомо проигрывая ВВЭР. Даже после событий в Чернобыле 1986 г., несмотря на принятые меры, прежде всего из-за недостатков конструкции реактора, АЭС с РБМК имеют немало отступлений от требований безопасности, что лишний

раз доказали пожары. За период 1987-1991 гг. только на ЧАЭС их произошло около 30. Главное же заключается в том, что в процессе оценки различные реакторы априори полагались равнозначно безопасными и надежными.

Собственно говоря, иного подхода трудно ожидать при экстенсивной стратегии хозяйственного развития, ориентированной на максимизацию валового продукта любой ценой, не считаясь с затратами и социальными проблемами, в том числе вопросами обеспечения безопасности в промышленности и энергетике, включая ядерную энергетику. Если в свое время указанные вопросы считались второстепенными по военно-политическим причинам, то со второй половины 60-х годов, особенно в 70-е годы — годы ускоренного наращивания ядерно-энергетических мощностей — они отодвинулись на задний план по политико-идеологическим мотивам. Ведь в противном случае отвлекались внимание и ресурсы от престижного процесса накачивания производственного и энергетического потенциала — главной стратегической цели экстенсивной, ресурсозатратной модели экономического роста, утвердившейся стараниями бюрократического партийно-государственного руководства страны того времени.

При этом логика рассуждений ответственных руководителей тогдашнего Госплана СССР и других правительственных ведомств была простой и прямолинейной: чем выше энерго- и электропотребление на душу населения, тем выше уровень жизни. Кстати говоря, рассуждения такого рода характерны и для некоторых ответственных работников энергетике и плановых органов и в более поздние времена. Данный подход основывается на международных сопоставлениях развитых государств мира, имеющих сходные между собой экономические структуры и сопоставимые уровни технологического развития. Однако СССР существенно отличается по

этим характеристикам от названных государств, следующих модели высокоинтенсивного развития, и потому указанная логика рассуждений и действий оказывается порочной. Если по душевому потреблению энергии СССР превосходил ФРГ или Японию, то по уровню жизни, как известно, значительно им уступал.

Таким образом, стратегия безудержного наращивания производства энергии, а, следовательно, и количества АЭС, без учета необходимой структурной перестройки экономики и связанной с нею стратегии энергоснабжения, оказалась и продолжает оставаться тупиковой по социально-экономическим критериям и повышает вероятность технологических катастроф (принимая во внимание рост числа источников риска) с точки зрения критерия безопасности.

Результатом упомянутой практики явилось резкое возрастание медико-экологического и социально-экономического риска, связанного с АЭС. Достаточно сказать, что подавляющее большинство атомных станций расположено либо на разломах, как, например, на Украине или в Татарии, либо на водоразделах, в частности Калининская АЭС, либо вдоль линии господствующих ветров.

Кроме того, существенно увеличилась и военно-стратегическая уязвимость прилегающих к АЭС территорий. В случае вооруженного конфликта или террористических акций, в результате которых АЭС могут быть преднамеренно разрушены, а это вполне вероятно, если иметь в виду, что в мире уже произошло около 50 терактов против АЭС, — их (территорий) население подверглось бы огромной опасности. Тем не менее, данное обстоятельство осталось в то время вне поля зрения или, по крайней мере, действия соответствующих государственных ведомств СССР и союзных республик. Более того, некоторые должностные лица, например, Главный санитарный врач СССР П.Н. Бурга-

сов в июне 1986 г. полностью оправдывал расположение АЭС близ многонаселенных центров. Наконец, сложившееся размещение АЭС влекло за собой и немалый негативный эколого-экономический эффект, так как водопотребление станций поглощало около трети годового стока рек, вблизи которых располагались европейские АЭС.

Помимо пороков в размещении АЭС, другим важным отрицательным следствием стратегии экономического развития СССР в 70-е годы для ядерной энергетики стал систематический срыв планов строительства новых станций. Как и народнохозяйственные планы в целом, они носили преимущественно политический характер, ориентировали на значительные затраты людских и материальных ресурсов, которые на самом деле весьма ограничены, во имя достижения высоких валовых показателей.

Закономерно, что и те и другие планы никогда не выполнялись в полном объеме, причем в ядерной энергетике это невыполнение особенно существенно в силу значительной инвестиционной емкости объектов.

Поскольку план считался законом, а его невыполнение приравнивалось к нарушению закона и вело к правовой, правда, как правило, административной ответственности, то министерства и ведомства, в том числе и Минэнерго СССР, не желая обременять себя ею, занимались, с одной стороны, штурмовщиной, авралом. Достаточно сказать, что злополучный 4-й блок ЧАЭС был сдан в эксплуатацию без испытаний ГЦН и выполнения ряда других инструктивных требований 31 декабря 1985 г., а из-за срыва плана сооружения АЭС в 1986 г. В следующем году Минэнерго СССР предписывалось выполнение строительных работ в объеме 126 % по отношению к фактическому за 1986 г. К сожалению, такая практика сохранилась и в последующие годы.

С другой стороны, эти же ведомства скрывали и искажали соответствующие

цифры. Так, в Минэнерго СССР как при министре П.С. Непорожном, так и его последователе А.И. Майорце, практически нормой стали корректировки планов в сторону облегчения, отставание в их выполнении прикрывалось пропагандой новых планов, а аварии на АЭС замалчивались, оценки грозных фактов подменялись декларированием успехов и безусловной надежности станций. На самом же деле они сооружались с большими отступлениями от нормативов.

Характерна в этом отношении общепромышленная реакция на аварию, произошедшую в 1979 г. в США на АЭС Три-Майл-Айленд (ТМА). Кстати, специалисты-атомщики по-разному оценивают эту реакцию. Если, например, начальник отдела безопасности ИАЭ В.Г. Асмолов полагал, что эта авария, получившая мировой общественный резонанс, попала в поле зрения советских специалистов и руководства ядерно-энергетического комплекса, послужила серьезным предупреждением советским ученым, то профессор Н.С. Бабаев из Минатомэнергопрома СССР и И.И. Кузьмин из того же ИАЭ убеждены, что «в СССР было проявлено поразительное невнимание к урокам аварии на американской АЭС».

Тем не менее, все едины в том, что аналитическая работа по поводу аварии на АЭС ТМА в основном свелась к прослеживанию вероятности возникновения серьезных технических неполадок и событий повторяемости того, что имело место на АЭС ТМА. Результатом анализа на официальном уровне стал вполне понятный для тех времен вывод о невозможности подобных событий на отечественных АЭС, которым заканчивались практически все изучения такого рода. Были проигнорированы соображения зарубежных экспертов, в том числе и представителей МАГАТЭ (в частности, М. Розена), о важности фактора квалификации и компетенции персонала, необходимости его солидной тренажерной подготовки, высокой функциональной ответственности в регламентном пове-

дении, что, кстати, имело особое значение для эксплуатации АЭС с РБМК-1000. Осталась без внимания и переоценка после событий на АЭС ТМА оптимистических прогнозов развития ядерной энергетики в мире, а также в СССР, в отношении которого данная переоценка началась еще ранее. После Чернобыля ее темпы еще более ускорились. При этом, как отмечает Г.У. Медведев, «оптимистические прогнозы и заверения ученых никогда не разделяли эксплуатационники атомных электростанций, то есть те, кто имел дело с мирным атомом непосредственно и ежедневно на своем рабочем месте...» Это замечание имеет особый смысл, в связи с тем, что, как выяснилось в ходе работы Комиссии ВС СССР по Чернобылю, практически ни один из разработчиков РБМК не имел опыта практической работы на данном реакторе хотя бы в течение 1—2 месяцев.

Пересмотр сверхрадушных перспектив развития ядерной энергетики был связан, прежде всего, с проблемой риска для людей и окружающей среды. По мере развития данной отрасли возникали дополнительные требования к безопасности эксплуатации АЭС и предприятий ядерного топливного цикла (ЯТЦ), повлекшие за собой удорожание и необходимость комплексного решения всех проблем обращения с радиоактивными отходами, включая их захоронение. Авария на АЭС ТМА резко обострила эти проблемы, а Чернобыльская катастрофа практически вынудила приостановить развитие ядерной энергетики в мире, и, прежде всего, в СССР.

Таким образом, вытекавшее еще из обстоятельств и уроков аварии на АЭС ТМА требование безотлагательного осуществления комплекса мероприятий в упомянутых областях не было осуществлено. Государственная система в целом оказалась не способной к восприятию этой необходимости как с точки зрения нравственной готовности, гражданской ответственности, убежденности в непог-

решимости советской технологии, так и с позиции экономической гибкости и технического потенциала для быстрой реализации сложных и наукоемких мер (например, сооружения многофункциональных электронных тренажеров, производства мобильных радиомедицинских лабораторий, дистанционно управляемых робототехнических систем и т.п.). В числе таких мероприятий, получивших к настоящему времени значительное развитие за рубежом, — разработка концепций усовершенствованных реакторов с присущей им внутренней безопасностью. Сейчас разработка этих концепций, проводимая на международной основе, близка к завершению — таким образом, потеряно более 10 лет.

В СССР и после аварии на АЭС ТМА одной из стратегических установок научно-технической политики в ядерной энергетике оставалось обеспечение только реакторной надежности и безопасности, а не АЭС и ее окружения как единой системы. По мнению руководства, ядерным комплексом страны (Госкомитет СССР по использованию атомной энергии, Минсредмаш СССР) и научного руководителя ИАЭ, высокая квалификация и добросовестность автора концепции и конструктора реактора, который полагался принципиально «невзрываемым», полностью гарантировали безопасность АЭС. И хотя такие оценки отнюдь не редки были среди западных специалистов, все же АЭС там сооружались с защитной бетонной оболочкой (доказавшей свою эффективность в случае с АЭС ТМА в 1979 г.), а также с учетом взаимодействия станции с окружающей ее природной и социальной средой. Важнейшим критерием гармонии данного взаимодействия на Западе служило и сейчас является, образно говоря, наличие положительного сальдо в общественном мнении о приемлемости АЭС. В СССР же до перестройки, как известно, общественное мнение практически игнорировалось, в том числе и отрицательная реакция населе-

ния в ряде мест на сооружение там АЭС.

Фактически, уже задолго до Чернобыля в ядерной энергетике СССР был заложен потенциал серьезного риска для безопасности населения, стабильности экономики и одновременно для собственного устойчивого развития. Причины этого, как представляется, не лежат в плоскости науки и техники и не свидетельствуют об изначально порочной сущности ядерной энергетике как технологического нововведения, хотя она и вышла из недр военно-промышленной инженерии и сохраняет ее «родимые пятна». Можно вспомнить, что и электроника обязана своим появлением ВПК, однако до сих пор никем не оспаривается ее ключевая роль в информационной революции, преобразующей ныне весь мир. Ошибочной оказалась, и в существенной мере сохраняется до сих пор, стратегия ядерной энергетике, оказавшейся, в свою очередь, заложницей порочной общенациональной социально-экономической и научно-технической политики, проводимой малокомпетентными представителями административно-командной системы, в первую очередь, ее высшими звеньями управления — планирующими и исполнительными органами.

В результате, как признавалось в специальной резолюции XXVIII съезда КПСС «О политической оценке катастрофы на Чернобыльской АЭС и ходе работ по ликвидации ее последствий»: «В условиях административно-командной системы бывшим руководством страны допущены крупные просчеты в выработке научно-технической политики в области атомной энергетике и защиты населения в экстремальных условиях. Минэнерго, Минсредмаш, Минздрав, Госкомгидромет, Госатомэнергонадзор, Академия наук, Гражданская оборона СССР проявили неспособность обезопасить жизнь и здоровье населения, оказались неподготовленными к принятию необходимых первоочередных мер.» Кроме того, там же признается

ответственность за случившееся самого партийно-государственного аппарата — основы упомянутой системы: «Политбюро ЦК КПСС, Совет Министров СССР, ЦК компартий Украины и Белоруссии, Советы Министров УССР и БССР своевременно не оценили масштабы катастрофы, ее возможные последствия и не приняли решительных действий по разработке и реализации государственной концепции безопасного проживания населения на радиоактивно загрязненных территориях. Все это подрывает доверие людей к партии и государству, к ЦК КПСС и правительству, снижает их авторитет».

Данная самокритичная и справедливая и, кстати, едва ли не единственная до сих пор официальная политическая оценка Чернобыльской катастрофы, однако, далеко не исчерпывает всей сути дела. Следует, в частности, добавить, что в не меньшей степени потере доверия и авторитета государства и правительства у населения страны способствует и то, что, несмотря на имеющиеся в Резолюции важные политические выводы, их практические стороны, прежде всего правовые, социальные, организационные и научно-технические аспекты, остались в тени. Так, на суде в Чернобыле, помимо дела о вине персонала станции, было выделено еще три — об ответственности руководителей ядерной энергетике, проектировщиков АЭС и реактора и лиц, не принявших мер по эвакуации и защите населения.

Одной из причин, приведшей к катастрофе, относится несоответствие структуры управления Чернобыльской АЭС решаемым задачам: эксплуатация 1-й и 2-й очереди АЭС и строительство новых энергоблоков.

В эксплуатации находились электрические мощности 1-й и 2-й очереди АЭС (4,0 млн. кВт, четыре энергоблока) с годовой выработкой электроэнергии 28 млрд. кВт час, объемом работ по капитальному ремонту основных производственных фондов за год 25 млн. руб.

Одновременно широким фронтом велись строительно-монтажные работы по сооружению еще двух блоков АЭС электрической мощностью 2,0 млн. кВт (на удалении 1,5 км) с полным комплексом вспомогательных зданий и сооружений. Стоимость основных производственных фондов — 1000 млн. руб., выработка электрической энергии за год — 14,0 млрд. кВт час, численность персонала — 1800 чел. (5-й и 6-й ЭБ АЭС).

Кроме этого было запланировано сооружение и велись проектные работы ЧАЭС №2 с установленной электрической мощностью 3,0 млн. кВт (2 ЭБ по 1,5 млн. кВт) на удалении от действующей АЭС 15—20 км.

Решение задач (производственных, строительных, социальных, культурно-бытовых) на АЭС было не под силу персоналу ЧАЭС, общей численностью 4000 чел. Конечно, надо учитывать, что в управлении строительством новых АЭС участвовал, в основном, руководящий состав ЧАЭС.

Руководство ЧАЭС выходило с предложениями о создании на базе предприятия «Чернобыльская АЭС» производственного объединения «Чернобыльская АЭС», неоднократно (письмо директора ЧАЭС Брюханова В.П. заместителю министра энергетики и электрификации СССР т. Шашарину Г.А., исх. № 02/12192 от 27.12.84 г.). Но поддержки, как правило, не получало.

О трудностях, возникавших на ЧАЭС в вопросах строительства 5-го энергоблока за месяц до катастрофы, 27 марта 1986 г., в газете «Литературная Украина» (органа Союза писателей Украины) достаточно профессионально сообщалось в статье Л. Ковалевской «Не частное дело».

Автор отмечала трудности строительства 3-й очереди ЧАЭС, в том числе и в связи с сокращением сроков ввода энергоблока с 3-х до 2-х лет, факты безответственности на стройке; о поставщиках, которые недодали только в 1985 году 2359 тонн металлоконструкций. С

Волжского завода металлоконструкций было поставлено 326 тонн бракованного щелевого покрытия на хранилище отработанного ядерного топлива и др.

После Чернобыльской катастрофы выдержки из этой статьи без конца цитировали западные средства информации, а в г. Припяти на автора статьи сотрудник городской газеты «Трибуна энергетика» обрушился шквалом критики и претензий...

Статье в газете «Литературная Украина» предшествовала работа большой комиссии на ЧАЭС из Министерства энергетики и электрификации СССР. Она в марте 1986 года занималась пятым (строящимся) энергоблоком.

В то же время официальная пресса сообщала об успехах на ЧАЭС: «Завершающий год одиннадцатой пятилетки был для Чернобыльской АЭС необычный. Здесь действовали на полную мощность сразу все энергоблоки. Подобного еще не было за всю историю эксплуатации атомного богатыря. Раньше ежегодно, согласно графику, хотя бы один из энергоблоков останавливали на плановый ремонт: он длился в зависимости от сложности от 15 до 80 суток. Благодаря сокращению сроков ремонта, графики удалось совместить. И годовое производство энергии достигло в прошлом году (в 1985 г. — от авт.) рекордной цифры — 28 миллиардов киловатт-часов («Известия», 6 января 1986 г.).

Анализируя вышеизложенные выдержки советской печати по вопросам ЧАЭС только на незначительном временном отрезке, можно утверждать, что сложившаяся система управления находилась в глубокой коме и нуждалась в эффективной модернизации, если возможно употребить такое понятие к сложной организационно-технической системе.

Чернобыльская катастрофа и специалисты

Еще в 1922 г. академик В.И. Вернадский писал: «Ученый не машина и не

солдат армии, исполняющий приказание не рассуждая и не понимая, к чему приводят и для чего эти приказания делаются... Для работы над атомной энергией необходимо сознание ответственности за найденное».

В результате катастрофы усилились горечь, разочарование наукой. Академик В.А. Легасов отметил: «Есть ученые — великие ученые, заслуженные, уверенность которых переросла в самоуверенность. Эти ученые убеждали всех в абсолютной безопасности реактора типа «РБМК-1000».

Юрист Б. Уваров высказался в одной из газет более определенно: «Я считаю, что вопрос об уголовно-правовой ответственности академиков Александрова, Доллежалея и других правомерен. Его должны были рассмотреть еще в рамках первого уголовного дела в 1986 г., но дело это «похоронили», осудив только «стрелочников». Отсутствие правовой оценки их халатности, а это именно так, не состоявшееся гражданское, нравственное осмысление в научной среде и этого факта, и атмосферы, его породившей, — все это оставило пространство, в котором подобное может повториться и, как мы знаем, повторяется в тех или иных масштабах.

Профессионалы в области ядерной энергетики, непосредственно работающие на АЭС с реакторами РБМК, однозначно понимали его конструктивные недостатки и заблаговременно предлагали возможные пути модернизации, значительно повышающие ядерную безопасность.

В качестве примера приведем научно-практическую работу по ядерной безопасности реакторов РБМК, выполненную инженером-инспектором по ядерной безопасности на Курской АЭС А.А. Ядрихинским.

Инспекцией по ядерной безопасности Курской АЭС данные исследования были отправлены по инстанции в адреса: начальникам Главного управления Госатомнадзора СССР (г. Москва) и

управления кожного округа Госатомэнергонадзора (г. Волгоград) в октябре 1985 г.

Основное содержание работы «Ядерная безопасность реакторов РБМК» сводится к следующему [1.7а.].

Отмечается, что в проектных документах и официальных отчетах Научного руководителя и Главного конструктора отсутствует достаточно ясное обоснование состояния ядерной безопасности реакторов РБМК. В связи с этим предложено ее определение:

Ядерная безопасность АС — качество АС, исключающее техническими средствами и организационными мероприятиями возможность ядерных аварий.

Обосновываются расчетным путем выбор системы управления и защиты реактора. Показано, что СУЗ реакторов РБМК не обеспечивает ядерной безопасности. Указываются основные, конструктивные недостатки и др.

Утверждается, что к возможным причинам, приведшим к нарушению правил ядерной безопасности Научным руководителем и Главным конструктором являются:

- стремление сделать реактор как можно дешевле;
- недостаточная квалификация разработчиков проекта;
- отсутствие госнадзора за деятельностью Научного руководителя, Главного конструктора и Генерального проектировщика;
- отсутствие методики проверки ядерной безопасности реакторов и др.

В работе было предложено все реакторы РБМК остановить на модернизацию СУЗ с представлением необходимых документов на утверждение в Госатомнадзор.

К разработанным предложениям по ядерной безопасности остается только добавить, что, конечно, никто и ничего не сделал по предложениям инженера-инспектора по ядерной безопасности Курской АЭС А.А. Ядрихинского. Все утонуло в бюрократической системе

согласования, сложившейся к этому времени в ядерной энергетике.

Вспоминается реакция профессора Дубовского, который в свое время отвечал за безопасность РБМК, на известие о катастрофе. Видный ученый, человек светлого ума, он был уверен, что произошла... диверсия. Да как же иначе? Ведь после того, как случилась авария на Ленинградской АЭС, Дубовский сразу же предложил систему блокировки возможного перегрева и последующего избыточного парообразования, которые могут возникнуть в процессе «заглушения» реактора. Академик Александров, научный руководитель конструкторской группы, одобрительно оценил предложение ученого. Знал об этом и академик Доллежал. На этом все и закончилось. Можно себе представить изумление Дубовского, который был уверен, что его противоаварийное приспособление уже в реакторе.

Вопрос о гражданской миссии науки, которая должна держать в своих руках критерии, при помощи которых корректируются действия власти, так и остался открытым. От него «интеллигентно» ушли даже после того, как на весь мир прозвучал «колокол Чернобыля».

Но вернемся к В.А. Легасову.

«Задумываясь над уроками Чернобыльской аварии, я прихожу к парадоксальному выводу... все произошло потому, что мы чрезвычайно увлеклись техникой. Прагматически. Голой техникой.

...Долгое время игнорировалась роль нравственного начала.

Низкий технический уровень, низкий уровень ответственности тех, по чьей вине произошла авария, это не причина, а следствие. Следствие их низкого нравственного уровня».

А.И. Воробьев, известный врач — гематолог пишет [1.8.]:

«Не только ядерная война, но даже «обычная» война ядерных держав становится нереальной... Если разбомбить только атомные электростанции — не

станет Европы, не станет Северной Африки и очень многого еще не станет в Азии... Ни одна авария не бывает случайной. Поэтому атомный век требует полного искоренения халтуры. Он требует такой же точности, с какой рассчитывают траекторию ракет. И знаний, знаний, знаний».

Фредерик Пол, американский писатель-фантаст [1.9.]: «Авария в Чернобыле — последнее предупреждение человечеству».

Если мы думаем учиться «чему-нибудь», если будем работать, как работали, — безответственно, халтурно, если карьеру в обществе будут делать верноподданные циничные и безграмотные подхалимы, а не умные порядочные люди, со своими самостоятельными взглядами и убеждениями, — то это будет означать, что уроки Чернобыля оказались напрасными.

Б. Олейник, писатель:

«...определенная часть людей решила, очевидно, что главное — понять и принять «правила игры», а все остальное приложится. Правила же эти, по их мнению, предполагали: говорить побольше и покрасивше, дабы понравиться начальству. Действовать же можно, как тебе удобнее, пусть даже дела твои полярны словам твоим. Вот из чего родилось своеобразное «соревнование», в котором сражались не за первенство в деле, а за то, кто первым, обогнав ближнего, возьмет высокое обязательство и провозгласит его с трибуны... Длительное благодушное потакание «обещательникам» сформировало своеобразных непотопляемых «ценных и нужных» работников».

Безусловно, сказанное не относится ко всем специалистам. Большинство из них старалось сделать все возможное для защиты станции от аварии, но оказалось, что этого недостаточно.

Как сейчас говорят, наряду с технической недоработкой не предусмотрена защита от «дурака».

Сейчас, вероятно, уже ни к чему сно-

ва указывать пальцем на тех, кто в процессе проводимых на станции экспериментов привел к ее катастрофе.

Но, исходя из того, что это сложный и потенциально опасный объект, хотелось бы обратить внимание еще на некоторые материалы.

Общественности, к сожалению, не было сообщено, что в ходе судебного процесса в отдельные следственные делопроизводства были выделены дела в отношении лиц, не сумевших обеспечить должной защиты людей от воздействия высоких уровней радиации; в отношении некоторых ответственных работников Министерства энергетики СССР, не проявивших должного контроля за работой атомной электростанции и обеспечения на ней безопасности. Соответственно, не сообщалось и о том, что эти дела были прекращены, так как попали под амнистию. ТАСС информировал лишь о возбуждении уголовного дела в отношении проектировщиков реактора РБМК, но общественность так и не узнала, чем все это кончилось. А ведь многие все еще пытаются получить более полный ответ о причинах аварии на ЧАЭС, о проблемах ее последствий. Многие так и не соглашаются с тем, что на скамье подсудимых оказались лишь шесть работников самой атомной электростанции. Идут споры и в отношении тяжести вынесенных им наказаний, высказываются мнения, что здесь не все справедливо.

В докладной записке от 30 июля 1987 года (с грифом «секретно») Председателя Верховного суда УССР А. Якименко Первому секретарю ЦК КПУ В. В. Щербицкому [1.10.] отмечается, что 29 июля 1987 года закончился судебный процесс по делу об аварии на ЧАЭС. Подсудимые: Брюханов В. В., Фомин Н. М., Дятлов А. С., Рогожкин Б. В., Коваленко А. П. признаны виновными в нарушении технологической дисциплины, норм и правил безопасности на потенциально взрывоопасном предприятии, приведших к аварии и повлекших человеческие

жертвы и другие тяжкие последствия.

В прессе проводилась мысль, что вместе с Брюхановым и другими осужденными работниками ЧАЭС вину за случившееся должны разделить и высокопоставленные партийные, государственные и хозяйственные работники, что имевшие место недостатки в политико-экономическом управлении страной в то время тоже в определенной мере способствовали аварии на ЧАЭС.

В газете «Социалистическая индустрия» (сентябрь 1989 г.) отмечалось: «кто бы ни оказался на месте Брюханова, решение суда было бы таким же, — считает Георгий Копчинский, заведующий отделом атомной энергетики Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу. — Судили не человека — должность. Брюханов пострадал и за многократные ошибки персонала, и за конструктивные недочеты реактора, хотя ни в том, ни в другом только он один виноват быть не может. На мой взгляд, одна из причин аварии — слепая вера в безопасность атомной энергетики. Но люди, создававшие годами эту веру, на скамье подсудимых рядом с Брюхановым не сидели».

В деле было записано «...основными причинами, приведшими к аварии, явились грубые нарушения правил, установленных для обеспечения ядерной безопасности потенциально взрывоопасного производства». Но с каких это пор атомная станция считалась взрывоопасной? Ни в одном документе такого не записано.

Однако, объективности ради, мы должны сказать и о том, что не так уж болезненно пережили эту аварию многие должностные лица, так или иначе отвечавшие за работу ЧАЭС.

В официальном сообщении «В Политбюро ЦК КПСС», опубликованном газетой «Правдой» за 20 июля 1986 г., сказано:

«За крупные ошибки и недостатки в работе, приведшие к аварии с тяжелыми последствиями, сняты с должностей

председатель Госатомэнергонадзора т. Кулов, заместитель министра энергетики и электрификации СССР т. Шашарин, первый заместитель министра среднего машиностроения т. Мешков, заместитель директора Научно-исследовательского и конструкторского института т. Емельянов.

Установлено, что начальник Всесоюзного промышленного объединения «Союзатомэнерго» Минэнерго СССР, член КПСС Г.А. Веретенников и начальник главка Минсредмаша СССР, член КПСС Е.В. Куликов проявили безответственность в работе по обеспечению надежной эксплуатации АЭС, неудовлетворительно осуществляли руководство подведомственными организациями. Ими также допущены серьезные недостатки и ошибки в работе с кадрами».

В качестве примера приведем оценку своей собственной вины бывшим Первым заместителем министра Минэнерго СССР Шашариным Г.А. (отвечал за ввод новых АЭС в эксплуатацию): «Вину свою чувствую... в том, что я должен был предусмотреть, понять, ...предвидеть, что такая авария может случиться, что в погоне за экономичностью ученые смогли заложить несовременные конструкторские и научные решения».

Независимые эксперты, исследовавшие катастрофу, утверждают: «...перекладывание функций безопасности с соответствующих технических систем на человека недопустимо... Необходимо было, базируясь на опыте предыдущих аварий, вместо неразъяснимых запретов в инструкциях по эксплуатации немедленно обеспечить выполнение ряда уже рекомендованных мероприятий по повышению безопасности реакторов РБМК — 1000».

Чернобыльская катастрофа и работники АЭС

Наиболее отчетливо и полно в данной работе взаимная связь катастрофы и сотрудников АЭС может быть пред-

ставлена мнением бывшего заместителя главного инженера ЧАЭС, Героя Социалистического Труда Ю.Н. Самойленко. Здесь приводятся только те аспекты, которые касаются работников станции.

«Накануне, 26 апреля, персонал ЧАЭС, не подозревая о нависшей опасности из-за нарушений регламента, вел 4-й реактор к взрыву. Необходимо отдать должное действующей смене АЭС, что после двух мощнейших взрывов никто из них не спрятался, не убежал, они продолжали работать на своих местах. В горящем машинном зале они, как и пожарные, гасили огонь. В задымленных помещениях, в запаренных коридорах и боксах с аварийным освещением или в темноте они пытались осознать обстановку, предотвратить развитие катастрофы, подать охлаждающую воду в активную зону. Практически без средств защиты, без дозиметрических приборов, которые бы показывали истинное значение МЭД, они пытались спасти блок, хотя, в сущности, спасти было уже нечего. Некоторые из этих ребят погибли сразу, некоторые в течение нескольких дней после взрыва, а некоторые получили различной степени радиоактивные травмы, затем шло долгое и мучительное лечение. Те, кто смог вырваться из «штопора» прямых последствий облучения, сейчас выходят на инвалидность. На родной Чернобыльской АЭС, где им пришлось пережить эту катастрофу, о них практически никто не помнит — некому; от прежнего персонала остались очень немногие.

А что же руководители АЭС? Почему ими не было принято решение о выводе персонала, об отключении всех блоков? Почему этого не сделали главный инженер Н.М. Фомин, директор В.П. Брюханов? Почему не было принято решение на оповещение населения? Да потому, что и они не смогли осмыслить, осознать сразу того, что произошло. Слишком глубока была убежденность в том, что с реактором запроектной катастрофы произойти не может. Только один

человек на АЭС смог быстро разобраться в происходящем, по крайней мере, в радиационной обстановке. Это произошло в 2 часа 30 мин. И человеком этим был подполковник запаса, начальник гражданской обороны АЭС Серафим Степанович Воробьев. Профессиональный военный, окончивший академию, специалист по дозиметрии, он, прибыв на АЭС, немедленно, сам сделал замеры армейскими приборами, которые были в штабе гражданской обороны, но которых не было у дозиметристов АЭС. Данные были ужасающими. Он доложил об этом директору, директор не поверил, т.к. получил утешительную информацию от своей профессиональной стационарной службы.

В те трагические часы аварии, если бы директор АЭС принял на веру доклад С.С. Воробьева, который соответствовал действительности, то следующим шагом должно было последовать оповещение населения о радиационной опасности, но в то время это был груз неимоверной ответственности. В случае ошибки кара последовала бы незамедлительно и, конечно, со стороны партийных органов.

Партийные расследования начались почти сразу после катастрофы. Какова же была их цель?

Нет, только не вскрытие причин происшедшего. Поведение партийных органов было обычным в сложных социальных ситуациях: быстро очиститься от «козлов отпущения» — и «нет проблем», т.к. уже нет таких членов партии. И прикрытие выбирается соответствующее: дать оценку поведения коммунистов, т.е. выяснить, кто и как из членов партии вел себя в период катастрофы и после. Такие расследования вел Припятский горком компартии Украины, а его главным оружием был партком АЭС. Т.е. началась охота: выговор, строгий выговор, исключение из партии. Некоторые члены этого главного оружия и исполнители этого спектакля, впоследствии, не дожидаясь августовских событий

1991 года и последующего запрета деятельности Компартии, побросали свои партийные билеты и обрядились в тогу демократов: почувствовали, что запахло «жареным».

Но документы того расследования сохранились. Вот два из них. Это подлинные документы, которые приводятся без сокращений и корректировок текста, они дадут представление и о первых часах после катастрофы, и о том, в каких условиях работал персонал. Это две объяснительные: заместителя начальника отдела охраны труда и техники безопасности Чернобыльской АЭС Красножена Геннадия Николаевича и начальника штаба гражданской обороны Чернобыльской АЭС Воробьева Серафима Степановича.

*Председателю партийной комиссии
Припятского горкома КПУ
от члена КПСС с 1972 года,
партбилет № 00464115
Красножена Геннадия Николаевича*

Я, Красножен Геннадий Николаевич, работаю на Чернобыльской АЭС с 1974 года. 20 апреля 1986 года после сдачи всех экзаменов и аттестации на рабочее место, распоряжением главного инженера ЧАЭС был назначен (допущен) к работе в качестве заместителя начальника отдела охраны труда и техники безопасности ЧАЭС. До этого с декабря 1982 г. по апрель 1986 года работал в данном отделе старшим инженером по охране окружающей среды, в функциональные обязанности которого входили вопросы природоохранной деятельности. Это — охрана атмосферного воздуха от выбросов пускорезервной котельной, рациональное использование воды, работа городских очистных сооружений и другие аналогичные вопросы. В период с 1982 по апрель 1986 года вопросами радиационной безопасности не занимался. В марте 1986 года главный инженер ЧАЭС т. Фомин Н.М. и нач.

отдела г. Каплун В.П. предложили мне перейти на должность зам. начальника ОТ и ТБ по радиационной безопасности, мотивируя тем, что в отделе и на АЭС сложилась неблагоприятная обстановка с вопросами РБ, как-то система радиационного контроля 4-го блока была принята с недоделками и задействована в проектом объеме. Техническая документация по РБ имела ряд существенных недостатков, в том числе «План мероприятий по защите персонала и населения в случае аварии на ЧАЭС». Среди эксплуатационного персонала отдела ОТ и ТБ, в том числе оперативного, участились случаи нарушения трудовой и производственной дисциплины. Зная всю меру предстоящей работы, имея опыт работы до 1982 и учитывая то, что коллектив тайным голосованием высказал мне доверие, я дал согласие на работу в вышеупомянутой должности. Проработав в этой должности до 26 апреля 1986 года, т.е. 6 дней, я провел инструктивное совещание с оперативным персоналом, обратив особое внимание на некачественность «Плана мероприятий по защите персонала и населения в случае аварии на ЧАЭС», акцентировав на том, что в случае аварии самой главной задачей является спасение людей. Учитывая, что срок действия его кончается в июле 1986 года, взял в работу на переделку. К сожалению, до 26 апреля я не успел переделать этот план.

26 апреля 1986 года в 2 часа 14 минут мне позвонил начальник отдела ОТ и ТБ г. Каплун В.П. и дал указание прибыть на ЧАЭС, т.к. произошло ЧП. В 2.30 на дежурном автобусе прибыл на АБК. По пути на АЭС увидел, что реактор 4-го блока разрушен с открытием активной зоны. На проходной я увидел, как выносили пострадавших, а также увидел старшего инженера по РБ тов. Глебова В.И. и ст. инженера по режиму тов. Л.Я. Кощуева. Тов. В.И. Глебову я отдал распоряжение произвести разведку радиационной обстановки на

промплощадке, внутри периметра АЭС.

Через тов. Л.Я. Кощуева мною было дано указание перекрыть АБК-2 и КПП-2, и весь персонал выпустить только через АБК-1 после контроля дозиметристами. Далее я побежал на блок, в санпропускнике переоделся вместе с Ситниковым, который сказал, что шел пешком из города мимо КПП-2, видел реактор и далее шел вокруг периметра АЭС. Я попросил его помериться на РУСИ-1, он сначала не хотел, но все-таки померился. Установки показали высокое загрязнение. После чего он пошел дезактивироваться в санпропускник, а я пошел на щит КРБ. На щите находился только дозиметрист Пшеничников, который сказал, что начальник смены ОТ и ТБ коммунист г. В.А. Самойленко находится в районе блока 4. На щите работала приточная вентиляция. Зная, что начальник смены АЭС (НС АЭС) является единоличным руководителем всех работ при возникновении и локализации аварии (п. 4.5 «Плана мероприятий по защите персонала и населения в случае аварии на ЧАЭС», утвержд. Нач. ВПО САЭ 22.12.83 г.), я связался с г. Б.В. Рогожкиным и потребовал отключения приточной вентиляции. Кроме того, попросил дать указание сменному персоналу о том, чтобы запретить выход из АБК-2 и всех направлять с одеждой по внутренним коридорам дезаэрационной этажерки в АБК-1, а так же чтобы начальники смен провели переключку персонала и определили его местоположение.

Далее я направился на блок № 4. Прибыв на щит СРК (системы радиационного контроля), я увидел, что персонал отдела во главе с нач. смены тов. В.А. Самойленко — деморализован, растерян, без лепестков, чепчиков и в распахнутой спецодежде. Так как я по своему служебному положению не имел права отстранять тов. В.А. Самойленко от руководства работами, то попросил работников отдела привести себя в по-

рядок и организовать работы в соответствии с «Планом...»

Нач. смены АЭС тов. Б.В. Рогожкин сообщил, что не нашли 3-х человек (2-х операторов центрального зала и оператора ГЦН). Взяв прибор ДРГ-3 (других приборов на щите не оказалось), я пошел искать этих людей. Прибор показал зашкал (более 1000 мкр/с). В помещении ГЦН были разрушения, отметка +12 провалена, у входа с северной стороны.

При попытке полаять в центральный зал попал под поток контурной воды и вернулся на щит, чтобы переодеться. На щите не оказалось в аварийных комплектах сапог. Пришлось находиться в них до 24.00, что привело к несчастному случаю — острый лучевой ожог (акт Н-1 № 165 от 03.07.1986 г.). Начальник смены АЭС сообщил, что операторы ЦЗ нашлись. В 5.09 позвонил нач. ОТ и ТБ тов. В.Г. Каплун, сказал, что работает штаб ГО и чтобы я занялся в помощь нач. смены ОТ и ТБ выгородкой грязной зоны.

В 5.40 на щите появился главный инженер ЧАЭС т. Н.М. Фомин. Было ему доложено, что обстановка тяжелая, приборы зашкаливают, мощность доз непредсказуемы и по воздействию персонал может получить большие дозы. Необходимо эвакуировать персонал блока. На это он ничего не ответил и ушел на БЩУ-4. Далее я выполнял указания штаба по выводу персонала из блока. Приходилось гнать из зоны. Все ссылались на то, что они выполняют задание главного инженера (Чугунов, Коваленко, Орлов, Клименко, Юдин и другие). Необходимое количество знаков для выгородки отсутствовало. Поэтому проводил организацию ограждений с помощью веревок и самодельных предупреждающих плакатов. До 1 мая провел на блоке 489 часов. 26 и 27 апреля по 21 часу.

Выполнял различные задания штаба ГО. Во время дежурства на блоке нач. отдела ОТ и ТБ т. В.П. Каплун трижды не выходил на смену и один раз выходил в нетрезвом виде. Об этом было доло-

жено тов. Н.М. Фомину, секретарю парткома тов. С.К. Парашину и секретарю парторганизации т. Л.П. Воробьеву. Во время дежурства тов. В.П. Каплуна исчез журнал ответственного дежурного ОТ и ТБ, пришлось заводить новый.

Со 2 мая по указанию медиков я был отправлен в п/л Иловница в г. Чернобыле, где проработал до 16.06.86, с 16.06.86 по 3.07.86 был госпитализирован по лучевой травме. С 26 апреля 1986 г. по 16 июня 1986 г. работал без выходных дней.

Считаю, что в первые дни катастрофы не проявил партийной принципиальности в том, чтобы настоять на категорическом запрещении доступа персонала на 4-й блок и отмене распоряжения главного инженера, а также в постановке вопроса о начальнике отдела, как должностном лице, деморализующем коллектив отдела. Готов получить любое партийное взыскание. Единственное, прошу партийную комиссию оставить меня в рядах коммунистической партии.

7 сентября 1986 года.

Красножен

В Припятский горком
компартии Украины

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Отвечаю на вопросы в порядке их постановки.

1. Кому доложено об аварии, время.

Доложено оперативному дежурному штаба ГО Киевской области лично мной в 2 часа 40 минут. До ВПО Союзатомэнерго дозвониться не смог. Со штаба ГО г. Припять мне позвонил сам начальник штаба ГО, раньше, чем я ему.

Оповещение руководящего состава ЧАЭС и служб ГО осуществлялось по команде директора дежурной телефонисткой в соответствии с ранее составленным списком.

2. Оповещение командиров форми-

рований осуществлялось по моей команде дежурной телефонисткой.

По оповещению прибыли все руководители, за исключением т.т. Соловьева, Иванова, Лапшина, Адамова.

3. Оповещение членов семей и, соответственно, всего населения регламентировано следующими документами: «Рекомендации по составлению плана защиты населения на случай аварии ядерного реактора», разработанные 3-м Управлением при Минздраве СССР, где сказано, что, если в результате аварии ожидаемые дозы облучения не будут превышать 25 рентген, это оповещение населения не производится.

В приказе начальника Гражданской обороны СССР (№ и год не имею) сказано, что в случае аварии ядерного реактора подается сигнал «Радиационная опасность», т.е. по самому факту аварии. В одном из пунктов этого приказа сказано, что сигнал «радиационная опасность» подается при достижении на промплощадке уровня радиации выше 200 миллирентген в час по распоряжению директора.

В плане защиты населения (часть 2) сказано, что решение на оповещение принимает председатель облисполкома по рекомендации директора ЧАЭС. Утвержден председателем Киевского облисполкома, начальником ВПО Союзатомэнерго, начальником 3-го Управления при Минздраве СССР. Согласован с начальником штаба Киевского военного округа и с государственным санитарным врачом т. Коротковым.

4. Две команды пожаротушения, развернутые на базе ВПЧ-2, приступили к выполнению своих обязанностей во время аварии буквально через несколько минут.

Отряд первой медицинской помощи, развернутый на базе МСЧ-126, выполнял свои обязанности, действуя в составе аварийных бригад.

В 2 часа 40 минут по распоряжению директора был объявлен сбор формирований.

Развертывались следующие формирования:

- спецформирование;
- группа связи и оповещения;
- команда обеззараживания ЖКУ;
- два — по обслуживанию убежищ.

С прибытием формирований в подразделения они укомплектовывались специальным имуществом и задействовались по своему назначению.

Всего было задействовано личного состава формирований в пределах 500-600 человек. После того, когда стало ясно, что на ЧАЭС скопилось много людей и их всех задействовать для ликвидации аварии невозможно из-за высоких уровней радиации, были оставлены только самые необходимые аварийные бригады, а весь остальной личный состав отправлен в Припять.

Эвакокомиссия должна заниматься эвакуацией рабочих, служащих и членов семей работников ЧАЭС в соответствии с ранее составленным планом и ранее составленными списками. В период эвакуации на ЧАЭС она не работала. Председатель эвакокомиссии т. Царенко в 13.00 27 апреля 1986 г. объявил о порядке эвакуации, потребовал предупредить всех людей, которые не должны уезжать по эвакуации, составить списки остающихся людей и отдать ему. После этого т. Царенко исчез, и увидел я его только в базовом лагере «Сказочный».

Я прибыл на станцию не позднее 2 часов 25 минут. Замерил уровни радиации в убежище на командном пункте. Немедленно объявил всем присутствующим о результатах измерений. Было в убежище 30 миллирентген в час. Замерил на улице — было 150 мР/час. Доложил директору и, соответственно, всем присутствующим на КП.

В это время велось наблюдение четырьмя дозиметристами от ОТ и ТБ.

После замеров в 2 часа 40 минут был объявлен сбор разведгрупп. Не дожидаясь сбора разведгрупп и получения от них результатов разведки, я с разре-

шения директора поехал на автомобиле вокруг АЭС. С приближением к реактору уровни радиации увеличились, и у столовой «Электроника» превысили 200 рентген в час. Более высокие уровни радиации прибор ДП-3 зафиксировать не мог. Разведку вел с т. Я.Л. Сушко.

Вернулся на КП и доложил директору о результатах разведки и предложил немедленно оповестить население г. Припять, убрать людей строительных организаций в районе, непосредственно прилегающем к АЭС. Доклад был устный.

Директор потребовал, чтобы доложил о результатах разведки лично т. Коробейников.

Около 5.00 (приблизительно) появился Коробейников и доложил, что уровни радиации за пределами промплощадки составляют 14 микрорентген в секунду, что он произвел анализы выбросов и обнаружил только короткоживущие изотопы. Доклад был очень успокаивающий.

Мне показалось, что я ошибся в проведении измерений и по рекомендации начальника штаба ГО области я вторично с двумя приборами вместе с инженером ГО т. Соловьевым В.Д. провел разведку. Прежние показания подтвердились. Я объехал большую площадь. Не заезжал только в г. Припять. Были зафиксированы большие уровни радиации на пути в г. Припять, которые составили 100 рентген в час.

Уровни радиации, где стоял милиционер в звании «майор», составляли 2 Р/час. Люди, которым надо было ехать из Припяти, стояли на дороге с уровнем радиации 5 рентген в час.

Результаты разведки я нанес на схему и доложил директору. Я его убеждал принять срочные меры по оповещению и укрытию людей. Директор был неумолим. Сказал, что у него есть Коробейников и он ему верит. О результатах разведки я доложил всем присутствующим на КП.

Видя, что директор не реагирует, я

обратился к секретарю парткома т. С.К. Парашину и попросил его воздействовать на директора, т. Парашин заявил, чтобы я шел и убеждал более настойчиво директора. При третьем докладе директору он категорически не захотел слушать. Тогда я доложил еще раз в штаб ГО области оперативному дежурному.

В это время вели разведку и наблюдения разведгруппы от ОТ и ТБ. Результаты докладывались только начальнику разведки т. Каплуну. Т. Каплун результаты разведки докладывал директору, минуя меня.

Директор около 6 часов утра категорически запретил мне давать информацию кому бы то ни было.

*Начальник штаба ГО
(С.С. Воробьев)*

Начальник отдела безопасности Института атомной энергии им. Курчатова В. Асмолов в статье «Чернобыль. До и после» пишет:

«Формула Чернобыльской катастрофы, которую предложил в первые дни ликвидации последствий катастрофы В.А. Сидоренко: «Персонал допустил..., а реактор позволил...», исключительно лаконично говорит о причинах аварии. Безопасность реакторной установки была полностью проанализирована на максимальной мощности. За чертой анализа осталась ее работа на малой мощности с наложением возможных нарушений регламента и отключением системы безопасности и многочисленных блокировок. Именно такая исключительно маловероятная ситуация была реализована в ночь на 26 апреля. В этом слабость детерминистского подхода: вроде бы, очевидно, что чем больше мощность, тем опаснее режим эксплуатации. И именно на такие режимы было обращено внимание при анализе безопасности РБМК. Вероятностный метод не дает возможности пропустить любую,

даже очень маловероятную цепочку событий. «Реактор позволил...», а он не должен был позволить.

Реакторы не должны «позволять...» никогда не должны... Это и есть основной итог для нас.

И все-таки коренные причины Чернобыльской аварии следует искать в так называемом «человеческом факторе».

С. Ушанов в Литературной газете в 1988 г. писал: «Если водитель автобуса — эксплуатационник — позабыв, чему его учили, начнет сдуру не на те педали жать, и автобус при этом взорвется, погибнут люди — кто виноват? Шофер? Конечно, но не он один. Вместе с ним отвечать перед законом будут и создатели машины...» А если он сознательно отключит тормозную систему или крутанет руль не в ту сторону и т.д.?

На любой сложной технике есть защита «от дурака», но нельзя сделать защиту от полного идиота, особенно с высшим образованием; все, что человек сотворил, все человек может разрушить. Необходимо сделать все возможное, чтобы ему было трудно это сделать.

Если в добрые патриархальные времена техника безопасности защищала человека от машины, то сегодня на первый план выходит защита техники от человека.

В заключение приведем суждения министра Российской Федерации по атомной энергии академика В. Михайлова [1.12.]:

«...Да, авария, аналогичная чернобыльской, к счастью, в настоящее время, исключена. Это главный урок Чернобыля: были приняты меры — мы еще поговорим об этом — для того, чтобы исключить подобные чрезвычайные ситуации в принципе.

Напомним основные причины той катастрофы.

Первая — недоработки самой конструкции атомного реактора и системы его защиты. Это, если хотите, следствие всеобщей эйфории от мирного освоения атомной энергии.

Второй фактор — это передача всех атомных станций Минэнерго СССР. Специалисты этого министерства привыкли иметь дело с обычными электростанциями. А на АЭС — принципиально новые технологии, требующие тщательного подхода.

Наконец, третья причина катастрофы. Начался период перестройки, гласности, а многие восприняли это как вседозволенность и стали экспериментировать с реактором. Причем, в той области, где это абсолютно исключено.

Все эти три фактора, объединившись, сыграли роковую роль и привели к катастрофе.

Скажу, что за эти годы выполнен колоссальный объем работ по модернизации этого реактора. Изменен и состав топлива, и вся система защиты с уменьшением времени ее срабатывания и увеличением количества защитных ступеней. Сегодня такая, как чернобыльская, катастрофа практически исключена.

Это, разумеется, не означает, что инцидентов не может быть. Они периодически случаются, и в среднем в мире приходится один инцидент со срабатыванием аварийной защиты на один работающий энергоблок, а в мире атомных энергоблоков уже более 400, в Европе более 200, у нас в России — 29. Последний мы построили в прошлом году, это блок № 4 на Балаковской АЭС. Его мощность — 1 гигаватт, то есть 1 млрд. ватт. Это примерно в 200 раз больше, чем выдавала нам первая в мире атомная станция в Обнинске под Москвой.

В стране работает такого типа 11 реакторов из 20 блоков.

Модернизируются все блоки, причем постоянно. Ежегодно на это тратим сумму, эквивалентную почти 150 млн. долларов. Хотя сегодня испытываем большие трудности финансирования этих программ, в том числе и из-за неплатежей. Но здесь у нас есть хорошие связи, в том числе коммерческие, с американ-

Таблица 1.1.

№ п/п	Наименование затрат	Затраты, тыс. рублей
1.	Затраты на строительные работы	3266000
2.	Специальная медицинская помощь	10666
3.	Контроль за уровнем радиации	12567
4.	Научное обеспечение	31500
5.	Сельское хозяйство и лесоводство	27666
6.	Программа «Дети Чернобыля»	16780
7.	Оборудование для радиоактивного контроля	690
8.	Затраты медицинского персонала	4338
9.	Информация	366
10.	Социальная защита	1394224
11.	Текущие расходы по снижению последствий катастрофы	158000
12.	Прочие расходы	10000
13.	Общие затраты	4932796

скими, западногерманскими, японскими фирмами.

Сегодня разработаны проекты атомных станций большой и малой мощности, обладающих естественной безопасностью с локализацией продуктов деления внутри реакторного блока. Эти проекты успешно прошли самые придирчивые международные экспертизы.

В перспективе у нас разработки так называемых гибридных атомных станций, где внешний источник проникающих частиц инициирует деление ядер и сочетается с цепной реакцией деления подкритических масс делящихся материалов, когда в принципе исключается самопроизвольная цепная реакция деления ядер. А в дальней перспективе это энергия термоядерного синтеза легких ядер».

Под последствиями катастрофы принято понимать ущерб, характеризующийся радиационным и иным воздействием на персонал, оборудование, население и окружающую среду.

Катастрофа на ЧАЭС привела к значительным экологическим, медицинским, социальным, экономическим и политическим последствиям. Человечество

впервые столкнулось с радионуклидным загрязнением окружающей среды в глобальном масштабе. Во многих европейских странах были обнаружены радиоактивные вещества с различной степенью активности, воздействующих на миллионы людей. Катастрофа привела к значительному ущербу экономики пораженных стран. Только в Беларуси экономические потери в 1986-2015 гг. составят более чем 235 млрд. долларов США, в том числе:

- 191,7 млрд. долларов — преодоление экологических, медицинских и социальных последствий;
- 29,6 млрд. долларов — прямые и косвенные потери в сельском и лесном хозяйстве и промышленности;
- 13,7 млрд. долларов — нарушение нормального развития загрязненных территорий [1.1].

Необходимо отметить, что Чернобыльская катастрофа имеет краткосрочные и долгосрочные последствия для здоровья людей и окружающей среды. Радиоактивное загрязнение воздействует на все группы населения, в том числе, на молодых и пожилых, больных и

здоровых. Причем это воздействие будет длительным. Так, период полураспада Pu-239 свыше 27000 лет. Население подвергается как внешнему, так и внутреннему облучению.

В результате взрыва 4 ЭБ в окружающую среду было выброшено ~ 3—4% радиоактивных веществ, о чем было доложено Международному агентству по атомной энергии (МАГАТЭ). Однако не все специалисты согласны с такой оценкой. Так, по мнению А.М. Люцко [1.13.] из взорвавшегося реактора в окружающую среду было выброшено 8—10% от общего количества радиоактивных веществ (~1 млрд Ки).

Выброшенные радионуклиды с периодом полураспада от 1,1 ч (Kr-77) до более 27 тысячи лет (Pu-239) рассеялись от ЧАЭС по северному полушарию, что привело к повышению естественного фона не только в Европейской части СССР, но и во многих странах (Финляндия, Венгрия, Польша, Швеция и др.)

Под воздействием атмосферных процессов радионуклидные облака к началу мая достигли Китая, Японии, Кувейта, США и др. [1.1]. При этом необходимо иметь в виду, что основная часть радиоактивных веществ (РВ) выпала в первые 10 дней. Причем легкие радиоактивные частицы и смеси газов рассеялись на значительные расстояния, а тяжелые частицы с плутонием и стронцием осели в радиусе 30 — 40 км от реактора. Расчетами установлено, что на территории АЭС выпало примерно 0,3 — 0,5 % РВ, внутри 20 км зоны — ~1,5—2,0 %, а за ее пределами — около 1,0—1,5 % [1.14], что привело к загрязнению 104200 км² территории с плотностью 1 Ки/км² с населением около 4 млн. человек.

Экономические потери трех республик составили 9,2 млрд. рублей.

Они включают:

- долговременное изъятие из нормального пользования 144 тыс. га сельскохозяйственных земель и 442 тыс. га леса;

- расходы по переселению и создание рабочих мест, обеспечение жильем;
- расходы на медобслуживание на загрязненных территориях и др.

В качестве примера представим «чернобыльские» расходы Беларуси на 1991 год, табл. 2.1 [1.15.].

Литература

1. Савченко В.К. Экология чернобыльской катастрофы. — Минск, 1997.
2. Чернобыль. Пять трудных лет. — М., 1992.
3. Чернобыльская катастрофа. — Киев: Наукова думка, 1995.
4. Доллежалъ Н.А. Ни одна авария не должна остаться без внимания // Чернобыль. Катастрофа: подвиг, уроки и выводы. — М., 1996.
5. Александров А.П. Чернобыль — трагедия в моей жизни // Чернобыль. Катастрофа: подвиг, уроки и выводы. — М., 1996.
6. Чернобыльская катастрофа. — Киев, 1995. С. 143.
7. Кауров Г.А. Искажение радиационной опасности — основной метод борьбы с атомной энергетикой России // Москва — Чернобылю. — М., 1998.
- 7а. Ядрихинский А.А. Ядерная безопасность реактора. — Киев, 1985.
8. Воробьев А.И. До и после Чернобыля. — М., 1996.
9. Щербак Ю. Чернобыль. — М., 1991.
10. ЦДАГО. Фонд 1. Опись 25. Дело 3180.
11. Шашарин Г.А. Правда о Чернобыле. Энергетика после трагедии // Чернобыль. Долг и мужество. — М., 2001.
12. Михайлов В.Н. Минатом России // Москва — Чернобылю. — М., 1998.
13. Люцко А.М. Фон Чернобыля. — Минск, 1990.
14. Москва — Чернобылю. — М., 1998.
15. 7 дней. 24.02.—1.03.1992.

Глава 2

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ КАТАСТРОФЫ

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ КАТАСТРОФЫ

А.А. ДЬЯЧЕНКО

В сложившейся реальной обстановке в результате катастрофы для ликвидации последствий катастрофы необходимо было в кратчайшие сроки создать эффективную систему, которая могла бы не только укротить взорвавшийся реактор, но и обеспечить ликвидацию последствий катастрофы, уберечь население от радиационного воздействия.

И такая система была создана. Приведем основные вехи ее формирования.

Первые сообщения о катастрофе в Москве были получены в Минэнерго и Всесоюзном объединении «Союзатомэнерго» по линиям оперативной диспетчерской связи.

По утвержденному плану собралась межведомственная группа оказания помощи АЭС в случае аварии. Министр энергетики А.И. Майорец доложил Председателю СМ СССР Н.И. Рыжкову о случившемся.

Свидетельствует В.В. Марьин, заве-

ДЬЯЧЕНКО А.А. — полковник в отставке, доктор исторических наук, член Союза писателей России, участник ликвидации последствий катастрофы (1986—1987), действительный член Академии военных наук.

дующий сектором ядерной энергетики отдела тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС [2. 1.]:

«Рано утром 26 апреля 1986 года по поручению начальника отдела И.П. Ястребова были подготовлены предложения по составу Правительственной комиссии по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Согласовав этот вопрос с министерствами и ведомствами к 9 часам 26 апреля, предложения были направлены в Правительство Н.И. Рыжкову».

Вот как характеризует реакцию на чернобыльскую катастрофу и первые шаги руководителей высших звеньев управления государством Н.И. Рыжков, Председатель СМ СССР (1985—1990 г.г.), депутат Государственной думы:

«26 апреля пришлось на субботу. Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок «вертушки». Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец.

— Извините, что беспокою, — взволнованно сказал он, — но, кажется, ЧП на Чернобыльской атомной...

— Кажется или ЧП? — перебил я. — Подробней можно?

— Подробностей пока не знаю. Связываемся с Чернобылем.

Я глянул на часы.

— Через полчаса буду у себя в кабинете. Надеюсь, Вам хватит времени, чтобы дозвониться и все выяснить?

Говорят, что в мгновенья опасности включается шестое чувство. Уж не знаю, какое включилось у меня, но ехал в Кремль и только об этом звонке и думал, просчитывал варианты. Увы, но все они оказались неизмеримо далеки от реальности. Видно, человек подсознательно стремится уйти от самого худшего...

Вошел в кабинет, сразу нажал кнопку прямой связи с Майорцем.

— Что там случилось?

— В 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после начался пожар. Уточнил, еще надеюсь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: «Один, два, три, четыре». Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно.

Неясная пока обстановка в маленьком украинском городке требовала немедленных действий. Поэтому я приказал Майорцу безотлагательно лететь в Киев, добираться к месту катастрофы, а сам вызвал к себе совминовских специалистов. Наскоро прикинул с ними состав Правительственной комиссии, куда в первую очередь должны были войти ученые-атомщики, реакторщики, химики и другие специалисты.

В 11 утра постановление о создании Комиссии было подписано. А в это время помощники разыскивали по телефо-

ну председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, моего заместителя Бориса Евдокимовича Щербину, который накануне улетел на газовые промыслы в Оренбургскую область. ЧП есть ЧП: Щербину отыскали быстро, коротко сообщили ему о взрыве, о составе комиссии.

— Срочно вылетайте в Москву! Члены комиссии будут ждать вас на аэродроме, самолет уже готовят, так что сразу — в Чернобыль.

В 16.00 в Киев ушел спецрейс из Внуковского аэропорта.

Вот что надиктовал потом на магнитную пленку академик Валерий Алексеевич Легасов, тем спешным специальным рейсом тоже улетевший в беду:

«...Мне тогда и в голову не приходило, что мы двигаемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержение знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому».

Распоряжением Совета Министров СССР от 26.04.86 г. № 830 для расследования причин и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС была создана Правительственная комиссия (ПК), Председателем комиссии был назначен Б.Е. Щербина, заместитель Председателя СМ СССР. В ее состав вошли: А.И. Майорец (министр энергетики и электрификации СССР), А.Г. Мешков (первый заместитель министра среднего машиностроения), В.А. Сидоренко (первый заместитель Председателя Госатомнадзора СССР), В.И. Другов (заместитель министра внутренних дел СССР), Е.И. Воробьев (Первый заместитель министра здравоохранения СССР), Ф.А. Щербак (начальник Главного управления КГБ СССР), О.В. Сорока (заместитель Генерального прокурора СССР), Н.Ф. Николаев (заместитель Председателя СМ УССР), И.С. Плющ (председатель Киевского облисполкома), Н.П. Симочатов (председатель ЦК профсоюза рабочих электростанций и

электротехнической промышленности), В.А. Легасов (академик АН СССР).

Правительственной комиссии были определены следующие задачи:

- анализ причин аварии и разработка на их основе рекомендаций по недопущению подобных ошибок на АЭС страны, имеющих аналогичные реакторы;

- разработка оперативных мероприятий по локализации катастрофы и ликвидации её последствий;

- защита населения от воздействия радиоактивных веществ взорвавшегося реактора.

В соответствии с принятыми решениями, в Киев самолетами (один — утром, второй — после обеда) вылетел передовой отряд руководителей, специалистов, ученых. Пришел в движение верхний иерархический уровень системы управления государством по обеспечению локализации катастрофы и ликвидации ее последствий.

Необходимо отметить, что по мере того как прояснялся характер произошедшего на ЧАЭС, повышался ранг комиссии, которой поручалась ликвидация последствий катастрофы.

Как отмечает Б.Я. Прушинский (главный инженер Всесоюзного объединения «Союзатомэнерго»), был уже подготовлен приказ А.И. Майорца — Министра энергетики и электрификации о создании комиссии по расследованию причин аварии. Председателем комиссии был назначен Г.А. Шашарин, заместитель министра. После прибытия в Киев (аэродром «Жуляны») Б.Я. Прушинскому сообщили, что председателем комиссии назначен А.И. Майорец. А в 20 часов 26 апреля из Оренбурга в Припять прилетел председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина.

Кроме этого, необходимо раскрыть еще одно обстоятельство в связи с созданием ПК. Это ее название: «... для расследования причин и ликвидации последствий аварии».

Таким образом, в первую очередь,

ПК должна была расследовать причины катастрофы, а уж потом осуществлять организацию работ по ликвидации последствий катастрофы.

На практике получалось совсем наоборот.

ПК возглавила в зоне катастрофы на ЧАЭС всю сложную организационную структуру, оперативные группировки сил и средств министерств и ведомств, участвующих в ЛПК на ЧАЭС. Она направляла, руководила, координировала и контролировала работу организаций и учреждений более 40 министерств и ведомств, воинских формирований, республиканских и местных органов, и не только в зоне ЧАЭС. Указы ПК были обязательны для всех органов управления на территории страны.

ПК с утра до поздней ночи занималась вопросами по ликвидации последствий катастрофы. Однако, для достоверности, необходимо отметить, что сразу же одна из ее групп, созданных ПК, приступила к расследованию причин катастрофы. Вопрос был серьезный. Требовались рекомендации для других АЭС с реакторами РБМК — 1000.

И только 5 сентября 1986 года на заседании ОГ Политбюро ЦК КПСС было принято решение о переименовании ПК в Правительственную комиссию по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС [2.3].

Как известно, крайне тяжелые радиационные условия работы в зоне катастрофы предопределили периодическую смену специалистов, в том числе и из состава ПК. Так, ПК поочередно возглавляли заместители Председателя СМ СССР И.С. Силаев, Л.А. Воронин, Ю.Д. Маслюков, В.С. Гусев, Г.Г. Ведерников, заместитель Председателя Бюро СМ СССР по топливно-энергетическому комплексу Ю.К. Семенов (сменные руководители ПК. При этом Б.Е. Щербина осуществлял постоянное руководство ПК).

Еще до прибытия Б.Е. Щербины в Чернобыль были организованы назем-

ные (на бронетранспортерах) и воздушные (на вертолетах) осмотры взорвавшегося реактора. Это позволило провести первое заседание с учетом более достоверных исходных данных, полученных специалистами и руководителями, в том числе высокого ранга. Наиболее сложным для ПК были первые шаги, так как подобной экстремальной обстановки в стране еще не было.

Это определялось как сложностью возникших проблем, так и отсутствием опыта действий сил и средств министерств и ведомств в таких экстремальных условиях.

Разработанные планы гражданской обороны на ЧАЭС и рассчитанные на случай аварии не были задействованы из-за нерешительности и безответственности руководителей АЭС и города. В этих условиях вечером 26 апреля Правительственная комиссия собралась на свое первое (ночное) заседание в г. Припяти в здании горкома партии. После сообщений специалистов о состоянии АЭС, радиационной обстановке и др. были приняты следующие основные решения:

- остановка первого и второго блоков АЭС;

- перевод в подкритичное состояние третьего ЭБ;

- эвакуация населения города Припяти, поселка Янов;

- заброска в разрушенный реактор материалов, способствующих локализации катастрофы.

Было введено круглосуточное дежурство ответственных работников. Первыми дежурными в ночь с 26 на 27 апреля Б.Е. Щербиной были назначены: от Минэнерго — заместитель министра А.Н. Семенов; от МО — начальник химических войск генерал-полковник В.К. Пикалов.

В основу деятельности ПК были заложены следующие основные задачи: определение масштабов катастрофы, разработка и реализация мероприятий по ее локализации и ликвидации послед-

ствий, охрана здоровья и оказание всемерной помощи населению, анализ причин катастрофы и разработка мер по недопущению подобных явлений в будущем.

Для обеспечения качественного и своевременного выполнения поставленных задач были созданы подкомиссии по конкретным направлениям, которые немедленно приступили к выполнению своих обязанностей.

Представим основные из них:

- анализ причин возникновения аварии и обеспечение безопасности 1, 2 и 3 блоков АЭС;

- аварийно-восстановительные работы; радиационный и дозиметрический контроль;

- охрана общественного порядка и организация эвакуации;

- дезаktivация территории, сооружений АЭС;

- защита водных источников.

Вот как описывает первоначальную обстановку, сложившуюся в ходе работы первой из вышеназванных подкомиссий заместитель ВПО «Союзатомэнерго» Е.И. Игнатенко:

«Большую сложность в определении причин аварии представлял тот факт, что сам реактор был разрушен, и из-за больших уровней радиации обследовать все помещения реакторного отделения, и особенно систем, обеспечивающих безопасность аппарата и находящихся в центральном зале и под реактором, а также состояние оборудования основных контуров, не представлялось возможным. Хотя имелась важнейшая информация, зафиксированная системой ДРЕГ (своеобразный «черный ящик»), которая содержала текущие данные обо всех основных параметрах энергоблока за 15 минут до аварии и, кроме того, имелись лоты самописцев, на которых были зафиксированы важнейшие параметры в течение суток. Группа по определению причины аварии работала над своими заключениями с учетом данных этих систем, а также информации, полученной

от оперативного персонала, в том числе уже находящегося в больнице.

Члены группы со всей документацией находились в пионерском лагере «Сказочный». Возглавлял эту работу Первый заместитель министра Минсредмаша Мешков, хотя официально старшим значился зампред Госатомнадзора Алексеев. В исследовании активно участвовали Шашарин, Сидоренко, а также представители научного руководства АИЭ им. Курчатова, главного конструктора (ВНИИКИЭТ), генерального проектировщика (институт «Гидропроект»), института по эксплуатации атомных электростанций (ВНИИАЭС), представители Госатомэнергонадзора.

Группа по определению причин аварии расположилась в зале дирекции пионерского лагеря и погрузилась в изучение фактического материала.

Шли споры, в которых уже на этом этапе звучали нотки ведомственности. Ясности пока не было. В стадии проработки находилось несколько вариантов (разрыв контура СУЗ из-за взрыва водорода, работа ГНЦ в режиме кавитации и др.), в том числе рассматривались варианты возможных диверсионных актов».

Как известно, что в спорах рождается истина, а она была так необходима для разработки оперативных мероприятий по обеспечению безопасности 12 энергоблоков с реакторами РБМК на Курской, Ленинградской, Игналинской и Смоленской АЭС, вырабатывавших без остановки электроэнергию.

Председателем аварийно-восстановительной строительной подкомиссии был назначен А.Н. Семенов.

Основной задачей подкомиссии в первые дни после катастрофы являлась подготовка программы консервации IV энергоблока. Ввиду сложности, срочности и необычности проводимых мероприятий работы планировались по часовому графику. Как отмечает А.Н. Семенов: «Согласно графику, с утра 11 мая до вечера 12 мая необходимо было

выполнить такой объем работ, на который в обычных условиях потребовалось бы более полугодя. Подобные темпы не всегда приносят желаемые результаты, создают невероятное напряжение в работе, но этого требовала обстановка».

Одна из первых забот комиссии по защите водных источников от радиоактивного загрязнения (руководитель Полад Аджиевич Полад-заде: первый заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР) была связана с разработкой эффективного решения (плана) защиты водных ресурсов от радиоактивного заражения.

Как вспоминает Полад-заде: «Начав работу, мы поставили перед собой задачу... выработать основополагающую идею... Это была нервная работа. Были нажимы сверху, снизу, с боков, жаркие дискуссии, споры, расхождение мнений, но решение было принято».

В качестве примера приведем настойчивое стремление украинских представителей (АНУ и Минводхоза УССР) соорудить новое русло р. Припять севернее, в обход наиболее загрязненных территорий. В монографии Варенникова В.И. так комментируется сложившаяся ситуация /2.7./: «... предлагалось построить канал в несколько сот километров, который бы перехватывал воды района АЭС и не допускал сброса загрязненных вод в Днепр... Я дважды ездил к Щербицкому. Вопрос о строительстве канала не раз обсуждался на ПК в Чернобыле, и все считали, что это ненужная затея. Наконец, украинские товарищи этот вопрос сняли».

Необходимо отметить, что проблемы загрязнения водных источников постоянно беспокоили и Политбюро. Так, на заседаниях регулярно, начиная с мая, заслушивались проводимые мероприятия по предотвращению радиоактивного загрязнения водных бассейнов и принимались конкретные рекомендации по повышению их эффективности.

В соответствии с принятым комиссией решением, основное содержание

мероприятий по защите водных ресурсов от радиоактивного заражения сводилось к следующему. С целью предотвращения смыва загрязнений в Днепр на всех водостоках зараженной зоны были сооружены фильтрующие перемычки-плотины, укреплены старые или построены новые дамбы, произведено обвалование р. Припять. Была создана дренажная завеса из скважин, обеспечивающая обратную откачку подземных вод, не допуская их выхода из зоны. Кроме этого был построен комплекс донных запруд с ловушками для наносов в русле р. Припять и Киевском водохранилище.

Ретроспективный анализ эффективности природоохранных мероприятий, проведенный сотрудниками АН УССР, выявил ряд существенных ошибок, заложенных в систему предотвращения загрязнения 30-ти км зоны Чернобыля, основные из них следующие: «природоохранные мероприятия, выполнявшиеся после Чернобыльской катастрофы в 1986—1988 гг., основывались на опыте Челябинской катастрофы (1957 г.), когда в окружающую среду была выброшена радиоактивность в растворимой форме общей активностью около 2 млн. Ки». Исходя из этого, в ходе ЛПЧК, положенный в основу Челябинский опыт был направлен на предотвращение смыва в речную сеть или попадания в грунтовые воды радиоактивности: обвалование р. Припять (правого берега), не допускались дождевые осадки в 30-ти км зоне, сооружались многочисленные плотины в бассейне р. Припять, стена в грунте вокруг промплощадки и др.

Проведенный НАНУ эксперимент по задержанию радиоактивности с помощью 7000 тонн сорбирующей смеси золы (цеолита и карбонатов) показал незначительный эффект по очистке речной воды от радионуклидов.

В ходе изучения формы радиоактивности чернобыльского происхождения было установлено, что она не находится в ионной форме, а содержится в труд-

норастворимых матрицах, а их перенос осуществляется в виде коллоидов, легко проходящих через все фильтры, а попадая на поверхность почвы с трудом диффундируют в глубину.

Больше того исследования, выполненные НАНУ по определению качества фильтрующих дамб, показали их низкую эффективность.

Но вернемся к воспоминаниям о первых «шагах» ПК после катастрофы Н.И. Рыжкова: «Щербина позвонил мне совсем поздно, устало и с болью рассказал о случившемся.

Он сообщил, что Комиссия работает, разбившись на маленькие группы, каждая по своему профилю, но уже очевидно, что без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей...

Немаловажно отметить, что Комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа все управление работами взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм.

Министра обороны С.Л. Соколова на месте не оказалось: в командировке. Дозвонился до начальника Генерального штаба маршала С.Ф. Ахромеева. Я рад был, что именно он взял на себя организацию переброски требуемых воинских частей к АЭС. Мне нравились его педантичная четкость, его немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно сию минуту, и не размениваться на пустяки. Казалось бы, чему тут удивляться? Военный же человек! К сожалению, я встречал и других военных... Не знаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру в Чернобыле были и вертолетчики, и химики. Утром же прилетел туда и командующий химическими войсками генерал В.К. Пикалов. Впоследствии за ликвидацию этой аварии он заслуженно получил звание Героя Советского Союза.

...Ночью Б.Е. Щербина позвонил вновь. Я ему передал разговор с Ахромеевым, он в ответ сообщил о решении Комиссии экстренно эвакуировать жителей Припяти — городка, который вырос рядом со станцией: радиационный фон там превышал норму.

На следующий день была образована Оперативная группа Политбюро, взявшая под контроль ситуацию. Возглавить группу поручили мне.

Сейчас можно, вероятно, кинуть в нас очередной камень: мол, еще одно партийно-государственное бюрократическое формирование вместо дела. Мол, не заседать надо, а действовать... Еще раз напомним: беда случилась в начале 86-го, авторитет Политбюро был непрекаемым. Только его именем можно было задействовать все и всех в стране, а события, понимали мы, шли к тому.

Один пример. Довольно быстро комиссия Щербины (опять же Легасов предложил) нашла способ тушения реактора: забрасывать свинцом с воздуха. И один мой телефонный звонок заставил повернуть на Чернобыль все железнодорожные составы на дорогах страны, груженные свинцом. Сразу! И никто не посмел возражать...

Да, в беде, в условиях катастрофы мы умеем работать, умеем делать все, что необходимо, без лишних понуканий. Но, во-первых, страна тогда, в последние дни апреля 86-го, еще плохо представляла себе, что несет с собой чернобыльский ад, все еще только начиналось. Аврал в те часы существовал лишь для тех, кто понимал истинное положение дел.

Нет, поверьте мне, опытному производственнику, умевшему разобраться в уровне руководящих приказов: если известно, что во главе стоит Политбюро, любой исполнитель любого ранга делает все беспрекословно и точно. Это и есть «во-вторых» и в главных... И что бы ни говорили сейчас о Политбюро, это был коллективный орган. Решения его были обязательны для исполнения. Да,

такова была система. Но простите мне за кощунство, слава Богу, что Чернобыль случился не нынче, а тогда... ОГ заседали ежедневно, а в первые дни по два раза. В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все присутствующие могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С нами работали все, кто мог хоть чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу. Сегодня я просматриваю записки, которые вел по старой своей привычке на каждом заседании: более четырехсот конкретных вопросов разрешили мы. Или скажем точнее: помогли разрешить, сделали решение возможным.

Кроме вышеуказанных органов управления ЛПК были сформированы республиканские комиссии, областные штабы (в областях, подвергнувшихся радиационному загрязнению), оперативные группы в министерствах и ведомствах, как в центре, так и в районе ЧАЭС. Фактически в считанные дни была создана строго централизованная многоуровневая система по локализации и ЛПК на ЧАЭС, рис. 2.1.

В оперативную группу Политбюро, созданную для решения вопросов по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, вошли Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, В.И. Воротников, В.М. Чебриков, В.И. Долгих, С.Л. Соколов. В заседаниях Оперативной группы участвовали секретари ЦК КПСС, руководители отраслевых министерств и ведомств, местных советских и партийных органов, специалисты и ученые (по необходимости). На первом этапе заседания ОГ ПБ проводились фактически ежедневно.

В ОГ ПБ, как в одно из высших звеньев управления ЛПК на ЧАЭС, поступала вся информация о ходе работ, требующая оперативных решений. Формировались необходимые распоряжения и др.

Принимаемые решения на заседаниях были направлены на реализацию кон-

Ликвидация последствий катастрофы

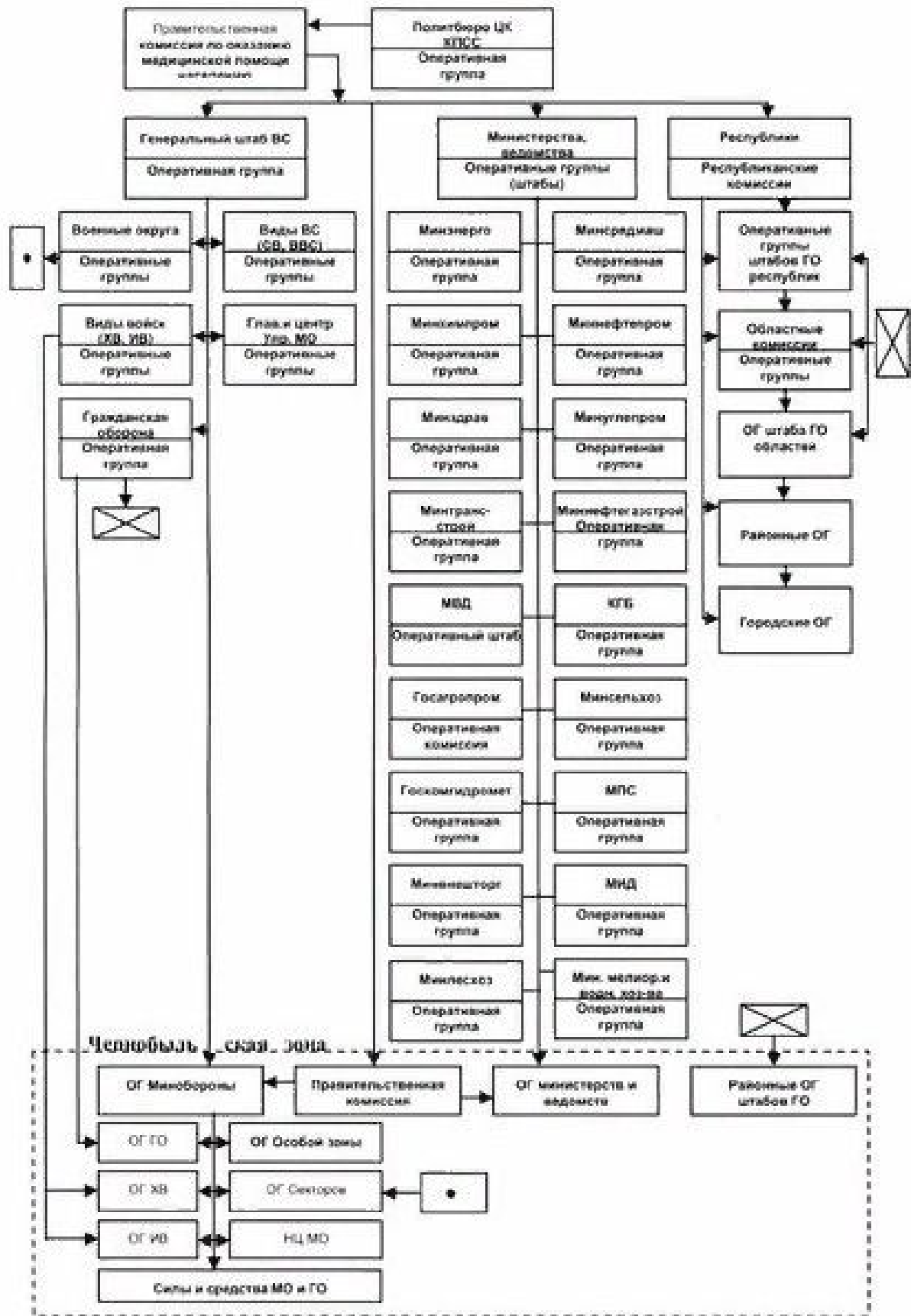

Рис. 2.1. Структура стратегической группировки сил и средств СССР при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС

кретных мер по локализации катастрофы, ликвидации последствий радиоактивного загрязнения территорий, организации медико-санитарных мероприятий и охране здоровья населения и др. Наиболее важные вопросы рассматривались в Политбюро ЦК КПСС и Правительстве СССР.

2 мая в Чернобыль прибыла группа руководителей государства во главе с Н.И. Рыжковым и руководители Украины. После знакомства с обстановкой на месте было проведено расширенное заседание Правительственной комиссии в здании Чернобыльского горкома КПУ. Заслушаны доклады членов ПК, специалистов, ученых и медиков. Резкой критике Н.И. Рыжков подверг работу Минздрава СССР. Было принято решение об эвакуации населения из 30-ти километровой зоны ЧАЭС и ряда населенных пунктов за ее пределами. В целом, до конца 1986 г. из 188 населенных пунктов было отселено 116 тыс. человек. Н.И. Рыжков был весьма раздосадован сложившейся обстановкой в вопросах ЛПК: «Когда мы с Лигачевым прилетели в Киев, то оказалось, что ни Первый секретарь ЦК Компартии Украины Щербицкий, ни его ближайшие соратники за эти уже долгие дни ни разу не удосужились побывать в зоне бедствия! Нас ждали! Единственной из высшей власти, побывавшей до нас в зоне, была Валентина Семеновна Шевченко — председатель Президиума Верховного Совета республики. Видно, женщины быстрее откликаются на беду.

Штаб правительственной комиссии осел в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госкомгидромета Израэль. Потом медики выступили, химики о своих проблемах, а вернее, об общих.

Легасов в воспоминаниях абсолютно прав: мы во всем ориентировались только на мнение специалистов. Но был вопрос, который предстояло решить именно нам. Мне. На стол легла крупномасш-

табная карта, на которой нанесена была неровная, уродливая клякса — Зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью «Чернобыль» и провести окружность радиусом 30 километров, то самые длинные и тонкие «языки» Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очерченном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться было нельзя.

— Эвакуировать людей будем из 30-ти километровой зоны!

— Из всей? — переспросил кто-то.

До этого спорили, предлагали: давайте не станем торопиться, еще раз уточним границы Зоны. Их же все-таки с некоторым запасом определяли. К тому же вертолетная радиационная разведка — а иной там нельзя было провести — не самая точная.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять, следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то, как бы потом не просто дороже, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно.

Когда, спустя несколько часов, мы возвращались в Киев, навстречу нам шли в Зону сотни пустых автобусов: казалось, что вся дорога от Чернобыля до Киева была ими занята. В зоне должны были обезлюдить 186 населенных пунктов.

Щербина уехал днем позже. Он к тому времени схватил солидную в сумме дозу радиации. Потом он еще не раз прилетит сюда, вплоть до 89-го станет летать, еще добавит к той черной сумме новые рентгены... Не они ли в итоге сократили ему жизнь?

В Зоне остался так называемый сменный состав Комиссии. А возглавляли ее по очереди после Щербины: Силаев, затем Воронин, Маслюков, Гусев, Ведерников, Толстых, украинцы Масол, Мостовой... Если кого запомнил, не обесчудьте.

Когда к осени 86-го радиационная обстановка стабилизировалась, да и работы в Зоне вошли в организованное русло, сменные «дежурства» прекратились.

В 89-м у Чернобыля уже «дежурили» все, кому, как говорится, не лень было, кто хотел на общенародной беде сделать себе громкое политическое имя. Легион их — «дежурных», соревнующихся в недетской игре под названием «Кто громче крикнет...».

А в первые дни даже журналисты, прорвавшиеся в Зону, писали о трагедии, в основном, как лишь о прискорбном происшествии. Оно, как считали многие, закончится достаточно благополучно. Они, к сожалению, ошиблись. Стоит ли их винить? Или по новейшей привычке будем призывать к ответу партократов, которые изо всех сил скрывали от народа горькую правду?

Даже бывший выдающийся партократ, а потом вовремя облачившийся в демократические одежды Шеварднадзе в своих мемуарах бросает камни в коллег, членов ПБ. Из-за их косности-де он не мог сразу же, в первые дни катастрофы, доложить все о ней миру. Он, по видимому, в те дни это все знал, в отличие от нас, тех, кто каждый час, каждый день по крупинкам собирал данные, анализировал их, делал выводы.

Удивляться такому заявлению не приходится. Этот человек прошел все мыслимые и немыслимые ступеньки восхождения «наверх», он, действительно, ас высшего пилотажа — от всенародного демонстрирования поцелуев с немощным Брежневым на съезде до хаоса и людской крови в своей родной Грузии. Он всегда прав!»

С первых часов после катастрофы на

ЧАЭС необычность, сложность возникших проблем привели к необходимости привлечения основных научных сил страны, специализирующихся в данной и близлежащих научных областях, к локализации взрыва реактора 4-го ЭБ и ЛПК.

Так, в состав ЛПК был включен академик В.А. Легасов. Активно участвовали в ЛПК на ЧАЭС академики АН СССР А.П. Александров, Е.П. Велихов, С.Т. Беляев, Б.Е. Патон, академики УССР В.Г. Барьяхтар, В.П. Кухарь, В.Д. Новиков и др. Многие НИИ, ВУЗы страны оперативно подключили свои научные потенциалы на Чернобыльскую тематику.

Раскрывая вклад государственных органов СССР в ЛПК на ЧАЭС, необходимо особо остановиться на высших звеньях управления государством — ЦК КПСС и СМ СССР.

Постановления ЦК КПСС и СМ СССР по вопросам ЛПК на ЧАЭС носили программный характер. В них определялась работа министерств и ведомств, участвующих в реализации конкретных мероприятий. Они были конкретны и целенаправленны.

Для подтверждения изложенного представим только перечень основных постановлений ЦК КПСС и СМ СССР по чернобыльской тематике в 1986 году:

«О мероприятиях обеспечивающих введение в эксплуатацию энергоблоков Чернобыльской АЭС», № 583 от 22 мая 1986 г.;

«О проведении дезактивационных работ в районах УССР, БССР, подвергшихся радиоактивному загрязнению в связи с аварией на Чернобыльской АЭС», № 634—188 от 29 мая 1986 г.;

«О подготовке к консервации объектов Чернобыльской АЭС», № 663—194 от 5 июня 1986 г.;

«О трудоустройстве и обеспечении жильем, социально-бытовым обслуживанием населения эвакуированного из зоны Чернобыльской АЭС» от 5 июня 1986 г.;

«Об образовании при президиуме АН СССР координационного совета по на-

учным проблемам, связанным с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС», № 1306—357 от 1 ноября 1986 г. и др.

В рамках данного исследования нет возможности досконального анализа каждого из постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, но представить краткое содержание двух из них необходимо.

Так, постановление № 634—188 от 29 мая 1986 г.: утвержден график работ с июня по декабрь 1986 года по дезактивации ЧАЭС, ж/д станции «Янов», зоны временного выселения и жесткого контроля, г. Припять и др.,

отмечается низкая эффективность дезактивационных работ;

об обеспечении работающих в зоне ЧАЭС индивидуальными дозиметрами, респираторами, организации строго учета уровня облученных;

об установлении порядка возвращения эвакуированного населения в места прежнего проживания;

о выпуске дополнительного количества приборов дозиметрического контроля, поставке химических реагентов для дезактивации и др.

В целом постановление определило конкретных исполнителей, сроки выполнения работ, ответственность» и др.

Постановлением СМ СССР № 1306—357 от 01.11.86 г. было предусмотрено развертывание в 1986—1990 гг. исследований по Комплексной программе, включающей ряд приоритетных научных направлений.

Для осуществления руководства и координации исследований по чернобыльской тематике, контроля за ходом выполнения работ НИУ различных министерств и ведомств, обобщения результатов и подготовки рекомендаций был образован Межведомственный Координационный совет по научным проблемам Чернобыля при Президиуме Академии наук СССР, а также специальные научно-исследовательские центры и группы по различным проблемам. Председателем Совета был назначен академик А.П. Александров. Первоначально в

состав Совета вошли 43 виднейших ученых, руководителей министерств и ведомств. Со временем персональный состав Совета менялся неоднократно.

Основные задачи научных исследований, обусловленные локализацией катастрофы и ликвидацией ее последствий условно (по времени) можно разделить на три этапа:

первый — локализация катастрофы;

второй — ликвидация последствий катастрофы на АЭС, в ее зданиях и сооружениях, а также на территориях, загрязненных радиоактивными осадками;

третий — исследования по Комплексной программе, включающей следующие основные научные направления: влияние радиоактивного загрязнения на объекты флоры и фауны; контроль за уровнем радиоактивного загрязнения объектов окружающей среды и изучение процессов переноса продуктов деления и трансурановых элементов; изучение биологических факторов и отдаленных последствий радиационного воздействия на население и разработка мер по сокращению отрицательного влияния этого воздействия; исследование влияния радиоактивных загрязнений на сельскохозяйственную продукцию, разработка мер по сокращению этого влияния и утилизации загрязненных радионуклидами пищевых продуктов;

разработка методик и средств дезактивации объектов окружающей среды, хозяйственных и бытовых зданий и сооружений, оборудования и транспортных средств; разработка технологий, систем и оборудования, включая дистанционно управляемые устройства и технику, необходимых для обеспечения безопасных условий проведения работ по ликвидации аварии.

Высокопрофессиональный состав Координационного совета обеспечил эффективное решение вопросов организации фундаментальных исследований, разработку научных рекомендаций при решении конкретных задач.

Проведя анализ основных направле-

ний программы исследований, Совет выделил самостоятельное научное направление по долговременному наблюдению и исследованиям на четвертом ЭБ ЧАЭС.

Разработанные рекомендации и предложения представлялись в ПК, ОГ ПБ ЦК КПСС, в СМ УССР, БССР и РСФСР и другие министерства и ведомства. Ход выполнения научных исследований заслушивался на заседаниях Совета.

Отдавая должное вкладу научных учреждений, необходимо четко представлять, в каких неординарных условиях приходилось решать возникающие задачи.

Не все было гладко. Не всегда можно было принять достаточно грамотное адекватное решение по возникающим проблемам.

Основные работы по ликвидации последствий катастрофы были возложены на Минэнерго СССР как заказчика и генподрядчика, но объем работ был значителен, поэтому к работам были привлечены организации Минсредмаша, Минуглепрома, Минмонтажспецстроя и др.

В Минэнерго были созданы два оперативных штаба по ликвидации последствий катастрофы. В начале был создан штаб в Москве (руководитель А.Н. Семенов), несколько позднее, второй — в Чернобыле (руководитель заместитель министра Ю.Н. Корсун).

В Минэнерго было образовано главное производственно-распорядительное управление для выполнения и координации всех работ в зоне аварии Чернобыльской АЭС и для осуществления функций заказчика по сооружению г. Славутича (нового города эксплуатационников), было также сформировано производственное объединение «Комбинат».

ПК собиралась 2—3 раза в день. Вечернее заседание проходило в 20 часов. Частные вопросы решались по мере их возникновения. В связи с увеличением радиационного фона в г. Припяти ПК, оперативные группы мини-

стерств и ведомств 28 апреля передислоцировались в г. Чернобыль.

Вечерние заседания ПК проводились в здании Чернобыльского райкома КП Украины. Подводились итоги работы за прошедшие сутки, уточнялись задачи на следующие. На заседания приглашались руководители министерств и ведомств, участвовавшие в ликвидации последствий катастрофы, члены ПК.

Заседания ПК проходили исключительно организованно. Все вопросы, при необходимости, решались на государственном уровне. Если возникала потребность в чем-то крайне важном, из-за чего страдало срочное выполнение того или иного задания (агрегаты, материалы, механизмы и др.), то необходимое оборудование могло быть доставлено на следующий день поездом, самолетом из любого региона страны. На ликвидацию последствий катастрофы работала вся страна.

Масштабность выполняемых работ в районе катастрофы, их разноплановость, необходимость выделения главных, первоочередных мероприятий, потребовала разработки комплексной программы работ по локализации катастрофы и ликвидации ее последствий. В разработке Программы приняли участие фактически все министерства и ведомства, представленные в районе ЧАЭС. После рассмотрения и утверждения Программы на ПК она была положена в основу работ по локализации катастрофы и ликвидации ее последствий. Программой координировалось решение всех основных задач. Были определены ответственные исполнители, назначены сроки выполнения основных мероприятий, предусмотрена система отчетности. Фактически Программа стала базой для деятельности ПК, а прибывшая на смену первой ПК команда И.С. Силаева осуществляла ее претворение в жизнь. Отчет о выполнении Программы систематически докладывался в СМ СССР и ПБ ЦК КПСС.

В дальнейшем была продолжена

практика разработки комплексных программ. Их претворение в жизнь подтвердило необходимость четкого планирования крупномасштабных работ в районе катастрофы.

Эти работы диктовались временными и целевыми задачами. Их можно разделить на следующие крупные этапы: локализация катастрофы (с 26.04.86 по 1.06.86 гг.); ликвидация последствий катастрофы в объеме, обеспечивающем возможность ввода в эксплуатацию 1 и 2 энергоблоков Чернобыльской АЭС (со 2.06.86 по 1.07.87 гг.); ликвидация последствий аварии до уровня, который мог обеспечить ввод в работу энергоблока № 3 и гарантировал локализацию радиоактивности в зоне ЧАЭС (со 2.01.87 по 1.04.88 гг.).

Одна из ответственных задач, с последствием на века, решаемая ПК на 1-ом этапе ликвидации последствий катастрофы, относилась к определению мест захоронения радиоактивных отходов средней и слабой зараженности. Высокозагрязненные отходы сосредоточивались в фундаментальных могильниках в промзоне, складировались у разрушенного здания реактора (впоследствии укрытые «Саркофагом»).

Для решения этой задачи ПК решением от 15.06.86 г. образовала рабочую группу (руководитель А.К. Круглов — член ПК, начальник научно-технического управления Минсредмаша). В состав рабочей группы были включены представители Украины и ряда союзных ведомств. В результате работы группы был разработан порядок захоронения отходов.

В своих воспоминаниях член ПК А.К. Круглов отмечает, что итогом нашей рабочей группы было решение о выборе места и срочном строительстве этих могильников в районе села Бураковка, на расстоянии 4 км к югу от ЧАЭС. Рабочий проект могильников выполнял ВНИИПИЭТ под руководством Страхова с участием проектного института Украины и привлеченных организаций.

Катастрофа на ЧАЭС показала необходимость выделения из состава Министерства энергетики и электрификации атомных станций. В июле 1986 г. было образовано Министерство атомной энергетики СССР. На базе Минсредмаша и нового министерства 27.06.89 г. образовано Министерство атомной энергетики и промышленности. 17.07.89 г. министром стал В.Ф. Коновалов.

В связи с необходимостью дальнейшего совершенствования системы управления работами в зоне ЧАЭС и в других районах радиоактивного загрязнения, в сентябре 1986 года ОГ приняла решение о прекращении деятельности ПК сменных составов.

Была создана ПК по ликвидации последствий аварий на ЧАЭС с рабочим органом в составе бюро СМ СССР по топливно-энергетическому комплексу на постоянной основе под руководством Б.Е. Щербины. В 1989 году его сменил заместитель Председателя СМ СССР В.Х. Догужиев, возглавивший Государственную комиссию СМ СССР по чрезвычайным ситуациям.

С октября 1986 года заседания ОГ ПБ перестали быть регулярными, а 14 января 1988г. ЦК КПСС принял Постановление «О деятельности Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС». Работа ОГ была признана положительной. В связи с выполненными задачами, ЦК КПСС принял решение о прекращении ее работы.

Отмечая в целом огромную роль верхних звеньев в управлении, в организации и координации работ по локализации, а потом и ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, необходимо обратить внимание и на непонятное, пассивное отношение бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева к поездке в район катастрофы.

В книге «Перестройка: история предательства» Н.И. Рыжков недоумевает по этому факту: «...почему он так и не был в Чернобыле? Почему он ни разу не приехал ни в одну «горячую точку»? Ни в

Карабах, ни в Тбилиси, ни в Сумгаит, ни в Баку, ни в Вильнюс?..»

Подводя итоги изложенному, можно отметить, что высшая оценка деятельности Оперативной группы Политбюро дана академиком В.А. Легасовым:

«Я не знаю ни одного ни крупного, ни мелкого события, которое не было бы в поле зрения Оперативной группы Политбюро. Должен сказать, что ее заседания, ее решения носили очень спокойный, сдержанный характер с максимальным стремлением опереться на точки зрения специалистов, но всячески сопоставляя точки зрения различных специалистов. Для меня это был образец правильно организованной работы. При этом в своих решениях Оперативная группа стремилась всегда идти по пути максимальной защиты интересов людей».

Вместе с тем было неправильным говорить обо всем в розовом свете. Так, В.Н. Шишкин, заместитель начальника Главного управления Министерства строительства электростанций, по этому поводу отмечает: «...со дня страшной трагедии из памяти ушли многие события, их последовательность, но одно запомнилось ясно — растерянность в первые дни после аварии руководителей ЧАЭС, Министерства и Правительственной комиссии. В некоторых случаях, очевидно, были незнание, как правильно поступить в создавшейся ситуации, ошибочность принимаемых решений с расчетом на самоотверженность людей, которая ими и проявлялась ежедневно и ежечасно».

В отдельных случаях решения о создании руководящих органов ликвидации последствий катастрофы принималось не министерствами и ведомствами, а вышестоящими звеньями управления персонально.

Известно, что вначале организация медицинского обследования эвакуированного из района катастрофы населения и оказание ему врачебной помощи имели серьезные недостатки. Об этом

отмечалось уже на первом заседании Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС 29 апреля 1986 г.

Так, в протоколе № 1 этого заседания, отмечалось (пункт 3):

«Об организации медицинского обслуживания населения в районах радиоактивного загрязнения».

Обратить внимание т. Буренкова на серьезные недостатки в организации медицинского обследования населения, эвакуированного из района аварии, и оказания необходимой врачебной помощи. Обязать т. Буренкова срочно вылететь на место для принятия исчерпывающих мер по коренному улучшению всей этой работы».

Во исполнение решения заседания ОГ ПБ ЦК КПСС уже 1 мая 1986 г. распоряжением СМ СССР была создана правительственная комиссия для обеспечения единого руководства оказанием медицинской помощи пострадавшим в результате радиационной аварии. Руководитель — первый заместитель министра здравоохранения Щепин О.П.

Всем министерствам и ведомствам СССР, в том числе и республиканским, местным органам власти предписывалось безусловное выполнение решений и поручений комиссии по вопросам, входящим в ее компетенцию.

Необходимо осветить нетривиальный алгоритм создания этой правительственной комиссии. В монографии «До и после Чернобыля» один из ее авторов (А.И. Воробьев — член корреспондент Академии медицинских наук, 1986 г.) достаточно подробно раскрывает обстоятельства этого события.

С первых дней после катастрофы, понимая ее масштабы, А.И. Воробьев включился в процесс оказания помощи пострадавшим от радиации, как в 6-й больнице (Клинический отдел Института Биофизики), так и в районе ЧАЭС.

Прибегнув к помощи своего пациента в Кремлевской больнице (первого заместителя КГБ Бобкова Д.Д.), Воро-

бьев А.И. вместе с ним 1-го мая побывали в шестой больнице, а потом отправились в Кремль, на заседание ОГ ПБ ЦК КПСС.

После доклада представителя Института биофизики о ситуации с больными, о нуждах 6-ой больницы (в это время в ней находилось более 200 больных с острой лучевой болезнью) было предложение выступить А.И. Воробьеву. Он в конце своего доклада предложил создать специальную Правительственную медицинскую комиссию, в которую вошли бы и представители других министерств.

Медицинская правительственная комиссия СССР активно включилась в процесс ЛПК. Так, уже в день своего создания (1 мая 1986 г.) Председатель ПК О.П. Щепин ВЧ-граммой министрам охраны здоровья республик, распорядился о ежедневных докладах в Минздрав СССР до 9.00 утра, в том числе о количестве выявленных, обследованных, прошедших санитарную обработку и госпитализированных лиц из-за катастрофы на ЧАЭС, нарастающим итогом за каждый день. Первое донесение предписывалось представить 2 мая 1986 г.

3 мая 1986 г. система управления ликвидацией последствий катастрофы на ЧАЭС пополнилась еще одним звеном управления на Украине. Распоряжением первого секретаря ЦК КПУ В. Щербицкого была создана оперативная группа политбюро ЦК КПУ.

Руководитель ОГ Ляшко А.П. — председатель СМ Украины. Определены основные задачи:

- проведение мероприятий по ликвидации последствий катастрофы;
- эвакуация населения из опасных зон, его размещение, медицинская помощь и др.;
- обеспечение непрерывного контроля за состоянием окружающей среды и осуществление необходимых мероприятий по ее нормализации;
- повышение подготовленности на случай осложнения обстановки;

- контроль за проведением сельскохозяйственных работ, состоянием животноводства и качеством продукции;
- оценка сложившейся обстановки в г. Киеве, Киевской области и других местах республики.

Первое заседание ОГ ПБ ЦК КПУ состоялось 3 мая 1986 г. Было определено, что заседания будут проводиться ежедневно в 10 часов, продолжительность — до 1 часа.

На первом заседании был рассмотрен обширный перечень вопросов, в том числе:

- выполнение распоряжений ПК, связанных с ЛПК на ЧАЭС;
- обеспечение качественного проведения эвакуации населения из 10-километровой зоны (время и очередность проведения эвакуации определяет ПК). О размещении населения по новому месту жительства, обеспечении его работой, прием детей в школы и дошкольные учреждения. Торговля, бытовое обслуживание;
- медицинское обслуживание: учет, развертывание медицинских пунктов, откомандирование медицинских работников из других областей;
- о выезде иностранных граждан;
- о создании специальной ПК СССР по медицинским вопросам;
- о контроле за окружающей средой и др.

Широкий спектр поднятых вопросов на 1-м заседании ОГ ПБ ЦК КПУ и конкретные решения свидетельствуют о широких полномочиях данного звена управления и желании членов ОГ обеспечить наивысшую эффективность системы ЛПК на ЧАЭС, созданной и функционирующей на Украине. Вместе с тем, это звено управления не дублировало ПК СССР, ОГ ПБ ЦК КПСС, а обеспечивало, координировало, руководило на республиканском уровне деятельностью министерств и ведомств республики с учетом указаний высших звеньев управления СССР.

Теперь трудно выявить и собрать

конкретных авторов иных новшеств или рекомендаций, ибо в первые месяцы главной целью всех участников было — выполнить задачу и повысить эффективность намечаемых мероприятий. Одних только крупных организаций, учреждений и учебных заведений, принимавших участие в подготовке и внедрении научных рекомендаций и впоследствии вошедших в Координационный совет, было более тридцати.

От ПК ждали немедленных и эффективных действий. Но не все было так просто. Разрушения и огромные радиационные излучения внутри и около ЧАЭС, достигавшие десятков тысяч рентген в час, осложняли возможность выяснения истинной сложившейся обстановки на ЧАЭС.

Опыта ЛПК подобного масштаба не было. Так, например, «при более простой аварии в 1979 году на Три-майл-Айленд (США), где один человек погиб и 1400 были эвакуированы из-за радиоактивного заражения, только через два года американцы рискнули подойти к биологической защите первой стенки и начали работы [2. 16.].

Наиболее сложными в решении были вопросы, связанные с ядерным топливом, а именно: ядерная, тепловая и радиационная опасность.

Вот как комментирует сложившуюся обстановку А.А. Боровой [2. 17.]: «Ядерная опасность — это возникновение цепной реакции (СЦР). Но уже не управляемой человеком, как в реакторе, а самопроизвольной.

Насколько опасны были бы последствия возникновения в разрушенном блоке цепной реакции?

В течение долгого времени их опасность преувеличивалась, продолжает она преувеличиваться и по сей день. Вначале — в силу недоверия к заявлениям специалистов (сам факт Чернобыльской аварии никак не способствовал укреплению этого доверия), а позднее — из-за личных интересов и влияния сообщений средств массовой информации.

Слова «ядерная опасность» у обычного человека прочно ассоциируются с ядерным взрывом. Гигантская по своей силе вспышка света, ударная волна, переворачивающая танки, как спичечные коробки, Апокалипсис. Ничего похожего внутри четвертого блока ученые не ожидали. При возникновении СЦР топливо нагреется, развалится, вода испарится и реакция остановится. Опасность при этом представлял бы выброс радиоактивности, наработанной за время существования такого «самостоятельного» реактора. Но по всем оценкам, этот выброс не шел ни в какое сравнение с выбросом при самой Чернобыльской аварии. Он был бы в тысячи раз меньше. Так говорили специалисты-ядерщики. Но загипнотизированные огромной бедой члены Правительственной комиссии не очень-то им верили.

Поэтому в первый день после аварии был сделан ряд попыток измерить потоки нейтронов у развала блока; предполагалось, что их большая величина может служить указателем того, что реактор продолжает неуправляемую работу.

С риском для жизни пытался провести такие измерения вблизи развала реактора и член Правительственной Комиссии академик В.А. Легасов.

Не меньшую тревогу вызывала тепловая опасность («Китайский синдром» — название одноименного фильма). Считалось, что раскаленное ядерное топливо опустится вниз, достигнет грунтовых вод и загрязнит их.

Но самой злободневной и сложной явилась радиационная загрязненность, распространявшаяся на многие территории северного полушария нашей планеты.

Наиболее сложные и безотлагательные вопросы возникли в первые же минуты после катастрофы и начали нарастать один за другим по мере развертывания работ. Сюда можно отнести:

• как остановить ядерную реакцию в разрушенном энергоблоке?

- как выявить, есть ли нейтронное излучение?
- как обнаружить куски твэлов с воздуха?
- как установить суточный выброс активности из кратера 4-го энергоблока?
- как дезактивировать различные поверхности?
- как повысить эффективность радиационной разведки?
- как обеспечить охлаждение реакторов?
- как укрыть разрушенный энергоблок?
- какие нужны работы?

Первой научной проблемой, вставшей перед участниками ликвидации последствий катастрофы немедленно, было «укрощение» взорвавшегося реактора, или, как потом начали называть эту работу, его тампонирование.

К сожалению, ни тогда, ни сейчас нет однозначной оценки принятых решений. А решений было два.

До того, как выяснилась в первом приближении картина взрыва, реактор пытались заливать водой. Руководство станции ошибочно считало, что реактор не разрушен и его необходимо охлаждать.

По мере выявления действительной картины разрушения реактора было принято на основе коллективных научных консультаций, в которых участвовали ведущие ученые страны (академики А.П. Александров, Е.П. Велихов, В.А. Легасов и др.), решение о тампонировании реактора с воздуха набором веществ различного функционального назначения. Такое решение было одобрено ПК и принято 27 апреля в 8 часов утра [2.4.].

Песок по расчетам, должен был играть роль физико-химического фильтра, связывающего радиоактивные газы и аэрозоли, которые исходили из развала. Кроме того, песок должен был расплавляться, обволакивать топливо и затем в виде расплава поступать в нижние отметки реакторного отделения. Все

это уменьшало удельную емкость остаточного энерговыделения топлива и приводило затем к снижению его температуры.

Одновременно с песком сбрасывали борную кислоту (как поглотитель нейтронов), доломитовые глины и свинец. Свинец как вещество, имеющее большую, чем ядерное топливо, плотность и достаточно высокую температуру кипения (более 1700° С), проникая через остатки активной зоны реактора, должен снижать ее температуру, образовать жидкую линзу под ней и тем самым воспрепятствовать проплавлению конструкционных материалов на нижних отметках. Это должно было предотвратить проникновение высокорadioактивного расплава под фундамент реакторного отделения. В тот период вероятность расплава представляла значительную угрозу для водоносных горизонтов грунта (согласно расчетным оценкам, расплав активной зоны мог уйти на глубину до 10 м).

Вопросы организации засыпки активной зоны были поручены заместителю ПК Н.Ф. Николаеву (заместитель Председателя СМ Украины) и Председателю Киевского облисполкома И.С. Плющу, Е.И. Игнатенко и генералу — майору Н.Т. Антошкину, начальнику штаба ВВС КВО».

Новую яркую страницу в героическую летопись ВВС вписали воины-авиаторы, принявшие участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Использование авиации, в особенности вертолетов, потребовалось буквально на самых ранних стадиях принятия решений по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Прежде всего, вертолеты применялись как единственно возможные средства для детальной разведки состояния 4-го реактора и его активной зоны. В результате первых вылетов было установлено, что придется иметь дело с горением активной зоны и с высокими уровнями радиоактивности. Под угрозой находились обширные

территории с множеством населенных пунктов. Надо было задержать, хотя бы временно, поступление в окружающую среду выделяющихся радиоактивных продуктов, особенно короткоживущих радиоактивных изотопов. Вывод был сделан единственный: засыпать реактор веществом-поглотителем, слой которого выполнял бы роль фильтра.

Практическое выполнение сложных и масштабных задач по засыпке реактора легло на плечи вертолетчиков, непосредственное руководство которыми осуществлял начальник штаба ВВС Киевского военного округа Антошкин Н.Т. Ему удалось четко организовать работу вертолетных частей в исполнении летчиков, по два-три раза побывавших в Афганистане. Активная засыпка взорвавшегося блока, выполненная летчиками генерала Антошкина Н.Т., заметно снизила выход продуктов горения и радиоактивных элементов в окружающую среду (по американским данным, на фотоснимках ЧАЭС со спутников 30.04.89г. уже не было видно шлейфа, идущего из горячей активной зоны).

О самоотверженном труде вертолетов по засыпке реактора Правительственная комиссия в протоколе от 2 мая записала: «Отметить высокую организацию работ, проведенных ВВС в период с 27 апреля по 2 мая на Чернобыльской атомной электростанции, самоотверженность, проявленную личным составом, высокие личные качества и инициативу генерал-майора Н.Т. Антошкина».

О недостаточной подготовке к действиям в условиях значительного загрязнения в районе ЧАЭС убедительно свидетельствует факт неграмотного применения машин радиационной разведки УАЗ — 469рх в полку ГО КВО.

Прибывшие подразделения этого полка утром 26 апреля 1986 г., в том числе 6 машин УАЗ — 469рх, фактически, не могли быть применены, т.к. личный состав получил уже значительные дозы облучения, машины были загрязнены, приборы радиационной разведки,

размещенные на машинах, показывали фон от машин, который был выше фона загрязненных территорий. Эти дозоры нельзя было использовать для разведки на территории АЭС, т.к. машины не имели радиационной защиты и были негерметичны...

В 3 часа ночи 27 апреля в г. Припять прибыли первые два дозора на машинах БРДМ—2рх от мобильного отряда ликвидации последствий радиационных аварий химических войск, поднятого по тревоге по указанию начальника Генерального штаба ВС СССР Маршала Советского Союза Ахромеева С.Ф. и направленного из Приволжского военного округа в район аварии авиационным и железнодорожным транспортом...

28 апреля железнодорожным транспортом прибыли основные подразделения мобильного отряда ликвидации последствий радиационных аварий химических войск, в составе которых были силы радиационной и химической разведки — РХМ—1, имеющие защищенную капсулу для личного состава.

С прибытием этих сил была уточнена радиационная обстановка на АЭС и организован ее постоянный контроль, началось планомерное выявление и контроль обстановки в 30-ти км зоне вокруг АЭС. Дальнейшее наращивание сил радиационной разведки в начале мая позволило взять радиационную обстановку в районе аварии под жесткий контроль.

Вся территория АЭС и вокруг нее была разбита на соответствующие районы (зоны), которые были закреплены за определенными разведывательными подразделениями наземной разведки. В этих районах были установлены обязательные точки замера: на площадке АЭС—29 точек, на прилегающей территории в пределах 30-ти километровой зоны — 36 точек. Разведка здесь велась на машинах радиационной и химической разведки (БРДМ, РМХ) с периодичностью 6 часов.

В наиболее опасных зонах, в том числе в ближней зоне завала у стен ре-

акторного отделения и машинного зала, разведка была выполнена с помощью инженерной машины разграждения (ИМР) с дополнительной защитой (кратность ослабления до 1000).

Следует отметить, что с самого начала работ по ликвидации последствий аварии обнаружилась нехватка высокочувствительных приборов для измерения всех видов ионизирующих излучений. Войсковые технические средства радиационной разведки обеспечивали выполнение задач лишь в пределах возможности имеющихся штатных приборов (малые уровни радиации и степени загрязнения не фиксировались), и, главным образом, в области измерения гамма-излучения, но сразу стало ясно, что аппаратурой для контроля только гамма-излучения обойтись нельзя.

Ряд сложностей возникло при использовании подвижных средств радиационной разведки (БРДМ, РХМ, вертолетов).

Например, за сутки на спецодежде личного состава разведывательных машин на шасси УАЗ—469 накапливалось такое количество радиоактивных веществ, которое давало мощность дозы 1 бэр/час. То есть, использование негерметичной разведывательной техники оказалось невозможным в условиях пыления.

Фон от радиоактивного загрязнения внешних поверхностей разведывательной техники достигал: от наружных поверхностей вертолетов — несколько мбэр/час, от ходовой части наземных разведывательных машин 3—5 бэр/час, от моторной части — сотни мбэр/час. Поэтому использование бортовых средств измерения при малых уровнях радиации стало невозможным. Было рекомендовано измерение уровней радиации на местности в этих условиях проводить с помощью переносных приборов (типа ДП—5В) при удалении оператора от разведывательной машины на 20—30 м, в том числе и от вертолета, который для каждого измерения совершал посадку.

Из-за недостаточной защиты разведывательных машин для работы на них вблизи аварийного реактора пришлось увеличивать защиту машин путем их дополнительного освинцовывания. В результате удалось добиться, например, для разведывательной машины типа БРДМ коэффициента ослабления — $K = 40$. Но одновременно машины теряли подвижность, маневренность».

Но нельзя считать, что в ходе радиационной разведки все выполнялось в соответствии с отданными приказами. В условиях дефицита времени, нежелание переоблучения приводило к нежелательным последствиям, в том числе и к искажению реальной радиационной обстановки.

Накопленный опыт в вопросах радиационной разведки в ходе ЛПК позволил сформировать основные этапы ее проведения при крупных авариях на АЭС: «Определение факта аварии на АЭС — по данным автоматизированной системы радиационного контроля; оперативное выявление масштаба и характера радиационной обстановки — воздушной разведкой с использованием вертолетов и самолетов, имеющих на борту аппаратуру аэрогаммасъемки и дозиметрического контроля, обеспечивающую измерение мощности дозы от естественного фона до нескольких сот бэр; установление границ зон радиоактивного загрязнения — наземной разведкой с использованием средств дозиметрического контроля и путем отбора проб с последующей их обработкой на реперные изотопы».

Много недостатков в начальный период работ было в организации дозиметрического контроля [2.18.]: «В начале весь индивидуальный контроль облучения в основном осуществлялся войсковыми дозиметрами ДК-0,2, ДКП—50, ИД—1 и ИД—11. Все они не обеспечивали решение этой задачи. Одни (ДК-0,2) зашкаливали, другие (ДКП—50) имели большую погрешность измерения, а третьи (ИД—1 и ИД—11) до 10

бар контроля не обеспечивали. Кроме того, дозиметров просто не хватало. Был использован групповой метод контроля, когда дозиметр выдавался старшему группы, и всему личному составу группы зачислялась доза с этого единого дозиметра. Безусловно, что данный метод контроля не выдерживал никакой критики, но другого выхода не было. Попытка использовать расчетный метод больших положительных результатов не дал. Лишь переход со временем на использование ряда других дозиметров (Д-2р, ДПГ-0,3 и др.) позволил решить эту проблему. В целом же надо констатировать, что дозиметрический контроль при работах по ликвидации последствий Чернобыльской аварии был организован плохо. Отсюда так много нареканий и сегодня со стороны участников работ.

Опыт Чернобыля еще раз подтвердил, что для решения задачи контроля облучения личного состава, как в мирное, так и в военное время нужен комплект дозиметров, обеспечивающий контроль облучения в широком диапазоне (линейка дозиметров).

Опыт Чернобыльской катастрофы вскрыл многие недостатки в организации подготовки к таким авариям, техническом оснащении, в методике проведения работ по ликвидации аварии и ее последствий. Этот опыт многому нас научил. Были сделаны разумные выводы. Намечены мероприятия по устранению вскрытых недостатков.

Но надо честно признать, что сегодня состояние нашей готовности к ликвидации последствий радиационных аварий, подобных Чернобыльской, не выше, чем было в 1986 году».

Основное внимание в данном разделе уделено анализу функционирования ПК на этапах ее создания и функционирования. Однако было бы несправедливым не отметить вклад ПК на последующих этапах ее работы и дать характеристику другим (сменным) ПК на примере хотя бы одного состава.

Профессионально отозвался о работе ПК представитель МСМ, один из ответственных руководителей строительства «Саркофага» И.А. Беляев. Он дал краткую характеристику вклада ПК на одном из этапов ЛПК. Председателем ПК в этот период был заместитель Председателя СМ СССР Г.Г. Ведерников. Но объективно необходимо отметить, что напряженность и качество работы ПК фактически не менялись с приходом нового руководителя ПК, это были профессионалы — организаторы масштабных и сложных работ, воспитанных и выпестованных в недрах Советской системы управления. Но вернемся к Г.Г. Ведерникову: «В 9.00 начиналось заседание Правительственной комиссии, которое готовили помощники Геннадия Григорьевича. Главным руководителем этой группы был Игорь Анатольевич Остейко, душевный и сердечный человек с большим чувством исполнительской дисциплины. На заседании рассматривали самые разнообразные вопросы, начиная от быта рабочих и кончая самыми сложными научными проблемами. Условие было только одно, что все эти вопросы должны были ускорить сроки работ, помочь решить проблемы, возникающие при захоронении. Очень много времени уделялось дезактивации территорий, возвращению к жизни Припяти и Чернобыля, возрождению земель 30-километровой зоны. Заслушивали строителей по срокам производства работ, подготовке к зиме, вопросы питания, медицины, социалистической законности, порядка на железных дорогах, да и еще массу других вопросов, которые крупиночками ложились в общее лоно победы. Активно работали в Правительственной комиссии заместитель Председателя Совета Министров Украины Станислав Иванович Гуренко, заместитель Председателя Госснаба УССР Виктор Макарович Шраменко, от войск — генерал-лейтенант Георгий Васильевич Чуйко, от института им. Курчатова — Александр Александрович Тутнов,

Владимир Андреевич Поделякин, от МВД — Л.В. Зверковский и многие другие. Не было ни одного практического вопроса, который нельзя было решить в Правительственной комиссии. Такая обстановка, с одной стороны, давала большие возможности, но, с другой стороны, требовала отдачи. И надо отдать должное Г.Г. Ведерникову, который мудро и профессионально обеспечил строителям все и спрашивал с них жестко. В каждый период выделялись основные задачи: то это была перегрузка, то работа бетонных заводов, то транспорт, то укладка конструктивного бетона, то монтаж металлоконструкций. Эти изменения акцентов постоянно держали строителей в напряжении.

Каждый наш шаг, на площадке и вне, строго контролировался, но самостоятельность была полной. Горком партии давал информацию на стендах у штаба, и утро начиналось с анализа работ.

Вечерняя оперативка при Правительственной комиссии была деловая и немногословная. Решались вопросы выполнения заданий, графиков, поручений. Докладывали первые руководители, конкретные исполнители. Здесь могли похвалить, а могли так высказать, что «дрожь по телу». В основе лежала исполнительность, никакого вранья, всегда поощрялись ум и сообразительность».

В сентябре 1986 года, когда обстановка в работах по ЛПК стабилизировалась, была прекращена практика управления сменными составами ПК. Был утвержден новый, пересмотренный первый состав ПК во главе с Б.Е. Щербиной. Впоследствии эта ПК возглавила все работы в зоне ЧАЭС.

С 1989 г. руководителем ПК был назначен зам. Председателя СМ СССР В.Х. Догужиев, возглавивший Гос. Комиссию СМ СССР по чрезвычайным ситуациям.

Отдавая должное организаторам ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, руководителям высших звеньев управления, возглавлявшим ПК в Чер-

нобыле, нельзя не отметить особый вклад академика АН СССР В.А. Легасова, члена ПК, но фактически занимавшего бессменно с 26 апреля 1986 года нештатную должность заместителя председателя ПК по научной работе.

О катастрофе на ЧАЭС В.А. Легасов узнал на партийно-хозяйственном активе МСМ. В перерыве, около 12 часов, ему сообщили, что он включен в состав ПК. В этот же день он в составе ПК вылетел в Киев, где их встречали руководители во главе с Председателем СМ Украины А.П. Ляшко.

Достоверная информация о случившемся в Киеве отсутствовала, но в Припяти обстановка была тревожной. Большая часть персонала, руководители станции, руководство Минэнерго действовали добросовестно и со знанием дела, но не было главного: осознанного плана действий в ЛПК. Эту ношу взяла на себя ПК. ПК была распределена по группам. В.А. Легасов возглавил основную-разработку мероприятий по локализации происшедшей катастрофы.

По рекомендации группы был остановлен реактор 3-го блока, 1-й и 2-й начали готовить к остановке. Но главным был вопрос, который волновал всех в Чернобыле и в Москве — работа реактора. Продолжается или нет наработка короткоживущих радиоактивных изотопов.

Первая попытка определения состояния реактора была предпринята военными-химиками. Результат был неутешительный: реактор работает.

Чтобы окончательно убедиться в состоянии реактора, В.А. Легасов лично на бронетранспортере подъехал к разрушенному реактору, замерил наработку короткоживущих изотопов.

Это позволило убедиться, что информация химиков была недостоверной и топливная масса реактора находится в подкритическом состоянии. Тепловой взрыв реактора исключен.

В реакторе горел графит, огромные территории загрязнялись радионукли-

дами. Шел интенсивный поиск нетрадиционных решений локализации катастрофы. Постоянно консультировались с Москвой, академиком А.П. Александровым. В результате было принято решение: ввести борсодержащие вещества (поглотители нейтронов), стабилизаторы температуры (свинец, доломит), сорбенты радионуклидов (глина) и песок — как фильтрующий слой для задержки радиоактивных компонентов. Основная работа по закупорке реактора была проведена до 3 мая 1986 года. Эти мероприятия привели к существенному уменьшению активности реактора.

По рекомендациям группы В.А. Легасова было начато пылеподавление в зоне реактора (продолжалось до 15 мая).

Эти мероприятия привели к существенному уменьшению активности реактора.

Группа В.А. Легасова приняла участие и в судьбе г. Припяти. По действующим нормативным актам эвакуация могла быть начата в случае получения населением 25 бэр (обязательная — при получении 75 бэр за время пребывания на загрязненной территории, а в интервале 25 до 75 бэр — решение об эвакуации принималось местными органами). Физики предчувствовали, что радиационная обстановка будет ухудшаться, и настаивали на эвакуации. Вечером 26 апреля председатель ПК Б.Е. Щербина поверил прогнозам физиков и отдал распоряжение об эвакуации населения г. Припяти 27 апреля.

Принципиальное значение в развертывании общегосударственных работ по ЛПК на ЧАЭС занимает прибытие Н.И. Рыжкова и Е.К. Лигачева в Чернобыль 2 мая 1986 года, принявших участие в заседании ПК. На этом заседании с основным докладом выступил В.А. Легасов, обосновавший крупномасштабность катастрофы с долговременными последствиями и основной объем работ по ЛПК. Это локализация катастрофы, дезактивационные работы, строительство

укрытия, возможность ввода в строй первых 3-х блоков и др.

После отъезда Н.И. Рыжкова вновь привлек внимание вопрос о возможности возникновения «локальных реакторов» из-за вертикальных перемещений высоконагретого топлива внутри разрушенного реактора. Высоких температур могли не выдержать нижние части реактора, а топливо в этом случае попадает в барботеры (при наличии в них воды из-за мощного парообразования произошел бы выброс значительного количества аэрозолей), что могло привести к дополнительному загрязнению местности. Вода из барботеров была срочно удалена.

Но в этом направлении дополнительную тревогу внес академик Е.П. Велихов прогнозами о возможности проплавления барботеров, земли разогретым топливом до водоносных слоев (~ 32 м) и их загрязнения.

Вероятность такого события была чрезвычайно мала, но все-таки Е.П. Велихов убедил И.С. Силаева в необходимости строительства поддона под фундаментной плитой реактора. Шахтеры, специалисты Минспецтяжстроя выполнили эти работы в сжатые сроки и в тяжелых условиях.

Совместно с учеными АН УССР В.А. Легасов участвует в разработке стратегии защиты вод р. Припяти и в целом бассейна Днепра. Первое решение — создание стены в грунте (предложение Госкомгидромета) было реализовано только частично, на наиболее загрязненном участке (~8 км). Основная защита была выполнена за счет откачных скважин (около 150), часть из которых была разведывательными (непрерывный замер радиоактивности откачных вод). Практика показала, что откачка обеспечила необходимые требования по защите вод от загрязнений.

Кроме этого, значительным барьером для радионуклидов, попавших в воду, стало построение системы защитных дамб, в состав которых входили

цеолиты и сорбирующие радиоактивные частицы.

Был еще один вариант защиты воды Днепра (строительство отводного канала вод Припяти). Академику В.А. Легасову была поручена оценка предлагаемого варианта. Проводя необходимые расчеты, он доказал, что эти мероприятия избыточны, т.к. система скважин, дамб не создает серьезных угроз Днепру. Впоследствии такая же оценка была дана специально созданной комиссией, выполнившей необходимые сложные расчеты.

Особо необходимо выделить участие В.А. Легасова в совещании экспертов МАГАТЭ (Вена, 1986 г.). В Вене собрались более 500 экспертов из 45 стран (специалисты по энергетике, атомной физике, безопасности, медицине). Представленный доклад нашей страны (в составлении участвовали крупнейшие и авторитетнейшие организации СССР, докладчик В.А. Легасов) содержал полную и достоверную информацию, основанную на выводах о причинах аварии и исследованиях, выполненных после катастрофы. Доклад длился 5 часов.

Достаточно полно были раскрыты причины катастрофы на ЧАЭС и, в том числе, в области взаимодействия человека с техникой. «... в оптимальном варианте машина и человек должны выручать друг друга при случайных отказах. Причем выручать автоматически! Но пока этой оптимальности не достигнуто нигде в мире».

В докладе был проанализирован каждый этап работы дежурной смены АЭС, представлены хронология развития катастрофы и действия по ее ликвидации, по контролю за радиоактивным загрязнением окружающей среды и здоровьем населения. Доклад содержал предложения по повышению безопасности ядерной энергетики и дальнейшие пути ее развития.

Доклад В.А. Легасова был заслушан экспертами с вниманием и глубоким чувством уважения к ликвидаторам ка-

тастрофы на ЧАЭС. Все действия советских организаций и специалистов в ходе ЛПК были признаны правильными. Получил высокую оценку опыт, полученный советскими специалистами.

Высшая оценка В.А. Легасову как научному руководителю основных работ по ЛПК дана экс-премьером Правительства России Н.И. Рыжковым: «При его активном участии были решены принципиальные теоретические разработки ликвидации и захоронения продуктов горения и распада элементов реактора. Как руководитель комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС свидетельствую, что вклад Легасова В.А. был настолько большой, что его трудно оценить даже сейчас, по истечении десяти лет после этой трагедии. Его мужество, беспрецедентно долгая работа в Чернобыле, чрезвычайно важные для страны и всего мира научные решения в силу различных обстоятельств не были своевременно оценены государством.

В то время был, конечно, главный вопрос — действует ли реактор или нет, происходит ли в нем реакция или нет? Первый облет, который был сделан Щербиной, Легасовым и другими специалистами, показал, что идет свечение, т.е. в реакторе высокие температуры, но окончательного мнения они не могли высказать о том, идет реакция или не идет.

И только когда Валерий Алексеевич на бронетранспортере подъехал к завалу, к зоне, вышел и сделал соответствующие измерения, он твердо сказал (я с ним об этом разговаривал, что потом было сообщено официально), что реактор молчит, что реакции нет.

С 26 числа я каждую ночь разговаривал сначала со Щербиной, потом с Легасовым. И Валерий Алексеевич все время отвечал на мои вопросы. Я, может быть, его выматывал просто-напросто. Я говорил: «Валерий Алексеевич, Вы не обижайтесь, что я задаю Вам много вопросов. Я просто не специалист в этом деле, но я должен быть уверен». И

хотя я ему беспредельно верил, но тут я должен был себя победить, себе доказать, что это именно то, что требуется. И Валерий Алексеевич всегда говорил: «Николай Иванович, Вы так дойдете до того, что будете скоро понимать все физико-химические процессы, которые протекают».

У меня остался в памяти один случай, который, может быть, был в какой-то степени переломный. Об этом писала пресса, что 2 мая я и тов. Лигачев вылетели в Киев. Во второй половине дня мы добрались до Чернобыля и там, в райкоме партии, было заседание. Одним из первых докладывал Легасов. Стоял тогда принципиальный вопрос в отношении эвакуации. Валерий Алексеевич говорил о ее безотлагательной необходимости. Очень многие его поддерживали. Были, конечно, сомневающиеся, которые говорили, что надо еще подождать, еще раз рассмотреть радиационную обстановку, еще сделать облеты, разведку. Но участие Валерия Алексеевича и других товарищей привело к тому, что было принято решение об эвакуации. В этом решении последнее слово было за мной. Раздумывать тогда было некогда. И прямо за этим столом я сказал: «Все, принимаем решение об эвакуации».

В данном случае, конечно, очень сильно повлияло мнение Легасова. В последующем я встречался с ним здесь, в Москве. И я действительно понимал, что этого человека надо поддержать и защитить, человека, который, на мой взгляд, сыграл решающую роль в ликвидации аварии на ЧАЭС. Я его не предал. У меня совесть чиста. Я знал, что вокруг Валерия Алексеевича не очень здоровая атмосфера, хотя я до сих пор не могу до конца понять, что же произошло. Я в то время несколько раз встречался с ним. Один раз он сам просил. Потом раза два я его приглашал, т.к. мне надо было кое-что уточнить в чисто научном плане.

Я чувствовал, что у него что-то происходит. В институте, и не только в ин-

ституте, по-видимому. Однако, несмотря на то, что ветры совершенно другие были, я относился к этому человеку с большим уважением. В моем характере есть то, что я ни при каких обстоятельствах не могу предавать людей. Несмотря ни на что, ни на какие разговоры. Я понимаю, что, когда я поехал на панихиду В.А. Легасова в ДК Курчатовского института, за моей спиной шли разговоры, зачем он поехал, никто из политбюро не поехал и т.д. Я же считал своим долгом отдать последний долг этому человеку, несмотря на какие-то разговоры, какой-то политический климат.

Можно вспомнить, хотя бы, историю с награждением. Когда закончили первый этап работ, встал вопрос о том, чтобы наградить людей, которые принимали участие в ликвидации этой аварии. Все делалось по установленному в то время порядку. И когда мы вечером после рассмотрения всех вопросов стали обсуждать вопрос о награждении и нам стали докладывать, кого предлагается наградить, мы увидели, что фамилии Легасова не было. Мы стали спрашивать тех товарищей, кто занимался этим вопросом и готовил списки, почему нет Легасова? Нам сказали: «Вы знаете, ведь он заместитель директора Курчатовского института — научного руководителя создания такого типа реактора, (это сказал отдел тяжелой промышленности, который занимался этим вопросом). Мы говорим: «Ну, хорошо, он заместитель директора. Но он все-таки не занимался проектированием реактора». Оперативная группа заняла очень четкую, принципиальную позицию. Мы сказали, что несмотря ни на какие веяния, мы считаем, что Легасов заслуживает самой высокой награды нашей страны.

Нельзя не вспомнить и историю с докладом о Чернобыльской аварии, подготовленным к сессии экспертов МАГАТЭ. Кое-кто требовал авторов этого 700-страничного доклада привлечь к уголовной ответственности. Вокруг этого док-

лада разгорелись большие страсти. Я думаю, что это шло не столько от руководства страны. Я в этом деле, как и мои заместители, в том числе покойный Щербина, занимал совершенно определенную позицию: мы доверяли Легасову, доверяли той команде, которая работает. И когда я увидел, что здесь просто нездоровая атмосфера, я сказал так: «Вот, есть доклад — есть. Люди отвечают за свои слова и действия — да, отвечают. Посмотрели специалисты, которым мы рекомендовали — да, посмотрели. Все. Пусть делают доклад».

Значительный вклад академика В. А. Легасова в ЛПК на ЧАЭС подтверждает д.х.н., профессор, лауреат Ленинской премии Б.И. Огородников: «Валерий был на год младше меня. Всего 51. Что заставило его расстаться с жизнью? Мне казалось, что она у него очень интересная, творческая, удачливая, а судя по Чернобылю, и героическая. Судите сами: еще студентом стал кавалером медали «За освоение целинных земель», после защиты диплома по его инициативе вся группа уехала в Томск — 7 на Сибирский химический комбинат, где нарабатывали плутоний для нашего ядерного оружия. В 36 лет стал доктором химических наук, в 45 действительным членом АН СССР. Его достижения по синтезу химических соединений благородных газов известны под названием эффекта Н. Батлетта — В. Легасова. За эти работы он был удостоен званий лауреата Государственной и Ленинской премий.

В 1960 г. В. Легасов впервые перешагнул порог Института атомной энергии им. И.В. Курчатова, чтобы выполнить дипломную работу. Она касалась исследований в области коррозии различных материалов в агрессивных средах. После защиты — работа в Томске — 7 на Сибирском химическом комбинате, а затем — снова Курчатовский институт, аспирантура. Сначала он работал в отделе И.К. Кикоина на вакуумном стенде по диффузионному разделению изотопов урана. Тема оказалась не очень

перспективной и вскоре была закрыта. Виктор Попов, заканчивавший в то время аспирантуру, рассказывал, что как-то он показал Валерию статью в зарубежном журнале по проблеме синтеза соединений благородных газов. За эту работу не раз брались ученые ряда стран. Но традиционным финалом экспериментов оказывались груды металла.

«К счастью, над Валерием никогда не довлели устоявшиеся взгляды, — вспоминает В. Попов. — Он быстро подхватил это направление. Взял сосуд, напустил ксенон и четырехфтористый уран, подогрел и получил тетрафторид ксенона. Это было чудо, открытие! Уже летом 1967 года, защитив диссертацию по синтезу соединений благородных газов и изучению их свойств, Валерий получил диплом кандидата химических наук, а годом раньше — почетное звание «Изобретатель Госкомитета по использованию атомной энергии СССР».

Легасов был включен в Правительственную комиссию по ЛПК на ЧАЭС от Академии Наук СССР. К этому времени он ровно 2 года проработал в должности первого заместителя А.П. Александрова — директора ИАЭ им. Курчатова.

Прямого отношения к конструированию и эксплуатации реакторов РБМК — 1000, работавших на ЧАЭС, Легасов не имел. В.А. Легасов был включен в состав ПК и 26 апреля убыл в Чернобыль. Возглавлял комиссию заместитель Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина — председатель Бюро топливно-энергетического комплекса. Вернулся в Москву В.А. Легасов 5 мая всего на несколько часов. Вместе с Н.И. Рыжковым и Б.Е. Щербиной он сделал доклад на Политбюро ЦК КПСС и тотчас вновь улетел в 30-ти км зону ЧАЭС. Здесь уже работал второй состав Правительственной комиссии во главе с заместителем Председателя Совета Министров СССР И.С. Силаевым. «Вторая смена» Валерия Легасова продолжалась до 13 мая.

На вечере, посвященном 60-летию В.А. Легасова и проведенном в начале сентября 1996 г. в Университете дружбы народов, И.С. Силаев говорил [2.20]:

«До Чернобыля с Легасовым я не был знаком. Помимо него в работе нашего состава Правительственной комиссии помогали еще вице-президент АН СССР Е.П. Велихов и член-корреспондент Б.В. Гидаспов. Почти непрерывно возникали новые ситуации и проблемы. Например, сначала от президента АН СССР А.П. Александрова мы получили рекомендацию вывезти и захоронить остатки реактора. Но ведь там «светило» по тысяче рентген в час, а то и больше. После обсуждения было принято решение заливать бетоном на месте. Попробовали. Однако первая разведка с вертолета показала, что бетон широко растекался, а в пяти местах били гейзеры. Оказалось, это вскипела вода от обломков тепловыделяющих элементов. Это проблема даже была затронута в одном из телефонных разговоров М.С. Горбачева с В.А. Легасовым, в котором академик объяснял, почему была прекращена заливка бетоном.

Генеральная линия снижения радиационных последствий Чернобыльской аварии, в выработке которой значительная роль принадлежала академику В.А. Легасову, выдержала проверку временем.

Но думаю, что пришло время, если не разобраться, то хотя бы задать вопрос, а почему награда нашла героя лишь через десять лет после совершенного подвига, почему до сих пор Чернобыльская авария остается предметом спекуляций для политиков и чиновников, областью социальной напряженности в обществе?

Я знаю, что академика Легасова дважды представляли к званию Героя Советского Союза, и оба раза положительное решение на какой-то иерархической ступени отклоняли (или не поддерживали). Валерию Алексеевичу делали предложение о работе в МАГАТЭ, как «наиболее

авторитетному в мире специалисту в области ядерной технологии». И снова возникали препятствия. Планировалось назначение на должность директора Научно-исследовательского центра по проблемам промышленной и ядерной безопасности, но и при этом возникло невидимое противодействие.

Справедливость восторжествовала только к 60-летию академика. Научная общественность собрала подписи и направила ходатайство о присвоении В.А. Легасову высокого звания депутату Госдумы Н.И. Рыжкову. Это он, будучи Председателем Совета Министров СССР, подписал 26 апреля 1986 г. постановление о создании Правительственной комиссии по аварии на ЧАЭС, в которую от Академии наук СССР был включен В.А. Легасов. Отныне медаль «Героя России» будет храниться в семье Легасовых. Тяжелое утешение. Ведь все могло быть иначе и человечнее».

Для большей убедительности проведем высказывания о происшествии Н.И. Рыжкова: «Пришло время награждать героев. Их в Чернобыле было много, как и на всякой войне. Вертолетчики, химики, пожарные, атомщики, рабочие, ученые. Я не знаю, что станет с нашими орденами и медалями, почетно или стыдно завтра будет носить звание Героя Социалистического Труда и не заменят ли его власти званием Героя Труда Капиталистического. А уж с орденом Октябрьской Революции все ясно: он станет орденом Августовской и Декабрьской Контрреволюции, а то и Четвертого Октября. Я уверен, что когда-нибудь подобные награды будут не знаком чести и геройства, а символом предательства и позора.

Но в то время ордена и медали люди еще ценили. Радовались, когда выпадала честь получить за хороший труд, за подвиг, за самопожертвование правительственную награду. Списки представляемых к наградам, составлялись на местах. На Политбюро по традиции утверждались лишь награды «большим

начальникам». А если серьезно, мы приняли решение не включать в число награжденных членов Оперативной группы и зампредов Совмина. Прошло, к счастью, время, когда члены Политбюро друг другу на грудь звезды вешали. Но как, скажите, было не наградить командира «химиков» генерала В.К. Пикалова, который дневал и ночевал около четвертого блока? Как было не наградить «шахтерского министра» М.И. Щадова, который сам из шахты под блоком не вылезал?

А слухи удержать нельзя. Говорят, в институте Легасова уже поздравляли со званием Героя Социалистического Труда, к которому мы его и представили. И тут выходит в газетах Указ со списком награжденных, а Легасова в том списке нет».

И в заключение:

Указом Президента Российской Федерации Б. Ельцина от 18 сентября 1996 г. за мужество, стойкость и героизм, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, присвоено звание «Героя России» академику Легасову Валерию Алексеевичу посмертно.

Необходимо отдельно остановиться на концептуальных проблемах развития атомной энергетики, в которых участвовал В.А. Легасов.

Если наши реакторы принципиально мало чем отличались от западных, то им недоставало отработанных систем управления и диагностики. Не проводился анализ безопасности АЭС. Вот как высказывался по этой проблеме академик В.А. Легасов:

«Я не видел в Советском Союзе ни одного коллектива, который мало-мальски компетентно ставил бы и рассматривал эти вопросы (безопасности — авт.).

Вызывало беспокойство качество обучения и подготовки персонала, проектирующего, строящего и эксплуатирующего АЭС. Однако в МСМ этому не уделялось должного внимания, т.к. все

работы были построены на принципах высочайшей квалификации специалистов. В таких руках АЭС были и надежны и безопасны. Военная приемка обеспечивала заданное качество оборудования.

Но в то же время даже научные исследования по вопросам безопасности и экономичности не имели поддержки в МСМ. Курчатовский институт как одно из учреждений МСМ подчинялся инженерной министерской воле.

Для примера, реактор РБМК среди специалистов считался плохим по экономическим показателям (значительный расход топлива, капитальные затраты, неиндустриальная основа его сооружения и др.). В реакторе не было систем защиты, независимых от оператора, срабатывающих исключительно от состояния зоны аппарата. Вносимые предложения конструктору об изменении систем аварийной защиты не отвергались, но и разрабатывались очень медленно. Это определялось и тем, что отношения между научным руководителем (Курчатовский институт) и главным конструктором (НИКИЭТ) были напряженными, тем более что на западе, да и у нас в стране в других отраслях промышленности работы, выполняемые «Научным руководителем» и «Конструктором», совмещены при разработке и создании конкретного образца, например, летательного аппарата. Должен быть один хозяин — он и конструктор, он и проектировщик, он и научный руководитель. Вся власть должна находиться в одних руках. Да и спросить легче с одного коллектива.

Если на первых порах зарождения атомной энергетики это было разумно, т.к. научный руководитель отвечал за принципы построения реактора (физически правильные и безопасные), то после становления конструкторских коллективов такая опека стала излишней. «Вся эта перепутанность системы, отсутствие персонального ответственного за качество аппарата привела к большой безответственности, что и показал чернобыльский опыт».

Недостаточно внимания в МСМ уде-

лялось общесистемным исследованиям, проводимым с одобрения директора Курчатовского института (академик А.П. Александров): структуре атомной энергетики, доле ядерной энергетики, регионам строительства АЭС и др., созданию перспективных более совершенных реакторов. Вот как оценивает реакцию МСМ на предложения В.А. Легасова о разработке более безопасных реакторов: «Это вызвало в Министерстве исключительную бурю негодования, особенно у министра Славского, который чуть не ногами топал на меня, когда говорил, что это совсем разные вещи, что я неграмотный человек, лезу не в свое дело и что совсем нельзя сравнивать один тип реактора с другим».

После решения на ЧАЭС основных проблем (защита людей от непосредственной опасности и локализация аварии) возникла новая проблема: об управлении многочисленными коллективами, которые по предложению ПК, по решениям ОГ ПБ ЦК КПСС прибывали на ЧАЭС. Нуждался в организации ряд разнородных по содержанию работ: проектирование «Укрытия», дезактивация, разведка загрязненной территории с учетом ветрового переноса; развязка оборудования 1,2 блоков, управление научно-исследовательскими учреждениями и др.

Как отмечает академик В.А. Легасов: «Система управления этим сложным механизмом создавалась постепенно. Первые две группы (Б.Е. Щербины, И.С. Силаева) занимались решением неотложных, оперативных вопросов».

В дальнейшем, организация работы совершенствовалась. К октябрю 1986 года система ЛПК превратилась в стройную и эффективную. Ее подсистемы функционировали на главных направлениях. Так, основные силы и средства МСМ (УС—605) завершали строительство «Саркофага», строители Министерства энергетики возводили вахтовый поселок в Зеленом мысе и станции дезактивации техники внутри 30-км зоны; Мина-

томэнерго — готовило оборудование 1-го и 2-го блоков к пуску, оценивало состояние 3-го блока; соединения и части МО занимались дезактивацией как внутренних помещений ЧАЭС, так и ее зданий, сооружений, продолжали дезактивацию населенных пунктов 30-км зоны.

После устранения опасности развития катастрофы разрушенного реактора, усилия государственных органов страны были направлены на организацию аварийно-восстановительных и дезактивационных работ, в том числе и на захоронение реакторной установки 4 ЭБ.

Основные направления работ по ЛПК сводились к следующему:

1. Ввод в строй ЭБ № 1, № 2 ;
2. Создание объекта «Укрытие». Изучение и контроль разрушенной активной зоны;
3. Контроль радиационной обстановки;
4. Медицинское обеспечение безопасности населения и участников ЛПК в ходе работ;
5. Дезактивационные работы;
6. Организация и проведение мероприятий по ЛПК в агропромышленном производстве;
7. Работа межведомственного координационного совета по научным проблемам ЛПК на ЧАЭС при президиуме АН СССР;
8. Международные аспекты катастрофы на ЧАЭС.

Предложения по ЛПК были представлены ПК в ОГ политбюро ЦК КПСС и положены в основу постановлений ЦК КПСС и СМ СССР, предусматривающих меры по дезактивации промплощадки, зданий и сооружений ЧАЭС, возобновлению эксплуатации ЭБ № 1 и № 2. Рассмотрим кратко содержание этих директивных документов.

В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 583 от 22 мая 1986 г. «О мерах по обеспечению введения в эксплуатацию энергоблоков ЧАЭС» определены основные задачи на 1986 год министерствам и ведомствам, участвующим в ЛПК.

на ЧАЭС. Представим основные из них (2.21.):

- ввод в эксплуатацию ЭБ 1,2 (октябрь 1986 г., Минэнерго и электрификации СССР);
- завершение дезактивации основных зданий, сооружений ЭБ №1,2, их оборудования, а также прилегающей территории (июль 1986 г., МО, МСМ, МЭЭ);
- окончание дезактивации объектов ЭБ 3 по аналогичной программе (август 1986 г.);
- комплексная проверка систем и оборудование ЭБ 1,2 с представлением акта (сентябрь 1986 г.);
- о строительстве 1-й очереди поселка на 2,5—3,0 тыс. человек для размещения вахтового персонала и др.

В постановлении ЦК КПСС и СМ СССР «О проведении дезактивационных работ в районах УССР, БССР, подвергшихся радиоактивному загрязнению в связи с аварией на ЧАЭС» конкретизируется фронт работ, выполняемых министерствами и ведомствами, уточняются сроки работ по дезактивации. Обращается особое внимание на борьбу с пылью, соблюдение порядка и последовательности проведения этих работ. Предложено по каждому из участков дезактивации до 5 июля 1986 г. разработать план проведения дезактивационных работ, ускорить развертывание соединений и частей МО с призывом из запаса на специальные учебные сборы сроком до 6 месяцев необходимого количества военнообязанных, транспортных средств и др. Обращается внимание на низкую эффективность дезактивации и недостаточное участие научных учреждений в разработке новых средств дезактивации. Предложено исключить случаи излишнего облучения работников и военнослужащих.

Даны конкретные указания СМ Украины, Белоруссии и др. о закреплении поверхности грунта бассейна р. Припять в зоне ЧАЭС, по осадению радиоактивных загрязнений в указанных водоемах сорбирующими веществами, в том чис-

ле звеньям управления ЛПК Украины и Белоруссии:

«ЦК компартий союзных республик, СМ союзных республик, крайкомам и обкомам КПСС взять под особый контроль выполнение заданий по изготовлению машин, средств ЛПА на ЧАЭС».

Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О подготовке к консервации ЭБ № 4» № 663—194 от 5 июня 1986 г. отмечалось, что работы по подготовке к консервации ЭБ № 4 ЧАЭС, защите водного бассейна в районе аварии от загрязнения ведутся недостаточно быстрыми темпами. В связи с этим предписывалось министерствам и ведомствам, ответственным за проведение этих мероприятий, обеспечить завершение:

- основных работ по консервации 4 ЭБ, завала в границе 4 блока не позднее сентября 1986 г. (исполнитель Минсредмаш);
- устройство защитной «стены в грунте» вокруг промплощадки АЭС протяженностью 8,4 км с размещением внутри дренажной системы, — в октябре 1986 г. (Минэнерго);
- отсекающего дренажа южнее АЭС протяженностью 5,5 км с 173 скважинами — в сентябре 1986 г. (Минмонтажспецстрой);
- берегового дренажа вдоль р. Припять западнее АЭС протяженностью 6,5 км с 130 скважинами — в сентябре 1986 г. (Минводхоз);
- берегового дренажа вдоль пруда-охладителя протяженностью 15 км и около 300 скважин с принудительной откачкой — в сентябре 1986 г., в том числе первой очереди длиной 5 км — в июле 1986 г. (Минводхоз);
- прокладка водосборных коллекторов от дренажных скважин — в сентябре — октябре 1986 г. (Миннефтегазстрой);
- строительство временных сооружений для захоронения радиоактивных отходов — в августе 1986 г. (Минэнерго);
- строительство постоянных сооружений (могильников в 5—18 км от АЭС) — в 1986 г. (Минэнерго);

• строительство защитного бетонного укрытия реактора «Саркофага» и др.

Особую заботу ЦК КПСС и СМ СССР вызывали вопросы жизнедеятельности эвакуированных из зоны отчуждения ЧАЭС. Подтверждением этому служит Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О трудоустройстве и создании необходимых жилищных и социально-бытовых условий населения, эвакуированного из опасных зон района аварии на ЧАЭС» от 5 июня 1986 г. В Постановлении отмечается о проведении первоочередных мер республиканскими, местными партийными и советскими органами по временному размещению населения, их трудоустройству и обеспечению питанием, медицинским, торговым и бытовым обслуживанием.

Министерства и ведомства СССР, СМ УССР, БССР и др. обязываются:

завершить в июне 1986 г. трудоустройство подведомственных работников, эвакуированных из зоны отчуждения ЧАЭС;

обеспечить (до октября 1986 г.) семьи этих работников жилой площадью; до наступления зимнего периода 1986 г. осуществить строительство жилых домов для сельского населения и др.;

В Постановлении указывается, что эти вопросы имеют чрезвычайное важное политическое и государственное значение, о необходимости проявления максимальной заботы о пострадавших людях и др.

ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППИРОВКА МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ

А.А. ДЬЯЧЕНКО

По стечению обстоятельств 26 апреля 1986 года руководящий состав МО находился на сборах в Прикарпатском военном округе. Министр обороны маршал Советского Союза Соколов С.Л. около полудня на экстренном совещании объявил о катастрофе на ЧАЭС и определил конкретные задачи основным силам МО, выделенных для ЛПК.

Как вспоминает генерал армии Лобов В.Н. (в тот период командующий Среднеазиатским военным округом, САВО), в соответствии с указаниями министра в САВО был подготовлен полк и приведен в готовность к выдвиганию в район катастрофы. Впоследствии личный состав полка участвовал в дезактивации объектов АЭС, консервации «рыжего» леса и др. мероприятиях.

Министр обороны был включен в состав ОГ ПБ ЦК КПСС, основная тяжесть в организации работ по Чернобылю в МО легла на плечи начальника ГШ мар-

шала Советского Союза С.Ф. Ахромеева.

В этот период управление развертыванием и функционированием оперативной группировки МО в Чернобыле взял на себя Генеральный штаб, подтвердивший готовность и способность к решению внезапных и сложных задач. По распоряжению ГШ, 26 апреля транспортной авиацией перебрасываются подразделения мобильного отряда Приволжского военного округа. Организуется воздушная радиационная разведка, доставляются необходимые грузы, направляются в район катастрофы медицинские части для оказания первой помощи пострадавшему населению. Под руководством ГШ разрабатываются жесткие планы работы ОГ. На их основе в оперативных группах, соединениях и частях разрабатывались частные планы работ с определением конкретных задач, последовательности их выполнения и де-

тальным расчетом сил и средств. Разрабатывались и направлялись в чернобыльскую группировку директивы, определяющие задачи соединениям и частям.

Сложность и новизна задач потребовала значительных усилий начальника ГШ, а ведь кроме Чернобыля ему приходилось решать и другие задачи по поддержанию боевой готовности войсковых соединений и частей МО. В связи с этим, он принимает решение поручить организацию работ в Чернобыле первому заместителю начальника ГШ — генералу армии Варенникову Валентину Ивановичу, возглавлявшему в тот период Оперативную группировку войск МО в Афганистане.

Вот как он комментирует это назначение. С.Ф. Ахромеев позвонил ему в Кабул «... Валентин Иванович... Я больше так работать не могу — каждый день «сижу» на Чернобыле. Но у Генерального штаба много и других забот. Поэтому Вы сейчас два — три дня враспайте в обстановку, а потом придется на пару месяцев ехать в Чернобыль и все взять на себя, в том числе организовать все основные работы по ликвидации последствий аварии и снять с меня эту обузу». Я ответил: «Готов»... Находясь еще в Кабуле начал создавать в Москве свою Оперативную группу, предложил Ахромееву создать Научный центр МО и во главе — поставить генерал — лейтенанта Федорова Алексея Константиновича.

В ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС принимала участие все страна. Всеми работами в районе катастрофы руководили ПК СМ СССР и ОГ Политбюро ЦК КПСС. Уже на 1-м заседании ОГ было обращено внимание Начальника ГО СССР генерала армии А.Т. Алтунина на отсутствие четкой программы по осуществлению комплекса мер в связи с катастрофой на ЧАЭС, поставлена задача на необходимость срочной разработки и реализации мероприятий по устранению ее

последствий. Начальнику Генерального штаба маршалу Советского Союза С.Ф. Ахромееву было поручено обеспечить развертывание бригады химических войск в максимально сжатые сроки и выделить 10 тыс. армейских продовольственных пайков для эвакуированного населения (протокол № 1 заседания ОГ от 29.04.86 г.).

Указания Правительственной комиссии и ОГ в ВС (как и в других министерствах и ведомствах) выполнялись четко, качественно и в установленные сроки. Так, на 2-м заседании ОГ ПБ Начальник ГШ доложил о выдаче населению армейских продовольственных пайков, о предстоящем 2 мая 1986 года формировании бригады химических войск в составе 2 тыс. военнослужащих и 650 единиц техники, которая 4 мая приступает к работам на ЧАЭС (протокол № 2 заседания ОГ от 30.04.86 г.).

Учитывая масштабы дезактивационных работ, постановлением ЦК КПСС и СМ СССР № 634—188 от 29 мая 1986 г., с целью ускорения мобилизационного развертывания необходимых соединений и частей, было разрешено призвать из запаса на специальные учебные сборы сроком до 6 месяцев необходимое количество военнообязанных, привлечь из народного хозяйства потребные технические средства на период выполнения работ. Причем призыв военнообязанных осуществлялся сверх лимитов, установленных МО СССР постановлением СМ СССР от 20 августа 1985 г. № 793—236.

Уже к августу 1986 года сложившаяся экологическая ситуация привела к необходимости создать Чернобыльскую группировку войск численностью около 40 тыс. человек и поддерживать ее в течение последующих двух лет на уровне 20 тыс. человек.

В докладной штаба ГО УССР о ходе ликвидации аварии на ЧАЭС сообщалось, что по состоянию на 31 августа 1986 г. в ЛПК на ЧАЭС принимают участие 111 соединений и частей общей

численностью 39245 человек, в том числе дивизий — 1 (25 МСД), бригад — 2 (25, 26 БрХЗ), полков — 23 (в т.ч. ОМП ГО-9), батальонов 28 (в т.ч. ГО-1), рот — 8, отдельных подразделений — 49.

В дальнейшем количество военнослужащих в районе ликвидации последствий катастрофы постепенно уменьшалось, вплоть до завершения крупномасштабных работ в 1990 году, когда с Вооруженных Сил по постановлению Совета Министров были сняты основные задачи. В целом они сводились к следующему: оценка масштабов катастрофы ведением радиационной разведки на обширной территории страны и, в первую очередь, в 10-ти км зоне ЧАЭС; проведение дезактивации зараженной территории, в том числе непосредственно на АЭС; предотвращение роста масштаба катастрофы, обеспечение локализации и захоронение аварийного блока и др.

Перечень задач окончательно сложился к концу мая 1986 года, когда войскам Чернобыльской оперативной группировки ставились комплексные задачи непосредственно Правительственной комиссией. Войскам поручались дезактивационные работы в масштабе всего района катастрофы. Военные оказывали помощь местным органам власти продовольствием и другими материальными средствами. Возложенные задачи войска решали, взаимодействуя с оперативными группировками Минэнерго, Минсредмаша, МВД, Минздрава, Госкомгидромета и других министерств и ведомств.

В первые часы катастрофы к ликвидации ее последствий были привлечены только ведомственные формирования Минэнерго и Минсредмаша СССР, МВД, силы Гражданской обороны, которые были заранее подготовлены к этой работе. Однако начало работ показало, что наличных сил и средств недостаточно. Срочность проведения работ диктовала необходимость привлечения спе-

циальных подразделений Министерства обороны и Гражданской обороны, поэтому решением Министра обороны уже к 27 апреля 1986 года военно-транспортными самолетами была переброшена оперативная группа мобильного отряда ликвидации последствий радиационных аварий (272 человека, 65 ед. техники) химических войск, отдельный механизированный полк и батальон спецзащиты ГО, а также медицинские части для оказания помощи населению. Кроме того, для обеспечения работы войск и гражданских формирований в район катастрофы к 30 апреля прибыла тыловая база КВО. К исходу 1 мая было подвезено имущество двух полевых госпиталей, 1630 специальных и 1400 армейских палаток, 2000 комплектов постельных принадлежностей, 1500 комплектов обмундирования, 25000 защитных костюмов, 25000 доз радиационных препаратов и 25000 респираторов.

К исходу 2 мая к ликвидации последствий катастрофы было привлечено 20 частей и отдельных подразделений, задействовано свыше 6 тыс. человек и 1400 единиц различной техники. Развертывались соединения и части, не имевшие по своей организационной структуре, назначению и техническому оснащению аналогов в прошлом. С целью координации действий различных родов войск ВС в районе ЧАЭС была создана Оперативная группа МО под руководством Главнокомандующего войсками Юго-Западного направления генерала армии И.А.Герасимова (протокол № 4 заседания ОГ ПБ от 3.05.86 г.). К исходу 9 мая дополнительно были сформированы и развернуты 2 бригады и 7 полков химической защиты, а к 17 мая 2 инженерно-дорожных полка для возведения водоохраных сооружений с целью предотвращения распространения радиоактивных веществ. Для создания Чернобыльской оперативной группировки войск были задействованы мобресурсы западных военных округов, а также Московского, Северо-Кавказс-

кого, Среднеазиатского, Приволжско-Уральского и Сибирских военных округов.

По мере развертывания работ продолжалось наращивание сил. К середине мая группировка войск насчитывала около 30 тыс. человек, а к 25 августа в ее состав входило более 111 соединений, частей и учреждений численностью около 40 тыс. человек, включая 32 тыс. человек, призванных из запаса, и 10 тыс. единиц техники. Из народного хозяйства было поставлено до 4 тыс. единиц техники. За весь период участия Вооруженных Сил в ликвидации последствий катастрофы через Чернобыль прошло более 600 тысяч военнослужащих.

Основу сил и средств, решающих наиболее сложные и объемные задачи, составляли химические и инженерные войска, силы и средства ГО, а также медицинские батальоны и части мотострелковой дивизии. Мероприятия по формированию войск проводились Генеральным штабом ВС.

Характер принимаемых мер на государственном уровне и уникальность задач, потребовали особой организационной структуры управления войсками и силами. Были созданы оперативные группы управления в Генеральном штабе, Главном штабе ВВС, управлениях начальников химических и инженерных войск, Гражданской обороне, в некоторых главных и центральных управлениях Минобороны. В районе катастрофы был развернут рабочий орган Министерства обороны — Оперативная группа МО, возглавляемая руководящим составом, наделенным широкими полномочиями.

Для разработки научно обоснованных рекомендаций, тактики действий войск, а также методов выработки научно-практических рекомендаций, ведения прикладных и поисковых исследований был создан научный центр Министерства обороны.

Из двенадцати сформированных на различных уровнях оперативных групп девять групп и один научный центр фун-

кционировали непосредственно в районе катастрофы.

Система управления войсками в оперативном и тактическом звеньях, при решении крупномасштабных задач во всем районе АЭС, основывалась на централизованном принципе управления. При решении частных задач, на относительно обособленной территории (секторах и зонах), допускалось децентрализованное управление. Созданная структура органов управления в целом обеспечила руководство выполнением Вооруженными Силами задач, а также рациональное использование выделенных для этих целей сил и средств.

Основные усилия оперативной группы в Чернобыле Министерства обороны были направлены на:

- организацию работ по ЛПК на ЧАЭС;
- руководство дезактивацией загрязненных территорий;
- обобщение и анализ радиационной обстановки, доведение ее в Генштаб и в войска;
- наращивание усилий путем привлечения дополнительного контингента войск (после уточнения задач, вызванных увеличением объема работ);
- определение способов решения внезапно возникающих дополнительных задач;
- организация взаимодействия войсковых сил с формированиями других министерств и ведомств;
- проведение оперативного и перспективного планирования работ;
- организация всестороннего обеспечения, включая обеспечение местного населения продовольствием и водой.

В целях упорядочения системы управления войсками, повышения их ответственности вся подконтрольная территория, подвергшаяся радиоактивному заражению, разбивалась на три сектора с выделением так называемой особой зоны, включающей собственно территорию АЭС со всеми сооружениями, ст. Янов и г. Припять.

Работы на ЧАЭС, выполняемые Воо-

руженными силами, были направлены на достижение главной цели — уменьшение влияния последствий катастрофы на население, оказавшееся в районе радиоактивного заражения; содействие скорейшему возвращению к нормальной жизнедеятельности населенных пунктов и объектов народного хозяйства.

В исключительно сложных условиях войска совместно с персоналом АЭС и представителями научно-исследовательских, конструкторских, спасательных, строительных и других организаций более 40 министерств и ведомств выполняли наиболее ответственные и сложные задачи по выявлению и оценке масштабов последствий. Они участвовали в локализации очага катастрофы, в строительстве укрытия разрушенного реактора, проводили дезактивацию территории АЭС, прилегающих районов и населенных пунктов.

Выявление и оценка масштабов катастрофы осуществлялись методом определения уровня радиоактивного заражения и его динамики. Работа велась при продолжающихся выбросах разрушенного реактора непосредственно на АЭС и прилегающих к ней районах (в пределах 60-км зоны), за ее пределами на «пятнах», всего на площади более 10 тыс. кв. км. Разведка велась силами и средствами химических войск с привлечением инженерных войск, ВВС и сил Гражданской обороны. В 1986—1987 г. г. ежедневно на эти работы выделялось от 80 до 180 химических разведывательных дозоров на бронетранспортерах с защитой, обеспечивающей ослабление радиационного воздействия в три-четыре раза, а в отдельных зонах — на автомобилях. Для получения оперативной информации ежедневно задействовались 2—3 вертолета радиационной разведки. Непосредственно у 4-го ЭБ уровень заражения определялся с помощью приборов замера, устанавливаемых на инженерных машинах разграждения — ИМР—2, оборудованных системой защиты с кратностью ослабления до 40

раз, ИМР—2В «сотник» — до 80—120 раз, ИМР—2Е «двухсотник» до 250 раз, ИМР—2Д «тысячник» — до 2000 раз. Для радиационной разведки с чрезвычайно опасными уровнями радиации использовались и роботизированные средства отечественного и зарубежного производства.

Для радиационной разведки на обширной территории европейской части СССР была развернута сеть наблюдений и лабораторного контроля ГО, включавшая около 20 тыс. дозиметрических постов. Кроме того, с помощью вертолетов производились замеры уровней радиации и брались замеры проб непосредственно над реактором, а также в радиоактивных облаках. Изменение интенсивности выбросов и постоянно меняющееся направление ветра усложняли оценку степени радиоактивности окружающей среды.

Очень важным для диагностики процессов внутри реактора было проведение внутренних замеров путем внедрения приборов в элементы конструкции взорвавшегося блока. Они проводились с участием инженерных войск с использованием взрывов направленного действия для проделывания проходов, непосредственной расчистки завалов и других методов.

Для оперативной оценки обстановки на обширной территории использовалась самолетная бортовая аппаратура радиационного контроля. Более детальная оценка загрязнения окружающей среды, почвы и растительности производилась методом лабораторного анализа проб с определением структуры радионуклидного состава и дисперсии частиц. Значительная доля таких работ была выполнена на Семипалатинском полигоне.

По мере стабилизации обстановки радиационная разведка все больше велась с акцентом на проведение исследований количественно-качественного изотопного состава загрязнений с целью определения тактики, принципов,

приемов и методов действий в борьбе с последствиями катастрофы.

Разведка организовывалась комплексно, с привлечением не только химических войск, но и медицинской, и ветеринарной служб, и инженерных войск.

Медицинское наблюдение проводилось частями и учреждениями медицинской службы и велось в целях выявления случаев радиационного поражения населения, инфекционных заболеваний, оценки состояния водоснабжения и эпидемиологической обстановки. С этой целью к 4.05.86 г. было мобилизовано 2 тыс. военнослужащих-медиков, сформировано 5 медицинских батальонов, определены пункты их размещения в районах проживания эвакуированного населения (протокол заседания ОГ № 5 от 4.05.86 г., сообщение начальника Центрального военно-медицинского управления МО генерал-полковника Ф.И. Комарова). В ходе ликвидации последствий катастрофы медицинское обследование проводилось в рамках санитарного надзора за обеспечением радиационной безопасности и населения, и личного состава, а также санитарно-гигиенического контроля за размещением войск, питанием, водоснабжением и условиями выполнения работ по дезактивации территории АЭС.

Работы по локализации очага катастрофы и захоронению разрушенного реактора с помощью войск начались в соответствии с решением Правительственной комиссии, принятым 26 апреля, о создании над «кратером» защитного слоя из песка, доломита, бора, свинца. Для этого использовались вертолетные подразделения. Несмотря на сложность и большую опасность этой работы, за 8 дней с вертолетов было сброшено в развал аварийного блока около 5 тыс. тонн поглощающих материалов. При этом было выполнено более 1800 вертолето-вылетов.

Одновременно войска обеспечивали фронт работ по локализации очага для специалистов других министерств и ве-

домств. В результате проведения дезактивационных работ непосредственно у реактора, расчистки завалов, нагромождений, засыпки землей и щебнем проходов и подъездов удалось снизить уровни радиации в 10—100 раз. Это позволило подойти к взорвавшемуся реактору и расширить фронт работ по дезактивации внутренних помещений, несмотря на продолжающиеся выбросы.

В начальный период локализации очага штатная войсковая техника не имела надежной биологической защиты, отсутствовали роботизированные средства, а также приборы поиска локальных источников радиации и средства транспортировки радиоактивных выбросов.

С целью повышения эффективности аварийно-восстановительных работ были сформированы временные специальные подразделения и сводные отряды инженерных и других войск, оснащенные инженерными машинами разграждения с высокой степенью защиты. На предприятиях промышленности были также срочно изготовлены радиоуправляемые и роботизированные средства для выполнения специальных видов работ. Для действия в наиболее опасных зонах очага катастрофы с централизованным использованием высокозащитной техники было сформировано отдельное инженерное подразделение.

Дезактивация сооружений АЭС и территории вокруг нее явилась наиболее трудоемкой и долгосрочной задачей, выполнение которой было возложено на части химических, инженерных войск и ГО.

Самым сложным оказался первый этап дезактивационных работ (с 30 апреля 1986 года) в условиях высоких уровней радиации, вызванных наличием выброшенных из аварийного реактора обломков тепловыделяющих элементов, графита, а также интенсивного выхода радиоактивности в атмосферу.

Обработка объектов станции требовала применения специальных способов и растворов. Недостаточная эффектив-

ность штатных технических средств привела к большому привлечению личного состава. Даже на кровле 3-го энергоблока пришлось применять ручной труд, ограничивая пребывание личного состава в опасной зоне несколькими минутами. Попытки использования для этих целей роботизированных средств к успеху не привели. Научно обоснованных рекомендаций по массовой обработке зданий и других сооружений в то время было явно недостаточно. Однако изучение полученного опыта позволило специалистам Научного центра МО предложить ряд оригинальных способов дезактивации оборудования, бетонных стен, что позволило повысить эффективность работ. Вместе с тем снижение уровня радиации в помещениях АЭС до безопасных значений происходило после многократной обработки поверхности (порядка 3—4 раз).

Министерством обороны и специалистами промышленности были приняты решительные меры по подготовке кадров, освоению наиболее эффективных способов дезактивации. Это позволило выйти на системный плановый режим выполнения работ, что дало возможность только за 5 месяцев после катастрофы провести дезактивационные работы на общей площади более 26 100 тыс. кв. м. Всего на Чернобыльской АЭС только за первые полтора года войсками было обработано и сдано по актам более 1600 помещений, продезактивировано более 4,2 млн. кв. метров территории станции, 83,5 тыс. кв. метров кровли, вывезено более 418 тыс. куб. метров зараженного грунта, мусора и оборудования. В результате форсированных темпов удалось принципиально изменить радиационную обстановку вокруг АЭС и начать дезактивацию внутри помещений, что позволило ввести на АЭС эксплуатационно-технический персонал.

Значительный объем работ выполнили войска по дезактивации населенных пунктов, где оставалось проживать население. В условиях сравнительно (по

отношению территории АЭС) низких уровней заражения примененные методы дезактивации населенных пунктов оказались недостаточно эффективными. Пористый состав строительных материалов способствовал интенсивному проникновению в них радионуклидных частиц и их длительному сохранению. Это привело к тому, что из 564 населенных пунктов, включенных в план дезактивации на 1988 год, в 232 потребовалось проведение повторной обработки. Эффективность дезактивационных работ в значительной мере была снижена повторным заражением населенных пунктов вследствие переноса загрязнений ветрами, в ходе сельскохозяйственных работ и транспортными средствами. Это приводило к потребности привлечения дополнительных сил и средств, к повышенному расходу химических рецептур и материалов, которые потребовались при массовой замене крыш и ветхих элементов строений и заборов.

Возведение водоохраных сооружений представляло собой крупную по значимости государственную задачу, поскольку сезонные паводки создавали угрозу поступления радиоактивных веществ в р. Припять и р. Днепр и переноса их к водным ресурсам густонаселенных промышленных районов Украины.

В первые часы локализации в поврежденный реактор с высоким уровнем радиации было подано около 4 тыс. тонн воды, которая затем начала угрожать затоплением соседних зданий, где размещались 1 и 2 реакторы.

На первом этапе водоохраные мероприятия преследовали цель снизить перенос радиоактивных частиц в реку канализационными и дождевыми стоками. Поэтому силами инженерных войск совместно со строительными организациями и речниками осуществлялись отсыпка камнебросных донных запруд и формирование адсорбирующей (фильтрующей) завесы в водном потоке.

На втором этапе были выполнены работы по возведению земляных защит-

ных дамб по берегам рек. Для этого силами инженерных войск и Киевского облводхоза была спроектирована и оборудована система сооружений защиты поверхностных и подземных вод от заражения. В период с июня 1986 года по март 1987 года было возведено и уложено более 630 тыс. куб. метров горной породы. К решению этой задачи привлекалось более 3 тыс. человек, около 800 единиц дорожно-строительных машин и автомобилей. Для проведения несвойственных для инженерных войск мелиоративных работ потребовалась специальная народнохозяйственная техника, на базе которой были сформированы специальные части.

Эффективность проведенных работ проявилась сразу же, благодаря защитным дамбам и адсорбирующим завесам. Радиоактивность воды в реках и каналах снизилась в 3—5 раз. Что касается эффективности последующих работ (возведение фильтрующих траншей и оборудование дренажных скважин), то она проявилась к июню 1987 года.

Строительство дорог, мостов и оборудование переправ в летнее и зимнее время было вызвано необходимостью проведения широкомасштабных работ. Всего силами инженерных войск было построено дорог: с твердым покрытием — 50 км, улучшенных грунтовых — более 500 км; отремонтировано свыше 110 км дорог; построено, наведено и установлено свыше 500 м мостов.

Основным требованием к организации работ было ограничение времени пребывания людей и техники в зоне заражения. Исходя из этого принципа, а также руководствуясь потребностью ускоренного решения задач, все работы велись круглосуточно, в 3—4 смены. На участках с высокими уровнями радиации продолжительность смены определялась допустимыми сроками пребывания на зараженной местности в индивидуальных средствах защиты. Например, при строительстве дороги Копачи-АЭС продолжительность смены составляла

2—3 часа, что потребовало иметь несколько экипажей механиков-водителей на одну единицу техники и два комплекта специальной техники и автотранспорта. Количество смен определялось радиационной обстановкой.

Обеспечение радиационной безопасности войск и населения по значимости являлось главной задачей, так как при этом преследовалась цель свести к минимуму возможность облучения людей. Ее выполнение сопровождалось большим объемом непрерывно выполняемых мероприятий. В комплекс работ входило зонирование территории по данным радиационной разведки, дозиметрический контроль и выбор способов защиты, медицинской профилактики и санитарно-гигиенической обработки. Эти работы осуществлялись в соответствии с требованиями приказов Министра обороны и разработанных на их основе методических рекомендаций войскам с учетом особенностей обстановки.

Практически радиационная безопасность войск осуществлялась следующим образом. В частях по заключению медицинской комиссии и результатам зачетов, оформленных актом, издавались приказы о допуске личного состава к работам в опасных зонах. Учет доз облучения был налажен с таким расчетом, чтобы иметь исчерпывающие данные о трудоспособности военнослужащих и сроках их замены. Местные органы власти информировались о суточных дозах облучения населения, проживающего в местах, сопредельных с расположением войск.

Важнейшим направлением работ по обеспечению радиационной безопасности было принятие мер по регламентации облучения личного состава. Первоначально внешнее гамма-облучение ограничивалось значением, равным пяти предельно допустимым годовым дозам для условий мирного времени, что составляло 25 бэр. Впоследствии, были установлены более дифференцированные

нормативы внешнего облучения — 5 бэр для всех категорий военнослужащих.

С целью организации радиометрического контроля больших масс населения и военнослужащих, оказавшихся на зараженной местности в первые сутки после катастрофы, было задействовано 11 головных санэпидстанций (СЭС) и 3 профильных центра индикации. Впоследствии, для выполнения этих работ были привлечены почти все СЭС и объектовые лаборатории, расположенные на территории Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик и в Европейских областях России, а также на территории пяти военных округов.

Санитарная обработка населения, находившегося на зараженной территории, осуществлялась на специально подготовленных пунктах, развернутых на базе Минбыта (бани, душевые). Санитарная обработка военнослужащих осуществлялась после выхода личного состава из зараженных районов на полевых и стационарных пунктах. В результате принятых мер по обеспечению радиационной безопасности количество облученных и степень их облучения были существенно снижены.

Основные усилия ВВС были сосредоточены на решении задач по ведению радиационной и общей разведки, локализации очага катастрофы, дезактивации местности, обеспечении выполнения научных и исследовательских работ, транспортировке личного состава и грузов. Всего авиацией выполнено свыше 28 тыс. самолетов — и вертолетов-вылетов, в том числе: на радиационную разведку — более 4300, дезактивацию местности — более 6400 (вылито более 55200 тонн дезактивирующей жидкости, обработано более 3800 га территории и 31 км дорог), транспортные перевозки — более 13000 (перевезено свыше 42 тыс. человек и около 7500 тонн грузов). Наибольшая нагрузка на авиацию выпала на первые пять месяцев после катастрофы, когда было произведено свыше 17 тыс. самолетов — и вертолетов-вылетов. Высокое

летное мастерство, мужество и героизм военные авиаторы проявили при сбросе грузов в кратер реактора.

Материально-техническое и тыловое обеспечение осуществлял штаб Тыла Вооруженных Сил, центральные управления Минобороны, управления тыла Киевского, Белорусского и Прикарпатского военных округов.

Неопределенность обстановки и изменения в потребностях войск, обусловленные оперативностью решения новых задач, и отсутствие обоснованных норм расхода некоторых видов материальных средств приводили к необходимости срочной поставки самых разнообразных и нетрадиционных видов материальных ресурсов. Для того чтобы исключить нехватку материалов, их поставка осуществлялась с большим превышением норм расходов, что привело, с одной стороны, к затовариванию одними видами средств, а с другой стороны, острому дефициту других вследствие частых изменений в тактике проведения отдельных работ.

Особую остроту имела организация питания, контроль зараженности продовольствия и сохранение радиационной безопасности при приеме пищи. Работа вещевой службы осложнялась массовой заменой зараженного обмундирования и обуви, потребностью их захоронения, повседневной санитарной обработкой личного состава и организацией банно-прачечного его обслуживания, необходимостью ежедневной дезактивации белья. Механизированные прачечные для выполнения таких работ приспособлены не были.

О масштабах работ по тыловому обеспечению свидетельствуют следующие данные: было оборудовано 140 пунктов питания, развернуто около 80 полевых бань, произведено до 400 тыс. помывок личного состава в течение месяца. За первые два с половиной года ликвидации последствий катастрофы войскам было подано 166 тыс. тонн горячего, около 210 тыс. комплектов об-

щевойсковых защитных костюмов, 115 тыс. пар обуви, 150 тыс. комплектов рабочих костюмов, 330 тонн медицинского имущества. Было проведено около 7 млн. гигиенических помывок, выстирано более 7 тыс. тонн белья.

Вклад Тыла МО кратко рассмотрим на примере одного из его управлений [2.28.] — Управление торговли МО, внесшее существенный вклад в обеспечение ликвидации последствий чернобыльской катастрофы.

Так, уже 27 апреля 1986 года, группа высших руководителей Тыла во главе с Маршалом Советского Союза — заместителем министра обороны -начальником Тыла ВС СССР Куркоткиным С.В. прибыла в Чернобыль.

После ознакомления с обстановкой, совместно с руководством служб управления торговли КВО, были определены задачи коллективам, рассчитаны потребности в материальных ресурсах, технике и оборудовании.

В Главном управлении торговли МО (начальник ГУТ МО генерал-лейтенант Н.Г.Садовников) была сформирована ОГ, координирующая работу управлений КВО и БВО по торговле — бытовому обслуживанию личного состава, участвовавшего в ЛПК в чернобыльской зоне.

Анализируя сложившуюся обстановку по обеспечению участников ЛПК всем необходимым, было установлено, что торгующие организации (госторговля и потребкооперация Украины, УРС Минэнерго) покинули 30 км зону чернобыльской катастрофы. В связи с этим ГУТМО вышло с ходатайством в ГШ ВС СССР об от мобилизации из приписного состава Отдела торговли, численностью до 300 военнообязанных запаса. Впоследствии была подтверждена правильность и своевременность принятого решения. Эффективное решение поставленных задач перед ГУТМО также способствовало высокому профессиональному качеству руководства управлениями торговли КВО и БВО.

Достаточно отметить, что только че-

рез предприятия военной торговли КВО, дислоцированных в чернобыльской зоне прошло более 2000 специалистов (торговли, общепита, промбыта) от всех 30 военторгов округа.

Необходимо дополнить, что личный состав частей, участвовавший в ЛПК, размещался в обустроенных военных городках, включающих необходимый минимум объектов для проживания и отдыха [2.7.]. Это сборно-щитовые казармы или утепленные палатки для размещения военнослужащих, поддерживающие необходимую температуру в зимних условиях, уютные столовые. Питание осуществлялось из расчета 1 руб. 42 коп. на человека (91 коп. — солдатская норма и 51 коп. — дополнительный паек, включающий 100г мяса, яйцо, 15г сыра, 200 г молока, 100г фруктов). Городки обеспечивались спортивными залами, игровыми площадками, пунктами санитарной обработки. Отдельно оборудовалась парковая зона для автотранспорта и специальных машин с пунктами радиационного контроля, заправочными станциями, пунктами технического обслуживания.

В условиях радиоактивного заражения значительной площади с высокой плотностью населения и привлечения к ликвидации 20—40-тысячной группировки войск, части и соединения которой дислоцировались в зараженных районах, нехватка сил и средств Минздрава СССР и ГО СССР компенсировалась дополнительно сформированными и развернутыми силами военно-медицинской службы трех военных округов — Киевского, Белорусского и Прикарпатского: 5 отдельных медицинских батальонов и 4 санэпидотрядов. Организационные задачи использования военно-медицинских учреждений решались руководством Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны совместно со специалистами Минздрава СССР.

Военно-медицинской службой решались две основные задачи:

во-первых, оказать органам здравоохранения практическую и методическую помощь в обследовании и лечении населения, подвергшегося воздействию ионизирующих излучений;

во-вторых, провести мероприятия по предупреждению переоблучения военнослужащих, привлекаемых к ликвидации последствий катастрофы, с обеспечением проведения санитарно-эпидемиологической обработки, как в районах действия войск, так и в районах проживания населения.

Для координации работ по выполнению задач 3 мая 1986 года была создана и направлена в район ЧАЭС оперативная группа Центрального военно-медицинского управления МО. В течение суток силы и средства, предназначенные для выполнения этих задач (5 отдельных медицинских батальонов, 4 санитарно-эпидемиологических отряда, 20 медицинских пунктов, а также около 300 человек медицинского персонала из Военно-медицинской академии и центральных госпиталей с необходимыми комплектами имущества), были сформированы и прибыли в район Чернобыля.

Массовое применение техники при ликвидации последствий катастрофы потребовало создания системы технического обеспечения Чернобыльской группировки войск. В мае 1986 года в составе группировки войск насчитывалось до 6 тыс. единиц подвижной наземной техники, а в августе того же года — около 10 тыс. единиц. В осенне-зимний период 1986—87 гг. количество техники уменьшилось на 4,4 тыс. единицы, и на последующий период ее численность стабильно оставалась на уровне 6 тыс. единиц.

С апреля 1986 года организацию технического обеспечения осуществлял штаб Киевского военного округа, который для ведения работ выделил ремонтную роту в составе 30 человек и отделение окружного склада автомобильного имущества. Впоследствии,

для технического обеспечения крупной группировки войск возникла потребность дополнительного привлечения сил и средств оперативного звена. В частности, создание системы технического обеспечения осуществлялось Главным бронетанковым и автомобильным управлениями МО с привлечением ресурсов центра и трех военных округов — Киевского, Белорусского и Прикарпатского.

Работы в зонах с чрезвычайно высокими уровнями радиации выполнялись техническими службами Министерства обороны, которые были укомплектованы специальной техникой. На ремонтных заводах Главного бронетанкового управления были переоборудованы и доработаны радиоуправляемые танки и спроектированы автоматизированные мойки для проведения дезактивации крупногабаритной гусеничной техники, устанавливалась противорадиационная защита. На заводах Главного автомобильного управления производилось оборудование автомобилей для выполнения работ в опасных зонах и перевозки личного состава: устанавливались защита кабины водителя и подогреватели в кузовах.

Специалистами инженерных войск совместно с промышленностью на базе инженерной машины разграждения был спроектирован и изготовлен радиоуправляемый комплекс «Клин». Защита таких машин была повышена с 40 до тысячи крат ослабления гамма-излучений.

Всего на предприятиях Министерства обороны и промышленности было доработано более 300 образцов техники, что позволило осуществить локализацию очага катастрофы с меньшими потерями, провести дезактивацию местности вблизи аварийного реактора и осуществить радиационную разведку.

Организационно-штатная структура и техническое обеспечение созданной группировки войск не только позволили выполнить поставленные задачи, но и

способствовали своевременному переоборудованию техники с изготовлением вспомогательного имущества (контейнеров, специальных машин для транспортировки зараженного грунта и другого оборудования).

В то же время в процессе технического обеспечения были недостаточно учтены реально складывающиеся условия работ в зонах даже со сравнительно небольшими уровнями радиации.

Опыт ликвидации Чернобыльской катастрофы свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования приборного и технического имущества, предназначенного для войск и гражданской обороны, так как существующие средства требуют больших физических нагрузок. В связи с этим необходима ускоренная разработка принципиально новых систем с использованием последних достижений науки и техники.

При ликвидации последствий катастрофы войсками на практике проверялись новые средства дистанционного выявления радиационного заражения на больших территориях с использованием метода регистрации в ультрафиолетовой области спектра флуоресценции воздуха под действием гамма-излучения, теледозиметрических систем контроля за изменением радиационной обстановки и дозиметрического контроля. Полученный опыт использован при подготовке предложений по разработке специальных технических средств радиационной разведки, проведения специальной обработки личного состава и дезактивации техники, которыми должны будут оснащаться формирования, предназначенные для ликвидации последствий аварий.

Вместе с тем, в деятельности Вооруженных Сил и ГО СССР в ходе ликвидации последствий катастрофы имелись и существенные недостатки. Часть из них была отмечена выше, а о других представляем мнение начальника управления по информации и связям с общественностью Минатома РФ Г.А.Каурова. По-

пытки объяснить низкую противорадиационную готовность войск «отличием радиационной обстановки, сложившейся в районе взрыва реактора, от радиационной обстановки, которая ожидается при ведении боевых действий с применением ядерного оружия, к которым, якобы, только и готовились войска, не выдерживает критики. Ведь в 1986 г. на территории СССР работало более 40 ядерных реакторов, которые во время войны являются объектами первого удара со стороны противника. Несомненно, что для большинства командиров и военнослужащих действия в условиях фактического радиационного заражения местности долгоживущими радионуклидами были незнакомы. Однако в составе войск были специалисты, для которых создававшаяся экстремальная ситуация не была неизведанной, и действия которых были наиболее продуктивными. Эти специалисты в течение многих лет участвовали в испытаниях ядерного оружия, осуществляя контроль за радиационной обстановкой на ядерных полигонах под Семипалатинском и на Новой Земле. К сожалению, их опыт и навыки в полном объеме в наиболее нужное время (первые дни) использованы были не полностью».

Генеральный штаб

Значителен вклад в создание и функционирование оперативной группировки МО СССР в Чернобыле по праву принадлежит Генеральному штабу ВС СССР как основному органу управления Вооруженными Силами государства в мирное и в военное время.

В воспоминаниях Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева подробно раскрываются действия ГШ в первые часы после катастрофы [2.30.]: «Генеральный штаб и другие органы военного управления с началом аварии фактически перешли на работу по режиму военного времени. Примерно в 2 часа 20 мин 26 апреля 1986 года дежурный

генерал Центрального командного штаба ГШ доложил, что на ЧАЭС произошел взрыв с выбросом в атмосферу радиоактивных продуктов. Дал ему команду на сбор группы генералов и в 3 часа 20 мин прибыл в ГШ (на две недели поселился в здании Министерства обороны). Связался с начальником ГО генералом армии А. Т. Алтуниным. Дал указание поднять по тревоге полк ГО, дислоцированный вблизи Чернобыля, а его средства радиационной разведки выдвигать в район аварии. Поднял по тревоге специальный мобильный отряд ликвидации последствий аварий ядерных установок, дислоцированный в Приволжском военном округе. Направил военно-транспортные самолеты для переброски средств радиационной разведки этого отряда в район аварии. Прибывшие в Генштаб офицеры, генералы и постоянная дежурная служба включились в работу. Подключились к работе главные штабы видов ВС. В 7 часов 30 мин позвонил во Львов министру обороны СССР С.Л. Соколову... Доложил обстановку. В 9 часов 26 апреля мобильный отряд ГО начал радиационную разведку в районе аварии. После обмена мнениями об обстановке с дежурными службами СМ, КГБ, МСМ у меня сложилось впечатление, что масштабы аварии недооцениваются. Поэтому примерно в 10 часов связался с М.С. Горбачевым. Доложил о возможных крупных масштабах аварии и принимаемых мерах....».

Наиболее полная и достоверная оценка о ГШ ВС представлена Н.И. Рыжковым, отражающей события только одной ночи (с 26 на 27 апреля 1986 г., с субботы на воскресенье). В нем главное: готовность и способность ГШ ВС и войск МО СССР к решению внезапных и сложных задач:

«...Щербина позвонил мне поздно... Срочно нужны вертолеты, химические войска, и поскорей... Я дозвонился до начальника ГШ маршала Ахромеева... Не ведаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру в Черно-

быле были и вертолетчики, и «химики», утром же прилетел туда и командующий химическими войсками генерал Пикалов».

Вклад ГШ ВС в ЛПК на ЧАЭС достаточно убедительно отражен заместителем начальника ГОУ ГШ генерал-лейтенантом Г.С. Стародубовым:

«Руководство министерства обороны с первых дней катастрофы на Чернобыльской АЭС приступило к организации проведения крупномасштабных работ по ликвидации ее последствий. 26 апреля в 13.00 в район катастрофы прибыла оперативная группа под руководством заместителя начальника ГО СССР генерал-полковника Иванова Б.П. с целью предварительной оценки предстоящего объема работ военизированных формирований Гражданской обороны. В этот же день прибыла группа офицеров Министерства обороны во главе с начальником химических войск МО генерал-полковником Пикаловым В.К.. В этой группе были представлены, в основном, специалисты, способные компетентно определить первоочередную потребность в специальных средствах и помочь в решении первоочередных задач.

В этот же день было проведено совещание Министром обороны, где было принято решение о первоочередном выделении сил и средств для ликвидации последствий катастрофы. 26 апреля по распоряжению Генерального штаба авиацией была переброшена часть мобильного отряда из Приволжского военного округа — «химики», а уже 29 апреля железнодорожным транспортом прибыл весь мобильный отряд с техникой, способной провести разведку в зонах с чрезвычайно опасными уровнями радиации.

27 апреля была проведена воздушная разведка самолетом АН—24рр. В этот же день, с 10.00, по рекомендациям ученых вертолеты приступили к сбрасыванию в кратер реактора песка и других защитных материалов.

В первые дни после катастрофы управление организацией работ по ликвидации ее последствий осуществлялось непосредственно Правительственной комиссией, а выделенными от Министерства обороны силами и средствами — Генеральным штабом. В частности, начальником Генерального штаба маршалом Ахромеевым С.Ф. были отданы распоряжения на привлечение сил и средств к ведению воздушной радиационной разведки в районе АЭС, доставки первоочередных грузов, тушению очагов пожара, а также засыпке кратера разрушенного реактора специальными веществами; поставку парашютных систем для сбрасывания их в кратер реактора; направление в район катастрофы медицинских частей для обследования и оказания помощи местному населению; дополнительное развертывание частей химических, инженерных войск, гражданской обороны, частей и подразделений других родов и специальных войск и направление их к месту катастрофы.

Непосредственное управление действиями воинских частей и подразделений, а также формированием ГО по локализации разрушенного реактора и ликвидации последствий катастрофы в первые дни осуществлялось командованием Киевского военного округа.

Второго мая решением Министра обороны была создана Оперативная группа МО в районе ЧАЭС во главе с начальником Гражданской обороны — заместителем Министра обороны СССР.

Возрастание объема работ, связанных с ликвидацией последствий катастрофы, потребовало дополнительного развертывания воинских частей и направления их в район катастрофы.

Формирование частей и подразделений в этих экстремальных условиях вызвало целый ряд особенностей в управлении войсками. По-прежнему главную роль в решении этого вопроса играл Генеральный штаб.

Для управления действиями войск

при ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС решением ОГ Политбюро ЦК КПСС 3.05.86 г. установлено единое командование в районе катастрофы — ОГ МО СССР во главе с Главнокомандующим войсками Юго-Западного направления генералом армии Герасимовым И.А. (5.05.86 г. утверждено Политбюро ЦК КПСС). Фактически отменено решение Министра обороны от 2-го мая.

С этого времени ОГ КВО была реформирована, а оперативные группы начальников химических, инженерных войск (прибыли 2.05.86 г.), а также ГО СССР, выделены в самостоятельные с задачей оказания необходимой помощи частям своих родов войск в подготовке и осуществлении технических решений по наиболее сложным вопросам и организации работ по ликвидации последствий катастрофы. Кроме того, были созданы ОГ штабов ГО УССР, БССР, Киевской и Гомельской областей».

На оперативную группировку МО были возложены следующие задачи: выявление фактической радиационной обстановки на АЭС, определение границ и степени зараженности прилегающей к станции территории, прогноз обстановки, проведение первоочередных мероприятий по локализации очага катастрофы в районе ЧАЭС, сохранение необходимой помощи населению, планирование работ и мероприятий по ликвидации последствий катастрофы, принятие прибывающих войск, определение мест их дислокации и постановка им задач, создание группировки и подготовка частей к проведению дезактивации в районе катастрофы, сбор и обобщение информации для Генерального штаба, а также координация через Правительственную комиссию работ по ликвидации последствий катастрофы между Министерством обороны и гражданскими министерствами и ведомствами.

Общее руководство созданием группировки войск и их управлением осуществлял Генеральный штаб через создан-

ную 28.04.86 г. на Центральном командном пункте оперативную группу ГШ.

Для удобства управления войсками вся территория, подвергшаяся радиоактивному загрязнению, была разделена на 3 сектора и особую зону. Руководство силами и средствами в каждом из них возложено на ОГ БВО, КВО и ПрикВО.

8—9 мая 1986 г. рекогносцировочными группами секторов определены объем и характер работ по дезактивации объектов на АЭС, населенных пунктов, сооружений, дорог и местности в 30-км зоне.

К 10 мая в районе ЧАЭС были, в основном, созданы необходимые группировки войск с органами управления для проведения дезактивационных работ не только на станции, но и в 30-километровой зоне.

Был разработан и 13 мая одобрен Министром обороны СССР «План основных мероприятий по ликвидации последствий аварии». На его основе в оперативных группах, соединениях и частях разрабатывались планы работ по дезактивации и другим работам с определением конкретного объема задач, последовательности их выполнения с детальным расчетом потребных сил и средств.

13 мая войска приступили к проведению дезактивационных работ широким фронтом в населенных пунктах Киевской, Житомирской и на юге Гомельской областей. Особое внимание было уделено дезактивации территории АЭС и прилегающей к ней территории, а также подготовке населенных пунктов к эвакуации населения.

На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29.05.86 г. (о проведении дезактивационных работ), Министром обороны 2 июня издана директива «О повышении эффективности дезактивационных работ в районе Чернобыльской АЭС», которой определялись задачи войскам, привлекаемые силы и средства для их решения, сроки выполнения работ, порядок обеспечения войск всем необходимым

для жизни и деятельности, а также порядок замены личного состава, получившего в ходе работ предельно допустимые дозы облучения.

В соответствии с директивой МО СССР и Планом основных мероприятий по дезактивации территории в районе ЧАЭС на летне-осенний период, ОГ Министерства обороны ежемесячно разрабатывался «план-график» дезактивационных работ в районе катастрофы, который утверждался Правительственной комиссией. Ежемесячные планы работ в секторах и особой зоне утверждались начальником ОГ МО.

Доклады о ходе выполнения работ от оперативных групп секторов и особой зоны поступали в ОГ МО. После обобщения они направлялись в Генеральный штаб. Кроме того, в Генеральный штаб ежедневно поступали донесения из Главного штаба ВВС, штаба Тыла Вооруженных сил и ГО СССР, штабов военных округов, а также от главных и центральных управлений Министерства обороны с отображением объема выполненных работ по ликвидации последствий катастрофы и их обеспечению.

Созданная ОГ ГШ на базе ЦКП ГШ, согласно директиве ГШ ВС СССР от 30 апреля 1986 г., осуществляла сбор и анализ данных о последствиях катастрофы на АЭС, обобщала сведения о радиационной обстановке, вела обобщенный учет радиоактивного облучения привлекаемых войск, участвовала в разработке указаний МО СССР и начальника ГШ, осуществляла контроль за выполнением задач, возложенных на Министерство обороны, координировала усилия главных штабов видов ВС, управлений центрального аппарата и военных округов, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы, а также гражданских министерств и ведомств, разрабатывала проекты докладов в ЦК КПСС и СМ СССР, Министру обороны СССР и начальнику Генерального штаба по результатам выполнения задач и вопросам, требующим немедленного решения.

Дежурство ОГ было организовано с 30 апреля 1986 года.

В связи с обозначившимся большим объемом работ и увеличением состава сил и средств, выделяемых от МО для ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, и с учетом того, что эти работы будут иметь долгосрочный характер, было принято решение на базе ОГ при ЦКП Генерального штаба создать ОГ Министерства обороны (в г. Москве). Начальником Оперативной группы был назначен заместитель начальника ГОУ Генштаба генерал-лейтенант Стародубов Г.С.. ОГ приступила к работе 14.05.86 г.

Дежурство в ОГ было организовано в 3 смены, персонально в состав дежурных смен назначались офицеры, уже получившие определенные навыки в работе в составе ОГ ЦКП ГШ.

На оперативную группу Министерства обороны возлагалось следующее [2.31.]:

- «постоянное руководство силами и средствами МО, выделенными для ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС;
- круглосуточный сбор, обобщение, анализ данных обстановки в районе ЧАЭС и зонах заражения;
- учет войск, привлекаемых для ликвидации последствий катастрофы, изменений их дислокации и состояния;
- ведение сводного учета доз облучения личного состава, количества госпитализированных военнослужащих;
- ведение карт радиационной обстановки (в 30-километровой зоне, на Европейской территории Советского Союза и в Московской зоне);
- учет характера, объема и качества выполняемых войсками работ (общий, по секторам, особой зоне, отдельным объектам);
- подготовка докладов руководству Министерства обороны по радиационной обстановке на территории страны и в районе ЧАЭС и ходу работ по ликвидации последствий, возложенных на МО;

- разработка материалов к заседаниям ОГ Политбюро ЦК КПСС;

- разработка предложений и исполнительных директив по вопросам дополнительного привлечения сил и средств, их рациональному использованию, своевременной замене личного состава, получившего предельно допустимые дозы облучения;

- организация воинских (воздушных, железнодорожных и автомобильных) перевозок;

- проработка вопросов всестороннего материального, медицинского, технического обеспечения соединений и частей, а также проводимых ими работ;

- контроль исполнения распоряжений и директив по вопросам участия сил и средств МО в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС».

Согласно Постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 29.05.86 г., на МО СССР были возложены следующие задачи по проведению дезактивационных работ в районах УССР и БССР, подвергшихся радиоактивному загрязнению в связи с катастрофой на ЧАЭС:

- продолжить работы по дезактивации, обратив особое внимание на первоочередную необходимость борьбы с пылью, строгое соблюдение порядка и последовательности проведения этих работ с учетом уровней радиоактивного загрязнения и прогнозов по его естественному уменьшению;

- возложить на Минсредмаш, Министерство обороны, АН научно-техническое руководство в решении вопросов выбора и применения эффективных химических рецептур и технических средств дезактивации, способов сбора, захоронения и переработки радиоактивных продуктов и отходов, закрепления, полной локализации или удаления радиоактивных загрязнений на земле, дорогах, машинах, оборудовании, зданиях и сооружениях;

- выполнить работы по: закреплению поверхности грунта на территории бассейна р. Припяти в зоне ЧАЭС с целью

предотвращения размывания радиоактивных веществ и выноса их в реки, по обработке необходимых участков берегов рек Припяти, Бражинки, Уж и др., а также по осадению радиоактивных загрязнений в указанных водоемах сорбирующими веществами;

• осуществлять постоянный контроль за уровнем радиоактивного загрязнения на указанных участках и в оперативном порядке вносить соответствующие предложения об изменениях их границ».

18 августа 1986 г. была издана директива МО СССР «О проведении силами войск дезактивационных, водоохраных и других работ в осенне-зимний период 1986—87 гг. в районе Чернобыльской АЭС» и утвержден план работы войск до мая 1987 г. В связи с выполнением основного объема задач и переходом к работам осенне-зимнего периода, 25 августа началось возвращение части войск в пункты постоянной дислокации. Важной задачей управления в этот период, наряду с руководством проведения дезактивационных работ, стало и обустройство войск, остающихся для работ в зимних условиях.

Согласно директиве ГШ, от 11 декабря 1986 г., с 25 декабря 1986 г. руководство частями и органами управления, участвующими от МО СССР в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, возложено на начальника ГО СССР генерала армии Говорова В.Л. В этих целях предложено создать ОГ ГО СССР в г. Чернобыле и сменить ОГ ГК ЮЗН. Этой же директивой предусматривалось на территории АЭС иметь оперативную группу особой зоны. Руководство частями и подразделениями в секторах возложено на заместителей командующих войсками БВО, КВО, ПриКВО по гражданской обороне».

Особая зона

Наиболее ответственные и сложные задачи решались участниками ЛПК на ЧАЭС в особой зоне.

Территориально в особую зону входили: г. Припять, АЭС с промзоной, железнодорожная станция Янов, местность на юге — до поселка Копачи, а на востоке — до р. Припять.

Представим краткую характеристику о работе в особой зоне начальнику ИВ КВО генерал-лейтенанту А.С. Королеву [2.32.]:

«Состав оперативной группы особой зоны на первом этапе назначался от Киевского военного округа. Первым начальником оперативной группы особой зоны был назначен генерал-майор Гольдин В.А. (май 1986 г.), его сменил генерал-майор Земляков А.А. (конец мая — 20 июня), с 20 июня по 12 июля в этой должности работал я.

Для работы по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в особой зоне по заявке начальника оперативной группы этой зоны выделялись на каждые сутки части и подразделения от войск, дислоцированных в 30-км зоне. На подачу заявок, получение разрешения от старшего начальника на выделение частей и подразделений для особой зоны, постановку задач командирам, организацию взаимодействия между этими командирами и руководителями работ на ЧАЭС, всевозможные неувязки и неисполнительность (которая бывала редко, но бывала) уходило много драгоценного времени.

Обстановка требовала подчинить начальнику оперативной группы особой зоны те части и подразделения, которые необходимы на АЭС ежедневно. К этому времени уже были ясны задачи по ликвидации последствий катастрофы в особой зоне на ЧАЭС, в секторах и потребные для этого силы и средства. Создались все условия для закрепления за особой зоной определенного, необходимого количества воинских частей и соединений. По просьбе председателя Правительственной комиссии Гусева В.К. ГШ МО СССР своей директивой определил состав частей и соединений, переходящих в подчинение начальника оперативной группы особой зоны.

Штаб оперативной группы размещался в подвале здания административно-бытового корпуса (АБК). Это помещение приспособлено для штаба гражданской обороны ЧАЭС. В нем имелась определенная защита от радиации, все необходимые связи, рабочие места для должностных лиц. Помещение для отдыха (сна). Круглые сутки в него входили и выходили люди, занося с собой зараженную радионуклидами землю с улицы. Вентиляция приточная. С воздухом попадали радионуклиды. Помещение постоянно, ежедневно убиралось, и в нем велся радиационный контроль. Но уровни радиации в воздушной среде были не намного ниже, чем снаружи.

Состав оперативной группировки:

а) штаб — 22 офицера;
 б) части и соединения оперативной группы с 19.06.86 г.:

1. 25-я бригада химзащиты (КВО), место дислокации — Оранное;
2. 26-я бригада химзащиты (МВО) — Дитятин;
3. 175-й мобильный отряд ликвидации последствий (ПриВО) — Оранное;
4. 2036-й отдельный инженерный батальон спецработ (КВО) — Корогод;
5. 1589-й военно-строительный батальон (КВО) — Оранное;
6. 731-й отдельный батальон спецзащиты (КВО) — Оранное;
7. 329-й военно-пожарный отряд МВД УССР — Оранное;
8. 362-й полевой специальный эпидемиологический отряд (КВО);
9. 150-я отдельная рота бронетранспортеров;
10. 554-й отдельный инженерно-позиционный батальон (МВО) — с. Максимовичи;
11. 880-я отдельная рота химиков-дозиметристов (КВО) — Оранное.

Всего в этих частях и соединениях насчитывалось около 8 тысяч личного состава и около 2,5 тысячи различной автомобильной и инженерной техники. Все части размещались на местности в 30-километровой зоне, в 15—30 км от

ЧАЭС, с учетом розы ветров, при минимальных уровнях радиации — в палаточных городках. Это позволяло после работы в зоне пройти санитарную обработку на объектах или в палаточных городках на пунктах санитарной обработки, сменить одежду и прибыть чистыми для приема пищи и отдыха. Личный состав нормально питался, отдыхал (читал газеты и книги, смотрел кинофильмы и телевизор, играл в волейбол и т. д.)

Все работы на станции проводились в 3 смены. Первая смена — с 8.00 до 14.00 часов. Вторая смена — с 14.00 до 20.00 часов. Третья смена — с 20.00 до 2.00 часов.

Работы на объектах были с высокими уровнями радиации, до 10—15 рентген в час. В этих условиях продолжительность работ была такой, чтобы люди не могли получить дозу радиации более 2,5 рентген в сутки. На местности с уровнями более 10—15 рентген в час личный состав работал в технике, снижающей дозы облучения, или в специальной защите (ИМР, БТР, защитные костюмы). На работу личный состав доставлялся на автомобилях с кузовами, укрытыми брезентом. Каждому военнослужащему выдавались индивидуальные респираторы, которые периодически заменялись на чистые. Дороги поливались водой, чтобы не допускать пылеобразования при движении отдельных машин или их колонн. Люди в зоне воздерживались от курения. Воду пили только из бутылок, минеральную или напитки. Позже всем стали выдавать темные очки, чтобы сохранить роговицу глаз от бомбардировки их альфа — и бета-частицами.

Все работы по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС организовывались войсковыми частями оперативной группы в тесном взаимодействии с администрацией и руководством станции, в строгом соответствии с постановлениями и решениями Правительственной комиссии, приказами оперативной группы МО СССР и план графиком выполнения работ.

Главные усилия штаба оперативной группировки особой зоны сосредотачивались на выполнении первоочередных задач, определяющих ликвидацию последствий катастрофы в условиях высокого радиоактивного заражения в сжатые сроки и строго определенное время. В 16.30 или в 17.00 ежедневно в актовом зале административно-бытового комплекса начальник станции, главный инженер и начальник оперативной группировки особой зоны подводили итоги работы за прошедшие сутки и определяли задачи на очередные. На подведении итогов присутствовали руководители на объектах от администрации станции и командиры соединений, частей и подразделений, входящих в оперативную группировку.

Обычно начальники объектов докладывали о проделанной работе, о недостатках, о причинах, которые мешали выполнить суточное задание. Как правило, там, где были хорошие руководители и где было хорошее взаимодействие между представителями администрации АЭС и командирами подразделений, там и результат был налицо.

В заключение уточнялись задачи на следующие сутки и ставились задачи по графику на 2—3 дня вперед главным инженером — для персонала АЭС, начальником оперативной группы — для воинских частей.

К 18.00 часам ежедневно директор станции Поздышев Э.Н., главный инженер Штейнберг Н.А. и начальник оперативной группы прибывали в Чернобыль в здание райкома КП Украины на заседание Правительственной комиссии.

Заседание ПК начиналось с заслушивания директора станции Поздышева Э.Н. или (чаще) главного инженера станции Штейнберга Н.А., после заслушивали меня. К этим докладам мы тщательно готовились, согласовывали их и, как правило, замечаний по ним не имели. А вот вопросы были, на них нужно было давать четкие ответы. После этих докладов отчитывались другие должностные

лица. Заседание заканчивалось через 1,5—2 часа, а вслед за ним, в перерыв, увязка вопросов и взаимодействие заинтересованных сторон в интересах выполнения своих задач.

После заседания Правительственной комиссии мы возвращались на станцию, уточняли задачи командирам частей и инженерно-техническим руководителям станции, проверяли начало работ третьей смены, оставляли дежурную смену офицеров оперативной группы и убывали на ночной отдых в населенный пункт Терехов, там и ужинали, в 21—22 часа. Утром следующего дня в 7 часов 45 минут мы были уже на станции. А в 8.00 первая смена начинала новый рабочий день.

Воинские части и соединения оперативной группы особой зоны в июне — июле месяцах выполняли разные задачи. Так, 25-я и 26-я бригады химзащиты и 21-й полк химзащиты занимались дезактивацией внутренних помещений машинного зала и трех энергоблоков, а также внутренних помещений вспомогательных объектов, дезактивацией наружных стен объектов, крыш машинного зала и хранилища отходов ядерного топлива; технические батальоны этих частей выполняли работы по дезактивации местности в промышленной зоне станции, на территории у энергоблоков и машинного зала, у зданий административно-бытового комплекса».

Перед проведением ответственных работ производилось обследование места работ с целью уточнения радиационной обстановки, определения необходимых сил и средств, уточнялось возможное время пребывания расчетов и др. По результатам такого обследования представлялся доклад начальнику ОГ оперативной группировки войск в Чернобыле.

К одной из новых сложных задач, возникших в ходе дезактивационных работ на АЭС, можно отнести дезактивацию вентиляционных труб 1, 2 и 3 ЭБ со значительной протяженностью. Раз-

работанный НЦ МО способ дезактивации вентиляционных труб был прост и экономичен [2.33.]:

«Известно, что в результате катастрофы оказались загрязненными все здания и сооружения на территории АЭС и сами энергоблоки. Но самое печальное то, что энергоблоки 1,2,3-й оказались загрязненными не только снаружи, что вполне реально при аварии с выбросом продуктов деления, но были загрязнены и все внутренние помещения и оборудование. Как это произошло? В нашу задачу не входило выявлять причины, но, по одной из версий, это произошло потому, что после аварии не была отключена приточная вентиляция первых 3-х энергоблоков. В результате этого загрязненный воздух поступал в чистые помещения 1—3-го энергоблоков, загрязняя помещения и оборудование. Кроме этого, как было установлено, на 1-м энергоблоке не работали фильтры очистки наружного воздуха, установленные в приточной входной вентиляционной камере.

Начав дезактивацию внутренних помещений 1-го энергоблока, войска сразу же столкнулись с проблемой: а, как дезактивировать внутренние поверхности вентиляционных труб общей протяженностью более километра с разными изменяющимися сечениями?

Известных приемов дезактивации трубопроводов вентиляции без их демонтажа не существовало, а трубы достаточно мощно «светили». Выходные трубки вентиляции плотно закрыли фильтрами Петрянова и продували участки вентиляции. Таким образом, почти вся осевшая внутри труб радиоактивная пыль попадала на фильтры, которые затем собирались и захоранивались. Таким образом, удалось достаточно полно очистить внутренние поверхности вентиляции».

На одной операции, проведенной в особой зоне, а точнее, на крыше 3-го ЭБ и трубных площадках главной вентиляционной трубы АЭС — удалении высо-

корadioактивных материалов — необходимо остановиться отдельно.

Научные и кулуарные страсти о дезактивации крыши 3-го ЭБ силами личного состава частей не утихают до сих пор.

В сентябре 1986 года вопрос о проведении этих работ достиг апогея. Ввод 1 и 2 ЭБ задерживался из-за значительных уровней радиации на крыше. Какое количество выброшенных в результате взрыва радиоактивных материалов находилось в различных местах крыши, и какие были уровни радиации, не знал никто достоверно.

Необходимость и объем этих работ обсуждался на заседании ПК под руководством Б.Е. Щербины. Докладывал Самойленко Ю.Н. — заместитель главного инженера АЭС и главный идеолог дезактивации сооружений и оборудования на территории АЭС.

Необходимо отметить, что ранее были безуспешные попытки применить работы как зарубежные, так и отечественные. Предлагалось использовать уникальный кран «Демаг», задействованный на возведении «Укрытия». Но это сорвало бы правительственные сроки ввода этого сооружения.

Представители МО на этом заседании ПК (начальник ОГ МО СССР генерал-лейтенант Б.А. Плышевский, зам. начальника НЦ МО генерал-майор Н.Д. Тараканов) были против использования военнослужащих. Вот как комментирует этот факт Н.Д. Тараканов [2.34.]:

«Что же вы предлагаете, товарищ Самойленко?» — спросил Щербина. Ответ был незамедлительным: «Просить солдат... Они могут вершить чудеса».

Вот тут и заверзали мы с начальником оперативной группы Министерства обороны СССР генерал-лейтенантом Б.А. Плышевским. И с ходу пошли в атаку на этот явно авантюрный план. Во-первых, настаивали мы, всю эту «грязную» работу надо выполнить без участия человека. А коль уж за полгода ни наука, ни промышленность не подготовили надеж-

ных средств, так надо с них и спросить. Во-вторых, как можно привлекать солдат, если никто не знает обстановку в опасных зонах?

Щербина молча выслушал все наши доводы. Потом спросил Воробьева: «А как медицина?» Тот ответил: «Особой опасности не вижу, можно привлекать на эти работы армию, но с умом».

Тогда встал Плышевский: «Без приказа Министра обороны я выделять солдат не буду». Щербина тихо ответил: «С Министром обороны я переговорю лично. Но вынужден буду подписать решение Правительственной комиссии о привлечении Министерства обороны к этим работам. Мы пойдем на все».

Зная о неотвратимости дальнейших событий по дезактивации крыши военными, была подготовлена и проведена радиационная разведка. Уровни радиации были значительными (400—600 рентген в час). На основании полученных результатов разрабатывалась технология дальнейших работ, определялось время и доза разового облучения».

Состоялось решение правительственной комиссии (№ 106 от 19 сентября 1986 года), подписанное Б.Е. Щербиной.

МО СССР совместно с администрацией АЭС поручалась организация и проведение работ по удалению высоко радиоактивных источников с крыш 3-го ЭБ и трубных площадок. Научно-практическое руководство было возложено на генерал-майора Н.Д. Тараканова. Представим условия и краткую характеристику работ ее руководителю [2.34.]:

«19 сентября началась наша адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Командный пункт размещался в самом блоке, на 5001-й отметке. Уровни радиации в нем были по ежедневным замерам у стенки, примыкающей к аварийному блоку, 1,0—1,5 рентген в час, а у противоположной, что у второго блока — 0,25. Так что за две недели ежедневного пребывания на КП можно набраться этой проклятой радиации на всю жизнь».

Вот оперативная сводка за 21 сентября 1986 года:

«В операции по удалению высокордиоактивных материалов в зоне «Н» приняли участие войска в количестве 307 человек. За время работ выполнено:

Собрано и сброшено в развал аварийного реактора 12,2 тонны радиоактивного зараженного графита;

Извлечено и удалено 10 полуразрушенных тепловыделяющих сборок, общим весом 800 кг;

Собрано и удалено 136 кусков твэлов, общим весом 850 кг.

Средняя продолжительность работ одного человека в зоне «Н» составила две минуты. Средняя доза облучения 10,0 рентген.

Что стоит за бесстрастными словами и цифрами подобных сводок? Все войны, принимавшие участие в работах, были добровольцами. Каждому из них нужно было войти в зону с высокими уровнями радиации, взять кусок графита или ядерного топлива, сделать несколько шагов по крыше третьего блока и сбросить смертоносный груз в жерло четвертого, взорвавшегося. Каждый из них, прежде чем сделать это, должен был не оступиться и не свалиться сам. И каждый из них совершал это только один раз. По существу, смотрел во врата рукотворного ада.

Как-то к нам прибыли заместитель председателя Правительственной комиссии Ю.К. Семенов и сопровождающие его лица, уж не помню точно кто. Все они были поражены мужеством саперов. Я попросил Юрия Кузьмича вручить отличавшимся воинам грамоты и объявить им благодарность.

Навсегда запомнится 1 октября, заключительный день нашей операции. Программа работ была чрезвычайно напряженной. На площадке «М» находились два поврежденных робота. Они оказались в «плелу», увязнув в графите и в других продуктах выброса. Роботы удалось убрать с помощью вертолетов, но для того, чтобы их очистить, высво-

бодить и зачалить, пришлось посылать несколько смен. И везде наш незаменимый солдат... Потом в ход пошли гидромониторы и ручные пожарные стволы. Работами руководил В. Гобев, прибывший в Чернобыль со Смоленской АЭС. Мужества, технической смекалки этому человеку не занимать.

В половине девятого вечера смена воинов-химиков в составе младшего сержанта В. Парфениса, рядовых Б. Борисовича, С. Михеева и Я. Туманиса сбросила в развал последние куски графита и осколки твэлов. Протяжнее, чем обычно, выла электросирена. Все, кто был на КП, закричали: «Ура!».

Поздно вечером 1 октября мы подвели общие итоги операции. Были сброшены в развал многие тонны смертоносного груза. Не было приписок. Но главное не в цифрах, а в том, что задачи, поставленные Правительственной комиссией, были решены. Практически все выброшенные взрывом высокорadioактивные материалы удалось собрать и сбросить в аварийный реактор».

Обобщенная характеристика вклада инженерных войск в дезактивацию крыши 3-го ЭБ представлена профессором генерал-майором Ю.П. Дорофеевым: «Части инженерных войск приняли участие в очистке крыши третьего энергоблока от радиоактивных источников. Инженерную разведку подходов к крыше и самой крыши выполнил подполковник Андреев Ю.В. Подполковники Юрченко Е.В. и Дудкин В.А. первыми вступили на крышу третьего энергоблока, увлекая за собой подчиненный личный состав. Всего на очистке крыши отработал в сентябре 1986 г. 1021 военнослужащий инженерных войск; в декабре 1986 г. проведена под руководством полковника Максимова В.И. (инженерный батальон спецработ) повторная дезактивация третьего энергоблока, всего отработало около 1500 военнослужащих инженерных войск».

Анализ работ по дезактивации крыши третьего ЭБ, проведенных под руко-

водством генерал-майора Н.Д. Тараканова, был бы неполным без мнения медиков по данному факту.

Военную медицину беспокоило главное: а какова будет дозовая нагрузка на военнослужащих, участвующих в этих работах?

В одной из работ представлен алгоритм процесса подготовки этих работ, показывающий ответственное отношение должностных лиц МО к выполнению такой ответственной и опасной задачи:

«Чтобы выяснить возможность выполнения этой работы, требовалось провести разведку. Ее осуществлял подполковник А.А. Салеев.

Поднявшись на крышу третьего энергоблока, он сбросил лопатой несколько кусков радиоактивного графита в подвал разрушенного реактора и по команде спустился на землю. На эту операцию было затрачено 1 минута 13 секунд, и по показаниям 9 дозиметров, размещенных на разных участках тела, зарегистрирована доза внешнего облучения от 3,5 до 6 бэр. За совершенный самоотверженный поступок подполковник медицинской службы А.А. Салеев награжден орденом Красной Звезды.

18 сентября 1986 г. в Чернобыль прибыла комиссия Министерства обороны СССР для решения вопроса о привлечении военнослужащих к работам по очистке кровли третьего энергоблока от высокоактивных материалов. Комиссия первоначально высказывалась против участия военнослужащих в проведении этой чрезвычайно опасной операции. Однако в связи с невозможностью применения роботов и привлечения гражданских специалистов решением Правительственной комиссии от 19 сентября 1986 г. проведение операции было возложено на войска. На заседании комиссии Министерства обороны генерал-майор Н.Д. Тараканов обратился к главному гигиенисту Министерства обороны, входившему в состав комиссии, с просьбой разрешить для военнослужащих при работе на крыше дозу однора-

зового облучения в 20 бэр. Главный гигиенист Министерства обороны, учитывая опыт А.А. Салеева, получившего дозу 6 бэр за 1 минуту 13 секунд, принял решение разрешить дозовый предел 20 бэр, что обеспечивало реальное выполнение аварийных работ (общее время работы в опасной зоне каждого военнослужащего увеличивалось примерно до 3 минут). Одновременно главный гигиенист Министерства обороны рекомендовал проводить тщательную радиационную разведку, прикрыть временно наиболее светящиеся пятна свинцовыми пластинами, провести тренировки личного состава на радиационно незагрязненных макетах, обеспечить тщательный дозиметрический контроль, одновременное нахождение в опасной зоне двух человек, сигнализацию времени окончания работы, медицинское обследование с клиническим анализом крови до и после проведения работ, применять радиопротектор Б—190. Уже после завершения аварийных работ некоторые специалисты подвергли критике дозовый предел в 20 бэр. Однако, в свете современных представлений Федеральным законом о радиационной безопасности населения 1995 г. дозовый предел 20 бэр разрешается при ликвидации последствий радиационных аварий.

В соответствии с решением правительственной комиссии, работы по очистке кровли третьего энергоблока были выполнены военнослужащими-добровольцами до конца сентября 1986 г. Средние дозы облучения по данным Н.Д. Тараканова составили 10 бэр.

Одновременно следует сказать и о ряде нерешенных вопросов в этой работе. Нештатная служба радиационной безопасности при начальнике оперативной группы не полностью справилась со своими обязанностями. Она не имела необходимых сил, средств и прав для обеспечения надлежащего режима и не выполнила в должной мере функции, присущие этой службе (радиационная

разведка, радиационное наблюдение, дозиметрический и радиометрический контроль, санитарная обработка личного состава)».

В завершение работ по очистке 3-го ЭБ кровли 1 октября 1986 г. по указанию руководителей был установлен флаг на вентиляционной трубе (отметка 150 м) ликвидаторами Ю.А. Юрченко, В.М. Стародубовым и подполковником М.Д. Сотниковым.

В связи с окончанием работ по очистке кровли руководство ЧАЭС обратилось в горком партии г. Припяти с просьбой о награждении грамотами ряда участников этих работ.

«Операция» с красным флагом вызывает справедливое нареkanie к ее организаторам до настоящего времени.

Между прочим, перед ее проведением курсантами Львовского (10 чел.) и Харьковского (11 чел.) пожарно-технических училищ успешно была выполнена более важная операция: очистка пяти кольцевых площадок этой же вентиляционной трубы от радиоактивных обломков, выброшенных 26 апреля. Доза облучения этих курсантов — от 14 до 22 рентген. Кстати, в обращении в горком о награждении грамотами ни одного из курсантов в представленном списке не было.

После выполнения ответственных и опасных работ на крыше 3 ЭБ количество и сложность решаемых задач в ОЗ не уменьшилось.

Вместе с тем, повышаются требования к обеспечению радиационной безопасности личного состава при проведении работ по ЛПК, разрабатываются инструкции по организации контроля индивидуальных доз внешнего радиоактивного облучения личного состава, утверждаемые начальником ОГ МО в Чернобыле (командиром в/ч 06407).

Категорически запрещается производить переоблучение личного состава. Повышение облучения допускается в исключительных случаях, связанных со спасением людей, предотвращением

аварий и переоблучением большого числа военнослужащих. Допускается облучение в 250 мбэр в каждом отдельном случае или в 25 БЭР на протяжении всего периода работы (приказ начальника ОГ ОЗ № 1 от 21.03.90 г.)

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА В ЧЕРНОБЫЛЕ

Ю. П. ДОРОФЕЕВ

Приближается 20-я годовщина катастрофы на Чернобыльской АЭС, ликвидация, которой потребовала привлечения значительных сил Инженерных войск.

Особо следует отметить личное участие в этом Маршала Инженерных войск — Сергея Христофоровича Аганова. В Чернобыль он прибыл 2 мая 1986 года и сразу же активно включился в работу Правительственной комиссии и содействовал налаживанию нормальной плановой работы всех организаций, привлеченных к широкому комплексу работ, связанных с ликвидацией последствий катастрофы. Он являлся одним из активных разработчиков стратегического плана ликвидационных работ. По его настоянию были подготовлены и осуществлены уже 9 мая взрывные работы непосредственно под разрушенным четвертым блоком АЭС. В эти первые, суматошные дни С.Х. Аганов сохранял олимпийское спокойствие, что способствовало целенаправленному выполнению задач и сохранению здоровья и жизни многих офицеров и солдат Инженерных войск.

Для руководства частями Инженерных войск были созданы оперативные группы Начальника Инженерных войск, в состав которых поочередно входили генералы П.В.

Гребенюк, А.В. Гушин, Ю.П. Дорофеев, А.С. Королев, О.Д. Кулабухов, С.М. Малюгин, Т.М. Саламахин, Ю.В. Сушков, П.Г. Шарниров, М.П. Цивилев, полковники Н.И. Афанасьев, Б.А. Енько, Р.А. Кузьминский, В.И. Купаев, В.П. Маркелов, В.Ф. Скляров и многие другие.

На Инженерные войска были возложены задачи по определению площади водосбора реки Припять для проектирования мест возможного расположения и объемов дамб и плотин, с последующим их возведением, для обеспечения реки Припять и, следовательно, реки Днепр от смыва в них радиоактивных веществ, чем была загрязнена вся изучаемая площадь водосбора. В зависимости от местных условий возводились глухие или фильтрующие плотины (дамбы). Всего было возведено 132 земляные и каменно-набросные плотины длиной от 50 до 1000 м (с учетом ширины рек) каждая и высотой от 4 до 9 метров. Общая протяженность плотин 11,2 км. В них было отсыпано 400000 куб.м земли и 230000 куб.м горных пород (камня, щебня, цеолитового туфа). Эти работы были выполнены уже к сентябрю месяца 1986 года силами двух инженерно-дорожных полков. Каждый из них имел в своем составе два инженерно-дорожных батальона (по три инженерно-дорожной роты) и автомобильный батальон (150 самосвалов).

Глухие земляные плотины возводились для перекрытия возможных стоков (лощин, оврагов) на суходолах с отсыпкой грунта самосвалами, бульдозерами, скреперами, машинами для отрывки котлованов (МДК). Возведение плотин осуществлялось способом последовательной отсыпки грунта слоями толщиной до 0,5 м и укаткой каждого слоя груженными автомобилями (специальными пневматическими катками). Высота плотин принималась с учетом недопущения перелива воды через их гребень.

Фильтрующие плотины возводились на реках и каналах путем отсыпки самосвалами камня и цеолитового туфа в

ДОРОФЕЕВ Ю.П. — генерал-майор в отставке, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, участник ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

текущую воду с мостов или последовательно с одного или двух берегов. На верховом откосе создавался фильтрующий слой из цеолитового туфа толщиной до 4 метров с покрытием его защитным слоем из щебня толщиной до 2,5 метров. Высота плотин также принималась такой, чтобы не допускать перелива воды через гребень. Учитывался возможный весенний разлив реки.

Не менее важными были задачи по подготовке путей движения войск (в том числе и просек), что способствовало планомерному подвозу материальных средств, в основном строительных материалов, к местам выполнения задач всеми привлекаемыми для ликвидации последствий катастрофы силами.

К очистке кровли третьего блока АЭС от радиоактивных кусков графита и выбросов из четвертого блока, а также загрязненной кровли были привлечены все полки Инженерных войск, личный состав которых во главе с командирами проявили отвагу и мужество. Задача была успешно выполнена, а личный состав получил дозы облучения, не превышающие безопасные, установленные для этих конкретных условий (не более 25 Р). Кроме того, Инженерные войска, имеющие на вооружении высокозащищенную и высокопроизводительную технику, привлекались к дезактивации местности и отдельных объектов, что являлось не характерным по предназначению Инженерных войск. Такая техника, как инженерные машины разграждения (ИМР), привлекалась к разрушению зданий (сооружений), к погрузке в самосвалы зараженных элементов, извлечению из завалов железобетонных и стальных конструкций. На Инженерные войска была возложена и успешно выполнена задача по захоронению «рыжего леса», сильно зараженного радиоактивными веществами. Он представлял собой источник повышенной опасности, так как примыкал к территории ЧАЭС. В результате выполненных работ уровень радиации, в основном, был снижен в 10 и более раз. Инженерная

техника, особенно ИМР, имевшая хорошую защиту (ослабление радиации от 200 до 1000 раз) привлекалась к захоронению в могильниках зараженного грунта и строительного мусора.

В декабре 1986 года с началом ледостава на р. Припять понтонный полк, ранее содержащий действующий наплавной мост из парка ПМП, снял его, а в начале января 1987 года, путем намораживания льда, оборудовал ледяную переправу. Ширина намороженной полосы льда достигала 50 метров, по его верху был устроен колейный настил, на что ушло до 250 куб. м лесоматериалов. Ширина реки в месте переправы достигала 140—145 метров. Переправа прослужила до апреля месяца 1987 года.

В октябре 1986 года Инженерным войскам была поставлена задача по прокладке в г. Чернобыль, для обеспечения как административных зданий, так и жилого фонда теплом, теплотрассы от расширенной единой для всего города котельной, к которой подвели магистраль подачи газа. В задачу входило: отрыть траншею (приблизительно 6 км), уложить в нее железобетонные лотки, в которые затем уложить трубы и перекрыть их плитами. Это было завершено за 25 дней.

Так как растительность во многих местах была сильно заражена радиоактивной пылью, что создавало объемные источники облучения, Инженерные войска вырубали эти деревья и захоронили их в могильниках.

Большой задачей для Инженерных войск явилась дезактивация инженерной техники. Особое внимание обращалось на дезактивацию ходовой части машин, для этого были созданы пункты специальной обработки, на которых каждую машину тщательно мыли и добивались такого снижения уровней радиации, при котором соблюдалась безопасность механиков-водителей и личного состава ремонтных подразделений.

Многое было сделано Инженерными войсками, как непосредственно по лик-

видации последствий, так и по усилению защитных свойств инженерной техники (например, комплекс «Клин», обеспечивающий снижение дозы облучения экипажа в 7000 раз), по проектированию и выполнению ряда взрывов под реактором, при устройстве отверстий в защитной стене между 3-им и 4-ым блоками, обеспечившими устройство вентиляции и т.д.

Следует отметить, что все задачи, возложенные на Инженерные войска, их личный состав выполнял самоотверженно с глубоким знанием дела. Впереди, показывая пример, всегда были командиры и начальники, особое значение имело личное присутствие Начальника Инженерных войск — маршала Инженерных войск С.Х. Аганова.

КОГДА НЕ СПРАВЛЯЛИСЬ РОБОТЫ

Н.Д. ТАРАКАНОВ

Стоял сентябрь 1986 года. Шел третий месяц моей служебной командировки в Чернобыле. Мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного-двух месяцев тут не задерживались. Срок пребывания солдат и офицеров, призванных из запаса, был установлен приказом министра обороны в три, а позже и все шесть месяцев, что было никак не допустимо! Меня это угнетало. Ведь «защитная броня» у солдата не толще, чем у нас.

Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев. Начальство в Москве не возражало. Правда, за минувшие месяцы мое самочувствие несколько ухудшилось, но военные врачи регулярно брали кровь на анализы, по-

ТАРАКАНОВ Н.Д. — генерал-майор в отставке, доктор технических наук, участник ликвидации катастрофы 1986 г., член Союза писателей России, действительный член АЕН

Н.Д. Тараканов

стоянно выдавали какие-то лекарства. Так что, тревожиться не было оснований.

Практически все, кто работал на АЭС, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиоактивной дряни выше разумных пределов. Ведь прежде чем посылать на всякие работы солдат, офицеры, особенно химики, шли первыми. Они замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности, объектов, оборудования. А при этом разве возможно было учесть облучение?

На одном из заседаний правительственной комиссии, которое проводил ее председатель Г.Г. Ведерников, возникла скандальная ситуация. Кто-то из представителей Минсредмаша нашептал ему, военные дают заниженные уровни радиации в районе насосной станции. Ведерников, недолго думая, поднял начальника оперативной группы Министерства обороны генерал-лейтенанта Г.А. Чуйко и, как говорится, при всем честном народе «всыпал» ему, причем в резкой форме. Тот, проглотив пилюлю, сразу же после совещания — тоже без разбору — «всыпал» офицерам,

которые лично ежедневно и по несколько раз вели замеры в 58 точках АЭС.

В тот же день группа офицеров провела тщательную проверку каждого клочка земли вокруг АЭС. Результаты остались прежними. И вдруг наткнулись на кусок графита, который свалился с крыши второго блока во время дезактивации и светился, излучая более 200 рентген в час.

Картограмму с указанием той точки передали Чуйко, а он, в свою очередь, Ведерникову. На вечернем заседании Геннадий Георгиевич принес публичные извинения и генералу, и офицерам.

Но не прошло и недели после этого инцидента, как Ведерников встретил меня своим сомнительным вопросом: «Генерал, что это ваши ученые ползают по Полесскому, ищут там радиацию и сеют в народе панику? Лично разберитесь и доложите мне».

На следующий день мы с капитаном 1 ранга, кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии СССР Г.А. Кауровым сели в машину и поехали в Полесское. Сразу же направились в исполком, где получили сведения, что по их просьбе офицеры обследовали городской парк в центре Полесского и зафиксировали там уровни радиации выше допустимых. Тут же Кауров взял свой наиточнейший японский прибор и сам провел контрольные замеры. Результаты подтвердились...

Обо всем этом я доложил Ведерникову. Вскоре меня пригласил на собеседование генерал-майор КГБ Липатов. В корректной форме он сказал: «Николай Дмитриевич, нужно срочно принять меры для закрытия утечки информации. Это касается не только Полесского, но вообще всей деятельности по ликвидации последствий чернобыльской аварии, особенно научных исследований». Я ответил, что не вижу тут никаких секретов. На этом разговор закончился.

В самом деле, от кого нужно было таить так называемые секреты? Кому это

было выгодно? Разве что причастным к аварии руководителям?..

Как бы то ни было, я искренне уважал председателя правительственной комиссии Г.Г. Ведерникова. Лично мне и многим офицерам импонировало, что он тоже остался в Чернобыле еще на половину срока и работал энергично, деловито.

Помню, привез он как-то в полк гражданской обороны (командиром там был мой ученик подполковник Е. Дубинин) проектировщиков по пунктам специальной обработки и сказал в резкой форме: «Смотрите, умники, какое сооружение придумал этот командир». Дубинин развернул полевой трубопровод, в который врезал газосваркой десяток ответвлений, а это — десять пунктов дезактивации техники. Затем развернул резинотканевые резервуары, заполнил их водой, пенообразователем, поставил пожарную насосную станцию и закачал в трубопровод и воду, и пену. Таким образом высвободил десять слабомощных и малопроизводительных авторазливочных станций. От этого, во-первых, экономия горючего, высвобождение расчетов, а во-вторых, огромная производительность.

Проектировщики, естественно, изучили так называемое «дубининское предложение». А Геннадий Георгиевич приказал наградить командира полка денежной премией. Позже Женя Дубинин отличился еще и на третьем блоке.

Ведерникова сменил Б.Е. Щербина, которому досталось в самые первые адские дни Чернобыля. Правда, был он тогда не так уж и долго. Но я знаю, что Борис Евдокимович схватил радиацию сполна, и когда его привезли в Институт имени Курчатова для обследования в той же камере, где меня проверяли на плутоний, то после проверки тут же предложили сбрить волосы. В этой же камере проверяли тогда и В.А. Легасова.

Очередным председателем правительственной комиссии после Щербины был И.С. Силаев, высокообразованный и талантливый организатор, душевный чело-

век. Мог ли я тогда подумать, что судьба свяжет нас еще в одной трагедии...

Частая смена председателей и всего состава комиссии, конечно, отрицательно влияла на ход ликвидации последствий трагедии. Ведь у каждого председателя были свой стиль и методы работы, свои взгляды на радиационную обстановку и мероприятия по ее снижению, свое отношение к людям, оценка их вклада и так далее. Ежемесячная замена состава правительственной комиссии не лучшим образом сказывалась и на отношении к ней солдат, сержантов и офицеров.

Но и до сих пор не могу понять, почему ни правительственную комиссию, ни химические войска, ни Гражданскую оборону СССР, ни Госкомгидромет, ни Институт имени Курчатова с их маститыми учеными не интересовали особо опасные зоны, куда были выброшены сотни тонн высокорadioактивных материалов в виде графита, тепловыделяющих сборок (ТВС), тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ), осколков от них и прочего. Тот же академик Велихов не раз зависал на вертолете над аварийным третьим блоком, неужто и он не видел эту массу? Мыслимо ли, что так долго — с апреля по сентябрь 1986 года — из этих зон ветрами разносилась радиоактивно-зараженная пыль по всему белому свету! Радиоактивная масса омывалась дождями, испарения, теперь уже зараженные, улетучивались в атмосферу. К тому же продолжал «плевать» и сам реактор, из которого извергалось немалое количество радионуклидов.

Наверняка, многие руководители об этом знали, но радикальных мер никто не принимал. И как бы ученые-физики из Института имени Курчатова ни доказывали, что уже в мае реактор прекратил выброс — это чистейший обман! Последний выброс был зафиксирован радиолокационной станцией примерно в середине августа. Этим занимался лично полковник Б.В. Богданов.

Насколько же странным в связи с

этим выглядит заявление председателя Государственного комитета СССР по гидрометеорологии Ю.А. Израэля. Оно было опубликовано в газете «Правда» от 17 апреля 1990 года: «...Госкомгидромет СССР совместно с АН СССР и республик, Минздравами СССР и республик, Минобороны, Госагропромом и другими ведомствами уже с первых дней после аварии вел огромную работу по измерению радиационной обстановки (на площадях 500 тысяч квадратных километров) и более детально измерял плотности загрязнения местности, концентрации радиоактивности поверхностных вод и других природных сред по пробам по отдельным изотопам — цезию—134 и 137, стронцию—90, плутонию—239 и 240. Все эти данные передавались руководящим органам в центре и республиках, заинтересованным ведомствам и местным властям для принятия необходимых мер...» Вот уж воистину прямо по пословице — не похвали себя, кто же похвалит.

Но я вполне ответственно заявляю, что основная тяжесть работы по оценке радиационной обстановки вплоть до взятия десятков тысяч проб грунта, воды легла на армию. В этих операциях я лично много раз участвовал и руководил этими работами. Результаты исследований регулярно докладывались шифровкой в соответствующие инстанции. Наиболее правдивая и полная карта радиационной обстановки была подготовлена тоже нами.

Однажды на заседании в Чернобыле комиссии Политбюро, которое проводил Г.Г. Ведерников, докладчиком по радиационной обстановке в регионе был Израэль. Я спросил, почему в докладе дана такая радужная обстановка — мы то ее хорошо знали. Ответа не последовало.

А мы в городе, по просьбе предсовмина Украины А.П. Ляшко, брали сотни проб грунта, листы, воды. Эту операцию проводили вместе с офицерами, прилетевшими на вертолетах из Черно-

быля, и штабом Гражданской обороны Украины во главе с генерал-лейтенантом Н.П. Бондарчуком. Помню, как были отсняты на фотографическую пленку зеленые листочки каштанов на Крещатике. Проявили пленку, а на ней во всю светились точки радионуклидов. Эти листочки спрятали в специальную камеру и через месяц вновь отсняли. Теперь они были поражены полностью — из точек образовалась паутина. Когда капитан 1 ранга Г.А. Кауров показал негативы А.П. Ляшко, тот ахнул...

Самые же опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокорadioактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяющие сборки, циркониевые трубки и прочее. Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

И вот вся эта нагроможденная масса с 26 апреля по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока наконец дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. Дождались. Вертолетами несколько роботов были доставлены в особо опасные зоны, но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

Несколько ранее был подготовлен «Проект производства работ по очистке кровель главного корпуса и зданий второй очереди». Этот проект был разработан одним московским институтом. Он предусматривал применение двух кранов «Демаг» (производство ФРГ, стоимостью 4,5 миллиона рублей), очистку кровель клеевыми захватами, использование гидромониторов и насосного оборудования с давлением 8—10 атмосфер, использование гидравлических ма-

нипуляторов «Фористерн—770» (производство Финляндии). По проекту нужно было построить и специальные бетонные дороги к месту работ тех «Демагов».

Однако до разработки проекта и его выдачи в производство дозиметрическая и инженерная разведка кровель третьего блока (кроме съемок с вертолета) практически не выполнялась. Были выходы Юрченко в зону «Н», где прибор ДП—5В зашкаливало. На этом разведка и приостановилась. Так что проектом предусматривалось определение с помощью дозиметра, закрепленного на крюке, уровней радиоактивности в доступных местах.

С целью сведения к минимуму транспортно-технологических операций по удалению высокорadioактивных материалов с кровель третьего энергоблока, а также исключения строительства специальных могильников высокоактивные источники решено было сбросить в развал аварийного блока, поэтому работы по дезактивации кровель третьего энергоблока должны были быть опережающими по отношению к возведению «Саркофага». Строительство его являлось, безусловно, главной задачей, но использование кранов «Демаг» на дезактивации кровель привело бы к задержке возведения «Саркофага». Так что этому проекту не суждено было осуществиться.

Необходим был альтернативный вариант, позволяющий устранить указанные противоречия. С этой целью мы решили, прежде всего, провести инженерную и дозиметрическую разведку кровель третьего энергоблока. Эту разведку, довольно детально выполнили дозиметристы из отряда спецдозразведки А.С. Юрченко. Кровли были условно разграничены на зоны и соответственно обозначены «Н», «М», «К» и так далее. А границами зон мы определили различные высотные отметки и стены сооружений. Также была выполнена предварительная дозиметрическая и инженерная разведка помещений, нахо-

дящихся под кровлями третьего энергоблока.

Исходя из выводов этой разведки, штаб ликвидации последствий аварии на ЧАЭС предложил проект дезактивации кровель. Предполагалось комплексное использование крана «Демаг», гидромониторов, дистанционно управляемых механизмов и полудистанционных ручных приспособлений. Для подачи оборудования на кровли предусматривалась также установка крана «Либхер».

Проект был одобрен правительственной комиссией, но так и не был реализован ввиду занятости упомянутых выше «Демагов».

В это время для дозиметрической разведки предпринимались попытки использования дистанционно управляемых механизмов (ДУМ), разработанных одним из НИИ. На них устанавливались дозиметрические приборы, результаты замеров уровней радиации с помощью ДУМ оказались завышенными более чем в 10 раз. Кроме того, эти ДУМ, перенесенные вертолетами в зону действий при движении, ввиду малой устойчивости, заваливались набок. От применения ДУМ-«разведчиков» пришлось отказаться. Дальнейшую разведку по кровлям проводили люди — отважные разведчики-добровольцы.

Справедливости ради следует напомнить, что сразу после аварии на Чернобыльской АЭС было дано задание на разработку и создание дистанционно управляемых механизмов ряду специализированных предприятий Москвы, Ленинграда, Белоярска и другим. Но разработка их проводилась по техническим заданиям, которые, как правило, были подготовлены без участия специалистов, занимающихся непосредственно дезактивацией на ЧАЭС, без знания условий работ. Поэтому большинство разработанных «магических роботов» оказались непригодными. Лучшим в век технического прогресса опять стал советский солдат.

В операции, которой мне пришлось

руководить в особо опасных зонах третьего энергоблока, я так ни разу и не видел робота в работе, кроме одного, извлеченного из графита — «сгоревшего» в рентгеновских лучах и ставшего помехой при выполнении работ в зоне «М».

Тем временем работы по захоронению аварийного четвертого энергоблока были близки к завершению. В конце сентября «Саркофаг» — это образное слово стало для всех привычным — предстояло перекрыть металлическими трубами большого диаметра. Непростая сама по себе задача осложнялась тем, что на крышах сооружений, на трубных площадках лежали тонны высокоактивных веществ, выброшенных в момент аварии, о чем уже шла речь. Их во что бы то ни стало надо было собрать и сбросить в зев разрушенного реактора, упрятать под надежную крышу.

Но как подступиться к зонам, где уровни радиации оставались опасными для жизни? Попытки применить гидромониторы и другие механические приспособления оказались безуспешными. В полях с высокими уровнями радиации «магические» и прочие, нашумевшие в прессе, роботы выходили из строя. Кроме того, места разброса радиоактивных продуктов, прилегающие к вентиляционной трубе главного корпуса, трубные площадки были труднодоступными: высота сооружений составляла от 71 до 140 метров. Словом, без активного участия людей такую задачу выполнить было просто невозможно. К такому выводу приходили многие специалисты, члены правительственной комиссии и особенно энергичный заместитель главного инженера по строительству Евгений Михайлович Акимов, вместе с которым работал его сын Игорь. Игорь был корректировщиком на вертолете, обрабатывающем пылеподавляющим раствором крыши первого и третьего энергоблоков. Этому юноше пришлось написать с десяток заявлений, чтобы его направили к отцу для участия в ликвида-

ции последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Он, пожалуй, был самый молодой специалист-инженер. Его, как и отца, отличали хорошая профессиональная подготовка, солдатская смекалка, которые нужны были нам на каждом шагу. Исключительно выносливый, мужественный, раньше нас — а это значит в 24 часа — с АЭС Игорь никогда не уходил.

16 сентября 1986 года, в соответствии с полученной шифровкой, я вылетел на вертолете в Чернобыль для участия в заседании правительственной комиссии по обсуждению хода дезактивации крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы ЧАЭС. Прибыл в 16.00 к генералу Плышевскому и тут же отправился с ним на заседание правительственной комиссии, которое проводил Б.Е. Щербина.

Заседание проходило в служебном кабинете председателя. Докладывал по основному вопросу Ю.Н. Самойленко. Он подошел к рельефной карте, на которой с помощью красных флажков и условных знаков, была нанесена вся радиационная обстановка и четко доложил о состоянии дел. Юрий Николаевич сообщил, что все попытки удалить высокоактивные вещества с помощью роботов и другой техники ни к чему не привели. Остался один-единственный вариант — выполнение опасных работ вручную, с применением простейших средств механизации.

Все погрузились в тягостное молчание. Каждый понимал, насколько опасной была эта работа для ее исполнителей. Б.Е. Щербина еще раз перебирал все возможные варианты, и ни один из них не был реальным. Затем речь зашла о месте захоронения высокоактивных материалов. Решение было единственным — сбрасывать только в аварийный реактор. Я пытался убедить комиссию задержать предстоящие работы, сделать специальные металлические контейнеры с большим коэффициентом ослабления радиации и вертолетами

вывозить собранные материалы в соответствующие места захоронения. Предложение было отвергнуто. Говорили о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «Саркофага» и возможного приезда Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Дело в том, что к этому времени в Чернобыле уже побывали и Н.И. Рыжков, и Е.К. Лигачев, и многие другие. Честно скажу, когда мы об этом узнали, пришел какой-то внутренний подъем, желание сделать больше, чем можешь. Да что греха таить, в ту пору у Михаила Сергеевича авторитет был велик, казалось, непоколебим. Но, увы... Приезд не состоялся по непонятным, во всяком случае, для нас причинам. А как он был нужен в те тяжелые для Чернобыля дни!

Затем, председатель комиссии обратился к Плышевскому и сказал: «Я буду подписывать правительственное решение на привлечение для работ воинов Советской Армии». Борис Алексеевич Плышевский только и сказал: «Войскам нужно распоряжение министра обороны». Щербина на это ответил, что он лично переговорит с министром обороны, а мы должны готовиться к операции.

Меня до сих пор гложет сомнение: почему на том заседании отсутствовали представители химвойск? Возможно, председатель посчитал, что от них все равно проку не будет? Не знаю. Помню, присутствовали только первый заместитель министра здравоохранения Е.И. Воробьев и еще кто-то из ученых, кого я не знал.

И все же решение было принято однозначно. Принималось оно нелегко. Но другого не было. Этим же решением, пунктом четвертым, на меня возлагалась ответственность за научно-практическое руководство всей операцией. Позже, некоторые военачальники спрашивали меня, мол, зачем Вам, уважаемый Николай Дмитриевич, нужно было лезть в то пекло? Я отвечал, что если бы Б.Е. Щербина и не принял тогда решения персо-

нально по моей кандидатуре, то я, в соответствии со своими обязанностями и своей совестью, непременно, так или иначе, принял бы участие в операции. А тут тем более — я выполнял решение правительственной комиссии. На том же заседании мною было предложено подготовить и провести обстоятельный эксперимент в порядке подготовки к операции. Предложение было одобрено.

Поздно вечером меня ждали генерал-майор Ю.М. Ваулин, офицеры А.М. Невмювенко, Г.А. Кауров и А.А. Кузнецов. На коротком совещании я вкратце доложил результаты поездки. Мне нужны были кандидаты для проведения эксперимента. Добровольцев набралось много, но из них я отобрал всего лишь пять человек: полковника А.А. Кузнецова, полковника И.И. Петрова, подполковника А.А. Салеева, фотокорреспондента В.А. Шеина и подполковника А.Д. Саушкина. На месте должны были принять участие и гражданские специалисты от АЭС.

17 сентября вертолет доставил нас к месту проведения эксперимента. Его решили провести на площадке «Н». Особая роль в эксперименте отводилась кандидату медицинских наук подполковнику медицинской службы Александру Алексеевичу Салееву. Он на себе должен был проверить возможность работы в опасной зоне. Были приняты все меры радиационной безопасности. Салееву предстояло действовать, используя специальные усиленные средства защиты. На него подогнали свинцовую защиту на грудь, спину, голову, органы дыхания, зрения. В специальные бахилы уложили просвинцованные рукавицы. На грудь и спину дополнительно надели просвинцованные фартуки. Все это, как показал потом эксперимент, в 1,6 раза снижало воздействие радиации. Кроме того, на него повесили около десяти различных датчиков и дозиметров. Был тщательно рассчитан маршрут движения. Надо было выйти через пролом в стене на площадку, осмотреть ее и аварийный

реактор, сбросить в развал 5—6 лопат радиоактивного графита и по сигналу вернуться назад. Эту программу подполковник медицинской службы Салеев выполнил за 1 минуту 13 секунд. Мы, затаив дыхание, следили за его действиями — стояли в проеме, проделанном взрывом в стене, но, так как у нас защиты не было, находились в зоне 30 секунд.

Как только Салеев вернулся, внимание всех было привлечено к его дозиметру. За минуту с небольшим, Александр Алексеевич получил дозу облучения до 10 рентген — это по прямопоказывающему дозиметру. Датчики решили отправить в лабораторию, и только после расшифровки там можно было сделать более точные выводы. Через пару часов мы получили сведения: они особенно не отличались от уже известных нам. Акт по результатам эксперимента и свои выводы доложили членам правительственной комиссии. Комиссия рассмотрела представленный акт, разработанные нами инструкции и памятки для офицеров, сержантов и солдат и одобрила их.

В инструкциях и рекомендациях закладывались требования к добровольцам, привлеченным к работам. Они должны были обладать психологической устойчивостью, умением быстро, в предельно сжатые сроки, при минимальных дозовых затратах мобилизовать психику и физические силы для выполнения тех работ: во-первых, добровольное желание работать в сверхэкстремальных условиях; во-вторых, наряду с первичными отбором по медицинским показаниям среди добровольцев предстоял дополнительный тестовый отбор исполнительных, аккуратных, спокойных и выдержанных по характеру, наблюдательных людей; в-третьих, участник таких работ должен быть физически развитым, подвижным и ловким.

Принцип добровольности играл огромную роль. Не случайно, в отряде спецдозразведки, набранном только из

добровольцев — гражданских специалистов, не было замечено ни одного случая небрежного отношения к порученному делу. А в целом отбор, выполненный специалистами с целью выявления совокупности перечисленных свойств личности, позволил значительно повысить качество всех видов работ в условиях высоких радиационных полей, при этом сократить дозовые нагрузки.

Тем удивительней и необъяснимей для нас был тот факт, что за весь период работы штаба по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с июня 1986 года Минздрав СССР не выдавал никаких рекомендаций и не проводил обследований работающих с точки зрения психофизического состояния. Даже общий контроль физиологического состояния был поставлен примитивно. Членам отряда спецдозразведки за 4 месяца работы в условиях высоких и сверхвысоких полей и больших дозовых нагрузок анализ крови сделали только один раз! Аналогичное состояние дел с медицинским обслуживанием наблюдалось и в других подразделениях.

Мне думается, в подготовке к тем чрезвычайно опасным для здоровья человека работам неплохо послужили и наши полигонные занятия. В сентябре 1986 года на территории строящегося пятого и шестого энергоблоков мы создали полигон с имитацией зон и содержащихся в них кусков графита, тепловыделяющих сборок, циркониевых трубок и прочего «добра». Имитировались также разрушенные элементы конструкций, проломы для выхода в зону, маршруты движения.

Занятия проводили командиры подразделений под руководством инженера-физика из спецотряда дозразведки Г.П. Дмитрова. На полигонных занятиях личному составу ставилась задача: закрепить знания правил техники безопасности и радиационной безопасности, изучить средства индивидуальной защиты и правила пользования ими, ознакомиться с инженерной обстановкой в зоне

работы, отработать приемы взаимопомощи военнослужащих в смене, а также безошибочно изучить маршруты движения.

Эффективность полигонных занятий вскоре же была оценена — при поведении работ в зоне «Н». Группа военнослужащих, прошедших занятия, в сравнении с теми, кто их не прошел, действовала и более организованно, и хладнокровно, и результативно.

В то же время на примере отряда спецразведки за период работы с июня по октябрь 1986 года было отмечено, что высокий профессиональный уровень специалистов при отсутствии таких черт характера, как исполнительность, аккуратность, наблюдательность, не позволял достичь приемлемых результатов в психологической подготовке разведчиков. Поэтому имело смысл уровень профессиональной подготовки оценивать только у кандидатов, прошедших предварительный отбор.

События показали, что почти все военнослужащие не имели опыта работы с открытыми радиоактивными веществами. Многие «проходили», конечно, дозиметрическую аппаратуру и кое-какие приемы в школе, вузе, в период армейской службы, на занятиях по переподготовке в вузах, но знания были поверхностные, поэтому не каждый был готов выполнить задачу. Однако, волевые черты характера, физическая и моральная подготовленность людей позволили даже при отсутствии специальной теоретической подготовки освоить требуемый объем знаний и успешно действовать в сверхэкстремальных условиях.

Несколько слов о физической подготовленности специалистов. К работам допускались воины нормального телосложения, без излишней полноты, подвижные, расчетливые в движениях и физически сильные. Возрастной предел был 35—45 лет. И замечу, за период работы на ЧАЭС у людей, физически развитых, не наблюдалось ни психичес-

ких срывов, ни случаев невыполнения поставленных задач, им требовалось меньше времени для адаптации к условиям работы.

18 сентября добровольцы приступили к тренировкам на натурном макете, воспроизводящем обстановку в зоне «Н».

Ориентировочные объемы работ на указанных площадках мы определили в ходе воздушной разведки. Полученные снимки позволили нам более точно подготовить программу работ, избрать приемы и способы их выполнения. Так, например, для выхода в зону «Н» в воздуховоде было прорезано отверстие диаметром 100 сантиметров, позже то отверстие расширили в два раза.

Подготовка к предстоящей операции шла полным ходом. Солдаты вручную готовили средства индивидуальной защиты. Так, для защиты спинного мозга вырезали из свинца толщиной 3 миллиметра экран типа лат рыцаря, делали свинцовые плавки в виде банджа, для защиты затылочной части головы — свинцовый экран наподобие армейской каски, для защиты кожи лица и глаз от бета-излучений — щиток из оргстекла толщиной 5 миллиметров, для защиты ног — свинцовые стельки в бахилы или сапоги, для защиты органов дыхания подгонялись респираторы типа «Астра-2», «РМ-2», для защиты тела (груди и спины) — фартуки из просвинцованной резины, для защиты рук — просвинцованные рукавицы и перчатки. Вес такого снаряжения составлял до 20—25 килограммов.

В таких доспехах солдат больше походил на робота, нежели на человека. Но вся защита позволяла снизить воздействие радиации на организм в 1,6 раза. Хотя, конечно, значительно сковывала движения людей. «Как же так?!» — не устаю я задавать себе вопрос. Или мы пришли из каменного века, чтобы так вот собирать свинцовые листы и вырезать из них на скорую руку защиту критических органов человека?» Ведь к той свинцовой защите добавляли еще и

рентгеновские фартуки, щитки из оргстекла, выискивали и прорезиненные перчатки, и бахилы, с боем добывали респираторы типа «Астра» и «Лепесток». Мне, генералу и человеку, потерявшему в той операции здоровье, стыдно говорить о примитивности защиты людей. Не случайно каждому солдату, сержанту и офицеру приходилось высчитывать время работы, вплоть до секунд! Не красного словца ради я утверждаю, что мы берегли солдата больше, чем себя. Мы не повторили роковых ошибок героев-пожарных. Я уверен, и они могли бы остаться живыми, если бы только знали счет времени и рентгенам.

Одновременно кипела работа на заводе, где директором был В.В. Голубев. Там также срочно изготавливали металлические захваты, щипцы с длинными ручками, скребки, багры, ломы, кувалды, носилки и другие приспособления. Тоже все готовилось в пожарном порядке. И тоже убого, примитивно. Когда же мы вырвемся из оков так называемого «технического прогресса»? Ну, как было объяснить солдату, идущему на бой с радиацией, всю нашу немощь?.. Тогда невольно думал: послать бы тебя, ученый муж, от которого нет никакой отдачи, вместо солдата! Это было бы справедливо.

Не очень задумывались наши академики и об организации управления людьми в особо опасных зонах. Пришлось самим создавать и на ходу оборудовать специальный командный пункт (КП). Так мы установили телемониторы, коротковолновую радиостанцию для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. На КП находились крупномасштабные фотографии особо опасных зон, которые для нас срочно сделал фотокорреспондент АПН Игорь Костин, схемы основных и запасных маршрутов в зоны, отдельные предметы из свинца, имитирующие ТВЭЛы, ТВС, графит и другие продукты выброса из реактора четвертого энергоблока.

В особо опасных зонах были выстав-

лены телевизионные камеры ПТУ—59 с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП я проводил инструктаж командиров, ставил конкретные задачи каждому военнослужащему.

Кроме того, были подготовлены специальные точки по подгонке индивидуальных средств защиты, выдаче и установке индивидуальных дозиметров. Там же проводились снятие и проверка показаний баэрозатрат в рентгенах, учет выполненных работ, проверка готовности к выходу в зону. А на отметке 70 метров был оборудован своего рода старт маршрутного офицера, где находилось управление электросиреной и хронометрировалось время работ.

Для повышения ответственности за подготовку и проведение работ в особо опасных зонах для командиров частей и подразделений, их заместителей, а также всего командно-начальствующего состава были разработаны и определены конкретные функциональные обязанности и временная организационно-штатная структура команд, групп, других формирований. Так, например, на командира части возлагалась персональная ответственность за отбор и индивидуальную подготовку воинов-добровольцев, за контроль дозы облучения, неукоснительное соблюдение специальной инструкции солдатами, сержантами и офицерами при работе в особо опасных зонах, и, наконец, командир нес ответственность за умелое и твердое управление своими подчиненными.

Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицера. Выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения времени работ, установленного руководителем операции в соответствии с расчетами поста дозиметрического контроля. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в

зоне и включал электросирену. В руках этого офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия. Не меньшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров. Сначала дозиметристы А.С. Юрченко, Г.П. Дмитров и В.М. Стародумов водили их по сложным лабиринтам в особо опасные зоны для тренировки. И только после этой подготовки маршрутный офицер мог вывести свою команду или группу солдат в зону работ. Обычно маршрутный офицер выводил 10—15 команд солдат. И его дозовая нагрузка становилась предельной, то есть 20 рентген.

Из зоны же команда или группа воинов должна была возвращаться самостоятельно под руководством старшего.

Так шла предварительная подготовка. А я в это время комплектовал штаб руководства операцией. В штаб вошли подполковники А.П. Сотников, А.Д. Саушкин, В.С. Кочетков, Э.М. Кульчицкий, майор И.В. Тетерин, заместитель главного инженера ЧАЭС В.С. Голушак, неизменные наши разведчики А.С. Юрченко, Г.П. Дмитров, В.М. Стародумов и капитан С.И. Макушкин.

И все же это была скоропалительная подготовка. Поспешность принятых решений объясняется тем, что в правительственной комиссии первоначально сложились убеждения в реальности разрабатываемых наукой проектов удаления высокорadioактивных веществ с помощью роботов и другой специальной техники. Но из этого ничего не вышло. А вот предстоящий вариант работ никем не прорабатывался. А потому даже средства малой механизации, так же как и защита, были нами разработаны в вынужденно короткий срок и на скорую руку. Уважая Ю.Н. Самойленко за его смекалку, недюжинный ум, силу воли, инженерную эрудицию, я все же видел в нем этаким легковесный подход к решению серьезной проблемы — склонность к поспешности, желание как можно бы-

стрее покончить с опасной работой силами войск и отличиться.

...Пока мы готовили, проводили и обрабатывали данные эксперимента, неожиданно прилетела специальная комиссия, назначенная первым заместителем министра обороны генералом армии П.Г. Лушевым. Председателем комиссии был генерал армии И.А. Герасимов, который в самые тяжелые дни после аварии возглавил оперативную группу Министерства обороны СССР.

Ведь вместе с Н.И. Рыжковым и Е.К. Лигачевым 2 мая в Чернобыль прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А.Т. Алтунин. Именно тогда сразу же и возложить бы на него руководство всей операцией по ликвидации последствий аварии — от начала и до конца. Штаб Гражданской обороны СССР и его основные управления следовало бы немедленно передислоцировать в Чернобыль и только придать им соответствующее количество войск. А что получилось? Ретивые начальники отстранили А.Т. Алтунина и, несправедливо упрекнув, отправили его в Москву. К управлению были подключены армейские генералы, порою, совершенно некомпетентные. Гражданскую оборону оценили как неподготовленную и недееспособную, технически не вооруженную. Возможно, и так. А кто в этом виноват? И до сегодняшнего дня, начиная с руководителей страны и кончая председателем какого-нибудь сельского Совета, отношение к гражданской обороне безобразное. Нужны закон о гражданской обороне, пересмотр всех функций ее системы, усиление готовности сил и средств, их мобильности, оснащенности. А ведь даже в родной армии идет распродажа техники с молотка вместо передачи ее гражданской обороне. Несомненно, генерал армии А.Т. Алтунин был виноват, что лично не доложил М.С. Горбачеву и не настоял на своем — взять всю ответственность за ликвидацию последствий аварии на себя, то есть на Гражданскую оборону СССР, овладеть

сложной обстановкой и по-настоящему, шаг за шагом, день за днем, час за часом, повсеместно, наступать единым фронтом на зоны радиоактивного заражения, привлекая при этом к работе невоенизированные формирования гражданской обороны, воинские части, министерства, ведомства, науку и так далее. Но Е.К. Лигачев и Н.И. Рыжков, отправив генерала Алтунина в Москву, а практически освободив его от дела, сыграли неблагоприятную роль, как в организации ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, так и в судьбе Александра Терентьевича. Я хорошо знал этого человека за многие годы службы под его руководством. Для него это был страшный, непоправимый удар. Вскоре с обширным инфарктом он оказался в Кремлевской больнице. Потом повторный инфаркт — и генерала Алтунина не стало...

Но вот прибыла та самая комиссия из Министерства обороны. В ее составе было восемь генералов, в том числе из Генштаба, Главпура, тыла, химвойск и так далее. Вначале поговорили в кабинете начальника опергруппы. Потом встретились со Щербиной. Позже переоделись и поехали в Чернобыль. Там несколько человек на вертолетах вылетели на осмотр крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы АЭС. В вертолете генерал-лейтенант Б.А. Плышевский попросил меня сесть против председателя комиссии и более детально пояснить инженерную и радиационную обстановку. Как сейчас помню, генерал армии И.А. Герасимов улыбнулся в свои пышные пшеничные усы и сказал: «Генерал, эту картину я уже видел в мае месяце». По команде председателя комиссии вертолетчики несколько раз зависали над крышами третьего блока и у трубы. Члены комиссии своими глазами посмотрели на массу графита, тепловыделяющие сборки с ядерным горючим, ТВЭЛы из циркония, железобетонные плиты и вернулись в Чернобыль. Желающих пойти

в зону предстоящих работ не нашлось.

Все снова собрались на совещание и начались разговоры. В частности, предложили утвердить дозу одноразового облучения в период выполнения работ в опасной зоне 20 бэр, то есть 20 рентген.

У меня до сих пор не укладывается в голове: как могло случиться, что в химвойсках не нашлось ни одного генерала, который руководил бы тогда ответственными работами? Более того, в составе оперативной группы Министерства обороны СССР была образована своя группа от химвойск. Спрашивается, для чего же? В химвойсках функционировал аж целый институт, где были выращены «великие» ученые — от кандидатов наук до академика генерала-лейтенанта А. Кунцевича — крупного специалиста как раз по дезактивации. Куда же все они в этот момент подевались?..

Не знаю, как все это объяснили для себя химики, но вот в истории остался такой документ — решение правительственной комиссии № 106 от 19 августа 1986 года из четырех пунктов. Подписано оно было Щербиной.

Главный пункт гласил, что Министерству обороны СССР совместно с администрацией ЧАЭС поручается организовать и выполнить работы по удалению высокоактивных источников с крыш третьего энергоблока и трубных площадок, а последний пункт решения все научно-практическое руководство возлагал на первого заместителя командира войсковой части 19772 генерал-майора Н.Д. Тараханова. Меня лично по этому поводу никто не спросил, не предупредил, тем более что я по образованию инженер-механик, а вовсе не химик. Но оспаривать решение комиссии не стал, — просто, чтобы не посчитали трусом.

После того, как генерал армии И.А. Герасимов подвел итоги совещания, утвердил официальные документы, он тут же по телефону связался с исполняющим обязанности министра обороны генералом армии П.Г. Лушевым и подробно доложил обстановку. Все присутствовав-

шие, затаив дыхание, слушали этот разговор. В завершении доклада председатель комиссии сказал, что, кроме воинов, эту работу никто не выполнит. В ответ было дано «добро». Генерал армии Герасимов тут же встал, пожал мне руку, сказал: «Желаю Вам успехов, генерал!». Больше я его никогда не видел.

Так в тот день, 19 сентября пополудни, и началась адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался на 5001-й отметке. По ежедневным замерам, проводимым командиром отряда спецдозразведки А.С. Юрченко, уровни радиации в блоке у стенки, примыкающей к четвертому аварийному блоку, были 1,0—1,5 рентгена в час, а у противоположной, примыкающей ко второму блоку, — 0,4 рентгена в час. Так что за две недели пребывания на КП по 10 часов в сутки можно было с избытком «набраться» той проклятой радиации.

Первыми в зоны постоянно ходили разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку. Я назову их имена: командир отряда дозиметрической разведки Александр Серафимович Юрченко, прибывший из города Фрунзе; заместитель командира отряда Валерий Михайлович Стародумов, прибывший из города Свердловска; разведчики-дозиметристы: Геннадий Петрович Дмитриев, Александр Васильевич Голотонов, Сергей Юрьевич Северский, Владислав Александрович Смирнов, Николай Тимофеевич Хромьяк, Анатолий Александрович Романцов, Виктор Александрович Лазаренко, Анатолий Николаевич Гуреев, Иван Николаевич Ионин, Анатолий Иванович Лапочкин, Виктор Зигмантович Велавичус.

Вот они, герои-разведчики. Им, а не арбатским трубадурам и сочинителям анекдотов слагать бы песни да возводить монументы... В тот день, когда я прибыл на КП, воины батальона были уже в готовности, переодеты и стояли в строю — всего 133 человека. Я поздо-

ровался. Довел официальное распоряжение министра обороны на проведение операции. В конце своего выступления попросил всех, кто плохо себя чувствует и не уверен в собственных силах, выйти из строя. Строй солдат, сержантов и офицеров не шелохнулся...

Первую пятерку воинов во главе с командиром майором В.Н. Бибой я лично инструктировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находящиеся вне высокорadioактивные материалы. Вместе с командиром по команде «Вперед!» вышли в зону сержанты Канарейкин и Дудин, рядовые Новожилов и Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время майор Биба успел сбросить совковой лопатой около 30 килограммов радиоактивного графита, сержант В.В. Канарейкин с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, сержант Н.С. Дудин и рядовой С.А. Новожилов сбросили семь кусков смертоносных ТВЭЛов. Каждый воин, прежде чем сбросить смертоносный груз, должен был заглянуть в развал реактора — во врата ада!..

Наконец, секундомер замер. Впервые зазвучала сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же разведчик, Г.П. Дмитров вместе с военным врачом снимали показания дозиметров и объявили персонально каждому полученную им дозу облучения. Дозы облучения у первой пятерки не превышали 10 рентген. Я хорошо помню, как комбат просил меня пустить его в зону еще раз, чтобы добрать свои 25 рентген. Дело в том, что при получении 25 рентген разрешалось выплачивать пять окладов. Но если воин набирал такую дозу облучения, то командира наказывали.

В зону пошла очередная пятерка в составе Зубарева, Староверова, Гевордяна, Степанова и Рыбакова. И так смена за сменой. В тот день 133 воина-героя убрали из зоны «Н» более 3 тонн высокорadioактивных материалов.

Ежедневно после завершения работ тут же мы на КП обрабатывали итоги и готовили оперативную сводку, которую я лично докладывал генерал-лейтенанту Б.А. Плышевскому или начальнику штаба генералу В.А. Еремину. Зашифрованные сводки отправлялись министру обороны и начальнику Главпура.

В связи с тем, что воины-саперы войсковой части 51975 работали с полудня 19 сентября и в первой половине 20 сентября, то первая оперативная сводка была практически за сутки работы. Вот ее содержание:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

По итогам выполнения работ в особо опасной зоне Чернобыльской АЭС за 19 и 20 сентября 1986 г.

19 и 20 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ с крыш 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС принимали участие солдаты и офицеры инженерно-позиционного батальона (войсковая часть 51975, командир — майор Биба В.Н.) в количестве 168 человек. Работы в основном выполнялись в первой особо опасной зоне «Н».

За время выполнения работ:

— собрано и сброшено в развал аварийного реактора 8,36 тонны радиоактивного зараженного графита вместе с элементами ядерного горючего;

— извлечено и сброшено в аварийный реактор две тепловыделяющие ядерные сборки общим весом 0,5 тонны;

— собрано и сброшено в развал аварийного реактора 200 кусков ТВЭЛов и других металлических предметов весом около 1 тонны.

Средняя доза облучения личного состава 8,5 рентгена.

Отмечаю особо отличившихся сол-

дат, сержантов и офицеров: командир батальона майор В.Н. Биба, заместитель командира батальона по политчасти майор А.В. Филиппов, майор И. Логвинов, майор В. Янин, сержанты Н. Дудин, В. Канарейкин, рядовые Шанин, Зубарев, Жуков, Москлитин.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

Руководитель операции, первый заместитель командира в/ч 19772 генерал-майор Н. Тараканов

21 сентября был развернут дополнительный фронт работ в особо опасной зоне и команды теперь назначались численностью 10 человек (по три тройки, в каждой тройке был старший). На команду назначали старшего офицера или сержанта. В этот день к работам были привлечены воины инженерно-дорожного полка в количестве 108 человек, инженерно-позиционного батальона в количестве 99 человек, от войсковой части 17312 — 50 человек и так далее.

Особая трудность в этот день возникла при удалении верхней пробки биозащиты весом 240 килограммов. Этот вид работ выполнялся в такой последовательности: команда с кувалдами разбивала эти пробки, следующая команда грузила их на носилки и сбрасывала в развал аварийного реактора.

С носилками работали, как правило, две пары по 4 человека. Для точного указания места сброса и удобства был установлен лоток у развала реактора на карнизе зоны «Н» и дополнительно обозначалось место работ белым флагом.

Удаление кусков ТВЭЛов производилось только с помощью длинных захватов, более мелких — лопатой. Наибольшую опасность представляли тепловыделяющие сборки, которые излучали от 700 до 1000 рентген в час.

В зоне «Н» полных сборок не было, но половинок, в одну треть, а то и менее, насчитывалось сотни. Удаление ТВС производилось тоже только с помощью удлиненных захватов и багров. В зоне

«Н» лежали полуразрушенные железобетонные плиты весом до 4 тонн. Под плитами находились продукты выброса. Их вручную было не сдвинуть. Черед их придет позже, но эту работу выполнят уже другие команды.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

По итогам выполнения работ в особо опасной зоне Чернобыльской АЭС за 21 сентября 1986 г.

21 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ с крыш 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС приняли участие солдаты, сержанты и офицеры войсковой части 17312 в количестве 307 человек.

За время выполнения работ:

— собрано и сброшено в развал аварийного реактора радиоактивно зараженного графита, ядерного горючего в количестве 12,2 тонны;

— извлечено и сброшено в развал аварийного реактора 10 разорванных тепловыделяющих сборок общим весом около 0,8 тонны;

— собрано и сброшено в аварийный реактор 136 кусков ТВЭЛов общим весом 0,8 тонны.

Среднее время продолжительности работ от 2 до 3,5 минут.

Полученная средняя доза облучения 10 рентген.

Отмечаю особо отличившихся воинов: офицеры Иванов Н.Б., Рязских В.Н., Никитин В.В., Музыкин С.И., Завгородний А.И., сержанты Сальников В.Г., Александров А.А., Страхов А.М., Щербинин А.И., рядовые Воробаев В.Н., Ли М.К., Кривцов Е.И., Белокопытов В.И., Девятченко В.М.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

Руководитель операции первый заместитель командира в/ч 19772 генерал-майор Н. Тараканов

22 и 23 сентября работы продолжались в зоне «Н», где все еще лежали груды скопившегося графита. Блоки из чистого искусственного графита применяют на реакторах АЭС в качестве замедлителей нейтронов.

Под грудями графита лежали целые блоки, которые в момент взрыва в раскаленном состоянии падали на крыши машзала, третьего, второго энергоблоков и даже залетали на крышу первого энергоблока АЭС. Они растапливали битум и кровлю, вызывали пожар, а когда остывали под напором воды, подаваемой пожарными, оставались намертво прихваченными к кровле. И теперь, когда гряда графита разбиралась, то черед доходил и до этих блоков. Такие блоки было трудно оторвать. Выход нашли. Я заказал Виктору Васильевичу Голубеву целую дюжину кувалд. И вот теперь одна команда за другой выходила в зону с кувалдами, отбивала эти блоки, а другие носилками подбирали их и сбрасывали в зев реактора.

В разгар этой операции к нам прибыли заместитель председателя правительственной комиссии Ю.К. Семенов, будущий министр электроэнергетики и сопровождающие его лица. Они с удивлением смотрели на штурм трубных площадок и были поражены мужеством команды и хорошей организацией работ.

Затем мы вместе сопроводили Семенова в зону «Н», где уже были выполнены работы. Юрий Кузьмич одобрил их качество и после этого покинул наш командный пункт. Остаточные уровни на кровле составляли 50—70 рентген в час вместо 800—1000 до начала операции.

А как-то, после бурных переговоров с Самойленко, я заказал два десятка свинцовых лент, которыми решили обернуть на сборке восемь точек. Несколько выходов групп — и сборка «забинтована». Теперь за нее можно было приняться основательнее. Помню, группу возглавил офицер запаса главный инженер одного из свердловских предприятий В.М. Стародумов. На инструктаже у те-

лემонитора каждому солдату было объяснено, за какое место «забинтованной» свинцом сборки ему браться, когда прилагать усилия и по какой команде.

И вот, группа воинов из части гражданской обороны: сержант А. Старовыборный, ефрейтор Н. Зуев, рядовые О. Абдулаев, В. Войков, А. Рыбаков, В. Семин, Г. Семенов и И. Щербатов во главе со Стародумовым, пошла на штурм. Находящиеся на КП офицеры и гражданские специалисты оставили телемонитор и выдвинулись к проему в стене, чтобы видеть результат работы невооруженным глазом. Все получилось так, как и замышлялось. Через несколько секунд по команде Стародумова: «Раз-два-взя-а-ли!» — сборка с ядерным горючим, создававшая сильное радиационное поле, с грохотом полетела в развал реактора. Грохнула так, что экран телемонитора засверкал. Группу воинов встречали как героев. Устроили им пятиминутное чествование перед строем. Я всем объявил благодарность, вручил специальные чернобыльские грамоты, а командиру полка дал указание представить всех участников к государственным наградам.

Валерий Михайлович Стародумов, знаю точно, был награжден орденом Дружбы народов.

Ну, а в зоне уровни радиации тогда упали настолько, что появилась возможность работать полторы минуты. Дело пошло более споро. По нашим заявкам изготовили дополнительные приспособления: захваты с трехметровыми удлинителями, щипцы с Г-образными ручками для двух человек, специальные крюки, скребки, носилки с ножками... Все это хотя и примитивно, но в какой-то мере облегчало и ускоряло работы, уменьшало дозы облучения.

Борьба шла с невидимым, но коварным и опасным противником на первой трубной площадке. Эта операция длилась чуть меньше трех суток. И все же основная масса графита и других про-

дуктов выброса находилась на площадке зоны «М» — у основания главной вентиляционной трубы. Работать там было легче — снизилась высота, упростились маршруты движения, но уровни радиации оставались высокие. Так что продолжительность работы смены была прежней — от одной до полутора минут.

Целых четверо суток мы бились на этой площадке. Солдаты честно трудились. Это были воины подразделений химической защиты, гражданской обороны, инженерно-саперных и других. Десятки тонн продуктов выброса, в том числе большое количество разрушенных сборок, были сброшены в зев аварийного четвертого реактора из этой зоны.

Помню, была одна небольшая заминка при штурме зоны «М». Вдруг военный врач-радиолог подбегает ко мне и докладывает: «Товарищ генерал! Солдат потерял сознание». Ну, думаю, это то, чего я боялся: где-то, значит, прихватил человек приличную дозу облучения. Солдату экстренно оказали помощь, привели в сознание и сняли с него всю защиту. Потом я подошел к нему, сел рядом и стал расспрашивать: «Ну, давай рассказывай, где ты работал и что конкретно сбрасывал. Покажи на телемониторе». Смотрю, солдат покраснел и говорит мне: «Извините, товарищ генерал, я еще в зоне не был, а был на вашем КП и смотрел по телемонитору, как работают солдаты у реактора, и мне стало плохо». Солдата никто не ругал, его тут же отправили в административно-бытовой корпус, где после работы собирались все подразделения. Парня, ясное дело, психика подвела. Фамилию его я не помню, да и ни к чему она. Но после этого, я заметил, что некоторые группы стали работать как-то скованно.

Несколько слов еще об одной заминке. Операция была в разгаре, и вдруг сбой. В правом углу зоны «М», что под трубой, появились чрезмерно высокие поля — в пределах 5—6 тысяч рентген час, а то и более. Почти все разведчики

были «выбиты», то есть перебрали дозу облучения. Я сел и задумался. Потом позвал командира части и говорю: «Подбери толковых офицеров-добровольцев для разведки в зоне «М». Но тут ко мне подошел Саша Юрченко и говорит: «Пойду сам». Я категорически возразил ему, сказав, что уже дал команду подобрать офицеров. Саша ответил, что офицер, тем более не «обстрелянный», не принесет нужный нам данных, да и вряд ли доберется до этого места. И вот он один пошел в разведку. Александр Серафимович выполнил задание блестяще, но я знаю, во что обошелся ему этот выход в зону... А когда он вернулся, мы сели за стол, и он по памяти набросал картограмму инженерной и радиационной обстановки.

После этого были внесены коррективы в производство работ по времени и дозам облучения. Ту памятную картограмму я бережно храню дома.

Признаться, я очень устал к концу операции. Мне дважды генерал Когтин менял политработников. Исполнители были в лучшем положении: получил задачу, выполнил ее и ушел вместе со своими сослуживцами в подразделение. Ведь у каждого воина был только один-единственный выход в особо опасную зону — на несколько секунд. Ну, а мне приходилось ежедневно по 8—10 часов находиться на КП, где радиация была на хорошем уровне. Лучше бы один раз сходить в эту тяжелую атаку, чем отвечать за жизнь людей и быть постоянно в стрессовой ситуации, осуществляя руководство всей операцией.

Особенность с приемом пищи была такова: отправлялись рано утром, а возвращались поздно ночью — на обед почти не ходили, так как на уход с КП третьего блока, посещение санпропускника, прием пищи и возвращение тратилось около двух часов. А на КП пить, курить и тем более есть было запрещено. Надеюсь, читателю ясно почему. Я один только раз пошел на обед в столовую АЭС, а когда вернулся на КП, то

оказалось, что было серьезное происшествие, которое чуть не имело трагические последствия.

При выполнении операции по удалению высокорadioактивных веществ с крыш третьего энергоблока и трубных площадок нашими боевыми помощниками были славные вертолетчики, как гражданские, так и военные. Невозможно забыть их героические усилия при выполнении работ по пылеподавлению не только на полях и дорогах, в жилых массивах, но и в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС.

Очень часто перед тем, как начинать операцию на третьем блоке, вертолетчики на огромных Ми-26 проливали бардой или латексом зев аварийного реактора, крыши машзала третьего энергоблока, трубные площадки. Делалось это для того, чтобы радиоактивно зараженная пыль не поднималась в воздух во время работ и не разносилась по белу свету, да и меньше было бы воздействия этой пыли на воинов во время работ.

Особенно врезались в память наш военный вертолетчик полковник Володажский и представитель Аэрофлота Анатолий Грищенко. Мы часто встречались в этом круговороте событий. Хорошо помню неофициальную встречу, которую организовали Юра Самойленко и Витя Голубев. Встреча состоялась на заводе у Голубева, где они поздним вечером устроили ужин. Прибыли самые близкие мне люди — Женя Акимов, Володя Черноусенко, полковник А.Д. Саушкин, А.С. Юрченко и вертолетчики, в том числе Володажский и Грищенко. Ужин сопровождался неизменно разговорами о делах Чернобыля, шутками, стихами. Уже далеко за полночь мы наконец-то распрощались и разъехались. Жили все в Чернобыле.

И вот, когда 3 июля 1990 года в американском городе Сизтле скончался Анатолий Грищенко, а я в это время лежал в Центральной клинической больнице, мне стало вовсе худо. Не вери-

лось, что Анатолия больше никогда не увижу. Хочешь этого или не хочешь, но в голове невольно прокручивалось: следом — твой черед...

Вертолетчики, как я уже упоминал, выполняли опасную и сложную работу — первыми пытались подавить взорвавшийся реактор. Чем только они не укрощали его извергающий зев, чего только не бросали в этот ад! Позже они вели борьбу с вредными радиоактивными элементами, подавляя пыль из брандспойтов. Это называлось дезактивацией с воздуха. Анатолий Демьянович, кроме того, учил военных вертолетчиков переправлять крупногабаритные грузы. Затем правительственная комиссия поручила ему перемещение много-тонных вентиляторов и кондиционеров. Они требовались для восстановления первых трех блоков АЭС. Более месяца была первая командировка. Тогда вместе с Грищенко честно выполнял свой долг заслуженный штурман Евгений Воскресенский. Это ему позже врач Монахова пробивала бесплатную путевку в санаторий, так как некоторые специалисты не хотели признавать у штурмана заболевание крови. А уже второй раз бесплатную путевку ему не дали. У нас это умели делать. Спецпайки, спецзаказы, спецполиклиники полагались лишь партийной элите — вроде грядущих архитекторов перестройки Горбачева, Ельцина, Яковлева, Шеварнадзе... Впрочем, они и сейчас жируют!

Сводки, сводки, ежедневные сводки, как на войне... Они оформлялись тут же, на КП. Эту работу я поручил подполковнику А.В. Кучеренко. Я знал, что он долго вместе с полковником А.П. Сотниковым работал на АЭС в опасных зонах. Но так как его близкий товарищ теперь был моим помощником, то Анатолий Васильевич попросил меня оставить его на этой операции. И он был незаменим на этой работе. Педантичный, аккуратный, выдержанный, интеллигентный — в нем было что-то гусарское, что-то от офицеров царской армии. Мог ли я подумать,

что в 1987 году этого офицера не станет...

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну, наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была все лишь маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии В.И. Варенников. Мне уже поздно вечером полковник В. Небога сообщил, что на следующее утро меня будут заслушивать по ходу нашей операции и по другим вопросам. В эту ночь я хорошо отоспался. У меня была большая комната в одном из общежитий Чернобыля. Никаких шпаргалок для доклада я не готовил — вся информация держалась в голове. Только мысленно систематизировал основные вопросы. Генерала армии Варенникова я уже знал немного, так как он неоднократно приезжал к нам, и мы не раз отчитывались за свою работу. Мне очень нравился этот высокообразованный, эрудированный и весьма интеллигентный человек. Если честно говорить, то на мой взгляд, он эталон военачальника: исключительно принципиален в оценке деловитости генерала или офицера, не терпит пустых докладов и фраз, внешне спокоен, подтянут.

Однажды, в очередной приезд он очень скупчиво проверял войска по секторам. За мной был тоже закреплен сектор, в котором я отвечал за научно-практическое обеспечение всех видов работ, и, естественно, владел обстановкой в данном секторе. И вот, когда началось заслушивание начальника оперативной группы сектора, тот как-то растерялся и неважно доложил. Оказалось позднее, что он был тяжело болен. Тогда Валентин Иванович спросил меня: «Ну, что скажет наука? Вы курируете этот сектор?» Я встал и доложил всю обстановку, объемы работ, успехи и что в секторе не ладится. После моего выступления совершенно в спокойном тоне генерал армии Варенников провел раз-

бор. Он никого не унижил, не оскорбил, а очень вежливо, но жестко дал оценку офицерам и штабу и потребовал овладеть обстановкой. Было это в поселке Диброво, как сейчас помню.

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

Л.Н. ИЛЬИН

В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке Чернобыльской атомной станции (ЧАЭС) с реактором РБМК — 1000, отработавшем около трех лет, произошла одна из наиболее крупных в истории атомной энергетики авария, соответствующая самому опасному седьмому уровню по международной классификации, а ее последствия приобрели планетарное значение, масштабы которого носили во многом непредсказуемый характер.

Чернобыльская авария произошла в ходе снижения мощности реактора для подготовки к плановому предварительному ремонту при проведении эксперимента, имевшего целью усовершенствовать одну из систем безопасности станции. В результате нарушений персоналом инструкций по управлению установкой, наложившихся на недостатки конструкции органов регулирования и ядерно-физических характеристик РБМК — 1000, произошел взрыв реактора с разрушением его активной зоны и выбросом в окружающую среду радиоактивных веществ общей активностью в десятки миллионов Кюри.

Выброшенные из разрушенной активной зоны реактора в атмосферу радиоактивные продукты деления, частицы ядерного топлива и конструкционных материалов разносились воздушными потоками на сотни и тысячи километров

ИЛЬИН Лев Николаевич — генерал-майор в отставке, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

Л.Н. Ильин

и превратили техническую аварию в крупнейшую катастрофу.

Приблизительно два месяца после катастрофы одним из основных источников опасности для населения были радиоактивные изотопы йода, выпавшие на местность при аварийном выбросе.

В дальнейшем основную радиационную опасность стали представлять долгоживущие радионуклиды (цезий и плутоний), выпавшие с дождями на активной фазе аварии и образовавшие на местности так называемые радиоактивные пятна.

Ликвидация последствий Чернобыльской катастрофы потребовала беспрецедентной в мирное время мобилизации сил и средств всей страны. На эти цели в короткие сроки были направлены огромные ресурсы, к решению проблем Чернобыля были привлечены ведущие ученые и специалисты. В зоне Чернобыльской АЭС в работах по ликвидации катастрофы и ее последствий в 1986...1990 годы принимали участие

ученые и специалисты, свыше 340 тысяч военнослужащих.

Особую роль здесь сыграли войска РХБ защиты (в то время химические войска). Практически все военнослужащие и многие служащие, тогда Советской Армии, принимали участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, начиная от начальника войск генерал-полковника В.К. Пикалова и кончая рядовой работницей первого отдела.

За три года там трудились, не жалея сил и здоровья от нескольких дней до месяцев, а многие неоднократно — более 80 тыс. воинов-химиков. Только из Военной академии химической защиты там проработало 340 человек, в основном, специалистов высокого класса, выдающихся ученых и исследователей. И это не случайно. Войска РХБ защиты (химические войска) оказались наиболее подготовленными к подобным работам и они ее вели с первых минут и до конца.

Сложность проблем, возникших в результате катастрофы, их комплексный и широкомасштабный характер, допущенная медлительность в решении ряда вопросов социальной защиты граждан, пострадавших вследствие этой катастрофы, потребовали концентрации усилий и интенсификации работ соответствующих центральных и республиканских органов на Чернобыльском направлении.

Проблемы, возникшие в результате катастрофы, по своей глубине и масштабу во многом были новыми как для науки, так и для практики. Поэтому неудивительно, что до сих пор по целому ряду из них среди ученых и специалистов существуют различные мнения на пути их решения.

Уже к августу 1986 года экологическая ситуация привела к необходимости Министерству обороны создать Чернобыльскую группировку войск численностью около 40 тысяч человек и поддерживать ее в течение двух лет на уровне 20 тысяч человек.

Ликвидация последствий катастрофы

Основу сил и средств, решающих наиболее сложные и объемные задачи, составили войска РХБ защиты, инженерные, формирования ГО, а так же медицинские батальоны и части мотострелковых дивизий.

Около 10 часов утра 26.04.86г. В.К. Пикалова вызвал по ВЧ-связи маршал С.Ф. Ахромеев и приказал немедленно вылететь в Чернобыль. Светящееся зарево над ЧАЭС, встретившее их при подъезде к станции, привело к убеждению, что произошла серьезная авария. Тогда же был направлен и мобильный отряд химических войск.

Соединения и части войск РХБ защиты в ходе ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС решали следующие задачи:

- воздушная радиационная разведка территории АЭС и местности с отбором проб воздуха, с посадкой для проведения измерений уровней радиации на местности, для взятия проб грунта, растительности и воды;
- наземная радиационная разведка территории и объектов АЭС, местности, населенных пунктов, маршрутов движения войск и подвоза материальных средств с отбором проб грунта, растительности и воды;
- дозиметрический контроль облучения и загрязнения личного состава и техники;
- локализация радиоактивных загрязнений на территории АЭС, в населенных пунктах, на дорогах;
- сбор, временное хранение, транспортировка и захоронение радиоактивных отходов;
- дезактивация внутренних и наружных поверхностей зданий и сооружений АЭС;
- дезактивация дорог и пылеподавление;
- дезактивация населенных пунктов;
- дезактивация техники, обмундирования, специальной одежды, средств защиты и санитарная обработка личного состава;

- обеспечение войск средствами защиты, приборами радиационной разведки и дезактивирующими веществами;

- научное сопровождение работ по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

Таким образом, на войска РХБ защиты кроме традиционных было возложено и выполнение ряда специфических, не свойственных им задач.

Наиболее сложные и безотлагательные вопросы, в разрешении которых наряду с руководством страны, ведущими учеными Академии Наук и другими специалистами, принимали участие В.К. Пикалов и его помощники В.С. Кавунов, В.А. Владимиров, А.Д. Кунцевич, сейчас можно сформулировать так, как:

- остановить ядерную реакцию в разрушенном энергоблоке;
- выявить, есть ли нейтронное излучение;
- обнаружить куски ТВЭлов с воздуха;
- установить суточный выброс активности из кратера 4-го энергоблока;
- дезактивировать различные поверхности;
- повысить эффективности радиационной разведки;
- какие нужны работы;
- и так далее.

Большинство ответов было получено с участием специалистов войск РХБ защиты, лично В.К. Пикалова, сотрудников ВАХЗ и Института, а, в последующем, и специально созданного Научного центра МО, действовавшего под руководством Начальника химических войск.

Приближается двадцатая годовщина Чернобыльской катастрофы. Ситуация сложная.

Давайте пофантазируем (недавняя электроавария позволяет это сделать).

-Уважаемые граждане Российской Федерации!

Как мы уже сообщали, несколько дней назад на ...ской АЭС произошла катаст-

рофа с разгерметизацией ядерного реактора.

Теперь мы можем Вам сказать, что данное событие стало следствием проведенного извне разрушения компьютерного поля системы управления станцией, предположительно из космоса.»

Еще в 1986 году академик Легасов В.А. утверждал, что в США ведутся большие работы в данной области. Вероятно, мы стали свидетелями и жертвами их воплощения в реальность.

Как бы то ни было, необходимо проведение всего списка работ, характерных для катастрофы на ЧАЭС, за исключением ошибочных и неразумных.

Они находятся в трех плоскостях радиационной разведки, ликвидации последствий, защиты личного состава и населения от радиоактивного излучения.

Первое, что удалось установить — это отсутствие системы автоматических датчиков о радиационной обстановке на территории станции и промплощадке. В связи с известными экономическими изменениями данная работа была начата, но не доведена до конца из-за отсутствия средств. Следовательно, мы вынуждены вновь наметить 30 контрольных точек для снятия показаний об уровнях радиации и отбора проб.

Однако здесь появились новые трудности.

Прежде всего, за годы строительства и реформирования ВС РФ (с мая 1992 года) численность войск РХБ защиты сократилась более чем на одну треть. Расформированы 32 воинские части и учреждения. Шесть отдельных батальонов переформированы в базы хранения вооружения и техники. Если Вы помните, что спустя месяц в Чернобыле работала войсковая группировка в 25 тысяч военнослужащих. Аналогичные сокращения проведены и в войсках ГО.

Можно сказать, что не так много сил нужно было для радиационной разведки. Однако с учетом проведенных расчетов и наличия предельно допустимой дозы 30 бэр/год разведчики должны

были заменяться при уровнях радиации 10 Р/ч каждый день. После спада уровней до 1 Р/ч — через 10 дней. В среднем — срок замены дозоров получался пять суток.

Необходимо учитывать, что кроме этих 30 точек у станции были развернуты еще до 60 точек в 30-ти километровой зоне.

Тогда эту задачу решали путем достаточного пополнения военнообязанными запаса. В настоящее время система сборовой подготовки военнообязанных нарушена. Поэтому, хотя и можно призвать людей на должности специалистов радиационной разведки из запаса, но быстро восстановить навыки можно лишь у немногих. Большинство же надо учить заново.

Есть и другая проблема, связанная с радиационной разведкой. Имеющиеся на хранении машины РХР из-за отсутствия личного состава для их обслуживания и длительного нахождения зачастую под открытым небом, при их расконсервации потребуют различных видов ремонта в объеме 30...40% от общего числа. Новых машин из промышленности на длительное хранение практически не поступает уже несколько лет.

Кроме того, имело место быстрое и сильное загрязнение РВ средств разведки.

За сутки на спецодежде личного состава разведывательных машин, на шасси УАЗ-469рх накапливалась радиоактивность с мощностью дозы 1 бэр/ч.

Фон от радиоактивного загрязнения внешних поверхностей разведывательной техники достигал: от ходовой части наземных разведывательных машин — 3...5 бэр/ч, от моторной части — сотни мбэр/ч.

Подразделения радиационной разведки осуществляли также отбор проб почвы и воды. До 80...100 проб ежедневно поступали на анализ.

Опыт ЧАЭС показал, что одновременно на станции должно работать 4...5 экипажей, в 30-ти километровой

зоне — 20...25 экипажей. Они будут требовать замены через 2...5 суток.

Контроль забираемых проб в значительной мере осуществлялся на Ново-Земельском и Семипалатинском полигонах. В настоящее время работы там законсервированы.

Необходимо признать, что совокупность указанных выше причин сделает первую задачу — радиационную разведку, необходимую для грамотной жизнедеятельности войск, сил и населения на загрязненной территории, недостаточно эффективной.

Где-то через месяц эти упущения могут быть ликвидированы, но начало разведывательных работ будет затруднено.

Локализация аварии включала работы по тушению пожаров, расчистке проходов, сбор и эвакуацию выброшенного ядерного топлива, взрывные работы.

Для расчистки подходов к поврежденному энергоблоку использовалась роботизированная техника с дистанционным управлением. Сейчас над ее созданием ведутся работы, но в штатах войск РХБ защиты и ГО ее почти нет.

Дезактивационные работы составляли основную головную боль и распространялись на внутренние и наружные (включая крышу) поверхности зданий и сооружений АЭС; дороги и почву; населенные пункты; технику; обмундирование; специальную одежду; средства защиты и, как это не странно, воду.

Приемы, методы, технологии и рецептуры для дезактивации отработывались по ходу их возникновения. Технология этой работы была такова.

Научный Центр разрабатывал методики и программы работ, администрация АЭС и Минэнерго соглашались с ними или корректировали их. После утверждения они передавались войскам для работы под контролем сотрудников научного Центра.

Соотнося прошлый опыт с будущим, вызывают озабоченность две вещи.

Первое. Так же как и в разведке придется начинать и длительное время ве-

сти работу с меньшим числом специалистов (сокращены войска РХБ защиты и ГО); низкой квалификацией призванных из запаса (длительное время не было сборов); значительным количеством неисправной техники (хранение без обслуживания); отсутствие новых образцов (нет средств для реализации оборонного заказа); небольшими запасами расходных средств и низкими возможностями промышленности по их пополнению.

Второе. После Чернобыля осталось несколько спорных или не до конца решенных вопросов, связанных с различными сторонами дезактивации.

Прежде всего, не изучена до конца природа конгломератов, содержащих сами радиоактивные частицы. По одной из гипотез — это фуллерены, состоящие из радиоактивного ядра, окруженного атомами углерода со свободными связями. Только так можно объяснить удивительную способность частиц диффундировать во внутрь твердых поверхностей (металл, бетон) с большой скоростью и на глубину до 5 см. Проздеактивировать такие поверхности было и будет чрезвычайно трудно.

Далее. Осталась нерешенной задача дезактивации крыш. Радиоактивные осколки, оказавшиеся на крыше, не давали возможность вести работы внутри помещений без переоблучения. Удаление их с крыши происходило с помощью «биороботов», призванных из запаса.

Наконец, дезактивация населенных пунктов. В течение 1986...1987гг. была проведена дезактивация почти 1000 населенных пунктов, из них до 50% — 3...4 раза. В работе участвовало 39 тыс. военнослужащих и военнообязанных. Было вывезено 1,6...1,7 млн. м³ грунта, завезено — 2,8 млн. м³.

Оказалось, что в условиях загрязнения всего района, дезактивация отдельных «пятачков» — деревень из-за ветровых переносов и самой этой деятельности бесперспективна. Снятие 15-ти см слоя грунта губит почву. Если и прово-

дить эти работы, то начало их должно быть через 5...6 месяцев, когда спадут высокие уровни радиации.

Объем работ по дезактивации этих 1000 населенных пунктов потребовал бы 12 млн. чел.-дней, т.е. работы 10...15 тыс. группировки в течение 10...15 лет.

Особо следует выделить, возникшую на первом этапе, проблему сбора высокоактивных осколков.

Для их удаления был проведен в Чернобыле большой объем работ по дооборудованию техники. Она эксплуатировалась круглосуточно сменными экипажами общей численностью до 6 тыс. человек. К сентябрю пришлось заменить почти половину личного состава, как получившего дозы боле 25 бэр.

Для ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС было привлечено более 10 тыс. единиц инженерной, строительной, войск РХБ защиты техники и автомобильного транспорта. Все это необходимо было дезактивировать. О напряженности работ говорят цифры: в среднем каждом пункте ежедневно обрабатывалось 200...400 единиц техники и 350...550 человек личного состава. До 60...70% техники приходилось обрабатывать 2...3 раза.

Потребовала разрешения проблема дезактивации одежды, обуви, белья.

Только в 1986 году было продезактивировано 373 тонны одежды различных видов, а санитарной обработки подвергнуто за это же время более 1 млн. человек.

Отдельную проблему представляла радиационная защита персонала, войск и населения.

Прежде всего, в это время не были созданы дозиметры, удовлетворяющие по точности правилам неядерной войны, а мирного времени. Известно, что в военное время при применении ядерного оружия однократно допустимой дозой облучения считается 50 рентген. В мирное время для населения, персонала и лиц, работающих по ликвидации последствий, годовая доза — 30 бэр. Проблема

индивидуальных дозиметров не решена ни по качеству показаний, ни по количеству, необходимому для работы.

Вспоминая работы по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, можно указать, что ежемесячно поставлялось 4200 респираторов Р-2, 1100 пар защитных перчаток, 830 дозиметров ИД-11 и 530 ДК-0,2. В среднем ежемесячно возникала потребность в двух новых машинах АРС—15 и десяти комплектах ЗИП к ним.

В итоге можно сказать, что потребовалось ежедневно дезактивировать 5 тыс.м² площадей станции, 20 тыс. м² внутренних помещений; вывозить по 500 м³ грунта и оборудования.

Итак, мы столкнулись с целым комплексом проблем:

- сокращение войск не позволяет воспользоваться ими без дополнительного призыва;

- призываемый контингент давно не проходил переподготовку на сборах запаса;

- техника войск, находящаяся на длительном хранении, в возрастающей прогрессии будет требовать ремонта при расконсервации;

- запасы приборов, машин, расходных средств, включая средства индивидуальной защиты, не пополняются, а имеющиеся к 2005 году исчерпают гарантийные сроки хранения полностью.

Наконец, нельзя упускать из виду и проблему отношения властей к чернобыльцам. Она не позволяет с оптимизмом надеяться на всеобщий энтузиазм и трудовой порыв, характерные для 1986 года.

На примере Югославии и Ирака мы видим, что появилась сила, которая бомбами и ракетами добивается переустройства мира по своему сценарию.

Не связанная с Чернобыльской катастрофой, но спотыкающаяся о те же «пеньки», отдельной проблемой становится борьба с химической опасностью. На нашей территории имеется более 3600 химически опасных объектов. Толь-

ко в Центральном регионе их более 900. Каждое из этих предприятий является потенциальным источником заражения местности и создания определенной угрозы, при разрушении которых возможна глобальная экологическая катастрофа. При разрушении любого из предприятий с сильно действующими веществами площадь заражения, по самым скромным подсчетам, может составлять порядка 20 квадратных километров.

Майская авария 2005 года в энергосистемах Москвы и других городов может привести к разрушению химически и биологически опасных объектов.

Нужны специалисты, техника, расходные средства, методики работы на случай аварии или катастрофы на этих объектах.

Политика, проводимая Министерством обороны в этой области, не внушает оптимизма.

Оборонный заказ выполняется на 5%. Имеющиеся запасы устаревают и выходят из строя.

Система подготовки специалистов, попавшая в руки лиц, не представляющих специфики службы РХБ защиты и инженерной, разрушается.

Для военных инженеров в области РХБ защиты и инженерного дела (в широком смысле) главное — это инженерные знания. Ибо на их основе возможно управление процессами, возложенными на службу. Однако выпускников Военной академии РХБ защиты с высшим военно-инженерным образованием скоро не будет. Следовательно, инженерные знания остаются во многом за кадром. Мы этому насмотрелись в Чернобыле на примерах троечников и двоечников, посылавших солдат в радиоактивное пекло без необходимых расчетов.

Пока АЭС не вышла из строя и предприятия, содержащие сильно действующие ядовитые вещества, не разрушаются очередными претендентами на мировое господство, давайте позаботимся о собственной безопасности. Пока не поздно.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО «УКРЫТИЯ»

От редакции. Взрыв реактора 4 ЭБ привел к значительным разрушениям и повреждениям: сброшено покрытие реактора, частично разрушены стены. Падающими обломками строительных конструкций пробита крыша машинного зала. Оборудование и верхняя плита биологической защиты весом 2 тыс. тонн вместе с обломками конструкций повисла почти в вертикальном положении. Основание реактора опустилось на 4 м и др.

Высокоактивная лава (расплавленное топливо, строительные материалы) залила нижние помещения реактора.

Фактически разрушенный энергоблок представлял собой опасный для жизни источник радиации и загрязнения. Оборудование и конструкции 1, 2 и 3 ЭБ не пострадали.

К героической эпопее в ЛПК на ЧАЭС

можно отнести сооружение «Укрытия» над разрушенным 4 ЭБ. Его герои — тысячи специалистов Минатома России, военнослужащих МО и др. министерств и ведомств, которые работали в экстремальных условиях и создали уникальное сооружение в кратчайшие сроки: за шесть месяцев (с середины мая по конец ноября 1986 г.).

Работы по консервации 4 ЭБ фактически были начаты 27 апреля 1986 года, с назначения Б.Е. Щербиной председателя строительной подкомиссии — заместителя министра Минэнерго СССР по строительству А.Н. Семенова.

Были поставлены жесткие условия. По требованию ПК, составляемая программа консервации 4 ЭБ должна предусматривать конкретных исполнителей, четко обозначенные работы, определенные сроки.

«Утверждаю»
Зам. министра энергетики и
электрификации СССР
А.Н. Семенов
11 мая 1986 г.

Программа работ по составлению схемы консервации 4-го ЭБ ЧАЭС

Наименование	Срок выполнения	Исполнитель
1. Компонировочные чертежи главного корпуса блоков Б,В,Г и ВСПО (планы, разрезы)	11.05.86 г. 15-00	Гидропроект
2. Генплан промплощадки	15-00	Гидропроект
3. Ситуационный план АЭС	15-00	Гидропроект
4. Схема выполнения работ по состоянию на 10.05.86 г.	15-00	Союзатомэнерго
5. Проект консервации 4-го блока с объемами работ, требованиями к бетонам и очередности работ по бетонированию	Предварит. схема: 15.00 Поэтапно: до 10-00 12.05.86 г.	Гидропроект
6. Варианты схем механизации и бетонирования	—*—	Атомэнергострой проект
7. Минимальное расстояние и время нахождения людей вблизи 4-го ЭБ	15-00	Союзатомэнерго
8. Схема размещения 4-го ЭБ	15-00	Союзатомэнергострой
9. Существующие мощности бетонорастворных заводов	15-00	Союзатомэнергострой
10. Стройгенплан площадки с указанием проездов и проходов при производстве работ	12.05.86 г. 14-00	Оргэнергострой
11. Варианты схем подачи бетона	20-00	Оргэнергострой
12. График производства работ		

Начальник Главтехстроя
Г.А. Денисов
Начальник ГП по строительству
Е.А. Решетников

Гл. инженер Оргэнергостроя
А.М. Скоромников
Гл. инженер Гидропроекта
Т.П. Доценко

Как утверждает А.Н. Семенов, в соответствии с этой программой (Приложение 2—1), «согласно почасовому графику, с утра 11 мая до вечера 12 мая необходимо было выполнить такой объем работ, на который в обычных условиях потребовалось бы более полугода» [2.2.1.].

Раскрывая и анализируя роль государственных органов в проектировании и строительстве «Укрытия», необходимо предварительно сказать о следующем.

Комплекс работ по созданию «Укры-

тия» был как бы верхушкой айсберга по предотвращению загрязнения местности, водного бассейна рек Припяти и Днестра и атмосферы, в конечном счете, влияющих на состояние здоровья населения. В общем плане, фактически, требовалось перекрытие распространения радионуклидов воздушным, наземным и подземным путями.

Таким образом, строительство «Укрытия» являлось только частью работ в комплексе мероприятий, выполняемых в зоне Чернобыльской АЭС, по закры-

Ликвидация последствий катастрофы

Таблица 2.1

Наименование основных работ	Проектные организации	Срок окончания проектных работ
Проектирование сооружений по консервации ЭБ № 4, машинного зала и завала с радиоактивными остатками	ВНИПИЭТ, НИКИЭТ, ИАЭ им. Курчатова, Союзатомэнерго, Союзатомэнергострой, ВНИИАЭС, Гидропроект	по специальному графику, окончание — август 1986 г.
Проектирование разделительной стены между ЭБ № 3 и № 4	Гидропроект, ВНИПИЭТ	июнь 1986 г.
Проектирование разделения технологических систем реакторных отделений № 3 и № 4	Гидропроект, ВНИПИЭТ	июнь 1986 г.
Устройство противофильтрационной стены в грунте вокруг промплощадки АЭС	Гидропроект, Гидроспецпроект	10 июня 1986 г.
Устройство артезианских скважин	Гидропроект, Гидроспецпроект	5 июня 1986 г.

тию каналов распространения радиоактивных веществ как с разрушенного реактора, так и с загрязненной местности, образовавшихся после выбросов из активной зоны 4-го ЭБ.

Но при этом надо не забывать, что основная масса топлива оставалась в разрушенном реакторе (около 95%) [2.17.], и там были самые высокие уровни радиации.

Существенное снижение уровня радиации в окружающей среде, повышение эффективности дезактивационных работ во многом определялось консервацией 4 ЭБ ЧАЭС. Поэтому этот вопрос регулярно рассматривался на заседаниях ПК в Чернобыле, ОГ Политбюро.

Состояние работ по консервации 4 ЭБ анализировалось в ЦК КПСС и СМ СССР. В целях ускорения работ было издано специальное постановление (№ 663—194 от 5 июня 1986 г.).

К работам были привлечены основные министерства, участвующие в ЛПК (Минсредмаш, Минэнерго, министерства угольной промышленности, транспортного строительства, монтажных и специальных строительных работ, обороны и др.).

Приведем краткое содержание работ по подготовке к консервации объектов ЧАЭС, предусмотренных постановлени-

ем ЦК КПСС и СМ СССР от 5 июня 1986 года № 663—194. Постановление определяло объем, сроки, министерства, выполняющие конкретные работы.

Постановлением предписывалось:

1. Завершить основные работы по консервации ЭБ № 4 — не позднее сентября, а водозащитные мероприятия — в конце октября. Заказчик — Минэнерго, Минсредмаш — генеральный подрядчик по консервации ЭБ № 4.

2. Отделение ЭБ № 1, 2 от ЭБ № 3 — в августе, а ЭБ № 3 от ЭБ № 4 — в сентябре.

3. Предлагалось утвердить временные санитарные требования безопасности и др.

В соответствии с вышеуказанным постановлением, ЦК КПУ и СМУ своим распоряжением № 213-0012 от 10 июня 1986 г. обязал министерства, ведомства и партийные органы Украины обеспечить выполнение в установленные сроки в полном объеме порученные им работы.

Основные работы по завершению только проектирования отдельных этапов работ по консервации объектов ЧАЭС и предотвращению стоков с территории электростанции, представленные ниже, подтверждают их масштабность и сложность, табл. 2.1.

Постановлением № 663—194 регла-

ментировалось также представление Минэнерго, МСМ в СМ СССР рабочего графика выполнения работ (в месячный срок). Причем, приложение к постановлению сопровождалось укрупненным планом по выполнению работ (ответственные, сроки выполнения и др.). Фрагмент приложения представлен выше, табл. 2.1.

Вопросы закрытия каналов утечки радионуклидов с территории АЭС находились под постоянным наблюдением ОГ ПБ ЦК КПСС.

Так, на заседании ОГ ПБ 8 мая 1986 г. был заслушан доклад председателя ПК в Чернобыле, заместителя председателя СМ СССР И.С. Силаева, и принято решение (пункт 8, о ходе работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС) [протокол № 8 заседания ОГ]:

«Поручить т. Силаеву принять срочные меры по бетонированию завалов в районе поврежденного реактора с целью недопущения смыва дождевыми водами и распространения в окружающей среде радиоактивных веществ».

На следующем заседании ОГ ПБ 10 мая 1986 г. были заслушаны сообщения заместителя Председателя СМ Ю.П. Баталина и Министра энергетики и электрификации СССР А.И. Майорца о разработке проекта по захоронению поврежденного ЭБ № 4.

В решении заседания ОГ ПБ (п. 5) указывается [протокол № 10 от 10.05.86 г.]:

«Принять к сведению сообщение тт. Майорца и Баталина по этому вопросу. Исходить из необходимости максимального ускорения подготовки проекта;

Поручить тт. Баталину, Майорцу и Ахромееву разработать и представить 13 мая 1986 г. на утверждение ОГ графики работ по ликвидации последствий аварии;

Возложить на т. Баталина руководство подготовкой проекта захоронения поврежденного энергоблока».

В дальнейшем, на заседаниях ОГ ПБ регулярно рассматривались вопросы

консервации ЭБ № 4. Устанавливались конкретные сроки выполнения работ, ответственные исполнители и др.

Достаточно сказать, что только в мае 1986 г. на семи заседаниях ОГ ПБ (11 мая, 12 мая, 13 мая, 14 мая, 20 мая, 22 мая, 28 мая) ход работ по подготовке к консервации и проводимым конкретным мероприятиям обсуждался с заслушиванием конкретных ответственных исполнителей.

Ввиду сложности и срочности работ (требовалось в течение шести месяцев построить «Укрытие»), разработка проекта консервации 4 ЭБ была совмещена по времени с непосредственными восстановительными работами.

Руководство проектированием было поручено опытному строителю — Ю.П. Баталину. В работах приняли участие более 30 отраслевых проектно-исследовательских институтов. Генпроектировщиком был назначен институт «Гидропроект» им. С.Я. Жука (Минэнерго СССР). Создается проектная группа. Руководитель группы — А.Н. Семенов. Группа располагалась в зале коллегии Минэнерго СССР и работала почти круглосуточно.

Организационно-технический план разработки «проектных соображений» по консервации блока № 4 включал всю совокупность мероприятий, работ, необходимых для всестороннего перекрытия распространения радионуклидов: охлаждаемая плита под фундаментом блока, противодиффузионная завеса вокруг территории АЭС, консервация блока № 4 бетонированием.

Но наибольшие проблемы, естественно, возникли на первом этапе, когда надо было решать извечную конструкторскую проблему: как построить мост? Вдоль или поперек реки... Ведь до этого не было прецедентов по возведению подобных сооружений в строительной практике как в нашей стране, так и за рубежом. Тем более, в условиях высочайших уровней радиации в районе возведения защитного укрытия.

В ходе разработки проекта долговре-

менной консервации разрушенного ЭБ было проанализировано около 20 конструктивных решений. Предлагались перекрытия арочно-купольного или с использованием сохранившихся строительных элементов ЭБ. Но были и другие предложения: сооружение холма из щебня и бетона, заполнение шахты реактора металлическими полыми шарами, консольная надвижная кровля над машинным залом и др.

При анализе выдвинутых конструктивных решений был выбран проект, предусматривающий возведение внешних защитных стен по периметру реакторного здания, разделительных стен с максимальным использованием сохранившихся элементов энергоблока в качестве опор. Этот проект обеспечивал меньшие материалоемкость, трудоемкость и приемлемые сроки строительства. Таким образом, данный проект был наиболее эффективен в сложившихся условиях.

Вначале планировалась установка временной защитной крыши («Зонта») для сокращения выбросов радиоактивных веществ в окружающую атмосферу. Однако в ходе подготовки ее к установке (летные испытания «Зонта» на вертолетной площадке) произошел обрыв узла крепления троса с защитной крышей к вертолету после его взлета. Никто из присутствующих не пострадал, благодаря принятым мерам безопасности, с учетом предыдущего горького опыта. Однако «Зонт» пришел в полную негодность. По свидетельству очевидцев, присутствовавший на вертолетной площадке во время летных испытаний Министр Минсредмаша Е.П. Славский перекрестился, сказал тихо: «Слава Богу», и на этом работы с «Зонтом» были прекращены.

На основании постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 663—194 от 05.06.86 г. ПК в Чернобыле разрабатывает и утверждает 11.06.86 г. «Директивный график производства работ по ЛПК на ЧАЭС», конкретизирующий про-

водимые работы, сроки их выполнения и ответственных. В частности, графиком предусматривалось: удаление твердых высокоактивных предметов с крыш блоков № 3 и № 4; вывоз топлива с блоков № 1 и № 2; локализация блока № 4 (биозащитная стенка); дезактивация территории и помещений АЭС; подготовка блоков № 1 и № 2 к пуску и др.

Уборка территории и ЭБ № 3 и № 4 от зараженного грунта, элементов выброса из реактора, как одна из опасных операций, была под контролем ПК и ею регламентировалась. Так, специальным постановлением ПК (№ 106с от 19 августа 1986 г.), в зависимости от загрязненности, завалы загружались за защитную стену у 4 ЭБ (мощность излучения более 1 Р/час), а средне — и слабоактивные отходы отправлялись в могильники вблизи пос. Бураковка.

Разработка и осуществление выбранного варианта консервации разрушенного ЭБ не имела аналогов в мировой практике и была уникальной инженерной задачей.

Строительство объекта «Укрытие»

Особого внимания в ретроспективном анализе организации и проведения работ по проектированию и строительству «Укрытия» заслуживают воспоминания активного участника этого ответственного этапа в ЛПК на ЧАЭС, члена центрального штаба Минсредмаша И.А. Беляева [2.2.3.]:

«Принципиальная организационная основа стройки состояла из нескольких этапов или, как мы называли их, вахт или смен. Длились они по два месяца и более, и каждая такая «Трудовая вахта» характеризовалась своими задачами, своим коллективом и своим микро — и макрочеловеческим единением.

Первая смена работала с 20 мая до 15 июля, вторая — с 16 июля до 15 сентября и третья — с 16 сентября до 4 декабря 1986 года.

В результате создания «Саркофага»

и ликвидации аварии, возник опыт по организации стройки в экстремальных условиях. Старые приемы ведения работ оказались неэффективными и непригодными.

15 мая 1986 г. Политбюро ЦК КПСС поручило Министерству среднего машиностроения совместно с другими министерствами и ведомствами СССР выполнение работ по консервации четвертого блока ЧАЭС.

В этот же день был создан штаб отрасли. В него вошли:

Председатель — А.Н. Усанов, члены штаба: И.А. Беляев — заместитель председателя, Ю.П. Аверьянов (9 ГУ), Ю.М. Савинов (14 ГУ), Л.В. Забияка (11 ГУ), В.И. Рудаков (12 ГУ), Л.И. Саруль (Главснаб), А.П. Игнашин (13 ГУ), Г.И. Дряпак (Отдел охраны труда), П.С. Сидоров (Управление кадров), А.П. Гаврилов (2 ГУ).

Одновременно был создан производственно-диспетчерский отдел при штабе во главе с И.А. Беляевым, который координировал вопросы снабжения, транспорта, размещения людей и их питания, осуществлял связь между различными ведомствами и многими организациями в пределах нашего Министерства.

В короткое время была сформирована группа из подразделений «Оргтехстроя—11», «Оргтехмонтажа», 9 ГУ, 14 ГУ. К разработке проекта производства работ срочно приступил «Оргстройпроект». Была создана отдельная проектная группа под руководством главного инженера института ВНИПИ-ЭТ В.А. Курносова. Она размещалась в Москве в здании «Оргстройпроекта» и имела право привлечения любых институтов Советского Союза для производства проектных работ. Собирался штаб по 4—5 раз в день, решая массу вопросов по обеспечению техникой, оборудованием, жильем, материалами. Обсуждая проектные вопросы, мы ориентировались на предварительные проработки Минэнерго. Утверждение всех проектных вопросов

было поручено Ю.П. Баталину — заместителю Председателя Совета Министров, Председателю Госстроя СССР.

Нам тогда остро не хватало конкретного материала для проектирования, фотографий и натурных наблюдений.

В середине мая 1986 г. Правительственная комиссия приняла решение о долговременной консервации разрушенного блока с целью предотвратить в дальнейшем выход радионуклидов в окружающую среду и снизить уровень излучения на промплощадке АЭС. Кроме того, необходимо было возможно скорее обеспечить контроль за состоянием топлива, содержащегося внутри блока. Необходимо отметить, что проектирование и строительство такого специального защитного сооружения пришлось вести параллельно с процессом получения информации о состоянии и размещении топлива внутри блока и о степени разрушения его строительных конструкций.

Было разработано и рассмотрено 18 конструктивных решений, которые сводились к сооружению над разрушенным блоком двух типов перекрытий:

— арочного, пролетом 230 м, или купольного сводчатого, пролетом до 120 м;

— перекрытия из конструктивных элементов пролетом 50 м с использованием сохранившейся стены и перекрытия здания в качестве опор.

Опасный источник радиоактивного загрязнения следовало изолировать как можно быстрее. Проработки и технико-экономические расчеты показали, что работы по первому варианту потребуют 1,5—2 года, тогда как работы по второму займут несколько месяцев. Он и был принят для детальной проработки.

Приказом Министра МСМ № 211 от 20 мая было создано Управление строительством № 605 (УС—605). Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 июня

МСМ-Генподрядчик по выполнению работ, связанных с захоронением 4 ЭБ. Генпроектировщиком определен ВНИПИЭТ, входящий в структуру МСМ. Научное руководство этими работами поручалось Институту атомной энергетики им. И.В. Курчатова».

Строительство «Укрытия», по общему мнению специалистов МСМ, было решено начать с создания эффективной производственной инфраструктуры (бетонное производство, строительные базы и др.).

Копии основополагающих первых документов, разработанных в этот период, определивших на весь период создания «Укрытия» стратегию и тактику проектантов и строителей, подтверждают масштабность, значимость работ и ограниченность отведенного времени на их выполнение, приложения 2—2, 2—3, 2—4 [2.2.3.].

Особенно хочется выделить форму одного из представленных документов («Первоочередные мероприятия по 4-му блоку ЧАЭС», утверждены Министром МСМ Е.П. Славским). Документ написан от руки, что напоминает о военном времени, когда основная масса документов разрабатывалась на тетрадных листах от руки, но от этого их содержание и исполнение не ухудшались. В действительности, первые дни и месяцы были напряженными, ответственными.

Приложение 2—2

«Утверждаю министр»
/Е. Славский/
23 мая 1986 г.

Первоочередные мероприятия по 4-му блоку Чернобыльской АЭС, связанные с ликвидацией аварии

1. Утвердить выбранные площадки под жилые городки, размещение баз в районе г. Иванков.

2. Поручить Оргстройпроекту орга-

низовать проектные группы для проектирования утвержденных объектов. Срок 26 мая.

3. Т. Рыгалову Е.В. и т. Барабаш представить график выполнения проектных работ 25/V—86.

4. Определить местом приемки грузов ж/дорожную станцию Тетерев.

5. Смонтировать передвижные бетонные заводы и растворные заводы в районе г. Чернобыль по согласованию с Минэнерго (т. Кизимой).

Суточную производительность определить согласно графику строительства (срок июнь, отв. 11 ГУ).

6. Организовать штаб стройки, оперативной и проектной групп в г. Чернобыль. Срок 30/V—86, отв. Ермаков Ф.А., Егоров М.Н., Рыгалов Е.В.

7. Организовать в г. Киеве и на базе «Строитель» постоянные представительства для обеспечения приема и размещения прибывающих работников, отв. Рыгалов.

8. Разработать эскизные проекты по консервации 4 блока и связанных с ним сооружений ВНИПИЭТ, срок 27 мая 1986 г.

9. Установить сроки выполнения первоочередных проектных работ:

— отключение внешних инженерных сетей, имеющих связи с 3 блоком, Минэнерго, ВНИПИЭТ.

10. По разделительным стенкам 3 и 4 блока в машзале:

выполнение строительных работ (т. Рыгалов);

изготовление и монтаж разделительной стенки поручить Минмонтажстрою СССР.

11. Работы по устройству защитных стенок у завала торца машзала и вдоль пристанционный узла в зоне IV блока исполняет Минэнерго СССР.

12. По защите строительной техники и механизмов для работы в зоне IV блока:

Чертежи и специалистов направить т. Хохлову в срок до 1 июня 1986 г.;

т. Хохлову организовать работы по

защите строительной техники и механизмов в установленные сроки;

11 ГУ выдать НИКИМТУ 26 мая перечень строительной техники, подлежащей защите.

13. В трехдневный срок после принятия решения по консервации IV блока Оргстройпроекту, НИКИМТУ, Оргтехмонтажу по согласованию с ВНИПИЭТ разработать проекты организации и производства первоочередных работ с определением исполнителей.

Т. Юрченко Ю.Ф. — разработать проект производства работ по очистке кровли от активных материалов в районе блока № 4.

Разработать проект установки манипулятора для бетононасоса с целью бетонирования конструкций на блоке № 4.

Разработать до 26 мая конструкцию по сбору сыпучих отходов с кровель и других поверхностей.

14. Т. Рудакову В.И. определить исполнителя по изготовлению такого механизма.

15. Захоронение собранных отходов обеспечивает Минэнерго и Минобороны по заявке МСМ.

Предложение по транспортировке отходов дает т. Юрченко Ю.Ф. в срок до 1/VI—86 г.

Поручить т. Алехину Ю.Т., т. Рыгалову Е.В. организовать общественное питание на базе «Строитель» и в штабе строительства (срок 15/VI—86 г.).

Питание вольнонаемных работников в городке возложить на УВС по установленному на месте порядку. В срок до 24 мая определить направление на стройку строительных организаций и подразделений для выполнения первоочередных работ на площадке (11 ГУ).

Поручить т. Лызлову А.Ф. подготовить структуру, организацию и положение работы дозиметрической службы для вновь созданного управления строительства.

По заявке управления строительства т. Якутину В.Н. обеспечить приборами и

оборудованием для дозиметрического измерения.

Председатель штаба по ликвидации аварии

Зам министра Усанов А.Н.

23.V.86 г.

Приложение 2—3

«Утверждаю»

Председатель Правительственной Комиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС

Заместитель Председателя Совета Министров СССР

Л.А. Воронин

ПРОТОКОЛ

основных мероприятий, связанных с организацией МСМ строительной организации на Чернобыльской АЭС

Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР создано строительное управление для ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, блок № 4.

С целью выполнения работ по ликвидации последствий аварии в установленные Правительством сроки

РЕШИЛИ:

1. Министерству авиационной промышленности передать на период ликвидации аварии базу строительной индустрии в полном составе сооружений, находящихся в стадии строительства, здание котельной с отведенной территорией.

2. Совету Министров Украинской ССР отвести землю, определенную под строительство предприятия МАП в г. Ивановке площадью 30 га для размещения на ней жилых городков ВСО и вольнонаемных работников.

3. Минэнерго СССР обеспечить снабжение электроэнергией БСИ и жилых городков МСМ в количестве 16000 кВт со строительством необходимых ЛЭП и подстанций.

4. Поручить строительной организации Минэнерго СССР организовать подвозку щебня транспортом привлеченных

Ликвидация последствий катастрофы

министерств и ведомств в количестве до 4000 м³ в срок до 15 июня 1986 года.

5. МПС передать МСМ временно на ст. Малин железнодорожные тупики грузового двора с козловым краном /три тупика южного развития станции/.

6. Предприятиям — владельцам указанных тупиков и грузового двора освободить прилегающую территорию от принадлежащих им грузов в срок до 30 мая 1986 года.

7. МПС восстановить железнодорожные тупики и провести их ревизию, ремонт.

8. Обеспечить преимущественный пропуск через переезд грузов со станции Малин на АЭС.

9. Горисполкому г. Малин организовать уборку контейнеров по фронту 40 м и передать площадь для размещения грузов МСМ.

10. Совету Министров Украинской ССР:

— рассмотреть и решить вопрос о выделении в аренду в городе Киеве здания гостиницы на 100 мест для организации и представительства МСМ с организацией телефонной связи, в/ч «Искра»;

— передать в аренду базу отдыха «Строитель» Укрремстроя Агрпрома в полном объеме сооружений и с обслуживающим персоналом, а также отвести 2 га площади для установки вспомогательных временных зданий;

— выделить административное здание в г. Чернобыль на 100 чел. для организации штаба строительства с обеспечением всех видов связи.

11. Министерству Обороны — организовать радиосвязь для МСМ ст. Малин, Иванков, Чернобыль и передвижную станцию на территории АЭС, обеспечить ежедневную дозиметрическую информацию на территории и в здании АЭС на 7.00 утра. По заданию строительной организации МСМ выполнять работы по дезактивации территории и проходов на станции и объекты работы.

12. Работы по дезактивации выполнять по указанию и согласованию с дозимет-

рической службой МСМ в сроки, установленные графиком производства работ.

13. Министерству Обороны выделить предприятию п/я Р—6476 две единицы ИМП—2, две единицы БМП—12 и одну БРЭМ для переоборудования с целью работы в зоне высокой активности.

14. Минэнерго СССР передать из наличия в счет строительной техники, предусмотренной постановлением Совета Министров СССР, два бетононасоса в комплекте с манипуляторами, бетоноводами и запчастями фирмы «Штеттер» (ФРГ) или «Вартингтон» (Италия).

15. МЭиЭ обеспечить поставку бетонной смеси к месту подачи собственным транспортом в объеме до 150 куб. м.

16. Госснабу Украинской ССР обеспечить на месте бесперебойное снабжение строительными материалами и ГСМ по заявкам строительных организаций.

17. Председателю Госснаба Украинской ССР т. Мостовому П.И. разрешить МСМ выделить для своего управления строительства через Киевскую контору Всесоюзного объединения «Изотоп» приборы и оборудование радиационного контроля в необходимом количестве.

Начальник штаба
по ликвидации
последствий
аварии

Заместитель
министра
А.Н. Усанов
«__» мая 1986 г.

Приложение 2—4

СОГЛАСОВАНО
А.Г. Мешков
« » _____ 1986 г.

УТВЕРЖДАЮ
Е.П. Славский
« » _____ 1986 г.

ПРОТОКОЛ

**Рассмотрения технических решений
по захоронению 4-го энергоблока
ЧАЭС и сооружений, связанных
с ним 28.05.86**

Присутствовали:

т.т. Мешков А.Г., Усанов А.Н., Беляев И.А., Барановский А.И., Аверьянов Ю.П., Жестков В.Г., Москвин К.Н., Мишинев

Г.П., Рудаков В.И., Юрченко Ю.Ф., Егоров М.Н., Курносков В.А., Елифанов А.Ф., Сухорученков Н.В., Цуриков Е.П., Моисеев И.К., Валентинов Ю.А., Дороднов В.Ф.

Рассмотрели варианты технических предложений по захоронению энергоблока № 4 ЧАЭС и сооружений, связанных с ним.

РЕШИЛИ:

1. Принять для дальнейшего проектирования и строительства следующие технические решения:

1.1. Предусмотреть охранное ограждение 4-го блока с созданием КПП, санпропускника и защищенного бытового здания.

1.2. Предусмотреть бетонирование площадей территории у 4-го блока в пределах охранного ограждения, с предварительным проведением мероприятий по дезактивации и обеспыливанию поверхностей.

1.3. Определить, по согласованию с Гидропроектом Минэнерго СССР состав вспомогательных сооружений в районе 4-го блока, подлежащих ликвидации одновременно с захоронением 4-го блока.

1.4. Получить от Минэнерго СССР проектное решение по отсечке и заглушке всех инженерных коммуникаций 4-го блока, а также зданий и сооружений, относящихся к нему; установить сроки выполнения этих работ силами Минэнерго СССР.

1.5. Предусмотреть устройство защитных стен по периметру 4-го энергоблока в конструктивном исполнении по варианту, предложенному Оргстройпроектом, с учетом радиационной обстановки и принципиальным решением защитных конструкций по захоронению 4-го блока.

1.6. Предусмотреть разделительную стенку в машинном зале между блоками № 3 и № 4, а также бетонирование подвала до отм. +0,00 части машинного зала для 4-го блока.

Место расположения разделительной стенки согласовать с Минэнерго СССР.

1.7. Предусмотреть разделительную

стенку между блоками № 3 и № 4 в блоках «В», «Д» и ВСПО.

Конфигурацию разделения помещений по границам разделения № 3 и № 4 блоков получить в Минэнерго СССР.

1.8. Защитную конструкцию для захоронения 4-го блока выполнять по этапам:

1.8.1. Бетонирование завала и разрушенных мест с очагами активности (с целью снижения уровня радиации на время производства работ);

1.8.2. Засыпка 4-го блока камнем и щебнем и другими материалами;

1.8.3. Создание перекрытия из металлических конструкций над центральным залом с обеспечением вентиляции.

Окончательное защитное и изолирующее покрытие — слоем железобетона.

1.9. Проработать схему приточно-вытяжной вентиляции с очисткой сбросного воздуха.

1.10. Предусмотреть установку КИП для замера различных показателей.

2. Подготовить задание Министерству обороны СССР и УС 605 для составления картограммы радиационной обстановки по блоку № 4 и связанным с ним сооружениям.

3. Представить до 16.00 29.05.86 график выполнения проектных работ и выдачи заданий привлекаемым организациям по указанным выше этапам работ.

Ответственный — т. Курносков В.А.

4. Представить до 16.00 29.05.86 график разработки проекта производства работ по указанным выше этапам.

Ответственный — т. Егоров Н.Н.

5. Представить до 30.05.86 на утверждение руководству Министерства проект технического задания по указанным выше работам.

А.Н. Усанов

Из разработанных нормативных документов следовало, что цель проекта «Укрытие» сводилась к следующему [2.2.3.]:

«Обеспечить надежное захоронение 4-го блока и относящихся к нему сооружений с гарантией надежного теплоотвода, вентиляции, защиты от проникающего излучения, а также предотвращения выходов радиоактивных продуктов. Захоронение блока должно было обеспечить безопасную эксплуатацию блоков № 1 и № 2 АЭС. Возможность эксплуатации блока № 3 должна определяться после подробного обследования его состояния.

Исходное для проектирования «Укрытия» распределение ядерного топлива предполагалось таким:

95% — в шахте реактора;

3% — на кровлях, в разрушенных помещениях, на промплощадке;

2% — за пределами площадки.

На основании анализа результатов радиационно-технической разведки, состояния поврежденных конструкций и оборудования были приняты следующие конструктивные решения по захоронению 4-го энергоблока ЧАЭС:

1. Отделить 4-ый энергоблок от 3-го защитной железобетонной стеной.

2. По периметру 4-го энергоблока возвести защитные железобетонные стены толщиной, необходимой для обеспечения биологической защиты от ионизирующих излучений и выполнения конструктивных функций.

3. Над основными сооружениями энергоблока возвести перекрытие и покрытие, исключаящее выброс радиоактивных аэрозолей и не допускающее попадание атмосферных осадков внутрь изолируемых помещений.

4. Для обеспечения оптимального температурно-влажностного режима внутри помещений консервируемого энергоблока предусмотреть систему принудительной вентиляции с установкой вентиляционных воздухопроводов при устройстве конструкции защиты.

Директивный срок исполнения «Укрытия» был определен в сентябре 1986 г.

Главным разработчиком и проекти-

ровщиком «Укрытия» был назначен институт ВНИПИЭТ. Бригаду проектировщиков возглавил главный инженер ВНИПИЭТ В.А. Курносов.

«Поле битвы» было распределено между двенадцатью районами. 1-й район вел работы с северной стороны центрального зала 4-го блока, 2-й район — с западной стороны, 3-й — с южной стороны, т.е. вдоль машзала, 4-й район возводил стенку между 3 и 4 блоками машзала и работал на деазраторной этажерке, 5-й район возводил бетонные заводы и давал бетон, 6-й район возводил в помещениях 3-го блока разделительную стенку между 3 и 4 блоками и укладывал бетон в каскадную стенку, 7-й район работал на объектах соцкультбыта, 8-й район обеспечивал перегрузку бетона в поселке Копачи, 9-й район сооружал военные городки, 10-й район строил материально-техническую базу для Управления строительства УПТК—1, 2, 3, жилпоселок «Вахта—1000», 11-й район обеспечивал работу бетононасосов, 12-й район занимался дезактивацией техники».

Чтобы можно было представить масштаб работ по сооружению «Укрытия», приведем краткую справку о выполняемых объемах работ в течение нескольких дней в июле 1986 г. [2.2.3.]:

«В период с 13 по 16 июля стройка резко наращивала темпы 1000—1500—2000—2500 м³ бетона в сутки. Это требовало транспорта, шоферов, специалистов. Комплектацию штата водителей стали производить по районам с закреплением миксеров. Станция Тетерев была забита материалами, цементом, металлоконструкциями. Разгружали до 100—130 вагонов в сутки. В.М. Бедняков начинал и кончал свой рабочий день на переходном железнодорожном мосту, контролируя и направляя весь огромный поток грузов. Разгрузку цемента начали с 5—10 вагонов, а закончили 25—40 вагонами в сутки. 2500 тонн цемента разгрузить и перевезти за 120 км — героический труд. Особенно сильное впе-

чатление было ночью, когда возвращались. Огни автомобилей вспыхивали с интервалом в 3—4 минуты, задремлешь, и если нет долго вспышек света от фар, моментально просыпаешься, как будто что-то случилось, но вот пошли машины и снова дремлешь».

Несколько слов о стиле работы начальника УС—605 (вторая смена) [2.2.3.]:

«Совещания у Г.Д. Лыкова проходили кратко — 20—25 минут. Руководители уже до этого успевали обменяться мнениями. Вопрос стоял на первом этапе основной — укладка бетона и работа бетонных заводов. В дальнейшем вставляли вопросы монтажа и что надо сделать, чтобы его обеспечить. Потому что монтажный район, возглавляемый В.И. Рудаковым, в большинстве своем не нуждался в подсказках: там были собраны лучшие кадры отрасли по монтажным работам. После оперативки коротко решали более узкие вопросы: перестановка бетононасосов, режим работы кранов, расписывая его по часам.

Подводя итоги второй смены, надо отметить, что основные технические решения по конструктиву были закончены именно в этот период и на 80% выполнены в металле. Самое важное в этой работе то, что, несмотря на коллективный труд, бригада ВНИПИЭТ выдавала чертежи и решения за своей подписью, и, тем самым, люди брали на себя персональную ответственность. И эти документы, и чертежи легли в основу папки сдачи объекта в эксплуатацию и подписания акта Госкомиссией.

Только один случай, как выбор опор в машзале или отказ от биозащиты перекрытия вызвал такую бурную реакцию, что трудно себе представить.

Предложение ВНИПИЭТ — как гром среди ясного неба. Они предложили использовать в качестве опор сохранившиеся после аварии конструкции. Это был огромный инженерный риск, так как сложная радиационная обстановка не позволяла определить характер разру-

шений и оценить несущую способность оставшихся конструкций. Кроме того, не исключалась возможность их обрушения при выполнении работ. А это, по мнению специалистов-физиков, могло повторить взрыв реактора.

Но мы не могли поступить иначе, проблему надо было решать, этого ждали вся страна и мир. Это был единственный, как выяснилось потом путь.

Да, мы рисковали, но риск был оправдан. За плечами был опыт проектирования подобных объектов, знание конструкций, выполнение необходимых расчетов, предварительных испытаний наиболее конструктивных элементов. Наши проектные предложения рассматривались на всех уровнях и даже на Политбюро ЦК КПСС (высшем органе, существовавшем в то время). На нас сыпались обвинения с разных сторон. Считали проект и авантюрным, и невыполнимым. Нашлись скептики и во ВНИПИЭТе, которые звонили из Ленинграда и говорили: «Что вы делаете? Все обрушится. Зачем рискуете?». Но, несмотря на все это, удалось доказать надежность наших решений, и проект был утвержден. Но критика продолжалась, особенно со стороны института «Гидропроект». В сентябре — октябре 1986 г., в период самого интенсивного возведения «Укрытия», к руководителю бригады авторского надзора в Чернобыле И.К. Моисееву обращались почти ежедневно работники КГБ с разными вопросами на тему надежности возводимого сооружения. Приходилось много времени тратить на объяснения и доказательства.

В конечном счете, комиссия Госстроя СССР оценила проектировщиков и строителей, которые спроектировали объект «Укрытие», как уникальных специалистов высочайшей квалификации, и стоять этому объекту не менее 30 лет.

Проектировщики ВНИПИЭТ и привлеченных институтов с полной ответственностью могли рапортовать в сентябре о выпуске всей проектной документации. Необходимо отметить, что в то же вре-

мя был проведен целый ряд исследований и приняты решения, важные для дальнейшей работы. Были подробно исследованы аэрозольные выбросы из реактора и оценено влияние атмосферных осадков на тепловой баланс «Саркофага». Результат исследований — аэрозольная обстановка на площадке в пределах нормы, а влияние атмосферных осадков не скажется негативным образом, так как разрушенный реактор уже заливали водой при дезактивации крыш в количествах больших, чем предполагаемые дожди.

Группа ученых Института атомной энергии под руководством А.А. Тутнова рассмотрела возможность исключения биологической защиты на перекрытии над реактором. Результаты расчетов показали, что отказ от защиты увеличит радиационный фон вокруг «Саркофага» незначительно, а прямое излучение через крышу, хотя и велико — порядка 60—70 рентген в час — не страшно, так как полеты самолетов и вертолетов над АЭС запрещены».

Но были в напряженной и ответственной работе строителей «Укрытия» и небольшие «отдушины». Вот как характеризуется такое событие [2.2.3.]:

«День строителя — святой день. Отметим ночью. Собрался настоящий штаб. Я, Володя Рудаков, Ю. Савинов, Г. Лыков, В. Мазаев, приехали поздравить строителей Г.Г. Ведерников, С.И. Гуренко и В.А. Поделякин. На столе огромные блюда с жареными белыми грибами: собрали в местном лесу — их было много в ту пору. Хорошо посидели, попели русские и украинские песни. Какая бы не была беда, а люди остаются людьми. Утром снова на работу, как будто ничего не было».

При этом необходимо напомнить, что в 30-км зоне был введен «сухой закон».

Чтобы представить условия работы по созданию «Укрытия» достаточно сказать, что [2.2.3.]:

«Уровень радиации в конце мая — начале июня на территории, примыкаю-

щей непосредственно к 4-му энергоблоку, составлял от 60 до 300 рентген в час.

На расстоянии 100 метров — около 5—10 рентген в час. В помещениях, примыкающих к энергоблоку № 4 — от 1,5 до 10 рентген в час, на расстоянии до 20 метров от открытых проемов — от 20 до 60 рентген в час. В помещениях 1-го и 2-го энергоблоков уровень радиации не превышал 0,1 рентгена в час, на примыкающей к ним территории — 0,5—1 рентген в час».

Для выполнения работ по захоронению 4-го энергоблока 15 мая было принято решение создать специальное управление строительства № 605, а 23 мая было начато строительство палаточного городка в поселке Иванково, в 50 км от Чернобыля.

Аппарат управления строительства был небольшим по численности. Были созданы следующие отделы: производственно-диспетчерский — 19 чел., технический — 5 чел., отдел главного механика — 3 чел., отдел главного энергетика — 3 чел., монтажный отдел — 3 чел., отдел организации труда, отдел техники безопасности и безопасности движения — 5 чел., отдел дозиметрического контроля — 3 чел., канцелярия — 3 чел. Основные направления работы возглавлялись опытными специалистами в ранге заместителей начальника управления строительства и заместителей главного инженера.

На дислокацию баз и жилья оказала влияние радиационная обстановка. Чтобы исключить доступ «чистых» машин в «грязную» зону на станцию, в пяти км от АЭС был построен специальный узел перегрузки. Все грузы, включая такой массивный, как монолитный бетон, разгружались с автотранспорта условно чистой зоны и доставлялись с узла перегрузки на АЭС в других транспортных средствах.

В самые напряженные месяцы на стройке численность специалистов УС—605 второй и третьей смен составляла: вторая — 9347 чел., в том числе: стро-

ителей и монтажников — 2862 чел., ИТР — 1269 чел.; третья — 11000 чел.

В первых числах июня было начато строительство бетонного завода и причала для инертных материалов в трех км от Чернобыля. За 15 дней была смонтирована и залущена первая установка по изготовлению бетона. 10 июля все три установки производительностью 6000 кубических метров бетона в сутки (при непрерывной работе) были подготовлены к работе. Доставка инертных материалов производилась речным путем. Цемент поступал по железной дороге на станцию Тетерев и завозился на бетонный завод цементовозами. Суточная поставка цемента доходила до 2,5 тыс. тонн (расстояние 100 км).

В протоколе совещания, проведенном министром МСМ Е.П. Славским 25 июня 1986 г., зафиксированы конкретные результаты, которые должны быть достигнуты коллективом строителей УС—605, в том числе, о выпуске и укладке бетона в сооружения блока № 4 и площадей прилегающих территорий в суточном объеме не менее 4000 м³ [2.2.3.].

Управление строительства было оснащено самой современной отечественной и зарубежной техникой. Всего в управлении механизации и автотранспорта насчитывалось около 1000 единиц. 160 автобусов работало на вывозке рабочих и ИТР до узла перегрузки. 80 автобусов с освинцованными салонами перевозили рабочих по сменам на АЭС и обратно.

На подаче бетона работали производственные бетононасосы, автобетононасосы. Автобетононасосы Западногерманских фирм «Пугцмайстер» и «Швинг» имели стрелы для подачи бетона до 52 и 46 м, оборудованы выносными пультами управления и телекамерами. Объем укладки одним автобетононасосом в сутки доходил до 1200 кубических метров бетона.

На монтаже металлоконструкций использовались уникальные краны фирмы

«Демаг», грузоподъемностью с основной стрелой до 600 т. Этими кранами осуществлялся монтаж укрупненных блоков металлоконструкций весом 160—180 т. при вылете стрелы до 78 м, высоте монтажного уровня 63 метра.

На вывозке бетона было задействовано 108 автобетоносмесителей (миксеров) Таймузинского завода и 80 автосамосвалов Минского автозавода. Вывозка щебня, суточная доставка которого в отдельные дни доходила до 3 тыс. кубометров, осуществлялась автосамосвалами КРАЗ, имеющими защищенные кабины.

При захоронении 4-го энергоблока намечалось решить 2 основные задачи:

1. Подавить фон радиации на близлежащей территории от завалов конструкций и прямого излучения остатков топлива из реактора.

2. Выполнить радиационную защиту 3-го энергоблока для последующего ввода его в работу.

Окончательно были приняты следующие технические решения:

между третьим и четвертым энергоблоками предусматривалось устройство монолитных бетонных стен до отметки +12 м, выше, по рекомендации ученых МИФИ, — закладка проемов полнотелыми блоками и освинцовка существующих стен в местах с недостаточной радиационной защитой;

разделение машинного зала и энергоблока № 4 предусматривалось поэтажным бетонированием коридоров диафрагменной этажерки до отметки +30 м;

с внешней стороны на завале бетонировался каскад монолитных стен: уступами по 12 метров на высоту 43 м в металлической несъемной опалубке;

покрытие реакторного зала было выполнено из стальных толстостенных труб длиной 35 м, по металлическим балкам пролетом 44 и 52 м. В качестве опор под балки были использованы сохранившееся монолитные шахты и торцовые стены.

Всего необходимо было уложить в

конструкции захоронения энергоблока 360 тыс. кубометров бетона и смонтировать около 6 тыс. тонн металлоконструкций. Кроме того, для снижения радиационного фона на прилегающей территории предстояло уложить полуметровый слой бетона — более 100 тыс. кубометров.

Работы по захоронению 4-го энергоблока были начаты в конце июня с бетонирования площадок. Из 360 тыс. кубометров бетона в июне было уложено 4,6 тыс. кубометров, в июле — 66 тыс. кубометров. Новосибирцам, работникам «Сибкадемстрой», пришлось работать в наиболее напряженный период времени: с 20 июля по 1 октября. В этот период было завершено устройство основных бетонных конструкций. Темпы суточной укладки бетона в августе составляли 5,2 тыс. кубометров, а в отдельные дни — 5,6 тыс. кубометров. Для сравнения: все подразделения «Сибкадемстрой» в летние месяцы больше 700 кубометров бетона в сутки не принимают. Уже к 15 сентября из 360 тыс. кубометров бетона было уложено 298 тыс. кубометров.

В сентябре была проведена подготовительная работа по монтажу металлоконструкций. Было изготовлено и получено 4,8 тыс. тонн м/к, из них 3,6 тыс. тонн прошло укрупнительную сборку, а в 1,4 тыс. тонн смонтировано.

С 10 сентября по 1 октября была запроектирована, изготовлена и смонтирована приточная и вытяжная вентиляция — более 3000 м. Высокая интенсивность работ требовала четкой организации строительства и работы с полной отдачей сил как от руководителей, так и от рабочих.

Условия работы были необычными. Напряженный непрерывный круглосуточный режим работы изо дня в день, без выходных дней, до полного завершения работ. Наличие высокого фона радиации на рабочих местах требовало строгого соблюдения режима работ. Была установлена норма облучения — не бо-

лее 2-х рентген в сутки, не более 25 рентген за все время пребывания на работах по восстановлению. Меры радиационной безопасности требовали, например, для круглосуточной работы ставить в сутки на один бетоносмеситель для вывоза бетона 10—12 водителей. То есть в одну смену водитель делал в опасную зону 3—4 рейса, затем его заменял другой, и так все четыре смены. Из-за требований радиационной безопасности каждые два месяца планировалась замена работающих, повышенное внимание уделялось санитарии. На рабочих местах были организованы санпропускники. Дозиметрическая служба осуществляла контроль облучения всех работающих. Спецодежда при повышенном загрязнении радиационной пылью подлежала замене.

Родина высоко оценила труд работников 605 управления строительства и наградила правительственными наградами:

1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.12.86 г. № 6245-ХІ за мужество, самоотверженные действия и трудовой героизм, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении ее последствий, присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» т. Лыкову Геннадию Дмитриевичу — начальнику Управления.

2. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.12.86 г. № 6248-ХІ за самоотверженный труд, проявленный при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении ее последствий, 21 работник управления строительства «Сибкадемстрой» награждены орденами и медалями.

Заслуженно в исследованиях отмечается вклад военных строителей при создании «Укрытия» [2.2.3.]:

«Отдельно надо сказать про разделительную стенку между третьим и четвертым блоками. Мы ни на минуту не отбрасывали мысль о пуске третьего

блока, говорили даже о турбинах четвертого блока, о будущем их демонтаже и использовании. Строители делали основание шириной 12 метров, забетонировав пространство с отметки -4.20 до 0.00 , и возводили стенку из металлокаркасных блоков до отметки $+21.6$ толщиной 2,3 метра. Монтаж проводился порталным краном с управлением из защищенной освинцованной кабины. Далее переход на метровую толщину под фермы с монтажом при помощи консольного крана, смонтированного на портале. Швы и стыки обваривались пластинами.

Образованный объем заливался бетоном. Особенно тяжело достался монтаж и бетонирование под потолком зала. Из мелких блочков все собирали вручную. И монтаж, и заливка проходили в условиях жесткого радиационного излучения с кровли машзала.

Надо отметить большой вклад в эту работу добровольцев — военных строителей из числа резервистов. В сентябре эта стена была полностью закончена и наведен порядок на третьем блоке. Стенку окрасили в свинцово-синий цвет. И до сих пор бытует мнение, что она облита свинцом».

Во взаимодействии с основными создателями «Укрытия» трудились коллективы других министерств и ведомств. В качестве примера представим вклад НИФХИ им. Л.Я. Карпова, сотрудники которого принимали активное участие в мониторинге радиоактивных аэрозолей и газов [2.2.4.]:

«14 сентября на заседании Правительственной комиссии, которое вел заместитель председателя Совета Министров СССР Г.Г. Вехерников, я сделал обобщающий доклад о результатах исследований. Из состава радионуклидов следовало, что остатки топлива в развале реактора вели себя стабильно. Цепных реакций не наблюдалось. Концентрация радионуклидов, кроме цезия—144, не превышала величин, предельно допустимых. Температуры на поверхно-

сти развала, практически, не отличались от дневных температур окружающего воздуха. Таким образом, реактор затухал.

Наши заключения для проектировщиков «Саркофага» состояли в том, чтобы не обустроить систему приточной вентиляции и не заделывать существующие проходы, проломы, трещины, чтобы организовать направленный воздушный поток. Сложившаяся конвекция обеспечивает нормальный съем тепла и не приведет к большому выносу радиоактивных веществ.

Во-вторых, крышу «Саркофага» мы рекомендовали выполнить с жалюзи, которые обеспечивали бы проход сложившихся конвективных потоков, но в любой момент могли быть перекрыты, если бы датчики, установленные над развалом, зафиксировали рост гамма или нейтронного излучения, повышенного выделения радиоактивных аэрозолей или газов. В этом случае в работу должна вступить фильтровальная станция и другие системы подавления образования и выхода газоаэрозольных радиоактивных веществ.

В октябре, во время пребывания В.А. Легасова в Чернобыле, была окончательно согласована схема организации вентиляционных потоков из «Саркофага». В 70-метровую вентиляционную трубу, поднимавшуюся над блоком В, был положен байпас — цилиндрический короб с сечением около полутора метров. В нем были установлены приборы для радиационного мониторинга отходящих газов, в частности для отбора аэрозолей, определения их радионуклидного состава и концентраций. Подобные и многочисленные другие датчики, в том числе для определения нейтронов, а также средства пылеподавления были размещены внутри «Саркофага». В случае аварийной ситуации должна была включаться система орошения. При этом байпас перекрывался, и весь вентиляционный поток направлялся в фильтрационную станцию, где воздух проходил

через высокоэффективные волокнистые материалы фильтра Петрянова и очищался от самых мельчайших радиоактивных частиц.

В ноябре 1986 г. строительство «Саркофага» завершилось. Ядерный джин в виде многотонных остатков ядерного топлива и долгоживущих продуктов деления был вновь упрятан в «бутылку».

За минувшие с той поры годы по стране и миру ходили «страшилки» о новых взрывах в развале IV блока ЧАЭС, о радиоактивных облаках, вырвавшихся в атмосферу из «Саркофага». Как человек и специалист, проработавший в 30-км зоне Чернобыльской АЭС в течение 10 лет после аварии, могу сказать, что ни разу вентиляционные потоки из «Саркофага» не пришлось переключать на станцию очистки в блоке В, снаряженную нашими фильтрами. Значит, остатки ядерного горючего ведут себя стабильно и находятся под контролем».

На заседании ПК 5 октября 1986 г. под председательством Б.Е. Щербини анализировались причины срыва сроков выполнения работ по консервации ЭБ

№ 4. Было заслушано сообщение зам. министра Минсредмаша А.Н. Усанова о проделанной работе. В решении ПК было предложено Минсредмашу принять меры по ускорению окончания всех работ по консервации ЭБ № 4 с безусловным обеспечением требуемой надежности сооружения.

В ноябре 1986 года «Укрытие» было принято в эксплуатацию. Для этой цели распоряжением СМ СССР от 23.10.1986 г. № 2126рс была образована специальная государственная комиссия. В ее состав были включены министры, их заместители, ученые, представители СМ Украины и др.

28 ноября рабочая комиссия под председательством Н.А.Штейнберга — главного инженера ЧАЭС проверила готовность систем ядерной безопасности, представленную документацию и определила готовность законсервированного объекта «Укрытие» к техническому обслуживанию, закончила приемку готовых объектов и подписала акт. 30 ноября 1986 г. акт был подписан Госкомиссией.

ВКЛАД УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

От редакции. Медицинское обеспечение радиационной безопасности населения и ликвидаторов было одной из важнейших задач в общей системе ЛПК на ЧАЭС.

Основные усилия высших органов государственного управления оперативными группировками в ходе ЛПК были сосредоточены на сохранение здоровья населения, подвергшегося радиоактивному загрязнению. Об этом докладывал председатель ОГ ПБ ЦК КПСС Н.И. Рыжков на Первой сессии ВС СССР 12 июля 1989 г. [2.3.1.].

«Это была особая ситуация. Я должен сказать, что были привлечены огромнейшие людские силы, материальные ресурсы для того, чтобы погасить очаг аварии, который там возник. Мы

не знали о тех последствиях, которые могли произойти, они порой могли быть гораздо худшими, нежели те, которые произошли. Мы вынуждены были, и правильно сделали, что подключили лучших ученых... Все делалось для того, чтобы в первую очередь учитывать интересы... человека, его здоровье, его состояние».

Примером неэффективного функционирования одной из подсистем управления, в случае нарушения принципов ее формирования, может послужить работа Минздрава СССР в первый период ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Достаточно отметить, что уже на первом заседании ОГ Политбюро ЦК КПСС было принято решение об организации

медицинского обслуживания населения в районах радиационного загрязнения. В нем, в частности, отмечалось: «Обратить внимание т. Буренкова (министр здравоохранения СССР) на серьезные недостатки в организации медицинского обеспечения населения, эвакуированного из района аварии, и оказании необходимой врачебной помощи. Обязать т. Буренкова срочно вылететь на место для принятия исчерпывающих мер по коренному улучшению всей этой работы» (протокол заседания ОГ ПБ ЦК КПСС от 29 апреля 1986 г. №1).

В дальнейшем вопросы медицинского обеспечения населения, пострадавшего в результате катастрофы, систематически рассматривались на заседаниях оперативной группы. В мае — фактически на всех заседаниях (протоколы заседаний № 1—19).

Так, на заседании ОГ Политбюро 3 мая вновь отмечалась неудовлетворительная организация работы Минздрава СССР по обследованию населения, эвакуированного из районов повышенной радиации (протокол № 4 от 3.05.86 г.).

В своих воспоминаниях о Чернобыльской трагедии Н.И. Рыжков отмечает: «Медицина, ведомая впрямую подчиненным мне Министерством здравоохранения, оказалась попросту неготовой к работе в экстремальных условиях, когда счет шел даже не на часы — на минуты» [2.3.1.].

Со всей наглядностью тяжелыми последствиями в ходе ЛПК на ЧАЭС сказались и ведомственное подчинение Третьего ГУ МЗ СССР Минсредмашу.

В подтверждение сказанного об отсутствии необходимого порядка в вопросах радиационной защиты достаточно привести мнение заместителя министра Минэнерго СССР А.Н. Семенова [2.2.1.]:

«В первые несколько дней пребывания на месте аварии мы не имели ни индивидуальных дозиметров, фиксирующих уровень радиации, ни специальных таблеток, снижающих насыщение организма йодом, ни спецодежды и других защитных средств. Ни Минздрав

СССР, ни Минздрав Украины не смогли оказать пострадавшим медицинскую помощь». И далее: «...То, что в первые дни после аварии людям, находившимся в г. Припять, не выдавали таблетки йодистого калия для защиты щитовидной железы от радиоiodа, объяснить трудно. На складах г. Припяти и г. Чернобыля имелся достаточный запас этого препарата, однако, из-за неоперативности и некомпетентности медицинских органов решение о проведении йодной профилактики Киевским Облздравотделом Минздрава Украины было принято только 6 мая 1986 года, когда острота этой проблемы миновала, потому что период полураспада радиоiodа составляет всего 8 суток».

Потребовалась перестройка работы Минздрава и его учреждений в пострадавших районах. Для координации работ была сформирована оперативная группа, а с 1 мая начала функционировать Правительственная медицинская комиссия СССР. В Москве, Киеве, Минске, Ленинграде, Брянске и Обнинске была проведена перепрофилизация ряда медицинских учреждений для обследования пострадавших и оказания им медицинской помощи.

Начала реализовываться Всесоюзная программа научных исследований по изучению медико-биологических последствий катастрофы на ЧАЭС. Развернуто около 1000 пунктов и лабораторий дозиметрического и радиометрического контроля. К концу первого года после катастрофы только учреждениями санэпидемслужбы было проведено около 20 млн. измерений МЭД гамма-излучения в населенных пунктах, 500 тыс. исследований питьевой воды и воды в открытых водоемах, 30 млн. измерений уровней радиоактивного загрязнения поверхностей, проанализировано 700 тыс. проб молока и молочных продуктов и др.

Вместе с тем, имелись просчеты и недостатки, породившие социально-психологическую напряженность, недо-

верие к прогнозам специалистов по радиационной безопасности и радиационной медицины о возможных медицинских последствиях катастрофы.

В первые пять-шесть суток после катастрофы советские средства массовой информации не публиковали сведений о характере и масштабах катастрофы, а также о радиационной обстановке в различных регионах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Не были мобилизованы необходимые средства для оперативного ознакомления населения с рекомендуемым режимом поведения на загрязненной территории и мерами обеспечения безопасности. Так, уже 30 апреля 1986 г. Минздрав СССР наложил запрет на потребление молока коров, находящихся на этой территории в личном пользовании, однако местные органы власти это решение не довели до каждого жителя. В результате дозовые нагрузки на щитовидную железу оказались выше тех, которые были бы реализованы при выполнении рекомендаций медиков.

Катастрофа выявила крайне низкий уровень знаний о действии ионизирующих излучений на человека, о границах опасности радиационного фактора, об эффективности средств защиты не только у широких кругов населения, но и у врачей и педагогов, которые играют решающую роль в формировании общественного мнения. Это приводило к искажениям оценок радиационного фактора, склонности к восприятию дезинформации. Более того, в ряде случаев именно врачи являлись источниками неправильных оценок и рекомендаций.

Сообщение о катастрофе на ЧАЭС было получено Третьим ГУ МЗ СССР непосредственно из медико-санитарной части (МСЧ—126) г. Припяти.

От дежурного по Третьему ГУ информация о случившемся на ЧАЭС в 4 час. 15 мин. 26.04.86 г. была передана в клинический отдел ИБФ. Сообщение было кратким: авария, пожар, пострадавшие от тепловых ожогов, не исключены лучевые поражения.

Вот как характеризует клинический отдел его руководитель, в настоящее время д.м.н. Г.Д. Селидовкин [2.3.3.]: «Клинический отдел Государственного центра России — Института биофизики — специализированное учреждение для оказания медицинской помощи при облучениях. В нем сконцентрировано подавляющее большинство сведений по клиническим наблюдениям болезней с различной лучевой патологией, в то время как в других учреждениях подобного профиля они являются единичными, ограничиваясь, преимущественно, какой-либо одной формой болезни. В архивах клиники имеются сведения о 154 аварийных ситуациях с вовлечением более 1000 человек, более 440 из них с клиническими проявлениями острой лучевой болезни различной степени тяжести».

Еще в дочернобыльский период в ИБФ были созданы небольшие аварийные бригады, укомплектованные специалистами, необходимым оборудованием при аварии для оценки радиационно-гигиенического и клинического анализа сложившейся обстановки на месте.

В 5 час. 45 мин. 26 апреля 1986 года аварийная бригада была собрана в клинике ИБФ. В 16 часов она прибыла в медико-санитарную часть (МСЧ) ЧАЭС (г. Припять).

В воспоминаниях руководителя клинической группы этой аварийной бригады специалистов отмечается следующее [2.3.4.]:

«Первые сведения о необходимости сбора члены аварийной дежурной выездной бригады получили около 5 часов утра 26.04.86 г., и уже к 5.45 все участники находились в приемном отделении больницы, где получили командировочные документы и деньги.

Сначала полагали сбор тренировочным. В первую очередь, это было обусловлено отсутствием у членов бригады какой-либо надежной и объективной информации.

В 7.15, наконец, поступило распоря-

жение о необходимости прибытия в Минэнерго. В 11.30 бригада была направлена на аэродром и самолетом Гражданской обороны вылетела в г. Киев. Автобусом вся бригада была доставлена до г. Припять (16.00), попытки получить хоть какие-нибудь сведения сначала у членов комиссии, а потом и у администрации АЭС к успеху не привели, и было решено самостоятельно двигаться в МСЧ».

Раскрывая вклад медицины на первом, тяжелейшем этапе, для пострадавших сотрудников на АЭС и пожарных, необходимо отметить неготовность здравпункта ЧАЭС к действиям в аварийной ситуации.

С особой горечью это отмечает академик Л.А. Ильин [2.3.5.]:

«...На случай аварии организационный механизм оказания доврачебной помощи на АЭС определен соответствующими инструкциями достаточно четко. Пострадавшие должны поступать в здравпункт АЭС. Здесь осуществляется необходимый объем доврачебной медицинской помощи, санитарная обработка пострадавших, их переодевание и направление в стационар. Здравпункт ЧАЭС, в котором в ту ночь дежурил один фельдшер, оказался неподготовленным к приему и обеспечению медицинской помощи большому числу пострадавших... В здравпункте АЭС не хватало лекарств, не оказалось необходимого запаса препаратов стабильного йода, осуществлять санитарную обработку людей не представлялось возможным из-за отсутствия персонала и необходимого запаса чистого белья...»

Конечно, критические замечания, высказанные академиком Л.А. Ильиным справедливы. Но необходимо заметить, что здравпункт АЭС и не был рассчитан на катастрофу с такими тяжелейшими последствиями.

На фоне общей неподготовленности здравпункта ЧАЭС по многим откликам персонал МСЧ—126 г. Припяти в сложнейших условиях справился с эвакуацией пострадавших. Несмотря на высокие

уровни радиоактивного загрязнения сотрудников АЭС, поступавших в больницу, нехватку медперсонала, запасов медикаментов коллектив больницы выполнил все зависящее от него.

Всего за трое суток в МСЧ—126 было обследовано более 350 человек, произведено более 1000 анализов крови. Всем пострадавшим оказывалась необходимая медицинская помощь.

Прибывшая из ИБФ (г. Москва) аварийная бригада приняла участие в осмотре пострадавших, их сортировке в зависимости от тяжести поражения, консультации врачей, подготовке к отправке в Москву наиболее облученных. В работе [2.3.4.] достаточно подробно раскрыт вклад персонала МСЧ, представим фрагмент этого эпизода:

«Оценив сложившуюся ситуацию и необходимость вывода с объекта нескольких сотен людей, бригады скорой помощи правильно использовали свои машины для транспортировки в МСЧ пациентов лишь с явной первичной реакцией (повторная многократная рвота, сильная головная боль, слабость и т. п.) и больных с комбинированным поражением. Всех других вывозили на автобусах АЭС, часть уехала на собственном автотранспорте. Среди этого контингента врачи выделили группы для немедленного наблюдения (лечения) в стационаре и наиболее легких для поликлинического наблюдения в дневные рабочие часы с отсроченным решением вопроса госпитализации.

Принятие такого простого и правильного решения и без какого-либо ущерба для здоровья пострадавших и вовлеченных в аварию позволило снизить одномоментную нагрузку на стационар и тем самым обеспечить более рациональное размещение и обслуживание поступающих на госпитализацию, сконцентрировать усилия на лечении наиболее в нем нуждающихся.

В МСЧ имелась возможность сразу приступить к госпитализации пострадавших.

Приемное отделение МСЧ было выстлано пластиковой пленкой, персонал его, в отличие от бригад скорой помощи, использовал средства индивидуальной защиты (СИЗ). Однако, двери и окна отделения были открыты, через помещение при приеме пострадавших и их осмотре постоянно проходил медперсонал других отделений в обычной одежде.

К приезду аварийной бригады подавляющее большинство пострадавших уже было госпитализировано, уже имелись сведения о самых первых проявлениях первичной реакции: сведения о рвоте, артериальное давление, температура тела и т. п., сделаны первые анализы периферической крови. Совокупность этих данных и результатов повторных исследований крови (абсолютная лимфоцитопения проявляется только к концу первых суток, а оценка по первичному лейкоцитозу, нейтрофилезу очень неточная — за сутки сделано около 500 анализов крови) и проявлений поражения слизистых, кожи позволила к 23.00 часам 26.04.86 выбрать наиболее тяжелых пациентов для направления в специализированный стационар. Повторные осмотры (с 5.00 часов утра — для оценки гиперемии необходимо естественное освещение) и исследования крови дали возможность сформировать к 9.00 утра 27.04.86 второй эшелон направленных в Клинику ИБФ.

Ряд пациентов от поездки в Москву отказался и был госпитализирован в областную больницу, куда поместили и лиц с подозрением на ОЛБ легкой и средней тяжести».

Анализируя эффективные и мужественные действия персонала МСЧ—126, было бы несправедливым умалчивать об имевших место недостатках и недоработках отдельных служб в г. Припяти в этот период. В качестве примера приведем следующее [2.3.7.]:

«В первые сутки радиологическую разведку территорий не проводили, и факт загрязнения МСЧ первым же выб-

росом был неизвестен и не установлен дозиметристом АЭС.

Ситуация повторилась и при проведении эвакуации пострадавших в специализированный стационар, когда вследствие одного из последующих выбросов территория МСЧ была загрязнена до уровня 500 мкР/час. В итоге это привело к загрязнению местного автотранспорта, двух самолетов, а также машин скорой помощи, территории и помещений клиники ИБФ, оказывавшей специализированную помощь и занявшей отделения клинической больницы № 6 в г. Москве.

Кроме того, отсутствие должной радиационной разведки привело:

к движению автобусов, выделенных для эвакуации жителей г. Припять, через загрязненную зону и вывозу «чистых» людей из чистой территории в радиационно-загрязненных автобусах, опять через ту же полосу загрязнения;

решению об отказе от необходимой, как выяснилось позже, санитарной обработки на этапе эвакуации;

направлению около 30000 жителей в радиационно-загрязненную зону (до 100—250 мкР/час) и последующей их реэвакуации вместе с жителями района (около 100000).

Отсутствие сведений об уровнях доз возможного внешнего облучения при проведении работ по ликвидации последствий аварии и заверения службы Главного инженера о недопущении превышения планируемого облучения свыше 0,25 Гр во всех случаях, а также их негласный запрет применения привели к неиспользованию радиопротектора Индралина.

Занятый выполнением своего долга весь медперсонал и выезжавший на объект в том числе в течение более 8-ми часов не проводил йодную профилактику себе, что при стечении неблагоприятных обстоятельств могло бы привести к серьезным последствиям, но ее получили все пострадавшие (как показал опыт, персонал станции не вос-

пользовался никакими препаратами из индивидуальных аптек).

Другим образом действовали скандинавские страны и Польша, где профилактика была объявлена через средства массовой информации, разъяснена ее необходимость и польза. Число осложнений было ничтожно: в Швеции зафиксировано только 9 случаев аллергических шоков без смертельных исходов. По данным выборочного исследования сколько-нибудь значимого накопления в щитовидной железе радионуклида у жителей Швеции и Польши не наблюдалось.

Полученный опыт свидетельствует о необходимости населению близлежащих к радиационно-опасному производству иметь препараты стабильного йода и хранить их дома из расчета на 1 сутки, т. к. в дальнейшем запас может быть легко возмещен при обращении. После чернобыльской трагедии ГО некоторых городов при АЭС пошли именно таким образом и раздали препараты стабильного йода населению».

С утра 26 апреля 1986 года в г. Москве клинический отдел ИБФ, а вернее, весь коллектив клинической больницы № 6 приступил к подготовке приема пострадавших под руководством руководителя клиники А.К. Гуськовой. Предоставим ей слово [2.3.6.]:

«Коллектив клиники Института биофизики и его филиала к 1986 г. располагал уникальным, даже в мире, более 45-летним опытом диагностики и оказания помощи больным лучевой болезнью и местными лучевыми поражениями.

Последовательно изменялись за эти десятилетия частота и характер поражений. Вначале (1948—1961 гг.) это были немногочисленные случаи после, так называемых, малых аварий на экспериментальных и промышленных реакторах и сборках крит. масс. Так было и в нашей стране, и за рубежом.

Даже в одной аварии тяжесть и характер поражения у всех ее немногих участников — от излучений сложного

спектра и при нахождении вблизи от источника, были весьма неоднозначны. Помощь им оказывали в специализированных — закрытых в нашей стране учреждениях, публикации были поздними и фрагментарными.

Позднее (а после 1971 г. — окончательно), на смену им пришли более многообразные по характеру, чаще от транспортируемых источников, общие и местные лучевые поражения. Число вовлеченных в ситуации, в том числе не только профессионалов, но и лиц из населения, стало намного большим, чем количество реально облученных и пораженных. В оказании помощи и расследовании ситуации стали принимать участие более широкие слои медико-санитарных служб. Расширилась и информация об этих происшествиях, позволившая сформировать уже и первые публикации обобщающего характера, включая монографию о лучевой болезни человека (1971 г.), переведенную библиотекой США в 1973 г.

Вместе с тем, относительно благополучная обстановка на промышленных и энергетических реакторах (после 1971 г. аварий на них во всем мире не было) в какой-то мере притупила внимание к возможности серьезных инцидентов на них.

Звонок по телефону в ночь на 26.04.86 г. дежурного ГУ МЗ руководителю клиники А.К. Гуськовой быстро устранил иллюзии прочного благополучия на АЭС. В ходе переговоров между двумя и пятью часами в ночь на 26.04 сообщили, что число пострадавших при «пожаре» на 4-ом блоке реактора в Чернобыле непрерывно увеличивается и достигло к 5 часам 132 человек.

При отрицании в первые часы аварии инженерно-техническим персоналом определяющей роли переоблучения, картина болезни вызывала у врачей МСЧ обоснованное предположение об облучении людей в различных дозах.

Поступление началось через 30 часов от момента аварии [158]: двумя самолетами было отправлено в Москву

(уже при участии нашей аварийной бригады) 129 человек — пострадавших, в основном из двух «аварийных» смен пожарных, вахтеров и нескольких лиц, случайно оказавшихся на станции в момент аварии».

Клиника ИБФ располагала всего 120 местами. Она не была приспособлена к массовому приему людей с радиационными поражениями. В связи с этим, пациенты, находившиеся на излечении в больнице № 6, были выписаны, а отделения перепрофилированы для размещения тяжело больных. К оказанию медицинской помощи привлечены необходимые специалисты.

Пострадавшие двумя группами (первая — 84 чел., вторая — 45 чел.) были доставлены в клинику. Состояние их было тяжелым, их одежда, тела оказались значительно загрязненными. Доставленные больные размещались по палатам, у каждой из них устанавливались индивидуальные посты. Регулярно проводились дезактивационные мероприятия.

Вот как характеризует первый этап работы больницы директор ИБФ Л.А. Ильин [2.3.5.]:

«Медицинский персонал, врачи работали на пределе своих психологических и физических возможностей: 129 пациентов требовали постоянного наблюдения и ухода. В кабинете главного врача больницы был организован штаб, который поддерживал связь, в основном, с различными медицинскими органами управления и научными учреждениями Москвы, требуя поставки все новых медикаментов, средств обеспечения и прочей техники... Поздно вечером 27 апреля мы с А.К. Гуськовой прошли по палатам. Осмотр больных показал их тяжелое состояние... примерно 30 человек были облучены в дозах, несовместимых с жизнью. Они были живы, но уже убиты радиацией».

Из лечившихся в клинике было 27 смертельных исходов. Один человек погиб в момент аварии и один скончался в МСЧ — 126 от ожогов.

В целом использованный комплекс лечебных мероприятий оказался достаточно эффективным.

Особое внимание уделялось больным с крайней степенью поражения кроветворения, т.е. нуждающимся в трансплантации костного мозга. Предоставим слово руководителю клинического отдела ИБФ [2.3.6.]:

«Была проделана очень большая организационная работа: во-первых, по выявлению таких пострадавших, во-вторых, по поиску и вызову родственников — возможных доноров костного мозга, их иммунологическому типированию (определению тканевой совместимости). Эти работы, в принципе, были завершены. Еще позже — привлечены слушатели военно-медицинского факультета ЦИУ, врачи и служащие лечебных учреждений Министерства обороны СССР для выполнения лечебной работы.

Половина из них была сделана до приезда группы иностранных специалистов под руководством заведующего отделением трансплантации костного мозга Калифорнийского университета профессора Р. Гейла. Их помощь заключалась в ускорении проведения иммунологических исследований с участием прилетевшего доктора Терасаки, проведении специальных обработок полученного донорского костного мозга, сделанных с помощью доктора Райзнера, в консультативной клинической работе доктора Гейла и доктора Чамплина и переносе их опыта пересадок в лечение ОЛБ; в быстрых связях Гейла с доктором А. Хаммером. Интенсификация исследований позволила быстрее завершить остальные 7 пересадок.

В наблюдении клинического течения многих больных и реципиентов костного мозга непосредственное участие принимал Р. Гейл. Вся его деятельность заслуживает только благодарности, он сделал очень много полезного. Но именно отечественный опыт, квалификация специалистов клиники позволили успешно оказывать медицинскую помощь по-

страдавшим. Их заслуга в том, что умерли только больные с принципиально не сопоставимыми с выживанием поражениями кожи и кишечника — все другие, даже с дозой облучения почти 10 Гр (1000 рад!) выжили, и почти все восстановили свое состояние здоровья».

Приезд иностранных специалистов-медиков, кроме профессиональной помощи в лечении, привел к дополнительным затруднениям для руководителей клиники. Вот как характеризует данный факт А.К. Гуськова [2.3.6.]:

«5 мая в клинике появился американский гематолог R. Galle с его бригадой (Tamplin, Terasaki и Resseer), активно подключившиеся к трансплантационным мероприятиям (до этого было проведено уже 6 трансплантаций сотрудниками клиники). Беспрецедентное в прошлом — прямое участие зарубежных специалистов в работе клиники, одновременное наличие большой группы гражданских и военных врачей, проходивших краткосрочную стажировку в клинике, не только принесло известную помощь, но, безусловно, усложняло нашу без того нелегкую жизнь.

На нас обрушивался и ряд посещений, и целый вал советов и рекомендаций от работников Минздрава, членов правительственных комиссий (А.И. Воробьев), визитов зарубежных коллег и т.д. Надо было сохранить — вопреки всему — четкое распределение обязанностей во вновь созданных подразделениях, обеспечить единство их программ и взаимодействие, одновременно лечить, учить, информировать и осваивать поступающую информацию и поток средств и оснащения, приходивших к нам со всего мира».

Нельзя не сказать о финансовой помощи, оказанной доктором А. Хаммером. Если отечественные заказы по традиции обеспечивали программные исследования и лечение пострадавших, то московское отделение его фирмы обеспечивало клинику лекарствами, требовавшимися в соответствии с меняющей-

ся ситуацией, практически, по первому звонку. Смена антибиотиков, терапевтические иммуноглобулины, аппарат для автоматического исследования формулы крови, да и финансирование приезда иностранных специалистов — заслуга А. Хаммера.

«Однако пересадка костного мозга дала мало пользы. С точки зрения современных знаний это понятно в свете побочных иммунологических рисков трансплантации костного мозга, гетерогенности облучения и других осложняющих поражений, желудочно-кишечного синдрома и поражения кожи. В будущем поражение костного мозга лучше лечить с помощью своевременного введения гемопоэтических факторов роста. Однако, схема и дозировка при такой терапии нуждаются в уточнении» [2.3.6.].

Эвакуация населения из г. Припяти, а в последствии и с других загрязненных населенных пунктов 30 км зоны Чернобыля была проведена в установленные сроки и без существенных недостатков и ошибок.

Представим краткую справку о ходе эвакуации из 10-км и 30-км зоны [2.3.8.]: «3 мая началась эвакуация из 10-километровой зоны. Потянулись колонны с ревущим скотом, колонны грузовиков, заполненные клетками с разнообразной домашней птицей. Жители перевозились автобусами.

Зрелище, надо сказать, было удручающим, особенно, когда 4 мая началась эвакуация из г. Чернобыля и прилегающих к нему крупных и богатых сел Залесье и Черевач.

Люди вели себя по-разному: одни были угрюмы в своей безысходности, другие были возбуждены. Многие, особенно старики, отказывались эвакуироваться, заявляя: «Немца пережили, переживем и радиацию».

В цифрах процесс эвакуации из тридцатикилометровой зоны можно представить следующим образом:

3 мая. 10 часов — по решению Правительственной комиссии началась эва-

куация из 10-километровой зоны ЧАЭС. Это 15 населенных пунктов, в которых проживал 9861 человек. Кроме того, вывезено 10000 голов крупного рогатого скота;

4 мая. — Эвакуация из 10-километровой зоны окончена. В безопасные места перевезено 9222 человека. Кроме того, вывезено 10000 голов крупного рогатого скота;

4 мая. 15 часов 00 мин. — началась эвакуация жителей г. Чернобыля и населенных пунктов, входящих в 30-километровую зону. Для этой цели заранее подготовили автобусы, 1176 грузовых автомобилей и 1486 специальных автомобилей для перевозки скота. В целом, эвакуации подлежало 33 населенных пункта с населением 14000 человек.

К этому времени на границах зоны были уже развернуты передвижные автозаправочные станции, пункты дезактивации транспорта и санитарной обработки населения.

Определенную сложность составляло то, что в Чернобыле большинство домов — частной застройки, а часть государственного жилого фонда находилось на достаточно тесных улицах. Поэтому эвакуация проводилась со сборных пунктов. Население собралось и выехало, проявляя спокойствие и организованность. И в течение одного дня все были вывезены и расселены на новых местах;

7 мая — население 30-километровой зоны эвакуировано полностью и размещено в 53 населенных пунктах Полесского, Сородянского, Иванковского, Макаровского и некоторых других районов Киевской области. Из зоны также вывезли 75,5 тысячи крупного рогатого скота, более 7000 свиней, 11,1 тысячи овец и 2,3 тысячи лошадей. Уже 7 мая на базе адресного бюро УВД Киевского облисполкома была организована централизованная картотека по учету эвакуированных лиц, и в паспортных столах Полесского, Иванковского, Бородянского и Макаровского районов создали специальные справочные службы. За короткое время ими

выдано 26,5 тысяч справок о месте нахождения эвакуированных лиц.

Из 179 населенных пунктов Украины и Белоруссии было эвакуировано 135000 человек, что позволило предотвратить облучение населения выше установочных пределов. Уникальная по масштабам в мировой практике эвакуация населения прошла довольно быстро и организованно.

Вопрос о критериях, на основании которых решался вопрос об эвакуации населения из загрязненных районов, был не простой. Ведь среди жителей были дети, беременные женщины, больные.

Это была прерогатива МЗ СССР. Поэтому специальным решением ПК СССР по оказанию медицинской помощи населению были установлены следующие критерии [2.3.6.]: для детей до 14 лет включительно, беременных женщин и кормящих матерей — 10 бэр в расчете на год; для всего остального населения — 50 бэр. При превышении установленных доз указанные лица подлежат эвакуации.

Однако, эвакуация привела к появлению других, не менее важных задач, одна из них — обеспечение жизнедеятельности эвакуированных в новых условиях.

Решением этой задачи занимались многие министерства Украины, местные партийные и советские органы.

Отчеты о проделанной работе регулярно заслушивались на заседаниях ОГ Политбюро ЦК КПСС, заседаниях Правительственной комиссии по оказанию медицинской помощи (Председатель О.П. Щепин).

3 мая 1986 г. на заседании ОГ Политбюро было заслушано сообщение О.П. Щепина об организации медицинского обслуживания населения в районах повышенной радиации, оказания необходимой врачебной помощи людям, находящимся на излечении в больницах МЗ СССР. Отмечена неудовлетворительная работа МЗ по врачебному обследованию пострадавших, оказанию им необходимой медицинской помощи.

Минобороны (т. Соколову С.Л.) поручалась организация медицинского обслуживания населения с развертыванием в местах проживания эвакуированных специализированных медицинских воинских подразделений и др.

В основу работы ПК по оказанию медицинской помощи были положены указания ОГ Политбюро, рекомендации ученых-медиков и др.

Уже 2 мая 1986 года на втором заседании ПК по оказанию медицинской помощи населению оперативно рассматривались возникающие вопросы о госпитализации граждан в РСФСР, УССР, БССР, отправке зарубежных туристов, о подготовке к приему профессора Гейла из США и др.

Проводя ретроспективный анализ ошибочных действий первых лиц государства, республик, можно сказать достоверно, что, они определялись недостаточными знаниями физических процессов воздействия радионуклидов на здоровье населения, возможных медицинских последствий, действующей системой гласности в стране, боязнью за свою карьеру и др.

Для подтверждения этого рассмотрим только один вопрос: о демонстрации 1 Мая 1986 года в г. Киеве и в других загрязненных городах Украины.

Руководству республики уровень загрязненности территории Киева и основных городов был известен. Накануне праздника заместитель министра МЗ Украины, докладывая о проделанной работе по оказанию медицинской помощи пострадавшему населению, напоминал о необходимости решения вопроса с оповещением населения г. Киева и Киевской области.

Как отмечается в работе [2.3.5.]:

«По этому поводу не может быть двух мнений. Когда в 140 км от столицы Украины из разрушенного реактора высвобождаются огромные количества радиоактивных материалов, и руководство республики располагает информацией о повышении уровней радиации в Киеве

30 апреля до уровней 1—2 мР/час (естественный фон 20—30 мкР/час), то единственно разумным решением ПБ ЦК Украины должен быть отказ от проведения демонстрации. Политическая аргументация в пользу такого решения для Щербицкого была, разумеется, невысказанной... Ровным счетом ничего не произошло, если бы сотни тысяч людей не пошли на демонстрацию. Беру на себя смелость утверждать, что, по-видимому, у Щербицкого и его окружения вообще не возникал вопрос о том, чтобы не проводить демонстрацию...». И далее: «...Когда история с первомайской демонстрацией, спустя 3 года после аварии, была поднята на щит оппозиционно настроенными кругами, боровшимися за власть в республике, то козлом отпущения сделали не истинных виновников, а бывшего министра здравоохранения А.Е. Романенко, который, будто бы, не проявил в этом вопросе принципиальности. Никого не интересовала эта бессовестная ложь, ибо Романенко с момента аварии и до 3 мая 1986 г. вообще не был в Киеве, в связи со служебной командировкой в США».

Военная медицина в ликвидации последствий катастрофы

Медицинское обеспечение населения, личного состава соединений и частей в 30-км зоне было централизованным. Так, в составе ОГ МО в Чернобыле была создана медицинская служба. Ей подчинялись медпункты войсковых частей, отдельные медицинские батальоны, радиометрические лаборатории, СЭО. О ходе развертывания медицинских частей и учреждений, их работе начальник ЦВМУ МО генерал-полковник мед. службы Ф.И. Комаров регулярно докладывал Министру обороны маршалу Советского Союза С.Л. Соколову.

Кроме того, медицинская помощь населению и ликвидаторам оказывали медицинские службы военных округов (Киевский, Белорусский, Прикарпатс-

кий). В их состав вошли 39 медицинских учреждений и подразделений общей численностью медицинского персонала 1468 человек..

В секторах 30-км зоны Чернобыля были сформированы медицинские службы с подчиненными им медицинскими батальонами и СЭО.

В ходе ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС военно-медицинская служба решала две основные задачи:

оказание органам здравоохранения практической и методической помощи в обследовании и лечении населения, подвергшегося воздействию ионизирующих излучений;

проведение мероприятий по предупреждению переоблучения военнослужащих, привлекаемых к ликвидации последствий катастрофы, с санитарно-эпидемиологической обработкой, как в районах действия войск, так и в районах проживания населения.

В дальнейшем, прибавились и другие направления в работе военных медиков, такие, как диспансерное динамическое наблюдение за состоянием здоровья личного состава, участвующего в проведении радиационно-опасных работ, а также военнослужащих, членов их семей, рабочих и служащих Советской Армии, проходящих службу на загрязненной радиоактивными веществами территории.

Учитывая рассредоточенность эвакуированного населения и необходимость выполнения большого объема работ в сжатые сроки, из состава развернутых медицинских учреждений было сформировано более 30 медицинских бригад по проведению медицинских осмотров населения, гематологических и радиометрических исследований.

К 11 мая 1986 г. работы по массовому обследованию эвакуированного населения практически завершились. Всего было обследовано амбулаторно 78 тыс. человек местного населения. Выполнено более 36 тыс. гематологических и

радиометрических исследований. Стационарно обследовано 454 чел. (98 чел. в клинике ВМА им. С.М. Кирова и 356 чел. в медицинских батальонах).

Кроме того, после полного медицинского обследования было эвакуировано из зоны катастрофы и размещено в пионерских лагерях, в санаториях Минобороны, расположенных на Южном берегу Крыма и в Подмосковье, более 6,5 тыс. детей военнослужащих, рабочих и служащих СА и ВМФ.

В качестве примера организации обследования населения можно привести деятельность медицинской службы Киевского военного округа в Бородянском районе Киевской области [2.3.10.]: «Здесь к работе были привлечены отдельный медицинский батальон, радиометрическая лаборатория, четыре полковых медпункта и десять подвижных медицинских групп — терапевтических, лабораторных и радиологических. Состав подвижных медицинских групп был непостоянным, а их оснащение определялось из численности населения, подлежащего обследованию в каждом населенном пункте, и сроками его проведения. В каждую группу, как правило, входили: начальник, врачи-терапевты, врач-лаборант, лаборанты, санитарка. Группы укомплектовывались дозиметрическими приборами, микроскопами, лабораторным имуществом, санитарными автомобилями и работали, в основном, как правило, на базе местных учреждений здравоохранения.

На проведение радиологического обследования одного человека в среднем затрачивалось 2—3 минуты. Исследования крови проводились одновременно с дозиметрическим контролем.

На начальном этапе ликвидации последствий катастрофы медицинская служба ВС столкнулась с рядом трудностей, связанных, прежде всего, с уникальностью ситуации, отсутствием опыта работ в подобных условиях [2.3.6.].

«Одной из первых и узловых проблем стало установление предельно допусти-

мых доз облучения, уровней загрязнения радиоактивными веществами кожи, одежды, продуктов питания, воды, объектов окружающей среды. У представителей различных министерств и ведомств, ученых не было единого мнения о степени опасности тех или иных радиационных факторов и способах защиты от их воздействия. При активной и целенаправленной деятельности представителей военно-медицинской службы, главным образом, специалистов Центрального военно-медицинского управления, был обоснован и введен в действие приказом министра обороны СССР предел облучения для военнослужащих, привлекаемых к ликвидации последствий катастрофы, равный уровню аварийного облучения лиц, постоянно работающих с РВ — 25 бэр».

Не все было так гладко, как хотелось. В качестве одного из таких примеров приведем «борьбу» за установление дозового предела для военнослужащих, участвующих в ЛПК в 30-ти км зоне ЧАЭС (на военное время дозовый предел для военнослужащих установлен в 50 бэр) [2.3.6.]:

«В первые дни катастрофы на Чернобыльской АЭС главный гигиенист Министерства обороны доложил начальнику ЦВМУ о необходимости ввести для военнослужащих дозовый предел 25 бэр. Предложение основывалось на требованиях приказа Министра обороны СССР 1983 г. № 285 и рекомендациях НРБ—76.

Этот вопрос требовалось согласовать с председателем национальной комиссии по радиационной защите академиком РАМН Л.А. Ильиным. При первой встрече Л.А. Ильин просил не спешить и отложить согласование на несколько дней. При повторной встрече вопрос был согласован и дозовый предел в 25 бэр был утвержден начальником ЦВМУ МО СССР.

В первых числах мая по поручению начальника ЦВМУ главным гигиенистом МО данное решение по телефону было сообщено начальнику химических войск

Министерства обороны генерал-полковнику В.К. Пикалову, который в ответ на это заявил следующее: «Вы мне лекции не читайте. Здесь находится заместитель министра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев и другие корифеи медицины, и мы решили установить дозовый предел для военнослужащих 50 бэр, как это регламентировано на военное время».

Решение об установлении дозового предела в 25 бэр в первых числах мая было передано для исполнения также начальнику медицинской службы Киевского военного округа генерал-майору медицинской службы В.Н. Фадееву, который вскоре доложил, что командование требования медицинской службы выполнять не намерено, и для решения вопроса требуется директива Генерального штаба ВС СССР.

По прибытии в Чернобыль группа специалистов ЦВМУ в ночь с 13 на 14 мая 1986 г. составила проекты приказов начальника оперативной группы по обеспечению радиационной безопасности — приказ № 1 и по профилактике эпидемий — приказ № 2. 14 мая начальник оперативной группы генерал армии И.А. Герасимов эти приказы подписал, но из приказа по радиационной безопасности исключил первую фразу о дозовом пределе 25 бэр.

В связи со сложившейся обстановкой, ЦВМУ вышло с предложением о введении дозового предела 25 бэр. 21 мая 1986 г. приказом министра обороны СССР № 110 дозовый предел 25 бэр был определен для всех военнослужащих, привлеченных к ликвидации последствий катастрофы. С введением в действие этого приказа санитарный надзор за радиационной безопасностью приобрел правовую основу.

За 1986—1990 г.г. дозиметрическому контролю был подвергнут 239281 военнослужащий. Дозу до 25 бэр получил 237151 человек (более 99%), выше 25 бэр (максимум 72 бэр) — 2130 (менее 1%)».

В процессе санитарного надзора за соблюдением норм радиационной безопасности воинские части направлялись в те или иные районы только после предварительной оценки радиационной обстановки. Производился контроль за правильностью оборудования и содержания военных городков, продовольственных объектов, мест общего пользования, качеством санитарной обработки, своевременностью замены загрязненного РВ постельного и нательного белья, за организацией его дезактивации, мероприятиями по предотвращению заноса радионуклидов из мест работ в жилые городки, организацией водоснабжения и др. В частности, по рекомендации медицинской службы для водоснабжения использовалась вода только из артезианских скважин с глубиной залегания водоносного горизонта — 60—70 м. Физико-химические и бактериологические исследования воды проводились 1 раз в месяц, радиометрические — 1 раз в неделю.

Большое значение придавалось систематическому контролю за состоянием здоровья личного состава. Непосредственно в войсковых частях врачами проводился опрос жалоб на состояние здоровья, выполнялись необходимые гематологические и другие исследования.

Бесперебойное проведение основных медицинских мероприятий в течение всего периода работ осуществлялось благодаря четкой организации медицинского снабжения, созданному с первых дней резерву медикаментов, лабораторных приборов и реактивов, дезинфекционных средств и другого имущества. Для медицинского обеспечения личного состава войск, принимавших участие в ликвидации последствий, только в 1986 году было поставлено 160 тонн медицинского имущества и 66 единиц медицинской и санитарной техники.

В целях накопления научной информации, анализа состояния здоровья военнослужащих, подвергшихся воздей-

ствию радиационных факторов в результате взрыва на ЧАЭС, а также разработки мероприятий по поддержанию и сохранению здоровья данной категории личного состава, в 1986 году при Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова был создан Всеармейский регистр. Наблюдение за состоянием здоровья было организовано медслужбами частей и учреждений, а после увольнения в запас — в учреждениях по месту жительства или работы. Диспансерное динамическое наблюдение за этими лицами осуществлялось дифференцированно, в зависимости от полученной дозы, состояния здоровья и срока, прошедшего с момента облучения. Результаты динамического наблюдения заносились в медицинские книжки военнослужащих и специальные карты, которые в конце каждого года высылались во Всеармейский регистр. Преемственность между военно-медицинской службой и Минздравом СССР в организации диспансерного динамического наблюдения за военнослужащими, уволенными в запас, обеспечивалась направлением в органы здравоохранения через военкоматы установленных медицинских документов, вторых экземпляров «Регистрационной карты», позволяющих организовывать наблюдение на местах и вводить информацию об этих военнослужащих во Всесоюзный регистр лиц, подвергшихся облучению в результате катастрофы на АЭС.

Для предупреждения переоблучения была разработана комплексная система контроля за состоянием здоровья военнослужащих, включая медицинское освидетельствование военно-врачебными комиссиями лиц, направляемых в район ЧАЭС, периодический врачебный лабораторный контроль в процессе работы, стационарное обследование при получении дозы свыше 25 бэр и длительное динамическое наблюдение после прекращения облучения. Обследовано амбулаторно 75 тыс., стационарно — 4 тыс. военнослужащих.

Преемственность с Минздравом

СССР диспансерного наблюдения военнослужащих, призванных из запаса, обеспечивалась направлением в военные комиссариаты установленных документов, позволяющих ввести информацию об этих лицах в Общесоюзный регистр.

С целью повышения устойчивости организма к действию неблагоприятных факторов применялись табельные и перспективные средства защиты (препарат Б—100, цистамин, бемитил, эмивис и др.).

Всего подверглось радиационному облучению 93816 военнослужащих. На 11.11.86 г. принимало участие в ликвидации последствий аварии на АЭС 23583 военнослужащих (3301 офицер), из них 19352 чел. призваны из запаса (1630 офицеров), таблица 2.2.

Поставленные перед Военно-медицинской службой задачи выполнялись в три этапа.

На первом этапе (в течение первых нескольких суток после катастрофы) основное внимание уделялось ока-

занию медицинской помощи населению.

На втором (май 1986 г.) — проведению массовых обследований населения, оказавшегося в районах бедствия.

На третьем (до завершения участия войск в ликвидации последствий) — организации медицинского обеспечения войск, привлеченных к ликвидации последствий катастрофы.

Задачи первого этапа выполнялись силами врачебных бригад, которые оснащались медицинским имуществом, комплексами «Луч» и санитарными автомашинами. Медицинской службой Киевского военного округа в районе ЧАЭС был создан запас медицинского имущества: 25 тыс. индивидуальных аптечек, 500 палаток, 10 литров крови, 25 литров альбумина и другие средства. Организация работ первого этапа непосредственно осуществлялась специалистами медицинской службы КВО.

Для выполнения задач второго этапа в район ЧАЭС из военных округов было направлено дополнительно 25 медицин-

Таблица 2.2

**Сведения о личном составе, облученном с начала работ
(по состоянию на 11.11.86 г., только по Министерству обороны)**

	Всего	В том числе			
		Генералов	Офицеров	Прапорщиков	Солдат, сержантов
Облучено с начала работ	66752	50	8378	2570	55754
Убыло из района	48138	37	5883	1888	40333
Из них получили дозы менее 25 рентген	46076	17	5195	1778	39086
25—50 рентген	2041	19	674	106	1242
более 50 рентген	21	1	14	4	2
Продолжают находиться в районе	18614	13	2495	682	15424
Из них получили дозы:					
1—10 рентген	13018	11	1732	545	10724
11—15 рентген	2926	2	321	71	2232
16—20 рентген	1704	—	243	36	1515
21—25 рентген	1173	—	199	29	945

ских бригад (в составе: врач-лаборант, два лаборанта, санитар с медицинским имуществом на 5 тыс. анализов). В район Чернобыльской катастрофы дополнительно прибыло около 300 врачей.

В мае 1986 года массовое обслуживание жителей в 30-километровой зоне и прилегающих к ней районах, практически, было завершено.

Медицинской службой осуществлялось также радиометрическое обследование объектов внешней среды (почвы, воды), продуктов питания. Проводилась активная санитарно-просветительная работа, оказывалась консультативная помощь местным органам здравоохранения.

Уже с первых дней медицинская служба столкнулась с трудностями, вызванными неимением опыта ликвидации последствий в условиях такого рода катастроф. Положение осложнялось отсутствием единого мнения у специалистов различных министерств и ведомств о степени опасности тех или иных радиационных факторов и способов защиты от их воздействия. В связи с этим специалисты-медики Центрального военно-медицинского управления совместно со специалистами химических войск и Минздрава СССР приняли участие в разработке нормативов, регламентировавших допустимые дозы облучения, а также предельные величины радиоактивного заражения одежды, воды продовольствия и различных объектов внешней среды.

Были изданы руководящие и методические документы по обеспечению радиационной безопасности, по организации медицинского контроля за внутренним и внешним облучением, методике обследования и лечения лиц, подвергшихся воздействию ионизирующего излучения. Из-за сложности радиационной обстановки и неопределенности в выработке единых подходов при установлении допустимых доз облучения уровни заражения пересматривались в приказах Министра обороны

шесть раз. В конечном варианте принятые нормативы по радиационно-гигиеническому контролю продовольствия и воды способствовали существенному снижению допустимых доз внутреннего облучения населения и личного состава группировки войск. При отсутствии такого жесткого контроля, как показывают расчеты, дозы, обусловленные потреблением местных продуктов питания, могли быть в несколько раз выше, чем дозы внешнего облучения.

Для профилактики переоблучения военнослужащих была составлена комплексная программа контроля за состоянием их здоровья. Она предусматривала медицинское освидетельствование военно-врачебными комиссиями всех лиц, направляемых в район катастрофы, проведение дозиметрии и учет доз. Всем военнослужащим один раз в неделю, а также незамедлительно при облучении 5, 10, 15 и 20 рентген производился клинический анализ крови.

Особая ответственность за профилактику лучевого поражения населения и действенность санитарного надзора легла на врачей-радиологов. Положение усугублялось тем, что в начальный период ликвидации последствий катастрофы организационно-штатная структура медицинских батальонов не соответствовала требованиям обстановки. Несостоятельной оказалась организация дозиметрического контроля. Индивидуальные дозиметры и войсковые средства радиометрического контроля оказались недостаточно чувствительными для регистрации малых доз облучения и низких энергий внешнего гамма-излучения, штатные приборы контроля не позволяли получать нужную информацию о величине альфа-бета-заражения различных объектов. Применяемые средства защиты органов дыхания оказались недостаточно эффективными в связи с мелкодисперсным составом аэрозолей.

Опыт работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС показал, что требуется совершен-

ствование материальной базы радиационного контроля. Многообразие новых проблем, с которыми столкнулась медицинская служба, предопределило проведение комплекса научно-исследовательских работ, объединенного единой программой, осуществление которого началось в процессе выполнения практических работ в зараженной зоне.

Сложность и многообразие задач, решаемых военными медиками, в зоне ЛПК на ЧАЭС раскрывается в работе д.м.н., профессора Е.Г. Жилева [2.3.12.]:

«Основной задачей медицинской службы было недопущение переоблучения личного состава свыше установленных на период ликвидации катастрофы пределов доз облучения (в 1986 году — 25 Р, в 1987 — 10 Р и в последующие годы — 5 Р). Для реализации этой главной задачи медицинская служба осуществляла жесткий контроль за организацией работ, обеспеченностью индивидуальными дозиметрами, объективностью регистрации доз облучения, правильностью использования средств индивидуальной защиты, качеством санитарной обработки личного состава, степенью радиоактивного заражения белья, обмундирования, обуви, постельных принадлежностей, палаток и территории военных городков. Серьезное внимание уделялось профилактике внутреннего облучения — контроль за загрязнением продовольствия при его перевозке, хранении и приготовлении пищи. При необходимости, специалистами радиологических групп при ОМедБ проводился лабораторный контроль за содержанием радионуклидов в готовой пище и питьевой воде.

Оказание при необходимости неотложной медицинской помощи и лечение больных осуществлялись в медицинских пунктах частей и соединений, в отдельных медицинских батальонах секторов, близко расположенных гарнизонных госпиталях и окружных военных госпиталях Киевского, Белорусского и Прикарпатского военных округов. Одной из

задач лечебных учреждений было проведение на их базе освидетельствования прибывающего контингента для замены личного состава специалистами окружных военно-врачебных комиссий на предмет годности к работе с источниками ионизирующих излучений.

С первых дней ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС на военно-медицинскую службу была возложена ответственная задача всестороннего медицинского обеспечения личного состава частей и подразделений.

Эта задача решалась одновременно и в зонах отчуждения, и временного отселения вокруг ЧАЭС, и на территории ряда военных округов, где отоблизывались части противохимической защиты и другие подразделения, в том числе и медицинские, и готовились к отправке в район ЧАЭС.

До настоящего времени эта сторона деятельности военно-медицинской службы оставалась забытой. Вместе с тем, от нее зависела готовность личного состава войск и медицинской службы к действиям в новых экстремальных условиях. Важно было подготовить личный состав, врачей и средний медперсонал, как кадрового состава, так и призываемых из запаса, к работе в условиях реального радиоактивного загрязнения местности.

В процессе отоблизования этих подразделений, частей и соединений (бригад химзащиты) медицинской службой округов одновременно решались несколько задач:

прием и осмотр военнообязанных запаса для формирования строевых подразделений;

отбор медицинских специалистов и распределение их по должностям;

проведение боевого слаживания медицинской службы формируемых частей, и участие в мероприятиях по боевому слаживанию в строевых подразделениях;

отбор и подготовка медицинской техники из НЗ.

Долговременный характер проблемы медицинского обеспечения войск был обусловлен тем, что Чернобыльская катастрофа привела к масштабному радиоактивному загрязнению территории ряда областей. На загрязненной местности оказались многие воинские части. Возникла проблема обеспечения радиационно-безопасных условий труда и быта в целях предупреждения радиационных поражений и возможных отдаленных последствий у населения гарнизонов, дислоцированных на радиоактивно загрязненной территории.

Учитывая особенности медицинского обеспечения таких воинских частей и соединений, специалистами ЦВМУ МО СССР и некоторых центральных военно-медицинских учреждений (Е.Г. Жилевым, Н.А. Мешковым и В.И. Легезой) была разработана программа специализированного диспансерного наблюдения за военнослужащими и членами их семей, радиационно-гигиенического и санитарно-эпидемиологического обследования этих гарнизонов и района их дислокации.

В последующие годы продолжалась работа по санитарно-гигиеническому, санитарно-эпидемиологическому и лечебно-профилактическому обеспечению военнослужащих и членов их семей в гарнизонах, дислоцированных на территориях, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. Но для того, чтобы вооружить практическую медицину адекватными средствами лечения и оздоровления этих категорий, возникла необходимость в изучении проблемы влияния малых доз радиации, особенно в сочетании с другими нерадиационными факторами.

Проблема влияния малых доз относится к разряду чрезвычайно сложных. В соответствии с современными представлениями, биологическое воздействие ионизирующего излучения на организм человека проявляется детерминированными (определенными) и

стохастическими (вероятными) эффектами. Детерминированные эффекты — лучевые поражения органов и тканей — имеют пороговый характер и могут клинически проявляться при уровнях однократного облучения отдельных органов в дозе более 0,15 Гр, либо многолетнего хронического облучения при мощности эффективной дозы более 0,15 зВ/год. Лучевая болезнь человека может развиваться при облучении костного мозга в дозе более 0,4 зВ/год. С помощью этой универсальной величины учитываются биологические действия на человека внешних источников ионизирующего излучения и инкорпорированных радионуклидов с различной локализацией в организме человека.

В соответствии с общепринятой консервативной радиобиологической гипотезой, любой сколь угодно малый уровень облучения обуславливает определенный риск возникновения стохастических эффектов. К ним относят индукцию злокачественных новообразований (канцерогенное действие), некоторых врожденных пороков развития (тератогенное действие). Для количественной оценки частоты возможных стохастических эффектов используется упомянутая выше гипотеза о линейной беспороговой зависимости вероятности отдаленных последствий от дозы облучения.

Вместе с тем, исходя из современных научных представлений о канцерогенном воздействии факторов внешней среды, считается, что 70—80% опухолей индуцируется химическими агентами и только 10% радиацией. По данным американских ученых, длительное (хроническое) стрессорное воздействие на организм в 10 раз опаснее в плане возникновения бластомогенных эффектов, чем продолжительное воздействие ионизирующих излучений в малых дозах.

Экспериментальные исследования отдаленных последствий сочетанного действия радиационных и химических факторов выявили негативный характер последствий сочетанного воздействия

радиации и вредных химических веществ на основные морфофункциональные системы животных. Наиболее чувствительной оказалась воспроизводительная функция, что может проявляться мертворождениями, врожденными аномалиями и генетическими последствиями.

Анализ результатов многолетнего медицинского наблюдения за населением, проживающим на пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы территориях, выявил рост таких заболеваний, как вегетососудистая дистония, ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь. Вместе с тем, возросла и заболеваемость злокачественными новообразованиями и, в частности, щитовидной железой. У детского населения отмечен рост гиперплазий щитовидной железы, железодефицитных анемий, увеличение инфекционных заболеваний.

Многие из перечисленных заболеваний трудно объяснить специфическим воздействием радиационного фактора. Сейчас следует говорить о возникновении новой антропологической проблемы. На загрязненной радиоактивными веществами территории, в комплексе с рядом других факторов, создалась совершенно необычная эколого-социальная ситуация, обуславливающая рост заболеваемости населения, последствия которой могут отразиться на здоровье последующих поколений.

Население районов, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, особенно дети и беременные женщины, не получают адекватного по количеству и качеству, сбалансированного по белкам, жирам и углеводам питания. Недостаток витаминов, микроэлементов, белков, постоянное негативное психоэмоциональное воздействие (хронический отрицательный стресс), обусловленное как радиационными, так и социальными факторами, существенно сказывается на развитии детского организма, снижают адаптационные возможности и иммунную резистентность жителей этих районов, что, в свою очередь, сказывает-

ся на уровне и структуре заболеваемости.

Другим направлением научных исследований в военной медицине является изучение последствий радиационного воздействия на военнослужащих, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

В последнее время, в частности особое внимание уделяется медико-психологическим последствиям Чернобыльской катастрофы. Установлено, что у значительного числа лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и подвергшихся при проведении этих работ сочетанному воздействию ионизирующих излучений и других неблагоприятных факторов, имеют место значительные отклонения в психоневрологическом статусе (ипохондрия, повышенная ригидность, истероидные и шизоидные проявления, снижение объема памяти и др.). Следствием этих отклонений являются ухудшение межличностных взаимоотношений, повышенная конфликтность, снижение умственной и физической работоспособности и, как результат этого, профессиональная дезадаптация. Достаточно часто подобные явления проявляются и у жителей регионов, загрязненных радионуклидами в результате аварии на ЧАЭС. Поэтому одним из важных направлений дальнейших научных исследований является оценка роли радиационного и других факторов в генезе этих нарушений».

Одна из частных задач — оценка защитных свойств современных и перспективных фильтропоглощающих систем средств индивидуальной и коллективной защиты от радиоактивно опасных веществ и определение путей их дальнейшего совершенствования решалась военными специалистами-медиками. Исследования были начаты сразу же после катастрофы [2.3.12.]. Качество защитных свойств фильтропоглощающих систем определялось степенью задержания радионуклидов, содержащихся в воздухе. Результаты проведенных исследова-

ний показали, что фильтропоглощающие системы общевоинских противогазов и экспериментальных образцов обеспечивают надежную защиту от наиболее распространенных радионуклидов. Было также установлено, что [2.3.12.]:

«Использование ликвидаторами респираторов и фильтрующих противогазов при управлении и обслуживании техники и механизмов не сопровождалось статистически достоверным ухудшением производительности труда. Однако, предпочтение личный состав отдавал респираторам. Отдельные случаи нахождения людей в районе ЧАЭС без средств защиты органов дыхания объяснялись слабой дисциплиной, легкомыслием и бравадой, обусловленных отсутствием признаков опасности.

В целом, результаты свидетельствовали о том, что современные индивидуальные и коллективные средства защиты надежно предохраняли личный состав от воздействия радиоактивных аэрозолей, большинство же респираторов не защищали человека от паров. Эргономические характеристики респираторов и фильтрующих противогазов существенно не снижали профессиональную работоспособность ликвидаторов».

Особую тревогу вызвало недостаточное внимание к вопросам радиационной гигиены на первых этапах ликвидации последствий катастрофы как непосредственно у военнослужащих, так и их командиров. Подтвердим это на отдельных типичных примерах [2.3.12.]:

«Вновь прибывающие военнослужащие, как правило, не обладали необходимыми знаниями, занятия по радиационной гигиене с ними проводились в недостаточном объеме, и необходимые знания они получали от военнослужащих, уже имевших опыт работы на загрязненных объектах и участках местности.

Большая часть военнослужащих, участвующих в ликвидации последствий катастрофы, снабжалась индивидуальными дозиметрами, которые работали

только при положительных температурах окружающего воздуха. В зимний период эти дозиметры в зонах с высоким уровнем излучения регистрировали незначительные дозы облучения, в то время как реальные дозы, полученные простым расчетным методом, были значительно выше. Этот вопрос неоднократно ставился перед командованием оперативной группы Гражданской обороны, но понимания не встречал.

Исследованиями, проводимыми в научном центре, а также постоянным медицинским контролем личного состава центра было установлено, что основным путем поступления радионуклидов в организм человека был ингаляционный. В то же время, снабжение некоторых оперативных групп Министерства обороны и научного центра респираторами типа «Лепесток» было недостаточным. По этой причине некоторые военнослужащие научного центра в зимний период иногда работали на загрязненных участках без респираторов.

После таяния снежного покрова военнослужащие, работавшие в зонах с сильным радиационным загрязнением («рыжий» лес), подверглись сильному бета-облучению и после 8-часовой работы в указанной зоне жаловались на сильную резь в глазах. Этого можно было бы избежать, если бы военнослужащие были своевременно проинформированы об изменившихся условиях работы и им были бы выданы защитные очки».

Как известно, вертолетная авиация приняла активное участие в локализации катастрофы и ликвидации ее последствий. Значительная часть ее полетов была посвящена анализу поведения реактора и локализации возможных тепловых взрывов. Все это было связано с высокими уровнями радиации. Необходимы были весомые рекомендации по защите летного состава в сложных условиях.

В связи с этим, были привлечены специалисты Государственного научно-

исследовательского испытательного института авиационной и космической медицины (ГНИИИАиКМ).

ГНИИИАиКМ единственная в России организация по комплексному обеспечению учета человеческого фактора при создании и эксплуатации авиационной техники в целях повышения эффективности авиации, безопасности полетов, работоспособности летного состава, сохранения его здоровья и продлению профессионального долголетия.

Предварительный анализ информации, полученной от летного состава, показал, что уровни радиации при полетах над реактором значительны, а применяемые радиопротекторы не эффективны.

Поиск наилучшего решения в сложившейся обстановке позволил предложить новый радиопротектор Б—190 (индралин), а также осуществить физическую защиту летного состава за счет размещения свинцовых пластин на чашках кресел и на полу кабины вертолета.

Было принято также решение об использовании метода локального экранирования области живота с помощью пояса, который ранее был разработан институтом для космонавтов на случай аварийного переоблучения протонами солнечной вспышки или нейтронного ядерного взрыва. Пояс в этих условиях был водонаполняемым. Для защиты от гамма-излучения требовался другой наполнитель — свинец. В соответствии с рекомендациями специалистов ГНИИИАиКМ, модификация противорадиационного пояса была изготовлена.

Радиологи института прекрасно понимали, что защита человека от ионизирующего излучения не может полностью быть решена с помощью одних химических радиопротекторов. В радиобиологии было известно, что любое неравномерное или неполное облучение животных и человека (в аварийных случаях) менее опасно, чем общее. В конечном счете, специали-

ты института пришли к идее локального экранирования жизненно важных участков тела. Эксперименты показали, что оптимально экран должен защищать часть желудочно-кишечного тракта и часть костного мозга (первые масштабные исследования были проведены Б.Л. Разговоровым, В.С. Морозовым в 1965—1967 гг.), что позволило создать специальный радиозащитный пояс для космонавтов (М.Д. Никитин, Т.Ф. Осокина).

Кроме этого, летному составу выдавали пищевые вещества с высокой биологической активностью, повышающие устойчивость организма к действию ионизирующего излучения в среднем на 25—30% [2.3.13.].

Высокий вклад специалистами института был внесен при установлении предела допустимого облучения летного состава [2.3.13.]:

«Основной принцип, который был положен нами в основу дозовых стандартов облучения для летного состава, состоял в том, что при сравнении риск радиационный не должен быть выше риска авиационного (космического) полета, протекающего в условиях комбинированного действия физических и психофизических факторов. В качестве планируемой оперативной дозы было принято значение 25 бэр. Эта величина была рекомендована командованию ВВС в качестве норматива для летчиков армейской авиации, участвовавших в ликвидации последствий на ЧАЭС. 25 бэр общего облучения была той пограничной дозой, при превышении которой летчики отправлялись на стационарное обследование. В первые дни аварии мы не знали, что именно этот дозовый норматив обсуждался и был рекомендован МЗ СССР для всех ликвидаторов, независимо от их ведомственной принадлежности. Служба Авиационной и Космической медицины ВВС пользовалась нормативом уже с 1 мая 1986 г. неукоснительно».

КАК ЖИВЕШЬ, ЧЕРНОБЫЛЬ?

Б. И. ОГОРОДНИКОВ

Ядерный джин

С первых дней после взрыва реактора 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС в работы по ликвидации последствий аварии включились сотрудники Физико-химического института им. Л. Я. Карпова (Москва). Под руководством академика И. В. Петрянова (1907—1996 гг.), долгие годы возглавлявшего отдел аэрозолей, начались многоплановые исследования распространения и выпадения из атмосферы радиоактивных частиц пыли. Были разработаны, изготовлены и установлены на бронетранспортерах и нескольких инженерных машинах разграждения высокоэффективные фильтры для защиты экипажей и двигателей от радиоактивных аэрозолей. На заводе в Силламяэ были выпущены новые респираторы «Лепесток» с угольным наполнителем, позволившие избавляться при вдыхании воздуха не только от аэрозолей, но и газообразных соединений радиойода. Активное участие приняли ученые в проектировании и обустройстве «Саркофага», который в рекордные сроки был возведен над развалом 4-го энергоблока. О некоторых событиях 20-летней давности и сегодняшней обстановке в 30-километровой зоне ЧАЭС и на объекте «Укрытие» повествуется в данной статье.

«Саркофаг» для джина

30 ноября 1986 г. Государственная комиссия, назначенная Советом Министров СССР, приняла на техническое обслуживание законсервированный после аварии 4-й энергоблок Чернобыльской

АЭС. Всего за шесть месяцев было спроектировано и возведено уникальное сооружение, именуемое ныне объект «Укрытие». За его бетонными стенами и под крышей, собранной из стальных труб магистральных газопроводов, скрылись остатки ядерного реактора, взорвавшегося в ночь с 25 на 26 апреля. Как известно, в результате аварии в окружающую среду была выброшена лишь часть ядерного топлива и радиоактивных продуктов деления урана, которые накопились за два года эксплуатации реактора. Большая часть ядерного топлива в виде фрагментов разрушенных тепловыделяющих элементов и мелкодиспергированных оксидов урана, включенных в лавообразные массы, возникшие в результате расплавления некоторых строительных конструкций, остались в развале реактора и некоторых помещениях 4-го блока.

Вскоре после аварии стало ясно, что предотвратить разнос радиоактивных веществ из разрушенного реактора и уменьшить воздействие на окружающую среду проникающего излучения можно только соорудив укрытие над развалом 4-го блока. Проектирование такого сооружения было начато ленинградским ВНИПИЭТ уже в мае 1986 г. Через месяц для обсуждения на Аэрозольной комиссии Минсредмаша, которую возглавлял академик И. В. Петрянов, были предложены 18 эскизных проработок.

Выявились две главные концепции: сооружение вокруг блока независимого герметичного здания или возведение более легкой оболочки с использованием сохранившихся стен и конструкций. Был одобрен второй вариант.

Над развалом четвертого блока

В процессе проектирования требовались данные о состоянии развала ре-

ОГОРОДНИКОВ Б. И. — доктор химических наук, профессор, Лауреат Ленинской премии, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС (1986—2000).

*Б.И. Огородников на отметке «+46м», по дороге на крышу укрытия.
3 апреля 2003 г.*

актора и процессах, протекавших там. В первых числах июля группе сотрудников нескольких гражданских и военных институтов было поручено определить состав и концентрации аэрозольных и газовых выбросов из развала реактора, а также мощности эквивалентных доз гамма-излучения, наличия или отсутствия нейтронных потоков, распределения температур на разных высотах над развалом.

Каждое утро участники этих работ собирались на импровизированной монтажной площадке у лесопосадок на северной окраине Чернобыля, где к тому времени было обустроено вертолетное поле. В двухметровой бочке из нержавеющей стали мы крепили на кронштейнах различную аппаратуру, которую срочно доставляли по нашим заявкам с заводов или из научных организаций.

Рядом с нами над другими проекта-

ми трудились десятки специалистов. Как-то на вертолетном поле Чернобыля появилось огромное дискообразное сооружение «Зонт». Его хотели накрыть реактор и таким образом снизить выход радиоактивных веществ в атмосферу еще до возведения «Саркофага». Видно на это сооружение из дюралевых листов и легких ферм, очень напоминавшее тубетейку, возлагали большие надежды, поскольку в день испытаний на поле прибыл министр Средмаша Е.П. Славский.

Прозвучал сигнал, и вертолет Ми—26, поднявшись в воздух, потянул за собой груз. «Зонт» оторвался от земли и начал раскачиваться. Крепежный трос не выдержал и лопнул. «Зонт» перевернулся и, как кленовый лист, спланировал на поле. От удара фермы покорежились, листы дюралю оцетинились. Удрученный министр выругался, сплюнул и уехал. Больше к этому проекту не возвращались...

Но вот наступил день пробного подъема нашего контейнера. Трос подцепили к вертолету Ми—8. Заработали его винты, и наша бочка скрылась в облаке пыли. Вертолет поднимался на 10, 20, 30 метров, а мощный поток воздуха от винтов все еще достигал земли, гнал песок и обрывки бумаги. Кто-то из наших крикнул: «Да ведь так он всю радиоактивность из реактора выдует!». Но это были всего лишь эмоции. Над ЧАЭС вертолет мог работать только выше 150 метров, чтобы не зацепиться за вентиляционную трубу. Рабочий вылет был назначен на следующий день.

Рано утром вся наша группа собралась на поле. Пришли летчики. Во второй Ми—8 сели кинооператоры. «Боевой» вертолет поднялся на 200 метров и оторвал от земли наш контейнер. Машины улетели на север к электростанции, а мы поспешили к деревне Лелев, где был обустроен отстойник для «грязной» техники и куда вертолет должен был доставить контейнер после выполнения задания. Но не успели мы пройти и километра, как оба вертолета появились

над нашими головами и приземлились на основном поле. Что такое? Да и бочки мы не заметили...

На поле мы застали только кинооператоров. Летчики уехали. Оказалось, что, когда вертолет завис над развалом реактора и начал медленно снижаться, ветер качнул бочку. Она зацепилась за арматуру западной стены 4-го блока, и трос оборвался. И слава Богу, что оборвался, иначе была бы беда с вертолетом. Теперь стало понятно, почему летчики спешно уехали с аэродрома. Попытки снять контейнер со стены не увенчались успехом.

Тросоход

Через месяц после начала проектирования «Саркофага» возник вопрос о способах его вентилирования. Как известно, фильтровальная станция второй очереди ЧАЭС размещалась в блоке В и обслуживала одновременно два энергоблока. При аварии она несколько пострадала: помещения вентиляционных установок со стороны 4-го блока имели открытые проемы в деаэрационной этажерке и близ зала с главными циркуляционными насосами. Для определения условий работы фильтров после завершения строительства, проектировщики запросили данные о газопылевых потоках из развала реактора. Правительственная комиссия 16 июня 1986 г. приняла решение «О проверке выбросов 4-го блока». В пункте 3 было поручено «Минхимпрому (т. Арустамяну) организовать направление до 20 июня 1986 г. в распоряжение Минобороны (т. Кириллова) группы специалистов Физико-химического института имени Карпова в количестве 3 человек для измерения дисперсного и агрегатного состава выбросов».

В середине августа военные саперы из пролома стены в блоке В (помещение 7001) над развалом реактора с помощью гарпунной пушки перебросили трос. (Опять трос! Что это, наважде-

ние или «Бог Троицу любит?»). Специалисты с Белоярской АЭС соорудили тросоход, который мог перемещать до 40 кг груза. Ажурный контейнер и радиометрической и пробозаборной аппаратурой мог передвигаться по тросу со скоростью 1 м/мин и останавливаться в нужной точке. С 28 августа по 11 сентября с высот 10—30 м над развалом реактора были отобраны 11 проб радиоактивных веществ. Из полученных в ходе этих работ результатов следовало, что концентрации всех обнаруженных гамма-излучающих радионуклидов, кроме цезия—144, были ниже предельно допустимых величин для профессиональных работников. Синхронные пробоотборы на уровне земли около административно-бытового комбината второй очереди ЧАЭС (АБК—2) показали, что концентрации здесь были примерно в 10 раз ниже, чем над развалом реактора. Это свидетельствовало о том, что реактор затухал.

Дальнейшие исследования пришлось прекратить, поскольку строители из УС—605 приступили к укладке кровли «Саркофага» и трос обрубил. К тому же проектировщики ждали наших заключений. Быстро обработав результаты анализов, мы уже 14 сентября сделали доклад на заседании Правительственной комиссии. Наши рекомендации в официальном документе были сформулированы сухо, но предельно точно. Приведу их в виде цитаты, поскольку это уже теперь исторический документ.

1. Провести заключительные работы по возведению стен и перекрытию «Саркофага» без нарушения сложившейся естественной конвекции развала 1У блока, например выполнив крышу или ее элементы с отверстиями жалюзийного типа.

2. Запроектированную систему вентиляции и фильтрационную станцию по очистке от аэрозолей выполнить как резервную. На случай непредвиденных ситуаций определить критерии и разработать план мероприятий по переводу

свободно-конвективного вентилирования в принудительное с очисткой аэрозолей в фильтровальной станции.

3. Разработать и ввести в действие до перекрытия «Саркофага» систему контроля за газозерозольным состоянием среды над развалом 1У блока.

Эти концептуальные предложения были приняты и практически полностью реализованы. Лишь вентилирование центрального зала стало осуществляться по более простой схеме через главную веттрубу с байпасом (байпас — обходной вентиляционный короб), проложенным к фильтрационной станции. За все годы, прошедшие после сдачи объекта «Укрытие» в эксплуатацию, заслонку в байпасе ни разу не переключали на фильтрационную станцию. Это свидетельствует о стабильности управления последствиями запроектной аварии 4-го энергоблока ЧАЭС.

Нередко в прессе, по радио и телевидению, особенно в первые годы после аварии, появлялись «страшилки» о выбросах радиоактивных веществ из «Саркофага». Иногда сообщалось, что облако уже достигло Урала и распространяется над Сибирью. Ничего подобного не было! И лучшее подтверждение этому — неостребованность в фильтровальной станции, над проблемой которой мы трудились летом 1986 г. и в которой установлены высокоэффективные фильтры из материалов Петрянова. Так что пусть она и дальше будет находиться только в режиме ожидания!

Немного арифметики

Апрель 2006 г. — это почти две трети срока, отпущенного проектировщиками на существование «саркофага». А еще миновало пять лет после останова на ЧАЭС последнего, третьего энергоблока и закрытия станции.

Эти вехи, конечно, волнуют не только специалистов, но и людей, пострадавших от аварии, и участников ликвида-

ции ее последствий. В самые «горячие» 1986 и 1987 годы в Чернобыле работали тысячи россиян. После распада СССР их число резко сократилось. Ныне достаточно пальцев на двух руках, чтобы посчитать тех, кто приезжает из России в Чернобыль, а тем более бывает в объекте «Укрытие».

Взгляд на ЧАЭС и ее окрестности

Три блока ЧАЭС по-прежнему стоят на своих местах. Вот только электричество они не выдают, а потребляют. Да на острове, где возводили пятый и шестой энергоблоки, появилась новая котельная, в которой сжигают газ для обогрева замершей станции.

Поскольку ЧАЭС перешла в разряд снятия с эксплуатации и находится на бюджетном финансировании, ее лихорадит. Начиная с 2001 г. на станции сменилось три директора, упали заработки. Выступая 14 ноября 2004 г. по станционному радио, директор АЭС А. Смышляев заявил, что началась продажа неиспользуемого оборудования. Происходит систематическое сокращение штатов, в первую очередь за счет пожилых людей. Разрешено также уходить на пенсию раньше регламентированного законом возраста. Одновременно делаются попытки увеличить количество рабочих мест за счет создания дочерних предприятий. Так, в 2001 г. появился «Атомремонтсервис», в котором работает около 50 человек. Он нацелен на оказание помощи при ремонтных и монтажных работах на других украинских атомных и тепловых станциях.

«Саркофаг» по-прежнему закрывает развал 4-го энергоблока и внешне не изменился. Работы на объекте «Укрытие» в значительной мере финансируются европейцами. Посол США на Украине Д. Гербет, посетив в декабре 2003 г. город Славутич, сообщил, что для выполнения стабилизационных работ на «укрытии» и разработки концептуального проекта нового безопасного контей-

мента американцы выделили 156 млн. долларов.

Спешу остудить пылкие воображения тех, кто начал прикидывать заработки украинцев, получающих денежки с Запада по линии закрытия ЧАЭС. «Щедрая» иностранная помощь остается преимущественно в странах, громко объявивших о ее оказании: как разработка проектов, так и поставки оборудования поручаются преимущественно своим фирмам.

В Припяти бесхозные дома стагнируют. Окна без стекол зияют, как бойницы. Газоны и дворы заросли кустарниками и деревьями. Кое-где на балконах и крышах также появились деревца. Футбольное поле на городском стадионе с успехом можно использовать для соревнований по ориентированию — плотная поросль молодых березок надежно скрывает человека. С момента начала вывода АЭС из эксплуатации город отключили от тепла, и все организации, размещавшиеся там, вынуждены были перебраться в иные места. В Припяти функционирует лишь спецпрачечная.

В Чернобыле существенных изменений не произошло. После того, как лет десять назад из-за боязни пожаров снесли многие деревянные дома, сараи и изгороди, город даже помолодел, стал просторнее. Центральные улицы покрыты добротным асфальтом, причем без выбоин. Осенью 2004 г. по обеим сторонам улицы Полупанова появились новые тротуары. Для этого использовали огромные бетонные плиты, которые, по слухам, привезли со ставшего теперь ненужным Украине аэродрома дальней бомбардировочной авиации. А в канун некоторых памятных дат, в том числе и 26 апреля, в спортивных залах школы, техникума и досугового центра проходят турниры по мини-футболу, волейболу, бадминтону, настольному теннису, шахматам...

Но мажорное настроение исчезает, когда приходишь в сквер на высоком

берегу Припяти. Там — мемориальный комплекс. И каждый раз с горечью отмечаешь, что на гранитных плитах увеличивается количество имен чернобыльцев — ликвидаторов аварии.

Помянуть усопших теперь несложно: это можно сделать в церкви, где регулярно проходят богослужения, или дома с предварительным заходом в магазин, где в большом ассортименте имеется алкогольная продукция.

Сегодня в Чернобыле постоянно размещаются три организации, занимающиеся научно-техническим обеспечением ликвидации последствий аварии: Техноцентр, Экоцентр и Межотраслевой научно-технический центр «Укрытие». Последний весной 2004 г. был преобразован в Институт проблем безопасности АЭС Национальной академии наук Украины.

Двойка за ХОЯТ—2

До аварии отработавшее ядерное топливо хранили в ХОЯТ—1. Но места в нем для перемещения топлива из снимаемых с эксплуатации трех блоков ЧАЭС не хватает. Нужно новое хранилище. Тендер на разработку и реализацию проекта ХОЯТ—2 выиграл еще в 1999 г., то есть за год до останова третьего энергоблока, консорциум, возглавляемый французской фирмой «Фраматом». Генеральным подрядчиком стала также французская компания «Кампенон Бернар». Выполнение основных строительно-монтажных работ возлагалось на предприятие «Укрэнергострой». Финансирование в размере 60 млн долларов осуществлялось через Европейский банк реконструкции и развития.

Площадка под строительство хранилища была выбрана в двух километрах к югу от АЭС. Весной 2000 г. здесь начались земляные работы. У въезда появился щит, на котором значились основные исполнители работ, а также высоченные мачты с красочными флагами. Поскольку стройка располагалась рядом с авто-

дорогой, ведущей из Чернобыля на АЭС, то наблюдать за ней было легко из окна автобуса. К концу 2002 г. обозначились основные сооружения: монолитное бетонное здание, предназначенное для разделки тепловыделяющих сборок (ТВС), и бетонные модули для хранения пеналов с разделенными ТВС. В каждом пенале диаметром 1,8 м, выполненном из нержавеющей стали, помещалось 196 патронов диаметром 89 мм. Следовательно, в один пенал можно поместить 98 ТВС.

В соответствии с графиком работ, сдача ХОЯТ—2 в эксплуатацию планировалась на конец 2003 г. Но тут выяснилось, что возведенные капитальные сооружения не могут функционировать: рубочную машину нельзя было смонтировать в зале, который оказался построенным в зеркальной проекции. Бетонные модули также оказались короче фрагментов ТВС, которые должны поступать после разделаборок пополам и обрубания не содержащих топлива наконечников... Строительная площадка опустела, флаги выцвели и поникли.

В октябре 2004 г. председатель Госатомрегулирующего Украины В. В. Грищенко сообщил корреспонденту Украинского национального информационного агентства новостей, что по проекту ХОЯТ—2 имеются существенные вопросы, с «которыми мы не можем согласиться, потому что предложение «Фраматома» в некоторых аспектах полностью уничтожает концепцию данного хранилища». Было подчеркнуто, что для ввода ХОЯТ—2 необходимо в полтора раза больше долларов, чем первоначально запланированная его стоимость. При этом Вадим Грищенко добавил, что в первую очередь необходимо решить такие принципиальные вопросы: кто будет платить дополнительные деньги за ошибки «Фраматома» и за реализацию нового проекта?

Про Карачай не забывай!

В Чернобыле закрытие АЭС тесно переплелось с проблемами ликвида-

ции последствий аварии. Известно, что на дне водоема-охладителя, протянувшегося на 10 км вдоль правого берега Припяти, лежит большое количество радиоактивных продуктов аварии. Часть из них попала туда в результате осаждения из воздуха, другая — с различными водными потоками. Поскольку физико-химическое состояние продуктов аварии таково, что они плохо растворяются в воде, то наиболее активными оказались именно донные осадки. За многие годы толщина ила над ними непрерывно нарастает. При ликвидации водоема-охладителя воду можно сбросить в реку, поскольку ее активность невелика. Но что делать с илом, который сразу же начнет высыхать и разноситься ветром?

Здесь уместно вспомнить трагедию на уральском озере Карачай, в которое производственное объединение «Маяк» сбрасывало воду из ядерных реакторов и радиохимических производств. В засушливое лето 1967 г. озеро обмелело, ил вдоль береговой полосы высох, а сильный ветер поднял радиоактивную пыль и унес ее на восток на многие десятки километров. Так на Среднем Урале образовался второй радиоактивный след, частично наложившийся на первый, источником которого был взрыв емкости с радиоактивными отходами в 1957 г. Остается надеяться, что на Чернобыльской АЭС будет учтен печальный опыт «Маяка» и трагедия не повторится.

Завод по переработке ЖРО

К числу проектов, успешно завершённых в 2005 г., относится завод по переработке жидких радиоактивных отходов (ЖРО), возведенный на территории ЧАЭС в 300 м севернее первого и второго блоков. За время эксплуатации реакторов было накоплено 25000 кубометров низко- и среднеактивных ЖРО, среди которых — отработанный перлит,

ионообменные смолы, концентраты выпаривания различных растворов, конденсационные воды и многочисленные протечки атмосферных осадков из объекта «Укрытие». Пока что их хранят в девяти контейнерах объемом по 1000 кубометров каждый, а также в пяти баках-пятитысячниках. По мере выгрузки топлива из первого и третьего блоков (со второго блока оно уже выгружено) количество ЖРО будет возрастать. Поскольку завод рассчитан на переработку в год 2500 кубометров, то уже сейчас он обеспечен полной загрузкой на 10 лет.

Конечный продукт завода — цементная матрица с радиоактивным концентратом в 200-литровых бочках. Их будут направлять для хранения на предприятие «Вектор», расположенное в 11 км западнее АЭС. Главным подрядчиком его строительства были бельгийская компания «Belgatom», итальянская «Ansaldo Nucleare» и французская SGN. Расходы на его возведение составили 22,5 млн. евро, полученные через Европейский банк реконструкции и развития. Работы выполняли субподрядчики — «Укрэнергострой» и «Укрэнергомонтаж».

Модернизация объекта «Укрытие»

В 2002—2005 гг. немало изменений произошло на объекте «Укрытие». В помещении Г-360 (на отметке +10 м) была модернизирована вентиляционная станция. В результате появились новые заграничные кондиционеры. Воздух пойдет, в частности, в помещения, где будут дезактивировать оборудование. В 2004 г. специалисты провели модернизацию локального санпропускника на отметке +5,8 м в западной части блока «Г». Здесь после оформления наряда на работы и в соответствии с указанием дозиметрической службы бригады будут получать дополнительные средства индивидуальной защиты, сменные комбинезоны и обувь.

В течение двух лет у западного торца

блока «Г» велась пристройка двухэтажного здания. Его можно назвать «парадным» входом в объект «Укрытие». Здесь — новое место пребывания службы радиационной безопасности и резиденция начальника смены блока. Стройка была завершена также в прошлом году.

А еще в полукилометре на запад в конце 2004 г. завершилось строительство санпропускника СП—1430. Четырехэтажное здание предназначено для переобедания и помывки тысячи рабочих, которые будут возводить новый безопасный контейнмент. Вот только не уверен, что место для санпропускника выбрано удачно. Ведь именно здесь через бывшую так называемую стройбазу прошел в западном направлении радиоактивный след первого выброса взорвавшегося реактора. Отсюда начинался двухкилометровый участок соснового леса, который через месяц после аварии вследствие радиационного поражения хвои стал известен как «Рыжий лес».

Помню, как в конце июля 1986 г. на вертолете-разведчике МИ—24 мы ходили галсами на высоте 50 м над тем местом, где ныне стоит новый санпропускник, и вели поиск источников излучения мощностью 10 Р/ч и выше.

До начала строительства нового безопасного укрытия предстоит выполнить комплекс стабилизационных мероприятий на самом объекте «Укрытие». Опасение вызывает верхняя часть западной стены рядом с концами балок Б1/Б2, то есть основной несущий элемент кровли. Поскольку еще в момент аварии стена отклонилась наружу, то решено ее подпереть. Для этого рядом с контрфорсной стеной возведут конструкции, напоминающие вытянутую вверх букву «Г». Их верхняя часть упрется в стену и предотвратит ее опрокидывание.

Чрезвычайно важно укрепить опоры балки «Мамонт». К западной из них приварят металлические косынки, а на восточной появится металлический чехол на бетоне, который в 1986 г. был вылит на

раздробленные строительные элементы. Интересно, что разработанный маршрут доступа рабочих к западной опоре балки «Мамонт» проходит через крышу машинного зала и блока «Г», где находится мощный источник гамма-излучения, обнаруженный сотрудниками МНТЦ «Укрытие» весной 2004 г. при исследовании МЭД на будущей площадке возведения «Арки». Поэтому его еще предстоит либо эвакуировать, либо экранировать.

Дыхание «Саркофага»

Как известно, объект «Укрытие» не является герметичным сооружением. Выброс аэрозолей происходит через вентиляционную трубу ВТ—2 и неплотности (щели, проемы, технологические люки) внешних конструкций объекта. Проконтролировать воздушные потоки и концентрации аэрозолей в многочисленных неплотностях чрезвычайно сложно. В связи с этим основной точкой мониторинга считается так называемый «Байпас» — вентиляционный канал, соединяющий разрушенный центральный зал четвертого энергоблока с трубой ВТ—2. Поскольку центральный зал является самым большим помещением четвертого блока, причем расположенным в его верхней части, то в нем собираются воздушные потоки из нижних и боковых помещений. В развале центрального зала находится большое количество обрушившихся конструкций, а также материалов засыпки реактора с вертолетов в 1986 г., которые остаются мощным источником генерации аэрозолей.

Система «Байпас» была обустроена осенью 1986 г. перед сдачей объекта «Укрытие» в эксплуатацию. Для этого в стене центрального зала направленным взрывом проделали овальное отверстие площадью около 2,5 м². От него проложили металлический короб сечением 1,5 м² и длиной 25 м. Далее воздух через вертикальный цилиндрический коллектор диаметром 1,4 м и длиной 3,5 м

направляется в помещение 4004/1, где смешивается с вентиляционными потоками третьего энергоблока и поступает в ВТ—2. В цилиндрическом коллекторе имеется шибер, при закрытии которого воздух из центрального зала может быть направлен на очистку в фильтровальную станцию, а затем в ВТ—2. Однако за все годы эксплуатации объекта «Укрытие» шибер ни разу не перекрывался, поскольку концентрации радиоактивных аэрозолей были ниже допустимого уровня.

К сожалению, долгие годы дисперсный состав аэрозолей, выбрасываемых из объекта «Укрытие», оставался неисследованным, хотя этот показатель чрезвычайно важен. От размера частиц зависит расстояние переноса аэрозолей в атмосфере, эффективность работы очистных фильтров и средств индивидуальной защиты органов дыхания, а также осаждение аэрозолей в легких. Кроме того, знание дисперсности способствует выявлению источников образования аэрозолей и пониманию происходящих при этом процессов.

Первые исследования дисперсного состава аэрозолей в «Байпасе» начали сотрудники МНТЦ «Укрытие» в декабре 2002 г. Были использованы пакеты трехслойных волокнистых фильтров, изготовленные в Москве в лаборатории аэрозолей Физико-химического научно-исследовательского института им. Л. Я. Карпова. За два года было отобрано и проанализировано свыше 100 проб. Установлено, что радионуклиды — продукты чернобыльской аварии находятся на частицах крупнее 1 мкм. В половине проб активностный медианный аэродинамический диаметр (АМАД) составлял 2—6 мкм, а примерно в 25% проб он превышал 8 мкм. Это свидетельствовало о том, что аэрозоли имеют дисперсионное происхождение. Очевидно, основной механизм их образования — пылеподъем эрозированных частиц с различных поверхностей. Расчет показал, что частицы указанных выше размеров, покидая на высоте 150 м верхний срез

трубы ВТ—2, уносятся ветром на большие расстояния от промплощадки ЧАЭС. Так, частице с диаметром 5 мкм и плотностью 1 г/см^3 для того, чтобы за счет гравитации опуститься на землю с высоты 150 м, требуется 15 ч. А это значит, что даже при минимальном ветре 1 м/с ее унесет почти на 50 км.

Более мелкие частицы будут перенесены еще дальше. Таким образом, стало ясно, что выбросы из ВТ—2 мало влияют на аэрозольную обстановку на промплощадке АЭС.

В результате пробоотборов в «Байпасе» удалось установить еще одну важную закономерность. Оказалось, что концентрации аэрозолей — носителей продуктов чернобыльской аварии зависят от скорости ветра в окружающей среде. При средних скоростях 4—5 м/с и порывах более 10—11 м/с объемные активности увеличивались в 3—5, а порой и в 10 раз относительно среднемесячного значения. Наоборот, при слабом ветре, в штилевую погоду, да еще с туманами, объемные активности убывали. Ясно, что причина таких проявлений метеорологической обстановки связана с многочисленными щелями, неплотностями, люками, технологическими проходами, имеющимися как во внешних конструкциях «Саркофага», так и во внутренних помещениях разрушенного энергоблока.

Аэрозольная обстановка внутри объекта «Укрытие» контролируется ежедневно путем отбора проб на фильтры АФА РСР—20. Регламентом установлено около 30 точек. Большинство из них относится к категории постоянного пребывания персонала. При специальных работах контроль усиливается и с помощью автономных воздуходувок может быть выполнен в любом месте.

Каждый шаг под контролем

В конце ноября 2004 г. специалисты МНТЦ «Укрытие» проводили замену детекторов нейтронно-физических харак-

теристик в скважине 3.10.Г. Эта скважина диаметром 172 мм проходит на отметке +10 м из помещения 207/4 в помещение 304/3, где находится крупное скопление лавообразных топливосодержащих материалов (ЛТСМ). Таких скважин из разных помещений пробурили немало в конце 80-х — начале 90-х годов, когда вели интенсивный поиск остатков ядерного топлива. Позже около 20 из них стали использоваться для контроля состояния топливосодержащих масс, поместив датчики нейтронных потоков, мощности экспозиционной дозы гамма-излучения, температуры, относительной влажности и др.

Скважина 3.10.Г. была вскрыта 23 ноября. Из нее вытащили блок детектирования, кабели, монтажные штанги. На следующий день скважину расчистили и с помощью калибра проверили ее проходимость. Поскольку помех не обнаружили, то приступили к установке датчика. Однако на расстоянии около 10 м он во что-то уперся. Сборку пришлось вытаскивать. Работы отложили. Но и на следующий день установить аппаратуру в скважине не удалось.

Все эти дни аэрозольная обстановка отслеживалась путем отбора проб как в помещении 207/4, где велись монтажные работы, так и в смежных с ним (помещение 207/5 и коридор 206/2). Резкое увеличение концентрации радиоактивных аэрозолей было зарегистрировано 24 ноября при расчистке скважины и первой попытке установки нового датчика. В помещении 207/4 суммарная активность бета-излучающих долгоживущих радионуклидов составила 140 Бк/м^3 , то есть по сравнению с предыдущими днями возросла на три порядка величины. Интересно, что раньше осадки на фильтрах имели серую окраску, а в этой пробе — интенсивную рыжую. Вслед за этим существенное увеличение объемной активности было зарегистрировано в помещении 207/5 (40 Бк/м^3) и коридоре 206/2 (300 Бк/м^3). К счастью, выброс аэрозолей оказался непродол-

жительным. В следующей пробе, взятой через час в помещении 207/4, объемная активность лишь на порядок превышала «фоновую».

Неординарность представленной аэрозольной обстановки вытекает из того, что в объекте «Укрытие» контрольные концентрации для суммы бета-излучающих нуклидов составляют 3 Бк/м^3 для помещений постоянного пребывания персонала и $8,9 \text{ Бк/м}^3$ — для помещений периодического пребывания. А так как помещения 207/4, 207/5 и коридор 206/2 относятся к категории нерегулируемых, то оргвыводов не последовало.

Фонтан под крышей

Проблема снижения концентраций радиоактивных аэрозолей внутри объекта «Укрытие» и в его выбросах в атмосферу на протяжении всех прошедших лет относилась к числу приоритетных. Для уменьшения подъема пыли из развала реактора в конце 1989 г. была введена система пылеподавления. Для этого под крышей бывшего центрального зала были размещены 14 форсунок, через которые периодически подавались полимерные растворы. В конце 2003 г. эта система была модернизирована путем прокладки еще двух коллекторов с 35 форсунками, размещенными по периферии центрального зала. Однако по наблюдениям, проведенным в 2002—2004 гг. сотрудниками МНТЦ «Укрытие», не были получены убедительные доказательства снижения пылевых выбросов после проведения сеансов пылеподавления. Более того, неоднократно зафиксированы случаи увеличения концентрации радиоактивных аэрозолей как во время работы форсунок, так и в течение нескольких последующих часов.

«Арка» над объектом «Укрытие»

Осенью 2003 г. на научно-практической конференции, организованной в

Славутиче Международным чернобыльским центром, впервые был представлен видеофильм с концептуальным проектом нового безопасного контейнмента, который часто в деловых и обыденных разговорах называют просто «Арка». Комментарии давали руководитель проекта М. Дьорст и представитель министерства торговли и промышленности Великобритании Я. Даунинг. Уже в самом начале они подчеркнули грандиозность сооружения: «Это будет наибольшая несущая конструкция в истории человечества». И в самом деле, размеры весьма внушительные: высота — 100 м, расстояние между опорами — 250 м! Как истинные патриоты, англичане не преминули подчеркнуть, что «Арка» будет всего на 11 м ниже собора Святого Павла в Лондоне.

Однако новый контейнмент — не «Саркофаг—2». Его главное назначение — защита объекта «Укрытие» от атмосферных осадков и создание условий для демонтажа нестабильных конструкций. Он также должен предотвратить распространение радиоактивных веществ. Однако на него не возлагаются функции экрана, снижающего радиацию от продуктов аварии, находящихся внутри объекта «Укрытие». Таким образом, это будет гигантская мастерская. На нескольких кадрах видеофильма было показано, как с помощью четырех мостовых кранов грузоподъемностью по 50 т произойдет демонтаж нынешней кровли.

Укрупненные элементы «Арки» будут изготавливаться вдали от Чернобыльской АЭС, а собираться — около объекта «Укрытие» (всего в 120 м к западу от контрфорсной стены). После удаления части грунта и выравнивания площадки будет возведен фундамент из двух бетонных полукилометровых полос толщиной 3—4 м и шириной 14 м. На них будут монтироваться арки из трех элементов массой до 200 т. После окончания монтажных работ длина сооружения составит 150 м. По стальным балкам, исполь-

зую тефлоновые подшипники, его надвинут на нынешний объект «Укрытие», включая машинный зал четвертого энергоблока. Предполагается, что с помощью тяговых механизмов, закрепленных на восточных концах фундаментных полос, и гидравлических систем, обеспечивающих плавность движения, «Арка» уже через сутки окажется на месте. По имеющимся планам, это должно произойти в 2008 г. Эксплуатационный ресурс данного сооружения — 100 лет. Концептуальный проект нового безопасного контейнмента разработали инженеры фирм «Bachtel», «Electricite de France» и «Battelle Memorial Institute» совместно с украинским консорциумом, в который входят МНТЦ «Укрытие», Киевский институт экспериментального проектирования и НИИ строительных конструкций.

Как следует из концептуального проекта нового безопасного контейнмента, большой объем подготовительных и монтажных работ предстоит выполнить в непосредственной близости от объекта «Укрытие».

«Сияние» на промплощадке

Для обеспечения радиационной безопасности при возведении «Арки», а также расчета индивидуальных и коллективных доз облучения необходимо уже на стадии проектирования знать мощности экспозиционных доз (МЭД) как на самой строительной площадке, так и над ней, где монтажники будут работать на высоте до 100 м.

Когда я услышал о такой задаче, то усомнился в реальности ее выполнения. На земле и в 10—20 м от нее я еще представлял, как с помощью сравнительно простых средств можно достаточно быстро измерить МЭД. А как быть выше? Однако сотрудники МНТЦ «Укрытие» взялись за эту работу, тем более, что у них уже имелся кое-какой задел. Еще осенью 1993 г. такие исследования были начаты в рамках программы «Сия-

ние». Тогда были использованы дозиметры ДРГ-01Т, которые поднимали с помощью связки из трех метеозондов. Оказалось, что работать можно только в безветренную погоду. Даже умеренный ветерок приводил к боковому сносу шаров и потере высоты. Поэтому удалось выполнить лишь несколько подъемов, которые показали, что имеется тенденция увеличения МЭД с высотой.

И вот ранней весной 2004 г. в Чернобыле в отделении ядерной и радиационной безопасности МНТЦ «Укрытие» появился... аэростат. Его собрали и наполнили газом сначала в спортивном зале, а потом уже во дворе. Аэростат имел объем 60 кубометров и мог поднять 10 кг полезного груза. Появились и новые средства детектирования МЭД: решили использовать индивидуальные электронные дозиметры RD—3i массой 100 г, поступившие на объект «Укрытие» лет пять назад из США. Их диапазон измерений МЭД составлял от десятков микрорентген до десятков рентген в час при низком коэффициенте анизотропии. Дозиметры могли «запоминать» результаты, а затем при считывании развертывать их по времени. При этом использовалось устройство PDR—1 и программное обеспечение «Rad Star».

Исследованию подлежала территория размером 150—250 м, расположенная в 120 м западнее контр-форсной стены. Она была разбита на квадраты 18—18 м. Над каждой точкой требовалось измерить мощность экспозиционных доз до высоты 120 м с интервалом 10 м. Итого около 1500 пунктов, в каждом из которых для статистики необходимо сделать не менее 6 отсчетов.

Ну что ж, «за работу, товарищи»! Ан нет. Поскольку все полеты над объектом «Укрытие» и Чернобыльской АЭС запрещены, а в 10 км проходит государственная граница с Белоруссией, где существует бдительная система ПВО, то пришлось получать разрешение от соответствующих органов.

С первыми весенними днями подъе-

мы аэростата все же начались. Его центральный фал крепили к лебедке, оболочку наполняли гелием и, манипулируя боковыми оттяжками, пытались удерживать строго над замаркированной точкой.

Яркая, многоцветная оболочка аэростата выглядела весьма фантастично на фоне объекта «Укрытие» и других сооружений АЭС. Большинство зевак сходилось во мнении, что снимается кино.

Однако бригаде исследователей приходилось туго. Даже легкий ветерок сносил аэростат в сторону из-за его большой парусности. Иногда один человек не мог удержать боковой фал. Если же ветер превышал 3 м/с, что на открытой местности, а тем более на высоте случалось нередко, аэростат вообще клало на землю. Помучившись несколько дней, сотрудники решили поработать с испытанным ранее средством — метеорологическими шарами-зондами. Но одна оболочка могла поднять лишь 0,8 кг груза, то есть над каждой точкой требовались минимум два запуска. Кроме того, такие латексные оболочки частенько рвались.

И тут, как повелось, выручила народная смекалка. А. Довыдьков изготовил аэростат объемом 5,8 кубометра, который уверенно обеспечивал подъем 25 дозиметров на высоту до 150 м. Он был выполнен из легкой синтетической ткани с внутренним полиэтиленовым вкладышем, заполнявшимся гелием. Регулировку расположения аэростата над точкой осуществляли двумя-тремя тонкими капроновыми фалами, привязанными к пуповине оболочки. После подъема шара на заданную высоту дозиметры работали 5—6 мин, при этом оператор четко фиксировал время начала и окончания экспозиции. Затем бригада переходила на следующую точку. В конце рабочего дня дозиметры доставляли в лабораторию, где с помощью устройства PDR—1, подключенного к компьютеру, считывали значения МЭД.

Полевые работы были завершены

лишь в мае. Как правило, проведению съемок мешал ветер. При скоростях более 3 м/с запуски аппаратуры не проводились. «Ловили» безветренную погоду в любое время суток, благо, служба режима и охрана разрешили работать даже ночью.

Чем же завершились «полеты»? Было установлено, что гамма-излучение плавно убывает по мере удаления от объекта «Укрытие». Если на востоке около блока «Г» МЭД составляет около 60 мР/ч, то на западной границе участка — в среднем около 1,3 мР/ч. Увеличение гамма-излучения с высотой составляет в среднем 0,86 мР/ч на каждый метр подъема. Наиболее интенсивный источник излучения находился в верхней части блока «Г» (по-видимому, на крыше) в районе строительных рядов 49—52, то есть на продолжении плоскости контрфорсной стены объекта «Укрытие» в южном направлении. Очевидно, он был выброшен туда еще при взрыве в апреле 1986 г.

Возле бывшего щита управления

Всякий раз, когда из объекта «Укрытие» направляешься на третий блок АЭС или обратно, маршрут проходит через помещение Г—360 на отметке +10 м, где находился блочный щит управления разрушенного реактора (БЩУ—4). В этом просторном помещении длиной около 30 м и шириной 12 м сходились все нити управления реактором. Именно здесь располагались оперативные смены, которые начали и трагически закончили тот апрельский эксперимент. До сих пор в зале находится стенка-дуга с многими десятками приборов и сигнальных лампочек. У ее основания — пульты с ключами и кнопками, за которыми размещались операторы. На сегодняшний день большинство гнезд опустело, торчат лишь остатки проводов. Возможно, часть приборов используется на других блоках, а лампочки и кнопки были разобраны как сувениры.

**Кошки, собаки,
мамонты и осьминоги...**

Прошло уже немало лет, как «Саркофаг» был возведен над разрушенным четвертым энергоблоком. Однако многие названия элементов необычного сооружения, придуманные проектировщиками и строителями, живут по сей день. Среди них есть и такие, как «Собачья будка», «Кошачий домик», «Клюшки», «Мамонт», «Осьминог» и другие.

«Собачья будка» — это металлическая конструкция, установленная в восточной части крыши, там, где трубный накат примыкает к остаткам стены блока «В». «Мамонт» — огромная сварная балка длиной около 60 м, простирающаяся с запада на восток в южной части блока «Б». Она была сварена на площадке в Чернобыле и доставлена трейлерами. Опоры балки на высотной отметке +43 м залили бетоном и на них с помощью двух немецких кранов «Demag» водрузили саму балку.

Балка «Осьминог» получила свое название из-за восьми «ног», которыми она опирается на остатки стены деаэрационной этажерки (блок «Г»). Это несколько южнее и ниже балки «Мамонт». Но обе балки выполняют одну функцию — на них были уложены металлические «Клюшки» — фрагменты перекрытия деаэрационной этажерки. Они были сварены из металлических листов и в сечении походили на клюшки для игры в канадский хоккей. После сооружения трубного наката над бывшим центральным залом «Клюшки» поднимали наверх все тем же краном «Demag».

«Галерея Досифея»

Увы, годы не стоят на месте. Кое-что со временем забывается. Меняются и люди. Как-то, просматривая альбом поэтажных планов объекта «Укрытие», я увидел надпись «Галерея Досифея». Там приходилось бывать не-

сколько раз. Это — наклонный коридор в южной части блока «Б», идущий с отметки +24 м на отметку +12,5 м и соединяющий помещения 645/2 и 402/3. По одной стороне — ступеньки, по другой — бетонный пандус с рельсами. По ним можно поднять или опустить тележку с аппаратурой. Этот коридор мы часто в разговорах называли «досифеевской лестницей». Но откуда такое название? Необычное для Чернобыля, не правда ли? Решил выяснить. Спросил у одного, другого. «Мы здесь новые люди», — услышал в ответ. «Кажется, ее строили шахтеры», — предположил кто-то.

И только инженер-дозиметрист Игорь Кабаченко сказал более определенно: «Так звали проектировщика из ленинградского ВНИПИЭТа». Да, именно ленинградцы буквально с колес (они располагались в Чернобыле в здании автовокзала) выдавали строителям чертежи уникального сооружения.

Нам шутка стронть и жить помогает

Шутники и юмористы, люди, обладающие острым взглядом и метким словом, не переводятся. Вот два примера.

Каждое утро около 10 ч из Славутича отправляется электричка, которую прозвали «пьяная». Ее нет в расписании. Две первые уже давно укатили с утренней сменой на ЧАЭС. А эта привозит в город тех, кто отработал ночь. Она долго в Славутиче не задерживается и снова отправляется в Семиходы. Вот на ней-то и пытаются добраться на работу те, кто по какой-либо причине не уехал рано утром. Зная, что «вредный» машинист может не остановиться на платформе в Славутиче или не открыть двери, люди приходят на вокзал заранее. Когда ночная смена покидает вагоны, они, наоборот, садятся и едут в тулик. Скоротав в отстое около 20 мин, «пьяные» минуют Славутич и к 11 ч прибывают в Семиходы.

А теперь второй пример. В начале

декабря 2004 г. я пришел в помещение Г—328 объекта «Укрытие», чтобы измерить активность фильтров с пробами аэрозолей из «Байпаса». Спросил начальника смены ЦРБ П. М. Бойко, можно ли включить радиометр КРК—1. Он покачал головой и открыл журнал. Там было написано, что б-датчик не работает. «А мне он и не нужен. Мои измерения на в-датчике», — сказал я. «Тогда работай», — ответил Петр Михайлович.

Через неделю пришел вновь. На этот раз прибор был исправен, но на б-датчике блеснула новая наклейка:

«Кореша!

Сцинтилляционное покрытие на чувствительный элемент датчика БДИА-01 нанесено методом напыления, поэтому его нельзя шоркать, а измеряемые фильтры, во избежание загрязнения ЧЭ, закрывать крышкой, похожей на консервную».

Думаю, что у ремонтников, сочинивших подобное предупреждение, было хорошее настроение, а «кореша» будут следовать их совету. И датчик еще работает.

Не берусь судить, как возникают прозвища и как долгоживучи они. Меня удивило, что в детском оздоровительном лагере «Орленок» в Подмоскowie, где я в отпускные летние месяцы веду кружок туризма и спортивного ориентирования, милую и покладистую, к тому же белокурую и миниатюрную, девчужку называют «Чернобыль». Так уже три года ее кличут и ребята, и подружки.

Супертуризм

Несмотря на то, что с момента аварии прошло уже немало лет, интерес к ЧАЭС и объекту «Укрытие» как у специалистов, так и у простых людей остается высоким. По свидетельству сотрудников отдела внешних сношений ЧАЭС В. Одиницы и С. Линкевич, ежегодно к ним на смотровую площадку прибывают около 3000 экскурсантов. Площадка располагается в 400—500 м северо-западнее

разрушенного энергоблока. Чтобы попасть на нее, нужно подняться на балкон второго этажа КПП—13, через который персонал и работники субподрядных организаций попадают на территорию локальной зоны объекта «Укрытие». С балкона «Саркофаг» виден как на ладони. В четыре бетонные ступени каскадной стены замурован вывал северной стены четвертого блока. Над ними — металлические скаты крыши, которые при проектировании и строительстве называли «Клюшки». Еще выше — вентиляционная труба ВТ—2 второй очереди АЭС. Ее срез находится на высоте 150 м. Именно она была главным ориентиром и основным препятствием, когда в апреле-мае 1986 г. вертолетчики сбрасывали мешки с песком, доломитом, свинцовой дробью в развал реактора.

Гигантским щитом выглядят металлические конструкции контрфорсной стены высотой 50 м, закрывшие западную стену разрушенного энергоблока. Между контрфорсной стеной и смотровой площадкой пока еще остается открытая ровная площадка. Но через какое-то время здесь развернется строительство нового безопасного контейнента.

Прибывая на смотровую площадку, посетители, естественно, интересуются мощностью дозы гамма-излучения. Некоторые, особенно иностранцы, привозят свои дозиметры. Так вот, у входа в здание КПП—13 мощность дозы составляет всего 45—50 мкР/ч. Это лишь в 4 раза выше, чем на Красной площади в Москве. Но на балконе излучение уже достигает 100 мкР/ч: сказывается прямое воздействие объекта «Укрытие»...

Природа берет свое...

В конце ноября прошлого года я шел в Чернобыле через двор дома 34 по ул. Кирова. Кругом было бело от прошедшего накануне снегопада: два дня хозяйничала метель. А на следующий день с утра показалось солнце, прояснилось голубое небо. Не верилось, что началась

зима. Стояла тихая, безветренная погода. Вдруг несколько снежных комочков упали на меня и рядом на засыпанную снегом землю. Поднял голову.

По высокому дереву прыгала белка. Вот она приблизилась к четырехэтажному дому. Прыжок! И белка оказалась на его крыше. Я остановился и решил подождать ее возвращения.

В этот момент со второго этажа раздался женский голос: «Вы что-то ищите?» — «Нет. Наблюдаю за белкой», — последовал ответ. «Да, здесь живут две семьи. Я им регулярно выношу орешки, и они прибегают на балкон», — пояснила женщина.

Что ж, время хоть и медленно, но залечивает раны аварии 1986 г. А людьми движут обычные человеческие чувства: им белочки помогают снимать стресс.

Два года назад в 30-километровую чернобыльскую зону привезли и выпустили небольшой табун лошадей Пржевальского. Один из молодых жеребцов повадился ходить на КПП «Лелев». Здесь его подкармливали и ласкали дежурные милиционеры и дозиметристы. Рыжего конька с большой головой, короткой холкой и умными глазами мы часто видели, проезжая через КПП. Как-то наблюдали такую сценку. Дозиметрист показал коньку конфету. Тот подошел и протянул морду. Дозиметрист-шутник снял обертку и протянул ее животному. Конек отпрянул и стал медленно уходить. Дозиметрист позвал его, протянул конфету. Конек остановился, но морду не поворачивал. Обиделся! Что было дальше, не знаю, поскольку открылся шлагбаум и автобус уехал в сторону Чернобыля.

Нередко, проходя по дальним улицам Чернобыля или через бывший городской парк, можно видеть изрытую землю. Черные комья особенно хорошо заметны на свежем снежном покрове. Это ночью потрудились кабаны. Днем их не видно, где-то отлеживаются, зато ночь — их стихия. Поэтому женщины-повара, которые к 6 утра уже должны пригото-

вить завтрак в столовых, боятся выходить на улицу: за ними приезжает дежурный автобус.

Летом 2002 г. в журнале «Insight», который издается в Славутиче Международным чернобыльским центром, появилась интересная фотография: перед «Саркофагом» сидела сова. Кто из нас может похвалиться тем, что видел сову? Может быть, в детстве, в зоопарке? Или в популярной телевизионной передаче «Что? Где? Когда?» В комментарии к фотографии было сказано, что это орлиная сова, она еще совсем молодая и не летает. Так что вероятнее всего родилась она где-то поблизости. Нашли ее рабочие Михаил Гребенюк и Станислав Дьяченко недалеко от объекта «Укрытие» при обследовании трубопровода. Известно, что на Украине обитают только около 50 пар орлиных сов, преимущественно в старых лесах. Находку доставили в административный корпус, а оттуда (после длительной дискуссии) — в киевский зоопарк.

Несколько ранее в 30-километровой зоне был обнаружен черный аист. Эта птица в отличие от своего белого собрата не любит соседствовать с людьми и селится подальше от них.

Вместо заключения

Какова же она, сегодняшняя жизнь Чернобыля?

Ясно, что жизнь, как всегда, в полоску. То черная, то светлая. Особенно в 30-километровой зоне. С закрытием ЧАЭС в декабре 2000 г. количество проблем не только не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось. Кому нужна электростанция, которая не дает электричества?

Если понимать слово «Чернобыль» в широком смысле, а не только как название города, то это — клубок проблем. Необходимо немало духовных и физических сил, подкрепленных финансовыми средствами, чтобы его распутать. Но, как говорится, дорогу осилит идущий!

Литература

1. Чернобыльская трагедия. Киев, 1996.
2. Чернобыль. Десять лет спустя. М., 1995.
  - 2.1. *Марьин В.В.* О деятельности оперативной группы ПБ ЦК КПСС на Чернобыльской АЭС. Монография. «Чернобыль. Десять лет спустя. Неизбежность или случайность?», М., 1995.
  - 2.2. *Рыжков Н.И.* К 60-летию академика Легасова В.А., М., 1997.
    - 2.2.1. *Семенов А.Н.* К 10-летию катастрофы на Чернобыльской АЭС. Монография. «Чернобыль: 10 лет спустя», М., 1995.
    - 2.2.3. *Беляев И.А.* Бетон марки «Средмаш», М., 1996.
    - 2.2.4. *Огородников Б.И.* Над развалом. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
  - 2.3. *Чернобыль.* Пять трудных лет. М., 1992.
    - 2.3.1. *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств. М., 1992.
    - 2.3.3. *Селидовкин Г.Д.* Клиническая больница № 6. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
    - 2.3.4. *Селидовкин Г.Д.* Медицинская помощь пострадавшим в зоне катастрофы. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
    - 2.3.5. *Ильин Л.А.* Реалии и мифы Чернобыля. М., 1996.
    - 2.3.6. *Гуськова А.К.* Опыт прошлого — в помощь пострадавшим. Монография «Москва-Чернобылю», М., 1998.
    - 2.3.7. *Иванов Б.П.* Гражданская оборона. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
    - 2.3.8. *Дьяченко А.А.* Монография: «Деятельность гражданских и военных органов по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС», М., 2000 г.
    - 2.3.10. *Алфёров А.П., Черняк С.Н.* Военные медики. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
    - 2.3.11. *Стукин Е.Д.* Восемь лет в Чернобыле. Монография. «Москва — Чернобылю», М., 1998.
    - 2.3.12. *Жиляев Е.Г., Мешков Н.А.* Медицинское обеспечение войск в период ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и основные направления научных исследований по профилактике отдаленных последствий. Монография. «Москва — Чернобылю», М., 1998.
    - 2.3.13. *Давыдов Б.И.* Обеспечение радиационной безопасности экипажей вертолетной авиации. Монография. «Москва — Чернобылю», М., 1998.
  - 2.4. *Игнатенко Е.И.* Самые трудные дни. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
  - 2.5. *Семенов А.Н.* К 10-летию катастрофы Чернобыльской АЭС. Монография. «Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы», М., 1996.
  - 2.6. *Полад-Заде П.А.* Жаль, что для этого нужна трагедия. Монография. «Чернобыль. Десять лет спустя», М., 1995.
  - 2.7. *Варенников В.И.* Монография. «Неповторимая», Советский писатель, 2001, Москва.
  - 2.8. Чернобыльская катастрофа, Киев, Наукова думка, 1995.
  - 2.9. *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств, Москва, 1992.
  - 2.10. ЦДАГО, фонд 1, опись 25, дело 3, стр. 13—19, 22—33.
  - 2.11. ЦДАГО, фонд 1, опись 25, дело 3, стр. 22—33.
  - 2.12. ЦДАГО, фонд 1, опись 25, дело 2993, стр. 75—77.
  - 2.13. ЦДАГО, фонд 1, опись 25, дело 3, стр. 36—41.
  - 2.14. *Шишкин В.Н.* Чернобыльская АЭС. Апрель 1986 г. Монография «Чернобыль. 10 лет спустя», М., 1995.
  - 2.15. *Воробьев А.И.* До и после Чернобыля, 1996.

Ликвидация последствий катастрофы

- 2.16. *Легасов В.А.* Из сегодня в завтра. М., 1996.
- 2.17. *Боровой А.А.* Мой Чернобыль, М., 1996.
- 2.18. *Владимиров В.А.* Трудности первых дней. Монография. «Москва — Чернобылю», М., 1998.
- 2.19. *Беляев И.А.* Бетон марки «Средмаш», Москва, 1996 .
- 2.20. *Огородников Б.И.* Пепел Чернобыля. Монография. «Москва — Чернобылю», М., 1998.
- 2.21. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 22.05.1986 г. № 583.
- 2.22. ЦДАГО. Фонд 1. Описание 25. Дело 3, с. 22—23.
- 2.23. ЦДАГО. Фонд 1. Описание 25. Дело 3, с. 36—41.
- 2.28. *Садовников Н.Г.* Главное управление торговли // Чернобыль. Долг и мужество. М., 2001.
- 2.30. *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. М., 1972.
- 2.31. *Стародубов Г.С.* Генеральный штаб // Чернобыль. Катастрофа, подвиг, уроки и выводы. М., 1996.
- 2.32. *Королев А.С.* Инженерные войска Киевского Военного округа // Москва — Чернобылю. М., 1998.
- 2.33. *Разуванов Р.Ф.* Малоизвестные страницы катастрофы // Москва — Чернобылю. М., 1998.
- 2.34. *Тараканов Н.Д.* Операция в особо опасной зоне, сентябрь 1986 года // Москва — Чернобылю. М., 1998.
- 2.35. *Дорофеев Ю.П.* Чернобыль — дела инженерные // Москва — Чернобылю. М., 1998.
- 2.36. *Комаров Ф.И., Чвырев В.Г.* Военные медики в Чернобыле // Чернобыль. Истоки гражданского долга и мужества. М., 2000.
- 2.37. Архив ВО « Чернобыльская АЭС», с. 1—8.
- 2.38. *Дьяченко А.А.* Еще раз о причинах катастрофы на Чернобыльской АЭС // Вестник АВН. 2003. №3(4).
- 2.39. *Дьяченко А.А.* Опыт применения силовых структур при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС // Военная мысль. 2003. №4.
- 2.40. *Дьяченко А.А.* Опыт ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986—1991 гг.). — ИВИ МО, 2002.
- 2.41. *Дьяченко А.А.* Мон. Опыт ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. М., 2004 г.
- 2.42. *Сотскова А.К.* О вдовах Чернобыля // Чернобыль. Долг и мужество. М., 2001.

Глава 3

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ

Вместо введения. Всесоюзный (ныне Всероссийский) институт по эксплуатации атомных электростанций (ВНИИАЭС) был образован в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР в 1979 году. На него были возложены функции головной организации по проблемам обеспечения эксплуатации действующих атомных электростанций (АЭС).

К основным задачам ВНИИАЭС относятся такие, как:

- анализ и обобщение опыта эксплуатации оборудования АЭС, комплексное исследование пусковых, переходных и аварийных режимов работы АЭС, выявление слабых мест, отказов и повреждаемости оборудования, ядерного топлива и АЭС в целом;

- организация и проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по повышению надежности, безопасности и экономичности эксплуатации АЭС, проведение полномасштабных исследований и испытаний оборудования с целью прогнозирования его работоспособности и совершенствования эксплуатационных характеристик.

На ВНИИАЭС возложена ответственность за строгое соблюдение на действующих АЭС проектных и конструкторских решений, накопление, систематизацию

и обобщение опыта эксплуатации, разработку рекомендаций по совершенствованию АЭС.

Авария на Чернобыльской АЭС послужила поводом для самого тщательного анализа состояния дел в атомной энергетике. Стало очевидно, что проблем здесь еще много, в том числе в эксплуатации АЭС.

Вновь строящиеся АЭС должны характеризоваться более высоким уровнем безопасности по сравнению с атомными станциями первых поколений. Должен быть обеспечен и более высокий уровень эксплуатации всех действующих АЭС.

В настоящее время ВНИИАЭС совместно с другими предприятиями осуществляет научно-техническое руководство пусками АЭС с серийными ядерными паропроизводящими установками в СССР и за рубежом.

На институт возложены функции головной организации по таким проблемам, как «Сбор и обработка информации о работе АЭС и анализ отказов, повреждений и аварий на АЭС», функции головной конструкторской организации по проблеме создания полномасштабных тренажеров и специальных технических средств обучения для учебно-тренировочных центров и учебно-тренировочных пунктов по подготовке и пере-

подготовке эксплуатационного персонала атомных электростанций, функции головной технологической организации по проблеме создания автоматизированных систем управления технологическими процессами на атомных станциях.

Первые представители ВНИИАЭС 26 апреля 1986 года вылетели в Чернобыль на военном самолете во главе с директором института — Абогяном Арменом Артаваздовичем.

Созданная группа дозиметрии приступила к измерению мощности дозы излучения на местности для составления карты радиационной обстановки. Параллельно с группой дозиметрии аналогичную задачу решали в масштабе региона военные из группы войск химической защиты.

Таким образом, первая группа сотрудников Института включилась в работу по оценке радиационной обстановки и налаживанию системы радиационного контроля персонала АЭС совместно со службой радиационной безопасности станции.

Выполненный первоначальный анализ радиационной загрязненности подтвердил ее ухудшение.

Работа первой группы специалистов Института закончилась 8 мая. На смену им прибыли другие группы. В их состав входили химики, конструкторы, физики-реакторщики и другие специалисты. Было организовано постоянное представительство ВНИИАЭС в Чернобыльской зоне, которое функционировало несколько лет. Всего в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы приняло участие более 322 сотрудников Института.

Ниже представлены воспоминания только незначительной части представителей института, а остальные сосредоточены в книгах, изданных Организацией инвалидов Чернобыля — «Союз «Действие»» совместно с ВНИИАЭС.

Значительный вклад по подготовке к изданию этих книг «Союзом «Действие»», как в организационном, так и

творческом плане, был внесен их бесшумным руководителем — Никольским Борисом Федоровичем (от редакции).

Как начиналась битва за воду

В.И. ПАШЕВИЧ

Планомерное изучение и оценка радиационного загрязнения территории в регионе аварии была начата сотрудниками ВНИИАЭС буквально с первых дней после аварии. После первой группы, которая прибыла с Абогяном А.А., через неделю приехали еще специалисты отделения радиационной безопасности, которые и развернули эту работу — вначале с использованием оборудования отдела дозиметрии ЧАЭС, а затем — и собственных спектрометров, доставленных из Москвы.

Жили тогда многие в пионерском лагере «Сказочный», что по дороге на Киев. В одной палате размещалось по 25-40 человек. Стояла жара, тучи комаров изумляли даже коренных чернобыльцев. Были они почему-то большие и рыжие. Начало лета ознаменовалось исключительно бурным цветением фруктовых деревьев, пышной растительностью лесов и обилием цветов.

При въезде в пионерский лагерь «Сказочный» продолжал висеть лозунг, который в этой ситуации вызывал смех сквозь слезы: «Что за речка, что за лес — мы попали в край чудес!» Кругом действительно были «чудеса». Я приехал с сотрудниками отдела химической технологии ВНИИАЭС 9 мая. По пути из Киева, в автобусе, у одного из специалистов был дозиметр, который начал отсчет «новой зры» еще на дальних подступах к закрытой зоне. В г. Иванкове, на лугу, поразило огромное количество пожарных машин, не менее 300—400.

ПАШЕВИЧ В.И. — доктор технических наук, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1986—1987 гг.

Они стояли ровными рядами и напоминали собой двор-склад солидного автозавода. Не зная истинного масштаба катастрофы и пользуясь сведениями, почерпнутыми из передач телевидения и газет, все были тревожно удивлены видом этого стойбища красных автомобилей.

Езда по «зоне» сопровождалась все увеличивающейся частотой треска дозиметра, звук которого не предвещал ничего хорошего.

При въезде в «Сказочный» нас встретил пост дозиметрии и наскоро организованный, но уже активно работающий санпропускник. Переодевшись в выданные нам штаны, ботинки и куртки, положив свою одежду и личные вещи в большие пластиковые мешки, мы направились к будущему месту жительства — пионерским домикам-палатам. Здесь и начались те «чудеса», о которых предупреждал плакат при входе. По траве — не ходить! Только по асфальту и не под деревьями! По асфальтированным дорожкам непрерывно ездил автоцистерны и поливали их пенным специальным раствором. Окна в палатах затянуты пластиковой пленкой (конечно, не от комаров!).

Кормили в столовой по талонам. Несколько дней даже выдавали пиво, которое потом отменили по решению партийного собрания оставшиеся работники ЧАЭС, желая быть в передовых рядах начатой кампании в стране по борьбе с алкоголизмом. Однако здесь предстояло жить и работать...

Прибывшие до нас Вадим Глазунов, Анатолий Рогачев и Михаил Амосов уже успели накопить некоторый багаж сведений и получить личные впечатления о размерах аварии. Сведения добывались просто. Было у нас два «Газика», на которых ежедневно ребята отправлялись в маршрут по региону, а по зоне АЭС — на бронетранспортерах. Причем, с целью надежного измерения мощности дозы гамма-излучения. Измеряющий, как правило, садился на броню машины

В.А. Пашевич

снаружи и в таком виде получал все сведения об обстановке, которые были так нужны. Особенным бесстрашием отличался Анатолий Рогачев, который посетил и замерил практически большинство наиболее опасных участков. Отобранные в маршрутах пробы непрерывно измерялись группой Михаила Амосова, а данные анализировались и оценивались Вадимом Глазуновым.

К 11 мая мы смогли выдать первый оценочный прогноз, на основании которого стало ясно, что размер катастрофы неожиданно велик и превышает все наши ранее предполагаемые прогнозы. «Справка» была представлена Игнатенко Е.И., который и принял решение об организации работ по проблеме «Вода».

Да, эта проблема имела первостепенное значение. Если учесть, что в радиусе 20—30 км от ЧАЭС все водные источники поверхностного типа — реки, речки, болота, лужи, озера, пруд-охладитель (особенно) — имели содержание радиоактивных веществ по удельной активности близкое к воде ядерного реактора, станет понятным, что битва за регион — это битва за воду. 15 мая меня вызвал в штаб Правительственной комиссии Е.И. Игнатенко — тогда последний и единственный заместитель руководителя ВПО «Союзатомэнерго» — и

сказал с присущей ему доброжелательной улыбкой: «Ну, старик, вся вода здесь твоя. Делай что угодно, но этого врага мы должны победить!» С этого момента началась работа по «воде».

Надо сказать, что ученые и власти Украины зря время не теряли. Вице-президент АН УССР, академик В.И. Трефилов, лично возглавивший штаб АН УССР по ликвидации аварии, нынешний член-корреспондент АН УССР Э.В. Собонович, Мельников А.И. — сотрудник Госстроя УССР, человек огромного личного мужества и энергии (он до сих пор работает в зоне аварии) и многие научные сотрудники институтов, пароходства. А Аэрофлот и другие организации решили бороться с загрязнением р. Припять, Днепра и Днепропетровскою моря, не дожидаясь официальных указаний. На р. Припять, ниже г. Чернобыль, пригнали баржи с золой и другими материалами, приступив к обработке воды в реке. Управление сельскохозяйственной авиации выбрало площадку и приступило к ее оборудованию для дислокации самолетов с целью обработки пруда-охладителя хлорным железом для коагуляции радиоактивных веществ и их осаждения.

Надо сказать, что экстренные меры, принятые по моему настоянию через Правительственную комиссию, предотвратили превращение пруда-охладителя в резервуар раствора хлорных солей, что привело бы к невозможности дальнейшей эксплуатации и даже охлаждения блоков ЧАЭС в режиме аварийной остановки. 17 мая я подготовил, а председатель Правительственной комиссии И.С.Силаев подписал сразу 4 решения, в том числе; «О локализации радиоактивно-загрязненных вод в районе АЭС и промбазы», «Об откачке воды из помещений и хранилища жидких радиоактивных отходов ЧАЭС», «Об откачке вод, получаемых при дезактивации территории города Припять». Решением об «уменьшении радиоактивного за-

ряжения озер, прудов и других водоемов на территории ограниченной зоны» моей группе было поручено совместно с подразделениями Минсредмаша, Минобороны и МВД СССР провести испытание способов уменьшения радиоактивной загрязненности водоемов и при получении положительного результата выполнить их дезактивацию». А срок назначили — 7 суток!

К этому времени силами Минобороны СССР, с целью предотвращения попадания радиоактивных веществ в водоемы с ливневыми водами, была произведена обваловка берегов грунтом, укрытым пластиковыми покрытиями. Госгидромет СССР и летчики успешно боролись с дождевыми облаками в районе аварии, и дождя не было. Все опасались массового залпового смыва радиоактивности с зараженной территории в реки Припять и Днепр, что поставило бы под угрозу жизнь и пребывание 30 млн. человек, живущих вниз по течению этих рек. Рассматривался вариант эвакуации г.Киева. В мировой практике никогда не возникало задач такой сложности, а для их решения не ставились такие сжатые сроки. Но — делать надо!

Сотрудники моей группы Геннадий Чечельницкий и Сослан Хубецов вместе со мной засели за составление программы эксперимента и составление заявки на химреактивы. За зданием Чернобыльского райкома КПСС, где размещалась Правительственная комиссия, руководители Министерств, Комитетов и других ведомств, расположилась оперативная группа Госснаба СССР. Работа была организована так, что заявка на химические и другие вещества, составленная нами от руки на простом листе и подписанная мной и Е.И. Игнатенко, начала выполняться буквально не по дням, а по часам. Лишь спустя 5-10 часов мы поняли, какого «джина» разбудили и выпустили из бутылки. Первые 50 тонн извести поступили к утру следующего дня. В течение двух суток мы имели все виды

из заказанных нами веществ (всего 7 наименований) и в заявленных количествах. Г.Чечельницкий и С.Хубецов выбрали участок ирригационной системы, которыми так богаты окрестности Чернобыля, а химвойска экстренно прислали необходимое количество автоцистерн — АРСов. На 7 участках ирригационного канала, разделенных перегородками, АРСы поливали радиоактивно-загрязненную воду химреактивами. На 8-м — ничего не делалось. Отобранные пробы воды через каждые пять часов доставлялись к гамма-спектрометру. Изучалось уменьшение удельной радиоактивной воды. Результаты наносились на графики, определялась скорость дезактивации воды. Оказалось, что скорость дезактивации была **ОДИНАКОВА** во всех случаях. И даже без химической обработки. Я думаю, что все-таки нам здорово повезло, что физико-химическое состояние радиоактивных веществ, поразивших территорию Чернобыльской аварии, оказалось таково, что эти вещества не растворялись в воде. Тогда же нам удалось высказать гипотезу об этих формах, что и подтвердилось многочисленными исследованиями и исследователями в дальнейшем.

Через 5 суток можно было доложить Правительственной комиссии, что **вся** вода придет к своему первоначальному состоянию самостоятельно и дезактивировать ее не надо. Считаю, что одним из самых удачных научных, достижений в моей работе стало это прогнозирование и установление форм состояния радиоактивных веществ, загрязняющих регион Чернобыльской катастрофы. Это определило дальнейший ход защитных мероприятий. 23 мая новый председатель Правительственной комиссии Л.А. Воронин подписал Решение «Об организации систематического контроля за прудом-охладителем ЧАЭС, его стоками и р. Припять». Этим Решением была организована оперативная группа радиохимического и дозиметрического контроля за водой пруда-охладителя и

других водных объектов из состава сотрудников предприятий ВПО «Союзатомэнерго» и ВТИ им. Дзержинского. Приказом Минэнерго СССР был утвержден персональный состав группы, а ее начальником назначили меня, и я стал работать под непосредственным руководством Е.И. Игнатенко.

С целью сокращения времени доставки сотрудников к объектам (прудохладитель, р.Припять, Днепр, Киевское море) мы решили переселиться в г.Чернобыль. К этому времени там давно не было населения, по главной улице передвигались машины и люди, одетые кто в военную форму, кто в униформу, кто в белые комбинезоны зоны строгого режима АЭС и никого — в обычной одежде. Можно было встретить министров, крупных ученых, работников всевозможных организаций и ведомств и не знать, кто он такой — так уравнила всех спецодежда. Однако и тут образовалась своеобразная мода. Те, кто был ближе к верхнему эшелону руководства ликвидацией аварии, вначале щеголяли в белых одеждах, затем в военной форме (без погон — гражданские) нач.состава МО СССР, а затем в «афганах». Другие — в том, что выдавалось на обмен загрязненному, а меняли одежду часто. Мощность дозы в районе г.Чернобыль и в городе определялась, в основном, изотопами йода, циркония, цезия и редкоземельной группы. Все это — осколки деления урана ядерного топлива — и находились они всюду — и на улице, и в помещении (на улице в 10 раз больше). Подсчет накопленной дозы показывал, что если бы она постоянно не падала в результате распада, нам через полгода не помог бы и д-р Гейл из США.

На наше счастье, прогноз по падению гамма-дозы был положительный.

Наша группа «облюбовала» бывшее семейное общежитие Чернобыльского судоремонтного завода, так как это зда-

ние барачного типа с множеством комнат и кухней коммунального типа лучше всего подходило для жилья и работы. «Удобства» были во дворе, что при наличии большого количества злобных комаров, не создавало предпосылок для очереди по утрам. Наши дозиметристы нашли во дворе котенка, который не передвигался, глаза у него были поражены бельмами, шкура висела лохмотьями. От него «фонило» до 50 миллирентген в час. Но, как ни странно, он в дальнейшем долго жил по соседству с нами...

К группе прикомандировали два «Газика», одну машину-амфибию для езды по водным поверхностям. Приступили к обследованию воды и донных отложений пруда-охладителя. По нашим оценкам, пруд мог содержать до одного миллиона кюри. В основном за счет диспергированного и просто механически заброшенных кусков ядерного топлива аварийного реактора. Работа была очень опасной. Наши оперативные подгруппы ежедневно, с раннего утра до позднего вечера, отбирали пробы воды и донных отложений. Никто не мог знать, что принесет в амфибию донный насос то ли кусок топлива, то ли еще чего. Однажды винт машины запутался в брошенных рыболовецких сетях, начался устрашающий дрейф к берегу 4-го энергоблока, где мощность дозы достигала сотен рентген. Водитель, солдат СА (к сожалению, забыл его фамилию), разделся, влез в воду (10 Ки/л) и освободил винт. Я написал представление командующему группой войск в Чернобыльской зоне, и этот поступок был по достоинству оценен.

Удельная активность в воде пруда-охладителя уменьшалась по тем же законам, что и в других местах, но нам нужно было оценить возможность включения цирк.насосов 1 и 2 блоков ЧАЭС при их вводе в эксплуатацию. О положительных результатах этой работы я и В.С.Конвиз докладывали в Москве Министру — Майорцу Е.Н. Вот так начиналась битва за Воду...

Характеристика состояния здоровья инвалидов-чернобыльцев г. Москвы

Г.А.ЗУБОВСКИЙ

На 1.01.2000 г. в г. Москве проживает около 3000 человек, инвалидность которых связана с работами по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС или других радиационных катастроф. Основную массу этого контингента составляют мужчины (85%). Возраст инвалидов-чернобыльцев распределяется следующим образом:

до 40 лет — 35 человек;
от 40 до 50 — 850 человек;
от 50 до 60 — 1280 человек;
старше 60 — 835 человек.

По годам участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС ликвидаторы-инвалиды распределяются следующим образом:

1986 г. — 53,3%
1987 г. — 35,6%
1988-89 гг. — 11,1%.

Характеристика заболеваний контингента инвалидов-чернобыльцев

По основному заболеванию, которое стало причиной инвалидности, контингент инвалидов-чернобыльцев распределяется следующим образом:

сердечно-сосудистые заболевания — 42,2%;
нервно-психические заболевания — 34,9%;
злокачественные опухоли — 6,8%;
заболевания органов пищеварения — 6,4%;
заболевания органов дыхания — 3,6%;
прочие — 6,1%.

ЗУБОВСКИЙ Г.А. — доктор медицинских наук, профессор РАМН, участник ликвидации последствий катастрофы в 1986 г.
ТАРАРУХИНА О.Б. — кандидат медицинских наук.

Структура причин смерти по данным Российского межведомственного Совета по установлению причинной связи с работами по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС представляется следующим образом:

1) заболевания органов кровообращения, включая инфаркты и инсульты, составляют 51%;

2) злокачественные опухоли являются причиной смерти в 26% случаев (по данным 1998 г.);

3) несчастные случаи, суициды и токсические поражения нервной системы, включая алкогольные — 10,6;

4) прочие — 12,4.

Таким образом, между причинами инвалидности и причинами смерти существует значительная разница, особенно за счет более высокой смертности из-за онкологических заболеваний. Однако официальные причины инвалидности не отражают истинную заболеваемость участников ЛПА на ЧАЭС, поскольку многие из них имеют также другие сопутствующие заболевания, которые не включены в категории болезней, дающие право на установление причинной связи с работами по ЛПА на ЧАЭС.

По данным обращаемости инвалидов-чернобыльцев в Московскую медицинскую комиссию за медицинской

помощью в 1998—99 гг. структура заболеваемости инвалидов-чернобыльцев представляется следующим образом:

заболевания позвоночника и суставов — 2400 чел.;

заболевания органов пищеварения — 1350 чел.;

заболевания нервной системы — 1400 чел.;

сердечно-сосудистые заболевания — 1370 чел.;

диабет — 680 чел.;

заболевания органов зрения — 540 чел.;

заболевания кожи — 510 чел.

Как правило, каждый инвалид-чернобылец обращается за медицинской помощью к трем-пяти специалистам: кардиолог, невропатолог, хирург, офтальмолог, дерматолог. Более старшее поколение инвалидов-чернобыльцев почти постоянно находится под наблюдением уролога ввиду заболеваний предстательной железы. В районных поликлиниках по месту жительства ввиду дефицита профильных врачей-специалистов существует очередь на прием к узкопрофильным специалистам.

Организация лечения инвалидов-чернобыльцев требует, прежде всего, повседневного контроля состояния здоровья и регулярного приема лекарственных

Программа медицинского воспитания с элементами самоврачевания для инвалидов-чернобыльцев

Название процедуры	Частота применения	Кто выполняет
Измерение артериального давления (и ЧСС)	Ежедневно (2—3 раза в день)	Самостоятельно
Измерение температуры тела	Ежедневно вечером	Самостоятельно
Контроль сахара крови	2 раза в неделю	Самостоятельно
Массаж	Ежедневно	Самостоятельно или член семьи
Закапывание глазных капель	Ежедневно (2 раза в день)	Член семьи
Закапывание капель в нос	Ежедневно вечером	Самостоятельно
Лечение мазями	Ежедневно (1—2 раза в день)	Самостоятельно

Г.А. Зубовский

ных препаратов, в том числе и в виде инъекций. Кроме того, инвалидам-чернобыльцам назначаются курсы различного рода физиотерапевтических процедур, которые осуществляются либо в районной поликлинике, либо в специальных больницах.

Таким образом, организация лечения инвалидов-чернобыльцев требует квалифицированных специалистов и специальной подготовки инвалида-чернобыльца и членов его семьи к основам оказания первой помощи, навыков медицинского контроля и выполнения простейших медицинских процедур.

На диспансерном учете в Российском научном центре рентгенорадиологии, где мы работаем, находится 1300 инвалидов-чернобыльцев. На основании опыта работы с ними была обоснована научно-производственная программа медицинского воспитания с элементами самоврачевания.

Существо этой программы отражает относительную частоту применения каждой процедуры.

Помимо набора простейших медицинских процедур, осуществляемых самим больным, в комплекс лечебно-оздоровительных мероприятий входят организация системы общего поведения, питания, а также использование аппаратной лечебной гимнастики (с

помощью тренажеров), бальнеологическое лечение, световое лечение, талассотерапия и выполнение инъекций, в том числе внутривенных.

Разработка здорового поведенческого характера должна быть обязательно взаимосвязана с организацией питания. По опыту ведущих оздоровительных медицинских учреждений Европы и Азии началом формирования здорового образа жизни является закрепление рефлекса на обязательный утренний завтрак. Однако в этом случае завтрак должен быть разнообразным и вкусным, причем сроки его должны быть ограничены одним часом. Именно эти показатели заставляют пациента своевременно просыпаться, производить тщательный утренний туалет и минимум 100-200 метров пройти по свежему воздуху до столовой.

Меню завтрака должно включать обязательно минимум 2 каши (овес, манка), омлет или блинчики. Наличие в меню горячего завтрака является весьма привлекательным, так как избавляет пациента от значительного объема домашних хлопот. Наряду с этим должны быть кисломолочные продукты (кефир, ряженка, йогурт). Медицинский персонал обязательно участвует в завтраке, и таким образом ненавязчиво осуществляет контроль за поведением больного, его настроением и аппетитом. При необходимости пациент тут же приглашается в медицинский кабинет для выполнения соответствующих процедур или назначения лекарств.

Вторым этапом внедрения здорового поведения и питания является организация обеда и ужина. Обеденное меню должно включать минеральную воду 2-х сортов: кислую воду — для лиц с пониженной кислотностью, и щелочную — для лиц с повышенной кислотностью.

Первое блюдо должно включать 3 вида супов: овощной, рыбный, 2 раза в неделю — мясной. Вторые блюда

включают овощные или мясные котлеты, творожники и пазлу. Пазла готовится на основе отварного риса с добавлением морских продуктов (морской окунь, треска, крабовое мясо или креветки, морская капуста).

Объем диагностических исследований в медицинском отделении

По частоте обращаемости в настоящее время первое место принадлежит ультразвуковой диагностике — при болях в животе, появлении поверхностных опухолевидных образований, наблюдениях за хроническими заболеваниями почек, печени, желчного пузыря. Поэтому необходима организация кабинета ультразвуковой диагностики.

Аппарат должен иметь набор из двух датчиков на 3,5 МГц и 7,5 МГц с обязательным наличием регистратора. Учитывая наличие пожилого контингента, желательно иметь третий датчик — для ректальных исследований, что очень важно для диагностики и контроля заболеваний предстательной железы.

Абсолютно необходимым для диагностического кабинета является исследование сердца с помощью ЭКГ. Аппарат для ЭКГ должен иметь автоматический расшифрователь электрокардиограммы с выдачей письменного заключения. В этом кабинете желательно иметь дигитальный биохимический анализатор для определения концентрации сахара, холестерина и липидов высокой плотности в периферической крови (т.е. анализ производится по крови, взятой из пальца). Эти исследования необходимы у лиц с высоким риском развития инфаркта или инсульта.

В диагностическом подразделении производится также контроль и обучение контингента для выполнения повседневных самостоятельных домашних исследований.

Курсовое лечение в виде бальнеотерапии назначается больным с заболеваниями опорно-двигательного ап-

парата (артриты, артрозы) и имеет продолжительность 20—30 дней. В бассейне должно быть 8 гидромониторов:

2 типа водопадных — для лечения заболеваний плечевого пояса и шеи;

3 типа прямолинейных — для лечения заболеваний позвоночника;

3 типа вертикальных — для лечения заболеваний стоп.

Пациент самостоятельно осуществляет процедуры согласно назначению врача. Потребность в бальнеотерапии составляет 70% от общего контингента.

Для больных с заболеваниями легких необходимо иметь две одиночные кабины с подключением пара 60-70 градусов, содержащего ментол, эхинацею или шалфей. Продолжительность процедуры от 3 до 7 мин. После приема паровой камеры необходим отдых в течение 20 мин. без последующего душа. Потребность — 40% от общего контингента.

Курсовое лечение в виде светотерапии по типу ПУВА предназначено для лечения заболеваний кожи, а также показано для лечения сердечно-сосудистых заболеваний. Достаточно иметь один аппарат на все тело. ПУВА — лечение основано на воздействии ультрафиолетовых лучей, которые поглощаются поверхностными слоями кожи. Продолжительность сеанса 10 мин. Потребность летом — 15% от контингента, зимой — до 40%.

Массажная терапия должна выполняться с помощью специальных электрических массажеров. Желательно иметь 2 массажера на все тело со смещаемой декой стола, что позволит в положении лежа на спине обрабатывать также часть боковых поверхностей тела.

Прогноз онкологической заболеваемости для участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС

Прошло уже 15 лет после аварии на ЧАЭС и постепенно нарастает усложне-

ние общественности за судьбу участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В действительности — уже к началу 2000 года почти 60000 ликвидаторов стали инвалидами с оформленной причинной связью, связанной с комплексом неблагоприятных факторов при работах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Такое огромное количество инвалидов-чернобыльцев было обусловлено тем, что, согласно статье 24 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 24.11.95 № 179-ФЗ, местные ВТЭК могли устанавливать причинную связь инвалидности для ликвидаторов 1986-87 гг. практически при любых заболеваниях. С 1998 года эту причинную связь могут устанавливать только межведомственные экспертные Советы. Так, Российский региональный совет обеспечивает рассмотрение дел 28 административных территорий Российской Федерации, где проживает 126 тысяч ликвидаторов. Ежегодно Совет рассматривает 1000 материалов, направляемых с мест, из которых в 1998 г. причинная связь была установлена в 372 и не установлена в 523 случаях. В 1999 году практически все злокачественные опухоли у ликвидаторов были связаны с работами по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Обоснование связи воздействия излучения и развития злокачественных опухолей

Помимо большого числа экспериментальных исследований связь радиации и рака была подтверждена у рентгенологов (рак пальцев рук), у жителей Маршалловых островов (опухоли щитовидной железы) и населения гг. Хиросима и Нагасаки, перенесшего атомные взрывы (лейкемия). Во всех этих ситуациях отчетливо выявлена зависимость от величины дозы излучения. На основании такого материала в 1993

году Международная комиссия по радиационной защите подготовила рекомендации, где представлены количественные характеристики прогноза развития рака от величины эффективной дозы в миллизивертах. На основании этих данных представляется возможным составить прогноз онкологической заболеваемости для ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС. В данной работе мы ограничились рассмотрением прогноза только для группы ликвидаторов 1986 года в количестве 100000 человек, считая, что период развития опухолей будет составлять последующие 15 лет. Цифра 100000 состоит из официальных данных регистрации сотрудников различных ведомств, принимавших участие в работе по ликвидации последствий аварии (57367 человек — 1 группа) и военнослужащих, в том числе привлеченных, на сборы через военкоматы (около 60000 человек — 2 группа). По официальным данным в первой группе 850 человек подверглись воздействию в дозе выше 25 рентген (1,5%), 9790 — в дозе от 10 до 25 рентген (17%). У остальных доза излучения была ниже 10 рентген (81,5%). Во второй группе в 80% были зарегистрированы дозы в пределах 20-24 рентген, а в остальных — менее 20 рентген. Официально ни одного случая превышения 25 рентген не зарегистрировано, по крайней мере, по данным военных билетов. Вместе с тем, Попович В.И. отмечает, что из 1100 обследованных им военнослужащих в 37% случаев у лиц, получивших дозу наружного облучения более 25 рентген, отмечались клинико-гематологические признаки лучевого воздействия. К сожалению, подробных сведений об этой группе и их дальнейшей судьбе не сохранилось.

Величина дозы облучения ликвидаторов 1986 года

Воздействие радиации обусловлено за счет наружного и внутреннего облу-

Постоянное изменение содержания радиоактивных нуклидов в мясе

Нуклиды	Июнь 1986, %	Июль 1986, %
Цезий-137	30%	76%
Церий-144	36%	9%
Рубидий-106	9%	2%
Цирконий-95	22%	10%
Стронций-90	3%	3%

чения. В 1986 году для ликвидаторов была установлена предельно-допустимая доза наружного облучения (ПДД) 25 рентген, что составляет ПДД для профессионалов за 5 лет работы.

К сожалению, приходится использовать в качестве единицы дозы рентген, поскольку используемые дозиметры были градуированы в этих единицах. Однако реальные величины доз облучения ликвидаторов 1986 года в большинстве случаев установлены не были ввиду отсутствия индивидуальных дозиметров. Например, генерал-лейтенант инженерных войск П.В. Гребенюк, прибывший в Чернобыль 4 мая, отмечает в своих мемуарах, что не имел дозиметра до 9 мая. На основании воспоминаний ветеранов было установлено, что обычно в 1986 году, когда группа ликвидаторов выходила на работы по дезактивации, только у начальника группы был дозиметр, показаниями которого регулировалась величина дозы для всей группы. В социальных документах, например, в военном билете, фиксировалась величина дозы, как правило, несколько ниже ПДД (25 рентген в 1986 году и 10 рентген в 1987 году). Наружное облучение было обусловлено излучением от твэлов и радиоактивной пыли, которая оседала вокруг взорвавшегося реактора и в зоне следа радиоактивного облака. Этот след формировался выбросом радиоактивных газов из поврежденного реактора и распространялся по ходу воздушных течений, направленность которых изме-

нялась неоднократно, в зависимости от метеорологических условий. Спектр радиоактивных осадков был весьма разнообразен и, по существу, представлял всю таблицу Менделеева. При этом различные радионуклиды имели неодинаковую продолжительность периода полураспада, разнообразные виды излучений и другие характеристики. В качестве примера в табл. 1 приведено содержание радиоактивных нуклидов в мясе в июне-августе 1986 года.

Мощность дозы излучения, создаваемая радиоактивными осадками, непрерывно понижалась, если не было новых осадков.

Так, если в первый день мощность дозы принималась за 100%, то уже через 4 дня происходило снижение на 17%, через 15 дней — на 60%, через 1 месяц — на 80%. Поэтому пребывание человека в одном и том же месте в зоне аварии могло сопровождаться различными дозами облучения в зависимости не только от проведенного времени, но и сроками после аварии.

Наряду с внешним облучением гамма-лучами, ликвидаторы были обсыпаны радиоактивной пылью, содержащей также и бета-излучающие нуклиды, действие которых никак не учитывалось. В официальных отчетах отмечалось, что в первые месяцы верхняя спецодежда после работы сразу подлежала захоронению, ввиду высокой степени загрязнения радиоактивными нуклидами. Вахромеев Ю.В. с соавторами отмечает, что

Воспоминания чернобыльцев

Структура онкологической заболеваемости 1999 года в процентах

	Россия		Ликвидаторы	МКРЗ
	В целом	Опухоли (без учета опухол. органов)		
Рак бронхо-легочной системы	16,3	20,0	36,0	22
Рак желудка	13,0	16,0	18,4	16,0
Рак кишечника	10,0	12,5	12,0	12,0
Лейкемия	2,0	2,6	10,5	20
Рак почки	3,0	3,6	7,5	8
Рак головного мозга	1,2	1,1	10,2	—

летом 1986 года основными радиоактивными нуклидами, обусловившими загрязнение одежды, были йод-131, цезий-137 и цезий-144. Хранение и дальнейшее использование такой одежды было нецелесообразно.

Не учитывалась также доза облучения за счет инкорпорированных радионуклидов, которые обязательно попадали в организм с вдыхаемым воздухом. Многие ликвидаторы 1986 года отмечали развитие острых респираторных заболеваний в летнее время, клиника которых характеризовалась першением в горле, сиплым голосом, но без развития насморка. Вполне вероятно, что эти симптомы были обусловлены лучевыми ожогами слизистой гортани.

Таким образом, величина дозы облучения ликвидаторов 1986 года, работавших на разрушенном блоке ЧАЭС, в среднем составила не 25 рентген, а с учетом внутреннего облучения около 0,40 Зиверта. Зиверт является единицей дозы, поглощенной в организме. Величина этой дозы не может быть измерена при жизни. Естественно, что у многих ликвидаторов мая-июня 1986 года доза могла достигать и более высоких величин. Никаких официальных данных по этим вопросам не публиковалось, и наши расчеты основаны на свидетельских показаниях тысяч опрошен-

ных ликвидаторов. Единственным документом о расчете величины дозы облучения за счет инкорпорированных радиоактивных нуклидов является сообщение Л.А. Булдакова с группой авторов. В клинике Института биофизики до 96 дня после аварии умерли 25 сотрудников ЧАЭС из числа тех, которые находились на станции во время аварии. На основании проведенных исследований внутренних органов умерших были рассчитаны величины доз облучения на все тело, щитовидную железу и легкие. Разброс величин индивидуальных доз достигал 3 порядков (от 3,5 до 0,0043 Зв), что отражало разнообразие условий работы и степени вероятности радиоактивного загрязнения. Величина дозы только за счет внутреннего облучения, равная 3,5 Зв, являлась смертельной.

Заболеваемость злокачественными опухолями

В общей структуре заболеваемости 1998 года доля злокачественных новообразований занимает третье место — 6,8%, а в структуре причин смерти — второе место, составляя 26,3%. Среди злокачественных новообразований у ликвидаторов наибольшее распространение получили опухоли органов дыхания (36,2%) и, прежде всего, рак лег-

кого — 25,7%. На втором месте — злокачественные новообразования органов пищеварения (28,3%). Далее по мере убывания следуют опухоли кроветворной и лимфатической систем, опухоли системы мочевыделения (почки, мочевой пузырь) и опухоли головного мозга. Определить, какой именно рак будет являться радиогенным, практически невозможно. Однако мы предприняли попытку определить некоторые вероятности этих последствий. С этой целью произведены сравнения структуры заболеваемости в различных группах населения.

Согласно указанным рекомендациям МКРЗ наибольший дополнительный риск существует для рака желудка (11×10^{-6}), для рака легкого, кишечника ($8,5 \times 10^{-6}$) и лейкемии (5×10^{-6}).

В табл. 2 приведены сравнительные данные структуры онкологических заболеваний.

Выделение группы онкологических больных без учета опухолей женских половых органов обусловлено тем, что число ликвидаторов мужчин составляет 95%, и поэтому сравнение более уместно только с группой преимущественно мужчин. Как следует из приведенных данных, структура онкологических заболеваний ликвидаторов значительно отличается от таковой для мужчин по России в целом, и соответствует тенденциям относительной частоты локализации радиогенного рака, приведенной в рекомендациях МКРЗ. Обращает внимание относительно высокий уровень опухолей мозга, который, к сожалению, не с чем сравнить, так как эти опухоли не введены ни в официальную отчетность, ни в рекомендации МКРЗ. Отчетливо проявляется повышение онкологической заболеваемости органов путей поступления радиоактивных нуклидов (органы дыхания) и путей их выведения (органы пищеварения и мочевой системы). Характерно, что заболеваемость раком щитовидной железы крайне низкая (1%), что, по-видимому, обусловле-

но кратковременностью действия радионуклидов йода, фактически только один месяц после взрыва.

Известно, что впервые радиационные последствия Чернобыльской катастрофы для настоящего и будущих поколений обстоятельно рассматривал Джон Гофман еще в 1993 году. Автор опирался в своих проектах на работы японских исследователей по изучению последствий на пострадавших во время атомных взрывов в городах Хиросима и Нагасаки. В порядке дискуссии следует отметить, что Д. Гофман практически ограничился обсуждением последствий на планете, а не на контингент ликвидаторов, поскольку не располагал данными об особенностях их работы. Именно поэтому в его книге основное внимание уделено опасности радиоактивного йода и возможных последствий в виде патологии щитовидной железы. Так, например, в книге приводятся данные о содержании радионуклидов в следе облака по данным финских исследователей, а не по отечественным исследованиям, выполняемым в 30-км зоне.

Таким образом, в нашей работе впервые в мировой литературе приводятся фактические данные об онкологической заболеваемости лиц через 12 лет после Чернобыльской катастрофы, которые следует признать как исходные для дальнейшего прогноза. На основании приведенных данных особое внимание должно быть уделено ранней диагностике опухолей желудочно-кишечного тракта, бронхолегочной и мочевой системам.

По-видимому, вполне справедливым следует считать назначение контингенту ликвидаторов 1986 года профилактического лечения. К сожалению, по этому вопросу имеют место спекулятивные настроения различных фирм, рекламирующих свои собственные препараты из класса антиоксидантов (например, только селен, или только бета-каротин, или только комплекс витаминов и т.д.).

Исходя из нашего опыта, наиболее целесообразен комплекс в виде витаминов А, С, Е, провитамина А, селена с лецитином в ореховом масле. Такой комплекс особенно хорошо переносится пожилыми людьми с диабетом и различными обменными расстройствами.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

В. Ф. НИКОЛЬСКИЙ

Смешно

Вызвали в Чернобыль. 14 июня поехал в Главк. Там дежурный вручил три объемистых, довольно тяжелых коробки с наказом передать академику Свинцову лично.

Автобус... Самолет до аэропорта Жуляны... «Ракета» до Чернобыля...

Стою один на площадке возле речного вокзала, одетый в старенький костюмчик. У ног три коробки и сумка с вещами. Всех, кто приехал вместе со мной в «Ракете», разобрали встречающие и увезли на машинах. А я один, и меня не встретили, и тащить четыре предмета двумя руками, да еще в гору, тяжело и не хочется.

Жара, пылица... Дышу и вздох смеюсь. Смеяться есть над чем. Оказывается, вся моя жизнь затягивала меня в Чернобыль. Подумать только: окончил Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина в 1960, работал. Менял места работы и специальности, и только в 1974 году твердо встал на дорогу, ведущую в Чернобыль, поступив на работу в НПО «Энергия», ныне ВНИИАЭС, постепенно превратившись в специалиста по переработке отходов ядерной энергетики.

Пока смеялся, подъехали в «Газике»

В. Ф. Никольский

два человека в белых одеждах, спросили, куда мне нужно, погрузили в машину меня и вещи, подвезли к дому Правительственной комиссии и поднесли коробки к кабинету Свинцова. Эти люди оказались профессорами. Интересно, какими судьбами затащило в Чернобыль их?

Ул. Ленина, 160

Начал искать Пашевича, который, собственно, и вызвал меня в Чернобыль. Пашевича не нашел, зато нашел Яненко и попытался у него узнать, чем здесь занимается Пашевич и он сам, Яненко. Пашевич, по его словам, проводит какую-то огромную деятельность, а он сам сейчас отнесет телеграмму — и показал текст на бланке Правительственной комиссии с большой красной печатью Правительственной комиссии — а потом отвезет меня в общежитие на ул. Ленина, 160.

И, действительно, отвез — в желтом «Москвиче» с оторванной передней левой дверью.

Длинное одноэтажное здание общаги в садике, коридор, комнаты. Все довольно запущено и грязновато. Нашел комнату Пашевича, поселился на вто-

НИКОЛЬСКИЙ В. Ф. — участник ликвидации последствий катастрофы в 1986—1987 гг.

рой, соседней, койке, навел какой-то порядок.

Прибежали два героических персонажа (действительно!) Равиль Бакин и Женя Шегай в грязно-белых одеждах. «Спирт, — говорят, — есть?» «Есть», — говорю. — «Давай». На это я им ответил идиоматическим оборотом, который можно перевести так: «Дам, когда проведете уборку в своей комнате и в части коридора!». Уборку провели. Спирт дал, немного.

К вечеру появился Пашевич. Закуска была хорошая: тушенка, сгущенка, минеральная вода и колбаса, привезенная из Москвы.

Пашевич

Иду из общаги к административному центру Чернобыля. Улица Ленина, очень длинная и красивая, опоясывает почти весь город. Поэтому короткий путь проходит через Чернобыль одноэтажный — большую деревню. Деревня как деревня, только людей нет. Калитки некоторые на замке, некоторые распахнуты. Сады — красивые. Петухи — кричат, куры — квохчут. Все как положено. Собаки от человека прячутся — боятся, что застрелят. Жара, ветер, пыль...

Навстречу — Пашевич весь в белом, чепчик набекрень, респиратор-лепесток под подбородком. Курит. Остановились друг против друга. Спрашиваю: «Ты почему без намордника?» Он подумал немного и грустно сказал: «Шерсть п... не защита». Немного постояли, и каждый пошел своей дорогой.

Площадь

Утро. Площадь между Правительственной комиссией и Военным штабом. На площади медленно вращается огромное количество техники, военной и штатской. Небо голубое. Рычание машин перемешивается с пылью, выхлопными газами, людьми.

В. (М?) Карлов

С ним, в то время начальником цеха дезактивации, я познакомился в спецпрачечной ЧАЭС и почему-то сразу согласился, когда он попросил меня поехать с ним на кладбище города Припять, не объяснив цели поездки.

Мы вышли из «Газика» у ворот кладбища, и он нашел две увесистые палки, почти дубины, одну из которых вручил мне.

Палки в руках оказались необходимым оружием, когда навстречу с жутким лаем выскочила огромная, голов в 50, стая собак, большинство из которых были породистыми, разных размеров, от болонки до водолаза, в ошейниках, и все очень грязные и злые. Они слабо реагировали на наши попытки испугать их, размахивая палками, однако, сразу все разбежались, когда мы начали в них целиться из этих палок как из ружей.

Через некоторое время он подошел к одной из могил и сказал: «Здесь похоронена моя дочка Оксана. Год назад ее убили качели».

Комната Минэнерго

Большая комната Минэнерго на втором этаже бывшего горкома, а теперь здания Правительственной комиссии полна людей. Большинство в белом. Напряженные, внимательные, несколько усталые лица.

Столы разные — есть большие и красивые, но у всех выщерблены и зазубрены края.

Я спросил: «Открывалки есть?» Ответили: «Нет». Взял из ящика бутылку минеральной воды и открыл о ближайший стол.

Борис Дервянко

Мы с ним приехали в Чернобыль на одной «Ракете» и уехали одновременно на той же «Ракете». В Киеве ночевали в одной гостинице. В зоне встречались несколько раз.

Б. А. Деревянко

Он умер первым из наших черныбыльцев.

Николай Николаевич

После возвращения из Чернобыля в конце июня 1986 г. меня попросил зайти ныне покойный начальник первого отдела Соловьев Владимир Иванович. У него в кабинете находился молодой и улыбочивый Николай Николаевич Сафронов, оказалось, куратор ВНИИАЭС от КГБ.

Они вдвоем, больше Николай Николаевич, начали задавать мне, как показалось, не связанные между собой вопросы об обстановке в зоне и о людях. Пришлось попросить их обозначить цель нашего собеседования, мол, в том случае я, как человек творческий, смогу ответить на вопросы с большей определенностью. Николай Николаевич сообщил, что его руководству и далее ЦК

КПСС необходимы объективные сведения о состоянии дел в Зоне, и что они опрашивают не меня одного.

Я напрягся, так как с детства не люблю всего этого, и сказал: «Считаю, как человек и как специалист, то, что происходит там, полным безобразием. Необходимо прекратить в Чернобыльской зоне всякую техногенную деятельность, может быть за малыми исключениями. Возобновлять техногенную деятельность в зоне можно лишь через несколько лет, только после того, как мы будем подготовлены технически, технологически и морально». Николай Николаевич попросил меня в дальнейшем показывать ему мои черныбыльские технические отчеты. Бесед больше не было.

Пашевич

Все тот же Пашевич Владимир Иванович. Он вызвал меня в Чернобыль в начале октября 1986 года. На сей раз, я нашел его довольно быстро и спросил: «Что делать? Инструктируй». Он ответил: «Как что? Брать все в свои руки, и вообще!» И добавил: «Во, б...!»

Я

Я после этого часа два раздувался от гордости. Подумать только, за все мои в то время почти 50 лет мне ни разу не приходилось получать столь конкретного задания! Погордился, погордился... — но задание-то надо выполнять! И, кажется, я его выполнил.

Здесь мне приходится сделать некое отступление от канвы рассказа... Оказывается, писать воспоминания очень трудно, и вот почему: во-первых, невольно хочется преувеличить свою роль в истории, во-вторых, можно нечаянно обидеть тех людей, чьи действия и поступки мне кажутся ошибочными или неверными. Поэтому сам себе обещаю: первое, по возможности, не делать, а второе, тоже по возможности, смягчать.

Так вот... Мне кажется, что столь не-

вообразимое задание я все-таки выполнил.

Читаю текст моего первого отчета (за октябрь 1986 г.): «О работе, проделанной в зоне Чернобыльской аварии группой дезактивации, переработки и захоронения отходов»: «...проведен анализ вопросов, связанных с дезактивацией, переработкой отходов и их захоронением...». Далее по тексту: «Выделено 9 следующих основных проблем.

1. Захоронение радиоактивных отходов (РАО).
2. Дезактивация стройбазы.
3. Дезактивация энергоблока 3.
4. Пункты специальной обработки (ПуСО).
5. «Рыжий лес».
6. Дезактивация гг. Припять и Чернобыль.
7. Переработка отходов ЧАЭС.
8. Дезактивация территории и населенных пунктов.
9. Пылеподавление.

Некоторые из этих проблем тесно переплетены друг с другом, например, проведение дезактивации стройбазы невозможно было без решения вопроса о захоронении высокоактивных отходов, находящихся на ее территории».

Если перевести предыдущее на человеческий язык, то в Зоне отсутствовала преемственность. То есть, люди приезжали, выполняли свои довольно узкие профессиональные функции, конечно же, совершали свои ошибки, что естественно. Далее, на смену приезжали другие специалисты и... делали те же ошибки. Другими словами: та организация, которая владеет информацией, приобретает, как тогда говорили, «политический вес» в Зоне.

Если на еще более человеческом языке, то мне удалось получить список организаций, работающих по нашей тематике и путем опроса специалистов создать некую историю развития ситуации по каждой из 9 проблем, обозначенных выше, начиная с момента аварии. Все возможные документы и записи были

распределены по девяти отдельным папкам. На десятой папке было написано «Разное».

Таким образом, идея Пашевича, так красочно изложенная им в предыдущем рассказе, каким-то образом осуществилась. Ее смысловая нагрузка в следующем. «ВНИИАЭС должен выполнять функции научного сопровождения создаваемого в то время производственного объединения «Комбинат» (ПО «Комбинат»).

С этого времени, по крайней мере, в рамках нашей специализации, без участия ВНИИАЭС прочим организациям было обойтись трудно.

Где эти папки? Что с ними сделали люди, которых я с большим или меньшим успехом пытался убедить в необходимости постоянного и сменного пребывания представителей ВНИИАЭС в Зоне?

П/л «Сказочный»

Думаю, что об этом месте размещения довольно многочисленной колонии командированных из ВНИИАЭС немало написано в других воспоминаниях.

Впервые я встретился с этим пионерлагерем на заключительном банкете после конференции, проходившей в Припяти (кажется, в 1984 году). Тогда обратил внимание только на столовую, к которой всех участников конференции подвезли в автобусах, и только сейчас я обратил внимание на отдельно стоящее здание бухгалтерии, на дом для проживания руководства лагеря, на баню с бассейном и на корпуса — длинные здания барачного типа с 8—10 — местными палатами. В одном из таких корпусов на втором этаже мы и жили. Распорядок дня прост. Утром просыпаешься (в 7 что ли часов) от топота и некоторого гвалта — народ собирается на работу. В темпе завтракаем в столовой, и все разъезжаются на работу — в Чернобыль, в Припять, на блоки. Обрато возвращаемся уже поодиночке или мелкими группами поздно — в 8—10 часов

вечера. Иные не приходят — ночуют где-то в Чернобыле, а то и на блоках. Нужно быстро поужинать, а то столовая закрывается. Затем некоторые падают в кровати и засыпают, другие гуляют по территории.

Какие большие и красивые звезды! Мы с Сашей Титаренко и Колей Колбягиным очень любили смотреть на них по вечерам. Затем — спать.

У меня трудности — храплю и этим нервирую других и мешаю им спать. Поэтому, прокрадываюсь в палату попозже, ставлю под кровать стакан с водой и пытаюсь бороться с храпом — часто безуспешно. С утра чувствую недовольство публики.

Назавтра все повторяется с незначительными отклонениями.

Стих

Вечером ужинаю в столовой пионерлагеря. Сажу за столом, напротив вижу лозунг: «Хлеб — народное добро — береги его!» Внутри возникло некоторое беспокойство — что-то в этом лозунге не так, что-то не закончено.

Лег спать. Не спится, в голове свербит: «Хлеб — народное добро — береги его!» Наконец понял — это стих: «Хлеб — народное добро — береги его, мурло!» Спокойно заснул.

Палата

Что же делать? Храплю, мешаю спать другим. Есть проблема, ее надо решать. Но как? Пионерлагерь перегружен, свободных мест нет. Одноместные — пионервожатские палаты — тем более давно и накрепко заняты. Все-таки начал обходить бараки-корпуса с призрачной надеждой что-то найти. И, представьте, нашел! Нашел в торце корпуса ближайшего к бухгалтерии, на первом этаже. Посмотрел в окно: палата с 8-ю кроватями, заваленными матрасами, телогрейками, ватными штанами и вообще — черт знает чем.

Оторвал замок. Фон в палате ужас-

ный: если у нас на втором этаже было 1—1,5 миллирентген в час, то здесь — в 10—15 раз больше.

Открыл окна и, несмотря на всю мою лень, выбросил из палаты все — остались только голые кровати. Закрыв окна и вымыл все, что можно, несколько раз. Осталось немного — уговорить директора лагеря Игоря Лернера, что он должен дать мне по 8 комплектов: матрас, подушка, постельное белье. Все перетащил, застелил и поселился в Палате.

Теперь я уже мог храпеть, сколько захочу, потому что люди, которые просились переночевать или даже надолго, предупреждались, в каких условиях им придется жить. В Палате я принимал с ночевкой представителей дружеских организаций и проводил небольшие совещания. Это продолжалось несколько недель, но однажды, когда я уехал на несколько дней и попросил Санечку Стефова проследить за Палатой, туда заселили шахтеров, потому что Саня «сдал» Палату Игорю Лернеру по первому же его требованию. Не свое...

«Рыжий лес»

В октябре меня назначили председателем комиссии по проблеме «Рыжего леса» Кто назначил, не столь важно, но при этом было сказано: «Имеется мнение, что Лес нужно сводить и как можно быстрее».

Состав комиссии: представители ВНИИАЭС (это я), ИАЭ, Минлесхоза СССР, ОГ МО, ОМГРО. Как последние две аббревиатуры переводятся на русский, я забыл, но знаю, что одна — военные, другая — пожарные.

В перерыве между совещаниями комиссия летала на вертолете над Лесом. Проводились дополнительные наземные измерения уровня радиоактивности в Лесу и на его просеках. Заодно увидели, что большая часть радиоактивных отходов с промплощадки и со стройбазы просто высыпается в Лес и на его опушки.

Результат работы комиссии был неожиданным: все пришли к убеждению, что в обозримом будущем (несколько лет) лес уничтожать не нужно и вредно. В итоговом документе мнение было несколько смягчено. Впрочем, цитирую: «Пораженный лес, занимающий территорию 47 га, состоит из сосновых насаждений с включением березы».

Со времени аварии лесной массив выполнял роль естественного фильтра и задерживал значительное количество выброшенной активности.

Считается, что в настоящее время, благодаря обработке тринатрийфосфатом, «Рыжий лес» не является источником пылеобразования...

Так как ликвидация «Рыжего леса» связана с огромными дозо- и трудозатратами и образованием песчаных поверхностей, являющихся постоянным источником пылеобразования, не осуществлять мероприятий по вырубке леса и провести комплекс противопожарных мероприятий...

Проблема станет актуальной летом 1987 года».

Мы считали, что летом сводить «Рыжий лес» никто не решится и его удастся сохранить еще, по крайней мере, на год.

Однако все было не так. Начиная с января 1987 года, я был лишен возможности воздействия на ситуацию; в других организациях появились новые люди. И мне пришлось с некоторой грустью наблюдать со стороны за возрастающей с марта активностью ученых и военных, направленной на уничтожение Леса.

«Рыжий лес» был повален и засыпан песком как раз летом 1987 года с использованием огромного количества людей и техники.

Не знаю как другие, но себя я считаю несколько виноватым в этом деянии.

Летчики

3 ноября 1986 года мы вчетвером посреди дня поехали на синих «жигулях» обедать в пионерлагерь «Сказочный».

Мы — это Миша Амосов, Наталья Курганова, Толя Рогачев и ваш покорный слуга. Вообще-то ехать в «Сказочный» обедать нас уговорил Толя потому, что он уезжал в Москву, и ему надо было забрать свои вещи.

На обратном пути в Чернобыль расположение экипажа было следующим. Миша — за рулем, Наталья — справа от него, я — на заднем сиденье за водителем. Толя — справа от меня, за Натальей. И вот, на скорости 70 км/час, на прямом прекрасном шоссе я сказал: «Миша, как хорошо ты научился за последний месяц водить машину». Миша полуобернулся и ответил: «Да, без ложной скромности могу ска...». В это время машина вильнула влево. Миша — он в этом не признается до сих пор — кажется, выжал сцепление и ударил по тормозам... Последнее, что я видел: машина пересекла встречную полосу, развернулась, и Миша уже пытался рулить задом наперед, и мы все дружно и молча схватились за головы.

Когда я очнулся, то некоторое время понять ничего не мог, но спросил: «Ребята, мы живы?» — и ответа не получил. Затем послышался бодрый голос Рогачева: «Что вы там разлеглись? Выходите!» Толя первым из нас «родился» из разбитого заднего окна перевернутого автомобиля. Вторым родился Миша, третьей — Наталья, я — последним.

Была кровь... — я оцарапал переносицу очками. Миша побежал сдаваться милиции. Толя Рогачев отправился по запланированному маршруту — в Москву.

Сидим мы с Натальей под знаком «Радиация на обочине»: она — на перевернутом ведре, я — на канистре и наблюдаем следующую картину. На высокой песчаной насыпи, с которой мы свалились, следы от колес — как четыре глубоких колеи. Затем следы обрываются... Далее — метров 5—6 вспаханной земли, и, наконец, колесами вверх, наши многострадальные синие «Жигули». Параллельно дороге, в метре от ствола

большой сосны. И в эту машину я с огромнейшим отвращением полез, чтобы выдернуть ключ зажигания — а вдруг загорится...

... Слухи в Зоне распространяются быстро, и через некоторое время приехали ребята — среди них, помню, были Ильдар Нурисламов, Вадим Глазунов, Коля Смирнов и наш Миша Амосов. Миша на самом деле сдался милиции, но его попросили не мешать, потому что у них очень важное дело — встречают какого-то своего замминистра.

И вот... Вся приехавшая орава дружно поставила машину на колеса — боже, какой у нее был вид: крыша домиком, стекол нет, багажник открыт и помят... Вытолкнули машину на шоссе, включили зажигание, и она поехала.

Сидим мы — Миша, Наталья и я — в комнате Натальи (в бухгалтерии пионерлагеря) и пьем чай. Ручонки подрагивают. И вдруг видим, едет «Москвич-каблук». Мы совсем забыли, что еще вчера собрали деньги и отдали Лукичу, водителю «Москвича», чтобы он попутно с другими делами в Киеве попробовал решить проблемы борьбы с сухим законом.

Миша побежал за «Каблуком». Через некоторое время, когда мы пришли в вожатскую (маленькая комнатка; по-моему, она принадлежала тогда Саше Стефову), она была забита нашими людьми до отказа. Накурено, стаканы, закуска... И Миша в белой рубашке, с пропуском «Всюду» на цепочке через шею, играет на гитаре и поет: «... Так взгляни ж на меня, хоть один только раз...»

На следующий день мы со Славой Лупловым, он за рулем — где-то в конце улицы Полупанова наехали на гвоздь и пробили колесо. Колесо схватили и потащили в мастерскую через дорогу, и я говорю: «Мужики, отремонтируйте, пожалуйста. Спирта у меня нет, но как только появится, отдам». И вдруг слышу: «Летчикам бесплатно!» Кто же, спрашиваю, летчик? «Да ты! Разве не ты вчера сидел возле разбитой машины, и

когда мы, проезжая мимо, спросили, нужна ли помощь, ответил: «Не нужна».

Стародумов

Стародумов Валерий Михайлович был один из тех троих, кто водружал флаг на трубу 3-4 блоков. Радиационный фон был ужасным.

Я спросил: «Валера, зачем ты это делал?» Он ответил: «Хотелось».

Я

На первом этаже здания Правительственной комиссии (бывший Горком партии) тесно; все общаются, курят. Курю и я... Слышу за спиной приглушенный разговор, один другому говорит: «Не могу ответить на твой вопрос, но ты задай его Б.Ф., он может и не знает ответа, но что-нибудь придумает. Я загордился...

Потом вопрос был задан, но я ничего не придумал...

Халява

Вторая половина декабря 1986 г. То же здание Правительственной комиссии. Комната 20 (рабочая комната экспедиции ВНИИАЭС).

Вхожу и вижу чем-то расстроенного Владимира Абрамовича Елина и спрашиваю: «Володя, что случилось?» Он молча развернул карту радиационных полей крыши третьего блока и сказал: «В 13 часов за мной должны заехать, чтобы я на месте показал солдатам точки, в которых нужно взять пробы кровли. Мои дозы облучения и на прошлой работе, и сейчас довольно велики. Поэтому и грущу». «Ладно, говорю, Володя, мои дозы меньше, поэтому давай я сам покажу солдатам эти точки». На чем и порешили. Долго мы ждали, когда заедут и дождались. В шестом часу вечера приехали на БТРе два офицера и сообщили, что они сами уже отобрали эти пробы и сдали их куда нужно. Да

еще предложили отвезти нас в пионерлагерь — домой.

Так я оказался благородным на халяву. Фон внутри машины был 0,7 р/ч.

Некоторое послесловие

Решив, что пора заканчивать, я пересчитал представленные здесь рассказы. Их оказалось семнадцать. На самом деле этих рассказов много больше. Иные из них я пока не смог четко изложить на бумаге. Другие не решился предложить ввиду их несогласованности с участвующими в них персонами.

Например, имеется почти законченный рассказ с рабочим названием «Андрей». Он о том, как Комаров Владимир Иванович — в то время главный инженер ПО «Комбинат» — под влиянием сиюминутной ярости хотел изгнать Андрея Симагина из Зоны. Когда в прошлом году мы встретились с Комаровым в Тунисе, я ему изложил этот рассказ, и оказалось, что события, значимые для меня, у него из головы просто выветрились. Забыл напрочь.

Имеется рассказ «Филимонцев». Изложить его Юрию Николаевичу я пока не решаюсь. До переложения на бумагу других рассказов просто руки не дошли. Но их можно перечислять и перечислять: «Новый, 87 год в Зоне», «Советская, 74», «Солдаты в Припяти», «Припять (вид с крыши)», «Гордина», «Уткин» (как напиваются непьющие люди) и так далее, и так далее...

В то время, когда писалась эта книга, умерли Валера Мамет и Эдик Лимно. О них есть что вспомнить, но писать пока не хочется.

Читая трудовую книжку

Взахлеб читаю собственную трудовую книжку. Боже, какие только должности я ни занимал, сколько профессий поменял после окончания в 1960 году Московского института цветных металлов и золота имени М. И. Калинина!..

На бронзолатунном заводе — помощник мастера, мастер. В ГИРЕД-МЕТе — старший инженер, младший научный сотрудник. Затем, перейдя в МЭИ инженером и бесславно окончив аспирантуру, я простился со своим шестилетним металлургическим прошлым и стал то ли химиком, то ли специалистом по переработке воды тепловых электростанций. По распределению после аспирантуры попал в МО ЦКТИ им. Ползунова (ныне ВНИИМ) в отдел Абея Павловича Мамета, где под руководством уважаемого мною Исаака Борисовича Бума (он умер в 1984 году) в должности старшего инженера занимался разработкой и испытаниями ионообменных фильтров непрерывного действия.

И, наконец, в 1974 году оказался в НПО «Энергия» (ныне и давно ВНИИАЭС), куда меня переманил Валера Мамет — мой давний приятель по совместному обучению в аспирантуре, — в свою группу, которая вскоре превратилась в лабораторию. Валера работать, в отличие от многих иных начальников, не мешал и даже помогал. Здесь я стал специалистом по применению мембранных методов переработки жидких отходов АЭС, а затем — по переработке жидких отходов АЭС вообще. Вот простое перечисление должностей на этой — когда-то новой — работе, где я застрял на долгие 25 лет: старший инженер, начальник группы, и.о. начальника лаборатории, начальник лаборатории, и.о. старшего научного сотрудника, снова начальник группы и, наконец, начальник отдела. С последней должности уволен по ст. 31 КЗОТ РФ, «по собственному желанию». Последняя моя должность в трудовой книжке не записана, так как она относится к разряду общественных, — директор общественной организации инвалидов Чернобыля РООИ «Союз «Действие». Эта организация была создана при моем самом активном участии в конце 1992 года. Администрация ВНИИАЭС любезно пре-

доставила небольшие помещения, в которых расположено управление Организации в количестве 5 человек. Так что можно сказать, что из института я нигде не уходил...

Продолжаю читать трудовую книжку, а именно, ее раздел «Сведения о поощрениях и награждениях... По итогам соцсоревнования вознаграждения: 20 р., 15 р., 25 р., 20 р. и т. д.; авторские вознаграждения: 50 р., 50 р.,..., аж 270 р., 563 р., 32 к., 793 р., 95 к., 624 р. + 252 р — огромные деньги. Всего за время работы во ВНИИАЭС — 23 авторских свидетельства (еще одно было раньше). Наконец, Чернобыль: благодарности Правительственной комиссии за активное участие в работах по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС: 86, 86, 86 гг., 87 г., Почетная грамота Припятского горкома партии за самоотверженный труд, мужество и т. д., 86 г.

Далее: Ветеран труда, Изобретатель СССР, Медаль «В память 850-летия Москвы»... А зачем я все это пишу? Чтобы показать свои «великие» достижения в науке или в ликвидации последствий на ЧАЭС? Нет! Ну, был я, например, в Чернобыле 157 дней с июня 1986 г. по июнь 1987 г. Многие были и дольше, и работали в более тяжелых условиях и, возможно, более эффективно... А затем, что некоторые последующие рассказы связаны с моей так называемой «карьерой», и ссылаться на вышеизложенное проще, чем каждый раз, растягивая текст, объяснять все сначала.

Связь времен

9 мая я всегда ходил с моим отцом Никольским Федором Николаевичем в Парк Культуры им. Горького на встречу с ветеранами 84-ой стрелковой Харьковской дивизии, с которой он прошел большую часть войны. Теперь, после смерти отца в 1996 году, хожу на встречи с ветеранами сам.

Когда-то, а именно 9 мая 1989 года,

на набережной Москвы-реки я обратил внимание на высокого грузного генерала с большим мясистым носом и спросил: «Кто это?» Мне ответили: «Ты что, это же Шепилов!» Несколько обалдев, я начал вспоминать и вспомнил часть песни начала 60-х годов:

*«Нас не купишь ни водкой, ни золотом,
Мы разрушим все вражьи силы:
Маленков, Каганович, Молотов
и примкнувший к ним Шепилов...»*

и анекдот тех же годов: «Человек с самой длинной фамилией — Ипримкнувшийкнимшепилов».

И тут я слупил первый и единственный в моей жизни автограф: достал из портфеля невесть откуда взявшуюся благодарность за участие в работах по ликвидации аварии на ЧАЭС, подошел к Знаменитости и сказал: «Дмитрий Трофимович, будьте добры, Вашу подпись». Он раскрыл грамоту и рядом с подписью Щербины поставил свою — «Шепилов».

Справка: Шепилов Дмитрий Трофимович (1905—1995 гг.) задолго до «участия» в антипартийной группе был членом Военного Совета 4-ой Гвардейской армии (в ее состав одно время входила наша 84 дивизия) с 1944 года после того, как погиб его предшественник Гаврилов Иван Александрович, сын которого, Гаврилов Юрий Иванович, долгое время работал во ВНИИАЭС.

Деньги

Когда я прочел прошлую книгу и проект теперешней, то увидел, что мы в своих воспоминаниях стесняемся говорить о деньгах и зарплатах. На самом деле, сначала было известно только о командировочных — обычных три пятьдесят в день...

К июлю 86 года я поменял двухкомнатную квартиру на трехкомнатную, похоронил тестя Василия Григорьевича — все это было связано со значительными

денежными тратами — надел пиджак и ушел из семьи. Ну, так было...

Тут еще дочка Танька стала выходить замуж (двадцать лет — пора), и мы, родители молодых, решили скинуться по триста рублей на банкет в ресторане «Славянский базар».

А у меня и денег нет, и отказаться не могу.

Что же делать? Нашел по телефонам строящейся Татарской АЭС Валу Кома-ринского. Раньше он работал на Кольской станции, где мне часто приходилось бывать в командировках. Я время от времени брал у него займы денежки, небольшие — до пятидесяти рублей, и честно их возвращал в положенный срок — то переводом, то шмотками, которые в Москве были, а там нет. Но тут — триста рублей!

Однако позвонил и говорю: «Валя, вышли, пожалуйста, триста рублей, отдам через три месяца!» Деньги от Вали получил, но совершенно не знал, как я их буду вовремя отдавать...

Вдруг в августе получаю из Чернобыля огромные деньги — пятьсот рублей! Триста сразу отправил Вале Комаринскому, но осталось аж двести! Чувствовал себя богатым.

В октябре в Чернобыле встречаю Колю Смирнова, какого-то бледного. «В чем дело, — спрашиваю, — что случилось?» — «Зарплату, — говорит, — получил. Хочешь, покажу?» И достал из кармана толстую пачку двадцатипятирублевых — то ли две, то ли три тысячи рублей. Я подержал пачку в руках, сунул ему в карман и сказал: «Хорошо».

Через месяц или два подумалось, что на самом деле хорошо: во-первых, потому, что для большинства из нас деньги все-таки не главное, во-вторых, лучше деньги иметь, чем их не иметь, в-третьих, условия, в которых мы работали, известны (повторяться не хочется), и, в-четвертых, — это основное — человек работает, максимально реализует свои способности, при этом получает

деньги, и поэтому чувствует себя мужчиной — в те времена редкое сочетание.

Солдаты в Припяти

Начало ноября 1986 года. Еду по Припяти на бронетранспортере. Еду по делам, связанным с технологией дезактивации территории населенных пунктов.

Сидеть на броне хорошо: солнышко светит, ветер дует, сверху все видно. Бульдозеры снимают верхний слой почвы и сваливают его в большие кучи, солдаты дорабатывают лопатами... Смотрю, на одной из этих куч — почти холме — сидит солдатик и курит. Засовываю голову в открытый люк бронетранспортера и прошу водителя Ваську по кличке «Бронезавр» остановить машину, после чего встаю во весь свой могучий рост (1,68—1,70 м) и кричу: «Солдат! Встать, смирно!» И далее: «Вызвать ко мне вашего командира!» Солдат убегает и возвращается бегом вместе с лейтенантом, и оба берут под козырек. Они-то в военной форме, а я в своей — белая спецодежда, белый чепчик, и без знаков отличия — может, я генерал какой-нибудь? «Лейтенант, — спрашиваю, — вы своих солдат инструктировали по правилам работы в радиационно опасных местах?» — Отвечает: «Нет». — «А вас инструктировали?» — Отвечает: «Нет».

Что делать? Пришлось провести подробный инструктаж, особенно о том, что вот от этих куч дерна надо держаться подальше, так как радиационный фон вблизи них может достигать нескольких рентген в час.

Приказал рассказать все это солдатам его подразделения и обещал проверить на обратном пути. Но не проверил, потому что возвращаться пришлось другой дорогой.

Милиционер

Он всегда сидел у входа в здание Правительственной комиссии. Как-то,

проходя мимо, я остановился и спросил: «Почему вы одних приветствуете, а других нет?» Он, продолжая сидеть, ответил: «Ну, как же, вот прошел член Правительственной комиссии, а вон — академик». Я сказал: «А откуда знаете, может быть и я академик?» Он несколько испуганно вскочил и приложил руку к козырьку. Я успокоил: «Извини, друг, никакой я не академик, а просто какой-то начальник лаборатории». С тех пор при моем появлении он вставал, мы здоровались за руку и улыбались друг другу.

Крыша

В конце октября 1986 года нужно было замерить радиоактивный фон на крыше одного из домов г. Припять и отобрать пробы кровли. Я попросил поучаствовать в «мероприятии» Мишу Амосова и Толю Рогачева как специалистов.

Вооруженные приборами и в сопровождении милиционера, который был необходим, так как в то время боролись с мародерами, мы дворами подошли к подъезду многоэтажного дома. Милиционер открыл подъезд и остался его охранять, а мы втроем стали подниматься вверх по лестнице. Такого раньше я никогда не видел! Двери квартир — нараспашку, на лестнице, на площадках брошено невесть что: запомнились детские коляски, женское бельешко, костюмы, сумки, банки с огурцами и помидорами. И фолиант «Дон Кихот Ламанческий» Сервантеса. Мародерство так мародерство — взял бы, но от «Дон Кихота» так светило!.. Таковы были в октябре следы то ли бегства, то ли поспешного выселения в конце апреля.

Разгребая завалы, мы все-таки добрались до крыши. Миша и Толя приступили к измерениям фона и отбору проб, а я вдруг увидел, что дом стоит над главной площадью Припяти: вот здание горкома, вот гостиница, видны атомная станция, большая часть города, ниже —

магазин! И вдруг площадь «оживила», зашевелилась, наполнилась людьми... Научно-техническая конференция осенью 1984 года!

Научно-техническая конференция — это не просто формальное действие, когда выступают с докладами, обсуждают их, выносят решения, пишут протоколы, — это еще и способ неформального общения между людьми из разных организаций, различных научных, иногда конкурирующих направлений, когда высказываются различные, порой самые завиральные идеи, выясняются отношения.

Силуэты. Образы. Видения...

Из ближайшего магазина — вот он, внизу, справа — конференция выпила весь белый Струмок (струмок — по-украински — ручеек — сухое вино), затем — весь красный...

Игнатенко председательствует на конференции. Он же — в своем двухкомнатном люксе. Он же — во главе стола лаборатории, Назаренко в маленьком двухместном номере гостиницы.

Веселятся Мамет и его лаборатория.

Мацкевич предлагает мне подсиживать друг друга, но подсиживать доброжелательно!

Пашевич рвется читать некоей Л. лекцию по водному режиму АЭС. Назаренко его успокаивает, заявив, что он сам уже читает ей лекции по автоматхимконтролю.

И в то же время: сравнение различных схем переработки отходов АЭС; экономичность и экологичность схем; в каком виде оставим окружающую среду нашим детям и внукам; структура ВНИИАЭС; принципы изобретательства; небезопасность АЭС...

...«Движения» на площади замедляются и исчезают. Снова вижу сверху серый, безжизненный город. Миша трясет меня за плечо и говорит: «Боря, мы работу закончили».

Назавтра я написал служебную записку с предложением о вручении грамот и денежных поощрений Амосову Михаилу

Михайловичу и Рогачеву Анатолию Андреевичу. Себя я в этот список, конечно, не внес. За воспоминания поощрения противопоказаны...

Андрей

Этот эпизод из жизни в Чернобыле я рассказал Владимиру Ивановичу Комарову, бывшему главному инженеру ПО «Комбинат», когда встретился с ним несколько лет назад в Тунисе, где мы находились на лечении как инвалиды Чернобыля. Он ничего не вспомнил, но написать разрешил.

В то же время Андрей Симагин, который сам был невольным участником этого эпизода, все помнит, но почему-то возражает против его опубликования в книге. Есть еще три участника и свидетеля: Наталья Курганова, Дима Рау и я.

А было так. Наталья временно занимала место секретаря ПО «Комбинат». Комаров позвонил ей с АЭС и попросил срочно переправить к нему некие документы. Она передала документы Андрею, который ехал работать на третий блок.

Тут не поймешь: то ли Наталья не подчеркнула, что это срочно, то ли Андрей что-то недопонял. Так или иначе, но он принес документы Комарову не сразу, а только по окончании своих работ — через два, а может быть через три часа.

Я узнал о случившемся, когда Андрей приехал и сказал, что уезжает домой, так как Комаров закрыл ему командировку. Тут же выяснилось, что Дима Рау уже ходил по поводу Андрея к Комарову, но тот его послал...

Уговорил Андрея подождать часа два и ушел по своим делам. Когда через два часа выяснилось, что Комаров у себя в кабинете, и к нему снова ходил Дима Рау, а тот снова его послал. Положение стало безнадежным.

Надо было на что-то решаться. Зашел в кабинет главного инженера, сел и стал ждать. А там — дым коромыслом:

пять или шесть проектантов о чем-то спорят друг с другом, звонят министрам, орут — в общем, дурдом. Минут через сорок они, наконец, ушли...

Комаров посмотрел на меня совершенно пустыми глазами и спросил: «Тебе что?». Я ответил: «Ты меня выслушай внимательно, я насчет Андрея Симагина. Понимаю, что свои решения менять трудно, но ты попробуй и увидишь — тебе самому будет хорошо». Последовала долгая пауза — чувствовалось, что в его голове происходит какая-то мозговая деятельность — что-то между «послать» и «не послать». Наконец, произнес: «Хорошо, пусть он останется, но ты будешь проставлять ему в табеле восемь часов». (Между прочим, мы работали по 12 часов и больше). Я сказал: «Согласен», — хотя точно знал, что табель пойду подписывать не к нему, а к Игнатенко.

Советская, 74*

Евтушенко Владимир Сергеевич, по моим понятиям, был единственным заместителем начальника отделения, который, будучи направлен в Чернобыль, выполнял свойственные заместителям хозяйственные функции. Когда он приехал в декабре 1986 г., его задачей было занять под Экспедицию ВНИИ АЭС второй подъезд двухподъездного пятиэтажного дома с адресом ул. Советская, 74*, расположенного на пересечении главной улицы Чернобыля Советской и улицы Кирова, ведущей к атомной станции.

В то время большинство командированных сотрудников ВНИИАЭС проживало в упоминавшемся не раз в прошлой и настоящей книгах пионерлагере «Сказочный», находящемся в 13 километрах от Чернобыля.

Добираться оттуда на работу в Чернобыль либо на блоки АЭС было очень неудобно.

Преодолев, при помощи Пашевича, который в то время был заместителем

Генерального директора ВНИИАЭС по Чернобылю и руководителем Экспедиции, невесть откуда возникшее сопротивление некоторых хозяйственных работников ПО «Комбинат», мы с Евтушенко этот дом и этот подъезд все-таки «захватили».

После этого возникли значительные трудности, но их удалось преодолеть: вынести весь хлам из 15 квартир (с № 16 по № 30) — вынесли, вымыть все — не своими руками, но вымыли, добыть и втащить мебель... и так далее. При фоне на перекрестке улиц 2,5-3,0 миллирентгена в час фон в квартирах стал от 0,5 до 1,0 — приемлемая по тем временам величина.

С особым шиком была обставлена двухкомнатная квартира 22 (на третьем этаже, слева), для начальства — ковры, люстры, телевизор, фортепьяно. В этом активнейшее участие принимал Саша Стефов.

Сотрудники ВНИИАЭС начали вселяться в Дом в конце декабря 1986 года. По сравнению с пионерлагерем — какие удобства! Всегда тепло, туалеты, холодная и даже горячая вода — правда, с переборами на верхних этажах.

С начала 1987 года в квартире 18 был организован, как теперь говорят, «офис», где находились сменные секретари, в функции которых входило встречать приехавших, расселять по квартирам, переодевать, выдавать талоны на питание, помогать в оформлении пропусков, оформлять табели рабочего времени, иногда показывать, куда идти и с кем работать.

Все входило в свою норму... Но! Дом не был взят на баланс ВНИИАЭС. Может быть, это вина Пашевича, может быть — следствие его трений с руководством института?

Так или иначе, но хозяином Дома оставался ПО «Комбинат», поэтому, думаю, и при попустительстве последующих руководителей Экспедиции, наш жилой фонд стал постепенно размываться. Уже к середине 1987 г. мною были

замечены поселившиеся милиционеры, сотрудники ПО «Комбинат», в дальнейшем — сотрудники МЭИ и т. д.

И постепенно, все стало сходиться на нет, так же, как и участие ВНИИАЭС в проблемах Чернобыля.

Новый 1987 год

Уже 30 декабря Чернобыль опустел. Исчезла Правительственная комиссия, куда-то делось руководство ПО «Комбинат», большое и маленькое; движение и деловая активность пошли на спад... Наши командированные тоже уехали домой, в Москву.

Мы же, а именно, я, Наталья и Владимир Абрамович Елин по предложению Пашевича, остались охранять квартиры, машины, другое имущество и быть в курсе быстроменяющихся ситуаций в зоне.

Но Новый год надо праздновать! Во-первых, мы поселились в хорошо обставленной «начальской» 22-ой квартире. Во-вторых, я заранее широко раскинул крылья над всеми своими связями на предмет добычи спирта с тем расчетом, что если хоть один вариант сработает, то на праздник спирта хватит. Оказалось, — ко всеобщему удивлению — сработали все варианты. Далее — елка. Елок, как известно, в этих местах нет. Пришлось, украв топор из помещения спецпрачечной г. Припять, срубить в полной темноте, где-то на обочине, сосенку. Когда потом ее разглядели, оказалось, что верхушка у нее рыжая. На этом 30-е число закончилось.

31 декабря с утра, ввиду отсутствия руководства, помогли приехавшим в зону на работу — определиться с поселением, талонами и с местом работы. Заодно нам принесли невостробованные заказы Правительственной комиссии. Из того, что помню, там оказались свежая осетрина, чешское пиво, яблоки и мандарины. Затем, после полудня, поехали в ресторан для военных и остававшимся поварам за спирт

заказали приготовление заливной осетрины и разных прочих закусок, а официантам — скатерть, фужеры, рюмки, тарелки, подсвечники и т. д.

К этому времени прибыл Валера Копелович, командированный из нашего института, и гости — сотрудники Института химии поверхности АН УССР Толя Марев и его жена Ира. У Толи в трех связанных коробках из-под тортов были запрятаны три бутылки шампанского, у Иры в папке с печатью первого отдела что-то сильно булькало — оказалось — водка. Апофеоз борьбы с сухим законом!

Гости оказались привередливыми — они не хотели праздновать без цветного телевизора. Пришлось гнать в соседнее общежитие на улице Кирова. Оттуда цветной телевизор вместе с его хозяином — лицом казахской национальности (к сожалению, забыл имя) был доставлен к нам в 22-ю квартиру.

Пока ездили в ресторан за заказанным и накрывали на стол, Новый год приблизился вплотную.

За окном стреляли ракетами и трассирующими пулями; были слышны отдаленные крики: «Ура!»

Народ колядовал: появилась группа молодежи разного пола во главе с Архиповым-младшим... Пляски под магнитофон

и рояль... Пир во время... ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС!

В одиннадцатом часу 1 января Наталья сказала: «Нужно идти на работу». Нам ужас как не хотелось, но мы пошли и правильно сделали... Возле дверей дирекции ПО «Комбинат» толпились люди — они приехали работать, но куда идти и что делать — не знали. Наталья захватила место секретаря и 80% проблем решила сама: расселение, пропуски, одежда, талоны, с кем приехавшим контактировать по их специализации. С вопросами, с которыми она не справлялась, рекомендовала обратиться в 20-ю комнату к специ-

алистам Владимиру Абрамовичу и Борису Федоровичу.

Трудным был первый день Нового, 1987 года!

Дополнение к рассказу В. М. Гординой

Действительно, в огромной столовой, которая в народе называлась «Кормоцех», девочка лет двадцати, заметив меня в очереди, кричала из-за прилавка: «Дедуля!». Я подходил, она мне вручала поднос с ужином, после чего я гордо шествовал к столу.

Но мне в 1987 году было всего 49 лет, и я был не такой седой и старый, как сейчас, и поэтому ее «дедуля» меня немного обижало.

Однажды я ей сказал: «Что ты все дедуля, да дедуля? Лучше приходи ко мне в гости в тот дом, квартира 16». Она ответила: «Знаешь, дедуля, извини, но я на работе так уламываюсь, что ничего уже больше не могу».

Ларин

Однажды, а именно в 1995 году, я случайно встретился с Лариным возле метро «Китай-город» и в ответ на стандартный вопрос: «Как поживаете?» — пошутил: «Знаете, Евгений Петрович, я стал карьеристом — уже начальник отдела». И вдруг он спросил: «Вместо кого?». Оказалось, что шутка моя была дурацкая, так как по его понятиям повыситься в должности можно было только вытеснив кого-то, либо дождавшись, когда этот «кто-то» умрет.

Я же в своей жизни никогда не был вместо кого-то, так как все создавал сам: группу (даже две), лабораторию, отдел, и, наконец, общественную организацию инвалидов Чернобыля «Союз «Действие».

Мальчишки

Не так уж давно, в конце семидесятых, мы с нашими детьми, но без жен,

несколько лет подряд ездили в отпуск на различные турбазы.

Мы: это я, Боря Никольский (1937 г. р.), Валера Мамет — на полтора года, и Витя Козлов — на восемь лет — оба младше меня.

Наши дети: Сережа Мамет (1963 г. р.), Таня Никольская (1966 г. р.) и Миша Козлов (1969 г. р.).

Витя в это время был начальником отдела, Валера — начальником лаборатории, я — ведущим инженером в лаборатории Валеры.

Как видите, все разные, и мы, и наши дети. Дети были свободны и веселы, мы — «мальчишки» — тоже. И все дружили. И помощью турбазовских дам, считавших нас отцами-одиночками, не злоупотребляли.

А что сейчас? У Вити инсульт с 1993 года, недавно был второй. Валера умер два года назад... А что же я, старший среди них, да и в Чернобыле был много больше? По сравнению с Валерой — жив, по сравнению с Витей — здоров. Просто повезло...

Необходимое послесловие

Рассказов у меня много, но я не решился опубликовать в этой книге все, так как не хочется обижать людей, даже тех, кто принимал участие в несчастной и незаконной неаттестации меня как начальника лаборатории (конец января 1987 г.), и тех, кто мешал работать, и еще больше — мешал становлению нашей Общественной организации инвалидов Чернобыля.

Кстати, выяснилось, что разработки лаборатории 231 конца семидесятых — начала восьмидесятых годов в области мембранных технологий и переработки борсодержащих отходов АЭС с ВВЭР не утратили актуальности и по сей день. Но это — свет погасших звезд.

А.И. Яшников

ГИПОТЕЗА О НЕУЧТЕННОМ ФАКТОРЕ

А.И. ЯШНИКОВ

Меня давно занимал вопрос: почему типичные болезни чернобыльских ликвидаторов, по мнению уполномоченных медиков, не связаны с радиационным воздействием аварии? Некоторые работники социального обеспечения, опираясь на их мнение, обвиняют чернобыльцев в симуляции и вымогательстве, а ликвидаторы упорно болеют недозволенными болезнями и страдают от недоверия и недоплаты возмещения ущерба здоровью. Долгое время я считал, что медики выполняют политический, или, скорее, экономический заказ, из-за нехватки денег в бюджете. Со временем стал задумываться: а что если не было никакого социального заказа, и медики не зря едят свой хлеб?

Я и сам не совсем здоров — чернобыльский ликвидатор, инвалид, не хуже врачей знаю историю своей болезни, но, в отличие от социальных работников,

---

ЯШНИКОВ А.И. — участник ликвидации последствий катастрофы 1986 г.

вполне доверяю себе и другим ликвидаторам, которых знаю лично, и никак не могу заподозрить кого-либо в симуляции.

Медики опираются на знания последствий сильных разовых облучений, о последствиях же длительного воздействия малых доз им известно гораздо меньше. Но большинство заболевших ликвидаторов не получили больших доз внешнего гамма-облучения! Медики хорошо знают отдалённые последствия при ядерных взрывах. Но не при взрывах реакторов, тем более, что во время взрывов ликвидаторы находились очень далеко. Большинство ликвидаторов-инвалидов заболели не сразу, но массово и малозависимо от места и характера работы на ликвидации. Логично было предположить, что существует некий общий фактор, о котором медики просто не знают. И найти его — дело физиков.

Перед вами не технический отчёт, а рассуждения, которые привели к пониманию причины болезней чернобыльцев. Поэтому опускаю все расчёты. Их не сложно воспроизвести. Литература доступна. Калькулятор не обязателен.

Особый фактор, очевидно, должен быть связан с особенностями аварии. Я обратил внимание на то, что болезни, сходные с «ликвидаторскими», испытывают люди, перенёсшие ожоги и отравления некоторыми ядами. Это заставило меня присмотреться к излучению частиц.

Обычно рассматривают местное действие бета-излучения, и на практике оно связывается с бета-ожогом ладоней, лица и гортани. Ликвидаторы работали в респираторах, поэтому считается, что лёгкие их были защищены, хотя с бета-ларингитом знакомы все чернобыльцы. Почти все осколки деления и продукты их распада — бета-излучатели. Если они попадают в лёгкие, бета-частицы обжигают поверхность альвеол, но этот ожог не ощущается, в альвеолах нет болевых рецепторов. Если же кто-то вдохнул

опасное количество бета-излучателей, это было замечено по сопровождающему гамма-излучению при обследовании на счётчике излучения человека (СИЧ). Конечно у тех, кого обследовали.

К сожалению, при таком обследовании, ожидая загрязнения бета-излучателями, легко пропустить гораздо более опасное загрязнение альфа-излучателями, особенно, если его не ожидать.

Были опасения, что часть топлива при взрыве расплавилась, и из него выделились альфа-излучатели. Опасения подтвердились. Это отдельная история, в которой активное участие принимали Александр Львович Кононович и Дмитрий Фёдорович Рау, в воспоминаниях которых, надеюсь, об этом можно будет прочитать. Были обнаружены местные загрязнения плутонием-239. Это считается главной опасностью от альфа-излучателей, поскольку период полураспада плутония-239 около пяти тысяч лет и загрязнённые им поверхности сами по себе очистятся только в очень далёком будущем. Но это не единственная и не главная опасность. Во всяком случае для ликвидаторов. Альфа-излучателей вне пятен загрязнения было во много раз больше и, к тому же, летучих. Тех, которыми можно было, не замечая, вдоволь надышаться. Дальше я объясняю, откуда они взялись.

Считается, что взрыв реактора был тепловым, то есть за счёт энергии накопленной в разогретом теплоносителе. По-моему, это не совсем точно, но об этом ниже. При взрыве топливо, которое представляет собой керамику из двуокиси урана, рассыпалось на множество кусков разного размера. Часть топлива — твэлы, куски твэлов, отдельные таблетки — далеко от реактора не улетила и была собрана. Но больше половины топлива разбилось на мелкие частицы размером от микронов до сотен микронов, так называемые «сиботаксисы» или «горячие частицы». Эти частицы разлетелись по большой площади. Само топливо испускает мало гамма-

квантов низкой энергии, но каждая частица сохранила в себе шлаки — долгоживущие осколки деления и долгоживущие продукты распада короткоживущих осколков. В этом — первое важное отличие взрыва длительно работавшего реактора от взрыва атомной бомбы. Почти все шлаки — интенсивные гамма-излучатели, они и определили картину гамма-полей на территории. Шлаки, к тому же, и бета-излучатели, поражающие органы дыхания, в том случае, если они — газы или становятся летучими аэрозолями.

К счастью, даже мелкие частицы керамики не летучи, а если какие-то из них и были взметены в воздух, то респираторы надёжно защищали от них органы дыхания. Тоже, конечно, не без исключений. Если кто-то вдохнул или проглотил «горячую частицу», мог получить сильное местное радиационное поражение с вероятностью перехода в рак. Такие заболевания медики признают вызванными радиационным поражением.

Каждый из сиботаксисов служил, служит, и будет служить источником летучих альфа-активных аэрозолей. Ураны -238 и -235, составляющие керамику, — альфа-излучатели. Когда из ядра вылетает альфа-частица, оно испытывает отдачу. И если ядро находилось на поверхности керамики, а альфа-частица направилась внутрь, то ядру отдачи с лихвой хватает энергии, чтобы вылететь в воздух. Дальше ядро может существовать в виде элемента или окислиться до молекулы, но в любом случае это уже атомарная или мономолекулярная аэрозоль, и в силу своей малости, подчиняется законам броуновского движения. Это ещё не газ, против которого респиратор бессилен, и не горячая частица, от которой он надёжно защищает. Это и не пыль, от которой защищает не только респиратор, но и отработанная природой аэродинамика дыхательных путей. От мономолекулярных аэрозолей респиратор защищает плохо. Попробуйте понюхать духи через респиратор —

очень мешает? А ведь ядро отдачи — это тоже альфа-излучатель.

И уран-235, и уран-238 распадаются редко, поэтому взорвись ранее не работавший реактор, альфа-излучателей в воздухе по такому механизму было бы мало. Но есть второе важное отличие произошедшего взрыва. Реактор длительное время работал, и в керамике накопилось много других альфа-излучателей. Кроме уранов-235-238, есть ещё не меньше 18-ти долгоживущих альфа-излучателей, которые появились в топливе в результате работы реактора. Это ещё три изотопа урана и заурановые элементы: нептуний, шесть плутониев, три америция, пять кюриев. Список не полон, так как по другим заурановым элементам у меня нет данных по накоплению в топливе. Только одного из них, кюрия-242, которого к моменту взрыва и набралось-то 30 г на тонну топлива, оказалось достаточно, чтобы количество аэрозолей из его ядер отдачи — плутониев-238, превысило допустимую концентрацию. И настолько, что любой ликвидатор, находившийся в 30-км зоне две недели, мог, в среднем, заполучить альфа-излучателей в лёгкие три годовых предельно допустимых нормы для профессионалов. А с остальными актинидами и пять. Что это такое, можно понять из сравнения — пять годовых предельно допустимых норм общего внешнего гамма-облучения для профессионалов это 25 бэр. Ликвидатор, получивший столько, немедленно отстранялся от работы по ликвидации аварии. Но это — в среднем. Аэрозоли, всё-таки, не газ, распределены неравномерно, и хотя тяжёлые аэрозоли и скапливаются у земли, но отдельными облаками. Тут уж как кому повезёт.

Полагаю, я не первый рассмотрел ситуацию с альфа-излучателями. Вероятность поражения ими нашла очевидное отражение, например, в совместном приказе Минздрава 03-6/29, Госкомтруда 1678 МК и ВЦСПС 14-03-4а/ЗП от 10.07. 1989 года «...причину за-

болевания и инвалидности следует считать профессиональной...» и указать «...вызвано аварией на ЧАЭС». Не имея возможности непосредственно измерить альфа-загрязнение лёгких, нельзя исключить факт поражения, но и подтвердить трудно. Поэтому к моменту выхода Закона 1995 года о чернобыльцах формулировка смягчилась, стала компромиссной: «в связи с аварией на ЧАЭС», список «допустимых» заболеваний резко сократился. Он уменьшался и позднее. Ликвидаторов уже стали только «приравнивать» к пострадавшим от ионизирующих излучений. Но компромисс всегда выходит кому-то боком. Этот вышел боком ликвидаторам. Прошло время, сменилось и руководство и полномочные специалисты, подзабылась авария. И чернобыльцы стали обузой. Теперь уже и не приравнивают, что довольно логично. Пять годовых норм — не причина заболевания. Потому, наверное, и ограничили срок работы на ликвидации последствий аварии двумя неделями.

Однако заболевания оказались массовыми. Не связывая их с радиационным поражением, медики договорились даже до радиофобии. То есть, до болезней от боязни радиации. Но сперелугу бывает медвежья болезнь, извините, а не поражение сердечно-сосудистой системы.

Осмелюсь предположить, что описанный механизм появления летучих альфа-активных аэрозолей — не единственный, и их было во много раз больше. По-настоящему характер (но не причины!) взрыва так и остался неразгаданным. Лет пять тому назад один из ведущих специалистов по изучению чернобыльской аварии сказал в интервью (МК 24.04.98): «Почему произошло несколько взрывов, пожар, что горело, куда делось топливо — эти и множество других вопросов осталось без ответа. По моему мнению, уже нет шансов узнать истину». Куда делось топливо — смотри мою статью в этой книге («Чер-

нобыльские заметки»). А о количестве взрывов написано далее.

Причин аварии я не обсуждаю, и рассматриваю только гипотетический процесс протекания уже начавшегося взрыва и последствия процесса. Не вдаваясь в излишние подробности, напомним, что последний «контролируемый» подъём мощности реактора произошёл за счёт самой нижней части активной зоны. В остальной части реактора топлива как бы не было. Зона была «отравлена» избытком ксенона-135, хорошо поглощающего нейтроны. При попытке заглушить реактор энерговыделение в нижней части стало много выше допустимого.

Мне известны две заслуживающих внимания версии процесса. Обе они основаны на предположении, что произошёл тепловой взрыв, то есть взрыв за счёт тепла, накопленного в воде. Первая — энерговыделение в нижней части активной зоны возросло настолько, что в этой части перегорели каналы, поток пароводяной смеси устремился в щели графитовой кладки, где давление ниже атмосферного, превращаясь в пар. Повышенное давление выбросило из шахты большую часть реактора, как снаряд из ствола пушки, разрушив этот снаряд. Есть другая версия — после пережога каналов реактор, выпуская пар из обрезанных каналов, как из сопел, вылетел, словно паровая ракета, и разрушился. Это тоже вариант теплового взрыва. При пережоге каналов, может быть, расплавилась часть топлива.

У обеих версий, как основного механизма процесса, есть неувязки. Я не буду их перечислять, потому что есть одна, общая для всех известных мне версий. Она не объясняет, почему был не один взрыв, а несколько, в разных частях активной зоны и в разное время. Из-за чего возникали предположения о ядерных взрывах, но не было ни разогрева до миллионов градусов, ни вспышки света, ни ударной волны, ни характерного гриба.

Все неувязки можно устранить предположением, что при пережоге каналов часть топлива не только расплавилась, но даже испарилась, и из реактора стартовали поочередно большие группы твердотопливных ядерных ракет. Реактор РБМК состоит, по сути, из нескольких взаимосвязанных, но вполне самостоятельных реакторов. Вылет одного из них притормаживает за счёт увеличения утечки нейтронов развитие процесса в других. Для вылета достаточно быстрого разогрева части топлива до нескольких тысяч градусов. И выбросы при взрывах — это газовые струи, вынесшие и пыль и крупные части конструкции. Направление и характер движения струй определялись законами газодинамики. К счастью, процесс газообразования начался в нижней части реактора и шёл вверх по мере выжигания ксенона-135 возросшим потоком нейтронов. Если бы процесс шёл сверху вниз, а «умелыми» нарушениями регламента можно сделать и такое, ликвидаторам нечего было бы делать на территории станции. Пушка и паровая ракета не исключаются, но как составная часть процесса. Подробное описание ракетно-ядерного механизма оставляю для технической статьи.

Не буду сейчас разбирать и механизмы образования аэрозолей из атомов всех шлаков и актинидов (уранов и зауранов), скажу только об атомарном уране. Остывая в неокислительной среде, он может остаться одиночным атомом, но на воздухе, при температуре выше 200 °С он сгорает в уранинит U_3O_8 , то есть $UO_2 \cdot 2UO_3$, тёмно-зелёный цвет которого не бросается в глаза даже при больших скоплениях. При очень высоких температурах (выше температуры плавления, а тем более газообразования) уран может образовать с кислородом устойчивый оранжевый (рыжий!) высший окисел UO_3 , который при контакте с водой постепенно превращается в нерастворимую гидроокись $UO_2(OH)_2$, то есть H_2UO_4 слабо-жёлтого цвета. Именно поэтому окраска Рыжего

леса, на который попала часть первого выброса, постепенно изменявшаяся с началом дождей, прямо указывает на возможность испарения керамики в реакторе. Не только по ракетному механизму, но и при ударе об ещё не поднятую крышку реактора.

Шлаки из испарившейся части оказались на свободе. Это были ядра по большей части радиоактивные, со всеми видами излучений и самым различным временем жизни. Одни из них после остывания остались в виде газа, другие стали атомарными, третьи — мономолекулярными аэрозолями. Лучше всего было иметь дело с газом — уехал из Чернобыля, продышался, и забыл. А вот аэрозоли так легко из альвеол не выведешь. И они, старательно и не спеша, делают своё чёрное дело. Последствия распространённого постоянного радиационного ожога проявляются не сразу.

Аэрозоли актинидов гораздо тяжелее аэрозолей из шлаков. Хорошо известно, что с высотой в воздухе уменьшается относительная доля кислорода, более тяжёлого, чем азот. Можно взглянуть иначе — приземный слой обогащён кислородом. Также и с актинидными зольями. Ими приземный слой обогащён по сравнению с гораздо более лёгкими бета-аэрозолями и по сравнению с другими слоями атмосферы. Например, с теми, где господствуют сильные ветра и разносят по миру всё, что в них попало. Кстати, «актинидные духи» и свой «запах» распространяют гораздо медленнее, чем более лёгкие аэрозоли из продуктов деления урана. В воспоминаниях Е. А. Панова в этом же сборнике приведена скорость приземного распространения передового отряда наиболее лёгких аэрозолей на расстояниях в сотни километров от Чернобыля: 3,5—5 км в час. Мономолекулярные актинидные аэрозоли ещё долго, по крайней мере, до начала сезона дождей и сильных ветров, оставались в пределах 30-км зоны.

Аэрозоли всё-таки не газ, их свойства

отличаются от газовых тем меньше, чем ближе их размеры и масса к размерам и массе молекул воздуха, но тем больше, чем больше их плотность отличается от плотности воздуха. Тут уж актинидные аэрозоли — рекордисты. Они достаточно малы, чтобы действие броуновского движения было заметно на фоне гравитации и мешало им осесть как сиботаксисам, но слишком плотны, чтобы естественные неоднородности их концентрации выравнивались так же быстро как, скажем, у аэрозолей йода или цезия, не говоря уже о газах. В этом их свойства ближе к свойствам пылевого облака.

Теперь о причине болезней. В первую очередь, не о включении актинидов в обмен веществ, тщательно изучаемом биофизиками, а о хроническом радиационном ожоге внутренних поверхностей тела. Тела, а не только лёгких. Естественный механизм вывода альфа-излучателей из лёгких — откашливание. При этом, как ни старайся, а часть мокроты проглотить. Причина — то радиационная, а найдёшь её не сразу. И вот почему. Измерения на СИЧе позволяют оценить внутреннее загрязнение бета-излучателями по довольно жёсткому гамма-излучению, его сопровождающему. Альфа-частицы раз в двадцать вреднее бета-частиц, ядра отдачи — в десять, а менее интенсивное гамма-излучение, их сопровождающее — мягкое, легче поглощается в теле, а в СИЧах, настроенных на обнаружение бета-загрязнения, относится к шумовому фону и отрезается. Есть в этом случае и некоторая доля жёсткого излучения, но выход его мал, а энергия вполне может быть приписана бета-излучателю. В результате, если лёгкие признаются «чистыми по бета», это не значит, что они «чисты по альфа». То есть фактор оказался известным, но неучтённым. Очевидно, что оба загрязнения присутствуют вместе, в различных сочетаниях. И вероятен случай, когда альфа — довело человека до инвалидности, а по бета — он болеть не имеет права.

Надо заметить, что все соединения

урана и зауранов ядовиты, а это — уже химическое отравление, тоже проявляющееся не сразу. Доза невелика — микрограммы. Но есть. Предложенная гипотеза не отменяет и отравления парами свинца, которым забрасывали реактор, однако, подчеркну, актиниды не только ядовиты, но ещё и альфа-радиоактивны, и приводят к радиационному поражению, не учтённому ни счётчиками излучения человека, ни, тем более, гамма-дозиметрами.

Гипотеза о механизме аварии — это для технических специалистов. А её доказательство даст ответ на вопрос о причине заболеваний: чернобыльские ликвидаторы работали, спали и дышали без защиты внутри радиоактивного ядовитого облака, невидимого и неосязаемого. Изменение состава облака со временем мало уменьшало его вредность, особенно первые два года, но она не мала и сегодня. Посмертно возможна количественная оценка радиационного поражения с восстановлением по конкретным датам нахождения в Зоне. Надо научиться делать это при жизни.

Сожалею, что не довелось прочитать о подобном рассмотрении ни в специальной литературе, ни в СМИ. За прошедшие восемнадцать лет кто-нибудь из чернобыльцев нашёл бы способ непосредственной прижизненной оценки степени поражения и, возможно, специализированного лечения. Известно же, что новое придумывают не те, кому положено по должности, а те, кому нужно.

ЗОНА: ЛЮДИ И ЗВЕРИ

В.М. ГОРДИНА

Название статьи не намекает на что-то, нет, это о людях и зверях в зоне — именно там, а не где-то в другом месте.

ГОРДИНА В.М. — кандидат технических наук, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в 1987 г.

хотя иногда, если честно, хочется вспомнить и написать о «некоторых». Говорят, хочешь узнать человека — дай ему власть, и он сразу покажет себя во всей своей сущности. Вот и следовало бы написать о людях-оборотнях, но история сама их рассудит и поставит на свое место. Забудем о них. И напишем действительно о людях и зверях в беде.

Прошло более 18 лет. Большой период для нас и совсем ничтожный для распада «продуктов» аварии. Период полураспада плутония, как известно, 24410 лет. Радиация дамкловым мечом будет еще долго висеть над людьми — и теми, кто работал на ликвидации аварии, и теми, кто живет в зонах, в той или иной мере пораженных продуктами распада, и над их потомками.

Радиация. Это не забывается. Страшная усталость, бессилие, сухость и боль в груди, в горле, металлический вкус во рту, ноги какие-то ватные, хочется только одного — скорее добраться до постели. Тогда так было...

А сейчас все помнится в другом свете — с теплой грустью и с чувством удовлетворения, что сделано было все как надо и в максимальном объеме. Вспоминаются вечерние встречи, когда после работы мы собирались в Экспедиции; вспоминается и «проза жизни» — то «житьё-бытьё», с чем приходилось сталкиваться ежедневно, и о чем сейчас думаешь уже с определенной долей юмора.

Первая достопримечательность тогдашней «прозы жизни» — столовая, которую все шутя называли «кормоцехом». Это поистине уникальное сооружение — огромный «караван-сарай» с 4—6 раздачами и со стаей постоянно прописанных под крышей воробьев. «Кормоцех» никогда не пустовал. Удивляло обилие еды. Все, что ставилось на поднос, как правило, съесть было невозможно. Правда, питание было хотя и обильным, но однообразным, а что-то другое нельзя было и придумать — столовая обслуживала огромное количество лю-

В.М. Гордина

дей. Поэтому и запомнились куски мяса, огромный овощной стол, много шоколада, сметаны. И это три раза в день! В первое время несколько дней ходишь подряд, потом идешь через «раз». Мы научились из сметаны делать прекрасный творог и часто собирались на этот «деликатес». Иногда вечером отправляли кого-нибудь с кастрюлями и талонами («кормоцех» был через дорогу от нашей Экспедиции) и набирали еду, а «дома» уже все переделывали — жарили, тушили, благо всего было в изобилии. Обзавелись мы плиткой и сковородкой. Обычно за едой мы просили сходить Б. Ф. Никольского, у него, несмотря на неполные 50 лет, была борода с проседью, и издали его можно было принять за солидного, пожилого человека. Молодые девчата — раздатчицы, увидев его, кричали через всю столовую: «Дедушка, подходите, что же вы там стоите!» Спасибо девчатам за заботу! А над «дедом» мы и сейчас шутим. Только борода теперь у него стала совсем седой...

Иногда вечером мы ездили ужинать в «Сказочный». Это поистине сказочный уголок, его когда-то с любовью создали

для детей: море воздуха, уют, цветов. Но нас влекло в «Сказочный» не только это, хотя столовая там была чистая, уютная, а блюда похожи на домашние. По дороге туда, на старом дереве было расположено гнездо аистов. Не знаю, были ли они там в страшный миг взрыва, но в 1987 году они жили в своем «доме» и аист сидел в гнезде, только красивая его головка виднелась оттуда — он высиживал птенцов. Временами он вставал, расправлял крылья и снова усаживался. Аистиха же время от времени приносила ему еду. Потом появились аистятки, тонкие, еще неуклюжие их головки покачивались над гнездом, а оба родителя, распластав крылья, вились над ними. И каждый раз, приближаясь к жилищу аистов, мы радовались, что они есть, живы — и хорошо становилось на сердце, хотелось забыться, не верить случившемуся.

В сентябре аисты улетели, птенцы выросли, гнездо опустело. Какая это радость — птицы! Что ждало их в жизни, прилетали ли они снова на следующий год, не знаю. Мы вскоре перестали ездить в «Сказочный». Вообще о животных и птицах в зоне можно рассказывать бесконечно, как и о людях. Например, о стаях голодных, оставленных людьми собак и кошек, об их совсем не собачьей и кошачьей дружбе. Горе оно и есть горе, и в горе животные забывают о своей вражде, живут вместе, греют друг друга теплом, и заботятся, как люди, друг о друге. В самом Чернобыле очень долго жила стайка кур во главе с рыженьким петухом, одни, без хозяев, в загоне одного из заброшенных домов. Поистине трогательной была забота петушка о своих подружках, он зорко смотрел, не идет ли кто-то, кто мог бы причинить зло его семейству. А на площадке перед школой, в которой размещалась дозиметрическая служба, веселым криком (зимой и летом!) встречал всех здоровый красноголовый петух. И морозы были ему нипочем. Потом он исчез — то ли умер, то ли кто-то не

выдержал и, свернув ему голову, съел его. И такое бывало. Надо сказать, редко кто мог спокойно пройти мимо этих брошенных животных. Хотелось погладить, приласкать их, но нельзя: шкурка, лапки — все «светится»...

Стаи собак разных пород, возможно и со знаменитыми родословными, спасшиеся от отстрела, бродили по Припяти, жались к людям. В «Юпитере» на первом этаже, рядом с вахтером, в закуточке родились щенята, без боли нельзя было смотреть на них — толстенские, забавные и... бездомные.

Много кошек с кровотокащими лапками и мордочками. Правда или нет, но люди рассказывали: вывезли кота в г. Иванков, а он не мог забыть родной черныбыльский дом. Да и с кормежкой, видимо, было худо. И убегал кот из Иванкова назад в Чернобыль. Путь не близкий! Приходил кот в Чернобыль, жил с неделю, отъедался в нашем «кормоцехе», и уходил обратно в Иванков. И так много раз. Пропали воробьи, ласточки (1986—87 гг.). Сохранились, как ни странно, воробьи внутри столовой. А в 1986 г. наши сотрудники наблюдали такую картину: вороны с шумом летали вокруг деревьев и, непонятно было, почему такой крик, что их беспокоит, и почему они не садятся на деревья. И только потом догадались: птицы ослепли и не могли сесть.

Не обходилось и без смешных случаев. Как-то утром начальник нашей Экспедиции забросил на машине к деревне Лубянка одного из сотрудников — взять пробы грунта и воды. Когда мы пришли на обед, он сказал: «Девчата, хотите, съездим за Вадимом (В. О. Глазунов), только возьмите коробки, там появились интересные большие мухи — мутанты». Мутантов мы еще не видели, быстро собрали коробки и поехали. Приехали, с интересом оглядываемся по сторонам. Живности полно — комары, мухи, шмели, оводы. «Вон он — ваш мутант!» — крикнул Саша Жукавин. Бросаемся, и... Шмель — красивый, лохма-

тый! Шутили потом над Сашей долго. А мутантов тогда мы так и не видели. Нас интересовало все — как влияет радиация на животный и растительный мир, на человека, какие изменения могут быть и в какой период времени.

Мне всегда была интересна работа других организаций в зоне. По возможности, я знакомилась с ними. На улице Кирова была открыта лаборатория по исследованию действия радиации на белых крыс. Вход в нее, конечно, был «запрещен». Пришла, заглядываю робко в дверь. — «Вам что?» — спрашивает симпатичная сотрудница. Запинаясь, произношу: «Посмотреть». Она засмеялась и говорит: «Ну, проходите». Очень много, более 300 белых крыс. Сотрудница этой живой лаборатории с большим радушием объяснила: «Кормим их пищей из разных регионов зоны. Как видите, все здоровы, отлично размножаются, а одна сбежала из клетки и успела согрешить с черной крысой. Смотрите, каких красавцев принесла». И показала мне множество черных и белых в крапинку крысят. Конечно, времени прошло еще мало, и трудно было судить о дальнейшей судьбе потомства. Но к лету 1987 года заметных изменений еще не было, родился один крысенок без хвостика, ну и что, разве у людей не бывает каких-либо отклонений? Впоследствии мы получили богатый материал по всем аспектам радиозологии, генетики, сельхозрадиологии, в котором уже не было столь оптимистического настроения.

А Марк Вишневецкий все-таки съездил в лес за ст. Янов; было там очень «грязно», но он съездил. И привез ветки сосны. Вот где был большой контраст с обыкновенной веткой! Иголочки огромные, как у сосен южного побережья.

Ветку долго мыли, а позже, все-таки не вытерпев, повезли ее в институт. Тогда появились также огромные листья лопуха, крупные ягоды малины. И необыкновенной величины яблоки!

Тяжело вспоминать, но редкие

встречи с «самоселами» в зоне забыть нельзя. Как-то мы поехали в Зеленый Мыс. По дороге попросились в машину трое человек: две бабушки и дед. Одна из них рассказала нам свою невеселую историю. Ей около 70 лет. Заставили выехать из села, из зоны. Поселили в доме какого-то «куркуля», как она назвала хозяина. Похоже, он воспринял их как дармовую рабочую силу. За койку в его доме он заставлял их работать на своем огромном участке, растить овощи, которые он продавал. За работу не платил, считал это платой за квартиру. Старушка работала от темна до темна. Она очень уставала, а помощи ждать было неоткуда. Где-то в Сибири жил ее сын с семьей. Кое-как подкопив денег, она поехала к сыну. Невестка со своими родными встретили ее неприветливо. «Приехала заразная бабка из Чернобыля» — говорили они всем. Детей, чтобы они не заразились от бабки, отправили к каким-то родственникам, стали кормить ее отдельно. Месяца два прожила старушка у сына, видит, семья рушится. Опять собрала кое-какие крохи, чтобы доехать до Киева, а потом окольными путями (не пограничная же полоса!), пробралась в свою хату. — «И почему люди говорят — грязно, с огорода брать ничего нельзя, молоко пить нельзя. А у меня чисто, хату я вымыла и побелила, козочка чистенькая, беленькая, я сама ей травку рву чистенькую, да сочную, и огород развела. Правда, не платят нам пенсию, говорят, нет такой деревни, но спасибо солдатикам. Ходим к ним в столовую, всегда накормят, а много ли нам надо?» — рассказывала она. Вот так... А что скажешь, лекцию что ли бабушке прочтешь? Так все равно не поймет — солнце светит, все растет, цветет и зреет, кругом чисто, и козочка беленькая и чистая, бабушка ее моет и расчесывает, и пьет ее вкусное молоко...

А по дороге обратно, на старой заброшенной остановке, посередине друго-

го села, мы встретили большую толпу бабушек, одетых в так называемые в деревне «плисовые» полупальто и цветные шали, и дедов, так же добротнo одетых. Они проводили «сходку».

А дед — лесник из с. Лубянки, — рассказал мне, что в селе остались 63 хозяйства. И держат они коров, овец, кур, а также сажают картошку и овощи. Правда, вся молодежь уехала. «Скажи мне честно, — попросил он меня — говорят, скоро рак нас съест, умрем все». «Эх, дед, — засмеялась я, — мы с тобой в таком возрасте, что это нам не грозит. Лет этак через 30 может рак и будет. Не думай об этом сейчас и не верь тому, кто говорит тебе это...». Дед успокоился. «Спасибо». «Будь здоров, дед!» — пожелали мы ему.

Полное непонимание опасности ситуации приводило и к тому, что к дедам-бабкам на каникулы (теми же тайными тропами) привозили детей на лето — как раньше. Дед поведал о том, что как они ни бьются, не могут справиться с собирателями грибов и ягод в лесах зоны. Приезжают на машинах, подводах, собирают и увозят. А в те годы урожай грибов был прямо-таки колоссальный. Крепкие белые грибы без единого червячка, росли семействами в лесу и, особенно, на обочинах дорог.

Вот это непонимание людьми обстановки и последствий привело к еще большему разному «грязи» по Украине и, в некоторых случаях, по России. Ведь не только грибы, фрукты и овощи вывозились из «грязной» зоны. Вывозилось со складов различное белье, нижнее и постельное, ткани, готовые изделия! В первые месяцы в Чернобыль шли эшелоны не только со спецодеждой, а также с модными куртками, джинсами, и даже, извините, с прозрачными женскими пеньюарами. И все это затем вывозилось. Один из замов директора увез даже несколько ящиков с носовыми платками, думаю, что этого ему хватит на всю оставшуюся жизнь. А сколько выво-

зилось японской аппаратуры! Все это было. Как-то ребята из УДК привезли в общежитие из Припяти замечательный цветной телевизор и красивый, необычной расцветки ковер, хотелось украсить свое жилище. Телевизор «фонил», а на ковре было одно неприятное зловещее «пятнышко», но когда фонит кругом, на это как-то внимания не обращали. Телевизор и ковер недолго пробыли в общежитии, на следующей вахте их уже не было. Командант и ее зять-милиционер вывезли эти вещи. Кому до сих пор «светит» этот ковер изумительно красивой расцветки? Ладно бы теще, посягнувшей на него по жадности, а может, висит он у постели внука или внучки? Люди втихую вывозили вещи из зоны в свои квартиры, или, кто их знает, продавали на рынках, особенно ковры и разные тряпки.

Кому пришло в голову брать людей на вахты с Камчатки, Сибири (не считали деньги, не хотели считать)! Надо ли было брать уборщицу из Волгограда, когда можно было взять ее из ближайших районов? Я сама наблюдала, например, как бабуся из Волгограда, работающая уборщицей, вывозила в Волгоград через Зеленый Мыс «мешки с добром», (в Дитятках делалась тщательная проверка, а в Зеленом Мысе пропускали не глядя). Правду сказать, львиная доля квартирного добра г. Припяти стала достоянием милиционеров. Не хочу говорить о них плохое, но им был отдан «на откуп» весь город Припять...

Ю. Б. Андреев, заместитель Ю. Н. Самойленко уверял, что это был лучший выход, а что было бы, если бы город был открыт? Ехала бы вся Украина, и «грязь» была бы разнесена в еще большем количестве. Но ведь брали в Припяти не только, что плохо лежит или что было в квартирах. Один из руководителей ВНИИАЭС тоже послал туда ответственного сотрудника с заданием вывезти из зоны легковые машины, числящиеся за институтом, запретив отмечать в Чернобыле командировку. При-

ехал парень, пришел, конечно, в Экспедицию, рассказал о своем задании. Я ахнула, да разве можно это делать? Машины, на которых мы ездили по зоне, были настолько «грязными», что даже в салоны их, по правде, садиться было нельзя, и отмыть их было невозможно. Я послала его отметить командировку (он весь день мотался по зоне) и спросила: зачем же понадобились эти «грязные» машины институту, он ответил: «Я говорил об этом начальнику, что их нельзя брать, но он мне ответил — не твое дело, подремонтруем, замажем и продадим». К счастью, парень послушался совета и уехал. Что уж он выслушал от своего «сверхумного» начальника, и какие громы-молнии летели в его сторону — неизвестно.

Нельзя не вспомнить и о суде над «виновниками аварии», который проходил в ДК летом 1987 г. Кстати, мне не пришлось быть ни на одном заседании суда, хотя в это время я была в Чернобыле. Суд был закрытый, приглашенные было трудно достать. Наша Экспедиция получила один билет, но, как всегда, нашлись люди, которые считали себя более достойными чести присутствовать на этом зрелище.

Я знала всех, кого судили: не раз встречалась с директором ЧАЭС Брюхановым — очень неплохим, культурным, приятным человеком. Наиболее же часто мне приходилось встречаться с Н. М. Фоминым, главным инженером станции. С ним мы провели две конференции — по водно-химическим режимам на АЭС и по противопожарным мероприятиям — с ученьями, тренировками. Не знаю, пригодилось ли все это в лихой час, выпавший на долю этих мужественных людей. Но о Фомине у меня остались очень хорошие воспоминания — о его внимании ко всем нашим вопросам, деловитости, ответственности за свои слова и действия. В день суда я их не видела, они были уже арестованы. Встречалась я лишь с начальником смены станции Рогожкиным. Он был другом

моего брата Меркулова А. М., также много лет проработавшего в атомной промышленности и энергетике. Рогожкин был еще на свободе, мы встретились случайно в столовой и обрадовались друг другу. Он пошел меня провожать до здания «Комбината» и все говорил, говорил... А я вспомнила записи в дневнике В. А. Жильцова: «Реактор не обладает способностью к саморегулированию, т. е. подавлять сам себя при введении положительной реактивности за счет отрицательных температурных эффектов. А у него самый опасный положительный эффект реактивности — это обезвоживание ТК, блок в целом не защищен от ошибочных и несанкционированных действий персонала, с помощью различных защитных воздействий — помимо воли оператора или совета оператора».

В статье «Почему мы не должны делать поспешных выводов», английская газета «Power news, may 1986 CEBG» писала: «Недостаточно будет доказать, что русский реактор не отвечает нашим нормам безопасности, хотя это, без сомнения, верно».

Тот судебный фарс прошел, как и всё в нашей стране, по написанному сценарию — пострадали стрелочники, «частные» же определения так и остались на бумаге.

А жизнь шла. В 1994 г. мы закончили работу в Чернобыле. В 1996г. на Всесоюзной конференции по ЛПА, посвященной 10-летию со дня аварии, были подведены итоги работы по ЛПА и ситуации, сложившейся в зоне и стране к этому дню.

Как показала статистика, только за 10 лет после катастрофы из 250 тысяч «ликвидаторов» более 32 тысяч стали инвалидами, более 8 тысяч умерли. Серьезную тревогу вызывает состояние здоровья «ликвидаторов»: рост числа заболеваний раком, психическими расстройствами, увеличение заболеваний систем кровообращения, гипертоническая болезнь с атеросклеротическим поражени-

ем сосудов, с преобладанием атеросклероза коронарных сосудов (болезням систем кровообращения принадлежит ведущее значение в структуре причин смерти — 55—60%) и т. д.

Из ВНИИАЭС на ликвидации аварии работали 318 человек, на 1 января 2003 г. из них скончались 30.

И еще об одном мне хотелось бы сказать: обидно и тяжело слышать о жизни и положении чернобыльцев, сознать крайне несправедливое отношение к инвалидам Чернобыля Правительства и Думы России: с марта 1996 г. в несколько раз снизилась плата за возмещение ущерба здоровью инвалидам, проработавшим на ЛПА продолжительное время. Несправедливо уравнены они и люди, приезжавшие на день-два с экскурсией или для решения какого-то вопроса, не требующего даже проезда по зоне. Отсюда суды, несправедливые, затяжные, рассчитанные, видимо, на то, что «авось сами перемрут». Даже принятые решения по выплатам по прожиточному минимуму не индексируются, в нарушение всех решений Конституционного и Верховного судов.

Хочется спросить, прежде всего у Российского Парламента, его членов, которые должны отстаивать интересы своих избирателей: «Где же ваши конкретные дела, наши дорогие народные избранники? Как быть с теми, кто жертвовал в Чернобыле своей жизнью, а сейчас или болеет, или вовсе покинул этот мир? Кто же разрешит эту проблему, если не осталось у чернобыльцев веры в справедливость выполнения хотя бы принятых «Положений» и «Изменений»? Чернобыльцы все ждут ответа...

Радуга над Припятью

Это было 16 января 1989 г.

Рано утром я приехала в Припять. Прошло более 2-х с половиной лет, но к этому привыкнуть было невозможно: меня, да и всех, пожалуй, поражал этот, теперь уже мертвый, красавец-город,

когда-то лучший из городов атомных энергетиков. Уже не висят больше на балконах вещи, оставленные в спешке хозяевами в апреле 1986 года, не видно на окнах штор. Город вычищен, «закрыт на замок».

Работают здесь лишь люди долга.

В этот день погода была пасмурная, часто с небольшими перерывами сыпал мелкий осенний дождь: в середине января природа как бы решила вернуть то, что не дала осенью. Дул сильный ветер, пронизывающий, воющий с каким-то надрывом.

Надо было ехать обратно в Чернобыль, а выходить из теплого помещения никак не хотелось.

И вдруг послышались странные звуки: «скрип, скрип»... Я подошла к окну.

Передо мной был детский городок, с горками, с качелями, со всеми былыми детскими забавами. Замерло и оборвалось сердце: все качели крутились, летели по кругу кресла, лошадки, взлетали вверх сиденья вертикальных качелей, все двигалось. Как будто все дети Припяти пришли на свой детский праздник. «Скрип, скрип»... Взлетают качели все выше и выше, быстрее и быстрее кружится круг. Невидимые дети взлетают высоко, вот сейчас послышится их звонкий, счастливый смех. «Скрип, скрип»... Сердце ухнуло вниз — вокруг не было никого, пусто.

И вдруг как-то в одно мгновение раскрылось небо, разомкнулись облака, и медленно, с горизонта стала проступать радуга. Ее край задевал атомную станцию. Красивая, яркая радуга поднялась над Припятью.

Радуга? В январе?! Это было странное, потрясающее зрелище. Мне показалось, что все остановилось, наступила глубочайшая тишина, я уже не слышала этого ужасающего «скрип, скрип», все замерло. «Смотрите, смотрите, радуга!» — крикнула я и выбежала в коридор. — Радуга?! Где? Где? — послышалось откуда-то. Подошли к окну. А радуги уже не было... Одно

мгновение, всего одно мгновение держалась радуга, будто приходила она на праздник детей-невидимок порадовать их красотой и сказать им: «Вы когда-нибудь обязательно вернетесь сюда! Это вы своими думами и тоской по своему городу перенесли на мгновение сюда, где родились, где росли. Это вы разбудили качели, взлетая высоко, как могут взлетать только дети, стремясь к прекрасной, как и дети, радуге!».

Когда-нибудь, через большие столетия вернутся сюда другие дети, прапра-правнуки наших правнуков и здесь будет густой, темный лес, и где-то в середине — город-замок, как в той детской сказке о спящей красавице. И не принц, а их нежные детские руки коснутся города-замка. И оживет город, зазвонят детские голоса, расцветут цветы, и оживет колесо в детском парке. Послышится вновь смех детей, и вновь взойдет радуга над Припятью. Это будет большая радуга, и ее увидят все. Я верю в это.

КАК МЫ ВЕЗЛИ ОБРАЗЕЦ

А.Л. КОНОНОВИЧ

Это произошло во время моей первой вахты в черныбыльской зоне. Оглядываясь назад, я вижу смешную сторону этого приключения — сейчас это действительно смешно и забавно...

Мне позвонили домой глубокой ночью. Это была ночь с 26 на 27 апреля 1986 года. Звонил мой начальник Георгий Георгиевич Дорошенко. Вообще мои отношения с Дорошенко были натянутыми. Естественно, его ночной звонок я воспринял как дисциплинарную гадость (нечто вроде неуместной шутки). Решил, что это какое-то учебное

КОНОНОВИЧ А.Л. — доктор технических наук, профессор, участник ликвидации последствий катастрофы (1986)

А.Л. Кононович

мероприятие для «зеленых мальчиков». Ну я, что называется, «послал» Георгия Георгиевича нецензурными словами и бросил трубку. Мне в голову не могло придти, что на АЭС произошла катастрофа. И только утром я узнал, что авария действительно случилась, и что первая группа уже улетела из Москвы в Черныбыль. Мне стало очень стыдно за себя. Мне и теперь стыдно.

Я попал в Черныбыль только в начале мая, в составе второй группы. К этому времени уже было известно о серьезности ситуации и эвакуировано мирное население. Жители покинули города Припять и Черныбыль, а также деревни и поселки 30-ти км зоны. Внутри зоны оставались только те, кому предстояло изучать и, по возможности, ликвидировать последствия катастрофы.

Уже была позади сумбурная неразбериха первых дней после аварии. Началось изучение. Требовалось решить ряд задач, в том числе и научных. По-прежнему было неясно, что же случилось? Какая причина привела к взрыву реактора? Теоретики трудились, не покладая рук, но требовались экспериментальные данные. В частности, для выводов нужно было знать концентрацию и радионуклидный состав в мо-

мент выброса. В том числе нужно было знать количество и изотопный состав выброшенного плутония. Такие данные можно было получить, лишь применив радиохимический анализ. Но на месте сделать это было невозможно. Трудности были двойные. Во-первых, еще не успели доставить оборудование и расходные материалы для радиохимических измерений. А во-вторых, был жесткий режим секретности. Вот между «Сциллой и Харибдой» нам приходилось изворачиваться.

Казалось бы, можно было взять пробы грунта, воды и воздуха. Но в этом случае невозможно было бы судить о радионуклидном составе первичного выброса. Дело в том, что в этом случае информация искажается процессами во внешней среде. И тогда начальник лаборатории Чернобыльской АЭС Владимир Лаврентьевич Коробейников предложил взять в качестве «свидетеля аварии» образец воздушного фильтра, который был в установке для контроля загрязнения атмосферного воздуха. Эта установка входит в состав штатной системы контроля состояния внешней среды. Фильтр располагался в небольшой будочке, которая находилась на территории АЭС, вблизи основания здания электростанции. С помощью электровентилятора сквозь фильтр пропускается воздух. Радиоаэрозоли осаждаются на фильтре. Для работы установки требовалось электрическое напряжение. В. Л. Коробейников был уверен, что напряжение на площадке АЭС не отключалось. Пробоотборник должен был работать на протяжении всей аварии. Да, это был прекрасный «свидетель». Нужно было подойти к будочке, снять фильтрующий материал (ткань Петрянова), отрезать от него небольшой кусочек обычными ножницами, и доставить в лабораторию для радиохимического анализа. В обычной ситуации — простейшая операция. Но здесь это простое действие превращалось в проблему. Например, мы, москвичи, не знали, где именно располага-

лась эта будочка. А своих сотрудников Коробейников посылать не хотел. И в этом он был совершенно прав. Сотрудники его лаборатории уже «нахватали» десятки, и даже сотни рентген. А внутри будочки ожидалась большая мощность дозы. Гораздо больше, чем на окружающей нас площадке. Дело в том, что через фильтр прокачали миллионы кубометров загрязненного воздуха. Разумеется, вся «грязь» осталась на фильтре. Коробейников сказал, что его работник покажет мне будку, но в будку мне придется лезть самому. Милый Владимир Лаврентьевич! Мне бы и в голову не пришло усомниться! Но требовалось еще разрешение нашего начальника, Евгения Петровича Ларина. Ларин разрешил, при этом сказав очень странные слова, что фильтра уже на месте «нет», что его уже кто-то «уничтожил». И еще он, обратившись ко мне, посоветовал: «Не болтай. Иначе я сам сверну тебе шею!». В этих, внешне суровых и грубых, словах не было угрозы. В них было дружеское предупреждение.

Утром я и сотрудник лаборатории ОВС ЧАЭС Истомин поехали снимать фильтр. Приблизившись к будке, мы увидели, что замок действительно сорван. Но внутри лежал толстый, нетронутый слой пыли. Значит, в будку никто не залезал. Возможно, что человек просто не решился. Мы засунули в будку датчик дозиметра. Но прочесть показания мы не смогли. Дозиметр, что называется, «зашкалил». Мощность дозы внутри будки была слишком велика. Какую же дозу я получу? Нужно было действовать очень быстро. Я подготовился. Взял в руки ножницы и два свинцовых контейнера. Фильтр представлял собой кусок ткани Петрянова, размером метр на метр. Мне нужно было отрезать от него два квадратных кусочка размером 5 см. Каждый кусочек нужно было положить в отдельный свинцовый контейнер, контейнеры положить в мешок, и только после этого вылезти из будки. Часов у меня не было. О времени судил, считая про себя:

один, два, три... Вся процедура заняла у меня менее двадцати секунд. Потом мы вернулись в наш лагерь. На лагерной проходной случился веселый эпизод. Меня не хотели пускать в помещение. Дозиметр «почувствовал» излучение сквозь свинцовый контейнер. Специального, защищенного хранилища у нас в лагере не было. Пришлось искать помещение, где до отъезда не должно быть людей. У нас в лагере была комната отдыха. Нечто вроде кают-компаний. После работы там играли в преферанс. Что было делать? Пришлось всех картежников попросить уйти, освободив помещение. В этой комнате и ночевал «в гордом одиночестве» мешок с контейнерами.

Утром Ларин вызвал меня. Сказал, что еще вчера он связывался с Москвой по телефону. Что образцы будут измерять в Институте неорганических материалов имени Бочвара, а также в Институте Биофизики. Что по прибытии в Москву к самолету будет подан автомобиль. И еще раз Ларин подчеркнул, чтобы я «не болтал».

Я рассказал об этом моему другу Саше Яшникову. Яшников отнесся к разговору очень серьезно. Он знал, что чернобыльская катастрофа стала большой картой в политических играх. Секретности требовала высшая власть. Далеко не все хотели установления истины. А оказаться вовлеченным в политику опасно, и даже смертельно опасно.

Существовали два противодействующих направления в правительстве. Одна группировка пыталась скрыть серьезность положения. Для них было выгодно сделать вид, что почти ничего не случилось. Но была и противоположная группировка. Эта группировка делала ставку на раздувание масштаба происшествия. Эти люди тоже могли пойти на крайние меры, даже на преступление. Да, политика — вещь грязная и опасная...

И вот Яшников предложил мне написать собственноручно, для чего и поче-

му я собираюсь доставлять образец в Москву.

— Зачем? — спросил я у Яшникова.

— На всякий случай. Я буду доказывать, что ты не сумасшедший, если тебя посадят в сумасшедший дом или тебя по дороге собьет автомобиль...

Смешно, конечно. Но тогда это нам так не казалось! Да, мы боялись ионизирующего излучения, но еще больше боялись политической расправы.

Утром меня с образцами доставили в Киев, на небольшой аэродром Жуляны. По дороге нашу машину остановил дозиметрический пост. Дежурный прибор обнаружил, что наш автомобиль «светит».

— Возвращайтесь и дезактивируйте машину. Мойте, пока не отмоется.

Но мы знали, что машина только что пришла из Киева и не могла испачкаться так быстро. И тут меня осенило, что источником излучения был мешок с образцами. Я взял мешок в руки и отошел от машины на несколько метров. Снова измерили загрязненность. Машина оказалась чистой.

— А как же вы едете? — спросил дежурный дозиметрист.

— Вот так и едем. Надо!..

Наконец мы добрались до аэродрома. В самолете, кроме экипажа и стюардессы, я был единственным пассажиром. Я положил образцы в хвост самолета. Как можно дальше от кабины пилотов и кресла девушки-бортпроводницы. Через несколько часов наш самолет ЯК-40 прилетел в Москву на аэродром Быково. Нужно было сразу же переложить груз в автомобиль. Но машина задержалась. Так мы и сидели в самолете. Наконец машина пришла. Мы перегрузили мешок, и машина доставила нас к ИАЭ им. Курчатова. Там образцы оставались всю ночь до утра. На следующее утро я узнал, что встречать самолет послали не одну, а три машины. Но машины Института неорганических материалов имени Бочвара и машина Института Биофизики запоздали. Только ут-

ром образцы перевезли в лаборатории, где и были выполнены измерения в лабораториях двух разных институтов. Получились два независимых результата, которые хорошо согласовывались друг с другом.

Так закончился этот эпизод — «смешной и забавный»...

НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

А.С. ЯКУБОВА

Мне не довелось быть на Чернобыльской АЭС в «военное» время. Я была там в сентябре 1984 года, когда Отдел научно-технической информации ВНИИАЭС, где я работала, и начальником которого была к.т.н. В. М. Гордина, проводил в г. Припять Всесоюзное научно-техническое совещание по водно-химическому режиму АЭС. Народу съехалось много — на совещаниях обменивались опытом работы, встречались с коллегами со всех АЭС, и по тем временам почти никому не было дела до слухов о какой-то произошедшей недавно на ЧАЭС аварии — слишком велики были степень «секретности» с одной стороны, и степень доверия к науке — с другой. Тогда, в сентябре 1984 года, все участники совещания охотно записывались на экскурсию на 4-ый блок Чернобыльской АЭС — один из показательных в отрасли. Часто вспоминается одна и та же картина: словно на огромных сотах, мы, участники совещания, стоим на «пятак» активной зоны, под ногами кое-где струится пар, мимо пробегают все в белом станционники, а мажорный голос гида звучит под сводами реакторного зала — кто-то из местных руководителей рассказывает нам о достижениях ЧАЭС...

Запомнились также дивный город с его просторами и монументами, прощальный ужин в п/л «Сказочный», а также вид из ночных окон гостиницы «Полесье», в которые непостижимо близко светили станционные огни, поначалу

казавшиеся нам падающими метеоритами.

***

25 апреля 1986 года В. М. Гордина и я возвращались с очередного, организованного ВНИИАЭС Всесоюзного семинара по обмену опытом работы информационных работников АЭС и предприятий атомной отрасли, который проводился на Армянской АЭС, в пос. Мецамор. Остальные участники семинара уже уехали в аэропорт, а мы заехали в Ереванский филиал нашего института на Эчмиадзинском шоссе. Многие годы В. М. Гордина, возглавляя отдел, была также и ученым секретарем ВНИИАЭС. В институте работало свыше тысячи человек, и мне не раз приходилось помогать ей с оформлением документации в ВАК СССР на присвоение ученых званий. Быстро закончив с делами НТС, мы собрались уезжать.

— Я подвезу вас, мне по пути — сказал ученый секретарь НТС филиала Ваграм Гаспарович Петросян.

По дороге мы решили напоследок попить неповторимого армянского кофе «на песке». До нашего рейса — в 01 час 10 мин. — еще было много времени, и мы остановились у крошечной кофейни, каких в Ереване много. За кофе разговорились обо всем на свете: о работе, о детях, о предстоящем «большом» заседании научно-технического совета в Москве.

— Слушай, посмотри-ка нам «за жизнь», — произнесла вдруг, улыбаясь, Вера Михайловна и протянула мне свою чашку с кофейной гущей.

— А Вы умеете, да? — удивился Петросян, поворачивая чашку ко мне.

Машинально перевернула свою и я... На донце всех трех чашек был практически один рисунок — странно разломанный, жесткий и словно кричащий на пронзительной ноте. — «Наверное разобьется наш самолет» — почему-то подумалось мне. — «Но Ваграм Гаспарович? Он же не летит?!».

Не помню, что я говорила в тот момент, как доехали в аэропорт, как взлетали — занозой саднило предощущение близкого ужаса. Эта вселенская жуть разразилась в ночь на 26 апреля 1986 года в 01 час. 23 минуты на Чернобыльской АЭС, когда взорвался реактор 4-го блока. И никто в самолете в ту ночь не мог знать, что случившееся войдет черной меткой в анналы мировой истории и в сами перспективы развития атомной энергетики. В тот предрассветный час мы вернулись, по сути, совсем в другую Москву...

...

По служебным делам в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года в самой Припяти случилось быть двум сотрудникам нашего института — заместителю директора А. Ф. Ефремову и сотруднику отделения радиационной безопасности И. Р. Нурисламову. Наутро, согласно имеющимся у них билетам, они, как и другие командированные, были отправлены в Москву. А уже в понедельник встречные сослуживцы удивлялись красивому, ровному загару на их лицах — о существовании радиационного загара тогда просто не задумывались. Вскоре А. Ф. Ефремов и И. Р. Нурисламов снова были откомандированы на ЧАЭС, но уже по линии оказания помощи пострадавшим и на ликвидацию последствий аварии. Каждый из них впоследствии внес свой немалый личный вклад в разрешение проблем ЛПА.

...

В числе самых первых специалистов ВНИИАЭС, которые как члены группы ОПАС были вызваны уже в первые часы событий 26 апреля и доставлены спецрейсом на Чернобыльскую АЭС, были Генеральный директор нашего института А. А. Абагян и начальник отделения радиационной безопасности Л. П. Хамьянов. В сложнейших условиях при их личном участии и руководстве были проведены именно те иссле-

дования, которые позволили правильно оценить размеры аварии и принять конкретные решения по организации работ, эвакуации населения и локализации последствий аварии. Д. т. н. Армен Артаваздович Абагян был к тому же одним из основных разработчиков Доклада о причинах чернобыльской аварии в МАГАТЭ.

Отчетливо помню экстренное заседание НТС ВНИИАЭС в один из первых майских дней 1986 года. Зал полон, все говорят вполголоса, воздух словно звенит от психологического напряжения присутствующих. Средства массовой информации тогда давали минимум сведений, слухи и домыслы просачивались отовсюду, а каждый, имевший какое-то отношение к атомной энергетике, словно ощущал необъяснимую свою вину.

В институте работал коллектив замечательных специалистов-атомщиков, химиков, радиологов, конструкторов и т. д. И хотя на том, первом после аварии, заседании НТС прозвучало чье-то приглушенное «...и что же теперь?..», высококвалифицированные, эрудированные, опытные специалисты ВНИИАЭС по первому зову выезжали на разные «фронты» Чернобыля, многие неоднократно, участвовали в разрешении сверхсложных задач «военного» времени — порой на пределе возможного, а сотрудники-«тыловики» старались выполнить их запросы быстро и как можно лучше.

Помнится, в маленьком кабинете Шкурпелова А. А., начальника лаборатории физических расчетов реакторов РБМК, дверь никогда не закрывалась: в мае 1986 года сотрудники этой лаборатории, забывая о сне, еде, отдыхе, искали ответ на мучивший их вопрос о причинах аварии. Они нашли его, этот свой ответ, и до последнего момента ликвидации были одними из наиболее активных, находчивых и результативных ликвидаторов. Дружинин В. Е., Шмонин Ю. В., Веселов В. П., Немиров А. С. и дру-

гие молодые специалисты лаборатории были достойными соратниками своего отважного начальника...

* * *

В 1987 году В. М. Гординой мне было предложено откорректировать Информационные научные материалы, собранные разными организациями в процессе ЛПА на ЧАЭС. И хотя работа была «неплановая», я согласилась. Вообще подготовка к изданию и выпуск сборников трудов научно-технических совещаний, проводимых нашим институтом, ежегодников и многих других печатных изданий ВНИИАЭС (5-6 книг в год) всегда было основной составляющей моей работы в институте. Материалы по ЛПА, естественно, были «закрытыми» и приходилось работать, как говорится, «не выходя из помещения». Научно-техническую сторону статей редактировали В. М. Гордина и, иногда, В. А. Жильцов — один из первых активных участников ЛПА. Часами сидели бок о бок, Валентин Александрович рассказывал о «скачущем» самочувствии, о том, что никак не может «отмыть» очки, они фонят, а другие заказывать некогда... В процессе работы с материалами странно уставали глаза, болела голова, напала сонливость. Но при осознании важности работы всё это казалось мне пустяками.

* * *

Сотрудники, приехавшие из командировки на ЧАЭС, поначалу вызывали бешеное любопытство — усталые, молчаливые, они казались загадочными в своей суровости. Затем, когда ликвидаторов от ВНИИАЭС стало больше (все-го их будет 318 человек), попривыкли; уже ни о чем не спрашивали.

Но большая часть всех работ в институте тогда была так или иначе связана с проблемами ЛПА на ЧАЭС.

* * *

17 мая 1986 г. в институте был объявлен День донора. Абсолютно все (!) хо-

тели сдать свою кровь в пользу пострадавших на ЧАЭС. Обижались, ругались, получая отвод по состоянию здоровья. «Счастливы» же, сдав кровь в пол-ке № 178 на Сормовской улице, шли обедать в недавно отделанную на восточный манер столовую напротив института. На всю жизнь запомнились мне лица этих людей — столько в них было светлой радости милосердия!

* * *

Завхоз Усачева А. Е, сидевшая в одном из «бараков» на территории института, боялась ходить в основное здание: «Там даже дверные ручки «стреляют» после чернобыльцев, еще облучишься!» В ответ люди смеялись, хотя всплеск радиофобии у опасливых от природы людей, конечно, был. Кстати, в подчинении Усачевой А. Е была целая армия женщин-уборщиц, обслуживавших 16-этажное здание ЛКК и «бараки». Могла ли завхоз Алла Григорьевна дать правильные советы по соблюдению ими личной радиационной безопасности теперь сказать трудно. А ведь из командировок, возможно, провозились не только бумаги и «грязные» вещи — «для дачи», но также и образцы, пробы и

Т. Д. ...

* * *

Из тех лет — разное:

...В универсаме в мае 1986 г. продавали пучки ярко-красной редиски с красивой, сочной, но абсолютно желтой ботвой.

...В конце мая 1986 г. солдат-первогодок писал матери из Чернигова: «Командиры у нас — ну совсем тупые! Каждый день гоняют нас на станцию, заставляют идти по шпалам и рвать руками траву. И не скажут для чего!»...

...В лифте жилого дома ехал недавно прибывший из командировки на ЧАЭС мужчина. На каком-то этаже в лифт под села женщина со спящим грудным ребенком. Через мгновение ребенок вдруг зашелся в жутком плаче, не открывая глаз. Когда на первом этаже все вышли

из лифта, он так же резко замолчал. Молодая мать изумленно смотрела на ребенка — видимо, это было совсем не похоже на него. А мужчина, опустив голову, быстро ушел...

...Врач-кардиолог больницы № 84 вспоминает: «В апреле 1986 года я, только что закончив медтехникум, работала медсестрой в хирургии 6-ой клиники. Именно в наше отделение привозили ребят-пожарных с ЧАЭС. Было невыносимо больно смотреть на их страдания — такие славные были они, такие молодые, и все умерли...» При воспоминаниях о той весне в выразительных глазах Ирины Валерьевны Солнцева и сейчас появляются слезы. На вопрос, нельзя ли было отказаться от тех дежурств по причине своих юных лет, Ирина Валерьевна недоумевает: «Я же была военнообязанная!»...

...Ходило много анекдотов, понравился этот:

На рынке:

— Какие яблоки-то у вас крупные, из Чернобыля, что ли?

— Та ні, сынку, с-під Уралу...

***

За без малого тридцать лет работы во ВНИИАЭС даже стены его стали мне родными — немудрено, что на все события, происходящие в институте, душа моя отзывается живым камертоном. Праздники, будни, юбилеи, потери — всё вместе, на одном дыхании, на одной волне...

Бесконечно уважая Личность каждого из сотен замечательных людей, с кем довелось работать долгие годы, я не только мысленно говорю им Спасибо, но взяла на себя дополнительно и добровольно миссию «летописца» института. Стенгазеты, фотосъемки, поздравительные адреса юбилярам и т. д. стали неким «архивом» истории ВНИИАЭС, фактически признающим вклад каждого сотрудника в жизнедеятельность института и отрасли в целом. Ни за что люди не бывают так благодарны, как за благодарность!

***

Жестокая чернобыльская встряска показала, что Беды с лихвой хватило на всех. Но чернобыльцам-ликвидаторам — особенно. Их стали одолевать свои «последствия» — болезни, стрессы, безвременность кончин. И как важно, чтобы рядом было надежное плечо, на которое можно было бы опереться! Брат не всегда бывает другом, но друг — всегда брат...

Года три-четыре назад я впервые присутствовала на встрече инвалидов-чернобыльцев РООИ «Союз "Действие"». Удивила атмосфера духовного единения друзей-соратников. Это было скорее Братство людей с общими воспоминаниями, искренним вниманием друг к другу, сопричастностью к судьбам товарищей. Возглавляет это Сообщество Борис Федорович Никольский — человек, безусловно, и талантливый, и сострадательный. Хороший специалист и психолог, упорный в достижении поставленных целей, бескомпромиссный — именно он сумел создать существующее уже более 11 лет Общество инвалидов-чернобыльцев. Название этого общества — «Союз «Действие»» — изначально говорило о его программе: оказание действенной, конкретной помощи инвалидам — членам РООИ «Союз «Действие»». Материальная и моральная поддержка, доброе слово, дельный совет, исходящие от Б. Ф. Никольского и Н. М. Кургановой, в прямом смысле продлевают жизнь нынешним пенсионерам, пострадавшим на ЧАЭС. «Не избегай друга в беде находящегося» — говорил Менандр... Обладая несомненными литературным даром и чутьем, Борис Федорович во многом способствовал свершению идеи создания данного двухтомника «Воспоминаний чернобыльцев». Работать в редколлегии было интересно: множество рассказов и впечатлений, дополняющих статьи авторов, творческий подъем, с которым мы работали, — надолго останутся в моей памяти.

А.М. Исмиев

* * *

С Верой Михайловной Гординой, моей первой начальницей, я работала с февраля 1975 по июнь 1986 г. Потом у нее был «чернобыльский период», а я продолжала работать во ВНИИАЭС. В последние годы судьба вновь свела нас вместе — в редколлегии «Воспоминаний...». Энергичная, волевая, красивая женщина, знающий профессионал, начинавшая свой трудовой путь с И. В. Курчатовым, она много сделала для становления ВНИИАЭС, организовала и провела несколько совещаний по итогам работы организаций в процессе ЛПА на ЧАЭС; она — член Союза «Действие» и «главная движущая сила» нашей редколлегии...

* * *

Считаю, что все годы мне везло на хороших людей. Горжусь, что много-много лет довелось работать под началом замечательных, мудрых, многоуважаемых в атомной отрасли людей: Ушакова Е. Н., Абагына А. А., Кудрявцева Б. К., Ефремова А. Ф., Хамьянова Л. П., Лесного С. А. (в числе многих других). Все они прошли Чернобыль или работа-

ли в приравненных условиях. Спасибо им великое за их жизнь, за уверенное, умелое дирижирование своими партитурами руководства, позволившее ВНИИАЭС пройти дорогу длиной в 25 лет. Безмерно рада, что смогла быть полезной и ВНИИАЭС, и РООИ «Союз «Действие»», и что есть эта возможность — остаться рядом с дорогими моему сердцу людьми навсегда — в этой книге.

НЕ БОЙТЕСЬ ОБРАЩАТЬСЯ В СУД, ИЛИ КАТАСТРОФА ПОД НАЗВАНИЕМ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»

А.М. ИСМИЕВ

Для подавляющего большинства участников ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (чернобыльцев) в 30-ти км зоне не возникало вопроса, ехать или нет. Мы были советскими людьми (в хорошем понимании этой исторической миссии), для которых исполнение служебных обязанностей, интересы общества были превыше личных. И даже мысли не было о том, что когда-то чернобыльцам будут полагаться льготы и компенсации; тем же, кто станет инвалидом — возмещение вреда, причиненного здоровью при исполнении трудовых обязанностей; а вдовам умерших — выплаты за потерю кормильца.

Тем более никто не мог подумать, что когда-то придется защищать свои права чернобыльцев (инвалидов) в судебном порядке от нападок государства.

В 1991 году случилось невероятное. Был принят базовый «чернобыльский» закон, показавший, что государство повернулось к народу лицом.

В 1995 году этот закон был отредактирован законодательно, и инвалиды-чернобыльцы получили право на возме-

---

ИСМИЕВ А.М. — участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

щение вреда, причиненного их здоровью при исполнении трудовых обязанностей.

Этот закон оказался (или мог оказаться) примером для подражания по другим категориям граждан, пострадавшим при исполнении служебного долга перед Родиной.

Тут-то и «вспомнило» государство, что со стародавних времен народ в России — малоценный расходный материал для достижения целей властей. А потому чернобыльский закон для исполнительной власти стал бельмом на глазу...

И с 1996 года началась борьба государства с инвалидами-чернобыльцами по всем направлениям.

В сложившейся ситуации единственным действенным средством защиты прав оказалось обращение в суд с исками и жалобами.

Накал борьбы дошел до того, что Конституционный Суд РФ дважды принимал постановления от 01.12.1997 г. и 19.06.2002 г., а в марте 2003 г. — определение по жалобам чернобыльцев.

Верховный Суд РФ рассмотрел десятки жалоб, созвал Пленум в декабре 2000 года и принял постановление.

Число исков и жалоб в райсудах и горсудах невозможно сосчитать, ведь инвалидов-чернобыльцев в России более 40000 человек!

Общественное сращивание судебной и исполнительной властей отразилось и на чернобыльцах. Это привело к выходу чернобыльцев в Европейский Суд.

В 2002 году Европейский Суд по правам человека удовлетворил жалобу чернобыльца Бурдова из г. Шахты, а в настоящее время в стадии признания жалоб приемлемыми находятся еще шесть дел по жалобам чернобыльцев: 2 из Москвы, 3 из Тамбова и 1 из астраханской деревни.

Поэтому хочу всем Вам сказать.

Не пугайтесь обращения в суд с иском к государству. Возможно, не всегда победа сразу будет за Вами, но это — лишь в силу судебного произвола...

М.И. Громова, Т.В. Полетаева

В течение 6-ти месяцев со дня отказа в иске в суде кассационной инстанции не поленитесь обратиться в Европейский Суд по правам человека, а параллельно — обжалуйте решение в надзорном порядке.

Удачи!..

О ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ЖИЛЬЦОВЕ — МУЖЕ И ОТЦЕ

М.И. ГРОМОВА, Т.В. ПОЛЕТАЕВА

Жена: Прошло уже 18 лет после того дня, когда 26 апреля 1986 года произошла чудовищная авария на энергоблоке 4 Чернобыльской АЭС.

В понедельник, 28 апреля, Жильцов Валентин Александрович вышел на работу и в составе группы из нескольких специалистов ВНИИАЭС в срочном порядке вылетел в Чернобыль. Директор ВНИИАЭС Абагян А. А. был в Чернобыле с первого дня аварии и вскоре вызвал своих сотрудников — специалистов по РБМК.

Волею судьбы еще десятки, сотни тысяч людей были привлечены к участию в ликвидации последствий аварии (ЛПА), и многим из них суждено было оставить там свое здоровье, будущее и даже жизнь.

Что говорить об этом сейчас? Прошлого изменить не дано...

Если многие из ликвидаторов Чернобыльской аварии в то время не знали о той опасности, что таит радиация для человеческого организма, то Валентин Александрович уже с лихвой испытал ее на себе, работая в 50-х годах на ПО «Маяк». Но даже зная о неминуемых последствиях, он, который пускал все четыре энергоблока ЧАЭС, не мог отказаться от участия в экспертной комиссии по расследованию причин аварии. Ведь кому-то надо было остановить пожарище и ликвидировать последствия катастрофы! «Почему это должен быть кто-то, а не я?». Проблемами ЛПА Жильцов В. А. занимался в течение всего 1986 г. В 1987 и 1988 годы он участвовал в проверке, подготовке и пуске (после аварии) энергоблоков 1, 2 и 3 ЧАЭС.

Нет, прошлое не остается в прошлом, оно — в настоящем и будущем. Память человеческая не знает ни времени, ни границ.

Советские журналисты, побывавшие в 1989 году в Японии, писали:

«...Актеры двух японских театров объединились, чтобы сыграть в Хиросиме спектакль «Саркофаг». Когда занавес опустился, зал встал, горячо приветствуя актеров. А они — все, без исключения — плакали, не скрывая своих слез. Зал затих... «Мы посвящаем этот спектакль тем, кто ценою своей жизни погасил ядерное пламя Чернобыля, и тем, кто погиб в Хиросиме, в том числе и актерам нашего театра». 6 августа 1945 года труппа японских актеров гастролировала в Хиросиме. Они погибли».

Память о погибших живет в каждом из нас. Горе наполняет каждого, кто соприкоснулся с трагедией. Рана не затягивается, она болит. Иначе и не должно быть, если мы верны клятве: «Спите спокойно. Ошибка не должна повториться!» — как написано на саркофаге в г. Хиросиме.

Руководитель отдела Кисиль И. М. писал: «Большой вклад в разработку и внедрение организационно-технических

мероприятий по повышению безопасности АЭС с РБМК-1000, в подготовку к работе и испытания технологических систем энергоблоков ЧАЭС после аварии внес блестящий специалист — технолог РБМК Жильцов В. А.»

В декабре 1986 года за активное участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Жильцов В. А. был награжден орденом «Знак Почета».

Валентин Александрович был специалистом высокой квалификации, работавшим в атомной промышленности и энергетике с 1949 года. Такие кадры атомных специалистов ковались на ПО «Маяк», и после 1954-1955 гг. они работали на всех атомных объектах России и за рубежом. С 1954 г. В. А. Жильцов был переведен на работу в Физико-энергетический институт (г. Обнинск), на Первую в мире АЭС.

С 1977 г. он работает во ВНИИАЭС, с головой уйдя в программу по наладке и пуску атомных станций. А это означало «жизнь на колесах» — постоянные командировки на отечественные и зарубежные АЭС...

Но Жильцов В. А. обладал неиссякаемой энергией. Когда болезнь взяла свое и он совсем изнемог, сказал: «У меня сейчас такая светлая голова, я так много еще смог бы сделать, но физические силы мои на исходе. А жаль!..»

Дочь: ...Авария на энергоблоке 4 ЧАЭС круто изменила нашу жизнь. Все мечты и планы были разрушены. Жизнь пошла в другом направлении. В 1989 г. здоровье отца, после многих командировок на ЧАЭС, резко ухудшилось. Комиссия за комиссией — то в одной, то в другой клинике обследовали состояние его здоровья, и 5 августа 1991 года ВТЭК вынесла заключение об инвалидности 1 группы, связанной с аварией на ЧАЭС. Врачи сообщили нам о страшном диагнозе: неоперабельный рак легких, вызванный радиацией. Говорят, надежда умирает последней. Так и мы до са-

мого последнего дня надеялись на чудо, пытались спасти его всеми мыслимыми и немыслимыми средствами.

Я думаю, отец догадывался о безнадежности своего состояния, хотя мы не говорили на эту тему. Но с каким мужеством, не жалуясь, стараясь не напрягать тех, кто был рядом с ним, он переносил свои страдания по поводу неизлечимости болезни, и переживал только о том, что многого не успел сделать...

А как сильно было его желание работать! Вот строки из «вынужденного» заявления об увольнении, которое было написано мною под его диктовку.

*Генеральному директору НПО
«Энергия» Абагяну А. А. от с.н.с. лаб.
362 Жильцова В. А.*

Заявление

Уважаемый Армен Артаваздович, это будет, пожалуй, самое трудное заявление, какое мне когда-либо приходилось писать, а, возможно, и самое последнее. Я обращаюсь с просьбой уволить

меня по собственному желанию в связи с ухудшившимся состоянием здоровья и переводом меня по «приговору» ВТЭК в категорию инвалидов без права на труд.

Трудно делать подобное заявление после 40-летней трудовой биографии, может, и не всегда безупречной. Для меня это равносильно приговору о «высшей мере». Но таковы реалии; и умом я этого понять не в состоянии, хотя плоть пришла в самое жестокое противоречие с рассудком. Но мне кажется, что я могу быть еще полезным. Ни на что не претендуя, прошу совсем не списывать меня, а привлекать к какой-нибудь работе в качестве эксперта. Ощущение своей нужности, полезности позволит мне легче справиться с этим морально-психологическим крахом, порожденным жестокой болезнью.

Жильцов В. А., 1 сентября 1991 г.

Отца не стало 5 февраля 1992 г. На вопрос, не жалеет ли он о выбранной судьбе, он, уже будучи безнадежно больным, отвечал, что, случись прожить еще одну жизнь, он все повторил бы...

ВОСПОМИНАНИЯ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ — ЖИТЕЛЕЙ РАЙОНА ВЫХИНО-ЖУЛЕБИНО

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

А. С. Пушкин

Не сдаюсь!

В. Ф. АВДОШКИН

Как слесарь-электрик по ремонту электрооборудования промышленных предприятий Управления строительства Минатомэнергопрома СССР в добровольно-приказном порядке был направлен на ликвидацию чернобыльской катастрофы (с 2 по 31 октября 1986 года).

В Чернобыле был назначен дежурным электриком. Обслуживал трансформатор на территории «Сельхозтехники», устранял неисправности на бетонном заводе (замена электроламп на вышках освещения, ремонт электропроводки трансформатора), на складах АЭС и др.

Запомнился первый день командировки: брошенные дома, оставленные в поле трактора, озабоченные и печальные лица местных жителей, выжженные радиацией сосны в лесу. Навсегда остались в памяти работы, связанные с перекрытием «Саркофага», катастрофа вертолета в зоне АЭС.

Особо сохранились добрые взаимоотношения в коллективе. Этому способствовали высокий профессионализм специалистов, взаимная выручка, смекалка и неиссякаемый юмор.

Расставался я с Чернобылем с чувством выполненного долга, грустью об оставленных друзьях и дозой облучения 1,7 рентген (согласно справке, фактически было больше).

АВДОШКИН Валерий Фролович — участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

По возвращении в Москву, со временем (1992—1993 гг.) у меня обнаружили заболевания щитовидной железы, узловой зоб, гастрит, холецистит, неустойчивое артериальное давление и др. Ежегодно прохожу диспансеризацию в поликлинике по месту жительства. Борюсь с наступающими на меня «болячками», но не «сдаюсь».

Моя специальность — роботы

Л. Г. АГЕЙКОВ

Родился я 16 мая 1943 года в Москве. После окончания школы в 1960 году поступил работать на 1-й Московский часовой завод. В 1963 году уволился в связи с поступлением в МВТУ им. Баумана по специальности системы автоматического управления. Окончив ВУЗ в 1969 году, был принят на работу в МВТУ им. Баумана на кафедру следящих систем. К 1986 году кафедра была одной из ведущих в области робототехники.

Вспоминается случай... После майских праздников 1986 года, так случилось, что на работу я пришёл первым. У дверей лаборатории три генерала во главе с генералом Пикаловым. Их интересовала разработка роботов. Далее разговор вышел на уровень ректора, директора НИИСМ и начальников отделов. В результате по заданию начальника управления химических войск Мини-

---

АГЕЙКОВ Лев Геннадьевич — участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1987).

стерства обороны СССР и госкомиссии по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, была организована группа сотрудников МГТУ им. Баумана по созданию специального, мобильного робототехнического комплекса (МОБОТ—ЧХВ) предназначенного для очистки кровли 3-го этажа энергоблока ЧАЭС. За короткий срок был создан робот, приступивший к работе уже в сентябре.

До места робот доставлялся на крышу вертолётom. Для подключения «МОБОТ—ЧХВ», который работал по кабелю, необходимо было выбежать на крышу и состыковать фишки, идущие от робота к пультовой. Пультовая, это помещение, находившееся этажом ниже, в котором размещались мониторы и управляющие джостики. На мониторы выводились сигналы с подвижных телекамер робота и подвижных камер, установленных стационарно на крыше 3-го энергоблока, очистку которого производил «МОБОТ—ЧХВ». Джостиками управлялся, как сам робот и его системы, так и подвижные телекамеры.

Общее руководство по созданию робототехнического комплекса возглавил директор НИИПМ Лакота Н.А. и начальник отдела Шведов В.Н. Конструкторскую группу вёл начальник отдела Батаков А.Ф.

«МОБОТ—ЧХВ» представлял собой подвижную платформу с полиуретановыми гусеницами и барабаном, укладчиком кабеля. На платформе смонтированы ковш-скрепер и механическая рука для выполнения различных работ. МОБОТ снабжён различными датчиками, в том числе, датчиком регистрации радиации. Две телекамеры настроены на обзор передней и задней сфер. «МОБОТ-ЧХВ» управлялся с пульта управления по кабелю до 250 метров, а телекамеры, закрепленные на нём передавали информацию на монитор.

Проработав до середины сентября «МОБОТ—ЧХВ» разбился при транспортировке вертолётom. В какой-то момент прошёл случайный сигнал, и он отсты-

В.Ф. Авдошкин

ковался от вертолётa и упал с высоты приблизительно 200метров. После падения восстановлению не подлежал.

Работа, выполненная с помощью комплекса «МОБОТ—ЧХВ» была высоко оценена Правительственной комиссией, а МГТУ им. Баумана было поручено создать ещё два комплекса «МОБОТ—ЧХВ» для продолжения работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

В начале января два комплекса «МОБОТ-ЧХВ» в которых произошли незначительные изменения, включились в работу по дальнейшей ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

Эстафету 1987, в составе оперативной группы УНХВ—МО, дислоцированной в город Чернобыль, довелось принять и мне.

Вспоминается курьёзный случай... Есть мнение, что алкоголь уменьшает влияние на излучение. Поэтому я вёз спирт в армейской литровой фляге. Опасаясь действий правоохранительных органов, изымавших алкоголь, я спрята-л её в недрах штанов. И вот ситуация... Конец января. Мороз за 20, а у меня

Л.Г. Агейков

алюминиевая фляга примерзает, чтоб ей пропасть! Передать всю гамму собственных мироощущений во время поездки, до места назначения не прибегая к ямщицкому диалекту, наверное, просто не мыслимо, не та глубина. Да и к тому моменту, когда встречавший меня напарник Моисеенко Валерий Аксентьевич, радостно направился навстречу, остались одни междометья. Единственным, и весьма навязчивым желанием было немедленно внедриться в любую постройку, дабы прекратить эту мучительную пытку.

Сам город Чернобыль видимо не большой, не было времени рассмотреть. Первое, что надо было, это получить одежду. А свою запаковать. Второе — получить пропуск. В этом смысле ГО получило большой опыт. Далее — расквартироваться. Расселились мы в садике «Сказка» При входе снималась верхняя одежда и вешалась в индивидуальные шкафчики. Рабочую одежду вешали в один и переодевались в «домашнюю». В столовой было изобилие, которое отпускалось на талоны. Кормили, как на убой, а пили только минеральную воду. Водопроводной только умывались.

Утром обратный порядок одевания и выход на работу. Путь проходит через будочку, в которой можно проверить загрязненность одежды. Несколько раз приходилось получать записку о замене всей одежды. После предстояла поездка на склад и объяснения, но всё же полная замена.

Режим работы с 9.00 до 19.00, с перерывом на обед. Обедали в основном на первой станции, в столовой. Вспоминается, как моего напарника не пускали в столовую, ни как не мог отмыть сапоги. Но так как: «голод, не тетка», пришлось ему оставить сапоги и в носках идти обедать. По возможности обедали на месте, сказывалась тяжесть подъема. Подниматься приходилось на высоту 12—13-ти этажного дома, по лестницам, устланным толстым полиэтиленом. Всё время возникло желание сдвинуть пропитанную слюной марлевую повязку, и подышать свободно.

Общая задача очистки крыши 3-го блока состояла в уменьшении остатков различных материалов, выброшенных в результате взрыва и дающих радиационный фон, в некоторых местах до 1,5 тысяч рентген/час. Уровень распределения этого фона измерялся с помощью датчика, закреплённого на роботе, который двигался по крыше, собирая механической рукой материалы и складывая их в контейнер. Сложность оказалась в том, что крыша покрыта мягкой кровлей и разогретые материалы, попавшие на крышу во время аварии, внедрились в неё, и извлечение их оттуда оказалось невозможным. Одним из решений было: разрезать кровлю на квадраты, и сорвать их. Технических возможностей для реализации этой задачи не было. После многих попыток пришли к другому решению, аналогично саркофагу. Выложить по краю мешки с песком и залить крышу бетоном. Эту задачу выполняла другая бригада.

Мобильные роботы «МОБОТ-ЧХВ» заменили много рабочих рук в зоне высокой радиации. Одним из главных показателей эффективности в экстре-

мальных условиях для техники является работоспособность механизмов. Наши роботы иногда нуждались только в мелком ремонте. Их снимали с крыши краном «Демаг». Они проходили дезактивацию и поступали в ремонт. Ремонтная база находилась на окраине города Чернобыль в помещении бывшей сельхозтехники. Заражённость последнего доходила до 50 рентген/час. Это объяснялось тем, что в полиуретановые гусеницы внедрялись кусочки радиоактивных остатков. Плюс к тому на кабеле, длина которого несколько сот метров, оседали мелкие частицы, а общая загрязнённость скапливалась на барабане. Необходимо было механически очистить кабель и найти в гусеницах въевшиеся кусочки радиоактивных предметов. После этого проводился мелкий ремонт, и робот вновь занимал своё место на крыше. По времени это занимало один, максимум два дня. Конечно, после ремонтных работ одежда заменялась полностью.

После выполнения программы, запланированной для нашей бригады, мы вновь вернулись к своим научным разработкам, но в них уже отражались те проблемы, которые связаны с агрессивными средствами.

Через некоторое время поликлиника МГТУ им. Баумана поставила нас на учёт, и стали фиксировать изменения здоровья. Появились малые отклонения, но ходить по врачам времени не хватало. Перестройка. Далее всё чаще стало повышаться давление. В 1995 году перенёс инфаркт. Лечился в 23 ГКБ. С этого же года на учёте у кардиолога. На предложение о группе инвалидности в то время ответил отказом, считал, что молодой, не удобно. Со временем понял, что здоровьем надо заниматься серьёзно, и в 1998 году получил инвалидность 3 группу по заболеванию сердечно-сосудистой системы. С 1995 года находился на стационарном лечении, с периодичностью два или более раз в год. За этот же период шесть раз был в санатории. При прохождении в 2003

С.В. Антонов

году повторного ВТЭК была присвоена 2-ая группа инвалидности, бессрочная. По этой причине был уволен с работы, нахожусь на пенсии.

Печальное возвращение

С.В. АНТОНОВ

Родился я 29 ноября 1955 г. в Москве. Окончил Калининский автомotoклуб от Волгоградского райвоенкомата до службы в армии. С 1974 по 1976 г.г. служил в армии.

После службы работал в автобазе спецмашин в клинической больнице переливания крови.

На ликвидацию аварии на ЧАЭС был направлен в октябре 1986 г. по специальности водитель-механик по ремонту машин в отделе внешней дозиметрии. В

АНТОНОВ Сергей Валентинович — водитель-механик, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986)

Из Афганистана в Чернобыль

Н.М. БАРАНОВ

Н.М. Баранов

мою задачу входило принять груз и отвести его на взлетное поле. Запомнилось, что номер моих «Жигулей» 014 совпадал с номером вертолета.

Жили в пионерском лагере «Сказочный» Киевской области. Питание было великолепное. Вспоминаю, что до поездки в Чернобыль не любил сметану, но ребята заставляли пару раз съесть ее. Вкусная сметана понравилась и теперь ем ее с удовольствием.

Вернулся 29 декабря 1986 года. Доставили на самолете через аэропорт Быково.

После приезда, через месяца 2-3, почувствовал себя неважно. Обратился в поликлинику, прописали таблетки. Дальше меня направили на обследование в больницу «Солнечногорск». В заключении ВТЭКа было такое, что надо пройти обследование еще в нескольких больницах. Я плюнул на эти козни и группу так и не получил.

Теперь возникают проблемы для получения бесплатных лекарств: от собеса в поликлинику требуется справка для постановки на учет для бесплатных лекарств.

Родился 9 мая 1948 г. в Тамбовской обл., в семье участника Великой Отечественной войны. Как и все учился в школе, в 1966 году окончил 11 классов. Поступал в авиационное училище летчиков гражданской авиации. Поступить не удалось.

В 1968 году вместе с семьей переехал жить в г. Александров Владимирской области. В армию не попал по семейным обстоятельствам. Военная служба началась с поступления в Высшее военное автомобильное училище г.Рязани. После окончания училища проходил службу в Центральной группе войск, в Белоруссии. Трижды принимал участие в составе военных автомобильных батальонов на уборке урожая. Осенью 1981 г. отозвали из целинного батальона и в ноябре послали проходить службу в Демократическую Республику Афганистан. В составе дивизионного батальона материального обеспечения прослужил два года. Осуществляли подвоз материальных средств из Туркестанского военного округа в Герат, Шинданд, Кандагар, — по месту дислокации наших частей. Один рейс занимал 5-7 дней. Колонны батальона передвигались в сопровождении БТР, БМП, а при прохождении через Кандагар и другие опасные места привлекались к сопровождению и вертолеты.

Из Афганистана послали проходить службу в Московской военной округ в Кантемировскую дивизию. Снова были командировки на уборку урожая.

31 июля 1986 г. командование выдало командировочное предписание для убытия на ликвидацию последствий на ЧАЭС. В Чернобыль убыл с должности заместителя командира батальона спе-

---

БАРАНОВ Николай Михайлович — участник боевых действий в Афганистане и ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

цобработки по технической части (зампотехом). 3 августа прибыл в батальон. С 6 августа зачислили в состав батальона — зампотехом.

Батальон входил в состав Московской бригады спецобработки и располагался в с.Оранное Ивановского района.

Управление батальона и командиры рот были кадровыми офицерами, остальной личный состав призывался из народного хозяйства. Жили в палатках. В сентябре начали строить зимнее жилье. К началу холодов проживали в утепленных домиках.

Специальная техника находилась на отведенной площадке. Ремонт ее осуществлялся под открытым небом. Одновременно со строительством жилого городка началось оборудование автопарков. Этим занимались зампотехи. Мне пришлось также заниматься этими вопросами.

Основная работа, очистка территории ЧАЭС, начиналась с 7 утра. Накануне, командиру батальона ставилась задача командиром бригады. Указания приходили поздно. До командиров рот, задачи на следующий день обычно доводились после 12.00.

В штабе управления по ликвидации последствий подводились ежедневно итоги, проводилась радиационная разведка. На основании этого ставились задачи командирам частей и подразделений, участвующих в ликвидации последствий. Командир батальона проводил совещание. На этом совещании распределяли личный состав по работам, назначались старшие бригад, выделялось необходимое количество техники.

Мне пришлось много заниматься восстановлением техники. Запасные части выделялись со склада бригады, но иногда их не хватало, приходилось доставать их у других технических работников. Наряду с ремонтом и эвакуацией автомобилей, назначался старший бригады на ЧАЭС. В августе выезжал 5 раз, в сентябре — 4 раза, в октябре — 14 раз. Получил учетную дозу облучения 22,6 рентген. (Не

С.П. Баталов

учтенная доза облучения — работа по восстановлению зараженных автомобилей, на них фон был повышен). С бригадой приходилось очищать территорию, собирать щебень лопатами и на носилках носили в контейнеры. Контейнеры отправляли в могильник. Время нахождения на обрабатываемой точке рассчитывалось химиком-дозиметристом и ответственным за участок. Полученная доза отмечалась приказом командира батальона. Очистив территорию вокруг реактора, в октябре мы начали чистить машинное отделение реактора.

В настоящее время являюсь инвалидом III группы.

Высота — 50 метров

С.П. БАТАЛОВ

В Чернобыль я был направлен Мячковским авиаотрядом первый раз в начале-середине июля 1986 г. в качестве борт-

---

БАТАЛОВ Сергей Петрович — бортмеханик, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986—1987).

механика самолета Ил-14. В дальнейшем направляли туда еще несколько раз в 1986-1987 г.г. Выполняли полеты по радиационной разведке в районе станции. Полеты происходили на высотах 50-300 м. Заказчиком на выполнение полетов были Обнинский институт, ИПГ. Суммарную дозу радиации не знаю. В справке было написано 0,555 мкрГ, но в это не верится, так как в полете над станцией приборы зашкаливали. Медицинское освидетельствование в Чернобыле не проходил. С коллективом отношения были дружественные, особенно молодежь не понимала опасности радиации.

В настоящее время на пенсии. Воспитываю дочь 1991 г.р.

9 дней или 9 месяцев?

О.В. БАШМАКОВ

В армию я был призван 19 мая 1986 года, сначала в учебную часть под г. Ногинском. Находился в учебной части около 2 месяцев и обучался по специальности мастер по приборам РХР, после чего был распределен в село Оранное на Украине.

Во время несения службы нас послали в наряд по автопарку, ночью мы спали в пожарных машинах, и только утром нам сказали, что к машинам даже приближаться нельзя, т.к. данная техника была на станции с первых дней. Через неделю, меня и еще 6 солдат распределили в Сибирский военный округ и направили в деревню Черемощня, в войсковую часть 41 173 в тридцати километровой зоне, где я и проходил службу в течение девяти месяцев. Во всем полку нас было 6 или 7 «срочников»: химиков, ремонтников и хим. разведчиков. Всю осень мы жили в палатке, пока не отстроили себе зимние казармы. Неоднок-

ратно выезжали на станцию в качестве разведчиков, т.к. «партизаны» в этих приборах ничего не понимали!!! Только поездки наши никто не фиксировал, т.к. «срочников» вывозить на станцию было запрещено, и поэтому писали нам обычный лагерный фон. Ежедневно имел контакт с источником в 200 Р/час., когда занимался градуировкой приборов. Приборов было много и делать их надо было побыстрее, поэтому технику безопасности 18 летние пацаны просто не соблюдали.

У всех «партизан» были дозиметры, у которых отсутствовала платиновая нить. Эти дозиметры отслужили давно свой срок эксплуатации. По истечении некоторого времени, им выдали дозиметры «слепые» ИД11, а нам привезли новый японский прибор, который измерял уровень радиации почвы и воды. Мы ездили по деревням, собирали образцы зараженной почвы в мертвой зоне и измеряли этим прибором уровень радиации. Первое время ремонт и градуировку производили в палатке. После того, как переехали в зимний лагерь, построили себе ремонтно-градуировочную мастерскую РГМ. Отстроили свою баню, в которой мылись каждый день. Первое время нас кормили «на убой», а потом порции стали урезать. «Партизаны» нас подкармливали, так как наша зарплата составляла 7 рублей. Перед тем, как поставили саркофаг, все знали, когда произошел выброс, так как у всего полка болели головы. В округе, естественно, росло много ягод и грибов, которые многие принимали в пищу, так как по количеству и внешнему виду они были очень даже съедобны. В деревнях жили местные старики и старушки, которые не хотели уезжать из насиженных мест. Мы им меняли хим. порошок СФ-2У, т.к. он хорошо стирал белье, на горилку. Рядом с Чернобыльской АЭС находилась железнодорожная товарная станция и располагалось много складов. Периодически со склада что-нибудь исчезало и куда все уходило, можно

БАШМАКОВ О.В. — дозиметрист, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986)

только догадываться, что все это «фонит» — никто не обращал внимания. В нашем полку сменилось несколько партий «партизан», а мы все работали в этой зоне. Думали, что после такого срока сразу комиссуют, но по истечении 9 месяцев, в полк приехало высокое начальство и когда узнало, что в полку есть «срочники», и сколько они здесь находятся, то с большим скандалом отравили нас дослуживать в Сибирский военный округ Кемеровской области, г. Юрга. Зато за 9 месяцев службы на Украине, я получил аж 2 значка ликвидатора и комсомольскую благодарность и один раз съездил в отпуск. За то время пока я был в части, сменилось 3 командира полка. Только теперь, вместо 9 месяцев пребывания в 30 километровой зоне, по запросу военкомата из центрального архива, который расположен в Подольске, прислали справку, что я там был всего 9 дней. Может опечатка работников архива, тогда не понятно, где же я был остальные 8 с половиной месяцев? Вместе со мной служил парень Бычков Дмитрий из г. Зарайска. После армии он приезжал ко мне, но вот уже года четыре о нем мне ничего не известно. После армии я женился и у меня двое детей: мальчику 16 лет и девочке 13 лет. Все они родились после моей службы в армии. Теперь на гражданке, кроме людей, которые непосредственно общаются с нами, мы никому не нужны. Государство выделило 400 рублей в месяц на лекарства и лечение в санатории. Только те лекарства, которых в списках нет (а их, как правило, нет), приходится покупать за свои деньги, да и санаторий предлагали не помню когда.

В составе комиссии

А.С. БЕЗРУКОВ

9 мая 1986 г. с отрядом сотрудников КГБ СССР на военно-транспортном самолете нас доставили под Киев, а оттуда

А.С. Безруков

автобусом — в г.Чернобыль. В течение двух недель обеспечивали работу членов государственной комиссии. На специальной технике изучали радиоактивное заражение и границы заражения.

Опять «Афган»

А.Г. БЕЛЯКОВ

Я хорошо помню тот момент, когда я узнал об этой трагедии. Была весна, праздники, много улыбок и песен, огромные букеты цветов и нескончаемые потоки счастливых людей. В это время я со своими однокурсниками Московского геолого-разведывательного института им. С.Орджоникидзе сдавал очеред-

---

БЕЗРУКОВ Анатолий Сергеевич — подполковник, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).
БЕЛЯКОВ Андрей Геннадьевич — участник ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС (1986).

А.Г. Беляков

ную сессию. В аудиторию вбежал мой товарищ Сережка Зубаков и с выпученными глазами сообщил о взрыве на Чернобыльской атомной станции. После минутной паузы я задал, наверное, банальный вопрос: «Что делать?». Рядом со мной за партией сидел мой боевой друг, с которым мы воевали в Афганистане Саня Хныкин, он и сказал историческую фразу «Кто, если не мы».

С 5 на 6 мая мы уже пересекали границу Украины. На железнодорожном вокзале нас встречали в основном военные. Были какие-то построения. Кто-то ругался, кто-то отчитывался, кто-то пытался доказать свою правоту. Но на улице играла музыка, это немного успокаивало. После небольшого хаоса к нам подошел представитель нашего Московского участка в Киеве от Управления № 157 и показал нам наш транспорт, на котором нас должны были доставить в зону. Это был открытый грузовик с пристроенными скамейками. В машину поместилось около 20 человек, в основном была молодежь, так что ехали нескучно. На

остановках успевали сбегать за пивом. Говорили негромко. Старший вкратце описал картину произошедшего. Люди успокоились и стали задавать вопросы, связанные с бытом, жильем, с графиком работ и с кухней. На одной из остановок один парнишка спрыгнул с бортика нашего грузовика и не оборачиваясь ушел в противоположную сторону движения. Больше мы его не видели.

Позже выяснилось, что ему 21 год и зовут его Дмитрий. Остальные доехали в полном составе. По приезду на базу санатория им. Довженко, мы увидели несколько палаток и полевую кухню с десятком солдат. Одним словом, нам предстояло разбить лагерь для следовавших за нами рабочих. Мы невольно переглянулись с Саней и почти в один голос сказали: «Опять Афган». Приняв у офицера реквизит, мы стали ставить палатки, собирать койки, в общем, наводить порядок в городке. А в округе необыкновенная красота, весна покрасила все леса и луга сочной зеленой краской. Это уже потом появился «Рыжий» лес, — а сейчас цветы благоухали нежными ароматами блаженства. Приезжали люди, выступали с докладами профессора, солдаты крутились на кухне, прибывала новая техника, мы ждали своего часа послужить Отечеству.

День настал. Нам, наконец-то, выдали дозиметры, одели в специальную робу, посадили в БТРы и повезли в самое пекло. Расстояние от эпицентра взрыва 162 метра. Задача: горизонтальное бурение с одновременной обсадной трубой, диаметр 125 мм, для нагнетания аммиачного раствора под здание реактора для его охлаждения. Станок «Topple Boring», производство Японии. Времени на обучение нет, промедление грозит заражением радиоактивными частицами подземных вод, а это неминуемая гибель всего живого на Земле. Катастрофа!

Мне хватило 5 минут, чтобы разобраться с японской техникой, благо за спиной большой опыт работы на буро-

вых установках различных модификаций. Сереге объяснять также ничего не пришлось, он сразу встал на свое место и принялся за работу. У меня сложилось впечатление, что когда-то он уже встречался с этими буровыми станками. Когда мы в Москве встречались за дружескими беседами, Серега всегда говорил, что у него есть хороший учитель, это наш сменный мастер Михаил Пихиенко. Выполнив задание по бурению, дождавись смены, мы пошли в поданный БТР. Спина мокрая, в сапогах хлюпает, голова кружится, немного подташнивает, но надо идти. Подойдя к «броню», выяснилось, что в нем не хватает двух мест.

Кто-то должен остаться...

Выбирать не пришлось, прикрывая друг друга в бою, и здесь, на этом участке «фронта», со мной остался Санька Хныкин. Оказав нам первую медицинскую помощь в специальном помещении, нас отправили следующим «караваном».

Время пронеслось быстро. Получив сразу огромную дозу облучения, что незамедлительно отразилось на здоровье людей, да и то количество рентген, которое никто не фиксировал во время пребывания в лагере, ухудшило общее самочувствие и настроение. У ребят разболелись головы, стало многих тошнить. Захотелось домой.

Последний вечер перед отправкой домой был самым тяжелым. Приехала наша смена из Москвы с Управления № 157, К-12. Глядя на нас, ребятам стало понятно, что мы «очень устали» и нам не до веселья. Кто-то привез гитару, у кого-то нашлась бутылочка, все это с украинским салом привело немного в чувство измученных людей.

Но на утро все стало по-другому. Подошли наши водители и сказали, что руководство приказало отогнать машины на базу в Москву после дезактивации специальными реагентами. В каждой машине по два водителя на смену. Все машины работали непосредственно в активной зоне, а это можно только себе представить, какое там количество рен-

тген. Первое ощущение было, что это билет в один конец.

Один из водителей был моим другом Сашей Кузьминым, это послужило основным аргументом для моего согласия пройти этот маршрут Киев-Москва на колесах СуперМАЗа.

В Москву мы приехали поздно ночью, вернее рано утром. Транспорта было очень мало. Было еще темно. Я побрел по Московской кольцевой дороге по направлению к дому. Я не помню, сколько я прошел километров, но неожиданно передо мной остановилась машина и открылась дверь. Водитель задал один вопрос: «Ты оттуда?» Я кивнул, он пригласил меня в машину и отвез меня до подъезда моего дома. Я присел на лавочку у дома и стал смотреть, как наступает новый день. Рассвело. Посмотрев на себя, я увидел, что под камуфляжем виднелась белоснежная роба, которую выдавали на АЭС после дезактивации. Я поднялся на свой этаж, достал из кармана ключи, как вдруг передо мной открылась дверь и на пороге появляется моя жена, как будто знала, что я должен был сейчас прийти. А дома мирно спали сынишка Иван и дочка Аня. У меня невольно покатились слезы, она все поняла и просто обняла меня.

Так закончилась моя командировка. На работе было все по-прежнему. Наша буровая машина мирно покоилась в гараже. Механики выполняли работы по техническому обслуживанию. Я отметил необходимые документы в бухгалтерии и присоединился к слесарям. Только вечером у меня дома было настоящее нашествие. Пришли в гости и соседи и друзья. Все спрашивали, что да как? А мне ничего не хотелось говорить. Мои друзья были еще там...

На следующей неделе всех «чернобыльцев» попросили пройти медкомиссию в своей медсанчасти № 2 от МПС. Диагноз был неутешительным. Нам было по 24 года, а мы не могли иметь здоровых детей. Что клетки подвержены разрушению на генетическом уровне. В крови

произошли изменения не в лучшую сторону. А главное проявится все это не сразу. Но мы чувствовали себя молодыми и здоровыми. Нам хотелось дышать полной грудью, мы чувствовали себя героями. Мы жили... В такие годы, когда ты молод, красив и силен, не хочется думать о плохом. Мы и не думали. Нам нужно было многое успеть в этой жизни. Нужно было сдать сессию. Нужно было работать и кормить семью.

В институте появились первые проблемы: я сильно отстал от программы, меня во время сессии «скорая» увезла в больницу с высоким давлением. По возвращении в учебную аудиторию, декан института определил мне срок сдачи «хвостов» в две недели. Я не успел. Попросив об отсрочке, получил отрицательный ответ. Хлопнул дверью, покинул деканат, а вместе с тем и здание института. Четыре года учебы с друзьями, с которыми воевал в Афганистане, с которыми организовал «Первую комсомольско-молодежную бригаду машинистов буровых установок», с которыми выполнял поручения Правительства, работая в Чернобыле, канули в небытие.

Первые приступы, которые происходили со мной, пугали больше мою семью, а не меня, а именно Елену, мою жену. Она первая и зазвонила в «колокольчик», говоря, что надо лечь на обследование к специалистам в области неврологии.

Работать в полную силу я уже не мог. В бригаде я становился обузой. Мне пришлось покинуть лучшую бригаду в Управлении, Первую комсомольско-молодежную. Затем больничная койка. Снова обследование. И вот приговор — инвалид 2-ой группы. Выход на пенсию. Все, как жить дальше?.. Кто накормит моих детей, кто даст им образование? Государство???

И снова больничная койка, снова безысходность. Снова слезы, но только я плачу один, чтобы никто не видел моих слез. Нечеловеческая боль от обиды, что столько не успел сделать в жизни, не

дает мне покоя. Представили к ордену Мужества меня и Сережку Зубакова. Но, к сожалению, умирает мой однофамилец, тоже Беляков, и меня как бы хоронят вместе с ним. Остался неприятный осадок на сердце оттого, что прозвучала моя фамилия. Вместе с ним «умирает» и мой орден.

Появилось огромное количество организаций, которые способны были оказывать медицинскую и социальную помощь нуждающимся ликвидаторам. Среди них: МРОИЧ, НАИЧ им. М.В.Ломоносова, «Колокол Чернобыля», «Заслон Чернобыля», «Вдовы Чернобыля» и много других. Звучали фамилии: Мисюры, Коростылева, Пятецкого, Беляева, Кошелева, Дубова и еще многих, многих других.

Но все хорошее не вечно, появились другие структуры, которые внесли некоторые корректировки в развитие этой немаловажной отрасли и многие организации исчезли.

Впрочем дух и мужество людей, обманутых нашим государством, не может сломить волю к жизни ликвидаторов ЧАЭС. Дай Бог им здоровья, любви и человеческого тепла. Аминь!

Фуршет в ангаре

А.Н. БИРЮКОВА

Я была командирована в Чернобыль в составе рабочей группы от института им. Курчатова и ЦК профсоюзов Министерства среднего машиностроения в начале мая 1988 года на 2 недели и феврале 1989 года на 3 недели. В состав группы входили дозиметристы, инженеры, врачи. В это время было направлено для работы по вахтенному методу в г.Чернобыль, ЧАЭС и другие объекты в районы 30-ти километровой зоны, большое количество сотрудников

БИРЮКОВА А.Н. — участница ликвидации последствий катастрофы на чернобыльской АЭС (1988—1989).

предприятий этого министерства. Некоторыми вопросами этих командировок являлись: дозиметрический контроль, условия труда и техника безопасности, медицинское обеспечение, условия проживания, питания и т.д.

В первый раз, проезжая по дороге 30-ти километровой зоны, на меня всё увиденное вокруг произвело угнетающее впечатление: застывшие подъёмные краны над строящимися домами, школами, пустые деревни, и в поле только солдатские палатки.

По прибытию в г. Чернобыль нам выдали спецодежду и обувь, которая была не по размеру. Поставили на довольствие — это значит, выдали талоны на питание на время командировки. Самым большим пунктом питания в этом городе был ангар. Сидячих мест не было. Пищу принимали стоя. Все с подносами проходили через раздачу и затем к стойкам. Такое количество одновременно питающихся, я не видела никогда. Это почти все, кто жил в г. Чернобыле.

Жили мы в частном доме с участком. Часть мебели и холодильник завезены из другого города. В одной из комнат стоял диван, на котором находилось радиоактивное пятно-загрязнение. Мы его просто накрыли полиэтиленом и старались не садиться.

Кошка, которая нас встретила, уж не знаю, была ли она хозяйкой в этом доме, выглядела болезненно — глаза текли, шерсти не было. Птиц, а это май месяц, было очень мало.

Красивые и большие гнёзда аистов были пусты. Город Припять, который построен для сотрудников ЧАЭС, стоял за колючей проволокой и был пуст, как город призрак.

От Чернобыля до ЧАЭС надо добираться автотранспортом. В городе, помимо частного сектора, жилой фонд состоял из 2-х, 3-х и 5-ти этажных зданий. По городу мы передвигались пешком и в масках. Дышать было не удобно, т.к. они быстро намокали. Улицы в

течение дня несколько раз промывались.

Люди, приезжавшие на работу на ЧАЭС и другие объекты, размещались по квартирам, в школах, детских садах. Вечерами после работы часть молодёжи играла в волейбол и футбол на спортивных площадках, каталась на велосипедах, мотоциклах, оставленных жителями, не осознавая всех последствий.

Мы были на «кладбище» автомашин, которые свозились в определённое место за городом для обработки и утилизации.

Однажды нам показали ветку молодой ёлки, на конце у которой росли иголки сосны. Пошла мутация.

Это мои личные воспоминания.

Сегодня — чертеж, завтра — монтажные работы

А.М. БОРОДКИН

Бородкин Анатолий Матвеевич. Окончил Московский техникум железнодорожного транспорта им. А.А.Андреева в 1955 году по специальности техник-электрик железнодорожной автоматики и телемеханики. Затем, в 1964 году окончил Всесоюзный заочный институт инженеров транспорта по специальности инженер-электрик проводной связи на железнодорожном транспорте.

В системе Министерства атомной энергетики и промышленности (бывшего министерства среднего машиностроения) работал с 1958 года.

В 1986 году, в период катастрофы на Чернобыльской АЭС, я работал в научно-исследовательском и проектном институте «Оргстройинжпроект», в должности главного специалиста по проектированию средств связи и сигнализации.

БОРОДКИН Анатолий Матвеевич — участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

А.М. Бородин

В этой же должности был командирован в Управление строительства УС-605 для выполнения проектных работ по связи, пожарной и охранной сигнализации объектов, строившихся и реконструируемых для нужд УС-605, выполнявших строительные и монтажные работы по ликвидации катастрофы на ЧАЭС.

В Чернобыле я работал в первую вахтовую смену с 28 мая по 23 июня 1986 г.

Проектная бригада института «Оргстройинжпроект» размещалась в здании бывшего автовокзала в г. Чернобыле. Здесь же располагался штаб УС-605.

Жили мы в 140 км от Чернобыля в бывшем пионерском лагере «Голубые озера», недалеко от железнодорожной станции «Тетерев». Там же было организовано питание и медицинское обслуживание. Питание было организовано очень хорошо: вкусно, сытно, обильно.

В этот период в зоне Чернобыльской АЭС мною, в составе бригады института «Оргстройинжпроект», выполнялись работы по проектированию средств связи и сигнализации объектов и сооружений Управления строительства УС-

605, в том числе городков военных строителей баз управлений механизации и автотранспорта в районе города Иванков и других объектов.

Институт «Оргстройинжпроект» выполнял проектные работы в двух направлениях. Одно направление — это проекты организации строительных и монтажных работ по возведению укрытия объекта «Саркофаг». Эти работы выполнялись специализированными проектными отделами организации строительства и инженерно-технических обследований.

В Чернобыле работали сотрудники этих отделов: В.И. Воронин, И.А. Строганов, В.Л. Клевакин, Е.Н. Куксенко-Турский, Г.В. Кузнецов, В.В. Чумичев, В.В. Комаров, Я.Б. Воробейчик, А.Г. Тумольский, В.П. Метельский, А.М. Трунин, И.Б. Хренов и другие.

Другое объемное направление проектных работ — это проектирование инженерных объектов и сооружений, как в 30 километровой зоне, так и за ее пределами: в Иванкове, Тетереве, Копачах и других местах. Этой работой занимались все проектные отделы общестроительного профиля, изыскательские отделы: топографический и геологический; проектные отделы: генерального плана, архитектурно-строительные отделы промышленных и гражданских зданий, электротехнический, санитарно-технический, автоматики, сметный и другие.

В работах на «Чернобыль» принимал практически весь институт, не только те сотрудники, которые работали в Чернобыле, но и те, кто работал в Москве и в филиалах института в городах Ангарске и Лермонтове.

В этих работах активное участие принимали: руководители института Н.Н. Егоров, В.П. Барабаш, В.В. Зудин; главный инженер проекта В.И. Ноздрин, его заместители В.А. Панкратов, С.С. Лапин, Ю.К. Шарашов; начальники отделов: В.Е. Маслов, В.И. Лысов, П.Л. Корнев, А.И. Шигов; главные специалисты и опытные

инженеры: Л.А. Трубицин, В.П. Скворцов, В.А. Аладын, В.И. Бурцев, Н.Я. Шемяков, Г.Н. Олопкин, М.Ф. Сегидя, А.В. Наумов, Г.А. Варшавский, Ю.А. Жирков, Т.П. Герасимова, В.К. Самохин, И.М. Васильев, Н.В. Сотсков и многие другие.

Особенно хочется отметить проектировщиков связистов, приехавших нам на смену из филиалов института М.М. Ямпольского и М.М. Присса из ангарского филиала и В.П. Попадич из лермонтовского филиала «Оргстройинжпроект».

Работа проектировщика, на первый взгляд, кажется очень простой — сиди и рисуй как должно быть построено то или иное сооружение, а в частности, как оно начинено связью и системами пожарной и охранной сигнализации. Но особенностью работы в зоне Чернобыля была необыкновенная оперативность. Все надо было сделать, как говориться вчера.

Один пример. Проектирование средств связи объектов: городков ВСО (военно-строительных отрядов), базы УМиАТ (управления механизации и автотранспорта), базы УЭС (управления энергоснабжения), управления строительства УС-605.

Для баз УМиАТ и УЭС приспособлялась строившаяся в районе г. Иванков база МАП. Здесь же, в чистом поле, должны быть построены постоянные городки военных строителей. Палаточные, на этом месте, начали строить с первых дней прибытия строителей.

Было выявлено, что для базы МАП, еще в мирное время, был разработан проект связи, который предусматривал монтаж, в постройке здания бытовых помещений, местной АТС на 50 номеров, с выходом на АТС города Иванкова по подземной кабельной линии, а также небольшого радиоузла мощностью 100 ватт, что в какой-то мере обеспечивало бы телефонной связью и радиовещанием всей группы объектов, размещаемых на проектируемой территории. Эти ре-

шения по станционным сооружениям связи сохранили для базы нового назначения. Но подземная кабельная линия телефонной связи, протяженностью около 6 км, со сложными переходами под автомобильными дорогами и линиями высоковольтных электропередач на пересечениях с ними, никоим образом не удовлетворяло никого по срокам необходимости установления связи.

Для оперативного решения этого вопроса 1 июня 1986 г. собирается совещание у секретаря горкома КПСС г. Иванков, на котором присутствовали все заинтересованные лица (не помню сейчас фамилии), в том числе:

- главный инженер Иванковского районного узла связи;
- главный инженер и прораб связист монтажного управления УС-605;
- главный инженер проекта и главный специалист проектировщик связи института «Оргстройинжпроект».

На совещании было решено: для организации внешней телефонной связи объектов ВСО, УМиАТ, УЭС построить кабельную линию телефонной связи, подвесив ее на опорах существующей воздушной линии связи.

Одновременно проектировщики и монтажники ориентировочно определились с объемом строительно-монтажных работ.

С совещания, мы проектировщики, поехали «домой», на нашу базу в «Голубых озерах». Попутно подробно обследовали существующую линию связи на предмет возможности подвески на ней нового кабеля.

После ужина — простой процесс «сиди и рисуй».

Когда мы, на следующее утро, ехали в Иванковский РУС и везли проект на согласование, на этой линии уже работали монтажники.

Вот так, при необходимости, оперативно решались все вопросы.

Кроме постоянной работы на рабочем месте, в здании автовокзала в Чернобыле, и вечером, в коридоре жилого

корпуса в пионерском лагере «Голубые озера» помнятся некоторые бытовые подробности. Ежедневная поездка из зоны отдыха на работу и обратно, около двух часов в пути в один конец, в закупоренном автобусе, в который все равно пробивался запах цветущей белой акации. Ежедневная тридцатиградусная жара, без капли дождя, а мы в парусиновой робе с нательным бельем и обязательным «намордником» — респиратором «Лепесток».

Медицинского обследования, как такового, в зоне работ, у нас не проводилось.

В зоне проживания и на контрольно-пропускных постах в зону работ был организован систематический дозиметрический контроль.

Однажды пришлось обратиться в медпункт с небольшой бытовой травмой. Позднее, после возвращения из зоны Чернобыля полное медицинское обследование прохожу ежегодно в поликлинике при клинической больнице №84 (современное наименование), в которой наблюдаюсь с 1958 года. В 1997 году прошел контрольное обследование в Центральной клинической больнице №6. Ежегодно лечусь в санаториях. Имеется букет заболеваний, появившихся до и после работы в Чернобыле. Инвалидность третьей группы по общему заболеванию установлена в 1999 году, после хирургической операции на кишечнике.

Деактивация третьего энергоблока

Ю.А. БУРЯНИН

В Чернобыль был направлен первый раз 8 мая 1986 года. Находился постоянно в г.Чернобыль и занимался орга-

---

БУРЯНИН Юрий Андреевич — участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986,1987)

низацией связи с привлекаемыми группами для ликвидации последствий катастрофы, а также вел учет поступающих сил и средств. Командировка закончилась в начале июня.

Второй раз в период с 22.12.1986 г. по 28.01.1987 г. принимал участие в работах по ликвидации последствий катастрофы в должности заместителя командира войсковой части 59828. Войсковая часть размещалась непосредственно на атомной станции и занималась организацией работ по дезактивации помещений и оборудования 3-го энергоблока, а также обслуживающих объектов.

В социальном отношении условия были нормальные. Питание хорошее. Отдыхали в деревенских избах, оставленных местным населением. Распорядок дня: в 7.00 подъем, с 8.00 до 18-20.00 работа. Отбой в 22-23.00 (как получится).

Медобслуживание на должном уровне, систематические обследования, работали кабинеты психологической и стрессовой реабилитации.

После работы на ЧАЭС проходил лечение в госпитале им.Бурденко со специальными обследованиями, которые обнаружили присутствие в организме цезия, циркония и др. элементов в дозе 26,3 рентген.

После увольнения на пенсию в 1989 г. приобрел ряд заболеваний: гипертония, стенокардия, аритмия, хроническая ишемическая болезнь и др. Лечился в трех госпиталях. В результате получил инвалидность 2 группы, связанную с работой на ЧАЭС и кучу неизлечимых болезней.

Строительство «Саркофага»

Ш.Ф. ВАЛИУЛИН

Приказом Министра среднего машиностроения Славского Е.П. за № 211 от

ВАЛИУЛИН Шамиль Фатыхович — инженер-строитель, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

20.05.1986 г. было создано Управление строительства 605, имеющее в своем составе все необходимые службы для обеспечения работ по проекту «Укрытие», названное потом «Саркофаг», которое подчинялось 11 Главному управлению Министерства. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 июня 1986 года за № 663-194 Министерство среднего машиностроения было назначено генподрядчиком по осуществлению работ, связанных с захоронением 4-го энергоблока ЧАЭС, генпроектировщиком — Всесоюзный проектный и научно-исследовательский институт комплексной энергетической технологии (ВНИПЕТ), входящий в систему Министерства. Научное руководство по осуществлению консервации 4-го блока ЧАЭС было возложено на Институт атомной энергии имени И.В.Курчатова (ИАЭ).

11-ым Главным Управлением Министерства были разработаны организационно-технические мероприятия по подготовке строительства, обеспечению его материально-техническими ресурсами, выполнение строительно-монтажных работ по консервации аварийного блока ЧАЭС.

В 11 ГУ Министерства входили: Западное управление строительства (ЗУС), располагавшееся в г. Игналица (Литовская ССР), построившее Игналинскую АС; Управление строительства в г. Сосновый Бор недалеко от г. Ленинграда, построившее ЛАЭС; Желтоводское управление (ЖУС) на Украине; 1 СМТ в столице СССР г.Москве; Протвинское управление строительства, в Подмоскowie; Обнинское УС в Калужской области; Дмитровградское УС в Ульяновской области; Степногорское и Усть-каменогорское УС и многие другие Управления Строительства.

Проектно-технологический трест «Оргтехстрой-11» непосредственно подчинялся 11 ГУ Министерства, где начальником был Москвин К.Н. и его заместителем ЕрмаковФ.А., который курировал работу нашего отдела № 13 «Оргтехстрой-11».

Ю.А. Бурянин

Многие мои товарищи по тресту были командированы или работали в штате УС-605 (режимно-секретный отдел, монтажный отдел, производственно-распределительный отдел, УМ и АТ, УПТК и ОЖД транспорта, ПТО и многие другие.)

1-я Вахтовая смена начала работать с 20 мая и продолжалась до 15 июля 1986 г. Начальником УС-605 был назначен Рыгалов Е.В., главным инженером — Шеянов В.Т. Главная задача этой смены — развертывание в районе аварии прибывающих подразделений и служб УС-605 и проведение подготовительных работ на площадке аварийного 4-го энергоблока ЧАЭС. Специалисты треста «Оргтехстрой-11» совместно с дозиметрической службой УС-605 выбрали место для бетонного завода севернее города Чернобыля. К середине июля 1986 года в УС-605 работало 5076 рабочих и инженерно-технических работников. Было построено два палаточных городка, 15 сборных казарм, 14 сборных общежитий и переоборудованы под жилье местные школы, пионерские лагеря и дома отдыха. На реке Припять

Ш.Ф. Валиулин

построены причалы для приемки сыпучих материалов. Машинный парк состоял из 988 единиц автотранспорта, машин и механизмов, 45 единиц специальной техники защищенной от воздействия радиации.

Разгрузка прибывающей техники и материалов осуществлялась на железнодорожных станциях от города Чернобыля на расстоянии 100—130 км, и доставлялась далее автотранспортом.

«2-я Вахтовая смена продолжалась с 16 июля по 15 сентября 1986 года. Начальником УС-605 был Лыков Г.Д., и главным инженером Ус Ю.А. Опираясь на построенную инфраструктуру 1-й смены, 2-ая смена выполнила основной объем строительно-монтажных работ по консервации 4-го блока ЧАЭС. В работе принимало участие 9347 человек, из них 2862 строителей и монтажников, и 1269 человек из ИТР.

Эта работа обеспечивалась машинами и техникой, которой было уже 1400 единиц, в том числе автотранспорта-982 единиц, дорожно-строительных меха-

низмов-297 единиц и специально защитной техники-121 ед.

За период 2-й вахтовой смены были возведены 1-й и 2-й ярусы каскадной стены (самые большие по объему монтажа металлоконструкций и укладке бетона) и установлен стальной блок каскадной стены 3-го яруса. Ежедневно укладывалось в конструкции саркофага от 4500 до 6300 куб.м. бетона. Одновременно шли работы по изоляции 4-го блока от 3-го энергоблока ЧАЭС, дезактивация кровли 3-го блока, изоляция реакторного блока от машинного зала и многое другое.

3-я Вахтовая смена работала с 16 сентября по 1 декабря 1986 года.

В этот период начальником УС—605 был Дудоров Игорь Александрович, главным инженером Бочаров Лев Леонидович, начальником политотдела Харченко В.Н.

3-я вахтовая смена закончила возведение каскадной стены с северной стороны реакторного блока. 5 октября 1986 года был забетонирован последний 4-й ярус. За время строительства в каскадную стену было уложено 133500 куб.м. бетона. Главным достижением 3-й смены было возведение перекрытия и покрытия под разрушенным 4-м блоком ЧАЭС. Эта уникальная операция началась 23 сентября 1986 года. Краном «Демаг» СС—4000 над залом разрушенного блока, в первую очередь установили две 40-метровые несущие балки Б-2, соединённые жесткими связями в раму общим весом 165 тонн. На раму уложили первые шесть труб перекрытия диаметром 1200мм, а 2 октября была уложена последняя из 27 труб перекрытия.

За семь с небольшим месяцев, десятки тысяч советских людей от рабочих, инженеров, ученых и до воинов Советской Армии проявили самоотверженность и героический труд по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

В «Саркофаг» было уложено 6 тысяч тонн металлоконструкций, около 300 тысяч кубометров бетона.

Первая моя командировка продолжалась с 8 октября по 17 октября 1986 года. В этот я был прикомандирован к УПТК УС—605. Заместитель начальника УС—605 Сафьянов Олег Михайлович (заместитель начальника Сосновоборонского управления строительства, построившая Ленинградскую АЭС), поставил задачу перед руководством УПТК и в частности перед главным инженером Думкиным Ирифом Николаевичем об обеспечении технической документацией построенных зданий и сооружений для УПТК в городе Чернобыле и на станции Тетерев. Совместными усилиями мы разработали техническую документацию по организации ППР, технологические карты по хранению, складированию и перевозке материалов и оборудования для строительства «Саркофага» генеральных планов территорий УПТК и т.д. Вспоминается интересный казус, который произошел после того, как были построены склады и ангары на станции Тетерев.

На неоднократные обращения руководства УПТК к началству местных энергосистем о предоставлении технической документации пролегающих силовых кабелей и правительственной связи вдоль железной дороги Киев—Житомир, мы не получили нужной информации.

Руководство УПТК на свой страх и риск построило для УС—605 здания, сооружения без согласования с местными органами. По указанию руководства мне пришлось связаться с главным инженером Тетеревского управления Энергостроитель. Когда я попросил принести из технического архива документацию на пролегающие кабели с отметками (геодезическими) вдоль железной дороги он пролепетал о том, что документация отсутствует в архиве. Пришлось чуть не на аркане тащить горюководителя на территорию базы УПТК, чтобы он хоть руками или ногами показал, где проходят эти злосчастные кабели. После того, когда он показал нам

эти места, которые оказались под многими ангарами и сооружениями, мы мысленно перекрестились и поблагодарили Бога.

Неизгладимое впечатление было от первой моей поездки в город Чернобыль. Устроили меня в пионерский лагерь «Голубые озера».

Насколько помню корпус, назывался «Прогресс» на 3-м этаже был большой спальный корпус с 2-х этажными кроватями и на крючках вдоль стен рабочая одежда ликвидаторов...

Рано утром после спешного завтрака, устроившись в автобусе, поехали в сторону Чернобыля. Вглядываясь через стекло, я был поражен красотой здешних сосновых лесов, где-то вдалеке просвечивали лучи солнца, и казалось, что мы едем не на работу, а куда-то на экскурсию. Вдоль дороги справа и слева стояли хутора и деревни с неправдоподобными спелыми садами. Таких красивых и спелых яблок на деревьях я никогда не видел больше в своей жизни. Был солнечный октябрьский день и такая тишина на деревьях, что казалось это всё какой-то дурной сон. Ни людей, ни животных, ни чего. А потом Чернобыль, люди. Снующие машины и механизмы в сторону ЧАЭС и начало трудовых будней, которых должно было быть 10 дней, но их оказалось 49.

На раскачку времени не было и приходилось сходу вникать в дело. Кругом были «свои» люди, свои, в том смысле, что многих я знал уже до Чернобыля: Сафьянова Олега Михайловича, Душкина Ирифа Николаевича, Мурзина Владимира Ивановича начальника бетонного завода УС—605 (главный инженер УПП Пензинского управления строительства 11 ГУ Министерства), Васильева Виктора Леонидовича начальника базы №3 УПТК УС—605 (заместитель начальника УПТК Стенногорского управления строительства) Ольховика Вадима Викентьевича (заместитель главного инженера по ТБ Сосновского УС), Чекмазова В. И. (начальник УПТК Обнинского УС),

ставшего потом заместителем начальника ОУС, Щукина Анатолия—бухгалтера-аудитора УС—605 (после Чернобыля станет главным бухгалтером УПП Протвинского УС), Богусловец Богдан—старший инженер ПТО УС—605 (работал старшим инженером ТО ЗУС в городе Снечкусе (Игналина, Литва), Раевич Юрий Михайлович заместитель начальника ПТО треста (заместитель начальника ТО треста «Оргтехника-11» 11 ГУ) и многие другие.

Работали по 12—15 часов в день и без выходных. Смертельно усталые, возвращались в Тетерев, кушали и ложились спать, чтобы на утро, едва отдохнувшие, взяться за работу. За эти первые десять рабочих дней было сделано немало, но не всё. Пришлось возвращаться в Москву за недостающей технической документацией и вернуться обратно.

Вторая моя командировка продолжалась с 26 октября по 3 декабря 1986 года.

С 27 октября 1986 года я был зачислен в штат УС—605 на должность старшего инженера ПТО. Работа была знакомая и интересная. Вспоминается интересный эпизод. Я понадобился в комнате ПТО здания автовокзала на втором этаже. Готовил график-отчёт по уложенному бетону для оперативного штаба, как вдруг вбегают заместитель главного инженера Дроздов К. П. и обведя комнату взглядом, спрашивает: «Где люди?» Я ответил, что люди на объектах: кто на 4-м блоке, кто в монтажном районе, кто уехал на ВСО-4 и т.д. Он подает мне служебную записку с указанием прочертить схему могильника захоронения материалов и конструкций, хранящихся на базе №3 УПТК УС—605 в районе деревни Копачи. Я возразил ему и сказал, что могильниками никогда не занимался и что эта работа требует специальных знаний и опыта, каковых я не имею. Тут только я обратил внимание, что он одет в военную форму и звание у него полковник.

Тут он, как мне показалось, заорал и спросил: «А вы кто?». Я ответил ему, что я инженер. «А если вы инженер, то должны иметь интеллект», — парировал полковник и ехидно спросил: «А что оно обозначает?». Тут я блеснул знаниями и ответил, что это слово латинское и переводится, как человек, который обладает умственными и мыслительными способностями. «Вот и действуйте!», — ответил полковник и исчез. Пришлось мне напрячься, спросить совета у знакомых ребят из ВНИПЭа. Они работали на первом этаже и к вечеру, схема была уже готова. Через несколько дней сам вбивал колышки и делал разметки для рытья котлована под могильник, как оказалось потом на грязном пятне и никто даже не предупредил об этом меня, впрочем вся 30-ти километровая зона вокруг 4-го блока ЧАЭС была грязным пятном.

Помню, как сейчас, свое первое посещение 4-го блока. Переодевшись на первом этаже, я сел в освинцованный автобус типа «Кубань» и медленно поехали в сторону ЧАЭС. Водителем, оказался кавказец, к сожалению, не помню, кто он был по национальности, но кажется все-таки грузин. Я оглядывался по сторонам и старался всё запомнить, проехали указатель слева с названием город Припять. Показался молодой сосновый лес, на краю дуб старый, корявый, как оказалось, на нем вешали партизан немецкие фашисты. Приглядевшись внимательнее, я вдруг понял, что хвоя рыже—коричневатого цвета. Мне стало не по себе. Это было в октябре, прошло уже 7 месяцев после трагического взрыва, завершалось укрытие 4-го блока ЧАЭС, а лес стоял между станцией и городом Припятью, как бы пытаясь защитить его от сжигающих лучей радиации, и извинялся, что не смог уберечь. Вот так и те первые наши Чернобыльцы, у которых кожа была буро—коричневого цвета, они тоже первыми погибли, как этот молодой сосновый лес. А тем временем, впереди, появился «Саркофаг»

и я судорожно стал поправлять лепесток на лице и вдруг водитель с кавказским акцентом сказал: «Этот лепесток очень помогает при радиации!», — и мы с ним дружно расхохотались, я понял, что всё это выглядит нелепо и с лёгкостью бросил его на грудь. Будь что будет, семь смертям не бывать, а одной не миновать, подумал я и успокоился. Прибыв на станцию и найдя здание ХЖТО, где находилось управление 11-го района, я выполнил свое задание. Мельком обозрев панораму строительства (подождали миксера с бетоном «Демаг» поднимал трубы на крышу «Саркофага» куда-то двигалась освинцованная техника, кажется в сторону машинного зала), я сел обратно в автобус и поехал в УС-605.

За эти 49 дней, в течение которых я был участником ликвидации аварии на ЧАЭС, много где пришлось побывать. Увидеть и работать с разными людьми, начиная от рабочих и кончая руководством УС—605 и его подразделениями. Видел нашего министра Славского Е.П., руководителей Министерства, членов оперативного штаба и правительственной комиссии.

Вспоминается ещё один случай. Както в один из рабочих дней, после возвращения из города Чернобыля, пройдя предварительный дозиметрический контроль на входе в «Голубые озера» я помыл руки и лицо перед столовой и пошел к столу, за которым сидел дозиметрист с каким-то прибором, как он сказал, что вроде из Японии и заставляет всех входящих прикладывать ладони к панели и он вдруг загорелся красной лампочкой. Дозиметрист отправил меня обрабатывать руки, и так до 3-х раз, недоуменно взглянув на меня и на мою рабочую одежду (на мне был комбинезон танковых войск и белая шапочка), он попросил расстегнуть рукава и удовлетворенно хмыкнув, сказал: «Ага!».

Увидев часы на запястье левой руки. Он попросил их снять и отложить их в сторону. Я выполнил его просьбу и снова приложил свои ладони к панели и наконец-то загорелся зеленый свет. Слава Богу! А дозиметрист посоветовал избавиться от часов, но как было без них. Так и проносил их до Москвы. Вот так бестолково мы отнеслись к своему здоровью. Не думали мы тогда об этом, надеялись, что пронесет.

Каждый день я и мой непосредственный начальник — Юрий Михайлович Раевич, он работал заместителем начальника ПТО УС—605, возвращались в Тетерев на служебной машине автомобиля марки «Москвич 412». Мы тоскливо ожидали момента проверки дозиметристами нашей антилопы «Гну» при выезде из 30-ти километровой зоны. После проверки съезжали с дороги на пост санобработки, где нудно, как нам казалось, мыли машину и снова подъезжали на проверку и так несколько раз, пока дозиметрист чертыхаясь и устало махнув на бесполезность своих усилий, пропускать нас. Вот так и ездили мы в своей «звонкой» машине. Много чего было, всего не опишешь и не расскажешь. Помню свой приезд на Киевский вокзал. Ощущение было такое, наверно как у фронтовиков вернувшихся с Победой домой, что люди проходят мимо тебя со своими мыслями, радостями и печалью и не ощущают, не чувствуют зыбкости человеческой жизни. Гордость за то, что ты вложил свой скромный труд для того, чтобы продолжалась жизнь.

И никто из нас ещё не знал, что нас ждёт впереди. И стоило ли нам перенести те трудности, которые выпали нам? Что было бы со страной и с нами, если бы Чернобыльская трагедия случилась в 1996 году? Другая страна и другие люди. Знаю только одно, если мы будем едины, только тогда сможем преодолеть все трудности.

С уважением!

И.Н. Василенко

Дезактивация

И.Н. ВАСИЛЕНКО

Родился 20.01.55 г., с. Белояровка Алтайского края. Закончил школу в 1971 г. Учился в СПТУ-25 на тракториста. Служил в армии с 1973 по 1975г. в авиации трактористом. После армии проходил сборы в химических войсках: химик радиационной и химической разведки и дозиметрического контроля. В 1978 г. приехал в Москву. Работал на реконструкции завода «Серп и молот» газосварщиком.

15 июля 1986 г. в три часа ночи меня забрали и привезли в военкомат. Днем прошли медкомиссию и на автобусах увезли в Курск. Там переодели в форму и на поезде повезли в Киев. Из Киева на машинах отправили в Чернобыль. С 18 по 31 июля я работал на станции по снятию зараженного грунта. Работали по 20 минут. Получил дозу облучения — 20,07 рентген. После Чернобыля посто-

---

ВАСИЛЕНКО Иван Николаевич — тракторист, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

янно болит голова, болят суставы, поредели волосы, сильное потоотделение, увеличена щитовидная железа.

Работаю в СК-4 слесарем-сантехником.

45 дней осени 1986 года

Ю.Ю. ВИЛЬКОВИЧ

На работы по ликвидации катастрофы на ЧАЭС был призван из запаса РВК Дзержинского района Калужской области. До катастрофы работал взрывником в тресте: «Союзвзрывпром». В Чернобыль прибыл 10 октября 1986 г. Службу проходил в 26-й Московской бригаде. Был водителем автомобиля ЗИЛ-131, производил работы по дезактивации техники и зданий на станции и в тридцатикилометровой зоне. Непосредственно на станции отработал 45 дней.

Первый рабочим днём была работа по уборке радиоактивного мусора и грязи внутри 3-го энергоблока. Работа производилась организованно. Каждый солдат знал, что ему делать без лишней суеты. Время работ внутри энергоблока было ограничено, в связи с высоким уровнем радиации. Поэтому работы производились от 3-х до 10-ти минут. По окончании работы производилась дезактивация личного состава и замена обмундирования. Но многие из-за повышенной дозы облучения чувствовали себя плохо, кружилась и болела голова, беспокоила рвота.

Кроме первого дня работы на станции я провёл ещё 44 дня по дезактивации техники и зданий. Неоднократно работал у 4-го энергоблока, производил дезактивацию техники, замеры уровня радиации непосредственно у реактора. За это время работа выполнялась самая разнообразная. В Припяти, в автобусном парке, обрабатывали спецтех-

---

ВИЛЬКОВИЧ Юрий Юрьевич — водитель автомобиля, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

нику, которая корчевала «Рыжий лес», дозиметры зашкаливали от радиации, которая оседала на технике.

Выезжая на станцию, получали накопитель, маленький прибор, который показывал, какую дозу облучения получил во время работы. Но очень часто приходилось писать объяснительные, потому что прибор показывал большие дозы облучения. Та доза, которую я получил, намного занижена.

Наша 26-я Московская бригада дислоцировалась в с. Оранное, в 30 км. Быт для солдат был налажен. Каждый батальон имел свою баню, столовую, в которой нас кормили 4 раза в день. Повара делали всё возможное, чтобы питание было разнообразным и полезным. Вечерами столовую переоборудовали в кинозал, где солдатам демонстрировали фильмы.

Каждое утро мы получали наряд на работу на станции. По прибытии на станцию каждый экипаж отправлялся на заранее запланированный объект, где производил работу по дезактивации техники или помещений. Но работа велась не только на станции. Выезжали на обработку от радиации деревень, посёлков, совхозов, колхозов Киевской области и Белоруссии. И больно было до слёз смотреть, проезжая по 30-и км зоне, на мёртвые деревни, посёлки, города. И порой не верилось, что несколько месяцев назад здесь цвели сады, играли, смеялись, радовались жизни дети, взрослые ходили на работу, а старики трудились на своих участках.

Больше всего мне запомнился г. Припять — мёртвый город. Как будто он пришёл к нам не из нашего мира, пустые улицы, скверы, дворы, белье, весящее на балконе, детские игрушки, брошенные в песочнице. Я не хочу ещё раз это всё увидеть, и, чтобы это ещё повторилось.

За то время, которое я провёл на станции, видел монтаж «Саркофага», и как постоянно над реактором поднимался дым, и кружили вертолёты.

Но больше всего запомнилось мужество советских солдат, которые встали

Ю.Ю. Вилькович

грудью на защиту от невидимого врага своей Родины, матерей, стариков, жён, детей. Не щадя своего здоровья, а порой и жизни, шли на самые трудные работы и выходили победителями. Мы тогда спасали не только свою страну, но и весь мир. На работах по ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС трудились вместе русский и латыш, украинец и грузин, белорус и татарин. И мы победили.

Мы укротили мирный атом,
Рванувший ночью у реки,
Чтобы дети солнцу улыбались
И радовались жизни старики.
Таких как я — десятки тысяч,
Собою мир для всех спасли.
Не знали мы, что этот атом
Прольётся слёзами в дали,
А жёны там мужей теряли,
Тушивших пламя у стены.
А сколько после потеряли,
Что все болезни и печали
У нас с весны далёкой той пошли.

С 1987 г. проживаю в Москве. Десять лет отработал в «Мосметрострое», строил московское метро. В 1992 году начались проблемы со здоровьем. Всем врачам, у которых наблюдался, приношу искреннюю благодарность.

Ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, хочу сказать, что самое главное в своей жизни они уже сделали и наши потомки должны быть благодарны нам за это. Не грустите, не унывайте, не обращайтесь внимания на свои болезни, а радуйтесь жизни. Всем вам желаю здоровья и ещё здоровья.

Был месяц май

В.П. ВИШНЕВСКАЯ

В 1986 году я проживала на Украине в п. Лугины Житомирской области, то есть, в зоне заражения. Авария произошла 26 апреля, но мы узнали о случившемся только 1 мая. Стояла очень жаркая погода, все были одеты по-летнему. В то время никто еще не осознавал последствий этой трагедии, но уже в мае начались медицинские обследования населения. В первую очередь обследовали детей в школах и детских садах. Замерялся радиационный фон почвы, воздуха, продуктов питания. Во всех детских учреждениях детям давали йод и другие профилактические противорадиационные средства. Детей стали эвакуировать из зоны загрязнения.

В это время я работала в Луганском лесхоззаге. Я была свидетелем того, как от нашей организации отправляли бригады для работы в зоне ЧАЭС. Наш поселок оказался в зоне заражения с уровнем загрязнения радионуклидами цезия-137 от 5 до 10 Ки/кв.км, и относился к

ВИШНЕВСКАЯ В.П. — работница лесозаготовительного предприятия, в момент катастрофы на Чернобыльской АЭС проживала в зоне радиоактивного заражения.

зоне первоочередного гарантированного добровольного отселения.

1 августа 1986 года по медицинским показаниям я была прооперирована в Житомирской областной больнице по поводу фибромиомы. В 1988 году мне был поставлен диагноз: ишемическая болезнь сердца и симптомная гипертония 2-й степени. В этом же году в возрасте 56 лет умер мой муж от острой сердечной недостаточности.

2 февраля 1993 года я переселилась на постоянное место жительства в город Москву. Но последствия радиационного заражения отражаются на моем здоровье до сих пор. Я стою на учете в поликлинике по поводу ишемической болезни сердца, гипертонии, кардиосклероза. В 1998 году при обследовании эндокринологом щитовидной железы, мне был поставлен диагноз — многоузловой зоб. В январе 1999 года мне была сделана операция по удалению щитовидной железы.

В Москве я состою на учете в Обществе «Союз Чернобыль». До 1995 года я получала в Отделе социального обеспечения путевки для оздоровления в санатории. С 26 мая 1996 года стою на очереди на получение путевки.

В настоящее время чувствую себя плохо, состояние здоровья оставляет желать лучшего.

Страна призраков

Б.С. ГЕЛЕЖЕ

В 1982 году я перешел на работу в специализированное проектно-конструкторское бюро Всесоюзного объединения «Союзэнергозащита» на должность ведущего инженера отдела № 10 по разработке противокоррозийной защиты металлоконструкций тепловых и атомных электростанций.

ГЕЛЕЖЕ Борис Сергеевич — инженер, участник ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС (1987).

Моей первой командировкой на новом месте работы была поездка в структурное подразделение В/О «Союзэнергозащита» СУ «Чернобыльэнергозащита», расположенное на Чернобыльской АЭС в г. Припять. Наша группа участвовала в разработке ППР по противокоррозийной защите сборок А, Б, С, Д реакторов 3 и 4 блоков ЧАЭС, бассейна локализации аварий, хранилища отходов ядерного топлива блоков 3 и 4, выезжая в командировки на станцию практически каждый год вплоть до самой аварии в апреле 1986 года.

С первого приезда в г. Припять я был очарован природой украинского Полесья. На железнодорожной станции Янов, куда приезжали все командированные на ЧАЭС, их встречал аист, свивший себе гнездо на одной из пристанционных построек. Припять была удивительно чистым, уютным поселком, даже городком, сразу располагавшим к себе. Таким же доброжелательным был и коллектив СУ «Чернобыльэнергозащита».

Но вот случилась авария 1986 года, для всех, кто бывал на ЧАЭС, это было страшное потрясение, потому что на наш взгляд более благополучной станции на всей Европейской части Союза не было. Уже в июле 1986 года наши сотрудники: главный инженер проекта Лисицын А.Е. и руководитель группы Живов В.А. были отправлены в командировку на ЧАЭС для разработки проекта площадки дезактивации автотранспорта. Следующими были ГИПы Полосин Н.В. и Чуприн В.П.

В апреле 1987 г. подошла и моя очередь отправляться на ЧАЭС. 21 апреля 1987 г. я был направлен в г. Чернобыль Киевской области для разработки рабочего варианта ППР по противокоррозийной защите стройконструкций и металлоконструкций бассейна локализации аварий 3 блока ЧАЭС.

Поездка началась с Киева, замелькали пригородные поселки, деревеньки, наконец добрались до Славутича, который поразил своими новенькими кот-

Б.С. Гележе

теджами, затем началась тридцатикилометровая зона, которая началась с КПП и проверки документов. После этого поездка начала напоминать путешествие по стране призраков — безжизненные деревни с постами охраны и наконец сам Чернобыль. Безжизненный и заброшенный, он напоминал декорации фильма о войне, жизнь теплилась только там, где размещались организации, проводившие работы на ЧАЭС, и проживали откомандированные рабочие и служащие.

Поместили меня в одной из пустующих квартир немногих пятиэтажных зданий Чернобыля, выдали спецодежду, обувь, головной убор и кассету с таблетками, которые должны были менять цвет при повышении дозы радиации.

Во время командировки в Чернобыль совместно с представителями «Чернобыльэнергозащита» Вязовым и Киевского ТЭПа был разработан рабочий вариант ППР по противокоррозийной защите бассейна локализации аварий.

После возвращения из командировки жизнь потекла своим чередом, в 1990 году Волгоградским райисполкомом мне было выдано временное удостоверение участника ликвидации последствий ава-

Ю.Я. Главатских

рий на ЧАЭС, а затем и постоянное удостоверение, выданное Министерством энергетики и электрификации СССР.

В 2002 году произошел обмен удостоверения на Российское. Никакими путевками и медицинскими обследованиями я не пользовался и только благодаря руководителям Союза «Чернобыль-Выхино-Жулебино» мой сын Павел, родившийся в 1990 году, дважды, в 2002 и 2003 годах, получал оздоровительные путевки в Крым и на Кавказ.

На пенсию я вышел в 2003 году, не работаю.

На реке — теплоход

Ю.Я. ГЛАВАТСКИХ

В Чернобыль я был откомандирован с 10 сентября 1986 г. управлением «Мосэнерго-сантехмонтаж» треста «Мосэнерго-гострой» в строительное управление. По

ГЛАВАТСКИХ Сергей Валентинович — инженер-строитель, участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (1986).

прибытии в Чернобыль этого строительного управления я не нашел и зашел в ОКС станции (думая, что уж там-то скажут, где искать это управление). В ОКСе тоже не знали, где это управление и предложили остаться работать у них, а именно курировать строительство «Саркофага» и строительство могильников.

Я согласился, и проработал там две вахты (т.к. штатные сотрудники работали по вахтам — по 15 дней, приезжая из Киева). К сожалению, фамилии сотрудников я уже не помню, только некоторые имена остались в памяти. Жили мы на теплоходах, которые стояли на р. Припять. Ежедневно уезжали на работу утром в 7.00 и возвращались в 21.00. Обедали мы в «кормоцехе». Кормили нас, как говорят, «на убой». Впечатления от коллектива остались самые хорошие. Из памятных воспоминаний почему-то всплывают два момента.

Первое — это когда мы выезжали на могильники. С нами был работник ПВО — полковник. Прибыв на место, мы увидели кучи грибов, причем, одни белые. Стали спрашивать у рабочих, и они сказали нам, что грибов там просто тьма, и они их собирают для спортивного интереса и складывают в кучи. Позднее мы прошли по лесу и, действительно, белых грибов было множество и все хорошие.

Второй момент — мы трое с дозиметристом намечали трассу под ЛЭП и вот, проходя через деревню близ станции, видим, сидят солдаты и пьют из трехлитровой банки самогонку, а закусывают яблоками, сорвав их с деревьев тут же. Мы остановились возле них и говорим: «Что же вы делаете, ведь эти яблоки нельзя есть», но они махнули рукой и говорят, что ничего с ними не будет. И еще на меня произвел впечатление вид г. Припять — мертвый город. Пустые улицы, разбросанные вещи. И никого.

Жили мы, как было указано выше, на теплоходе, вдвоем с заместителем начальника ОКСа Ивановым Юрием. И вот 1 октября проснулся я, а время уже по-

ловина седьмого, а у нас подъем в 6.00. Я растолкал Юру и говорю ему, что опоздали. Он тоже вскочил, и побежали мы в туалет умыться, а людей никого. Мы быстро умылись и побежали в каюту, чтобы разбудить соседей — наших сотрудников. Долбим в стену, подняли их и бегом в столовую, а там никого нет. Мы все, думая, что опоздали, возвратились в каюту, а там нас ждут наши соседи — сотрудницы, возмущенные, что мы их подняли. Оказалось, что в эту ночь был переход на зимнее время. Тут только дошло до нас, и мы начали смеяться. Юра Иванов хохочет, приговаривая: «трясти надо». Это он вспомнил анекдот про обезьяну, оставленную с человеком на необитаемом острове.

В 1994 г., уже после выхода на пенсию, у меня случился инсульт. После инсульта я лежал в больнице № 87, а после больницы лечился в Подмоскowie, в «Голубом». Только после этого мне дали инвалидность 2 группы.

На третьем энергоблоке

В.В. ГРЕЧИШКИНА

Работала в НПО «Энергия» в отделе по эксплуатации атомных электростанций, откуда и была командирована на ЧАЭС в октябре-ноябре 1987 года.

На реакторе 3 энергоблока ЧАЭС участвовала в испытаниях разработанной во ВНИИАЭС установки, для экспресс-оценки состояния технологических каналов реактора.

Моя задача: поиск, подбор и испытания конструкционных материалов, клеев, герметиков для этой установки, так как готовых, проверенных вариантов ни в Минатоме, ни в оборонной промышленности, ни в космических исследованиях на то момент не было. Испытания

ГРЕЧИШКИНА Виктория Валентиновна — участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1987).

В.В. Гречишкина

пришлось проводить срочно и непосредственно на конечном объекте.

Работали мы на станции со своими дозиметрическими приборами, т.к. станционных не хватало. В первый момент пребывания на станции чувство страха и опасности было, но потом исчезло. Напоминанием служило только жжение слизистой оболочки глаз и горла от б-аэрозолей и сигналы дозиметристов на контрольных пунктах, да и ещё поведение редких оставшихся домашних животных в Чернобыле, которые залезали на деревья, повыше от земли. Мягко говоря, умиляло, когда кто-то из работников столовой, желая украсить жизнь, ставил на столы в вазочках ветки с гроздьями рябины. Удивляло также большое количество работавших на станции женщин. Раздевалка санпропускника 3-го блока рассчитана была на 300 человек, и все шкафчики были при этом заняты. Но все были на своих местах, суеты не было.

А.В. Грицук

Ремонт техники

А.В. ГРИЦУК

Родился я 7 ноября 1961 года в Гомельской области Республики Беларусь (д. Антоновка Калинковичского р-на).

В 1977 году приехал в г. Москва, где поступил и окончил ПТУ-77 по специальности слесарь-строитель. С 1980 года работал по специальности машинист АБН «Вибау» в УМ-23 Трест «Мосстроймеханизации». В конце августа 1986 года я и мой напарник Петров А.Д. были откомандированы в г.Чернобыль, принимали участие в работах по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и были зачислены в строительный район № 11 УС-605.

На базе мы занимались ремонтом техники и подготовкой машинистов АБН.

ГРИЦУК Анатолий Владимирович — слесарь-строитель, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

Питание было 3-х разовое. В рацион меню всегда входили овощи и фрукты, кормили очень хорошо и бесплатно. Каждый день возил нас автобус в 30-ти километровую зону на работу, так как жили мы около 100 км от г. Чернобыль. Работали по 8-10 часов, медицинское обследование мы не проходили. Жили мы на железнодорожной станции в плацкартных вагонах, поэтому неудобства были. Отработав положенное время, мы были откомандированы обратно в Москву.

Транспортировка тяжеловесных балок «Саркофага»

В.В. ГУЩИН

В 1986 году я работал в должности заместителя заведующего конструкторско-технологического отдела №31 ПКБ «Спецтяжавтотранс». Специализированное научно-производственное объединение «Спецтяжавтотранс» было образовано Постановлениями Советов Министров СССР и РСФСР в 1978 г., в целях полного обеспечения народного хозяйства в перевозках тяжеловесных и крупногабаритных грузов, как автотранспортом, так и в смешанном сообщении, на всей территории СССР, кроме Украины. На территории УССР данные функции были возложены на Днепропетровское автотранспортное предприятие, но в связи с тем, что мощности этого АТП оказались недостаточными для выполнения всех задач, СНПП «Спецтяжавтотранс» выполняло такие перевозки в необходимых случаях и на Украине с 1978 по 1990 годы. Поэтому в конце сентября 1986 года, по распоряжению Совмина СССР, Минавтотранс РСФСР обязал СНПО «Спецтяжавтотранс» обеспечить перевозку балки весом около 180 тонн и длиной около 45 метров для установки над разрушенным 4 блоком ЧАЭС.

ГУЩИН Владимир Васильевич — инженер-строитель, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

Обеспечение перевозки автотранспортными средствами было возложено на Московское Областное Специализированное Объединение по перевозкам КТГ «Спецтяжавтотранс» (г. Пушкино М.О.) Водители этого автопредприятия: Петр Шевчук и Анатолий Фролов в апреле 1986 года осуществили перевозки экспериментальной установки пожаротушения из г. Балашихи Московской обл. на Чернобыльскую АЭС и были свидетелями аварии, а впоследствии и эвакуировали население городов Припять и Чернобыль, передав установку, они покинули Чернобыль в первых числах мая 1986 года. Несмотря на неоднократные обращения руководства МОСПО в Минавтотранс РСФСР, статус участников ликвидации аварии на ЧАЭС гг. Шевчуку П. и Фролову А. представлен не был.

От ПКБ «Спецтяжавтотранс» для принятия проектно-организационных решений и их выполнения на месте была сформирована рабочая группа из 3-х человек: Главного конструктора проекта — Пыкова Евгения Николаевича и меня, и с водителем Вахненко Владиславом Васильевичем (МОСПО) на а/м РАФ и отправлена на место работ. В первых числах октября 1986 года, через сутки пробега, мы прибыли в п/л «Голубые озера» п. Тетерев Киевской области, где зарегистрировались, получили предварительные инструкции и спецодежду и до прибытия автомобильного отряда были размещены в одном из бывших пионерлагерей. На следующее утро, прибыв в Чернобыль, провели совещание в автовокзале со службой главного механика УС-605 по организации предстоящей перевозки, затем после прохождения медосмотра и получения пропусков были ознакомлены с документацией на изготовление балки. Выехали на место изготовления балок, ознакомились с ходом работ, предварительно обследовали монтажную площадку ЧАЭС, трассу перевозки и предварительно наметили мероприятия по обеспечению перевозки балок к 4-му блоку ЧАЭС.

Вечером этого дня в Чернобыль

В.В. Гуцин

прибыл автоотряд МОСПО. Руководитель отряда Осипов Сергей Борисович, водители и операторы Белых Алексей Петрович, Буков Андрей Павлович, Гизатулин Михаил Алексеевич, Глухов Юрий Иванович, Голубкин Николай Васильевич, Давыдов Аркадий Георгиевич, Клоков Анатолий Алексеевич, Коваленко Андрей Павлович, Кулагин Владимир Алексеевич, Минин Николай Леонидович, Муратов Василий Иванович с тягачами «Фаун» хц 4640/49 и «Ураган» МАЗ 7310, 4-мя модульными транспортными средствами «кометто» г/п. 100 т каждые, тягачом КраЗ и п/п МАЗ, перевозящем опорно-поворотные столы, элементы крепления и другое дополнительное оборудование, и оснастку, автомастерские на базе «Стар-66» и а/м сопровождения и прикрытия ГАЗ-24, КАВЗ. Автотехника была размещена в гараже Чернобыльской «Сельхозтехники» а личный состав автоотряда расположился в оборудованном под общежитие одном из зданий на территории бывшей «Сельхозтехники».

Во избежание потери времени от ежедневных поездок из пионерлагеря в Чернобыль, Пиков Е.Н., Вахненко В.В. и

я так же перебрались в это общежитие, после чего приступили к подготовке транспортировки.

Были проведены работы по сборке автопоезда в штатное для перевозки балок состояние, разработке схемы транспортировки, изготовлению по чертежам Пикова Е.Н. ложементов, дополнительной оснастки и элементов крепления груза в мастерских бывшей «Сельхозтехники» силами монтажного района УС-605, их установке на транспортное средство. По нашим рекомендациям были проведены работы по обустройству трассы перевозки: снос мешающих проходу автопоезда ж. б. опор отключенной ЛЭП, обустройство железнодорожного переезда ХЖТО, строительству пандусов для въезда и выезда автотранспортных средств с грузом и площадки разгрузки в зоне работы крана «Демаг»6000.

В конце первой декады октября 1986 года, после завершения изготовления балок на монтажной площадке, перевозка по маршруту: площадка у базы стройиндустрии — 4 блок ЧАЭС была успешно осуществлена, причём, общий вес балки с дополнительным оборудованием по данным динамометров транспортного средства «кометто» составил более 220 тонн. Вскоре была перевезена балка для прокладки коммуникаций по этому же маршруту, длиной то же около 45 метров, но значительно меньшим весом. Обе балки были установлены «Демагом» на 4 блок ЧАЭС.

После завершения этих работ к нам обратилось руководство УС-605 с заданием перевозки металлических блоков кровли «Саркофага» весом около 60 тонн от монтажной площадки на окраине города Чернобыля, напротив зданий «Сельхозтехники» до 4 блока ЧАЭС. Эта перевозка, после проведения всего комплекса подготовительных работ выполнялась на протяжении второй декады октября 1986 года. Ещё до завершения этой работы к нам обратилось «Укрспецстальконструкция» с просьбой осуществить

транспортировку блоков фасада саркофага весом около 110 тонн каждый от монтажной площадки, расположенной за поворотом на город Припять у автодороги г. Чернобыль—ЧАЭС до 4 блока. После проведения всего комплекса подготовительных работ и перевозки нескольких первых блоков наша задача на этом закончилась.

Мы с Пиковым Е.Н. и Вахненко В.В. покинули ЧАЭС. Автомобильный отряд МОСПО полностью завершил работы в конце октября 1986 года и вернулся в город Пушкино Московской области.

Всего за время работы было перевезено более 2 тыс. 600 тонн металлоконструкций саркофага, что являлось для СНПО «Спецтяжавтотранс» рядовой операцией. Отличием от других перевозок были только условия её проведения. Нельзя не отметить согласованность и взаимопонимание в работе со смежными подразделениями УС-605, безукоснительное, быстрое и точное выполнение всех наших требований и рекомендаций в выполнении работ, способствующих выполнению перевозок.

Весь коллектив автомобильного отряда проявил полную самоотдачу, но в наиболее неблагоприятных условиях находились операторы «кометто», которые должны были управлять транспортным средством, находясь непосредственно за задними его колесами и в сухую погоду — пыль, а в дождь, грязь с включением частиц зараженного грунта с дороги постоянно летели на них. Помню, когда дневная доза облучения, полученная Кулагиным В.А., значительно превысила допустимую, он был отстранен от работы на следующую смену. Тем не менее, размер суммарной дозы облучения, указанный в справках, у всех участников перевозок оказался незначительным. Наблюдался в 1996 году в п-ке 2 ЦКБ. В ноябре-декабре был госпитализирован во 2 ЦКБ. Потом лечился в п-ке ЦКБ №2, по месту жительства, и в Институте профилактической медицины, по рекомендации которого 11.12. 1997 —

16.01.1998 года прошел Мосгоркомиссию и признан инвалидом 2 группы в связи с аварией на ЧАЭС.

Чернобыльский район — моя родина

Е.Б. ДЕМКИНА

Я родилась в 1967 г. в с. Дитятки Чернобыльского района Киевской области, украинка, в комсомол принята в 1981 г. С 1982 по 1985 г — училась в чернобыльском медицинском училище. В 1985—1986 гг. работала медсестрой в Горностайпольской участковой больнице Чернобыльского района Киевской области. В больнице работала постовой медсестрой. С 26 апреля по 16 мая 1986 года принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. И с 16 мая по 14 ноября 1986 года продолжала работать медсестрой в Горностайпольской участковой больнице.

По указанию из района наша больница перешла на казарменное положение. Мы работали день и ночь, пока не вывезли всех людей из тридцатикилометровой зоны вокруг АЭС. Мы, как медики-военнообязанные, молодые девушки, комсомолки, приняли активное участие, чтобы помочь спасти людей. Ни одна из нас не отказалась, потому что это наша Родина и как много людей помогало нам со всего Советского Союза. Работали мы поначалу без дозиметров, в своих халатах. Потом нам дали дозиметры, но хотя и велись записи наших доз, какую я дозу получила, точно не знаю. Косвенно 35 бэр, думаю не меньше. В зону я ездила в качестве медсестры бригады скорой помощи. Там оказывали помощь, по домам забирали постельных больных и стариков. Я с медсестрами и водителями на носилках из

Е.Б. Демкина

домов выносили больных, потом эвакуировали, кого в больницу, кого на автобусах вывозили в дома перстарелых, санатории и пансионаты. Нам поступили таблетки йодистого кальция и капли, которые мы раздавали в каждый дом, в каждую семью индивидуально, всему населению окружающих деревень. А ещё я с другими медработниками и обслуживающим персоналом больницы поочередно набирала песок в мешки, для тушения пожара на ЧАЭС. Потом прилетали вертолеты и забирали мешки с песком. В зоне я работала в селах: Андреевка, Терехи, Куповатое, Опачичи, Иловница и в городе Чернобыль. Со мной работали наши медсестры: Литвин Наташа (старшая медсестра), Гребенюк Надежда, Бацман Галина, Музыченко Елена, Чиколовец Валентина, Юрченко Вера, Иванова Лидия Александровна, Смеян Василий Иванович, наш лаборант Любовь Ивановна, водители Николай, Виктор, наши санитарки и повара. Все силы, знания, помощь отдавали наши врачи: педиатр — Сосновская Валентина Константиновна, терапевт — Гуринова Валентина Владимировна и главный

ДЕМКИНА Елена Болеславовна — медицинский работник, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, (1986).

С.В. Демкин

врач нашей Горностайпольской участковой больницы Гуринов Евгений Анатольевич. Все старались с заботой и вниманием относиться к пострадавшим людям. Жителям деревень и городов пришлось покинуть свои дома, свою родную землю и все, что они нажили за всю свою жизнь. Пришлось расставаться с родными. Уезжали, кто куда мог, люди еще надеялись вернуться в свои дома. Были случаи, когда у людей от такого сильного стресса случались инфаркты и инсульты, люди умирали, когда были уже эвакуированы из зоны бедствия. В один из вечеров, когда мы были на казарменном положении в больнице, к нам за помощью обратилась бригада пожарников, ехавших на ЧАЭС. У них было очень высокое артериальное давление и боли. Мы им делали уколы, капельницы. Они отлежались немного и поехали тушить пожар. Молодые, красивые ребята, ехали туда, где опасно для жизни. Мы их провожали со слезами, как родных. Как хочется, чтоб они были живы. В те трудные дни все были объединены, сплочены, как никогда. Было много бетоновозов, колонны пожарных машин со всего Советского Союза.

Грузовики с милицией и солдатами,

бронемашины, машины скорой помощи, которые приехали из других областей Украины на помощь пострадавшим жителям.

С ноября 1986 по 1995 год я жила в Подмоскowie, я здесь работала по 1995 год в Центральном госпитале МВД России медсестрой, где неоднократно и проходила лечение в стационаре.

Теперь живу в Москве. С 1995 по 1997 год работала медсестрой в поликлинике № 224 г. Москвы, где проходила лечение и сейчас там лечусь. С 1997 года я на пенсии по инвалидности, инвалид 2 группы.

Мой муж Сергей тоже ликвидатор последствий аварии на ЧАЭС в 1986 году.

От Волги до Припяти

С.В. ДЕМКИН

Родился я 10 июля 1962 года в городе Волгограде.

В район аварии был направлен в составе инженерно-саперного батальона, входящего в состав дивизии внутренних войск им. Дзержинского. Задачу выполняли с 14 мая по 13 сентября 1986 года.

В районе аварии командовал взводом, который выполнял задачи в составе батальона по возведению и оборудованию тридцатикилометровой и десятикилометровой зон и строительству караульных помещений. Все солдаты, которые находились вместе со мной, проявили мужество, показывали отличные результаты в работе.

По окончании командировки большинство были награждены правительственными наградами. Сейчас пенсионер с июня 1998 года. На излечении нигде не находился. После завершения командировки все кто там находился,

---

ДЕМКИН Сергей Викторович — военнослужащий внутренних войск, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

прошли полное медицинское освидетельствование в г. Москве.

В разгар весеннего сева

Н.С. ДВОРОКОВСКАЯ (ШУБЕНОК)

Родилась я в д. Михновка, Брагинского р-на, Гомельской обл., Республики Беларусь. В 1983 году окончила Угловскую среднюю школу, в 1984 году окончила Гомельское кооперативное профтехучилище. С 1984 года началась моя трудовая деятельность, но с апреля 1986 года всё изменилось. До этого всё шло своим чередом, но после катастрофы на ЧАЭС всё вокруг перевернулось.

В первые дни, когда это случилось, никто ничего не знал. Мы все занимались своими делами. В это время шла посевная, и все были заняты только этой проблемой. Как сейчас помню, вся наша семья, и жители деревни не могли понять, почему такая сухость во рту, немного пощипывало язык и непонятные ощущения в области щитовидки (всё равно как першило). У многих это ещё проявлялось в виде тошноты и расстройства желудка. Все эти симптомы ощущала я и все члены нашей семьи. В первые дни никто ничего не сообщал.

4 мая в нашу деревню была переселена вся деревня Гдень. Эта деревня находилась, как правительство определило зоны, в зоне отчуждения. Люди были выселены только с тем, что успели взять — это документы и необходимые вещи. В каждую семью нашей деревни было переселено по одной, две семьи, жили все вместе дружно, так как случилось горе. В нашем доме жила семья Моисеенко, состоящая из пяти членов семьи, двое взрослых и трое детей. Очень тяжело вспоминать, как эти люди переживали, ведь

ДВОРОКОВСКАЯ (ШУБЕНОК) Наталья Семёновна — председатель общественной чернобыльской организации района «Выхино-Жулебино» г. Москвы, в момент катастрофы на чернобыльской АЭС проживала в зоне высокой радиоактивности.

Н.С. Дворокдовская (Шубенок)

всё было нажито тяжёлым, непосильным трудом. Они ничего не смогли взять с собой, ведь было сказано, что всё нормализуется, но потом объяснили, что ничего нельзя брать, так как всё заражено. Но через какое-то время некоторые жители д. Гдень всё-таки пробрались в свою деревню и обнаружили, что их деревню начинают потихоньку грабить (началось мародёрство).

Переселённые из деревни Гдень жили у нас до конца лета, кто-то вернулся жить обратно, кто-то пошёл, как можно выразиться, по «этапу» в Холмич, так как оказалось, что радиация выше в нашей деревне. Никто не говорил, что нашу деревню и многие другие, которые не входят в тридцатикилометровую зону, задело больше, многое умалчивалось. Со слов военных, нужно было делать зону, поражённую радиацией, больше и отдать под полигоны, или выселять те населённые пункты, на которые выпало радиоактивное облако.

Но ни то, ни другое не было сделано.

И что бы как-то сдержать волну выезда людей, стали платить очень «хорошие деньги» («гробовые» — так их называют, по сей день). Многие остались, не догадываясь о последствиях, которые скрывались от народа, а руководство СССР всё сделало не для людей, а во вред. А оставшиеся люди, это большой полигон для испытаний.

В это время моя младшая сестра 1974 года рождения училась в школе, и только после майских праздников (6 или 7 мая) всю школу выселили в д. Уборки Лоевского района и всех 9 мая в приказном порядке отправили на демонстрацию. Затем детей-школьников отправляли к морю в Крым, а ведь этого делать нельзя было, т.к. дети уже были облучены. Ведь люди, получившие облучение, особенно дети, не должны подвергаться ещё и солнечному облучению. И это мы узнали только через несколько лет.

В настоящее время я, моя сестра (Каливошко Валентина Семёновна), мои братья, мой муж и все люди этих радиоактивных зон имеем «букет» заболеваний. В настоящий момент я на инвалидности, муж так же инвалид, у сестры выпали зубы, обнаружено заболевание щитовидки, мучают частые головные боли. Дети, рождённые в заражённой зоне, очень ослаблены, часто болит голова, слабость, болят суставы и из носа часто идёт кровь. Вот что получили местные жители.

На тот момент в магазинах было всё, но со временем всё стало пропадать и ели то, что вырастили на огороде. Воду из колодцев запретили пить, были сделаны колонки, но сейчас трубопровод не исправен, и люди пьют из колодцев. Приезжали замерять радиацию военные и гражданские, они говорили, что можно кушать, а что нельзя. Все несли продукты на проверку. Говорили: клубнику нужно скосить, чтобы не было соблазна у детей, не есть много немых яблок, груш, слив. И те, кто замерял радиацию, говорили, что нужно пить красное вино или водку, так как это помогает. Желательно работать на поле и в огороде в «лепестках»,

которые были розданы в деревне. Но в них никто не работал, так как толком разъяснений не было, и было очень неудобно. В то же время до конца никто не осознавал о последствиях, и что необходимо делать.

Конечно, первое время жизнь кипела, брала своё. Но, оборачиваясь назад, понимаешь, как всё-таки с нами поступило неправильно руководство такого могущественного государства. В тот период никого просто так не отпускали, кроме родителей, у которых были малолетние дети, чтобы не было паники. Ведь нужно было убирать урожай, который созревал в зонах. Особенно это касалось молодых ребят, которые стояли в военкоматах на учёте, и вообще молодых людей. И пока не был убран урожай, вплоть до поздней осени, не было и речи о выезде.

А теперь наша категория по закону вообще почти всего лишена. Получается, пострадавших местных жителей не существует вообще, тем, которые выехали, и больным людям этой категории вообще не возможно увязать заболевание с аварией на ЧАЭС, так как отвечают, что мы должны будем дать эти группы половине России. Просто до глубины души обидно, что, к примеру, я, имея 2 группу инвалидности, кучу всяких заболеваний, остаточная доза облучения у меня 17,8 Р, в свои молодые годы не могу получить группу инвалидности, связанную с аварией на ЧАЭС, а липовые чернобыльцы покупают за деньги всё, вплоть до инвалидности. Ведь мы не виноваты, что родились и жили в этих районах, и пострадали не понаслышке.

Можно писать очень много о тех людях, которые выехали, о тех, кто живёт. Ведь до сих пор я приезжаю к родителям и вижу все проблемы, которые не решаются в Белоруссии, и такие же в России. Обидно за Державу, которая не помогает решать наши проблемы, а ещё больше их создаёт, ведь мы пострадали не по своей прихоти, а по халатности государства.

Я желаю всем пострадавшим здоровья, счастья и удачи.

От 3 до 7

М.И. ДРОБКОВ

Я, Дробков Михаил Иванович, родился в 1948 году в Брянской области, в с. Ширки Красногорсклгг р-на. В 1953 году родители переехали в Тульскую область: Богородицкий район, шахта 2/3. Отец — участник Великой Отечественной войны, инвалид.

Школу окончил в 1966 году и поступил в танковое училище, но не стал учиться. Пошёл работать на ЖБИ электриком, потом арматурщиком. В 1967 году призвали в армию, служил на Байконуре. В 1969 демобилизовался, приехал в Москву. С начало работал слесарем-ремонтником на ЗИЛе, потом перешел на стройку. С 1972 года начал работать камнетесом-гранитчиком. В 1986 году принудительно призвали на ликвидацию аварии ЧАЭС в Чернобыле (сказали, если не поедешь, то получишь от 3 до 7 лет тюрьмы).

Был направлен в в/ч 75223 пос. Пески Иванковского района, Киевской области. Работал в зоне ЧАЭС, 3 зона (оплата в 5-ти кратном размере, убирали мусор под станцией). Там нам ставили 0,2 рентгена+0,3 рентгена за дорогу, по которой привозили на ЧАЭС.

Потом работал на ПУСО-1 «Лелёв». Получил суммарное количество радиации 21,66 рентген. После возвращения начались болячки. Надо было учить детей, болеть некогда. Ушел на пенсию, как ликвидатор 1986 года в 50 лет. Правительство прибавило к пенсии 49 рублей. Спасибо.

Сейчас инвалид 3 группы. Ждал 4 года, чтобы добиться признания инвалидности. В 2002 году обратился в военкомат (комната №8 на Зеленодольской). Посмотрели мои документы и сказали, что орден «Мужество» положен, но

ДРОБКОВ Михаил Иванович — рабочий-строитель, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

М.И. Дробков

они оформляют только офицеров, а я рядовой. Обидно было слушать, ведь работал наравне со всеми, пострадал. Меня демобилизовали раньше, чем горьковских ребят, которые были с 3 мая, а я с июля. А сейчас никому не нужен, кроме семьи.

Командировка в Чернобыль

А.А. ДЬЯЧЕНКО

В локализации и ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы были задействованы более 600 тысяч специалистов министерств и ведомств, кадровых и призванных из запаса военнослужащих.

ДЬЯЧЕНКО Анатолий Александрович — полковник в отставке, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук Министерства обороны РФ, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986—1987).

Для обеспечения профессионального выполнения работ войсковыми частями по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в мае 1986 года в МО был создан Научный центр (НЦ) численностью около 200 специалистов (химики, медики, инженеры, представители гражданской обороны и др.) Основными задачами НЦ являлись разработка рекомендаций, методик, инструкций по выявлению радиационной обстановки (параллельно с другими организациями, в том числе и с Госкомгидрометом). Кстати, дублирование в этих вопросах вполне оправдано. Причем эта задача была долговременной из-за того, что радиоактивные выбросы из взорвавшегося реактора были различной интенсивности и не одноразовыми. Они продолжались длительное время. Не менее важной была задача, связанная с разработкой рекомендаций для войсковых частей по дезактивации объектов АЭС, населенных пунктов, местности, техники и др.

Для решения вышеуказанных задач штатным расписанием НЦ были предусмотрены соответствующие научные управления. Обеспечение научной работы в НЦ выполнялось отделами: плановым, финансовым, информационным и др. В оперативное подчинение НЦ также вошли авиационная эскадрилья, рота БРДМ и БМП, транспортных машин, узел правительственной связи и другие подразделения обслуживания.

В течение двух дней (27 и 28 мая 1986 года) в Москве, на базе НИИ ГО СССР был сформирован этот центр, и с личным составом были проведены организационно-инструктивные сборы.

С подмосковного аэродрома на самолетах специалисты были доставлены к месту дислокации (г. Овруч Житомирской области).

Первым начальником центра был назначен первый заместитель начальника главного штаба Сухопутных войск генерал-лейтенант Федоров Алексей Константинович, начальником штаба — на-

чальник института Гражданской обороны, доктор технических наук, профессор генерал-лейтенант Дутов Борис Павлович, а заместителем по научной работе — начальник Института химических войск, кандидат технических наук полковник Разуванов Роберт Федорович.

Оказывается, как ни странно, войсковые части рождаются, растут, достигают зрелого состояния (процветают или чахнут), умирают, как и все живые существа. Однако, в отличие, например, от человека, рождающегося, как правило, на свет божий без запрограммированного конкретного предназначения с обоюдного согласия двух любящих и преданных друг другу особ, рождению войсковых частей предшествуют строгие, коллективные предварительные расчеты и обоснования. Определяются цели, задачи, состав и структура и другие исходные данные войсковых частей.

Вышестоящие войсковые учреждения, их командиры и начальники, отвечают за обеспечение успешного функционирования создаваемой части. Они не хуже теток, бабушек и дедушек, разрешают возникающие многочисленные нестыковки, добиваясь создания цельного, слаженного, отвечающего конкретным требованиям нового войскового организма. В экстремальных условиях, при дефиците времени, рождение войсковой части усложняется многократно. Что же касается последних дней и часов жизни войсковых частей, то они, как и человек, могут «погибнуть» при боевых действиях, в одночасье. В мирных же условиях, в отличие от человека, «гибель» войсковых организмов планируется. Проводятся многочисленные мероприятия по ликвидации войсковых частей (не менее чем при их создании). Причем память о них сохраняется в архивах на века.

Много лет прошло с тех трагических дней весны 1986 года, но они навечно останутся в истории нашей страны.

Казалось бы, должны уйти из памяти подробности, отдельные события, эпи-

зоды действия личного состава войсковых частей и подразделений, в том числе и Научного центра 1039 МО СССР, но это не происходит. Так уж, наверное, устроен мозг человека, что он, помимо субъективного желания, способен запомнить и воспроизвести отдельные картины прошлого вполне отчетливо и конкретно.

Катастрофа на ЧАЭС была воспринята широкими слоями населения страны с тревогой и озабоченностью. О том, что же будет дальше, высказывались всевозможные предположения. Тем более, как известно наша пресса тогда не имела доступа к достоверной информации о состоянии объектов ЧАЭС, радиационной обстановки в регионе катастрофы и в целом по стране. Не было достаточной информации и в нашем управлении (институт ГО СССР), в котором я работал начальником отдела. Естественно, в штабе ГО СССР такая информация имелаась.

По профилю работы нашего отдела я был практически далек от проблем, возникших в районе катастрофы. Но все мы были морально готовы, по первому требованию, к убытию в район бедствия. Прошел май, июнь в повседневных заботах и ожидании возможной командировки.

И вот, в первых числах июля 1986 года мне было выдано предписание в Научный центр МО, дислоцировавшийся в то время в г. Овруче. Что особенно осталось в памяти от периода подготовки к командировке, так это прихвативший меня радикулит, причем в достаточно жесткой форме. Я оказался, как говорят в этом случае, в нетривиальном состоянии. Доклад о болезни привел бы к отмене поездки. Но каково было бы мое самочувствие и мнение обо мне моих коллег?.. Скрыть — и не ясно, что будет дальше? Я, конечно, выбрал второй вариант. Никому ничего не сообщил о состоянии здоровья. Жена помогла собрать необходимые вещи. На такси отвезла и Киевский вокзал, загрузила

меня в вагон, всхлипывая и поругивая и меня и всех, и все. В поезде мне стало значительно легче (на что я и надеялся).

Через сутки доехали до станции Коростень. На железнодорожной платформе нас встречали представители Научного центра. Остальная часть пути до города Овруч была проделана на узике в разговорах и расспросах. Конечно, мы интересовались всем: состоянием реактора, уровнями радиации, предстоящей работой, размещением и другими вопросами.

Научный центр в Овруче занял территорию танкового полка, который, обычно летом убывал на полигон, где совершенствовалась боевая подготовка экипажей подразделений. Территория полка была достаточно обширной: с общежитиями, хранилищами, спортивным городком, клубом и другими неотъемлемыми для учебно-боевой подготовки и отдыха танкистов элементами.

Принял нас начальник центра. Мне была предложена должность начальника отдела анализа и обобщения информации. Конечно, в тот момент у меня и в мыслях не возникали вопросы о том, что за отдел, какие он решает задачи, какими специалистами он укомплектован. Все было воспринято чисто по военному. Раз надо, так надо.

У начальника штаба Научного центра (до Чернобыля — мой прямой начальник) я получил более конкретный инструктаж, так как отдел информации не входил в состав управления и подчинялся непосредственно начальнику штаба Научного центра.

Хотелось бы особенно подчеркнуть достаточно высокие должности, с которых прибыли первые руководители Научного центра. Такой выход был оправдан. Многое, что предстояло сделать личному составу, было или весьма сложным, или вообще новым. Весь период дальнейшего функционирования Научного центра, успешное решение плановых и неплановых задач подтвердил это. В последующем руководителями Научно-

го центра назначались профессионально подготовленные специалисты, но их должностной уровень был пониже.

Прием должности начальника отдела от убывающего в Москву сослуживца не занял много времени. Кстати, он был откомандирован из Научного центра досрочно, т.к. ранее получил определенную дозу облучения. Ему, по действующим нормативным медицинским документам, был ограничен допуск в загрязненные районы.

С первых дней, если не часов, на меня навалился огромный поток распоряжений, простых и закрытых телеграмм, телефонных звонков из управлений ГШ ВС, округов видов ВС, в которых что-то срочно требовалось, выяснялось, рекомендовалось. Однако главными были ежесуточные 2-х разовые доклады в ГШ, запросы аппарата Министра обороны. Информацию для докладов мы получали с секторов и от оперативной группы Научного центра, расположенной в г. Чернобыле (вполне естественно, что наибольшую тревогу и озабоченность местного и руководящего состава МО вызывала складывающаяся обстановка по ликвидации последствий катастрофы непосредственно на АЭС и на ближайших объектах).

Основную информацию о ходе работ по ликвидации последствий катастрофы отдел получал от оперативной группы НЦ. Ей приходилось в первую очередь обеспечивать дезактивационные работы на АЭС и на близлежащих объектах и территориях. Здесь происходили основные события.

Существенную озабоченность руководства МО, страны занимали вопросы дезактивации населенных пунктов. Сверху постоянно «нажимали», требовали ускорения работ с целью эвакуации населения на прежние места проживания в 30-км зоне. Не сразу все поняли, что повторные и многократные дезактивационные работы в населенных пунктах определяются не результатами некачественной работы личного состава

химических войск или гражданской обороны. Оказалось, что существуют объективные причины. Основная из них — загрязнение, очищенных от радионуклидов населенных пунктов, за счет переноса радиоактивных веществ из загрязненных районов. А они по площади в сотни и тысяч раз превосходили очищенные территории.

Кроме того, из разрушенного реактора непрерывно с различной интенсивностью продолжался выброс продуктов горения. Дополнительному загрязнению населенных пунктов способствовали: неочищенная территория АЭС, особенно крыши зданий и сооружений, «рыжий лес» и другие участки местности с высокими уровнями радиации.

Высшее руководство тоже не сразу разобралось в происходящем в вопросах эвакуации. Шли грозные телеграммы, с требованиями повторного выяснения и о причинах неоднократной дезактивации одних и тех же населенных пунктов, об уровнях радиации до и после дезактивации и др.

Там, «наверху», хотелось побыстрее успокоить мировое сообщество о происходящем в Чернобыле, незначительных последствиях для населения других регионов страны и иностранных государств.

Но, тем не менее, личный состав войсковых частей продолжал борьбу с радиационной загрязненностью на широком фронте от особой зоны АЭС до последних рубежей 30-км зоны.

Научный центр, в своих ответах в ГШ, министру обороны, подробно и обстоятельно докладывал о количестве и качестве выполненных работ по дезактивации и предлагал осуществлять работы с учетом выявленных закономерностей вторичного загрязнения очищенных от радионуклидов населенных пунктов, дорог территории АЭС.

Запомнилась встреча в г. Овруче с представителями Центра оперативно-стратегических исследований ГШ (ЦОСИ) — генерал-лейтенантом М.П.

Головановым и полковником в отставке И.Д. Грабовым (с ним мы до сих пор продолжаем работу по Чернобыльской тематике). Они были направлены в НЦ в связи с тем, что приказом МО от 31 июля 1986 г. № 85 была задана комплексная НИР «Уроки и выводы из аварии на Чернобыльской АЭС для ВС, в том числе Гражданской обороны СССР», шифр «Облако». Главным исполнителем КНИР был назначен ЦОСИ ГШ. Ввиду новизны и важности тематики КНИР, в ней приняли участие главные штабы видов ВС, отдельные главные и центральные управления МО, ряд военных академий, в том числе и НЦ 1039 МО.

Обстоятельно ознакомившись и проанализировав работы, выполненные НЦ, представители ЦОСИ беседовали с сотрудниками НЦ. В это же время состоялось мое знакомство с представителями ЦОСИ. Беседа со мной в определенной мере повлияла на мою дальнейшую службу. Последние два года перед увольнением в запас я служил в ЦОСИ ГШ в должности начальника группы — заместителя начальника направления. Спланировав совместную дальнейшую работу по тематике КНИР «Облако», представители ЦОСИ убыли в Чернобыль для более детального ознакомления с ходом дезактивационных работ.

Располагаясь в г. Овруче, на значительном удалении от Чернобыля, получая информацию о работе наших коллег по телефону или при личном контакте после их прибытия к нам, всем нам хотелось, конечно, быть на переднем крае борьбы, т.е. в Чернобыле.

Кроме того, после моего вхождения в свои функциональные обязанности начальника отдела информации НЦ, я убедился, что мне надо поработать в Чернобыле.

Вскоре случай для этого представился. У начальника оперативной группы НЦ в Чернобыле полковника А.А. Хомко заканчивалась командировка (по плану — 2 месяца). Нужна была замена. Узнав об этом, я обратился к генерал-майору

Евстафьеву, первому заместителю начальника НЦ. Обстоятельно побеседовав со мной, он пообещал рекомендовать меня новому начальнику НЦ генерал-майору Евдокимову Василию Николаевичу. Через некоторое время решение о назначении меня в Чернобыль было принято, и я в конце июля уехал к новому месту службы.

Конечно, можно было бы добросовестно отработать два месяца в Овруче на должности начальника отдела информации и с чистой совестью о выполненном долге вернуться в Москву.

Начальник оперативной группы Научного центра в Чернобыле

С аэродрома г. Овруч на вертолете Ми-8 прилетели в Чернобыль. Вертолетная площадка была оборудована на окраине Чернобыля. Далее на попутной машине, прибыл к новому месту службы. Оперативная группа располагалась в двух маленьких комнатах здания райисполкома, на первом этаже, рядом с авиаторами, службой тыла и разведкой. Кроме этого, часть сотрудников группы размещалась непосредственно в административном здании АЭС. На верхнем этаже в клубе, были сосредоточены все остальные подразделения оперативной группы МО. Для всего этого весь зал условно был поделен на участки, на столах стояли телефоны, счетные устройства, кто стоял, кто сидел и пытался связаться по телефону с подчиненными войсковыми частями. Отдельные группы специалистов совещались, шумели, пытаясь доказать свою правоту. Гул стоял невообразимый, как в потревоженном улье. Но, несмотря на такие явно дискомфортные условия работы, управленческие звенья оперативной группы МО успешно проводили в жизнь решения, принимаемые Правительственной комиссией и командующим оперативной группой МО.

Сходу было невозможно обстоятель-

но разобраться с задачами и объемом работ, выполняемых сотрудниками оперативной группы НЦ. Детальный инструктаж полковника А.А. Хомко внес определенную ясность в сложившуюся обстановку на АЭС. Но большая часть информации требовала дальнейшего осмысления для принятия единственно возможного решения по каждому конкретному вопросу. Бесперывно звонил телефон, представители различных министерств и ведомств пытались решить со мной определенные вопросы, но не тут то было. А тут еще позвонили из отдела информации НЦ, г. Овруч, и потребовали какую-то справку для доклада вышестоящему командованию. В этот момент мне захотелось хорошо выругаться, так как мне казалось, что при решении таких важнейших вопросов, какие отрабатывались нами в то время, кому-то нужна какая-то второстепенная справка. Но вспомнил, что это мои бывшие коллеги и что для них это не менее важная работа, чем та, которой занимался я в новой должности, пришлось изыскивать дополнительные силы и для решения этой задачи.

Яблоки

В процессе работы в Чернобыле по заданию начальника оперативной группой МО генерал-лейтенанта Г.А. Чуйко мне неоднократно приходилось выезжать в соединения и части, выполнявшие работы по дезактивации населенных пунктов, автодорог и других объектов.

В конце августа 1986 года, после работ на специальном полигоне, связанных с отработкой эффективных методов дезактивации техники, подвергшейся радиоактивному загрязнению в ходе ликвидации последствий катастрофы, нам предложили доработать действующие временные методики, регламентирующие порядок и содержание дезактивационных работ. Для этого мы со-

брались в ближайшем населенном пункте, в штабе оперативной группировки КВО, и после длительных дискуссий выработали предложения по новой методике, учитывающей результаты экспериментальных исследований, выполненных на полигоне.

Во время одного из перерывов в работе мы вышли из здания в курилку. Вокруг росли яблони, груши, которые были усыпаны прекрасными плодами. И я вспомнил свое детство, послевоенное время и кубанские сады.

Не знаю, были ли мальчишки 12-15 лет в кубанских станицах в те военные и послевоенные годы, которые не лазили бы чужим садам и огородам в поисках вкусных плодов овощей. Правда, садов в ту пору было не так уж много. Дело в том, что сельскохозяйственными налогами облагались каждое дерево, вне зависимости плодоносило ли оно или нет, каждая сотка на приусадебных участках. Поэтому деревья на огородах повсеместно вырубались, и только у зажиточных хозяев они буйно произрастали на зависть соседским мальчишкам. При Н.С. Хрущеве, эта несправедливость была устранена, и Кубань, как и прежде, покрылась многочисленными садами.

Однако вернемся в тот, рассматриваемый период. Время было голодное. Но, на мой взгляд, похождения по чужим садам и огородам определялось не этим, а чем-то другим.

На нашей улице, не далеко от места, где мы с мамой (без отца) строили небольшой турлунный дом, стояла просторная, прекрасно сохранившаяся усадьба под железной крышей. Она и сейчас еще выгодно отличается от домов, выстроенных в последующие периоды. Она была построена, как говорят, на века. Ее окружали пристройки, отдельные сараи и подвалы.

У этой усадьбы, в конце достаточно обширного огорода, размещался большой сад. В саду росли яблони. Груши, сливы и различные кустарники. Особен-

но выделялись могучие яблони различных сортов, занимавшие значительную часть сада. Я длительное время посматривал на этот сад, проводил рекогносцировку с различных направлений. Наконец, выбрав удобное время, после обеда, когда в домах закрывались ставни, и все укрывались от нестерпимой жары в прохладных комнатах, я забрался в облюбованный сад за яблоками. К моему огорчению яблок на обследованных нескольких деревьях не было (как мне стало известно позже, яблони, как правило, плодоносят не ежегодно). Только на одной из яблонь, растущей ближе к дому, я к своей радости увидел более десятка плодов. Конечно, я их сорвал, спрятал за пазуху и спешно покинул сад, порвав при этом основательно свои парадно-повседневные брюки.

Отбежав на некоторое расстояние от места происшествия, я уселся и с удовольствием съел часть похищенного. Вкус этих яблок я ощущаю до сих пор. И не потому, что я их украл. А вот почему. Когда я пришел домой, и мама приступила к проведению очередного расследования, приговаривая, где это меня носило, где я умудрился порвать последние брюки и откуда у меня яблоки за пазухой. Я, естественно, под давлением неопровержимых улик признался ей в содеянном. Она, к моему удивлению, не стала ругаться, награждать затрещинами, а как-то особенно, по-своему, посмотрела на меня. А потом через некоторое время, оглядываясь по сторонам, сказала: «А ты знаешь, сынок, это ведь дом и сад принадлежал твоему деду. Сад он сажал еще, будучи молодым, до рождения твоего отца (отец не вернулся с войны). А вскоре, после революции, дедушку раскулачили. (Причем это она сказала шепотом, хотя во дворе никого не было.) Забрали дом, постройки, инвентарь, огород... Вскоре дедушка заболел и умер». (До революции штатная власть в станице была представлена двумя казаками: атаманом и его писарем.)

Многие годы, бывая на Кубани, в родной станице и проходя по нашей улице, мимо дома, в огороде которого однажды воровал в детстве яблоки, я непроизвольно останавливаюсь. Внимательно вглядываюсь в окна дома. Как бы стараясь кого-то увидеть. Яблонь уже нет. Но растут акации вдоль забора, посаженные еще дедом. Я прислоняюсь к одной из них, прислушиваюсь к шуму в стволе акации и шелесту листьев. Слезы наворачиваются на мои глаза. Где-то там, в конце огорода я вижу молодого деда вместе с отцом. Через мгновение духовно очищенный ухожу, чтобы продолжить свой земной путь, отмеренный мне судьбой.

Вот такие непростые воспоминания нахлынули на меня в один из дней пребывания в Чернобыльском регионе.

Изобретательская работа

Известно, что изобретательская работа (ИР) является одной из составляющих деятельности научных учреждений.

В связи с этим в НИИ планированию, контролю качества выполнения ИР уделяется постоянное и пристальное внимание. Требования к ней такие же жесткие, как и к научным исследованиям.

Такая постановка в вопросе ИР в НИУ верна, т.к. каждое НИИ, занимающееся прикладными исследованиями, тем более его подразделения, обязаны иметь свою «нишу» как в исследовательской тематике, так и в ИР. А так как НИИ МО занимаются, в основном, прикладными, а не фундаментальными исследованиями, то закономерно естественное стремление руководителей НИУ получить не только результаты теоретических исследований, но и их практический выход в виде авторских свидетельств

НИИ, в котором я служил — не исключение из правил. И поэтому ИР уделялось определенное внимание. Каждое подразделение НИИ планировало ИР. Расписывались сроки заявок и др. В планах отделов, сотрудников выделя-

лось специальное время на проведение патентного поиска, разработку и оформление заявок. Систематически контролировался ход разработок заявок на предполагаемые изобретения. Обсуждалось состояние ИР на научно-методических советах подразделений и др. Таким образом, в НИИ была создана достаточно строгая система, обеспечивающая своевременное выполнение плана НИР.

Работы по ИР было много, особенно бумажной, а выход, как правило, незначительный. Процесс растягивался по времени. Выполнение плана ИР любой ценой приводило к формализму. Подавались заявки на предполагаемые изобретения, не в полной мере соответствующие профилю выполняемых НИР, а из других областей. Конечно, руководство НИИ в таких случаях проявляло определенное недовольство, но строгих оргвыводов не делало. Наверное, и они в душе считали, что ИР — не главное в работе института.

В моей памяти навсегда остался эпизод, связанный с ИР в НИИ, вызывающий и до настоящего времени чувство неудовлетворения самим собой как специалиста, не умеющего до конца отстаивать свою точку зрения.

Так вот. Отрабатывался темник по ИР института. Каждый отдел готовил свои предложения и защищал их у руководства института.

К этому времени мною был накоплен опыт в изобретательской работе. Имел около 10 авторских свидетельств в области авиационной и ракетной техники (до Гражданской обороны служил в авиации и ракетных войсках). Было достаточно хорошо развито интуитивное чувство на перспективность разрабатываемой заявки на предполагаемое авторское свидетельство. Мог почти безошибочно предсказать вероятность положительного решения по конкретной заявке. Конечно, в той области, где у меня были достаточно глубокие познания. Новизна и эффект предлагаемого тех-

нического решения «вычислялись» мною интуитивно. И только потом проводились расчеты, при необходимости — эксперименты, составлялась формула изобретения, проводился патентный поиск и др.

Настал и мой черед доклада руководству НИИ. Здесь и ниже фамилия одного из руководителей, который заслушивал предложения отдела, опущена. Прошло время. И нет необходимости ворошить «старые раны»... Не помню, как долго готовил я свои предложения. Но суть их сводилась к необходимости разработки специальной техники для работ в условиях высоких уровней радиации после ядерного воздействия.

Для убедительности мною были подготовлены две или три формулы предлагаемых технических решений, имеющих высокую вероятность получения авторских свидетельств.

После моего доклада руководству мне было сказано примерно следующее: «На вооружении Гражданской обороны в соответствии с принятыми решениями находится народнохозяйственная техника и другой техники нам не надо». Конечно, это был ответ чиновника. А не руководителя научного учреждения.

Мои недостаточно настойчивые возражения руководству не возымели действия. Я ушел, как говорят, «не солоно хлебавши». Получилось так, как мудро подмечено в одной из армейских поговорок: «зашел к начальнику со своим мнением, а вышел — с его».

Покинув кабинет начальника, я не восстал, не возмутился, а, честно говоря, смирился с решением руководства. И только в Чернобыле я дал волю критике решения руководства НИИ и самокритике моей беззубости при докладе о перспективной тематике изобретательских работ. Войска столкнулись с отсутствием специальной техники, оборудования, применяемых в ходе ликвидации последствий катастрофы. Все лихорадочно бросились искать необходимую технику, материалы не только внутри

страны, но и далеко за ее рубежами. В спешном порядке разрабатывались способы дезактивации, хотя позади уже был Кыштым и другие аварии.

Примеров можно привести множество. Это, прежде всего, роботы, закупленные за рубежом и сразу вышедшие из строя. Это дозиметры, не приспособленные к замеру низких уровней радиации. Это автобетононасосы западногерманских фирм «Путцмайстер» и «Шванг» со стрелами для подачи бетона до 52 46 метров, оборудованные выносными пультами управления и телекамерами. Сюда же относится и уникальный кран «Демаг», грузоподъемностью с основной стрелой до 600 т. С его помощью монтировались блоки металлоконструкций весом 160-180 т при вылете стрелы до 78 метров.

Не зря говорят у нас, что «пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Подтверждения этому известны. Но все же, по крупному, скажем.

Известно, что Вторая мировая война дала толчок, явилась мощным катализатором дальнейшего технического прогресса. Это атомная промышленность, авиация с реактивными двигателями, ракеты и многое другое.

Так и Чернобыль, как катализатор, обеспечил ускоренное развитие технических средств в стране и за рубежом, обеспечивающих эффективное проведение работ по локализации катастрофы и ликвидации ее последствий.

Сложившиеся неблагоприятные радиационные условия обусловили уже на первых этапах ликвидации последствий катастрофы поиск таких предприятий промышленности, которые с учетом «горького» опыта в кратчайшие сроки смогли бы что-то сделать для обеспечения труда ликвидаторов, заменить «биороботов», как с горечью в душе называли ликвидаторов, участвующих в дезактивации особо загрязненных сооружений на ЧАЭС.

Так, к разработке и созданию роботов, только на первом этапе, были под-

ключены ВНИИ «Трансмаш», НПО «Электронмаш», НПО «Источник». ВНИИ Телевидения, НПО «Энергия», МВТУ им. Баумана и др.

А какова была возможность ИР в научном центре МО в Чернобыле в то период? Достоверно можно утверждать следующее:

1. «Ниша» для изобретательства по чернобыльской тематике была фактически пуста и ждала своих изобретателей.

2. Времени для подготовки заявок на предполагаемые авторские свидетельства почти не было.

Как руководителю группы НЦ в Чернобыле, мне неоднократно приходилось быть на совещаниях, проводимых на различных уровнях многоступенчатой системы управления ликвидацией последствий катастрофы.

Обычно совещания были непродолжительными, деловыми. В ходе докладов исполнителей конкретизировались сроки, объемы выполняемых работ. Назначались ответственные. Строго спрашивалось за качество и своевременность выполнения конкретных мероприятий. Обычно начинались совещания с докладов о проделанной работе за истекший анализируемый период. В случае невыполнения плановых заданий обстоятельно разбирались причины срыва работ, намечались конкретные пути выхода из создавшихся условий.

Были и «накачки». Но без грозных окриков и оргвыводов. И подчиненные, и руководители понимали необходимость выполнения работ в установленные сроки.

В ходе ликвидации последствий катастрофы возникало множество различных неувязок, узких мест, проблем, нуждавшихся в экстренном решении. Так или иначе, выходы из создавшихся тупиков находились, работы продолжались.

Но иногда появлялись проблемы, вопросы, не требующие сиюминутного решения, но нуждающиеся в кардинальном улучшении сложившегося порядка выполнения работ, в совершенствовании

В.Д. Иванкин

техники, в оборудовании, которые не могли быть выполнены сходу, а нуждались в расчетах, в дополнительном анализе и исследовании, в поиске новых технических решений. Однако времени для обстоятельной изобретательской работы, как это было до Чернобыля, в Москве, не было. Но сдвинуть с «мертвой» точки ИР хотелось. К этому времени у меня «созрела» пара предложений на предполагаемые технические решения.

Проанализировав состав сотрудников отдела, я пригласил на совещание часть из них, имевших определенный опыт ИР. К тому же, один из них имел значительный опыт в изобретательской работе (старший лейтенант С.П. Тодосейчук). Кратко пояснив цель совещания, я изложил содержание возможных технических решений (конечно, это был только «скелет», т.е. необходима была дальнейшая творческая работа по выдвинутым мною предложениям) и попросил их войти в состав авторов. Ввиду

срочности и отсутствия времени на раскачку, мною была поставлена авантюрная задача (как я сейчас считаю): к утру представить все необходимые материалы, кроме патентного поиска (патентный поиск предполагалось провести силами москвичей).

После определенного замешательства и непродолжительных дебатов о возможности выполнения поставленной задачи по времени мы все-таки пришли к консенсусу, как принято сейчас говорить. Были разделены обязанности, и все взялись за работу. К утру все было готово. Я облегченно вздохнул.

На этом примере я еще раз убедился в истинно безграничных возможностях человека. Конечно, больше таких экспериментов не было в моей практике. Сроки представления других заявок были «щадящими». Но все равно, я и по сей день, благодарен коллегам, поддержавшим то волонтеристское решение по первой заявке, представленной из научного центра МО в то нелегкое время.

В заключение необходимо отметить, что разработанные в Чернобыле заявки достаточно успешно прошли все «препятствия». Позже, уже в Москве, были получены положительные решения, а потом и авторские свидетельства.

Зона

В.Д. ИВАНКИН

С 18 июля по 11 сентября 1986 г. я принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Вечером 17 июля 1986 г. мне принесли повестку из военкомата, в которой предписывалось: 18 июля в 8 часов утра явиться в военкомат, чтобы при-

---

ИВАНКИН Виктор Дмитриевич — водитель автомашины, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

нять участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Следующий день я провел в поезде, который направлялся в г. Курск.

В г. Курсе нас переодели в военную форму и отправили в г. Киев и уже оттуда на автобусах нас доставили в часть.

Жили мы в палатках. Работал в тридцатикилометровой зоне, куда нас доставляли на автобусах. Каждый день выдавалась новая спецодежда, а в конце дня она сдавалась для уничтожения. Работал водителем на разных машинах. То поливал улицы специальным раствором, то возил грунт с 4 блока в могильник. Иногда насыпать грунт приходилось своими силами.

Работали мы через день. В свободное время наводили порядок в части. Из части свободного выхода не было. Кормили нас однообразно: тушенкой, картошкой и макаронами.

После возвращения домой я долго вспоминал этот ужас.

Сейчас я инвалид 3 группы. Живу в малогабаритной проходной 3-х комнатной квартире с женой, двумя дочерьми, тремя внуками и зятьями. И становиться обидно, что, когда государство сказало «надо» — мы готовы на любые жертвы, а когда попросишь у государства, то нам говорят «Ждите».

Мертвое поле

А.И. ИЛЬЧЕНКО

Во время прохождения действительной военной службы в войсковой части 61640 в сентябре 1986 года командиром части был направлен в зону катастрофы для решения оперативных вопросов, связанных с проверкой данных о совершении неизвестными в зоне отчуждения тяжкого преступления. В зоне катастрофы вместе с оперативной груп-

А.И. Ильченко

пой пробыл 2 дня. Перед заездом на территорию тридцатикилометровой зоны на границе в г. Иванькове прошли переодевание (сняли свою полевую форму до возвращения) в спецодежду, после чего выехали к месту происшествия. По мере продвижения картина той действительности, которая сложилась в селах, через которые следовали, производила тяжелое впечатление. Заколоченные окна, двери, бурьян, безжизненные пространства. Жалко было великолепных лесов, лугов и тех мест, где все это произошло.

Наша группа также вела сбор данных о радиационной обстановке на землях колхозов Чернобыльского района. Почва была загрязнена цезием и стронцием (превышение в 100-300 раз).

Во время пребывания в зоне жили в палатках с другими ликвидаторами (сотрудниками нашей войсковой части, которые несли службу вахтовым методом по 10 дней).

Возвратившись в Киев, хотели оставить себе на память что-либо из вещей,

---

ИЛЬЧЕНКО Александр Иванович — военнослужащий, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

Н.Г. Киселев

которые были с нами. Однако все пришлось сдать в хозотдел (вплоть до носков) для захоронения, так как вещи сильно «фонили». Когда были в зоне катастрофы, принимали так называемый «антидот» — спирт, который, говорят, полезен в таких случаях.

Лагерь назывался «Сказочный»

Н.Г. КИСЕЛЕВ

В г.Чернобыль я прибыл во второй половине сентября 1986 г. На ЧАЭС был командирован от ВНИИАЭС по запросу, подписанному директором станции АЭС. В то время я работал во ВНИИАЭС начальником отдела АСУ ТП. В запросе цель командировки была сформулирована как «оказание технической помощи при пуске первой очереди ЧАЭС». Командировать требовалось инженеров-программистов на ЭВМ-6000.

КИСЕЛЕВ Николай Георгиевич — инженер-программист, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

Мы знали, что таких ЭВМ на энергоблоках ЧАЭС не было. Выяснить подробности по телефону не удалось. Но я сам и специалисты моего отдела могли оказать содействие по работе на таких ЭВМ. В то время в Чернобыле от нашего института работали десятки специалистов. Руководство института на все запросы ЧАЭС всегда реагировало быстро и положительно. Поэтому мы выехали в Чернобыль, чтобы разобраться на месте и оказать содействие станции.

В самом Чернобыле мы жили в бывшем пионерском лагере «Сказочный», а работал в отделе дозиметрического контроля ЧАЭС. Место нашей работы было в самом городе Чернобыль, а не на ЧАЭС. Как выяснилось на станции, наш вызов был связан с тем, что данные о результатах дозиметрического контроля лиц, командированных на ЧАЭС, стали такого объема, что вручную с таким количеством информации стало невозможно работать. Каждый месяц приезжали и уезжали тысячи людей со всей страны. Мы видели, что по результатам ИДК обнаруживали людей, получивших большую дозу радиации, но эти люди уже уехали на место постоянного проживания. Их надо было разыскивать по всему СССР.

Штатная система ИДК, существующая на каждой АЭС, не предусматривала контроля за таким количеством персонала. Архив данных ИДК стал огромного размера. Необходимо было срочно автоматизировать эту работу, что мы и начали делать в Чернобыле. Для этой цели уже было закуплено несколько ЭВМ. Мы начали эту работу, но для ее выполнения было нужно много специалистов.

После Чернобыля через несколько лет у меня был обнаружен узловой зоб щитовидной железы. Я пенсионер по ЧАЭС с 1997 г., но продолжаю работать там же, во ВНИИАЭС. Был в санатории один раз в 2004 г.

Только я остался в живых

В.С. КОВАЛЕВ

В 1989 году я проходил службу в должности начальника отдела боевой подготовки штаба Гражданской обороны Красноярского края.

В сентябре 1989 года по распоряжению начальника штаба Гражданской обороны РСФСР был направлен в распоряжение начальника оперативной группы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Был назначен на должность начальника отдела разведки оперативной группы. Находился в Чернобыле в период со 2 октября 1989 года по 10 января 1990 года.

Основными задачами отдела разведки были:

- координация действий всех групп радиационной разведки;
- проведение замера раз в три дня уровня радиационного заражения на точках: г. Припять, г. Славутич, «Рыжий» лес, «могильники».

Оперативная группа располагалась в здании райкома партии в Чернобыле. Офицеры отдела разведки проживали в г. Чернобыле, а личный состав подразделений размещался в селе Оранное, за пределами тридцатикилометровой зоны и прибывал в зону только для проведения работ. Для личного контроля уровня полученной дозы у всех офицеров, сержантов и солдат имелись накопители радиации, которые носились на обмундировании на левой стороне груди. Проверка полученной дозы радиации проводилась раз в пять дней.

В моем подчинении было пять офицеров, два сержанта и солдат. В настоящее время в живых остался только я.

Питание для оперативной группы в Чернобыле было организовано очень хорошо — две большие столовые и ре-

В.С. Ковалев

сторон. Все, кто работал в отделе и соприкасался с радиацией, получали талон с двумя красными полосами. Это давало право питаться в ресторане, где было все, вплоть до красной икры. Тяжело было с водой, поэтому приходилось пить минеральную воду или напитки типа колы, фанты.

Считаю, что уровень радиации пагубно повлиял на состояние моего здоровья и здоровье моих товарищей. Негативно сказалось то, что мы работали без средств защиты в районе «Рыжего» леса и «могильника».

Перед отъездом прошел врачебную комиссию в Чернобыле и мне посоветовали по прибытии на постоянное место дислокации, в г. Красноярск, пройти еще раз обследование и начать лечение.

Начал тяжело болеть с 1992 года. В 1996 году по состоянию здоровья вынужден был уволиться в звании полковника. С 1996 года нахожусь на пенсии, инвалид 2 группы, полностью нетрудоспособен.

Награжден орденом «Мужества».

КОВАЛЕВ Владимир Семенович — полковник запаса, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1989).

Мы и без премии проживем

Е.А. КОЗЛОВА

К работам по ликвидации последствий катастрофы (ЛПК) на ЧАЭС Научно-исследовательский и конструкторский институт монтажной технологии (НИКИМТ) был привлечен в первых числах мая 1986 года. Началом работ стал вызов директора института Ю.Ф. Юрченко на совещание к министру Минсредмаша Е.П. Славскому 4 мая 1986 года. По возвращении из министерства директор собрал своих заместителей и всех главных специалистов — руководителей подразделений и, в первом приближении, рассказал о масштабах аварии и о главных направлениях, в которых он видел реальное участие института с учетом накопленного специалистами института практического опыта в работах по ликвидации аварийных ситуаций, имевших место на различных ядерных объектах страны. В число этих направлений входили задачи по очистке территорий, кровель зданий, завалов от обломков и мусора, включая и радиоактивные фрагменты активной зоны реактора, сухой дезактивации различных помещений.

Общее направление работ были сформулированы после поездки директора НИКИМТа на ЧАЭС в мае 1986 года в составе «Команды» Министерства и выхода Постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 634-188 от 25.05.86 года, по которому Минсредмашу были поручены работы по захоронению четвертого энергоблока. В соответствии с приказом №211 от 20.05.86 г. в Минсредмаше был организован Центральный штаб, в функции которого входила координация работ всех организаций Министерства, участвующих в работе по ЛПА. В

этот штаб вошел и директор института Юрченко Ю.Ф.

В соответствии с решением Министерства в общем комплексе работ по ликвидации последствий аварии на НИКИМТ возлагались следующие работы:

- разработка проектов и оборудования для очистки территории ЧАЭС;
- разработка проектов и оборудования для очистки кровель зданий второй очереди ЧАЭС;
- дезактивация загрязненных поверхностей зданий ЧАЭС с применением полимерных материалов и покрытий;
- переоборудование строительной дорожной техники для выполнения работ в условиях повышенной радиоактивности;
- изготовление оборудования, механизмов, специальной оснастки для перечисленных целей.

Основной специализацией НИКИМТа, созданного в 1961 году, была разработка комплексных технологических процессов и специального оборудования для монтажа, ремонта, реконструкции и демонтажа ядерных реакторов различного назначения. В составе института имелись сильные и многочисленные подразделения технологов-монтажников, сварщиков, конструкторов, химиков, специалистов по промышленному телевидению и автоматике, специалистов по неразрушающим методам контроля и т.п. Сотрудники института успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Поэтому, когда произошла катастрофа на ЧАЭС, НИКИМТ располагал не только практическим опытом ликвидации различных аварийных ситуаций на ядерных реакторах, но и большим научно-производственным потенциалом, который сразу был востребован, и институт занял соответствующее своей специфике место в общем комплексе работ по ЛПК, выполняемых многочисленными институтами и предприятиями отрасли и страны.

Все перечисленные направления в

КОЗЛОВА Елена Александровна — инженер-химик, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986—1987).

Е.А. Козлова

ходе работ по ЛПК (1986—1990) расширялись, уточнялись и корректировались решением Штаба Министерства и Правительственной комиссией. Участие института в ЛПК на ЧАЭС растянулось на многие годы, вплоть до начала 90-х годов. 260 сотрудников НИКИМТа в течении этого периода были командированы на ЧАЭС и имеют статус «ликвидатор».

В одном из подразделений института — отделении специальных покрытий — мне пришлось проработать многие годы, начиная с 1965 года, куда я пришла сразу после окончания МХТИ им. Д.И. Менделеева и до 1995 года. В 1986 году я работала начальником лаборатории теплоизоляционных и огнезащитных материалов. Занималась проблемами, как будто далекими от возникших проблем при ЛПК на ЧАЭС. Но обстоятельства сложились таким образом, что нашему коллективу пришлось участвовать в решении задач, поставленных перед институтом нашим Министерством.

На одном из совещаний директор

предложил специалистам подумать, как с кровель зданий, окружающих разрушенный реактор, дистанционно убрать выброшенные взрывом высокорadioактивные обломки, пыль и куски графита. На первом этапе это была одна из главных задач, поскольку закрыть разрушенный реактор при большом радиационном фоне невозможно. Наш начальник отдела и научный руководитель Юрий Николаевич Медведев предложил нам проверить оригинальную и очень простую идею: нанести на кисть клей, забросить ее на крышу с помощью крана, а потом, когда клей затвердеет, снять кисть со всем, что к ней прилипнет. Простая и замечательная идея.

Из нескольких типов клея (на основе фенолоформальдегидных, эпоксидных, полиэфирных смол и жидкого стекла) мы выбрали наиболее эффективный и не очень дорогой-фенолоформальдегидный. Разыскали на складе малярные кисти, прикрепили их к обычной сетке «рабица» и получился клеевой захват. Мы нарекли наше детище «промокашкой». Проверили устройство на земле, на крышах института и соседнего предприятия «Энерготехпром», поскольку кровельные покрытия на них в какой-то мере идентичны крышам машзалов ЧАЭС. Буквально через неделю после получения задания мы уже докладывали о нашем варианте очистки кровель Ю.Ф. Юрченко. Идея ему понравилась. Потом продемонстрировали эту технологию представителям Министерства и получили указание немедленно подготовить первую партию клеевых захватов (500 штук), а также группу сотрудников для отправки на ЧАЭС.

В подготовительные работы включился весь отдел. Сразу возникло громадное количество организационно-технических вопросов, и решать их надо было незамедлительно. «Промокашки» изготовило в Котляково предприятие «Спецмонтажмеханизация». Для изготовления кистей приспособили хлопчатобумажные отходы (концы), употребля-

емые в качестве обтирочных материалов. Для клея использовали фенолоформальдегидный клей марки СФЖ-300. Таким образом, изделие получилось недорогим и его можно изготавливать в больших количествах.

В конце мая все было подготовлено и отправлено в Чернобыль, а через некоторое время в начале июня Ю.Н.Медведев, Е.М.Гольдберг и я прилетели в зону катастрофы. Надо было продемонстрировать наш метод дистанционной очистки кровель членам Правительственной комиссии и получить «добро» на его использование. Поселили нас в селе Иваново, в доме отдыха «Строитель». Здесь в летних домиках жили сотрудники Курчатовского института и НИКИМТ. Команду нашего института, которая занималась решением вопросов, возложенных на НИКИМТ, возглавлял заместитель директора института Е.А. Логинов.

Материалы, направленные из Москвы, уже прибыли и находились на базе «Сельхозтехники» — на выезде из Чернобыля. Там же базировались и все наши сотрудники, которые занимались вопросами дезактивации зданий и пылеподавлением. Нам выделили небольшой склад, где мы и начали свои подготовительные работы с клеевыми захватами. Необходимое оборудование разыскивали по всему Чернобылю. Провели первые испытания и продемонстрировали нашу технологию очистки многим ответственным лицам, в том числе начальнику Управления строительства УС-605 В.П.Дроздову, начальнику Оперативного штаба ГКАЭ А.К.Круглову. Мы были полны надежд, что в самое ближайшее время нам разрешат начать подготовку для очистки кровель от радиоактивных отходов. Нам дали «добро» и на первом этапе поручили очистить от высокорadioактивных загрязнений часть территории, прилегающей к разрушенному зданию четвертого энергоблока единичными клеевыми захватами (1 x 1м), что мы и сделали совмес-

тно с военными. Поставку и съём клеевых захватов производили с помощью машин ИМР-2, оснащенных грейфером.

Очистка территории с помощью клеевых захватов показала их высокую эффективность. Их применение могло дополнить механический (грейферный) способ очистки на уплотненных грунтах, шпалах, асфальте, бетоне. Но все же для очистки территории этот способ применения не получил, так как эти работы уже полным ходом выполняли военные, отчитываясь при этом не только чистыми метрами территории, но и кубатурой вывезенного грунта. Мы со своей «химией» не вписывались в эти правила. Но то, что этим способом можно очистить любые поверхности дистанционно, в том числе и крыши, убедились все. Дело оставалось за техникой: как клеевые захваты доставлять на крышу и как их снимать. И мы с головой ушли в работу по подготовке очистки уже конкретной кровли реакторного зала третьего энергоблока.

Надо было найти технику. И какую! Нужны были строительные краны «Демаг». Но они были заняты на строительстве «Саркофага» — укрытия для разрушенного реактора. Было принято решение использовать вертолеты. Ю.Ф.Юрченко поддержал нас и обратился за помощью к военным, которые согласились нам помочь. Надо сказать, что вертолет не очень-то удобная техника для таких работ, так как на крыше третьего блока возвышалась еще вентиляционная труба высотой 75 м, и вертолет должен был летать и опускать клеевой захват, не задевая трубу. Это очень опасная работа, но вертолетчики с ней блестяще справлялись.

Нам разрешили первые полеты. Взлет можно было делать только с полевого аэродрома, который находился в Чернобыле. Оттуда до ЧАЭС 17 км. Группой вертолетчиков командовал тогда заместитель начальника ОГ МО СССР по авиации генерал-майор Евгений Вихорев, который нас здорово поддержи-

вал, особенно в первое время, когда еще не все ладилось из-за организационных и технических причин. Для работ готовили «промокашки» размером 4 x 4 м. Сверху к ним присоединяли металлическую пирамиду с тросом, на конце которого крепили замок для отсоединения всей конструкции от вертолета в тот момент, когда он окажется над целью.

Проверили готовность. Все готово, но «первый блин» как всегда получился комом. Состав клея был рассчитан на жизнеспособность не менее 40-60 минут. На один клеевой захват площадью 16 кв.м необходимо было около 300 кг клея. Сработал эффект массы и отверждение началось уже в ванне в момент пропитки. Вернулись на базу отрабатывать технологию.

И вот снова поле аэродрома. Наконец «промокашка», пропитанная клеем, извлекается из ванны. Дождь клеевых брызг, и вертолет уносит ее к крыше третьего блока. Внутри вертолета на полу у смотрового окна вместе с наводчиком, который определяет место сброса, находится Юрий Николаевич Медведев. Еще одна команда с другого вертолета корректирует полет. Там работают дозиметристы нашего института во главе с В.М.Дороховым. Используя рацию, совместно определяют место сброса клеевого захвата. Вертолет зависает над кровлей, «промокашка» на 100-метровом тросе накрывает часть крыши, срабатывает замок, промокашка остается на кровле, а вертолет благополучно возвращается на аэродром.

На следующий день готовим уже несколько клеевых захватов. Все идет удачно, захваты опускаются на крышу 3-го блока в места наибольших скоплений обломков. Летчики, возвращаясь на аэродром, по рации требуют: «Лена, вари кашу!», чтобы, не заглушая моторы, взять следующую ношу.

В один из полетов упростила командира взять меня с собой. При вращающихся лопастях забраться в вертолет оказалось не так-то просто. Внутри все

застлано свинцовыми листами. Лежим на полу и смотрим в окошко для наблюдателей, сделанное из свинцового стекла. Когда вертолет зависает над крышей, наблюдатель определяет место, корректирует маневры машины для точного сброса «промокашки» и дает команду на отключение замка. Когда «промокашка» легла на место можно и по сторонам посмотреть. Вот он 4-ый блок, вернее, все, что от него осталось.

По нашей технологии вертолетами было установлено 11 клеевых захватов общей площадью около 200 квадратных метров. Из них 8 — на скопление обломков с мощностью излучения не менее 200 рентген в час.

Через определенное время, когда клей застывал, набирал необходимую прочность и сцепление с крышей, «промокашки» снимали, прикрепляя к вертолетам трос с якорем на конце, которым и подхватывалась пирамидка на «промокашке». Все вместе с налипшими кусками обломков и кусками кровли отрывалось и сбрасывалось в завал 4-го блока. 5 захватов сняли с помощью вертолетов МИ-26, а 6 — с помощью крана «Либхер». Для снятия двух последних захватов, пролежавших на крыше более 40 дней, потребовалось произвести предварительный отрыв с помощью БТР за трос, один конец которого был sluщен на землю. Прикреплением троса к захватам на крыше выполнял Сергей Искандаров, инженер нашей лаборатории. Дважды одетый в свинцовый жилет, он ходил на крышу цеплять трос за клеевые захваты.

К сожалению, эти работы вскоре пришлось прекратить, поскольку вертолетные винты поднимали пыль, мешая работать людям над сооружением «Саркофага». Имеющиеся на площадке краны также были заняты. Применение всевозможных радиоуправляемых роботов как отечественного, так и зарубежного производства, не дало результатов — они мгновенно «вырубались» в интенсивных радиационных полях. Гидросмыв

оказался эффективным только при удалении незакрепленных и слабосцепленных с кровлей предметов. К тому же образовывалось большое количество жидких радиационных отходов. Они требовали сбора и захоронения. *Очистку кровли от радиоактивных обломков выполняли военнослужащие вручную.* Почему это произошло, и почему мы в тот период не отстаивали свою технологию? Хотя всем было понятно, что, используя кран «Демаг», нашими «промокашками» можно очистить кровлю дистанционно, не облучая людей. Почему же их не использовали?

В Чернобыле при разработке технологии очистки кровли от радиоактивных отходов столкнулись две идеологии: дистанционный метод очистки по «безлюдной» технологии и сбор радиоактивных отходов вручную с использованием военнослужащих и гражданских лиц. Это стало возможным, так как начали прибывать воинские части и появился Ю.Н. Самойленко, который предложил свои услуги и сказал, что он с этой кровлей справится без нашей помощи и, что «промокашки» это хорошо, но долго. Что лучше использовать людей, которые выйдут на кровлю, возьмут по куску и сбросят в завал. Был уже и приказ министра о выделении нам крана, чтобы мы могли обходиться без вертолетов. Но этот приказ не был выполнен и не только по причине занятости крана на строительстве «Саркофага», но и потому, что Ю.Н.Самойленко добил так свою идею ручной очистки кровли в Правительственной комиссии, где он доказал, что сделать вручную намного быстрее. Он отличился, получил звезду Героя, но через крышу прошли 5000 человек (по его же сведениям). Где они сейчас? Трудоспособны ли, если живы?

Позже в 1987 году мы организовали безлюдную технологию и сняли с маззала, прилегающего к разрушенному реактору 4-го блока, сняли все, что вручную невозможно было снять. Потому что очень много радиоактивных отходов

было погружено в битум. Битум расплавился и все это, даже маленький кусок графита невозможно было оторвать. Все это нужно было убирать вместе с кровлей. Поэтому, что можно было сделать вручную? Поэтому нас и охватывала досада, что мы в первые дни находясь на ЧАЭС не смогли настоять на применении своего метода очистки кровель, хотя потом в 1987 году мы это сделали. Сколько бы людей мы смогли спасти от ненужного облучения! Но это было позже. А пока мы вернулись в институт к решению своих проблем, но как оказалось, наша помощь вновь потребовалась.

В начале 1987 года на ЧАЭС шли подготовительные работы к пуску первого, второго и третьего энергоблоков, работа которых была приостановлена после аварии. Одна из задач, которая стояла перед строителями, — замена кровель на маззалах всех энергоблоков. Министерство энергетики на всех атомных станциях применяло сгораемую кровлю, которая состояла из металлического профильного листа, рубероида в качестве пароизоляции, утеплителя (пенополистирола или в лучшем случае пенопласта ФРП) и гидроизоляции (рубероида на битумной мастике с присыпкой из гравия). После аварии и пожара, который развивался на крышах из-за ее горючести, стало ясно, что такую кровлю применять нельзя. Ее надо было заменить на пожаробезопасную. Сроки были жесткие. К решению этого вопроса привлекли различные строительные институты, в том числе и нас. Вот это было уже по профилю нашей работы.

Мы предложили изготовить кровлю по типу «слоеного пирога». Для теплоизоляции применили полимерпластбетон (этот пенопласт относится к классу трудносгораемых материалов), а снизу и сверху защитили его стеклотканью, пропитанной огнезащитной композицией на основе подвспененного жидкого стекла. Сделали фрагмент кровли, провели испытания. Все получилось. Докладываем директору института

Ю.Ф. Юрченко и в ответ: «Срочно выезжайте!»

1 мая 1987 года мы все той же командой — Ю.Н. Медведев, Е. Гольдберг и я — выехали в Чернобыль на ЧАЭС. Совместно с УС-605 сделали крупномасштабный стенд площадью 800 кв.м. на полигоне в Чернобыле. 8 мая при участии украинских пожарных были проведены испытания нашей конструкции кровли. Все в порядке! Конструкция кровли признана пожаробезопасной. Заместитель начальника УПО МВД Украины С.А. Грипас был доволен: «Теперь за кровлю можно будет не беспокоиться, так гореть, как она горела при взрыве, уже не будет». Нашу технологию приняли. И надо было начинать работу на кровле. Собираем мастеров по кровельным работам, в основном, это специалисты из московского треста «Спецхиммонтаж». Учим их на том же стенде, и в конце мая уже начались работы по замене кровельного покрытия на машзале третьего блока. Сложность заключалась в выполнении большого объема работ. Здесь тоже пришли неожиданные решения — организовать приготовление огнезащитной смеси на ходу в миксере. На территории бетонозавода в Чернобыле в миксер (автомашину со смесителем) загружали необходимые компоненты, и пока машина шла на ЧАЭС до третьего блока, смесь перемешивалась. Не требовалось больше никакого специального оборудования. Перед выгрузкой в нее добавляли отвердитель и вспениватель, перемешивали и разливали по канистрам, которые подавали вверх на крышу и там уже наносили на поверхность и разравнивали с помощью швабр. И так все три блока на площади 38 тыс. кв.м. Эта работа заняла все лето. Сначала был третий блок, потом второй, первый и крыша здания ХЖТО. Как будто это обычная работа, но велась она рядом с разрушенным 4-энергоблоком. На работу рабочие не выходили без дозиметров, показывающих, какую дозу они набрали за день. Это было лето 1987

года, и радиационный фон на территории станции был еще значительно выше нормы. В работах по замене кровли кроме нас принимали участие в качестве технологов и сотрудники нашего отдела Е.Н. Осин, Т.С. Баженова, Н.В. Ляшевич, Л.С. Голубева, О.Ю. Панов, В.А. Артемьев.

О нашем методе безлюдной очистки кровли вспомнили в мае 1987 года, когда начались подготовительные работы для пуска 3-го энергоблока. Между машзалами четвертого и третьего энергоблоков возвели стену, которая должна была понизить фон. Но этого оказалось явно недостаточно, т.к. кровли машзала и деаэрационной этажерки 4-го энергоблока давали сильный фон: уровни по гамма-излучению на тот момент были от 30 до 180 рентген в час. Надо было очистить эти поверхности, площадь которых вместе составляла более 6000 кв.м.. Вот для очистки машзала 4-го энергоблока и решили применить наши «промокашки».

В процессе очистки кровель в 1986 году было установлено, что загрязнения проникали вглубь гидроизоляционного покрытия, состоящего из двух слоев рубероида на битумной мастике и верхнего слоя битума толщиной 20-30 мм с гравийной присыпкой. Загрязнения проникали до самого утеплителя. Этому способствовало как расплавление битума во время пожара на кровле, так и разогрев битума в последующие дни после аварии за счет гамма-излучения выброшенного топлива и солнечной радиации. Из-за этого даже после многократной жидкостной дезактивации излучение с кровли составляло 50 и более рентген в час. Поэтому, снижение активности до фоновых значений можно добиться только после полного удаления гидроизоляционного ковра. Было подсчитано, что для снятия одного квадратного метра кровли вручную потребовалось бы не менее 40 минут, а если при этом учесть, что площадь высокоактивной кровли, подлежащей снятию, состав-

ляла не менее 10 000 кв.м., людские и материальные затраты при ручной дезактивации были бы огромными. В связи с этим и была поставлена задача использовать дистанционный способ очистки кровель с помощью «промокашек», тем более, что к этому времени освободились краны «Демаг». Вылет стрелы на этом кране составляет 100 м, поэтому только они и могли быть использованы в таких условиях. На стреле крана была установлена телекамера, и в кабине оператор крана наблюдал на экране за тем, что происходит на крыше. Телевизионную аппаратуру устанавливали и налаживали специалисты из отделения телевидения нашего института.

Работы мы начали в июне. Для начала надо было разобраться, что же там на крыше и оценить ее поверхность. Лучше всего увидеть самим. Для таких экскурсий придумали оригинальный и не совсем безопасный способ. На стрелу «Демага» подвешивали кабину — «батискаф», выполненную из свинца весом 28 тонн, вместимостью на четырех человек, изготовленную в НИКИМТе. Кабину поднимали на кровлю, но не ставили (крыша бы не выдержала) — она висела над крышей. Это зависело только от оператора крана. Затем открывали дверь. Дозиметрист замерял фон и давал «добро» — на какое время можно выйти на кровлю. На одну из таких «экскурсий» и отправился Ю.Н. Медведев. Оказалось, что кровля очень гладкая, как асфальт. Ее залили пылеподавляющими составами, и вся эта масса превратилась в мощный монолит, который надо было сначала разрушить, а уж потом снять с помощью наших клеевых захватов. Юрий Николаевич за одну минуту — столько ему было отведено для пребывания на кровле — успел заметить одно место, где можно начинать. Главное сделать надрыв, а потом уж с этого места продолжать работу. Сделали первый заброс. Поняли, что дело пойдет, и начали отрабатывать технологию.

Нам не мешали. Но и помогали

мало. Единственное, что было хорошо — все материалы, необходимые для работы нам доставали вовремя, но вот с технологами было не так-то просто. Первое время на этих работах вместе со мной и Ю.Н. Медведевым были заняты Е.Н. Осин, Е.М. Гольдберг. Наш отдел небольшой, технологи все в основном женщины, много молодых мам. Конечно, приезжали все, кто мог, но приходилось обращаться и за помощью в другие отделы. Химики в наши проблемы вникали быстро, и работа продолжалась.

Итак, наша первая задача — очистить крышу четвертого машзала площадью 4200 кв.м. Задача настолько важная, что если у нас не получится дистанционная очистка, то кровлю будут чистить вручную, а это тысячи облученных людей. Было принято решение о пуске 3-его энергоблока к ноябрю 1987 года, поэтому время нас подгоняло. Мы осознавали всю ответственность и делали все возможное.

Забрасываем первые клеевые захваты. Но отрыв почему-то слабый. Решили с Женей Осиним отправиться на крышу в «батискафе», самим посмотреть, что к чему. И, кроме того, сделать надрезы, чтобы было за что зацепиться, с чего начинать. Подняться на крышу пешком нельзя, так как за время подъема на высоту 75 м наберем слишком большую дозу. Нам разрешили этот полет. Но время выхода на кровлю только с разрешения дозиметриста, который отправился на крышу вместе с нами. Мы вооружились топорами и в путь.

Кран поднял нашу кабину. Дозиметрист замерил фон, приоткрыв дверь, и дал разрешение на выход: каждому по 40 секунд. Вижу, что кровля похожа на лед, так как все залито ПВА, которым поливали для пылеподавления при строительстве «Саркофага». Сделали небольшие надрезы. Дозиметрист тоже нам помог, хотя это не входило в его задачу. Довольные возвращаемся на землю. Надрез мы сделали. Утром забрасываем очередной клеевой захват — есть срыв! «Промокашка» идет с

хорошей добычей. На ней приклеены куски рубероида и разный мусор. Теперь пойдет!

Клеевые захваты делаем в виде длинных лент 16х1 м. В районе Чернобыля, около бетонного завода вырос целый лагерь для их изготовления. Лето было жаркое, рабочие сделали шатры и в них изготавливали наши «промокашки»: к 16-метровой ленте сетки «рабица» привязывали кисти из хлопчатобумажных нитей, так называемых «концов» (отходов), упаковывали их в полиэтиленовую пленку и доставляли на площадку для пропитки клеем, которая находилась около здания ХЖТО в 100 м от четвертого блока. Пропитанную клеем «промокашку» на грузовике подвозили к крану «Демаг», с помощью которого укладывали ее на кровлю в нужное место.

Как мы наносили клей в этих условиях? Клей заливали в ванну, добавляли отвердитель, перемешивали смесь и быстро с помощью крана укладывали туда «промокашку». Рабочие в резиновых сапогах входили в ванну и промокали наше устройство. При этом время и жара были нашими главными противниками. Когда «промокашку» увозили, клей быстро разгоняли по ванне, разбавляли, чтобы он не застыл, и заливали новую порцию, но без отвердителя, и ждали следующей команды, когда можно готовить следующую «промокашку» и т.д. Укладку производили в соответствии со схемой разбивки.

Когда шел съём с крыши, особенно в первые дни работы, я бежала посмотреть, что там снялось, зачастую впереди дозиметриста, который всегда присутствовал, чтобы определить дозу на «промокашке». Разве утерпишь. Снятые «промокашки» на специальных машинах КРАЗ-256П, кабины которых были защищены свинцом, вывозили в могильник «Подлесный» для захоронения в специально предусмотренном модуле, позволяющем производить разгрузку из кузова автомашины.

Работы шли успешно, но медленно.

Каждый день мы очищали от 10 до 30 кв.м кровли. Руководство на всех операциях нас ругало, что мало очищаем, что пора строить настилы и очищать вручную. К счастью вмешался главный инженер УС-605 В.А.Охрименко. Он вместе с военными и Женей Осиным сходил на крышу и посмотрел результаты работы. Все одобрил и обещал нам поддержку. К нам подключили бригаду конструкторов и ряд других лиц для обеспечения эффективности работы. Конструкторская бригада из Обнинского отделения НИКИМТа во главе с П.Г.Кривошеем разработала дистанционное устройство для резки кровли. На кровлю опускались «сани», в полозья которых были закреплены специальные ножи. Также спроектировали и систему управления этим своеобразным плугом. Надрезка производилась в двух взаимно перпендикулярных направлениях. Что позволило делать надрезы по гидроизоляционному слою кровли вплоть до утеплителя и снизить усилие отрыва клеевого захвата при съеме кровельного покрытия, что увеличило эффективность съема. Это было замечательно и просто! А сколько мы мучались, пытаясь разодрать этот рубероид нашими «промокашками», прежде чем его снять! Кроме того, на крыше были установлены дополнительные телевизионные камеры, а мониторы — в вагончике на нашей площадке, и мы теперь следили за работой по укладке и съему не из кабины «Демага», а прямо с площадки.

Кроме рабочих нам выделили пять лейтенантов для проведения этих работ. Они быстро освоили нашу технологию и были нам хорошими помощниками. Работали они в основном в ночную смену. Технология нами была так хорошо отработана, что съём шел на 100%. Когда у нас появились мониторы, мы стали видеть не только всю крышу сверху в целом, но и видеть результаты своего труда. Мы могли забрасывать «промокашки» туда, где чувствовали, что отрыв будет эффективный.

Работали мы, как все, без выходных. Вставляли в 6 часов, ложились в полночь. Было решено работать в три смены, и запросили помощь из Москвы. Срочно нужны были технологи, т.к. следить за технологическим процессом, вводить изменения в состав компонентов в зависимости от погодных условий могли только специалисты, хорошо знающие свойства применяемых материалов. Мы своей небольшой командой уже выбивались из сил, когда, наконец, приехали Татьяна Баженова, Надежда Трофимова, Оля Самыгина, Вера Львова, Олег Панов, Виктор Артемьев и Коля Ляшевич. Позже приехал Виктор Юрченко на смену Жене Осину.

Когда руководство УС-650 убедилось, какие большие площади мы снимаем и какие при этом рентгены на снимаемых «промокашках», они стали выделять больше людей и техники. У нас стало уже два КРАЗА, два крана, два шофера, две ванны для пропитки, два крана «Демаг» и периодически давали третий. Нас стали обеспечивать обедами в ночное время, выделили специально для нас автобус, установили телефонную связь с площадкой.

Я проработала до начала сентября и меня отправили восстанавливаться в санаторий «Горный». Но там я не чувствовала себя спокойно. Постоянно перезванивалась со своей бригадой. Отключиться от проблем было трудно, и я мысленно была все время там со своими коллегами. В начале октября я вновь приехала на ЧАЭС.

К 5—6 октября наша бригада сняла с крыши 4-го машзала практически все, что от нас требовалось. В начале октября стали убирать кровлю со здания ХЖТО, которую сняли очень быстро, т.к. она не была залита пылеподавляющими составами. Эта крыша была очищена за несколько дней. Кроме того, «промокашками» заделывали щели в «Саркофаге». Этими вопросами занимались Олег Панов и Женья Осин, который после небольшого отдыха вновь вернулся на

ЧАЭС. Железобетонные плиты расходились и «сифонило» оттуда значительно. На нашу «промокашку» сверху прикрепляли брезент и такой конструкцией заклеивали щель.

К середине октября все наши работы были закончены. Очистили крыши машзала четвертого энергоблока, дезэракторной этажерки, очистили крышу ХЖТО, заделали щели в «Саркофаге» и очистили ряд площадок, прилегающих к машзалу. На площадку приехал гл. инженер УС-605 В.А.Охрименко, поздравил всех с окончанием работ и вручил Почетные Грамоты.

Весь этот период специалисты из НИКИМТа работали с огромным энтузиазмом, особенно когда видели, что дело хорошо продвигается. Никто никогда не сидел. Если кто-то свободен от работы с клеевыми захватами, он шел посмотреть, как обстоят дела по замене кровель и какие там проблемы. Если и здесь все было в порядке, то надо помочь ребятам, которые занимались герметизацией «Саркофага». Энтузиазм был огромный! Поэтому мы и сделали эту работу. Ни один солдат не был отправлен на крышу для ее очистки.

То, что нам не дали сделать в 1986 году, мы выполнили в 1987 году. Будь мы тогда понастойчивее, а руководство работ — мудрее и дальновиднее, а в некоторых вопросах — я не побоюсь этого сказать — профессиональнее, скольким бы людям сохранили бы здоровье и жизнь! Но и то, что мы сделали в 1987 году, нам доставило огромное моральное удовлетворение, так как ни один человек не пошел на крышу для ее очистки — дистанционно было очищено свыше 6000 кв.м. кровли, при этом было использовано 1495 клеевых захватов общей площадью 17 500 кв.м (большая часть крыш подвергалась очистке два и более раз). При этом уровень радиации был снижен с 50-100 рентген в час до 3-5 рентген в час на определяющей части площади и до 5-30 рентген в час по периметру кровли. На большей части

площади (82 процента) кровля была снята до штамп настила, а на остальной части снят бронирующий слой частично с рубероидом. Во время выполнения работ на всех операциях было занято не более 15 рабочих в смену. Не было случаев переоблучения всех участников работ выше установленной нормы (0,3 бэр) в смену, тогда как расчеты показали, что для выполнения данного объема работ вручную потребовалось бы несколько десятков тысяч рабочих. Кроме того, была разработана и применена радиотелевизионная система управления технологическим процессом, что позволило исключить пребывание людей в зонах с повышенной радиацией.

Комиссия приняла нашу работу и, учитывая малое влияние оставшихся на кровле загрязнений на радиационную обстановку промплощадки станции, дальнейшая дезактивация кровли была признана нецелесообразной. В конце октября 1987 года, как и намечалось, был введен в эксплуатацию третий энергоблок. Уже ничто не мешало его работе, и в этом была и наша заслуга тоже — бригады из НИКИМТа и рабочих, которые нам помогали.

Заключение

Я с большим удовлетворением описываю эти события и с глубоким чувством скорби вспоминаю тех, кого уже нет с нами и с кем приходилось делить трудности тех дней: в первую очередь директора нашего института Юрия Федоровича Юрченко, скончавшегося на 63 году жизни в 1993 году, нашего руководителя работ Юрия Николаевича Медведева, скончавшегося на 63 году жизни в 2001 году, старшего инженера нашей лаборатории Сергея Дуфаковича Искандарова, многие годы мужественно боровшегося с болезнями, возникшими в результате его работ в Чернобыле в 1986 году, бесстрашном выходе на крышу 3-го блока машзала, когда этого потребовали обстоятельства и скончав-

шегося на 53 году жизни в 2004 году, а также всех тех сотрудников НИКИМТа — около 40 человек, которых не стало за эти годы из 260, работавших на ликвидации последствий аварии на ЧАЭС.

А всем чернобыльцам НИКИМТа, я желаю мужественно бороться с проблемами, которые перед нами постоянно ставит наше государство и сама жизнь, так же, как мы боролись тогда 20 лет назад с невидимым врагом на ЧАЭС — радиацией.

Примечание: НИКИМТ выдвинул нашу работу по очистке кровель на ЧАЭС с использованием клеевых захватов на Государственную премию СССР, но дальше нашего Министерства документы не ушли. Формулировка отказа была убийственная — на эту премию выдвигаются работы, нашедшие широкое применение в промышленности. Наша же технология нашла применение в единственном случае — при дистанционной очистке загрязненных кровель при ЛПА на ЧАЭС. И слава Богу! Мы и без премии проживем, лишь бы таких проблем у страны больше не было.

Дезактивация техники

А.А. КОЗЛОВ

В 1986 году 10 августа в 23 часа вызвали в военкомат Киевского района г.Москвы (по предыдущему месту жительства) и как военнообязанному сказали, что утром 11 августа прибыть в военкомат к 7 часам утра с вещами. Причину явки не объяснили, но я сразу догадался. Собрали группу и отправили в г. Курск, где нас переодели в военную форму и отправили в г.Киев, откуда на машинах перевезли в тридцатикилметровую зону Чернобыльской АЭС. Разме-

---

КОЗЛОВ Александр Александрович — водитель автомашины, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, (1986).

А.А. Козлов

стили нас в палаточном городке воинской части, распределили по ротам, отделениям. За мной закрепили автомобиль, так как я был водителем. После трехдневного инструктажа и подготовки я был направлен на станцию на работу по дезактивации техники. По приезду на станцию мы переодевались и с химиком ездили мыть бульдозеры, которые снимали зараженный грунт. Работали не более двух часов, так как техника давала большой фон. Доза радиации не должна была превышать дневную норму. После окончания работы мы мылись в душе, переодевались и нас увозили в лагерь. И так выезжали через день-два. Больше 10 дней мыл паровоз, который подвозил контейнеры с ядерными отходами, проводили дезактивацию подстанции напротив 1—4 блоков.

Проезжал город Припять, впечатлительное ужасное. Дома обнесены колючей проволокой, на улицах ни души. Город вымер. Технику, на которой перевозили ядерные отходы, ставили в отстойники — кладбище машин. Глядеть на все это — впечатление неприятное. В городке, где мы жили, картина другая — природа радовала глаз. Внешне хороший урожай яблок, очень много было грибов. Проезжая мимо деревни видели, как старуха со стариком несли грибы из леса. Они, наверное, одни и были в той деревне. По возвращению в часть, после работы, занимались техникой, уборкой, благоустройством городка, а вечером — отдых, фильмы, баня, концерт — обычная солдатская жизнь, строили зимнее жилье, так как пополнение приходило раз в неделю. После того, как человек набирал 18 рентген облучение, на него давали заявку на замену, и он ждал отправки домой. Я был на ЧАЭС с 11 августа по 21 сентября. Получил дозу облучения 21,5 рентген. Официальные документы на каждого человека, получившего облучение, увозили, наверное, в Киев, на руки не выдавали справки о полученной дозе радиации. Первые ощущения после облучения, которые я почувствовал — это провал памяти, поэтому написал коротко свои воспоминания о пребывании в Чернобыле.

Поликлиника — второй дом

А.Н. КОНСТАНТИНОВ

Собрали нас со всей Москвы в кинотеатре «Энтузиаст». Показывали фильмы про катастрофу на ЧАЭС. С каждым призывником провели беседу, отобрали нужное количество людей по специаль-

---

КОНСТАНТИНОВ Александр Николаевич — бульдозерист, участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (1987).

ностям и отправили в город Чернобыль. Там переодели, проконсультировали, распределили по должностям. Я был назначен бульдозеристом.

За пару дней прошел стажировку. Принял бульдозер С-130 № 1. В первый день был направлен на захоронение остатков леса в могильники. Работали по 4 часа, потом оставляли технику на местах. Шли в раздевалку, принимали душ (дезактивацию), переодевались в чистую одежду, садились на машины и уезжали в палаточный городок. На полпути следования находился контрольно-пропускной пункт дозиметрии Дитятки, где делали пересадку с загрязнённых машин в чистые. Так мы добирались до палаточного городка. В палатку вмещалось человек 30. Коллектив надёжный, всегда помогут, подскажут, научат.

Начальник политотдела полковник Чанов проводил беседы. Вечером после ужина показывали фильмы. А утром завтрак, развод, по машинам и вперёд на ЧАЭС. В последующие дни объектом работы были очистные сооружения, отстойники, срезка загрязнённого грунта, могильники, захоронение загрязнённого оборудования, конструкций, плит с засыпкой привезенного чистого песка. Обеспечивалось заданное излучение из могильника. Если превышала норма, засыпали снова. И так до тех пор, пока не набрал свои дозы облучения. Провели медосвидетельствование. Проверили внутреннее облучение, сдали кровь для анализов. После освидетельствования уволили в запас. С первых дней сильно похудевший, чувствовал озноб, головокружение. Поликлиника оказалась вторым домом. Находился на излечении 4 раза в 15 ГКБ, 1 раз в ЦКБ им. Семашко, 1 раз — госпитале ветеранов войны № 2, 5 раз в Российском Научном Центре Рентгенологии. С 1996 года инвалид 2 группы.

А.Н. Константинов

Первым делом — вертолеты

А.Е. КУКАНОС

Я, Куканос Анатолий Ефимович, в 1986 г. работал в Мячковском объединенном авиаотряде в должности командира звена вертолетов Ми-8. на работу в Чернобыль был направлен в июле 1986 г. Базировались на аэродроме Жуляны г. Киева. Полеты производились, в основном, на радиационную разведку в тридцатикилометровой зоне АЭС.

Позднее, в 1987—1988 годах, выполнял полеты на радиационную разведку по отбору проб земли в Брянской и Гомельской областях.

КУКАНОС Анатолий Ефимович — пилот вертолета Ми-8, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

А.Е. Куканос

В особой зоне

А.В. ЛЕОНОВ

В середине июля 1986 года был призван Пролетарским райвоенкоматом г. Москвы, по постановлению Правительства СССР, на «сборы по переподготовке», что в последствии оказалось — ликвидацией катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Собирали нас быстро, как на войну, а вообще-то оно так и было. Забирали всех простых людей.

Главное — нам сказали, и мы сделали, не прятались. После медицинской комиссии нас повезли на автобусах в г. Курск, там переодели в форму, выдали средства защиты, сухой паек. Погрузили в эшелон. Через сутки были на месте. Я плохо помню, как называлось это место (с. Оранное, расположение 26-й бригады РХБЗ. — *Прим. ред.*). Распределили в в/ч 18977, в отделение вычислителей.

Через несколько дней пребывания в лагере, отправили в командировку, не-

---

ЛЕОНОВ Александр Владимирович — водитель, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

А.В. Леонов

посредственно на саму станцию, на АБК-1, где пришлось жить и работать круглосуточно.

Работы выполняли разные. Занимались дезактивацией помещений, закрывали окна свинцом, работали на крыше корпуса, на «могильнике», стояли на постах в санпропускниках, убирали, мыли, следили за порядком и т.д. Коллектив был дружный и сплоченный. Ребята все были хорошие. Отлично помню двух Александров — Соломенцева и Кузина.

Никакой инвалидности, в настоящее время, не имею, о своих болячках говорить не люблю. В 1995 году у меня родилась дочь, главное, чтобы у нее все было нормально. Раньше о нас как-то помнили, давали путевки в санатории, а сейчас мы вообще никому не нужны.

122-й закон. Война началась 22-го и закон вышел 22-го — совпадение? И это только первая лопата — вырытая под нашу могилу.

Я помню последние слова вертолетчика Грищенко: «НЕ МЫ ДОЛЖНЫ ХОДИТЬ И НАПОМИНАТЬ О СЕБЕ, А ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО НАЙТИ КАЖДОГО И ДАТЬ ЕМУ ПО ЗАСЛУГАМ!»

Карта радиационной опасности

Н.К. НАЗАРОВ

Я, Назаров Николай Александрович, родился 12 марта 1942 года в Оренбургской области. В 1959 году окончил среднюю школу и поступил, а в 1962 году окончил военное училище.

До 1966 года служил в Западной Сибири. В 1966 году поступил, а в 1971 году закончил военную академию химической защиты. С 1971 по 1982 год служил в различных регионах нашей страны на должностях, преподавателя военного училища, НХС полка, дивизии, управления внутренних войск. С 1982 года и до ухода на пенсию службу проходил при Главном управлении внутренних войск МВД в должности начальника отдела системы выявления и оценки радиационной, химической и биологической обстановки.

Авария застала меня на даче. Дома, меня уже ждал вызов явиться по тревоге в Штаб внутренних войск. В 23.00 26 апреля 1986 г. прибыл в штаб и был проинформирован о катастрофе. Конкретно получил задачу от начальника химической службы войск полковника Артемьева Г.А. по действию в сложившейся обстановке. А обстановки толком никто и не знал. Начальство на первых порах потребовало карту. До моего прибытия карту никто не составлял. Я немедленно запросил начальника химической службы управления ВВ по Украине Панасенко Ю.С., но он уже был в госпитале. Возможно он одним из первых реально оценив радиационную обстановку, вышел из строя и был госпитализирован.

Мне нужен был «ветер». Вышел на майора Луцик Н.И. Он четко мне доложил метеоданные в районе аварии. Имея под рукой справочник по оценке послед-

Н.К. Назаров

ствий ядерного взрыва, карту района аварии и прилегающих к этому району границы частей внутренних войск, используя шаблоны для оценки РО от ядерного взрыва, прикинув мощность риска, нул и отобразив РО так как нас учили в академии, по ходу разместив все части и подразделения, находящиеся в непосредственной близости от взрыва. Одновременно, в сжатые сроки была сформирована и переведена на круглосуточное дежурство расчетно-аналитическая станция. Было введено функционирование, нормальное круглосуточное функционирование, для этого были привлечены, как штатные офицеры отдела, так и офицеры прапорщики химической службы частей Московского гарнизона ВВ, особенно дивизии им. Дзержинского.

Рабочая карта по оценке радиационной обстановки в районе аварии и возможных последствий, прошла испытание на совещании у Министра внутренних дел СССР. Доклаживал начальник войск генерал-армии Яковлев И.К.

НАЗАРОВ Николай Константинович — полковник в отставке, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986, 1987, 1990).

Карта получила лестную оценку, так как у других карт не было вообще, хотя и по нашей было много вопросов, и первый «что за яйца нарисованы?» Словом, ядерные взрывы в то время так и обозначались. Но наш начальник был на высоте.

По возвращении в ГУ ВВ он вызвал начальника химической службы ВВ полковника Артемьева Г.А. и меня. Поначалу я думал, что накажут, но что я получил лестные слова в адрес нашей РАСТ и приказ находиться в его кабинете, занимать его стол для совещаний, пользоваться всей связью, вплоть до кремлевской.

Рядом со мной всегда находился чертёжник РАСТ прапорщик Никитин А.В. Очень достойно и грамотно, он в последствии оформлял рабочие и особенно отчетные карты на высшем уровне.

Расчетно-аналитическая станция — звено отдела на всем протяжении ликвидации последствий и действий внутренних войск на АЭС и в зонах заражения являлась, как бы мозговым центром, штабом химической службы по оценке радиационной обстановке, её анализу, выработке предложений командованию войск по химическому обеспечению в зонах заражения. В этом то и была наша беда, что за всё должен отвечать один начальник, плюс его помощник, остальное всё не штатное. В начальный период особенно следует отметить работу офицеров-химиков Спрыгина А. Б., Фаустова С.А., Кравчука А.А., Никитина А.В., Хлада И.Э.

Впоследствии карта велась постоянно, порой по два экземпляра в сутки и она являлась отправной точкой всех разработанных штабом ВВ документов.

Для накопления данных радиационного наблюдения (разведки), дозиметрического контроля, контроля зараженности техники ВВ, обогащения информации, расчёта и составления графика режима несения службы личным составом, в пределах допустимых доз, в зонах заражения, на постах по охране АЭС,

информации и её оценки с помощью вычислительной техники. Эту работу производило специальное отделение во главе с майором Сорокиным М.А. В отделение входили профессионалы своего дела — Молчанов А.А. и особенно Климов А. В., который в последствии был со мной в районе аварии. Когда обстановка стабилизировалась, в штабе войск все службы разобрались, чем им необходимо заниматься, накопилась уйма вопросов, которые необходимо решать. Один, главный вопрос, как выжить в условиях зараженности. К этому времени, кроме охраны ЧАЭС (батальоны ВВ), были специально сформированы части внутренних войск для охраны рубежей и границ зон 30-км зоны. Войнам внутренних войск впервые пришлось нести боевую службу, проживать в построенных военных городках, заниматься боевой подготовкой, проводить свой досуг и отдых — и всё в условиях сложного радиоактивного заражения. Возникло множество проблем. Для решения в конце декабря 1986 года была сформирована комплексная группа, возглавляемая начальником ВВ генерал-полковником Шаталиным. В эту группу вошли НХС ВВ полковник Артемьев Г.А., начальники служб по всем направлениям, в том числе и я с капитаном Климовым А.В.

Прилетев в г. Киев, группа пересела в вертолёт. На вертолёте мы облетели районы аварии, город Припять, все подразделения, войсковые наряды, т.е. всю линию охраны, контролируруемую войсками.

На станции генерал Шаталин, заслушав доклад начальника управления ВВ по Украине генерал-лейтенанта Алекса Н.А., сделав определенные выводы, поставил непосредственно мне, в присутствии НХС ВВ полковника Артемьева Г.А., задачу измерять лично всё и всюду, где находится хотя бы один солдат. И просто сказал :»Назаров, в бой!»

Это означало:

• уточнить радиационную обстановку

там, где несут службу солдаты, сержанты ВВ, проверить, как ведется радиационное наблюдение, наличие наблюдательных химических постов, дозоров, их готовность, обеспеченность, информационность потоков, организацию дозиметрического контроля, наличие дозиметров, особенно индивидуальных (это самая сложная задача);

- совместно с автомобильной службой, уточнить наличие зараженной техники и возможность, её специальной обработки (деактивации);

- контроль за приемом пищи на зараженной территории;

- организацию радиационной безопасности в местах проживания, несение службы;

- наличие средств защиты;

- как осуществляется замена личного состава, с учетом переоблучения и другие.

И как всегда, сделать это в сжатые сроки, в четверо суток. А в конце работы сделать анализ и подготовить выводы, разработать предложения по более эффективной организации химического обеспечения, в том числе в преддверии надвигающейся зимы.

На выделенном автомобиле разведки УАЗ-469-РХ, в сопровождении и.о. начальники химической службы управления ВВ по Украине, майора Луцка Н.И., имея на борту все необходимые приборы, в том числе новые карманные дозиметры, измеряющие малые уровни радиации, отправились выполнять задачу. Мы проехали несколько сот километров, по всем местам, где нес службу личный состав ВВ.

В первый день побывали в караульном помещении ЧАЭС. Личный состав караула всё ещё находился в убежище, откуда осуществлялась смена часовых на постах. Постов было достаточно много, до 20. К этому времени часовые несли службу во вполне оборудованных для защиты будках. В наиболее опасных местах, как районе 4 блока, (к тому времени он был закрыт «саркофагом») в

бетонных будках имелись фильтро-вентиляционные устройства. Контроль радиационной безопасности и другие меры индивидуальной защиты, осуществлял подготовленный химик-дозиметрист, прапорщик Бурлаченко Н. Н. Зная наш приезд в караул прибыл и НХС полка лейтенант Тищенко П.А., дозиметрист цеха РБ Федоров В.А. Поэтому в организации защиты караула по охране АЭС особых претензий не было. Караул постоянно был в поле зрения службы РБ АЭС. Имелся четкий план-график замены личного состава, особенно солдат и сержантов.

По-другому дела обстояли в зонах отчуждения и особенно в 30-и километровой зоне.

Проехав эти зоны, мы побывали почти во всех подразделениях, военных городках, многих караульных помещениях, мы столкнулись, с тем, что в любом месте, где находился личный состав, была зараженность, на много превышающая допустимую, несмотря на тщательную радиационную разведку при подготовке этих рубежей.

Подготовленность специалистов по организации радиационного наблюдения, особенно дозконтроля была низка, а в отдельных подразделениях равнялась нулю. Отсутствовали приборы разведки, индивидуальные дозиметры, штатные химики неумело пользовались приборами. Не использовались респираторы Р-2, не хватало обменного фонда обмундирования, дезактивация обмундирования не проводилась. Все эти недостатки не зависели от личного состава, а зависели от командиров и специалистов. А солдаты проявляли всюду и везде мужество, стойкость и самообладание, толком не зная какие, могут быть последствия. Они не падали духом, твердо выполняли свой долг.

В последствии, после доклада обстановки и выводах о большом количестве личного состава, привлеченного для охраны зараженной территории, задача по охране 30-км зоны была снята, а зона

С.В. Наумов

отчуждения охранялась, при срабатывании сигнализации. За трое суток, измерив уровни радиации, нанеся данные на карты-схемы дислокации подразделений, провели занятия. На местах решали вопросы снабжения средствами защиты одновременно решался вопрос сбора и обработки данных с помощью различных средств связи от подразделения (караула) до ГУ ВВ, с целью обобщения информации и расчета данных с помощью вычислительной техники. Проводились инструктивные занятия с личным составом (химиками-дозиметристами, командирами подразделений по организации дозконтроля, проведению специальной обработки техники.)

Аналогичные выезды в места несения службы проводились в марте 1987 года и в марте 1990 года.

В 1988 году силами химической службы ВВ, на базе управления ВВ по Украине, принимал участие в подготовке и проведении учебного сбора начальников химической службы объединений и соединений ВВ.

Многие занятия проводились непосредственно в подразделениях, несущих службу в зонах заражения.

В последующие годы, почти до увольнения неоднократно выезжал для выполнения задач радиационной безопасности уже не в районы аварии, а в регионы вдали от аварии, регионы цезиевых пятен. Это Гомельская, Могилевская, Брянская, Калужская, Липецкая, Тульская, Курская области. В этих цезиевых пятнах, в среднем, оказались 2-3 подразделения — роты. Это солдаты, прапорщики, офицеры, их семьи. Приходилось решать те же вопросы, что и в районах аварии.

В ходе работы постоянно испытывал поддержку, человечность со стороны многих старших товарищей с пониманием и уважением относившиеся к нам как к специалистам, которые все как один прошли через Чернобыль в составе ОГ. Это генералы: Бубенчиков Ф.В., Наливалкин Д.А., Смыслов Б.К., Яковлев И.К., Алекса Н.Т.

Вся тяжесть в химическом обеспечении легла на плечи НХС ВВ полковника Артемьева Г.А.. Это талантливый, опытный специалист, стратег своего дела, обладал даром оперативного мышления, заботливого отношения к людям, выдержкой, ищущий новые пути развития химической деятельности войск. Он прилагал много сил в изыскании сил и средств, которых на то время просто не было в войсках, для организации химического обеспечения. Сам лично находился в районе аварии месяц. В настоящее время на пенсии, инвалид 2 группы. Восхищался работой помощника НХС управления ВВ по Украине майора Луцика Н.И., который безвылазно находился в районе аварии. Какую дозу облучения получил, знает только он сам. С большой теплотой вспоминаю товарищей из управления Радиационной безопасности МО и лично контр-адмирала В.А.Владимирова, с ним неоднократно приходилось консультироваться по вопро-

сам РБ ВВ, и всегда я выходил от него с полным пониманием тех задач, которые впоследствии приходилось решать.

Особенно запомнились деловые контакты с капитаном 2-го ранга Е.М. Волковым. Он много знал, так как ранее работал на атомном подводном флоте.

Прошли годы, но память хранит оставшиеся впечатления. Это, в первую очередь, пустой город Припять, пустые села, хутора, дома, чистое и ухоженное подворье Украины, одинокие старики и старушки, оставшиеся у себя дома. Это молодые солдаты, несущие службу на необитаемой территории и не думающие о тяготах и последствиях. Это офицеры всех специальностей, врачи, инженеры, автомобилисты, строители.

Горячая точка съемки

С.В. НАУМОВ

В Чернобыль я был направлен по распоряжению начальника Внутренних войск МВД СССР. Будучи прапорщиком ВВ МВД СССР, фотокорреспондентом Центрального музея ВВ МВД СССР, в Чернобыле я находился в качестве фотожурналиста.

По своей работе мне приходилось общаться как с рядовым составом, так и с командованием. Производил съемки и сбор информации об исполнении служебных обязанностей личным составом ВВ. По-фронтовому тяжелый и ответственный труд лег на плечи командиров частей и их заместителей. Неизмеримая тяжесть легла на солдат и сержантов, ротных и взводных командиров. Кроме круглосуточного несения боевой службы на постах, количество которых не

совпадало с возможностями войск, этим же военнослужащим приходилось создавать инженерные заграждения, оборудовать КПП, места расположения войсковых нарядов и обустроить места дислокации. Солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, совершивших этот подвиг, не перечесть, многие из них были удостоены государственных наград. В командировке я находился с 4 июня по 8 июня 1986 года. В Чернобыле был ежедневный медицинский контроль, брали кровь на анализ, ежедневный учет дозы рентгенов. После командировки был поставлен на учет и каждый год проходил диспансеризацию. В 1992 г. врачи обнаружили увеличение щитовидной железы, появился хронический гепатит, гипертония, головные боли и боли суставов. В этом же году был госпитализирован. В 1996 году пришлось уволиться с работы по состоянию здоровья и оформить пенсию. После Чернобыля было присвоено звание «старшего прапорщика». Позже были командировки в горячие точки Сумгаит, Северная Осетия, Карабах, Владикавказ и два раза — Чечня.

Радиодозиметрический контроль

Э.Л. ОТРОШЕНКО

Я родился 19 августа 1938 года в г. Артемовске Донецкой области. После окончания Московского автомеханического института в качестве инженера-механика по литейному производству и литейной технологии работал на машиностроительном заводе в Пермской области, а затем в Москве в научно-производственном объединении «ВНИИ-ЛИТМАШ». Наряду с производственными обязанностями я принимал участие в работе штаба ГО предприятия. Когда

НАУМОВ Сергей Викторович — фотокорреспондент, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, (1986).

ОТРОШЕНКО Эрнст Леонидович — инженер-механик, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

Э.Л. Ограшенко

начались работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, я был командирован администрацией НПО «ВНИИЛИТМАШ» по распоряжению Штаба ГО г.Москвы и решению Краснопресненского районного исполкома №9/16 от 01/09/86 в район катастрофы. Поскольку в штабе ГО предприятия я, в основном, занимался проблемой определения уровня радиации, то и был направлен в район катастрофы в качестве дозиметриста.

К моменту командировки я являлся старшим научным сотрудником и занимался разработкой технологии производства отливок на крупных промышленных предприятиях страны. Свою командировку в зону радиационного заражения воспринимал как производственную необходимость, связанную с ликвидацией последствий аварийной обстановки.

По времени моя работа продолжалась с 03 сентября по 04 октября 1986 года. По косвенным данным за весь период работ, связанных с ликвидацией последствий аварии получил дозу не менее 20 рентген.

На начальном этапе, работы проводились на территориях Хойниковского

и Брагинского районов. В основном, в населенных пунктах и на различных промышленных и сельскохозяйственных объектах. Далее и до конца командировки — Злынковский, Новозыбковский и Комаричский районы. Задачей нашей рабочей группы являлось определение уровней радиационного заражения местности, составление и перепроверка топографических карт с указанием уровня радиации. Зачастую ранее составленные карты уровней загрязнения местности, полученные для проверки нашей группой, требовали корректировки.

Работы в зоне загрязнения было много. Нам необходимо было контролировать уровень загрязнения радиацией сельскохозяйственной техники и продукции, сельскохозяйственных животных. На отдельных объектах, подлежащих проверке, и в некоторых населенных пунктах нам приходилось работать неоднократно, так как климатические условия, переменчивые ветры, грунтовые воды способствовали изменению уровня радиационного заражения местности.

Казусные случаи, с которыми мы встречались в процессе работы, в основном, были связаны с довольно частыми обращениями к нам местного населения с просьбой проверить, не пострадал ли от радиации личный домашний скот — телята, поросята, куры и т.д. Были эпизоды, когда от нашей группы, передвигающейся на стареньком УАЗе, удирали мародеры с велосипедами, нагруженными какими-то мешками и вещами.

По возвращении в Москву я сдал отчет по работе в штаб ГО г.Москвы и к великому сожалению, со своими товарищами я больше не встречался.

В статусе ликвидатора последствий аварии на ЧАЭС с 19 сентября 1991 года я, стал пенсионером по старости ранее шестидесятилетнего возраста. Свою роль в этом сыграл чернобыльский закон. К тому времени я уже осознал, что я выполнял свой конституционный долг перед Родиной. Как многие ликвидаторы-чернобыльцы я в 1986 году не думал

о материальных благах и денежных вознаграждениях. Просто следовал нормальным человеческим принципам — в трудную минуту всегда стараться прийти на помощь людям. Еще до чернобыльских событий мне случилось спасти детей при пожаре, за многолетнюю сдачу донорской крови в 1985 году меня наградили знаком «Почетный донор СССР». Но после работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС я не мог похвастаться отличным здоровьем, которое примерно с 1988 года начало ухудшаться. Я стал часто обращаться в поликлиники и другие медицинские учреждения: Спасо-Перовский госпиталь «Мира и милосердия», НИИ «Диагностики и хирургии». С 1994 года стал постоянным «клиентом» Московского госпиталя ветеранов войн №2, в котором проходил лечение более 10 раз. За плечами — два инфаркта, один инсульт, операция артериального шунтирования. Вообще, дослужился до звания инвалида 2-ой группы в связи с Чернобылем со стажем 11 лет.

Но падать духом — это самое последнее дело. Избегать этого мне, в значительной мере, помогает память. Жизнь, которую уготовила мне судьба, подарила мне возможность частых и продолжительных командировочных скитаний, встреч и расставаний с хорошими, добрыми и умными людьми и, чего греха таить, встречались на жизненном пути не очень порядочные попутчики.

И, все-таки, в душе и сердце всегда живут друзья, близкие по духу люди, которые делили и делят со мной счастье и прекрасные моменты побед и удач, а также боль горьких и трагических событий, связанных с утратами и обидами, к коим отношу и Чернобыль. Это подталкивает меня порой садится за свою маленькую поэтическую тетрадь, чтобы в стихах обращаться к друзьям, беседовать с ушедшим в иной мир товарищем, вспомнить об отцах и дедах, подсказывать что-то молодому поколению, да и в самого себя вселять оптимизм.

Несколько своих стихотворений я предлагаю Вашему вниманию.

Конечно, очень тяжело достаются последние годы: совмещать постоянное лечение с многолетними попытками вырваться из ветхой пятиэтажной «хрущевки» (пока, к сожалению, безрезультатно). Но мы — черновыльцы! Мы прорвемся! Желаю здоровья и долгих лет жизни всем черновыльцам! Желаю Вам, друзья, душевного равновесия и счастья! Надеюсь, что в это сегодняшнее нелегкое время мы будем вместе поддерживать себя верой, что государство и общество не забудут подвиг черновыльцев и их неоценимый вклад в жизнь грядущих поколений. Низкий Вам поклон, друзья мои черновыльцы!

Через рожденья, драки, тризны,
Сквозь частокол грехов и сплетен
Легла межа по нашей жизни
Границей двух тысячелетий.
И в этот незабвенный час,
Пока еще пылит дорога
В душе у каждого из нас
Пусть оживет частица Бога.

ПОМИНАНИЕ

Только струны затронешь —
Словно в юность билет.
Снится остров сокровищ,
Которого нет.

И тогда понимаешь,
Что проходят года,
Что твой верный товарищ
Ушел навсегда.

Где же вы? Где же вы?
Рвуть от боли крича!
Будто ран ножевых
Нахватал сгоряча!

Среди горькой тиши
Не услышать ответ...
На молчаньи лежит
От Чернобыля след...

Нас надолго не хватит.
Наш маршрут — не длинной.
Будет белая скатерть,
И стаканы на ней.

И рукою уставшей
Пусть хозяин нальет
Всем друзьям опоздавшим,
Всем друзьям опоздавшим,
Всем друзьям опоздавшим
И тем, кто уже не придет...

ВСТРЕЧА НЕ НАЯВУ

Катят с крыши клубы дыма серого,
Кружат у оконного стекла.
За столом безмолвно мы беседуем,
Разомлев от водки и тепла.

После бесконечного пути устав,
К теплomu потрескиванью дров
Он вошел спокойно, как бывало
Из воспоминаний и из снов.

Он глазами вопрошал без устали,
Чтобы без утайки и прикрас
Поделиться я своими чувствами,
Что — в душе у каждого из нас.

И про все, что надо и не надо бы,
Долго я в ответ ему молчал.
В большей мере я его порадовал
И в не меньшей мере огорчал.

То теплом, то несказанным холодом
Веяли знакомые глаза.
«Как же мы когда-то были молоды!» —
он мне на прощание сказал.

Поделиться мы последней
Обнялись, не укрывая слез.
Он ушел знакомую походкою
И растаял в небе среди звезд.
А в снегу — серебряными розами
Лишь следов застывшая печать.
Мне уйти сегодня не дано за ним,
Чтобы снова вместе помолчать.

И доколе вечерами поздними
Жизнь ведет отсчет ушедших дней,
Будут вопрошающими звездами
На меня смотреть глаза друзей.

ПАМЯТИ ОТЦОВ

Года никогда не сотрут
Из памяти эхо войны.
Я слышу: солдаты идут
Дорогой ночной тишины.
Мне слышатся скрипы ремней,
Я вижу шинели в пыли...
Легла им дорога длинней,
Чем та, по которой прошли.

У них не окончен маршрут.
В пути им неведомы сны.
Я слышу: солдаты идут,
Солдаты минувшей войны.

В ночи — не увидеть лица...
Замрите! Замрите на миг!
...Дорога у них — без конца,
как вечная память о них!

МИР ТЕБЕ, ДОБРОЕ

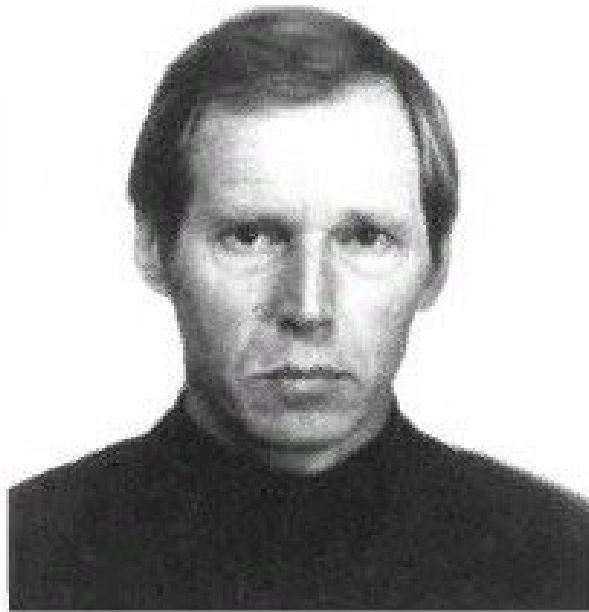
Утро всегда мудрее вечера.
Наших поступков — границы
Доброе, нежное и доверчивое
Часто бывает жестоко ранимым,

Если б умели мы самое главное
Четко делить на плюсы и минусы,
В эту судьбу, без сомнения, надо бы
Верить, как в данные Богом милости.

Черное с белым. Веселье и горести,
Зло и добро. Откровенность и
Женская честь и мужская
Дерзкая сила и беззащитность.

Все в суете постигается с болями.

В.В. Полежаев

согласовании и утверждении документации—с техбюро ЧАЭС. Частичную помощь в выпуске конструкторской документации мне оказывали сотрудники Московского института «Гиредмет» специально вызванные руководством ЦРЛК. В дальнейшем институт «Гиредмет» организовал летом 1987 года изготовление 2-х партий устройств на своем заводе «Геоприбор» в г. Москве под контролем ОКБ «Горизонт».

До 1987 г. я был в Чернобыле 3 раза. Медицинский контроль не проходил.

По возвращении в Москву заметил у себя неполадки с горлом, часто опухали десны, что приводило к потере зубов, это частично сохранилось и до сих пор. На пенсию вышел в 1993 году. На лечении в медицинских учреждениях не ходился.

Срочная служба в Чернобыле

А.В. ПОПОВ

Весть о большой беде застала меня в Челябинске-65. Здесь я проходил срочную службу. В первых числах июня был

направлен на ликвидацию последствий чернобыльской катастрофы (с 14 июня по 14 декабря 1986 года).

Нас поселили в палатках, в Иваново. В палатках была натянута специальная противорадиационная пленка. Стояла страшная жара и находиться в них было невыносимо. Отсюда нас каждый день возили в Чернобыль, где мы загружали вертолеты мешками со специальным порошком, которым заглушали реактор. Потом меня перевели в автороту в поселок Тетерев, дали списанные вагоны, в которых мы стали устраивать ночлег. В 5 часов утра нас увозили в зону, а в 10 вечера мы возвращались. Санпропускников в то время еще не было, нас обливали водой из пожарных брандспойтов. После поливки мы одевали свою же форму. Так было месяца два, пока не появились специальные санпропускники.

Чернобыль производил неприятное впечатление, он был пуст, кругом было все разбросано, бегали брошенные животные с оступевшими глазами, не понимающими, что происходит. Ликвидаторов там было еще мало, в основном солдаты срочной службы. Поначалу из дозиметрических приборов нам дали только «таблетки», которые проверяли по истечению месяца. Только потом нам выдавали «карандаши», которые проверяли каждый день. Официально у меня зафиксировали 17,8 рентген. В июле, в самую жару, мы разгружали баржи на реке Припять со щебенкой для бетонного завода, который сами же и строили. Воду нам привозили только минеральную, и ополаскиваться в Припяти не разрешали, и раздеваться тоже. Мы наливали в бочку минеральную воду и купались в ней, спасаясь от жары. Потом мы расчищали площадку под перевалку бетона с чистых машин на грязные, километрах в 1,5 от реакто-

ПОПОВ Анатолий Владимирович — военнослужащий, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, (июнь—декабрь 1986).

ра. Офицеров у нас меняли каждые 2 месяца, солдаты оставались без замены. Только после приказа Министра обороны поступило распоряжение срочников вывести из зоны, и все равно нас еще долго туда возили. Глубокой осенью нас перевели на обмывку загрязненных машин на КП (выезд из зоны).

В декабре стало холодно и в вагончиках жить стало невозможно. Нам осталось дослужить еще полгода, и мы были отправлены в г. Днепродзержинск. Откуда я и демобилизовался.

Ухудшение здоровья я почувствовал в 1998 году. Работал монтажником, и в ночные смены у меня было несколько сердечных приступов. Увозила скорая помощь. Потом начала болеть спина и суставы. Обратился к врачам только в 1996 году, тогда и получил инвалидность.

Деактивация третьего энергоблока

С.Н. РУЛЕВ

19 июня 1986 года был призван на военные сборы Красногвардейским военкоматом г. Москвы и отправлен на ЧАЭС. В течении указанного периода ежедневно выезжал на работы по деактивации 3-го энергоблока по очистке вентиляционных труб и помещений от радиационной пыли.

Все военнообязанные, с кем мне приходилось работать, были отважными. Все задачи, поставленные перед нами, выполнялись добросовестно и в срок. Времени на отдых практически не было, так как с работы возвращались к вечеру, потому что на каждом КПП проводили обработку автомашин от радиации.

В настоящее время являюсь инвалидом 2 группы с заболеваниями ИБС,

---

РУЛЕВ Сергей Николаевич — военнослужащий, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

А.В. Попов

стенокардия напряжения 2 ФК, после инфарктный кардиосклероз, атеросклероз аорты сосудов головного мозга, заболевание желудочно-кишечного тракта и тд. Перечисленные заболевания начали прогрессировать с 1993 года. Находился на лечении в 7-ой городской больнице. Периодически находился на лечении в НИИ профессиональной медицины и неоднократно в Московском НИИ диагностики и хирургии в отделении радиационной медицины.

О состоянии здоровья личного состава на ЧАЭС наблюдали врачи, ежедневно брали кровь на анализ.

Чтобы мама не волновалась

С.Ю. САРВ

1986 год глубоко врезался в память всех ликвидаторов, их родных и близ-

---

САРВ Сергей Юрьевич — военнослужащий, участник ликвидации последствий катастрофы (1986).

С.Н. Пулев

ких, людей, живших и живущих на зараженной территории, народов, населяющих бывшую страну, называющуюся — СССР. Большое спасибо тем, кто решил написать и издать данную книгу. Это — память погибшим и умершим, память для всех, кому Чернобыль не просто точка на карте Украины. Это — напоминание нашему государству, правительству и чиновникам всех мастей о людях честно, выполнивших свой долг и о которых, последнее время стали забывать.

Об аварии на ЧАЭС узнал так же, как и вся страна, из сообщений газет и телевидения. Когда посмотрел репортаж о масштабах катастрофы и увидел колонны техники, первых «партизан», почему-то понял — надо готовиться. Службу в армии проходил в войсках химзащиты. Первые полгода в учебном подразделении под г.Остер (Украина) по специальности — командир отделения химической, радиационной и бактериологической разведки. Следующие полтора — в Отдельном батальоне РХБЗ в Южной группе войск (Венгрия) на должности командира отделения дозиметрического и связи роты спецобработки.

Демобилизовался в 1984 году. Встал на учет в военкомат Бабушкинского района г. Москвы по военно-учетной специальности старший химик-разведчик. Так что про радиацию знал не понаслышке.

6 мая был вызван в военкомат вместе с несколькими ребятами, имеющими ВУС химик-разведчик. Меня и еще троих оставили для организации поста радиационного контроля в военкомате. Выдали ДП-50А. Специалисты поймут, что это за прибор. Им можно замерять уровни радиации только после ядерного взрыва. Так что сами понимаете, какой должен быть контроль. Дежурили через день. Вечером от фонаря составляли отчет — радиационная обстановка в норме. Днем занимались помощью военкоматовским клеркам. Исполняли мелкие поручения, писали и разносили повестки. Так провел месяц, после чего пост был ликвидирован и я приступил к исполнению своих гражданских обязанностей.

Где-то в середине июня у нас на работе выделили бесплатные путевки на три дня на экскурсию в Киев. Поехал. В Киеве на въездах в город видел настоящие посты радиационного контроля, после чего пришло осознание того, что дело с аварией — серьезно.

7 июля, снова повесткой, был вызван в военкомат. Формировалась команда в Чернобыль. На КАМАЗах повезли в Ростов Великий, где формировалась инженерная часть. Вместе со мной призвали моего хорошего товарища Геннадия Полякова, он химик-дегазатор. Его оставили, а меня, так как разведчиков уже набрали, отправили домой. Геннадий почти три месяца работал на ликвидации аварии. В прошлом, 2004-м году, в возрасте 40 лет он умер. Вечная ему память. Чернобыль собирает свою жатву.

12 июля опять пришла повестка явиться в военкомат. Снова набирали команду. Из военкомата отвезли в какую-то школу в районе Варшавки, где собрали людей со всех районов Москвы. Через несколько часов ожидания, погрузили в автобусы и повезли в Курск.

В Курске переодели в военную форму, выдали снаряжение, погрузили в эшелон и повезли в Киев. Когда всех переодели, то я понял почему призванных на сборы называют партизанами. Мужики в форме волосатые, бородатые у кого ремень не сходится на животе. В общем — картина. В Киеве выгрузили на привокзальную площадь. Сказали, что через час поедem куда-то на электричке. Прошел час, другой, а нас не отправляют. Мужики потихоньку разбрелись в поисках, сами знаете чего. Я в этом деле поспособствовал, так как был в курсе, где взять. Был здесь недавно. В итоге после пяти часов ожидания полкоманды лежало на асфальте. Это была последняя расслабуха перед Чернобылем. Вместо электрички пришла колонна машин, и нас повезли в расположение части. Во время следования пару раз останавливались в каких-то деревеньках. Сразу подходили бабульки, угощали фруктами, но большинству их есть не хотелось, брали из вежливости.

При подъезде к расположению, сразу вспомнились фильмы про войну. На повороте с трассы самодельный указатель «Хозяйство Гаркавенко».

Приехали уже ночью. Распределили по палаткам. С утра объявили, что мы прибыли в Московскую бригаду химзащиты (26 бригада). Распределили по батальонам. Я попал в 1-й (в/ч 18977), командир майор Сазон. Разместили, помыли, постригли, и вечером состоялся мой первый развод на работы на станцию.

С утра погрузили на машины, раздали «лепестки» и повезли. Первое впечатление от станции — огромная стройка. Кругом, снятый грунт, все перепахано. Впечатлила строительная техника, зашитая свинцовыми листами. Море людей в форме и белыми пятнами выделяются гражданские. Переодели в рабочую робу на 2-м АБК. Повели на работу. Пару часов таскал из какого-то помещения мусор. Затем помылись в душе, переоделись в чистое. К обеду повезли обратно. Всем за день поставили 1,5 Р.

С.Ю. Сарв

Начались трудовые будни. На станцию возили не каждый день. Кому-то нужно было работать в лагере, стоять в нарядах, все-таки армия. По возвращению со станции все занимались своими делами. Вечером после развода — кино. Быт был налажен хорошо. Кормили на убой. Если не хватало, иди за добавкой. Работала баня. У офицеров была парилка, но туда ходили все без проблем. Отношения между всеми были дружеские. Не было разграничений по возрасту, социальному положению и званиям. Офицеры в основном на уровне роты сами были «партизаны». Днем часто приезжали с концертами концертные бригады. Из знаменитостей могу назвать Зельдина и Чиханкова.

На станцию ездил, в основном, дозиметристом. Работал на АБК-2, ЦТПК, на территории, сейчас не помню всех абрикветур. С 15 августа послали в командировку на АБК-1 в санпропускник, обслуживающий гражданских. Находился там круглосуточно около двух недель. Занимались уборкой, сбором грязной одежды, выдачей чистой. Ночевали в бункере. Духота страшная. Как-то после сильного ливня в бункер пошла вода.

фон поднялся до 1 Р/ч. всех разместили по этажам. Днем, в перерывах между сменами, ходил на АБК-2 к своему товарищу, когда тот приезжал на станцию.

Первое время по станции можно было ходить свободно. Где-то к концу августа обозначили проходы колючей проволокой, понагнали ВВ, поставили везде посты. Даже в помещении АБК ходили по спискам. Со станции сходили в «самоход» на концерт Леонтьева, со знакомым на БРДМ съездили в Чернобыль, когда тот там выступал.

После того, как моя доза составила 17,5 Р, отправили обратно в лагерь. Для того, что бы отправили домой, нужно было набрать 20 Р. В лагере шла доза 0,1 Р в день, так что еще несколько раз пришлось съездить на станцию. В сумме у меня вышло 20,43 Р. хотя все эти данные субъективны. Строгого учета не было, индивидуальных дозиметров «партизанам» не давали. Приведу простой пример. Работаю на АБК-2 дозиметристом. Общий фон помещения 0,3 Р/ч, рядом куча загрязненной одежды, фон от нее 1,5 Р/ч, смена 4 часа — мне за день ставят дозу 1Р. Да когда по станции передвигаешься, участок не отличный от фона через несколько метров — превышает в несколько раз. Так что одному Богу известно, кто что схватил. В принципе страха перед радиацией не было. Нас не учили учитывать малые дозы. При применении ядерного оружия при 50 Р/ч любое подразделение должно выполнить свою боевую задачу.

Самочувствие было в основном в норме, хотя постоянно чувствовалось першение в горле. Несколько раз были сильные головные боли, пару раз рвота, один раз высокая температура.

Когда я вернулся из командировки со станции, бригада начала строительство зимнего лагеря. Пришлось немного построить. Возводились зимние столовые, ставились зимние палатки. Бригада обосновывалась надолго. Поменялось командование бригады и батальона. Комбригом стал полковник Нахимовс-

кий, комбатом майор Польшин, да и рядовой состав поменялся. Из тех, с кем я прибыл в лагерь 18 июля, осталось человек шесть. Остальных заменили. 15 сентября справил свое 22-х летие. Молодых в принципе было мало, в основном 35-45-летние, многие тогда казались дедами. Со многими из них сдружился. Сейчас уже не помню по имени, но вспоминаю добрым словом мужиков из Рязани, Калуги, Воронежа, Владимира. Домой был отправлен 29 сентября, имея дозу 20,43 Р и 32 дня работы на станции. Думаю, что честно выполнил свои обязанности.

После возвращения, поначалу, на свое состояние и самочувствие не обращал внимания, хотя, вспоминая и анализируя, нужно было заниматься собой уже тогда. Родные и близкие отмечали, что стал раздражительным, скандальным, появились головные боли, боли в костях, сердце. Был молодой, интересы были другие, да и стыдно было в таком возрасте бегать по врачам. В 1988 году родился сын — другие заботы. У него со здоровьем тоже поначалу не было особых проблем, проблемы появились потом. В настоящее время он на инвалидности. Второй ребенок умер, не родившись.

В 1993 году родилась дочь. Забот прибавилось, а здоровья наоборот. Из-за частого нахождения на больничном начались конфликты на работе. С 1995 года официально не работаю. Чернобыльцев на работу берут неохотно.

С 1998 года на инвалидности. Много нервов и здоровья отнял у меня обмен удостоверений. Архивы в/ч 18977 за период моей службы не сохранились. Книга учета личного состава велась карандашом. Стиралась фамилия уходящего и вписывалась фамилия вновь прибывшего, что в дальнейшем отразилось на судьбах многих ликвидаторов. Тогда этому никто не придавал значения. Пришлось потратить два года на обращения во всевозможные инстанции и только по решению суда удалось под-

твердить факт моего участия в ликвидации катастрофы на ЧАЭС и пребывания в зоне отчуждения.

В преддверии 20-летия аварии хотелось бы пожелать нашему государству не забывать об исполнении своих обязательств по отношению к ликвидаторам, их семьям, к тем, кто своим здоровьем, здоровьем своих детей и здоровьем последующих поколений защитил свою страну и другие государства от невидимого врага — радиации.

Приложение

Письма С.Ю. Сарва

129348 Москва, Ярославское шоссе, 18-22. Э.В. Сарв.

20.07.86

Мам, здравствуй! Пишу тебе 20-го июля. До этого особенно не о чем было писать. Тебе дедушка говорил, что я звонил из Киева? Так вот, вечером этого же дня завезли куда-то под Чернобыль, в лагерь. Живем здесь в палатках. Так что извини за почерк, пишу в полевых условиях. Фон здесь небольшой, так что зона уже нулевая. Уже успел съездить поработать на саму станцию. Работа там кипит во всю. Особенно распространяться не буду, приеду — расскажу. Кормят хорошо, усиленное питание. Три дня в неделю смотрим кино. Моемся в бане каждый день. Так что хоть и в поле, но постоянно ходим чистые. Особенно пока не перетруждаемся. Погода стоит хорошая, много солнца. Так что приеду черный. Пока не могу сказать точно, когда домой, но думаю, что где-то к сентябрю. Единственное, что смущает, так это то, что меняют человека на человека, а не партиями. Надеюсь, что замену найдут. Ну вот, вроде бы и все. Передай привет всем родственникам. Особенно не переживайте, ничего страшного здесь нет, если и получаем радиацию, то в безопасных дозах. На этом заканчиваю. Целую. Сергей.

255311, Киевская область, Иванков-

ский район, с. Ораное, в/ч 18977 «Д» 1 батальон 2 рота. Сарву С.Ю.

129348 Москва Ярославское шоссе 18-22. Э.В. Сарв.

Мам, здравствуй! У меня все нормально. С 15 августа постоянно нахожусь на станции. Работаю в санпропускнике. До этого два дня ездил дозиметристом. Настроение бодрое. Пишу в антисанитарных условиях, сидя на стуле, кругом ходит народ. По моим расчетам домой думаю поехать в конце сентября. Кормят здесь хорошо. С деньгами тоже нет проблем. В начале августа получил за дни в июле 50 р. это из расчета 3.50 в день командировочных. В начале сентября получу за август более 100 рублей. Так что всем обеспечен полностью. На станции хожу весь в белом, моюсь два раза в день под душем, воды хватает. Белье меняем каждый день. В общем, не жизнь, а рай. Вода здесь хорошая, мягкая. На этом, вроде бы все новости. Передай всем привет. Сергей.
в/ч 18977 Сарву С.Ю.

129348 Москва Ярославское шоссе 18-22. Э.В. Сарв.

25.08.86

Мам, здравствуй! У меня, как всегда все нормально. Живу на станции. Каждый день похож на предыдущий, но жить можно. На днях ездил в Чернобыль на концерт Леонтьева. Так для разнообразия, развеялся, а то здесь никаких развлечений. В части, хоть кино показывали, а здесь одно кино и то все про стройку. Скоро должна по слухам приехать Пугачева, попробую тоже вырваться. Погода здесь, не поймешь какая, то солнце, то дождь. Правда, я на улице почти не бываю, но в окно смотрю часто. Так что наблюдаю жизнь из-за стекла. Домой думаю попасть где-то к октябрю, так что еще месяц можешь жить спокойно. Напиши, кто звонил и зачем. Меня не забыли еще? На этом у меня вроде бы все. Пиши. Целую. Сергей.

в/ч 18977 Сарву С.Ю.

Ю.А. Синицын

Дезактивационные работы

Ю.А. СИНИЦЫН

Работал я в научно-производственном объединении «Энергия» и во Всесоюзном Научно-исследовательском институте по эксплуатации АЭС (ВНИИАЭС) в должности старшего инженера. С мая 1986 года по июль 1986 года — в штабе ВНИИАЭС оказывал помощь беженцам с Украины.

С 16 марта 1987 года по 14 апреля 1987 года был командирован в город Чернобыль на Чернобыльскую АЭС. Курировал очистку кровель 3 блока (приказ ВНИИАЭС № 401 от 16.03 1987 года) сроком на 30 дней.

Конкретно я занимался работами по дезактивации 7001 помещения под вентиляционной трубой на отметке 67 метров.

Необходимо было возвести бетон-

СИНИЦЫН Юрий Александрович, инженер, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1987).

ную стену и отгородить вентиляционный проем, чтобы дать возможность солдатам работать в этом помещении и укрепить основание вентиляционной трубы, подводя под неё металлические колонны.

В настоящее время не работаю. Инвалид 2 группы, увечье связано с аварией на ЧАЭС, пенсионер. За декабрь месяца 1986 года объявлена благодарность по оказанию помощи Чернобыльской АЭС. 1987 год — за большой вклад в работу по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС объявлена благодарность и премирован.

В составе оперативной группы округа

А.А. СКРЫЛЕВ

Прошло уже 20 лет, но память хранит очень много мельчайших подробностей тех сложных, трагических, очень тяжелых событий.

В 1986 году я служил в штабе Средне-Азиатского военного округа в г. Алма-Ате. Начиная с 8 мая 1986 года время вдруг сорвалось в галоп для меня, потому что трагедия докатилась и до Казахстана. В составе оперативной группы штаба САВО принимал участие в отмотилизовании и комплектовании личным составом и техникой полка химической защиты. Затем сразу же вылетел в Чернобыль на рекогносцировку, встречу прибывающих эшелонов полка и размещение его на местности в Гомельской области города Хойники.

С благодарностью вспоминаю государственных и партийных работников, обыкновенных простых людей, которые оказывали нам помощь при решении тех сложных задач.

Самой лучшей техникой, а самое глав-

СКРЫЛЕВ Андрей Александрович — полковник в отставке, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1986).

ное людьми, а именно целинниками и шахтерами, был укомплектован сформированный полк под командованием полковника С. Лутфуллоева.

После первой командировки мне пришлось еще дважды вылетать в чернобыльскую тридцати километровую зону в августе и октябре 1986 года.

После этого закончил военную академию тыла и транспорта, служил в ВС СССР и РФ. Однако с 1991 года стал болеть и в 1996 году был вынужден уволиться из рядов Вооруженных Сил по болезни. При увольнении было присвоено воинское звание полковника. В настоящее время являюсь инвалидом второй группы, кавалером ордена Мужества. Имею медали «За трудовую доблесть» СССР.

Навсегда у меня остались в памяти воспоминания о простых людях, которые жили и боролись с ужасающей трагедией и оставались при этом Людьми, хотя были случаи нечистоплотности, предательства.

Многое я помню: и яблоневый цвет садов и яблони, ветки которых ломались от плодов, и грибы по 1—2 на каждом квадратном метре. Помню пустые деревни, где нет ни одного человека и только собаки, кошки, да редкая скотина бегает и ничего не понимает. Особо помню скорбь и плач людей, которых выселяли из зоны.

Но главное в моей памяти — это наши необыкновенные великие люди. Низкий им поклон.

Вертолеты над реактором

А.Д. СТАРЕЦ

Родился я 23 июня 1958 г. Принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в период с 6 по 22 мая 1986 г. в должности заместителя

СТАРЕЦ Александр Давидович — полковник запаса, участник ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС (1986).

А.А. Скрылев

командира вертолетной эскадрильи по инженерно-авиационной службе, в/ч 32882. Эскадрилья входила в состав оперативной вертолетной авиационной группы, состоящей из вертолетов МИ-8, МИ-6, МИ-26 со всех военных округов страны. Группа базировалась на аэродромах: Чернигов, Гончаровск, Овруч и др.

Наша эскадрилья в количестве 10—12 вертолетов базировалась на аэродроме Чернигов. Основные задачи, которые решались личным составом:

- полеты на радиационную разведку на реактор (замер параметров, визуальная разведка);
- выброс в очаг взрыва грузов с песком, свинцом, доломитом;
- перевозка грузов.

Полеты выполнялись ежедневно с раннего утра до вечера.

Инженерно-технический состав численностью порядка 40 человек, которым я руководил, осуществлял подготовку вертолетов к полетам, устранял неисправности, выполнял текущий ремонт,

А.Д. Старец

проводил дезактивацию, производил загрузку вертолетов.

Я осуществлял общее руководство инженерно-техническим составом, контролировал подготовку вертолетов к полетам, совместно с дозиметристом проводил замер уровня радиации, решал те задачи, которые ставились командованием оперативной группы. Приходилось летать на площадки в 30 км зоне.

Командовал авиационной оперативной группой генерал-майор Антошкин. Главным инженером был генерал-майор Муха. Старшими инженерами группы были полковник Никонов А.И., подполковник Юрко. Замполитом был подполковник В.Я. Степанов.

Очень запомнились два события. Вечером 8 мая на станции произошел повторный взрыв. Ближе к ночи нас оповестили по тревоге. И 9 мая с 5 часов до позднего вечера выполнялись интенсивные полеты на реактор. Другое событие связано с моей беседой с работниками Конотопского ремонтного вертолетного завода. Главный инженер оперативной авиационной группы поручил мне перегнать МИ-6 на ремонтный завод в г. Конотоп для выполнения ремонта вертолета, так как своими силами мы

это сделать не могли. Причем все нужно было сделать в течение вечера, так как на следующий день этот вертолет должен был лететь на реактор. С забайкальскими летчиками я прилетел на завод. Работники как мухи облепили вертолет, несколько часов выполняли работы. Когда все было сделано, начальник цеха попросил меня выступить перед рабочими. Я помню, что собралось много людей, и я им рассказывал, что не надо переживать, что скоро авария на реакторе будет устранена. Я откровенно вешал им лапшу на уши. И мне казалось, что люди верили. Хотя я знал, что на самом деле все очень страшно.

За участие в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС награжден медалью «За спасение погибавших».

С октября 1998г. — пенсионер МО. Заработал заболевание — язвенную болезнь 12-ти перстной кишки. Первое проявление — март 1987г. Лечение проходил в лазарете части, в гарнизонном госпитале, в санаториях МО. Непосредственно в Чернобыле медицинское освидетельствование не проходил, уровень доз у личного состава не замерялся и не учитывался. Средства защиты не применялись.

Все офицеры и прапорщики, с которыми мне пришлось выполнять задачи на ЧАЭС добросовестно и мужественно выполняли все поставленные задачи, не задумываясь над тем, чем это им грозит. У людей не было страха. Люди делали свое дело. Многих моих коллег уже нет в живых. СВЕТАЯ ИМ ПАМЯТЬ.

Период полураспада

В.Я. СТЕПАНОВ

О черной полынной звезде известно из евангельских пророчеств. В Откровениях Иоанна Богослова говорится: «Тре-

СТЕПАНОВ Владимир Яковлевич — полковник запаса, член Союза писателей России, профессор, участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (1986—1988).

тий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод, и имя сей звезде — Полынь, и многие из людей умерли от вод, потому что стали они горьки... но еще не скоро вновь низвергнут дракона в бездну и, начиная с востока, зарубцуются последние язвы и раны, и заблестает чистая река воды жизни, светлая как кристалл...» О том, что по-украински «полынь» и означает «черныбыльник», и что звезда Полынь и есть звезда Чернобыль — впервые в жизни мне довелось узнать почти два десятилетия назад.

За прошедшие годы о глобальной радиационной катастрофе сказано и написано немало. При желании можно услышать всевозможные слухи, мифы, предания и сказания об этой трагедии. И, тем не менее, украинская земля еще долго будет хранить неразгаданные тайны апреля восьмьдесят шестого года прошлого столетия, когда в 1 час 23 минуты по московскому времени прогремел роковой взрыв на четвертом блоке АЭС, разрушивший не только активную зону реакторной установки, но и поставивший человечество на хрупкую грань самоуничтожения. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос: явилась ли черныбыльская катастрофа результатом крупных просчетов ученых, грубых ошибок обслуживающего персонала, нелепой непреднамеренной случайностью или предопределенным зловещим роком. Существует множество версий, каждая из которых подкреплена соответствующими фактами и имеет право на существование.

Можно много сравнений и эпитетов дать произошедшему событию, но все равно главное останется недосказанным. Чернобыль — величайшая трагедия века и для специалистов атомщиков, для советского общества и для всего человечества. Чернобыль — суровая школа, через аддово горнило которой прошли сотни тысяч людей, подвергаясь безжалостной жесточайшей провер-

В.Я. Степанов

ке на прочность человеческих отношений и духа. Чернобыль — очередная после Хиросимы и Нагасаки ядерная война, как по своим масштабам и последствиям, так и по той цене, по которой приобретался опыт ликвидации последствий глобальных катастроф. Чернобыль — яркий символ лучших качеств русского народа: величия души, патриотизма, жертвенности, героизма, мужества, сострадания чужой боли и осознания общей беды.

В мире происходит все больше и больше катастроф, влекущих за собой огромные человеческие жертвы и подталкивающих человечество к роковой черте Апокалипсиса. Гибель непотопляемого суперсовременного сверхнадежного атомохода «Курск», таран двух зданий небоскребов Всемирной торговой организации на Манхэттене, развязанная американцами война в Ираке, терроризм на железных дорогах Испании и много других, необъяснимых с нормальной точки зрения, событий. Все это трагические символы и симптомы нашего

времени, о которых в прошлом веке прозорливо предостерегал в своих работах гениальный русский ученый академик АН СССР В. А. Легасов.

Основоположник современной теории безопасного устойчивого развития мировой цивилизации и один из главных организаторов противостояния разбушевавшейся атомной стихии, Валерий Алексеевич, в частности, писал: «Стохастическое развитие индустриальной и военной инфраструктуры приняло угрожающие масштабы, развитие техносферы в нашей цивилизации опережает духовное осмысление происходящего, назревает общечеловеческий кризис». Если глубоко задуматься над смыслом сказанного академиком, то основной причиной и виновником техногенных трагедий является, как ни странно, отсутствие должной Духовности в деяниях человека.

В те не столь уж и далёкие годы разразившейся чернобыльской катастрофы, весь мир, затаив дыхание, следил за происходящими событиями. Большое видится на расстоянии. Прошло время, и что-то подёрнулось дымкой забвения. Безусловно, что-то забылось, но не всё. Вместе с тем, прошедшие годы продолжают высвечивать новые грани того подвига, который совершили советские люди. С первого дня и по сей день, центральной фигурой во всём процессе ликвидации последствий глобальной радиационной катастрофы являлся и является человек. В тридцатикилометровой зоне и на самой станции люди трудились на пределе возможностей. Не выдерживала нагрузок техника и оборудование, а люди продолжали вести борьбу с вышедшим из-под контроля мирным атомом. Без преувеличения можно сказать, что героическим трудом советского народа была проведена титаническая работа по усмирению ядерного исполина, вырвавшегося на просторы нашего Отечества.

В ликвидации последствий аварии приняло участие порядка 650 тысяч че-

ловек со всех концов Советского Союза. Большую часть ликвидаторов, свыше 340 тысяч человек, составили военнослужащие. Советский человек — солдат, ученый, инженер, рабочий, колхозник — все вместе ликвидаторы катастрофы носили одно величайшее звание — «рядовой Чернобыля». В этом героическом строю плечом к плечу будут навеки стоять ученые академик Герой России Валерий Алексеевич Легасов и генерал-лейтенант Борис Павлович Дутов, пожарные Герой Советского Союза лейтенант внутренней службы Виктор Николаевич Кибенок и Герой России генерал-майор внутренней службы Владимир Михайлович Максимчук, военнослужащие гражданской обороны полковники Сергей Владимирович Дементьев и Борис Сергеевич Решетов, подполковник Олег Андреевич Гончаров и многие сотни тысяч советских людей, преградившие ценой своей жизни и здоровья смертоносный путь, вырвавшегося из-под контроля, мирного атома.

Исторический путь развития земной цивилизации предопределен, предначертан свыше. Страницы летописи истории пишут люди. История преподносит человечеству уроки. Делать выводы из уроков — предоставлено людям. Человечество живет светлыми надеждами на доброе грядущее. Кому из нас не хотелось верить, что начавшееся третье тысячелетие от Рождества Христова принесет долгожданный и столь необходимый мир на нашу общую грешную и многострадальную землю. Разве не хочется верить, что Вселенской Любовью зарубцуются раны прошлого и в новом тысячелетии для всех земель наступит Эра Счастья и Благоденствия. Увы, реалии сегодняшнего мира не совпадают с надеждами и чаяниями большинства человечества.

Два десятилетия минуло с того памятного апрельского дня, ярко высветившего героическое и просто человеческое, что искони присуще русским людям. Радиоактивное чернобыльское

облако прошло не только над территорией трех братских республик единого славянского народа, но его черная тень пролегла в душе и на сердце каждого советского человека, оставив у многих свой неизгладимый ионизирующий след. Два десятилетия — много это или мало? Вопрос чисто риторический. Счастливые годы пролетают как одно мгновение... Трудные и горестные — длятся дольше, чем вся жизнь.

Поросла бурьяном и травами чернобыльская зона. Что-то подернулось дымкой забвения и в памяти людской. Слишком много всякого произошло в жизни нашей страны и каждого из нас, что стало даже достоянием мировой истории. И все-таки, чем дальше в Лету уходят годы, тем осознанней и различимей становятся масштабы той трагедии, которая произошла на маленьком клочке украинской земли в апреле 1986 года.

Из разрушенного реактора были выброшены тонны топливной массы урана и прочих составляющих периодической таблицы Менделеева. Радиоактивные элементы содержали всю совокупность продуктов деления ядерного топлива от йода-131 с периодом полураспада около восьми дней до плутония-239 с периодом полураспада до двадцати семи тысяч лет. Воздушными потоками радиоактивные частицы разнеслись на тысячи километров по всему северному полушарию. Только в России загрязненными оказались территории одиннадцати областей и трех автономных республик. Площадь загрязнения по цезию-137 с плотностью более 1Ки/кв. км. составила около шестидесяти тысяч кв. км. Миллионы гектаров колхозных и совхозных земель оказались надолго выведены из севооборота.

События тех, не столь далеких, лет внесли существенные коррективы в историческое развитие всей земной цивилизации. Отголоски трагедии до сих пор долгим эхом чернобыльской тишины продолжают звучать в различных уголках земного шара. И все-таки: Чер-

нобыль явился миру не случайно. Человечество в прошлом веке, нарушило некие Вселенские Заповеди в использовании достижений научно-технического прогресса. За нарушение незыблемых постулатов галактического развития человечество вынуждено заплатить столь дорогую цену. Чернобыльская катастрофа и ее последствия — это своего рода страшное знамение и грозное предупреждение всем жителям маленького космического корабля с таким милым названием — Земля. Хрупкого, слегка приплюснутого, голубого шарика, несущегося к Свету в просторах необъятной Вселенной.

Хочется привести слова одной странницы, с которой встретился на Словенских ключах под Старым Изборском, о том, что пришло время духовного антихриста. Из средств массовой информации каждодневно видно, какие грехи совершаются на земле, и какие кары осуществляет Господь. За примерами далеко ходить не надо. Гигантские волны в Индийском океане, унесшие «с побережья казино и публичные дома» в одночасье жизни около трехсот тысяч человек. Следует заметить, что любое средство, находящееся в руках человека, у которого в душе нет частицы Бога, превращается в орудие нечистой силы. С ее слов особенность нынешнего времени состоит в том, что Праведный Суд идет на земле, а не на небе. Человек волен сам определяться, с кем ему быть: с Богом или антихристом. Тех, у кого греховность превышает доброту, сами лишают себя чистоты. Бог покидает их души, так как Святой Дух, образно выражаясь, не может присутствовать в нечистом сосуде. Выбор за нами — людьми. Но за выбор пути с антихристом — Господь человека карает. Если раньше кара была явлена в виде Всемирного потопа, то ныне она осуществляется невидимым страшным всепоглощающим огнем, который был зажжен в Чернобыле. Случайно или нет, но странница другими словами высказала ту же мысль, которая

перекликается с высказываниями академика В. А. Легасова.

Несомненно одно: величайшая радиационная катастрофа всколыхнула весь мир. Чернобыльская беда коснулась своим крылом буквально всех и каждого. Только, может, кто-то отнесся к этому равнодушно, кто-то воспринял эту трагедию как свою собственную... Начавшийся полураспад выброшенных из чрева реакторного исполина радиоактивных элементов ознаменовал «полураспад» нечто большого и значительного в судьбе каждого жителя не только одной шестой части земного шара, но и остальных людей, населяющих другие пять шестых территории планеты.

Трагедия апреля восемьдесят шестого года, на мой взгляд, предопредила «эпоху полураспада». «Период полураспада» породил чернобыльские метастазы страшной разрушительной «независимости» от ответственности руководителей. Распалась великая имперская держава, как ее не назови: Советский Союз, Великая Россия, — веками собираемая и приращиваемая нашими великими предками. В результате распада на просторы империи выплеснулась гигантская «энергия зла». Почти ровно половина населения из трехсотмиллионного государства оказалась в пределах России, а остальные за ее границами. В результате «полураспада» оказались разделены не только народы, но и многочисленные семьи, родственники, друзья, знакомые... Негативные последствия «полураспада» практически каждый из нас испытывает и по сей день. Кто из ныне живущих в независимой «оранжевой» Украине, не говоря уже об отдалившемся Казахстане или «тюльпановой» Киргизии, может запросто поехать на свадьбу или просто в гости к своим родственникам в отпуск? Даже чернобыльцам некогда братских советских республик не всегда удается встретиться на Митинском мемориале в День памяти жертв радиационных катастроф.

Мир из дуополярного превратился в однополярный. Из двух военно-политических союзов в Европе: блоков НАТО и Варшавского договора — остался один, вплотную приблизившийся к границам нынешней России с плацдарма стран Балтии. Последствия мирового «полураспада» привели к тому, что мировая арена превратилась в поле боевых сражений, когда одна из стран, взяв на себя функции «жандармского миротворца» ведет непрекращающиеся войны то на Балканах, то на Ближнем Востоке, то в любых других точках земного шара, объявляемых зоной своих стратегических интересов.

Можно говорить только о технической стороне использования достижений научно-технического прогресса, что энергия атомного ядра является колоссальным источником тепловой энергии, превосходящей по калорийности запасы энергии, заключенные в залежах угля и месторождениях нефти и газа. Но нельзя забывать, что радиация является и оружием дьявола, его смертоносным, невидимым, всепоглощающим и уничтожающим огнем. Первоначально воздействие радиации невозможно определить органами чувств человека. Радиация не имеет цвета, запаха, ее нельзя потрогать руками. Человек может некоторое время без болезненных ощущений существовать в условиях радиации, но последствия соседства с ней оказываются роковыми. За человеческие слабости и прегрешения дантовым огнем горят наши души.

Видимо, поэтому так спокойно отнеслось большинство граждан к развалу своей страны, что последствия распада в первый год никто сразу не почувствовал на себе. Наоборот, как у переоблученных перед смертью, наблюдалось некоторое улучшение и эйфория от «приобретенных демократических свобод». «Период полураспада» вверг огромную территорию нашей страны в раздоры, вооруженные конфликты и гражданские войны. Чечня, Таджикистан,

Приднестровье, Абхазия, Крым — этот список еще будет продолжен. Чернобыль пропечатал, как излучение на рентгеновской пленке, границы новоявленных государственных территориальных образований, вызвав «раковые опухоли» недоверия и скрытой вражды.

«Период полураспада» негативно сказался на духовной жизни общества. Взрыв на четвертом блоке не только деформировал стальные и бетонные конструкции станции, но спустя годы он также вызвал и серьезнейшие деформации таких понятий как государственность, патриотизм, гуманность, сострадание, милосердие. Слишком многие вопросы социальной сферы, в том числе культуры, образования и медицины, стали решаться «золотым тельцом».

В определенной степени оказались подорваны устои не только православной веры, но и других традиционных концессий на территории постсоветского пространства. На просторы России в условиях рыночной жизни за неокрепшими душами наших сограждан со всех сторон, как безжалостные охотники за скальпами, черной тучей нахлынули всевозможные представители общин и сект, включая сатанинского толка, арендующие пустующие очаги культуры и спорта для массовых проповедей. Природа не терпит пустоты. Потеря или ослабление «духовного иммунодефицита» привело к тому, что истинные духовные ценности стали подменяться греховным бездуховным суррогатом, замешанном на деньгах, сексе, наркотиках, насилии...

Пожалуй, самым неприятным ощущением, возникающим в зоне и давящим на душу, являлось безлюдье населенных пунктов, в которых некогда кипела жизнь. Оставленные хозяевами во время эвакуации собаки, собирающиеся в стаи и начинающие вести жизнь по «волчьим законам». Огромное количество наседок с желтыми комочками цыплят, копошащихся в пыли под

золотыми стенами осыпающихся колодцев пшеницы. Кладбища новейших целехоньких пожарных, санитарных, поливомоечных машин и других транспортных средств, ставших смертоносными источниками излучения альфа-бета-гамма частиц. Все это вызывало нереальность восприятия происходящих событий, обусловленных, в конечном счете, радиацией.

Ныне сказываются отголоски чернобыльского «периода полураспада». Это не только «рыночные отношения», брошенные «мертвые» города и села, не только возросшее количество онкологических заболеваний на территориях, над которыми прошло радиоактивное облако. Это и территориальные, экономические, политические и масса других проблем, возникших в отношениях между некогда братскими республиками, а теперь независимыми государствами.

Отголоски чернобыльского «периода полураспада» — это сотни тысяч тонн боеприпасов с обедненным ураном, сброшенных американскими агрессорами на головы мирных жителей Ирака и Югославии. Человек создан и сотворен по образу и подобию Создателя. Наверное, вся Небесная Белая Рать с болью созерцает с небес на все, что творится на нашей земле. Да и как можно равнодушно смотреть здравомыслящим людям на происходящее в мире. Разве боль в глазах иракских детей, страдающих от лейкемии, в Багдадском детском госпитале, страдания сербских детей не так же ужасны, как и страдания русских, украинских и белорусских детишек, по которым прошелся Чернобыль?

Список тех, кого унесла «радиационная» смерть, полнится не только ликвидаторами и жителями загрязненных территорий, но и иракскими детьми, солдатами балканских миротворческих контингентов. Смерть продолжает свою радиационную жатву на просторах планеты. «Период полураспада» прошелся и по многочисленным семьям ликвидаторов. Появились вдовы и сироты чер-

нобыльской эпохи. Чернобыль оставил черную боль. Саднящую и незаживающую рану в душах и сердцах родных и близких, тех, кто потерял дорогих людей в невидимом и невиданном по масштабам радиационном сражении на просторах Украины, Белоруссии и России...

Прошли годы с момента Хиросимы, Нагасаки и Чернобыля. Но совсем свежи последствия «миротворческой» операции на Балканах, породившей варварство и геноцид Косово. Полным ходом идет «антитеррористическая операция» и партизанская война в Ираке, ежедневно увеличивая потери мирных арабских жителей и количество «грузов двести» для американских семей. Почему человечество забывает, или не хочет помнить, те страшные уроки, которые преподнесли и преподносят нам эти трагедии? Много для многих очень быстро порастает бурьяном забвения. Для многих, но не всех...

Перефразируя известного классика, можно утверждать, что «радиоактивный пепел Чернобыля стучит в наших сердцах...» В первую очередь, это относится к вдовам Чернобыля, Чечни и других «горячих пространств», оставшимся без кормильцев. К матерям, которые потеряли своих сыновей в результате войн и тяжелейших болезней. К детям, которые в столь непростое время растут без своих отцов. Последствия «периода полураспада» тяжким бременем легли на женские плечи. Наверное, так было и так будет всегда, что после самых великих и победных сражений самые горькие плоды побед достаются тем, кто потерял своих детей и мужей в битвах с врагом.

Тяжелая доля Чернобыля досталась многим нашим согражданам. Хочется верить, что в третьем тысячелетии от Рождества Христова жизнь наладится. Будут здоровы и счастливы дети и внуки. Хочется верить, что время немножечко зарубцует постчернобыльские душевные раны. Закончится распад, и уже никакая беда больше не постучится

в наши двери. И еще один маленький знаковый штрих: спустя четырнадцать лет после рокового апреля вот уже несколько весен подряд после продолжительного перерыва в места прежних гнездовых в чернобыльской зоне возвращаются аисты. Жизнь продолжается. Храни нас Бог!

Отсветы чернобыльских зарниц

Время беспристрастно, однолико, монотонно. Почему принято считать прошедшие времена недалекого нашего прошлого героическими? Однозначно трудно ответить на этот вопрос. Но героические события времен доносят былины, песни, предания, саги, стихи и многое другое. И наглядным подтверждением тому является предлагаемая подборка стихотворений поэтов, принимавших участие в ликвидации последствий радиационной аварии.

Много талантливых и одаренных людей оказалось в составе ликвидаторов. Достойное место в их ряду по праву занимали самодеятельные поэты, слагавшие стихи о героических днях апреля восемьдесят шестого года. Радиационная зона не только испытывала «рядовых Чернобыля» на соответствие вечным нравственным критериям, но и являлась «родником творчества». С первых дней ликвидации последствий радиационной катастрофы планетарного масштаба, как на фронте, из уст в уста передавались не только легенды и слухи, анекдоты, но и, без всякого преувеличения, прекрасные стихотворения высокого гражданского звучания и шуточные стихи на мотивы некоторых популярных в те годы советских эстрадных песен, звучавших с киноэкранов. Авторы большинства литературных произведений того времени доподлинно неизвестны, но слова и стихотворные строки, безусловно, стали народными. Не случайно, что отвечавшие за государственную безопасность и политико-моральное состояние лич-

ного состава соответствующие службы, пытались выявить «источники народного творчества» для принятия превентивных мер идеологического порядка.

В поэтическом слове не было эрзаца, ибо это была настоящая поэзия, которая, как и многое другое, делает людей людьми. Как здорово понимали этот постулат герои-ликвидаторы! Строчки чернобыльцев дышат и наполнены верой в будущее России. В их стихах все просто, скромно, лирично, ничего лишнего и как-то по-человечески все обыкновенно. Радиоактивное облако не только опалило невидимым пожаром душу каждого из поэтов, но и высветило незримыми лучами их внутреннюю суть. Характерно, что в стихотворениях нет фальши. Ни в одной строчке нет неискренности, каждое слово проникновенно чисто. Видимо, по этой причине спустя почти два десятилетия строчки до сих пор остаются актуальными не только для тех, кто находился в 30-тикилометровой зоне.

Когда в зоне ликвидации последствий катастрофы стало немного поспокойнее, то появились компьютерные распечатки стихотворений безывестных и конкретных авторов. Подборки пошли в народ «гулять по зоне». Ликвидаторы, уезжавшие домой по окончании срока командировки, увозили скрепленные листы распечаток в качестве своеобразного литературного чернобыльского сувенира. Несколько стихотворений, написанных в то далекое время и дошедшие до наших дней предлагаются вниманию читателей.

«САРКОФАГ»

Отвернувшись от «рыжего леса»,
Излучая тревогу и страх,
В сердце зоны над раной ЧАЭСа
Замер серый, как слон, саркофаг.
Было время приказов жестоких,
Под лучи заставляющих лезть.
Всем на зависть в рекордные сроки
И на горе построен он здесь.

В саркофаг бы запрятать трусость,
В саркофаг бы запрятать подлость
И крутых командиров тупость,
И прогнившую напрочь совесть.
А еще заодно и жадность
Запихнуть бы туда — и ладно.
И продажных иуд за пятак
Всех упрятать навек в саркофаг.

Смолкли траурно-бравые звуки,
И понятно теперь уже всем:
Саркофаг — мавзолей не науки —
Это выкидыш наших проблем!
Здесь не скрыть «кто есть кто»,
не старайся.
Все без фальши — хотя не хоти.
Саркофаг, ты нам лгать не пытайся,
Ты насквозь наши души свети.

В саркофаг не запрятать смелость,
В саркофаг не запрятать гордость
Тех, кто доброго слова достоин
Не за рубль, не за чин или орден.
И улыбки ребят хороших
В саркофаге не захоронишь.
Тех, кто шел на рентген просто так,
Не закроет собой саркофаг.

«ПАРТИЗАНСКАЯ»

Мы те, кто в сводках именуется —
«войска»
Нас год назад сюда пригнали эшелоны.
Для нас до станции дорога не близка,
Не в «Жигулях» сюда мы едем,
а колонной.
Мы составляем в зоне свой особый
класс,
Народ позвал нас хлестко —
«партизаны».
Поскольку нет в меню
«шампанского» для нас,
На дни рожденья пьем
«боржоми» и «нарзаны».

Нам в зоне чистенькой работы не дают.
Кому — стихи, кому — сухая проза.
Кому-то премии, и слава и уют,
А нам воды, подчас, напиться
не привозят.

На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит грусти расставаний
И тишины воспоминаний,
На всю оставшуюся жизнь.
На всю оставшуюся жизнь.

А «рыжий лес» звенел бесптичьем,
И мертвой Припяти квартал
Молчал о том, что бескорыстье
Совсем не близкий идеал.

На всю оставшуюся жизнь
Запомним подлости бесгранные,
Сердце проверенных отчаянье
На всю оставшуюся жизнь.
На всю оставшуюся жизнь.

Ошибок мы не избегали,
Мы были люди — и всего.
Вершины духа постигали,
Любви, потери и тревог.

На всю оставшуюся жизнь
Осталась нежность тихой ночи,
Не той, из праздничного Сочи,
На всю оставшуюся жизнь.
На всю оставшуюся жизнь.

Мы на рентген шли, как под танки,
Непокоренные врагу,
Но не за орденские планки,
А слезы «яблок на снегу».
На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит мужества и веры
И братства тех, кто будет верен,
На всю оставшуюся жизнь.
На всю оставшуюся жизнь.

Эхо чернобыльской тишины...

Автор публикуемых ниже стихов В.Я. Степанов родился 21 мая 1951 года в старинном русском городе Пскове. После окончания средней школы поступил в военное училище. Затем служба в армии на командных, инженерных и науч-

ных должностях в Прибалтийском, Киевском, Среднеазиатском и Московском военных округах. Более четверти века отдано научной работе. С августа 1978 года по декабрь 1995 года проходил службу в научно-исследовательских институтах Министерства обороны и Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Офицер российской армии В.Я. Степанов еще и поэт, журналист, прозаик, публицист, автор нескольких десятков сборников стихов и прозы: «Это моя Россия», «Эхо прошедших дней», «Дорога к Храму», «Жизнь продолжается», «Философия света», «Феофилова пустынь: прошлое и будущее» и др. Описанию личного восприятия чернобыльской катастрофы посвящены стихи и проза, опубликованные в периодической печати, а также в художественном альманахе «Творчество чернобыльцев», и научно-публицистических монографиях «Москва — Чернобылю», «Чернобыль. Долг и мужество».

Для творчества поэта-чернобыльца характерны гражданская позиция, остро-пронзительное внимание к истории и судьбе России, а стихи являются своеобразной «лакмусовой бумажкой» или современным тест-контролем на любовь к Родине. Каждая строка духовных, лирических и патриотических стихотворений автора, как солнечными лучами, пронизана светом любви в самом широчайшем понимании. Истоки творчества лежат в любви к Отечеству, к русской природе. Именно любовью к Родине и ко всему русскому пронизана каждая строка его произведений. Он часто встречается с читателями, ведет большую общественную работу по возрождению православных святынь, дарит немало своих книг городским и сельским школам.

Ниже представлена незначительная часть стихов из его обширного наследия.

БОЛЬ

Сколь зим и весен пролетело...
Не смолк чернобыльский набат.
Болит душа... Но в ней ли дело,
Что все весомей боль утрат?

Мы шар земной тогда спасали.
Пусть высочайшею ценой —
Чернобыль болью отстояли
Всем миром — той большой страной.

В одном строю тогда стояли
И академик, и солдат.
Мы помним! Сколь не разделяли
Нас боли черных скорбных дат.

Мы шли сквозь атомов зарницы,
Превозмогая боль и страх...
Святым чернобыльским страницам
Не превратиться в тлен и прах.

САРКОФАГ

Мы страстно, наивно мечтали
Построить для всех рай земной.
При этом всерьез полагали:
Нас беды пройдут стороной...

«Чудес» сотворили мы много,
Вселенский не слушая глас.
Тем, видно, прогневали Бога
И кары послал Он на нас.
И больше не будет хат с краю,
Где глыбой застыл саркофаг.
Над Припятью тишь такая,
Что сердце частит здесь не в такт.
На «до и на «после» — так просто —
Теперь пласт времен поделен
Чернобыльской тишью погоста,
Где стонет зеленых трав фон.

УЧАСТНИКАМ ЛИКВИДАЦИИ АВАРИИ

В тот апрель, много весен назад,
Про Чернобыль мы мало что знали.
Что весь мир был у адовых врат —
Строк правдивых тогда не писали.

Но мы знали: чернобыльский след
Проходил через души и сердце
И на нас, в том сомнения нет,
Лишь планета могла опереться.

Атом взял с нас расчеты сполна,
Быть в гостях обещался на тризне
И была за безбожье цена
Высочайшей — здоровье и жизни.

Верю — будут святые слова
Об усопших и о живущих.
Будет правдою память жива
О днях прошлых во днях грядущих.

ВДОВАМ ЧЕРНОБЫЛЯ

Когда смерть на плацу поражений
Примет павших последний парад —
Даже после победных сражений -
Остается всегда боль утрат.

Отойдет лихолетье сурово
И в скорбящей по всем тишине
Слово тяжкое, горькое — вдовы —
Пойдет эхом гулять по стране.

Вот и ныне, где небо сине
И трава в человеческий рост —
Неотъемлемой частью России
Стал чернобыльский тихий погост.

Время трудное. Лиха хватает
Всем. Но вам тяжелей во сто крат,
Ибо в ночах без сна не смолкает
В душах ваших апрельский набат.
Вновь саднит сердце черною болью.
Одиночеством мысли щемит.
И о нем одном вечно с любовью
Память светлую верность хранит...

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

Б.П. Дутову

Пел соловей над ранью светлоокой,
Цвели над тихой Припятью сады,
Когда в апреле на четвертом блоке
Пошли часы чернобыльской беды

И начался «отсчет полураспада»
 Не только для украинской земли.
 Не зная — «как», мы твердо знали —
 «надо!»

И мир от больших бед уберегли

Он не такой уж смиренный — мирный атом.
 Не умаляя ничьего труда,
 Мне кажется, что подвигом Солдата
 Во многом получалось все тогда.

Стихи и песни, прозу, мемуары
 Об этом будут времени писать.
 Нам повезло всем: были генералы,
 Что знали и могли решенья принимать.

Они не из столиц руководили,
 А были с нами рядом в эти дни.
 Ни ордена и должности делили,
 А жизнь солдат и офицеров берегли.

АКАДЕМИК ЛЕГАСОВ

М.М. Легасовой

Обречены творцы на муки,
 Коль зависть — подлости сестра.
 Он жил служением науке,
 Был светом истины костра.

За что бы в жизни он не брался —
 Всё довести мог до конца,
 Да так, что в душах разгорался
 Свет, зажигающий сердца!
 Как настоящий русский гений,
 Как гражданин, как человек —
 Он созидал для поколений,
 Идущих в двадцать первый век!

Он создавал трудами школу...
 Как академик, патриот
 Растил ту поросль, опору,
 Что время двигало вперед!

Его, столь явно, не чернили.
 Но почему — понять хочу —
 За рубежом его ценили,
 В родном Отечестве... молчу...

Вместишь ли жизнь в скупые строфы,
 И все ль поймешь в молчанье строк?
 Он мир спасал от катастрофы,
 А вот себя не уберег...

Конечно, тяжело жизни бремя,
 Когда долг, совесть не в цене.
 Но верю я: в любое время
 Нужны Легасовы стране!

«НЕ ВСЕ СГОРАЕТ В ПЛАМЕНИ ИСТОРИИ...»

Л.В. Максимчук

Тому, кто знает цену одиночества,
 О светлом память хочется беречь...
 Твои стихи, рассказы — суть
 пророчество! —
 Так искренне взволнованная речь!

Как трудно быть безвинно виноватою,
 Сколь испытать приходится всего,
 Но надо жить и быть пружиной сжатой
 Во имя светлой памяти его.

Где ищет строчки сердце верное,
 В каких глубинах преданной души?
 Сколь дум слезами пролито, наверное,
 И сколь всего доверено тиши...

Не подобрать мне емкой аллегории —
 Я просто допишу слова твои:
 «Не все сгорает в пламени истории...»,
 Коль все объято пламенем Любви...

ОДИН ШАГ

Н.Д. Тараканову

Они не мнят себя в героях
 Ни генерал и ни солдат
 За шаг — всего один — из строя,
 Что закрывал дорогу в ад.

Фонил графит, обломки, ТВЭЛы...
 И ни свинец, ни сталь мечей —

Сердца людей пронзали стрелы,
Насквозь, невидимых лучей.

«Ура» здесь не было с «полундрой».
Был тяжкий труд среди руин.
Тот счет: на БЭРы и секунды –
Давался каждой клеткой им.

С годами явственней все боле
Мы ощущаем боль утрат.
Но во Всевышней только воле
Судить кто прав, кто виноват.

И память дней тех будет свята
Для всех народов и времен.
Ведь снова подвигом Солдата
Был мир от страшных бед спасен.

Навечно вписан «белой» кровью
Людей отважных каждый шаг
На крыше ада — черной кровле –
Где пьедесталом саркофаг.

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО...»

Лучей померкла позолота,
И обнажилась солнца медь.
Четвертый блок. Кипит работа,
Не остывая ни на йоту.
Машины. Люди. Круговерть.

Жизнь в ритме сжато-напряженном.
Громады дел невпроворот .
Здесь в зоне, солнцем утомленной,
Все ходят в белом и зеленом,
И застит веки едкий пот.

Приобретаем горький опыт
На узком краешке земли,
Где гроз июльских душный грохот,
Озон и гарь, моторов рокот –
Все перемешано в пыли.

Как все давно недавно было,
И будет с нами навсегда.
Нас черной болью породнила,
И никого не обделила,
Одна великая беда.

СЕЛО

К.И. Винюкову

Святые смотрят вдаль с иконы
В подслеповатое окно.
Огромный сад под крышу дома,
А в доме нету никого.

Плодов неубранная тяжесть
Склоняет яблони к земле.
Такое раньше было в радость,
А нынче, аж, не по себе.

Не встретит лаем собачонка,
Лениво кот не проурчит,
И по утрам задорно, звонко
Петух зарю не прокричит.

Куда ни глянь — всё в запустенье,
Как будто здесь прошла война.
Ни ветерка, ни дуновенья
И режет уши тишина.

«РЫЖИЙ» ЛЕС

Диск полнотелой луны
Стынет над черной землей.
Эхо глухой тишины
В росах застыло слезой.

«Рыжего» леса вершины
Скрыты сыпучим песком.
Боль рукотворной пустыни
В сердце осела людском.

Страшную явь миража
Прячет туманная мгла.
Черного горя межа
В душах людских пролегла...

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ БУКВАРЬ

А.А. Дьяченко

Фырканыя дизелей дьявольский хохот,
Солнца нещадно палящего круг,
Сосен молчанье, березовый шепот —

Слились в один фантастический звук.
Дали за речкой легли необъятны,
В рост человека бушует трава.
Здесь же, по сути, порой непонятны
Вроде знакомые раньше слова.

Слов, и не только, нахватано вдосталь:
Йод номерной, спектры, полураспад,
Бэры, рентгены — на слух звучит просто.
Как же не прост менделеевский ряд!

Не по учебникам и не по ГОСТам
Знаем уже мы про дозы и фон.
Лес и равнины, деревни, погосты —
Все превратилось в беды полигон.

К ВЫХОДУ В СВЕТ «ЧЕРНОБЫЛЬСКОГО АЛЬМАНАХА»

В. П. Корастилеву

Чернобыль — миру грозное знаменье...
Пусть кто-то иначе апрель тот наречет.
А кто безгрешен — бросит
в падшего камня,
И правым в том грехе себя сочтет.

Легко твердить, мол, мы не так уж
плохи,
Коль нами мир от козней атома спасен.
Куда сложнее в постчернобыльской
эпохе
Бездушью будней выставить заслон,

И боль людскую не предать забвенью,
Чем возложить нелегкий крест сей
на себя...

Проблем полынных не решить
по мановенью,
Грехом унынья, только лишь скорбя.

И жизнь трудна, и жить сейчас
непросто...

Конечно, можно постоянно говорить,
Что ждет приют нас тихого погоста...
Но время есть еще любить, творить...

ЧЕРНОБЫЛЬ — 1988

В. И. Брянцеву

На попутке под тентом трясемся из зоны,
Пустота. Тишина. Ни людей. Ни огней.
Снова здесь. Все до боли до черной
знакомо:
В эту лунную ночь сознается ясней,

Что два года назад было жаркое лето,
И работа кипела с зари до зари.
Все быльем поросло и растаяло где-то,
И уже даже нет настоящей зимы.

Безусловно, Чернобыль — трагедия
века...

Эта правда и ныне полынно горька
Все творилось «во имя» и «для»
человека...

Время замерло здесь для людей на века.

В ЗИМНЕМ НОЧНОМ САДУ ...

Скоро февраль, а зима лишь пришла.
Снег, как косыночка, лег на дорогу.
Ночь над Чернобылем так хороша,
Что о хорошем взгрустнулось немного

Звезды мерцают над спящей землей.
Месяц-бродяга завис над садами.
Яблони в дымке похожи ночной
На новогодние ёлки с шарами.

По тишине осторожно бреду.
Скрыты под листьями цезий и стронций.
Желтые яблоки в белом снегу
Смотрятся словно разбитые солнца...

ТРЕТИЙ АНГЕЛ

В. В. Князеву

Блок четвёртый, рванувший далёкой
весной,
Раз в году, как бы вскользь, каждый
год вспоминаем.
Мы за тех, кто до срока ушёл в мир иной,

Н.В. Тарасова

которое давно высохло, на обочинах валяются мертвые животные.

Дождей не было несколько дней, т.к. летчики на самолетах разгоняли тучи. Из этих летчиков потом ни один не остался в живых.

Из огня да в полымя

Н.В. ТАРАСОВА

Я на момент аварии находилась с двумя детьми в г. Мозыре Гомельской области. Старшая дочь ходила в школу, а младшей было 2 года. 27 апреля всей семьей мы гуляли в парке, катались по Припяти на речном «трамвайчике» до Чернобыля, и никто не догадывался о трагедии, случившейся ночью, и никто не запретил движение судов по реке. Об аварии я узнала 28 апреля 1986 года днем (через день после аварии), гуляя с младшей дочкой и разговаривая с со-

---

ТАРАСОВА Нина Викторовна — мать двоих детей, в момент катастрофы жила в зоне повышенной радиации.

седками, такими же молодыми мамами. Мозырь по прямой находится в 70 км от Чернобыля. Муж в это время служил в Осовах, куда я переехала чуть позже (ещё более пострадавший район). Конечно, власти успокаивали население, якобы это происки капиталистов, всё сплетни, шумиха, специально раздуваемая западом, обстановка нормальная и паниковать нечего. От подружек я узнала, что начальство своих жён и детей отправило через Киев, т.к. из Беларуси выезжать не разрешают. Отъезд детей и жён угрожал служебному положению мужей и наказанием по партийной линии.

Младшую дочь я отправила с мамой, которая прилетела за ней. Я попыталась забрать документы (личное дело) из школы старшей дочери, но личное дело не отдали, а без него нельзя было доучиться в других регионах страны. Старшая дочь осталась с нами, как и все её одноклассники. Мы продолжали жить обычной жизнью, ели заражённые продукты, пили воду, дети ходили в школу.

О том, что нужно принимать препараты йода, никто нас не информировал. В результате все мы сейчас страдаем аутоиммунными заболеваниями щитовидной железы. 1 мая поступила команда выйти на демонстрацию, школы тоже вывели детей, все возмущались, но шли. 9 мая аналогичная ситуация.

В начале июня наша в/ч получила детские путёвки в Крым. Всех детишек школьного возраста вывезли на всё лето на море. В результате трое детей с нашей улицы умерли от лейкемии в короткие сроки, осень-зима. Младшую дочь я в Беларусь уже не привезла, она жила у моих родителей, но дозы, полученной в первые дни аварии, было достаточно. Она умерла через 10 лет от цирроза печени и внутренних кровоизлияний. «Сгорела» в течений 5 дней.

И только в конце июня люди уехали из города, естественно, кто не работал. Паника началась осенью, в школах начали давать препараты йода, ужасающе

поздно! Радиоактивный йод усваивается в течение первых месяцев. Детям объяснили, что в школу и из школы нужно бежать, а не идти. Выдали индивидуальные маски, которые якобы могли спасти от радиоактивной пыли на улице. Важно было ежедневно стирать форму. Объявили о том, чтобы форточки в домах не открывали. Стали измерять уровень радиации на почве, на одежде, на теле. Было очень тяжело с продуктами. Овощи и молочные продукты ели местные. Иногда продавали гуманитарную помощь чернобыльцам: польскую клубнику, красную рыбу, грецкие орехи. За красной рыбой стояли километровые очереди, приходилось стоять по 3-5 часов, а овощи заготавливали студенты и работники учреждений в Наровлянском р-не (откуда сразу были выселены жители). Все «отрабатывали на картошке» определённые дни.

Через год после аварии стали платить так называемые «гробовые деньги» по 35 рублей на человека в месяц. А через 3 года стали обследовать людей: измеряли полученную дозу облучения и делали УЗИ.

Прожили мы 3 года в Осовах и 7 лет в г. Мозыре после аварии. Смогли уехать только после сокращения и вывода российских войск из Республики Беларусь.

В клинической лаборатории

Л.С. ТРОШИНА

Я награждена орденом «Мужество».

В район Чернобыля была командирована медсанотделом № 11. Работала по своей специальности — лаборантом клинической лаборатории, проводила забор крови на исследования по назначению врачей у ликвидаторов. Проживала в пионерском лагере «Сказочный», который находился в зоне отчуждения.

ТРОШИНА Любовь Сергеевна — медицинский работник, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

Л.С. Трошина

Работала я в медпункте, где была оборудована лаборатория, и через день выезжала с бригадой медиков и дозиметристов в г. Чернобыль. Работала в медпунктах, которые находились на территориях автовокзала, ПТУ, на причале. Участвовала в открытии нового медпункта в бывшем детском саду (сами проводили дезактивацию, благоустройство медпункта), где работала в мед. бригаде. Работали по 12-14 часов, затем возвращались в лагерь. Вместе со мной работали врачи-лаборанты: Шаршагина Ирина Павловна из Москвы, Слесарева Надежда Ильинична из Обнинска, лаборант из Подольска — Ледовская Людмила Михайловна, лаборанты из Челябинска (к сожалению, не запомнила их фамилий), врач Елисеев Сергей Михайлович из Одинцово, медсестра Березина Галина (до трагедии она жила в г. Припять, работала в медсанчасти АЭС). Коллектив, в котором мне довелось работать в эти трагические дни, я вспоминаю до сих пор. Это замечательные, доброжелательные люди, которые помогали и поддерживали в минуты усталости и душевного перенапряжения.

Очень хорошо запомнилось то вре-

Г.А. Фирян

мя, эта страшная трагедия — пустые дороги и дома, горе людей, которые жили в Припяти, Чернобыле, в близлежащих к АЭС населенных пунктах и которые лишились всего, расстались со своими близкими, остались без крова.

Для нас, работающих в зоне, это тоже было нелегко — работа с раннего утра до позднего вечера, тридцатиградусная жара, экипировка — нижнее солдатское белье, куртка, брюки, два колпака, двое носков, респиратор-лепесток и ботинки 43 размера (в то время это была самая маленькая обувь). Ощущалось воздействие радиации: увеличились мандалины, жжение языка, раздражение кожи, воспаленные, незаживающие потертости ног.

Степень облучения так и осталась неизвестной — дозиметры-накопители были сданы по окончании пребывания в 30-ти километровой зоне, но результатов выдано не было.

19 июня 1986 года в п/л «Тетерева» наша группа прошла контроль СИЧ области щитовидной железы и области печени. Выдана была справка, что группа прошла этот контроль. По возвраще-

нии в Москву в санэпидемстанцию мы предъявляли эту справку и еще раз проходили дозиметрический контроль, но информации о дозе облучения так и не было получено.

В настоящее время я работаю в том же коллективе, из которого я была командирована в район Чернобыля. С 45 лет получаю пенсию. Инвалидность не дали, хотя здоровье заметно подорвано. Очень часто ощущаются боли в костях, мучают головные боли, увеличена щитовидная железа и т.д. Ежегодно прохожу профосмотр у всех специалистов. Находилась на излечении в стационаре. Неоднократно проходила санаторно-курортное лечение.

В полевой столовой

Г.А. ФИРЯН

Родился я 17 ноября 1951 г. в Нагорном Карабахе в селе Большой Таглар Гадрутского района Азербайджанской ССР. С 1952 г. жил в Баку. Окончил и получил среднее образование в русской школе. Окончил училище и был призван в Армию в 1970 г. на Украину в г. Днепродзержинск в строительный отряд. Был командиром отделения — бригадир, поэтому и был вызван на сборы в Чернобыль. В 1974 году женился, имею двух дочерей и внука четырех лет, родившихся в Москве. Живу здесь с 1994 года.

22 июля 1986 г. получил повестку, имея к этому времени шоферские права, попал в роту шоферов. Прибыли сначала в Днепродзержинск 28 июля. На следующий день были уже в Чернобыле в школе-интернате, в в/ч 62269. Пока ждали работы, по части срочно искали поваров. Так я стал работать на кухне. Работали через сутки. Кормили солдат, как в части, так и на рабочих местах (завтрак, обед и ужин) на 2000 человек.

ФИРЯН Георгий Артович — военный строитель, повар, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Начальство было довольно моей работой, был награжден грамотой, а вскоре досрочно демобилизовали (5 октября 1986 г.). С 1991 г. уже в Армении была установлена 2 группа инвалидности, связанная с Чернобылем, а в Москве это срезали. Сейчас являюсь инвалидом 2 группы бессрочно. Писать можно было бы много, но все не написать, потому что все знают, что такое Чернобыль.

Работали в три смены

О.А. ФЛОТСКИЙ

В 1986 году работал в Управлении производственных предприятий 1-ого строительного-монтажного треста Министерства среднего машиностроения старшим инженером отдела снабжения. В июле 1986 года был командирован в Чернобыль. Первый десант работников треста прибыл в первые дни после катастрофы.

Вновь прибывших разместили в один из близлежащих пионерских лагерей. В каждой комнате проживало по 10-12 человек, коридоры были тоже заняты кроватями. Было много знакомых из подразделений треста. Первым, кого я увидел, был Неклюдовский В.Б. — начальник Управления железобетонного транспорта 1СМТ. Я попал в его подчинение. Вопросов на месте необходимо было решать массу. Мы занимались координацией необходимых материалов для строящегося саркофага. В это время приходила масса всевозможного груза со всего Союза: цемент, инертные материалы, металлоконструкции на станцию Тетерев; подъездные пути, которые неоднократно расширяли. Здесь развернулась база УПТК, срочно была построена эстакада для разгрузки вагонов с цементом. Полным ходом шел монтаж

ФЛОТСКИЙ Олег Александрович — инженер-строитель, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986).

О.А. Флотский

трех заводов непрерывного действия по производству бетона. Создавалась развитая производственная структура в первую очередь бетонного производства и сеть строительных баз. Работали в три смены. Коллектив был слаженный, работали все добросовестно. Мы впервые так реально почувствовали что все мы — одно целое. Чернобыль прошелся по нашим судьбам — кто стал инвалидом, кого с нами уже нет. Я стал инвалидом 2 группы в 1988 году.

Рядом с четвертым энергоблоком

А.Ф. ХАРИТОНОВ

В Чернобыль я был направлен, будучи военнослужащим, по приказу непосредственного начальника. Службу я про-

---

ХАРИТОНОВ А.Ф. — военнослужащий, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986—1987).

А.М. Черкасов

ходил в железнодорожных войсках. Степень облучения, полученная мной — 13,8 рентген. В Чернобыль был направлен с должности ст. инспектора по котлонадзору в звании майор. В 1986 г. моей задачей было организовать работу пункта дезактивации личного состава, а в 1987 г. — эксплуатация и обслуживание объектов котлонадзора в частях, сформированных из военнослужащих запаса. С 20 марта по 15 апреля 1987 г. осуществлял как представитель технической службы управления бригады техническое прикрытие одной из таких частей.

В 1986 г. наше подразделение находилось в полевом лагере в тридцатикилометровой зоне со стороны г. Овруч, а работали в зоне 4 энергоблока на строительстве железнодорожных путей.

Осталось в памяти мой первый подход к 4 энергоблоку уже одетому в «Саркофаг», а также запомнил и «Рыжий лес».

Уже зимой 1987 г. у меня нарушилась терморегуляция организма, а потом начались боли в суставах, головные боли, ухудшилось зрение, слух и память.

Во время работы в Чернобыле поразила оперативность решения вопросов и отсутствие бюрократической волокиты. На пенсию я вышел 31 марта 1995 года. Являюсь инвалидом III группы.

Дезактивационные работы

А.М. ЧЕРКАСОВ

В 1986 году окончил Московское высшее командное училище дорожных и инженерных войск по специальности: инженер по эксплуатации машин и инженерного вооружения.

С должности командира отдельного пиротехнического взвода в/ч 21335 я был направлен в Чернобыль, на должность командира роты дезактивации.

Преимущественное нахождение в Чернобыле — 30-ти километровая зона «Полесское». Памятные места — 4-й энергоблок, могильник, «Рыжий» лес, Припять.

Эпизод, который мне запомнился, это начало — поездка в Чернобыль двух молодых командиров взводов, через всю Украину, что мы не только не думали в то время. Второй эпизод — водружение флага на 4-м энергоблоке, который от ветра наклонился и в то время не означал победы над аварией.

В этом мероприятии принимало участие 6 добровольцев. В то время когда они бежали к флагу, я смотрел и не понимал, что этот рывок у этих людей — ПОСЛЕДНИЙ. Еще один момент — когда я исследовал крышу 3-го энергоблока для дальнейшей дезактивации, подул сильный ветер со стороны саркофага, соответственно мой ДП-5 зашкалил до предела, я рванул в укрытие, свалился с лестницы перехода с одной крыши на другую, повредив ногу. Момент захоронения «Рыжего» леса мне тоже запомнился, так как я был стар-

---

ЧЕРКАСОВ Анатолий Михайлович — военный инженер, участник ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы (1987).

шим в колонне машин ехал на первом КАМАЗе, присутствие радиации в это время чувствовалось особо остро, наверное, оттого, что машина была как маленький железный саркофаг, кроме того, я и водитель надевали на себя свинцовый наряд. Вообще-то за то время для меня 23-летнего парня все моменты были запоминающимися от начала до конца.

В то время командовал я обычными шахтерами, которых призывали со всей Украины для ликвидации аварии, из них командир взвода, Анатолий Мирошниченко, с которым мы проработали практически все время нахождения в Чернобыле, а также мои сокурсники по училищу: Колесников Владимир, Швецов Сергей, Низельский Геннадий. Так как в то время личный состав быстро набирал РАДИКИ, смена его была быстрой. В то время необходимо было набрать всего до 25 рад. И уже отправляли домой. Наша рота в основном работала на 3-м, 4-м энергоблоках по дезактивации крыш и подвалов, а также вывозом «Рыжего» леса на могильник. Коллектив работал «отлично» не считаясь с опасностями. Все мужики были простые ребята.

В «Полесском» мы размещались в больших палатках, условия были хорошие, каждый день баня, армейский бассейн, кино. Качество питания было хорошее, кроме того, каждый день давали Красное вино, воду в бутылках «Пепси», «Фанта», по тем временам дефицит и большие белые таблетки для повышения иммунитета.

Находясь в отпуске после приезда из Чернобыля, получил гипертонический криз, лечился в институте Склифосовского. Приобрел заболевание «гипертония». Каждый год прохожу диспансеризацию.

Награжден орденом «Мужество».

В настоящее время проживаю в районе «Выхино-Жулебино», женат, после Чернобыля имею двух сыновей.

Ревизия оборудования АЭС

В.К. ШАНИН

В Чернобыль я был направлен с должности заведующего отделом ВНИИАМ в составе спецгруппы в июле 1986 года.

Приказом министра Минэнерго СССР Величко В.М. была создана спецгруппа МЭМ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на базе ВНИИАМ. В ее состав вошли:

— начальник — д.т.н., профессор Острецов И.Н.,

— заместители — к.т.н. Шанин В.К., Фальковский Л.Н.

и 10 членов:

— Кротов В.В. (умер в 1993 г. в возрасте 43 лет),

— Ерпылев Н.А.,

— Киреев А.Н. (умер в 1998 г. в возрасте 45 лет), был председателем общества ликвидаторов ЧАЭС Юго-Западного округа,

— Беляев В.А.

все работали инженерами во ВНИИАМ и шесть представителей заводов МЭМ СССР (Таганрогского, Венюковского, Бийского, ЛМЗ, ХТГЗ, Белогородского).

Целью группы являлось определение степени работоспособности оборудования первого, второго и третьего блоков ЧАЭС; демонтаж оборудования, вышедшего из строя после аварии; монтаж нового оборудования; пуско-наладочные работы указанных блоков.

Все поставленные перед нами задачи были выполнены полностью. К работе на ЧАЭС привлекались специалисты с предприятий и институтов МЭМ СССР (инженеры, рабочие — порядка 200 человек).

Непосредственно на ЧАЭС работали с гл. инженером ЧАЭС Штейнбергом Н.А., зам. главного инженера по ремон-

---

ШАНИН Валерий Константинович — кандидат технических наук, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986, 1987).

В.К. Шанин

ту, с начальниками и зам. начальниками цехов I-III блоков. Штейнберг Н.А. — отличный организатор, специалист высокого уровня, работать с ним было легко.

Во время работы на ЧАЭС жил в г.Чернобыль, в Страхолесье («Белые пароходы») и в Зеленем мысе.

Условия работы были тяжелые (с 8 утра до 23-24 часов работали на станции) с июня по ноябрь 1986 г. (до пуска I и II блоков). Питание было хорошим (правда, есть не очень хотелось). За время пребывания на ЧАЭС похудел на 12 кг.

С марта 1987 г. по состоянию здоровья не смог уже работать на ЧАЭС.

В настоящее время инвалид второй группы.

Пуск 1-го и 2-го блоков ЧАЭС были запланированы к ноябрьским праздникам (69 годовщина ВОСР). В г.Киеве предприятия работали по скользящему графику из-за дефицита электроэнергии. Поэтому необходимость ввода двух энергоблоков ЧАЭС накануне зимнего сезона была очевидна.

При опрессовке деаэраторов 2-го блока крышка одного из них «запотела»,

т.к. в крышке были микротрещины, и надо было в срочном порядке заменить ее. Деаэратор был изготовлен на заводе в г. Барнауле. Как в последствии оказалось, из-за нарушения технологического цикла при изготовлении крышки и возникли дефекты.

Срочно из Барнаула военно-транспортным самолетом была доставлена новая крышка.

Вообще, надо признать, что в процессе восстановления 1, 2 и 3 блока ЧАЭС была проявлена чрезвычайная оперативность и минимум бюрократизма. Так, в помещении спецгруппы Минэнергомаш СССР на АБК-1 был установлен телефон «Искра», который позволял напрямую связываться с директорами и главными инженерами всех заводов СССР, связанных с изготовлением оборудования для ЧАЭС.

Без всякого заключения письменных договоров, только по телефонному запросу можно было получить с заводов все необходимое оборудование и материалы для станции.

При этом должен отметить самоотверженную и высокопрофессиональную работу директора ЧАЭС Поздышева Э.И. и гл. инженера Штейнберга А.Н. в восстановлении 1-3 блоков ЧАЭС и оказание нашей спецгруппе всяческой поддержки.

Безусловно, без решающей роли войск химзащиты МО ликвидация последствий аварии на ЧАЭС была бы невозможна.

Хочу отметить также самоотверженную работу ГАИ и сотрудников милиции по поддержанию порядка в зоне Чернобыля.

Первый секретарь ЦК Украины Щербицкий В.В. отдал гостиницу «Украина» (гостиница ЦКУ) для командированных ликвидаторов.

Случалось так, что иногда приходилось задерживаться в г.Киеве на сутки-двое. Так вот, в парикмахерской этой гостиницы был мастер, который командированным «чернобыльцам» всегда задавал вопрос при стрижке: «Как дела на Чернобыле?» — «Нормально», — отве-

чали чернобыльцы. Через некоторое время опять задавал вопрос: «Ну, как дела на Чернобыле?» — «Нормально, а почему вы все время меня спрашиваете об этом?» — «Да потому, что когда вы говорите «нормально», у вас волосы встают дыбом и их легче стричь».

Ветеринария в зонах загрязнения

И.И. ЯРЕМЕНКО

Родился я 28 мая 1935 г., ветеринарный врач, кандидат биологических наук по специальности биохимия и радиология, доцент Московской государственной Академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина.

В 1986 году в течение 24 дней участвовал в ликвидации последствий аварии на территории Киевской области в качестве ветеринарного врача-радиобиолога.

14 дней непосредственно в Чернобыльском районе (населенные пункты Залесье, Ивановка, Припять, Замошняя) и в Полесском районе (с. Старая Рудня). При этом совместно с другими участниками (бригада из 5 человек) занимался обследованием брошенного бесхозного скота. Определял степень его радиоповреждения, состояния здоровья, прогнозировал возможность использования животных в хозяйственном отношении, готовил к эвакуации в южные районы области; еще в последующие 10 дней осуществлял более тщательное диспансерное обследование скота, вывезенного из 30-километровой зоны и размещенного в хозяйствах Володарского района Киевской области, определял пригодность мясо-молочной продукции в пищу людям, динамику и состояние здоровья животных и др.

ЯРЕМЕНКО Иван Иванович — кандидат биологических наук, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986 — 1988).

И.И. Яременко

Питание. Я, как радиобиолог, знал, куда ехал, поэтому продукты питания (колбасу, консервы) привез с собой.

Когда приходилось выезжать на ночлег в соседний райцентр Иванов, завтракали и ужинали в столовой за свой счет. Местные молочные продукты: сметана, кефир, молоко вызвали чувство сильного жжения в глотке и желудке по причине высокого содержания радиоактивного йода.

В зону обеда доставляли бесплатно через водителей, осуществляющих эвакуацию скота.

Транспорт. За нами постоянно была закреплена автомашина ГАЗ-51 (будка), которая служила нам как средством передвижения, так и местом для ночлега и отдыха.

Медицинское обслуживание. За время нахождения в Чернобыльском районе никто нас не обследовал, не определял дозу полученного радиоизлучения. Въезжали и выезжали через второстепенные необорудованные (условные) контрольные пункты.

Даже после увеличения (опухания) у нас щитовидных желез (это случилось после работы с поголовьем овец) нам

не была оказана медицинская помощь. Лишь по прибытии в Володарку секретарь райкома партии (женщина, фамилии не помню), отправила нас на выходной день в Одессу искупаться в море, что как бы помогает выведению из организма радиоактивного йода.

В январе 1987 года участвовал в ликвидации последствий катастрофы на

ЧАЭС в Могилевской области БССР, где в Костюковичском районе в населенных пунктах Дережня и Чайковка, относящихся к зоне отчуждения, обследовал скот, подвергшийся радиозагрязнению, исследовал на радиозагрязненность молоко, мясо, животноводческое сырье.

Вышел на пенсию в 55 лет.

Инвалидность не оформил из-за недостатка времени.

Глава 4

О ЧЕРНОБЫЛЬСКОМ ДВИЖЕНИИ

СОЮЗУ «ЧЕРНОБЫЛЬ» РОССИИ — 15 ЛЕТ

Л.В. ГРИШИН

Участники чернобыльской трагедии первыми ощутили на себе не только пагубное влияние радиации, но и несправедливое отношение государства к их медицинским и социальным проблемам. Это привело к тому, что вначале стихийно, а затем организовано по всей стране стали создаваться общественные объединения граждан, подвергшихся воздействию радиации. Среди первых организаторов были Владимир Попов в Харькове, Сергей Трофимов в Свердловске, Георгий Лепин в Чернобыле и Киеве, Валерий Бобков в Чебоксарах, Дмитрий Григорян в Ростове, Владимир Дроздов и Дмитрий Михеев в Новосибирске, Юрий Чайковский в Барнауле и Владимире, Теймураз Таказов в Осетии, Петер Гримм в Эстонии, Евгений Кравцов в Кабардино-Балкарии и многие другие.

В 1989 году в Харькове и в Москве проходят собрания участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и членов семей, потерявших кормильца вследствие катастрофы. Объявляются цели и задачи обществен-

ности, суть которых заключается в борьбе за социальные права пострадавших, за признание связи заболеваний и смерти с радиоактивным облучением и работами в зоне ЧАЭС, за гласность и информированность граждан страны о реальных масштабах и последствиях чернобыльской аварии. Юридическое оформление инициатив по созданию общественных организаций чернобыльцев состоялось под патронажем Фонда социальных изобретений СССР (Председатель Правления — Г.П.Алференко).

31 марта 1989 года решением Фонда была создана всесоюзная организация «Союз ветеранов Чернобыля» с Украинским и Белорусским отделениями. Представителем Фонда социальных изобретений СССР в указанных организациях являлся участник ликвидации последствий аварии на ЧАЭС Тиллес Р.С. 26 апреля 1989 года в Москве в Музее гражданской обороны СССР состоялась учредительная конференция Союза «Чернобыль» - Всесоюзного добровольного самоуправляемого общественного движения. На конференции был избран Исполком Союза «Чернобыль» и Ревизионная комиссия.

Конференция поручила Исполкому подготовить и утвердить в Фонде социальных изобретений СССР Устав Союза

ГРИШИН Вячеслав Леонидович — президент Союза «Чернобыль», участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1986).

В.Л. Гришин

«Чернобыль». 27 июня 1989 года на бюро Исполкома поручение конференции было выполнено.

В Уставе были выделены два основных направления работы Союза:

1. Не допустить повторения чернобыльской трагедии.

2. Защитить интересы людей, испытавших и испытывающих на себе последствия аварии на ЧАЭС и других ядерных объектах, бороться с бюрократическим отношением к их проблемам, формировать правильное общественное мнение о героях-ликвидаторах, воплощая принцип «Никто не забыт, ничто не забыто».

Для достижения поставленных целей Союз «Чернобыль», согласно Уставу, использовал следующие формы деятельности:

- Участие в работе Советов народных депутатов, их постоянных комиссий при рассмотрении вопросов, входящих в круг интересов Союза;

- Выдвижение своих кандидатов в депутаты Советов народных депутатов, рекомендация членов Союза на выборные должности и штатную работу в исполкомах Советов разных уровней;

- Проведение на всех уровнях (включая международный) конференций, симпозиумов, семинаров, демонстраций, митингов и других массовых мероприятий, изучение общественного мнения, проведение дискуссий с представителями различных организаций;

- Организация своего пресс-центра, своих печатных органов, использование других средств массовой информации;

- Организация собственной финансово-хозяйственной деятельности, отвечающей целям и задачам Союза;

- Создание в рамках Союза общественного института «Чернобыль», который образует экспертные советы, общественные инспекции, научные исследования по наиболее актуальным проблемам, связанным с радиационной безопасностью населения;

- Организация Международного дня памяти Чернобыля — 26 апреля ежегодно;

- Содействие выполнению программы «Еврочернобыль»;

- Сотрудничество с организациями, предприятиями и научными учреждениями;

- Организация и проведение радиоэкологического всеобуча населения.

Вскоре после создания в Москве Союза «Чернобыль» СССР в мае 1989 года в Чернобыле прошла Учредительная конференция другого Союза «Чернобыль», председателем которого стал Г.Ф. Лепин (ученый-математик, г. Минск). Существование двух Союзов только ослабляло позиции общественных организаций чернобыльцев в борьбе за свои права. Съезд Союза «Чернобыль» СССР принял решение собрать организационный комитет, задачей которого было создание единого общественного объединения. Комитет возглавил Председатель Исполкома Союза «Чернобыль» СССР Гришин В.Л.

Летом 1990 г. состоялся объединенный съезд, на котором был избран президент Союза «Чернобыль» СССР — Шовкошитный В.Ф. (поэт, г. Киев).

Вице-президентами были выбраны Хитров Л.М. и Лепин Г.Ф.

Со дня своего основания Союз «Чернобыль» СССР уделял особое внимание увековечиванию памяти погибших ликвидаторов. 19 ноября 1989 года по просьбе вдовы Владимира Шашенка, умершего от радиационных и тепловых ожогов утром 26 апреля 1986 года и захороненного на территории зоны отчуждения (с. Чистоголовка), Союз «Чернобыль» СССР организовал перезахоронение останков героя на Митинском кладбище г. Москвы. Это событие послужило основой для фильма Р.П. Сергиенко «По ком звонит колокол. Колокол звонит по тебе».

В 1990 году по инициативе Союза «Чернобыль» СССР Совет Министров СССР издал Постановление о разработке эскизного проекта и сооружения мемориала на Митинском кладбище, на месте захоронения первых погибших в результате чернобыльской катастрофы: *работники ЧАЭС — Акимов А.Ф.* (06.05.53—11.05.86), *Баранов А.И.* (13.06.53—20.05.86), *Бражник В.С.* (03.05.57—14.05.86), *Вершинин Ю.А.* (25.05.59—21.07.86), *Дегтяренко В.М.* (10.08.54—19.05.86), *Иваненко Е.А.* (11.09.32—26.05.86), *Коновал Ю.И.* (01.01.42—28.05.86), *Кудрявцев А.Г.* (11.12.57—14.05.86), *Кургуз А.Х.* (12.06.57—12.05.86), *Лопатюк В.И.* (22.08.60—17.05.86), *Лузганова К.И.* (09.05.27—31.07.86), *Новик А.В.* (11.08.61—26.07.86), *Орлов И.Л.* (19.01.43—13.05.86), *Перевозченко В.И.* (06.05.47—13.06.86), *Перчук К.Г.* (23.11.52—20.05.86), ***Полов Г.И.*** (21.02.40—13.06.86), *Проскураков В.В.* (09.04.55—17.05.86), *Ситников А.А.* (20.01.40—30.05.86), *Толтунов Л.Ф.* (16.08.60—14.05.86), *Ходымчук В.И.* (24.03.51—26.04.86), *Шаповалов А.И.* (06.04.41—19.05.86), *Шашенок В.Н.* (21.04.51—26.04.86). *Пожарные: Ващук Н.В.* (05.06.59—14.05.86), *Игнатенко В.И.* (13.03.61—13.05.86), *Кибе-нок В.Н.* (17.02.63—11.05.86),

Тишура В.И. (15.12.59—10.05.86), *Тытенюк Н.И.* (05.12.62—16.05.86), *Правик В.П.* (13.06.62—11.05.86).

Авторами мемориального комплекса стали москвичи: художник Андрей Ковальчук и скульптор Виктор Кореи. В мемориальный комплекс вошли бронзовая скульптура и 27 надгробий с барельефами. В осуществлении проекта участвовали: Общество социальной защиты семей и родных первых жертв Чернобыля (председатель — Е.Д. Положай), Общество ветеранов ликвидации аварии на ЧАЭС и ее последствий (председатель — Л.А. Хоронжук).

Союз «Чернобыль» СССР прилагал все усилия для того, чтобы государство признало свою ответственность перед чернобыльцами и взяло их под защиту. Этот процесс шел очень медленно. В течение нескольких лет после аварии на ЧАЭС в СССР не существовало комплексного документа об участниках ликвидации ее последствий. В 1990 г., когда стало ясно, что проблема приобретает долгосрочный характер, этот вопрос встал особенно остро. При участии общественных организаций чернобыльцев государство начало законодательскую деятельность по защите их прав.

31 марта 1990 г. было принято Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС № 325 «О мерах по улучшению медицинского обслуживания и социального обеспечения лиц, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Согласно Постановлению, Минздрав СССР, а также все министерства и ведомства, имеющие в своей системе медицинские учреждения, должны были организовать дополнительное медицинское обследование всех лиц, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в пределах 30-км зоны. Минздраву СССР было также поручено организовать единый государственный учет (Государственный регистр) граждан, принимавших участие в работах по лик-

видации последствий аварии на ЧАЭС и подвергшихся воздействию радиации, в целях обеспечения систематического медицинского обследования.

Постановление устанавливало льготы для ликвидаторов, в том числе право на 50-процентную скидку со стоимости приобретаемых по рецептам врачей лекарств, первоочередное право на обеспечение по месту работы путевками для санаторно-курортного лечения и отдыха, право на первоочередное обеспечение жилой площадью нуждающимся в улучшении жилищных условий. Инвалидам-чернобыльцам было предоставлено право на бесплатное приобретение лекарств по рецептам врачей и ежегодное бесплатное санаторно-курортное лечение с проездом туда и обратно, а также право на первоочередное обеспечение жилой площадью нуждающихся в улучшении жилищных условий (в т.ч. семей погибших или умерших граждан). Этим Постановлением ликвидаторы практически уравнивались в правах с ветеранами Великой Отечественной войны, и это закладывало основу для признания их подвига на государственном уровне.

В 1991 г. на собрании учредителей Союза «Чернобыль» СССР (Советский Фонд мира, Международный фонд защиты инвалидов Чернобыля, Фонд социальных изобретений СССР, Союз общества Красного Креста и Красного Полумесяца, Союз предпринимателей и арендаторов СССР, «Русский дом в Мельбурне» (Австралия), «Christian Care East-West» (Нидерланды) был принят Устав в новой редакции. Позднее, 20 февраля 1992 г. коллективными членами «Чернобыль-Помощь» стали МО «Союз Чернобыль», Союз «Чернобыль» России, Союз «Чернобыль» Украины, МГНО «Чернобыль-Помощь» Беларуси, Международный союз экологии человека. Председателем совета попечителей был вновь избран А.Е. Карпов. Первым заместителем председателя был избран президент Союза «Чернобыль» России В.Л.

Гришин, заместителями — Бобков В.К. (г. Чебоксары) и Румянцев А.Г. (г. Москва).

Общественные организации чернобыльцев принимали активное участие в разработке и экспертизе Государственной всесоюзно-республиканской программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Замечания экспертной комиссии были учтены в Постановлении Совета Министров СССР от 30 июня 1990 г. № 645 «Об обеспечении выполнения Постановления Верховного Совета СССР «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Программа предусматривала: кардинальное улучшение медицинского обслуживания жителей пострадавших районов, особенно детей и подростков; улучшение экологической обстановки, разработку новых подходов к снижению уровня радиоактивности на загрязненных территориях и предотвращению распространения радионуклидов на новые территории; разработку унифицированной государственной системы льгот и компенсаций ущерба, нанесенного здоровью людей вследствие аварии; создание единой системы радиэкологической информации, доступной для всех слоев населения. Кроме того, Постановление инициировало разработку специальной программы «Дети Чернобыля», направленной на ограничение и исключение воздействия неблагоприятных факторов чернобыльской катастрофы на подрастающее поколение. Эта программа была утверждена Постановлением Совета Министров СССР № 1312 от 19 декабря 1990 г. в качестве самостоятельного раздела единой долгосрочной Государственной союзно-республиканской программы по защите населения СССР от последствий чернобыльской катастрофы.

Для реализации единой Государственной программы 6 июля 1990 г. Постановлением Совета Министров СССР №651 в составе Государственной

комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям был образован Комитет по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. На него были возложены следующие основные обязанности: проведение и совершенствование общей стратегии ликвидации последствий аварии на ЧАЭС; определение важнейших направлений научно-исследовательских работ, связанных защитой населения и среды его обитания от последствий чернобыльской катастрофы; совершенствование совместно с Советом Министров РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР, Академией наук СССР с привлечением отечественных и зарубежных специалистов единой долгосрочной Государственной союзной республиканской программы по защите населения СССР от воздействия последствий чернобыльской катастрофы, контроль и координация за ее практическим осуществлением; регулярная информация (с использованием средств печати, радио и телевидения) населения СССР о радиологической обстановке на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате чернобыльской катастрофы, и мерах по ее оздоровлению; разработка дополнительных мер по социальной, экономической и правовой защите лиц, пострадавших от аварии на ЧАЭС и ее последствий. Председателем Комитета стал Губанов В.А., заместителем председателя — В.Я. Возняк.

Комитет по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а впоследствии и Госкомчернобыль, при решении вопросов социальной защиты граждан, пострадавших от чернобыльской катастрофы, учитывали мнение общественных организаций чернобыльцев. В рабочую группу по подготовке нормативно-правовых актов, в том числе Законов СССР и РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС», были включены представители Союза «Чернобыль» СССР и Союза «Чернобыль» РФ: Акимов

Е.М., Волощук С.С, Гришин В.Л., Тиллес Р.С, Хитров Л.М. и другие.

Этот факт свидетельствовал о том, что Союз «Чернобыль» был значимой общественной силой, дававшей пострадавшим от радиации надежду на достойную жизнь.

1 сентября 1990 г. депутаты Верховного Совета СССР создали Комиссию по расследованию причин чернобыльской трагедии и оценке действий должностных лиц в послеварийный период. По решению Комиссии от 04.10.90 при ней была образована постоянная экспертная группа, задачами которой стало выявление типовых причин, условий и факторов экологических аварий и катастроф, а также разработка научно-практических и правовых рекомендаций по их предупреждению. От Союза «Чернобыль» СССР в состав экспертной группы вошли: профессор, доктор физико-математических наук Дубовский Б.Г.; профессор, доктор биологических наук Бурлакова Е.Б.; член-корреспондент АН БССР, профессор, доктор технических наук Нестеренко В.Б.; профессор, доктор медицинских наук Шевченко, биофизик Шакс А.И.

Комиссия пришла к выводу, что вследствие разобщенности действий, отсутствия единого методического руководства, точных целей и критериев качества проводимых работ государство оказалось бессильным перед масштабами чернобыльской катастрофы. Неприятие своевременных и эффективных мер привело к дополнительному облучению ликвидаторов, значительному увеличению площади загрязненных радионуклидами территорий и, в конечном итоге, росту числа массовых заболеваний у населения пострадавших районов БССР, УССР и РСФСР. Ведомства, ответственные за безопасность ядерной энергетики, пренебрегли здоровьем сотен тысяч людей и не смогли предотвратить перерастание радиационной аварии в одну из самых крупных катастроф современности.

Генеральной Прокуратуре РСФСР было поручено возбудить уголовное дело по фактам злоупотреблений и халатного отношения должностных лиц министерств и ведомств, приведших к аварии на ЧАЭС и проявленных в ходе ликвидации ее последствий. Руководителем группы следователей был назначен Уваров Б.И., следователь Генпрокуратуры по особо важным делам. Союз «Чернобыль» России предоставлял свидетелей и факты по запросам Генеральной Прокуратуры. В декабре 1993 г. дело было закрыто в связи с распадом СССР.

Для более успешной реализации программы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС на территории РСФСР 19 сентября 1990 г. был принят закон РСФСР «О Государственном комитете РСФСР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС». В соответствии с Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 29 мая 1990 года «О неотложных мерах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в ряде областей РСФСР» Верховный Совет РСФСР постановил образовать

Государственный комитет РСФСР по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и определить его месторасположение в г. Брянске. Председателем Комитета был назначен Волощук С.С., его заместителем — Урывин С.Н. Оба они входили в число создателей Союза «Чернобыль» СССР.

1990 год стал новой точкой отсчета деятельности Российского Союза «Чернобыль», в который к тому времени входило 47 организаций, 0 насчитывающих более 100 тыс. ликвидаторов и более 200 тыс. граждан, проживающих на загрязненных территориях. 10 декабря 1990 г. на 1 Съезде Союза «Чернобыль» России в Брянске были определены основные цели и задачи общероссийского общественного объединения. Согласно принятому на 1 Съезде Уставу, деятельность Союза строится на основе творческой инициативы его членов под общим девизом «Гуманность. Милосер-

дие. Братство. Защищенность». Главными задачами Союза были признаны:

- объединение в борьбе за социальные гарантии широких масс граждан, озабоченных медицинскими, социальными, экологическими и прочими последствиями аварий на объектах атомной энергетики;

- защита интересов участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, их семей и граждан, пострадавших в результате аварии или других случаев воздействия ионизирующего излучения, все стороннее содействие в улучшении жилищных условий, бытового и медицинского обслуживания и других социально-бытовых вопросов;

- выполнение государственных и ведомственных решений по вопросам улучшения социально-бытового, экономического и медицинского обеспечения граждан, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, и пострадавшего от нее населения.

Для достижения поставленных целей и задач Союз избрал следующие формы деятельности:

- подготовка и внесение в Верховный Совет и Правительство РФ предложений по правовой защите участников ликвидации последствий аварии и лиц, пострадавших в результате аварий на атомных объектах;

- взаимодействие с диагностическими, лечебными и реабилитационными центрами, органами здравоохранения в стране и за рубежом;

- создание в соответствии с действующим законодательством диагностических, лечебных и реабилитационных медицинских центров, в том числе детских и семейных;

- проведение лекционно-просветительской работы;

- организация и ведение в соответствии с действующим законодательством производственно-хозяйственной деятельности в целях получения средств на осуществление благотворительных программ;

— участие во всемирном движении миротворческой и экологической направленности, в движении за выживание человечества;

— сотрудничество с зарубежными национальными и международными организациями милосердия;

— организация в благотворительных целях выставок, концертов, культурных программ;

— ведение издательской деятельности (издание фотоальбомов, сборников художественных, документальных, научных, публицистических произведений).

По Уставу, членами Союза могли стать: ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС или любом ином атомном объекте; эвакуированные и отселенные с загрязненных радионуклидами территорий или проживающие на этих территориях; подвергшиеся воздействию ионизирующего излучения по роду своей службы или работы. В деятельности Союза могли принимать участие коллективы предприятий, учреждений, организаций, признающие его основные цели и задачи.

Согласно Уставу, средства Союза образовывались из взносов членов Союза, добровольных взносов предприятий, общественных организаций, граждан России и иностранных государств; доходов от хозяйственной, издательской деятельности, культурно-массовых и лекционно-просветительских мероприятий. Эти средства расходовались на:

— оказание медицинской помощи членам Союза, а также гражданам, пострадавшим от аварии на атомных объектах или от иных случаев воздействия ионизирующих излучений;

— строительство объектов социально-бытового, медицинского, культурного назначения, санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, детских учреждений и жилья;

— охрану и оздоровление природной среды;

— финансирование издательской,

культурно-массовой и лекционно— просветительской деятельности;

— оплату труда штатных работников, аренду и содержание служебных помещений, аренду и приобретение необходимого для выполнения уставных целей и задач оборудования, транспорта и инвентаря.

В дальнейшем в связи с изменением ситуации в стране и расширением деятельности Союза «Чернобыль» России в Устав вносились изменения и дополнения, направленные на повышение эффективности работы Союза по защите прав и законных интересов граждан, пострадавших от радиационного воздействия. Но основные цели и задачи оставались неизменными.

Для достижения этих целей Союз «Чернобыль» России принимал самое активное участие в разработке Чернобыльского Закона, работая с депутатами Верховного Совета. Подготовка Закона была поручена комиссии Верховного Совета по социальной политике, которую возглавлял депутат Захаров М.Л. Вопросами социальной защиты граждан, пострадавших от аварии на ЧАЭС, занимались члены комиссии Косопкин А.С., Прудников В.Н. В комиссии по экологии эту работу вел Гаспарьян Ф.Г. При разработке Закона они брали за основу предложения, подготовленные Союзом «Чернобыль» России. Активную работу по подготовке этих предложений проводили Акимов Е.М., Карибджанян Н.А., Назаров А.Г., Нестеров И.А., Тиллес Р.С., Урывин С.Н., Федин В.И., Хитров Л.М. и другие.

15 мая 1991 г. был принят Закон РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС».

21—25 мая 1991 г. Союз «Чернобыль» России принял участие в 1 Международном конгрессе памяти А.Д. Сахарова «Мир, прогресс, права человека», который проходил в Москве. Члены Союза Л.М.Хитров, Е.Б. Бурлакова работали в секции по установлению при-

чин и по масштабам последствий аварии на ЧАЭС.

24 августа 1992 г. распоряжением Президента Российской Федерации № 445-рп было принято положение о Государственном комитете Российской Федерации по социальной защите граждан и реабилитации территорий, пострадавших от чернобыльской и других радиационных катастроф (Госкомчернобыль России) — центральном органе государственного управления. На Госкомчернобыль России были возложены:

- определение и проведение единой научно-технической политики и общей стратегии преодоления последствий радиационных аварий и катастроф и иных случаев опасного радиоактивного загрязнения на территории Российской Федерации;

- организационно-методическое руководство и координации деятельности министерств, ведомств и органов исполнительной власти по вопросам социально-правовой и медицинской защиты граждан, пострадавших от радиационных аварий и катастроф или принимавших участие в ликвидации их последствий, а также реабилитации территорий в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению;

- разработка совместно с заинтересованными министерствами, ведомствами и органами исполнительной власти государственных и международных программ по ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф;

- подготовка предложений по объемам и направлениям использования финансовых и материально-технических ресурсов, выделяемых на реализацию этих программ;

- информирование населения и общественных организаций о радиационной обстановке на радиоактивно загрязненных территориях, принимаемых мерах по ее оздоровлению и социальной защите граждан, пострадавших от радиационного воздействия, разработка рекомендаций по обеспечению безопас-

ного проживания и хозяйственной деятельности на этих территориях.

Решения Госкомчернобыля России, принятые в пределах его полномочий, объявлялись обязательными для министерств и ведомств, предприятий, учреждений и организаций, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации. Местонахождение Госкомчернобыля России — г. Москва.

Госкомчернобылем России была разработана Единая государственная программа по защите населения Российской Федерации от последствий чернобыльской катастрофы. Комитет по вопросам экологии Верховного Совета РФ поручил Союзу «Чернобыль» России провести независимую общественную экспертизу программы, к которой были привлечены ведущие специалисты страны по радиационной медицине, биологии, радиационной экологии, социальной психологии. Общественная экспертная комиссия признала текст программы противоречивым и отметила, что вред, нанесенный чернобыльской катастрофой, занижается. Кроме того, мало внимания уделяется ликвидаторам как отдельной группе риска, что препятствует принятию целевых персонализированных дозозависимых мер по защите здоровья и реабилитации пострадавших. Распределение затрат по годам не учитывает динамики ситуации в зависимости от экономических, демографических и социально-психологических условий. К сожалению, при доработке программы замечания общественной экспертной комиссии были учтены лишь частично. Но в целом совместная работа Союза «Чернобыль» с Госкомчернобылем России была конструктивной.

Конец 1993 г. стал периодом пробы чернобыльских общественных сил в таком важном государственном событии как подготовка предложений в новую Конституцию Российской Федерации. Итогом работы стало включение в Основной Закон статьи 42: «Каждый человек имеет право на благоприятную ок-

ружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Право граждан на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или должностных лиц, гарантируется статьей 53 Конституции Российской Федерации.

За годы становления Союза «Чернобыль» в России произошел целый ряд существенных изменений общественно-политического, экономического, социального и духовного характера. На наших глазах произошла смена одних производственных отношений другими, перераспределилась государственная, общенародная собственность, утратились и до этого непрочные нравственные и духовные ценности, снизилась степень социальной защищенности. В условиях экономического и общественно-политического кризиса государство оказалось неспособным выполнить то, что было продекларировано в Чернобыльском Законе. Это возлагало на общественные организации дополнительную ответственность за судьбы пострадавших от катастрофы.

10 января 1994 г. указом Президента РФ Госкомчернобыль России был ликвидирован, а его функции были переданы вновь созданному Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Министром был назначен С.К. Шойгу. В соответствии с возложенными на министерство задачами оно осуществляет организационно-методическое руководство и координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций по вопросам социально-экономической, правовой и медицинской защиты граждан, пострадавших от радиационных аварий или принимавших участие в ликвидации их последствий, а

также контролирует исполнение мероприятий в этой области.

8 февраля 1994 г. МЧС и Союз «Чернобыль» России в целях объединения усилий по защите прав и интересов граждан, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и других радиационных катастроф, заключили соглашение о взаимодействии. В нем были выделены следующие основные направления сотрудничества:

- обобщение практики применения законодательной и нормативной базы в вопросах социальной защиты граждан, пострадавших от чернобыльской и других радиационных катастроф, и разработка предложений по ее совершенствованию;

- участие в практической реализации Чернобыльского Закона, в том числе обеспечение эффективного и целевого использования федеральных финансовых и материальных ресурсов, изыскание внебюджетных средств;

- создание устойчивой системы медицинского обеспечения и оздоровления ликвидаторов;

- реализация совместно с органами государственной власти и местного самоуправления государственной программы «Жилище»;

- социальная реабилитация инвалидов Чернобыля;

- реализация государственной программы «Дети Чернобыля»;

- проведение совместно с научными организациями и учреждениями системных исследований с целью совершенствования концепции защиты населения и реабилитации территорий, пострадавших от радиационных катастроф;

- формирование объективного общественного мнения в вопросах чернобыльской темы, создание в обществе благоприятных условий для реализации принятых программ ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

В марте 1994 г. в соответствии с решением Правительства РФ через МЧС России был выделен один миллиард

рублей на оказание материальной помощи инвалидам, семьям, потерявшим кормильца и детям Чернобыля. Решением от 24 марта 1994 г. Президиум Центрального Совета СЧР утвердил механизм распределения финансовой помощи. Средства были направлены на материальную помощь, приобретение медикаментов, лечение и оздоровление, улучшение условий жизни семей погибших (умерших), инвалидов, тяжелобольных, многодетных, малообеспеченных семей, матерей-одиночек (с «чернобыльскими» детьми). Размер денежной материальной помощи определялся руководителями региональных организаций в соответствии с принципами социальной справедливости, коллегиально и гласно.

Одна из уставных целей Союза «Чернобыль» России — участие в экологической работе. 15 апреля — 5 июня 1994 г. впервые были проведены Общероссийские Дни защиты от экологической опасности под девизом «Экология — безопасность — жизнь». Среди инициаторов этой акции был и Союз «Чернобыль» России. Основная цель Дней защиты — вовлечь все общественные организации, органы власти и управления, каждого россиянина в борьбу за ликвидацию последствий и предотвращение экологических нарушений бедствий и катастроф, за обеспечение конституционного права каждого человека жить и трудиться, не подвергая опасности свое здоровье. Оргкомитет Дней защиты предложил следующие конкретные меры: организация «зеленых» субботников, экологический всеобуч населения, финансовая и иная помощь семьям погибших и пострадавших от экологических, в том числе радиационных, нарушений, бедствий и катастроф. Оргкомитет обратился в Совет Федерации и Госдуму с просьбой рассмотреть вопрос о соблюдении Закона РФ «Об охране окружающей природной среды» в части запрещения ввоза на территорию России радиоактивных отходов и материалов из других государств с целью их

хранения или захоронения. Дни защиты стали ежегодным экологическим мероприятием.

25 мая 1994 г. Правительство РФ своим Распоряжением № 740 — поручило МЧС России совместно с другими ведомствами и организациями подготовить проекты государственных программ, позволяющие решить самые сложные проблемы ликвидаторов — получение жилья и в предоставлении медицинской и социальной помощи. Гарантированная Чернобыльским Законом норма предоставления жилья инвалидам в трехмесячный срок, а ликвидаторам — в первоочередном порядке в действительности не исполнялась. Поэтому требовалось создать государственную систему реализации этой нормы.

По данным Госкомстата на 1 января 1994 года, количество граждан, принимавших участие в работах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и состоящих на учете для получения жилья, составило 27,7 тыс. человек. Среди них, по данным органов исполнительной власти субъектов РФ, 3,4 тыс. инвалидов и семей умерших инвалидов. Функции госзаказчика и координатора по реализации этой программы были возложены на МЧС России. Обеспечение строительства жилья и предоставление его нуждающимся ликвидаторам по месту жительства входит в обязанности органов исполнительной власти субъектов РФ.

Союз «Чернобыль» России подготовил предложения по принятию Федеральной программы медико-социальной реабилитации участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и других радиационных катастроф на 1995—2000 гг., основной целью которой было осуществление комплекса дополнительных мер по социальной защите ликвидаторов путем создания системы медико-социальной реабилитации, направленной на снижение их заболеваемости, инвалидизации и смертности, преодо-

ление негативных социальных и социально-психологических последствий радиационных катастроф для этой категории граждан.

Очередным этапом в деятельности Союза «Черномыль» России стал его II Съезд, который состоялся 13—15 декабря 1994 года в г. Обнинске Калужской области. На Съезде присутствовало 125 делегатов, представляющих общественные организации Союза от 62 субъектов Российской Федерации. В работе Съезда приняли участие руководители черномыльского движения из Прибалтики, Украины, Беларуси, других стран СНГ, Министр МЧС России Шойгу С.К., ответственные работники ряда министерств и ведомств, представители средств массовой информации. Съезд российских черномыльцев приветствовал Б.Н. Ельцин.

На Съезде был заслушан доклад Президента Союза «Черномыль» России Гришина В.Л. «Отчет о работе Центрального Совета Союза «Черномыль» России за 1991—94 годы и основные направления деятельности общероссийского общественного объединения в последующий период».

В докладе отмечалось, что одной из главных задач в организационной деятельности Союза является увеличение числа общественных объединений граждан, подвергшихся радиационному воздействию, и рост рядов их первичных организаций (городских и районных). Докладчик подробно остановился на взаимодействии СЧР с органами государственной власти и местного самоуправления, отметив, что это одно из главных определяющих направлений в уставной деятельности Союза. И от того, как и на какой основе оно будет строиться, зависит решение многих проблем черномыльцев. Опыт работы общественных объединений Союза «Черномыль» России показывает, что там, где взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется на конструктивной основе,

организация оказывает влияние на структуры власти, там успешнее и с меньшими потерями для людей решаются непростые черномыльские проблемы.

В докладе была освещена экономическая и финансово-хозяйственная деятельность Союза. С принятием Черномыльского Закона и появлением в нем статьи «О деятельности общественных объединений граждан, пострадавших от катастрофы» в черномыльских организациях стали создаваться предприятия с различным видами собственности. В целях определения путей развития экономической деятельности СЧР при Президиуме был создан Экономический совет. В докладе отмечалось, что основу международной деятельности СЧР составляет тесное и эффективное сотрудничество с МО «Союз Черномыль» (президент — Шовкошитный В.Ф.) МГНО «Черномыль-помощь» (председатель совета попечителей — Карпов А.Е.).

Съезд сформировал руководящий орган — Центральный Совет Союза «Черномыль» России. Избрал президента Союза — Гришина В.Л., а также председателя Центральной ревизионной комиссии Метельского В.П. (г. Москва). Принял ряд программных документов и обращений, утвердил новую редакцию Устава Союза с изменениями и дополнениями. Постановлением Съезда была сформирована постоянно действующая комиссия для подготовки предложений в законодательные органы государственной власти и местного самоуправления.

Кроме того, на основании сообщения члена Президиума ЦС Великина А.Я. была одобрена инициатива Межпарламентской Ассамблеи СНГ по созданию Международного гуманитарного проекта «Ликвидатор». Съезд принял решение организовать его поддержку в правительственных органах РФ.

На Съезде были утверждены основные направления деятельности Союза на период 1995—98 гг.:

1. Укрепление единства, совершен-

ствование организационной структуры Союза «Чернобыль» России.

2. Участие в формировании законодательных актов.

3. Взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления.

4. Работа с инвалидами и семьями, потерявшими кормильца.

5. Участие в реализации программы «Жилье — ликвидаторам».

6. Медико-социальная реабилитация пострадавших.

7. Работа с детьми.

8. Работа с военнослужащими и служащими МВД, пострадавшими от воздействия радиации.

Съезд направил обращение Президенту России, Федеральному Собранию, Правительству Российской Федерации.

В начале 1995 г. в связи с очередной реорганизацией МГНО «Чернобыль-Помощь» взаимоотношения с ней Союза «Чернобыль» России усложнились. 8 февраля 1995 г. Президиум Центрального Совета СЧР принял решение приостановить членство в МГНО «Чернобыль-Помощь» в связи с нецелесообразностью расходования финансовых средств на уставную деятельность, а также с участием СЧР в работе МО «Союз Чернобыль».

19 ноября 1998 г. в г. Обнинске состоялся Внеочередной Съезд Союза «Чернобыль» России. На Съезде было принято новое название СЧР — Общероссийская общественная организация инвалидов «Союз "Чернобыль" России», а также утвержден Устав в новой редакции. Кроме того, была утверждена дата очередного III Съезда Союза — 23 марта 1999 г.

19—20 декабря 1998 г. состоялся III Конгресс Международной организации «Союз Чернобыль». На нем была принята резолюция и заявление, в которых отмечалось ухудшение социально-медицинского положения пострадавших в результате чернобыльской катастрофы, снижение ответственности государств

СНГ и Балтии за ущерб, предусмотренной международными соглашениями и национальными законодательными актами.

Конгресс счел необходимым объявить 26 апреля ежегодным Международным днем памяти жертв чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф. Конгресс обратился к главам государств СНГ и Балтии с предложением о заключении соглашения по координации действий и взаимной помощи в решении комплекса проблем по социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации. Конгресс постановил провести работу по признанию международного статуса участника ликвидации последствий чернобыльской и других ядерных аварий и катастроф.

Основными задачами СЧР в предсъездовский период являлись государственная регистрация Устава новой редакции в Министерстве юстиции РФ; согласование Уставов региональных организаций; оказание им помощи в формировании новой структуры общественных организаций инвалидов; продолжение активной работы по недопущению принятия в Госдуме изменений и дополнений Чернобыльский Закон, противоречащих Постановлению Конституционного Суда РФ; поддержка законопроекта, подготовленного Комитетом Госдумы по делам ветеранов (председатель — В.И. Варенников).

Позднее было также создано внутреннее подразделение — торговый комплекс, который осуществлял сбыт произведенного товара и продажу сантехнического оборудования и материалов.

III Съезд Союза «Чернобыль» России состоялся 23 марта 1999 г. На него прибыли делегаты от 61 региональной организации. В работе Съезда принял участие Министр РФ по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу, председатель Госдумы по делам ветеранов В.Р. Варенников.

Приветствия делегатам III Съезда направили: администрация Президента

РФ, председатель Госдумы Г.Н. Селезнев, уполномоченный по правам человека в РФ О.О. Миронов, председатель Комитета Совета Федерации по вопросам социальной политики В.А. Торлопов, заместитель председателя Комитета Госдумы по труду социальной политике В.Р. Пашуто, депутаты фракции Госдумы «Наш дом — Россия», председатель ЦК КПРФ Г. Зюганов, депутаты группы «Российские регионы», МО «Союз Чернобыль».

С докладом об итогах работы Союза «Чернобыль» России за 1994—99 гг. и основных направлениях его деятельности на последующий период выступил президент СЧР В.Л. Гришин. В докладе отмечалось, что за истекший период Союз «Чернобыль» России усилил взаимодействие с органами государственной власти, активно участвуя в законотворческой деятельности. В связи с изменением в последние годы экономического и политического положения страны роль общественно полезной деятельности СЧР возросла. Придя к соглашению с органами исполнительной власти, многие организации Союза взяли на себя часть государственных функций по практической реализации Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

Дальнейшая деятельность Общероссийской общественной организации инвалидов «Союз "Чернобыль" России» строилась на основании новой редакции Устава, с учетом обновленных положений Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», а также Федерального Закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (24.11.95 г.), изменений и дополнений в статью 33 этого закона (04.01.99 г.) и «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов», принятых на 48-й сессии Генеральной Ассам-

блеи ООН 20 декабря 1993 г. Основные направления работы Союза «Чернобыль» России в период 1999 по 2002 г.:

- участие в разработке законодательной и нормативной базы по проблемам инвалидов и граждан, принимавших участие в ликвидации последствий чернобыльской и других радиационных аварий катастроф, а также членов их семей и семей умерших и погибших вследствие этих и других техногенных и экологических аварий и катастроф;

- работа по социальным и медицинским проблемам, в т.ч. реабилитации инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- защита прав и интересов инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- организационное развитие Союза «Чернобыль» России;

- информационная деятельность Союза и просвещение общества о проблемах инвалидов и других категорий пострадавших граждан;

- осуществление и развитие предпринимательской деятельности Союза «Чернобыль» России как основы достижения его уставных целей и укрепления его организаций;

- международная и благотворительная деятельность.

На Съезде выступил Министр РФ по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу. Он охарактеризовал состояние дел по исполнению Федерального Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и реализации Федеральных целевых программ по преодолению последствий чернобыльской катастрофы и предоставлению жилья ликвидаторам. С. К. Шойгу отметил сложность и противоречивость совершенствования Закона в Госдуме. А также дал высокую оценку сотрудничеству МЧС с Союзом «Чернобыль» России.

В своем выступлении депутат Госдумы В. И. Варенников рассказал о работе

по подготовке изменений и дополнений в Чернобыльский Закон и подчеркнул необходимость поддержки СЧР проекта Закона, разработанного Комитетом по делам ветеранов.

На Съезде выступили: вице-президенты СЧР Великий А. Я., Валентей С. А.; члены Президиума: Ойсбойт М. И., Юрков Е. Д., Дроздов В. П., Баринов Г. А., Баскин К. Е. и другие. Всего — более 20 делегатов. Съезд в вновь избрал президентом Союза «Чернобыль» России В. Л. Гришина. Центральную ревизионную комиссию возглавил Торгашев П. И. (г. Новосибирск).

Делегаты Съезда приняли обращение к Президенту России, Федеральному Собранию и Правительству РФ, в котором были обобщены и проанализированы сведения о выполнении Чернобыльского Закона и Федеральных программ, а также предложены меры по усилению социальной защиты чернобыльцев.

3—4 октября 2000 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция «Равные возможности для инвалидов: проблемы и государственная стратегия», одним из организаторов которой был Союз «Чернобыль» России. На конференции обсуждалась государственная политика в отношении инвалидов и инвалидности в России; положение инвалидов и понимание их проблем в обществе; реализация государственных гарантий основных прав инвалидов в России; социальное партнерство общественных организаций инвалидов государственных органов власти и управления. С докладом «Усиление роли общественных организаций инвалидов в социальном управлении» выступил президент Союза «Чернобыль» России В. Л. Гришин. В докладе говорилось, что система социальной защиты инвалидов охватывает миллионы людей и представлена большим количеством форм (социальное и медицинское обслуживание, материально-бытовое и пенсионное обеспечение и др.). Объем, многообразие, сложность

и специфичность решаемых ею задач, требуют системности в организации и управлении. Однако единой системы управления социальной защитой инвалидов не создано, действия исполнительно-распорядительных органов государственной власти всех уровней часто осуществляется разрозненно.

В докладе были освещены проблемы инвалидов-чернобыльцев. Отмечалось, что по результатам социологического опроса, проведенного Союзом «Чернобыль» России в первой половине 2000 года, требования действующего законодательства о социальной защите граждан, пострадавших от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, исполняются на 20—30%. Работа органов государственной власти всех уровней по социальной защите чернобыльцев оценивается Союзом как неудовлетворительная. Подтверждением этому являются акции гражданского протеста инвалидов и вдов в защиту своих прав. Все это свидетельствует о необходимости реформировать управление социальной защитой пострадавших от радиационных аварий и катастроф. Главная задача такой реформы — централизация, создание специального органа государственного управления, который занимался бы всем объемом проблем, связанных с социальной защитой ликвидаторов и населения, проживающего на радиационно-загрязненных территориях. Союз «Чернобыль» России ставит своей задачей участие в создании такого органа управления.

Особое внимание в докладе было уделено сотрудничеству государственных органов и общественных организаций чернобыльцев, без которого невозможно эффективное управление социальной защитой. Региональные организации Союза «Чернобыль» России — самое близкое к пострадавшим звено, первым узнающее об их бедах и потерях.

Итогом конференции стало принятие резолюции по вопросам государственной поддержки инвалидов и обеспече-

ния им равных возможностей с другими гражданами РФ. В ходе работы конференции делегация от СЧР провела встречу с заместителем Председателя Правительства РФ Матвиенко В.И.

25 октября 2000 г. большая группа инвалидов-черномыльцев Тульской области во главе с председателем региональной организации СЧР Наумовым В.Н. осуществила в Москве публичную акцию возврата государственных наград, полученных за участие в ликвидации последствий черномыльской катастрофы. Эти действия получили неоднозначную оценку среди ликвидаторов и их общественных организаций.

31 октября 2000 г. на Совете по делам инвалидов при Президенте РФ по предложению Союза «Черномыль» России была заслушана информация члена Совета В.Л. Гришина о состоянии дел по рассмотрению в Госдуме черномыльского законопроекта и исполнению обязательств Правительства РФ в погашении задолженности по выплатам возмещения вреда инвалидам в соответствии с решениями судов. Для решения этого вопроса Советом создана рабочая группа.

Активными действиями Ростовской областной организации Союза «Черномыль» России (председатель — Филиппенко А.П.) удалось привлечь внимание полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе В.Г. Казанцева к проблемам инвалидов региона. При встрече с Президентом В.В. Путиным 9 ноября В.Г. Казанцев передал ему письмо, в котором предложил погасить задолженность по судебным решениям, а также обратить внимание Главного государственного правового управления Президента РФ на проведение тщательной правовой экспертизы проектов новых законодательных актов, относящихся к социальной защите черномыльцев и членов их семей.

15—17 ноября 2000 г. в г. Москве с участием Союза «Черномыль» России прошла научно-практическая конферен-

ция «Состояние здоровья детей, рожденных лицами, принимавшими участие в ликвидации последствий радиационных катастроф». На конференции выступили депутат Госдумы Рогонова П.П., Яковлева Т.В., заместитель Министра здравоохранения Шарапова О.В., президент Союза «Черномыль» России Гришин В.Л. Конференция приняла резолюцию, в которой отметила необходимость активизировать работу по медицинскому и лекарственному обеспечению детей ликвидаторов, увеличить финансирование на эти цели, улучшить координацию работы ученых-медиков стран СНГ. В работе конференции принимали участие медицинские работники и представители общественных черномыльских организаций из регионов.

21 ноября Пленум Верховного Суда РФ вынес на обсуждение Постановление «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Черномыльской АЭС».

По мнению Союза «Черномыль» России, данный документ может существенно изменить порядок и уменьшить объем возмещения вреда инвалидам вследствие черномыльской катастрофы. В безусловном порядке могут быть пересмотрены десятки тысяч дел инвалидов-черномыльцев, возмещение вреда которым исчислено из черномыльского заработка. Исполнение вступивших в силу судебных решений может быть обжаловано в порядке надзора органами Генеральной Прокуратуры РФ. В результате инвалиды не смогут получить государственный долг. В заседании Верховного Суда принимали участие вице-президент СЧР Великий А.Я. и заместитель председателя Тульской областной организации СЧР Карибджанян Н.А. Накануне заседания в редакции газеты «Московский комсомолец» прошла пресс-конференция. В день заседания

было проведено пикетирование в знак протеста против незаконных решений.

В декабре 2000 года СЧР отметил 10-летие со дня создания. Торжественное заседание проходило в период проведения Союзом «Чернобыль» России все-российской акции протеста.

Цель акции: не допустить нарушения законных прав граждан, ставших инвалидами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Организаторы акции: региональные и местные организации Союза «Чернобыль» России.

Основные требования Союза Чернобыль» России. 1.1 Срочно принять изменения и дополнения в Федеральный закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в строгом соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 года, а именно:

— не исключать права инвалида на возмещение вреда здоровью в соответствии с действующим законодательством;

— не допустить отмены права на получение возмещения вреда семей граждан, погибших в результате катастрофы на ЧАЭС, умерших вследствие лучевой болезни и других заболеваний возникших в связи с Чернобыльской катастрофой;

— реализовать право инвалидов из числа военнослужащих на возмещение вреда здоровью;

— вносить изменения в порядок расчета сумм в возмещение вреда инвалидам в зависимости от процента утраты трудоспособности, а не от группы инвалидности;

— проводить индексацию сумм в возмещение вреда в соответствии с централизованным ростом минимальным размером оплаты труда;

— реализовать ранее утраченные права граждан, постоянно проживающих в зонах радиоактивного загрязнения.

1.2. Обеспечить своевременное и в

полном объеме финансирование социальных выплат и компенсаций пострадавшим гражданам, а также сумм в возмещение вреда инвалидам вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, включая задолженности по судебным решениям.

1.3. Разработать и утвердить специальную базовую программу бесплатного обязательного медицинского страхования граждан, подвергшихся воздействию радиации, а также их детей, родившихся после 26 апреля 1986 года.

1.4. Увеличить бюджетные ассигнования на реализацию федеральной целевой программы «Жильё — ликвидаторам».

Исходя из основных требований Союза «Чернобыль» России к органам государственной власти, утвердить главные лозунги и призывы:

а) Чернобыльский закон — в строгое соответствие с Постановлением Конституционного Суда РФ!

б) Инвалидам Чернобыля — возмещение вреда, а не фиксированная социальная компенсация!

в) Ликвидаторам катастрофы на ЧАЭС — достойную жизнь!

г) Не допустить произвола властей в отношении чернобыльцев!

д) Пострадавшим от Чернобыля возместить ущерб в полном объеме! В Москве 19 декабря напротив здания Госдумы РФ прошёл митинг.

В последствие работа по изменениям Чернобыльского закона проходила с учетом предложений СЧР. 12 февраля 2001 года Президент РФ подписал федеральный закон №5-ФЗ. Этот закон дал право значительной части инвалидов — чернобыльцев получать ежемесячные денежные компенсации в возмещение вреда в зависимости от группы инвалидности (III группа — 1000 руб.; II группа — 2500 руб.; I группа — 3000руб) с последующей индексацией в зависимости от величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации. Он определил сроки выплат гражданам

недополученных денежных компенсаций (2001 — 2003 годы) в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 1.12.1997г. №18-П.

Но и эти изменения в действующем «Чернобыльском» законодательстве не устранили имеющиеся в нем противоречия. В марте 2001 года на заседании Центрального Совета было принято решение более активнее продолжать работу с депутатами Госдумы от фракции «Единство» по улучшению отдельных положений законов о социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф.

Летом этого же года Президиум Центрального Совета организует работу по отклонению законопроектов, разработанных депутатом Госдумы \1 О.А. Шенкаревым. Готовится Обращение СЧР к депутатам, осенью актив Союза принимает участие в парламентских слушаниях по данному вопросу, осуществляется поддержка жалоб инвалидов в Конституционный Суд РФ о нарушении отдельных статей. Конституции России.

Важные решения принимаются по созданию в региональных организациях СЧР юридических служб. Обращается внимание Правительства РФ на «недопустимо низкий уровень финансирования федеральных целевых программ: специализированного медицинского обеспечения, строительства благоустроенного жилья».

Первые результаты, начавшегося процесса замены удостоверений «ликвидаторам» показали противоречия, заложенные в самом документе о Порядке замены. Участились случаи обращений в суды. Всё это требовало от общественной организации усиления работы по обеспечению изменений в нормативно-правовой акт. Позднее, в связи с решением Верховного Суда РФ, в Порядок замены удостоверений ликвидаторам были внесены соответствующие уточнения.

26 апреля 2001 года в стране отме-

чалось 15-летие со дня катастрофы на чернобыльской АЭС. Несмотря на усилия Союза «Чернобыль» России, Правительство РФ не стало создавать организационный комитет по подготовке и проведению этой даты. Все же мероприятия прошли по всей стране с участием региональных организаций СЧР и МЧС России. Были открыты новые памятники погибшим или умершим вследствие катастрофы.

В рамках плана работы СЧР на 2001 год была организована и проведена оздоровительная поездка детей из г. Новозыбков Брянской области в Швецию. Наташа Андерссон смогла обеспечить высококлассное протезирование ноги Юле Бычковой, проживающей на загрязненной территории Орловской области.

Союз «Чернобыль» России участвовал в подготовке Специального доклада Уполномоченного по правам человека Российской Федерации «Права и возможности инвалидов в Российской Федерации» (10.09.2001г.)

В докладе нашли отражение проблемы инвалидов вследствие радиационных аварий и катастроф, и пути их решения.

В 2002 году Союз «Чернобыль» России осуществлял уставную деятельность, основываясь на решениях III съезда СЧР и принятых Постановлением Центрального Совета «Основных задачах Союза «Чернобыль» России на 2002 год».

В деятельности по разработке и совершенствованию законодательства, нормативно-правовой базы по его выполнению Союзу удалось совместно с депутатами Госдумы (П.П. Рогонов, А.В. Селиванов, С.И. Неверов), поддержкой глав администраций Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей доказать успешное принятие поправок в «Чернобыльский» закон в части перехода на дозовую концепцию. Законопроект, внесенный в Госдуму, был отклонен. Совет Центрального Федерального округа 21 января 2003 года в г. Брянске ходатайствовал перед Правительством

РФ не вносить до 2010 года изменений в Чернобыльское законодательство по установлению критерия зонирования радиоактивно загрязненных территорий только по величине среднегодовой эффективной дозы облучения населения. Это означало, что у 1,7 млн. человек сохранились льготы и компенсации.

19 июня 2002 года выходит долгожданное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П. Порядок и периодичность индексации ежемесячных сумм в возмещение вреда инвалидам и других социальных выплат пострадавшим гражданам поручено установить федеральным законом. Одновременно подтверждено право инвалида, обращаться по вопросам индексации в гражданские суды. Рекомендации для этого должен дать Пленум Верховного Суда.

В текущем 2002 году заканчивалось действие Федеральных целевых программ «Жилье — ликвидаторам». На этот период в России числилось нуждающимися в жилье около 35 тысяч человек, из которых 10 тысяч составляют инвалиды и семьи, потерявшие кормильца вследствие катастрофы. Требовалась пролонгация прав на получение жилья.

Подпрограмма «Дети Чернобыля» в рамках федеральной целевой программы «Дети России» в 2002 году также завершалась. Усилия Союза «Чернобыль» России по её включению в период 2003—2010 годы не увенчались успехом. Это является большим недостатком в решении проблем медицинского обеспечения детской части населения, пострадавшей от последствий Чернобыльской катастрофы.

27 февраля 2002 года за многолетнюю активную общественную и профессиональную деятельность, направленную на объективное информирование читателей, защиту прав и интересов граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, Президиум Центрального Совета Союза «Чернобыль» России

в связи с 10-летием газеты «Российский Чернобыль» принял решение о занесении коллектива в Книгу Почета СЧР с вручением Знака.

В феврале 2002 года общественности был представлен итоговый отчет чернобыльской Миссии ООН «Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Стратегия реабилитации». Отчет подготовлен по поручению представительств Программы развития ООН (ПРООН) и детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в России, Украине и Беларуси при поддержке Управления ООН по координации гуманитарной деятельности (УКД ООН) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Эксперты ООН подчеркнули, что международное сотрудничество в преодолении последствий Чернобыльской аварии служит интересам не только трех пострадавших стран, но и мирового сообщества в целом. Во-первых, такое сотрудничество позволяет наработать ценный опыт в сфере преодоления последствий крупных атомных катастроф, от которых не застрахована ни одна страна, имеющая атомные станции. Во-вторых, его результатом может стать разработка новых моделей взаимодействия, применяемых в других регионах планеты. В итоговом отчете содержатся 34 рекомендации, которые основываются на новом подходе к решению насущных проблем людей, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы. Необходимы совместные действия международного сообщества, чтобы напомнить миру об их продолжающихся страданиях, сохраняющейся потребности в международной поддержке.

4—5 июня 2002 года в Москве прошла Всероссийская конференция по экологической безопасности. В ней приняли участие представители Союза «Чернобыль» России. В ходе работы обсуждалась экологическая доктрина Российской Федерации. В текст этого документа вошли предложения, учитывающие опыт минимизации последствий радиа-

ционных аварий и катастроф, меры, направленные на их предупреждение.

18—20 декабря 2002 года в Москве состоялась Международная конференция общественных организаций «Союз Чернобыль» стран СНГ и Балтии. На конференцию прибыли руководители общественных чернобыльских организаций из десяти стран. Приняли участие заинтересованные международные организации и государственные органы. Участниками конференции была выработана резолюция, в которой содержится оценка современного состояния проблем реабилитации граждан, пострадавших от последствий радиационных аварий и катастроф, и предложения по активизации работы по решению этих проблем в правовом, социальном, медицинском и др. аспектах, с учетом жизненных реалий и особенностей законодательства и экономического положения стран СНГ и Балтии.

В течение лета 2002 года Союз «Чернобыль» России оздоровил в Швеции 56 детей, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы. Отметил наградами Союза более 20-ти самых активных членов благотворительных организаций этой страны.

В 2002 году в целях осуществления координации деятельности и взаимодействия по решению проблем инвалидов пять общероссийских общественных организаций инвалидов (ВОС, ВОГ, ВОИ, СЧР, ООИВА) образовали Совет. Председателем был избран президент Всероссийского общества слепых А.Я. Неумывакин. Начался новый этап тесного сотрудничества общероссийских организаций. Знаменательным событием стала встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с руководителями крупнейших объединений. В результате чего было поручение Президента РФ, направленное на решение ряда острых проблем инвалидов и их организаций.

2003 год в Российской Федерации был объявлен Годом инвалидов. Среди

задач Союза «Чернобыль» России на этот период оставались -недопущение принятия изменений и дополнений в чернобыльское законодательство ущемляющих и умоляющих конституционные права и интересы инвалидов и других категорий пострадавших граждан, сохранение и укрепление организационного единства Союза, развитие и расширение связей с общероссийскими организациями инвалидов, Всеобщей Конфедерацией профсоюзов, ФНПР, а также расширять международные контакты и сотрудничество.

Начало года ознаменовалось проведением IV съезда Союза «Чернобыль» России, который состоялся 18 марта 2003 года в г. Обнинске Калужской области. В работе съезда приняло участие около ста делегатов из 64 региональных организаций. Съезд принял Основные направления деятельности Союза «Чернобыль» России на 2003—2006 годы. В них отражены четыре основных направления работы организации:

- сохранение и укрепление организационного единства СЧР;
- обеспечение защиты прав и законных интересов инвалидов и других категорий пострадавших граждан;
- информационная, международная и благотворительная работа;
- осуществление предпринимательской деятельности для укрепления Союза и достижения его уставных целей.

Содержанием каждого из этих направлений является комплекс задач, стоящих перед руководящими органами СЧР и его региональными организациями. Большинство участников IV съезда считало, что эффективность решения проблем во многом зависит от ответственности и дисциплины региональных и местных отделений за выполнение решений руководящих органов СЧР. В свою очередь, руководители строят свою работу, основываясь на связи с членами организации, знании их насущных интересов и проблем. Комплексное планирование учитывает приоритеты и

сроки исполнения мероприятий, определяет условия и средства для их реализации. Ответственность членов организации независимо от ранга - становится основным принципом в работе. На съезде были определены базовые ценности в деятельности организации. Это — гражданский и профессиональный долг, мужество и трудовой героизм, справедливость и достоинство, гуманность и милосердие, которые сформировались на опыте прошлых лет. Сегодня в перечень этих ценностей внесены общероссийские ценности как — вера, семья, нравственность, государство, собственность, законность, свобода в соединении её с ответственностью и защитой человеческого достоинства.

Успешное достижение уставных целей и задач Союза «Чернобыль» России невозможно без активного участия его членов в общественно-политической жизни общества. Деятельность Союза должна быть направлена на согласие и солидарность в обществе, создание сильного государства, обеспечивающего своим гражданам достойную жизнь. Для этого СЧР участвует в выборах органов государственной власти любого уровня, присоединяясь к здоровым политическим силам в обществе.

IV съезд Союза «Чернобыль» России принял Обращение к органам государственной власти по улучшению их деятельности в реализации законных прав и интересов граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф. Президентом Союза вновь избрали Гришина В.Л. Вице — президентами стали Валентей С.А. и Швецов С.В.

В июне 2003 года Союз «Чернобыль» России подписал соглашение о сотрудничестве и взаимодействии с Всероссийской партией «Единая Россия». На декабрьских выборах депутатов Государственной Думы РФ Союз и его региональные организации поддержали кандидатов от этой партии. В этом же месяце Президиум ЦС утвердил Положе-

ние и описание нагрудного знака «За заслуги», который состоит из 2^х степеней.

В августе 2003 года состоялось торжественное открытие в г. Санкт -Петербурге памятника в честь погибших и умерших жителей города и Ленинградской области, принимавших участие в ликвидации последствий Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, испытаний ядерного оружия. Памятник создан при активном участии членов СЧР Драгуша В.Э., Великина А.Я., Найды В.Г.

Прочные деловые связи существуют между Союзом «Чернобыль» России и Брянским клинико-диагностическим центром (гл. врач Прошин А.Д.). За 10 лет своего существования обследовано и пролечено десятки тысяч граждан. Здесь ведется высококвалифицированная научная и лечебная работа. За высокие научно-практические достижения в работе по медицинскому обслуживанию граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастрофах, и в связи с 10-летием со дня его создания, коллектив этого учреждения занесен в Книгу Почета Союза «Чернобыль» России с вручением знака.

В сентябре 2003 года Президиум Центрального Совета СЧР проанализировал эффективность ведения организацией производственно-торговой деятельности и признал, что она составляет убыточность в связи с отменой в 2002 году ряда налоговых льгот. В связи с нерентабельностью производственно-торговой деятельности было принято решение до 1.03.2004 года её прекратить.

Это существенно снизило возможности организации по финансовому обеспечению и выполнению принятых программ.

В октябре 2003 года на заседании Центрального Совета СЧР вновь было обращено внимание:

— на работу с депутатами Госдумы РФ

по принятию закона в строгом соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 г. №11-П;

— на затруднения, вызванные в ходе обмена удостоверений ликвидаторам;

На организацию работы в региональных отделениях по защите прав инвалидов в гражданских судах Центральный Совет СЧР поручил Президиуму ЦС создать Комиссию по законодательной и судебной деятельности. Председателем её утвердили Китаева В.В. — председателя Московской областной организации СЧР.

Центральный Совет утвердил единую форму членского билета СЧР, поручил разработать «Положение о флаге Союза «Чернобыль» России», которое утвердил Президиум ЦС СЧР 19 февраля 2004 года. В этот же период Союз принимает решение рекомендовать региональным организациям и отделениям оказать поддержку достойным кандидатам в депутаты Госдумы РФ, конструктивно отстаивающим законные права и интересы инвалидов и граждан, пострадавших вследствие радиационных аварий и катастроф. Многие региональные организации поддержали кандидатов от партии «Единая Россия».

Осенью 2003 года члены региональных организаций приняли участие в учреждении Общероссийской общественной организации инвалидов «Интеграция», финансово-экономическая деятельность которой, помогала бы реализации проектов и программ в интересах граждан, пострадавших в результате Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф.

В конце 2003 года был разработан и начал работать в Интернете сайт Союза «Чернобыль» России, который в последствие завоевал популярность среди его пользователей.

19 декабря 2003 года в Кремле состоялась встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с руководителями крупнейших общероссийских общественных организаций инвалидов.

В их числе был президент Союза «Чернобыль» России Гришин В.Л. Поручение Президента РФ по итогам встречи было выпущено в начале 2004 года. Оно содержало предложения по решению ряда серьезных проблем инвалидов по их реабилитации, а также по поддержке организаций инвалидов в связи с отменой ряда льгот по налогообложению их экономической деятельности.

17 декабря 2003 года очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН предложила отмечать 26 апреля, как Международный день памяти жертв радиационных аварий и катастроф. В очередной раз мировое сообщество обратило внимание государств к проблемам Чернобыля, необходимости оказания пострадавшим международной помощи, более активно информировать население об их последствиях для здоровья человека и окружающей среды во всем мире.

В 2004 году Российская Федерация вступила в активную фазу административной реформы органов государственной власти и начала реформы в социальной сфере и здравоохранении.

В Государственной Думе РФ продолжается работа над «Чернобыльским» законом с целью приведения его в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РФ от 19.06.2002г. №11-П.

В канун 18-й годовщины со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС в России насчитывалось около 53 тысяч инвалидов и семей, потерявших кормильца в связи с последствиями этой аварии. От их имени и имени сотен тысяч граждан других категорий 23 марта 2004 года Центральный Совет Союза «Чернобыль» России принимает Обращение к Президенту и Правительству Российской Федерации. В нем в частности говорится: «В последнее время участились случаи нарушения законных прав чернобыльцев. Так, например, в Краснодарском и Ставропольском краях, Московской и Ярославской областях и ряде других регионов России не применяются

льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг членам семей, совместно проживающим с инвалидами или участниками ликвидации последствий катастрофы на черновыльской АЭС. Во многих РФ невозможно бесплатно или с 50-процентной скидкой получить необходимые лекарства. В больницах практически не оказывается бесплатная высокотехнологичная медицинская помощь. Несколько лет подряд приостановлено действие статьи Чернобыльского закона об обязательном государственном страховании личности риска радиационного ущерба. И это происходит несмотря на увеличение в последние два года числа смертей и заболеваний среди граждан, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, по сравнению с контрольной группой населения Российской Федерации. По-прежнему не прекращается рост разной патологии у детей этих граждан, а также тех, кто до сих пор проживает на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению.

Другой острой проблемой является жилищная проблема. Более семи тысяч инвалидов признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий. Закон им гарантирует предоставление жилой площади в течении трех месяцев! Жилья в первоочередном порядке ждут около тридцати тысяч граждан, принимавших участие в ликвидации радиационных аварий и катастроф! И только 300 квартир в год предоставляют органы исполнительной власти. Не трудно подсчитать, что тысячи людей не дождутся своей очереди.

Мы выражаем серьезную обеспокоенность существующей в Чернобыльском законе правовой неопределенности размеров выплат возмещения вреда, причиненного здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также индексации этих выплат. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на нарушение прав инвалидов со

стороны законодателя и Правительства Российской Федерации. На протяжении уже многих лет инвалиды вынуждены отстаивать свои права в судебном порядке. Принятые недавно Государственной Думой ФС РФ поправки в Чернобыльский закон окончательно не снимают этой проблемы.

У десятков тысяч граждан, ставших инвалидами вследствие Чернобыльской катастрофы, размеры ежемесячных сумм в возмещение вреда их здоровью находятся в пределах от 1 тысячи до 2,5 тысяч рублей, что не позволяет им обеспечивать свое лечение и содержать семью. Такая категория инвалидов нуждается в особом внимании общества.

Мы, руководители более пятидесяти региональных общественных организаций граждан, пострадавших вследствие чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, вынуждены обратиться к вам с просьбой не допустить сокращения функциональных обязанностей государственных органов исполнительной власти, направленных на реализацию федеральных законов и программ в интересах этих людей.

В условиях проведения в стране социальных реформ, реорганизации федеральных органов исполнительной власти еще раз обращаемся к Вам с просьбой обеспечить необходимые гарантии людям, чье здоровье и жизнь отданы во имя спасения других жизней».

26 апреля 2004 года в Международный день памяти жертвам радиационных аварий и катастроф выходит в свет федеральный закон №31-ФЗ. Выполняя постановление Конституционного Суда РФ, законодатель установил в качестве индексации размеров выплат возмещения вреда здоровью, избрав уровень инфляции, устанавливаемого федеральным законом о бюджете на очередной финансовый год. Тем самым внес определенность в механизм индексации, который гарантирует стабильность её проведения.

По данным Союза Чернобыль» Рос-

сии за два последних года более десяти тысяч инвалидов через суды общей юрисдикции добились положительных решений по выплатам сумм возмещения вреда с учетом их индексации в зависимости от роста прожиточного минимума в субъекте РФ.

Другая часть инвалидов (свыше 40 тысяч) по различным причинам: плохое состояние здоровья, уверенность в скором принятии поправок в закон, патристические чувства не обращалась в суды, терпеливо ожидая устранения законодателем неопределенного характера механизма индексации. В статье 3 настоящего закона гарантируется индексация выплат этим гражданам без обращений в суды за период с 19.06.2002 года по настоящее время, исходя их уровня инфляции, установленного федеральным законом о федеральном бюджете на 2002, 2003 и 2004 годы соответственно.

Известно, что на 2004 год в федеральном бюджете заложены необходимые средства на индексацию выплат возмещения вреда инвалидам -чернобыльцам в связи с внесением изменений в закон.

Выплаты же инвалидам недополученных сумм за 2002—2004 годы законом гарантируются произвести в течение 2005—2006 годов.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ внесены изменения в действующее законодательство для лиц, которым возмещение вреда было установлено исходя из заработка. Им обеспечивается выплата ранее назначенных сумм, но не превышающая максимального размера ежемесячной страховой выплаты, установленного федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования РФ на очередной финансовый год (в 2004 году она составляет 30 000 рублей).

Среди инвалидов — чернобыльцев существуют различные мнения о правомерности отдельных изменений и дополнений, внесенных в Чернобыльский за-

кон. Часть из них полагает, что установленный законодателем новый механизм индексации сумм возмещения вреда может носить неопределенный характер и не обеспечит регулярности и стабильности её проведения. В связи с этим возрастает степень ответственности Правительства РФ по определению порядка индексации ежемесячных выплат и возврата недополученных сумм. Требуется создать нормативно-правовой документ, который бы не ущемил права пострадавших граждан, избавил бы их от судебных мытарств.

Однако события последующего периода, связанного с работой Госдумы РФ над законом «О монитизации льгот», заставили Союз «Чернобыль» России забыть на время закон №31-ФЗ и приступить к продолжительной борьбе за права и интересы чернобыльцев.

На заседании Президиума ЦС СЧР 22 июня 2004 года рассматривалось заключение на законопроект «О монитизации льгот», подготовленный комиссией по законодательной и судебной деятельности. Было единодушно отмечено, что изменения и дополнения в «Чернобыльский» закон изложенные в статье 3 проекта Федерального закона № 58338—4, являются неправомерными, так как они нарушают Конституцию РФ (ст.42, ст.55 п.2) и Федеральный закон «Об использовании атомной энергии» (ст. 15). Отмена или замена целого ряда льгот и выплат, входящих в объем возмещения ущерба, причиненного здоровью и имуществу граждан вследствие Чернобыльской катастрофы, снижает степень государственных гарантий, меняет конституционно-правовую природу отношений государства и пострадавших граждан.

В целях недопущения принятия антиконституционных поправок в Закон РСФСР от 15 мая 1991 г. № 1244—1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» Президиум решил подготовить и провести общероссийскую акцию в виде

организованного марша-протеста из городов Российской Федерации в Москву. Для этого был создан штаб.

Работа по подготовке и проведению общероссийской акции протеста велась штабом в соответствии с решением Президиума ЦС от 22 июня 2004 года.

Значительная часть региональных организаций СЧР смогла в период с 1 по 29 июля провести митинги и пикетирование. Акции протеста наиболее организовано прошли в Рязани, Краснодаре, Астрахани, Республике Дагестан, Иванове, Липецкой области, Ростове-на-Дону, Орле, Твери, Туле, Великом Новгороде, Кирове, Оренбурге, Самаре, Чебоксарах, Уфе, Ставрополе, Тюмени, Красноярске, Кемерово, Калининграде, Омске, Новосибирске, Томске, Екатеринбурге. В них участвовали депутаты Госдумы ФС РФ и региональных законодательных органов, представители местной исполнительной власти, профсоюзов, общественных объединений, СМИ.

В региональных акциях приняло участие около десяти тысяч чернобыльцев. Резолюции митингов, обращения, письма протеста от имени граждан, пострадавших вследствие радиационных аварий и катастроф, направлялись в адресе Президента и Правительства Российской Федерации, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Руководители региональных организаций СЧР выступали в прессе и на телевидении.

В этот же период времени в станице Медведковской Тимашевского района Краснодарского края проходила голодовка инвалида I группы, чернобыльца Петра Павловича Буденного, объявленная в связи с неисполнением судебного решения о предоставлении ему жилья. 26 июля в больнице он скончался, так и не дождавшись исполнения этого судебного решения. Голодовки инвалидов-ликвидаторов с аналогичными требованиями были ранее проведены в г. Старом Осколе и Губкине Белгородской

области. В августе в г. Буйнакске Республики Дагестан проводилась акция протеста инвалидов-чернобыльцев, направленная на привлечение внимания республиканских органов власти к проблемам пострадавших, в первую очередь — предоставления жилья.

Деятельность Союза «Чернобыль» России по подготовке и проведению в регионах акций протеста, а также голодовки ликвидаторов, письменные обращения, резолюции митингов протеста, работа в комитетах Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, участие в заседаниях «круглых столов», выступления в СМИ привлекли внимание руководства страны, общественности, политических партий.

27 июля 2004 года, за два дня до завершения марша протеста и проведения митинга в Москве, Правительство России выразило готовность начать встречи по рассмотрению требований и предложений Союза «Чернобыль» России. Министр МЧС России ШОЙГУ С.К. предложил также рассмотреть вопрос о неучастии СЧР в митинге 29 июля. Это было вызвано тем, что оппозиционные партии намеревались использовать акцию протеста в собственных политических интересах.

Вечером 27 июля предложения Правительства РФ обсуждались на очередном заседании штаба по подготовке и проведению митинга в Москве. Отсутствовавшие члены Президиума ЦС и штаба были проинформированы об этих предложениях по телефону. Большинство из них считало, что прошедшие в регионах акции протеста достигли поставленных целей. Теперь за столом переговоров требования и предложения Союза «Чернобыль» России по недопущению принятия антиконституционных поправок в базовый Чернобыльский закон могли быть представлены через Правительство РФ ко второму чтению проекта Федерального закона № 58338—4 («О монитизации льгот»).

В результате оперативного согласо-

вания о возможности достичь поставленных целей без проведения митинга штабом принимается решение рекомендовать руководителям региональных организаций приостановить движение марша протеста в Москву и направить делегации на встречу с представителями Правительства РФ для обсуждения требований СЧР.

29 июля, в первой половине дня, было срочно проведено совещание руководителей региональных организаций и делегаций, прибывших в Москву. Чтобы не допустить в дальнейшем поводов для провокационных заявлений, а также использовать переговоры с Правительством РФ для укрепления конституционно-правовых и социальных гарантий гражданам, пострадавшим вследствие радиации, штабом принято окончательное решение:

- участвовать в митинге;
- встретиться с представителями Правительства РФ.

В 14 часов в Москве, на площади Революции, состоялся митинг против отмены социальных гарантий, в защиту конституционных прав граждан, пользующихся льготами. В митинге приняли участие делегации региональных организаций СЧР, представители крупнейших инвалидных, ветеранских, правозащитных, профсоюзных объединений и различных политических партий.

В 16 часов в Москве, в здании Академии государственной противопожарной службы МЧС России, состоялась встреча чернобыльцев с представителями Правительства РФ в составе:

- заместитель Министра по чрезвычайным ситуациям РФ Герасимов Н.В.;
- заместитель Министра здравоохранения и социального развития РФ Стародубов В.И.;
- директор департамента социального развития Министерства здравоохранения и социального развития РФ Осадчих А.И.;
- заместитель директора департамента социального развития Министер-

ства здравоохранения и социального развития РФ Беренда В.П.;

— начальник управления Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ Марченко Т.А.

По итогам встречи создана рабочая группа для участия в переговорах с Министром здравоохранения и социального развития РФ Зурабовым М.Ю. в составе:

- президент СЧР Гришин В.Л.;
- председатель Ленинградской областной организации СЧР Великий А.Я.;
- заместитель председателя Тульской областной организации СЧР Карибджанян Н.А.;
- заместитель председателя Ростовской областной организации СЧР Каминский Л.П.;
- секретарь ФНПР Трумель В.В.

В 18 часов рабочая группа встретила с Министром Зурабовым М.Ю. В ходе двухчасовых переговоров были представлены требования и предложения СЧР по сохранению конституционно-правовых положений и объемов возмещения вреда гражданам, пострадавшим вследствие катастрофы на Ч АЭС.

Министр Зурабов М.Ю. представил свои варианты сохранения действующих положений базового Чернобыльского закона и введения дополнительных мер социальной поддержки.

В результате встречи было решено передать в Правительство РФ конкретные поправки Союза «Чернобыль» России.

В последующие дни, с 30 июля по 5 августа 2004 года, работа по включению поправок СЧР в проект Федерального закона была продолжена в составе: Гришин В.Л., Наумов В.П., Карибджанян Н.А., Швецов С.В. Они участвовали во встречах с представителями Правительства РФ, комитетов Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, отстаивая конституционные права и законные интересы граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф.

В результате общих усилий организаций Союза «Чернобыль» России и конструктивных действий Президиума ЦС внесены существенные, принципиальные поправки в проект Федерального закона № 58338, а именно:

1. Сохранена природа правоотношений граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, и государства — причинителя вреда их здоровью, основанных на Конституции РФ.

2. Введено новое правовое понятие социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Ч АЭС, как системы мер, обеспечивающих социальные гарантии этим гражданам.

В связи с этим законодатель уточнил некоторые статьи базового Чернобыльского закона.

Правовые понятия возмещения вреда и меры социальной поддержки вошли в содержание названий следующих статей: 5, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 49. Уточняются редакции статей 24 и 25. Сохраняются в прежней редакции статьи 26 и 27 базового Чернобыльского закона.

Законодатель включает новую статью 27¹, в которой устанавливается дополнительная денежная выплата в размере:

1) инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы — 1000 рублей;

2) гражданам, указанным в пункте 3 части первой статьи 13 настоящего Закона — 1000 рублей;

3) гражданам, указанным в пунктах 1 и 4 части первой статьи 13 Закона, а также гражданам, указанным в пункте 6 части первой статьи 13 Закона из числа граждан, эвакуированных (в том числе выехавших добровольно) в 1986 году из зоны отчуждения — 800 рублей;

4) детям и подросткам в возрасте до 18 лет, постоянно проживающим в зоне отселения и зоне проживания с правом на отселение, эвакуированным и переселенным из зон отселения, проживания с правом на отселение, включая тех, кото-

рые на день эвакуации находились во внутриутробном состоянии, а также детям первого и последующих поколений граждан, указанных в пунктах 1, 2, 3 и 6 части первой статьи 13 Закона, родившимся после радиоактивного облучения вследствие Чернобыльской катастрофы одного из родителей — 500 рублей;

5) гражданам, указанным в пунктах 7, 8 и 9 части первой статьи 13 Закона — 200 рублей;

6) детям и подросткам, проживающим в зоне с льготным социально-экономическим статусом — 300 рублей.

Размер ежемесячной денежной выплаты подлежит индексации в порядке и сроки, определенные Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» для индексации размера базовой части трудовой пенсии.

Кроме того, инвалидам вследствие Чернобыльской катастрофы установлена ежемесячная денежная выплата в соответствии с новой статьей 28¹ Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в размере:

1) инвалидам, имеющим III степень ограничения способности к трудовой деятельности — 1400 рублей.

2) инвалидам, имеющим II степень ограничения способности к трудовой деятельности, и детям-инвалидам — 1000 рублей.

3) инвалидам, имеющим I степень ограничения к трудовой деятельности — 800 рублей.

4) Инвалидам, не имеющим степени ограничения способности к трудовой деятельности, за исключением детей-инвалидов — 500 рублей.

Суммарный размер ежемесячной денежной выплаты чернобыльцам по двум основаниям составит:

— инвалидам I группы — 2 400 рублей;

— инвалидам II группы — 2 000 рублей;

— инвалидам III группы — 1 800 рублей;

— детям-инвалидам — 1 000 рублей.

К сожалению, статья 28 базового Чернобыльского закона о государственном страховании граждан признается утратившей силу. Для справки: с 2001 года ее действие было приостановлено федеральными законами о федеральном бюджете на очередной финансовый год.

Законодатель внес изменения в Федеральный закон «О государственной социальной помощи», дополнив его главой 2 «Государственная социальная помощь, оказываемая в виде предоставления гражданам набора социальных услуг».

В набор социальных услуг стоимостью 450 рублей включается:

1) Дополнительная бесплатная медицинская помощь, в том числе предусматривающая обеспечение необходимыми лекарственными средствами по рецептам врача (фельдшера), предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение, осуществляемые в соответствии с законодательством об обязательном социальном страховании — 400 рублей.

2) Бесплатный проезд в пригородном железнодорожном транспорте, а также междугородном транспорте к месту лечения и обратно — 50 рублей.

В соответствии со статьей 6⁷ «Предоставление социальных услуг отдельным категориям граждан» чернобыльцам и приравненным к ним категориям граждан порядок обращения за предоставлением набора социальных услуг, плата за предоставление им набора социальных услуг, а также порядок финансирования расходов, связанных с предоставлением указанным лицам набора социальных услуг, устанавливаются Правительством РФ.

Союз «Чернобыль» России считал необходимым не только сопровождать подготовку нормативно-правовых документов, реализующего права чернобыльцев на получение более полного

набора социальных услуг, но и в последствии осуществлять контроль за исполнением обязательств государства.

Уже в ноябре 2004 года на заседании Центрального Совета Союза «Чернобыль» России были заслушаны представители федеральных органов власти о ходе подготовки нормативно-правовых документов по реализации федеральных законов от 22.08.2004г. №122-ФЗ.

Члены Центрального Совета отметили, что:

Расходы федерального бюджета в 2005 году на осуществление мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф и ядерных испытаний, вырастут в полтора раза по сравнению с 2004 годом. Однако до сих пор не подготовлены необходимые нормативные акты по реализации основных положений федеральных законов от 26.04.2004 г. № 31-ФЗ и от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ в виде постановлений и распоряжений Правительства РФ, а также приказов уполномоченных федеральных министерств и ведомств.

Формирование Федерального регистра лиц, имеющих право на получение ежемесячных денежных выплат и набора социальных услуг, происходит без активного привлечения региональных организаций Союза «Чернобыль» России, что может внести неточности при включении в него граждан, подвергшихся воздействию радиации.

Изменение нормы Чернобыльского закона в отношении социальной защиты, медицинского обеспечения и оздоровления детей и подростков потребует дополнительного нормативного или законодательного регулирования этого вида государственных гарантий.

В большинстве субъектов Российской Федерации до настоящего времени не приняты законы об обеспечении граждан, подвергшихся воздействию радиации, льготами, отнесенными к расход-

ным обязательствам субъектов РФ (например, бесплатный проезд в общественном городском транспорте, региональное и местное льготное налогообложение и т.д.).

Недостаточно активно ведется информационная и разъяснительная работа среди населения, что часто приводит к недоверию органам власти всех уровней.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также в целях обеспечения государственных гарантий гражданам, подвергшимся воздействию радиации, Центральный Совет постановил:

1. Президиуму ЦС СЧР:

— продолжить работу по подготовке предложений в проекты федеральных законов и нормативно-правовых актов;

— оперативно доводить до региональных организаций принятые федеральными органами государственной власти документы;

— организовать подготовку и выпуск методического пособия по применению гражданами, подвергшимся воздействию радиации, механизма реализации Федерального закона от 22.08.2004 года № 122-ФЗ (март 2005 года);

— обратиться в Правительство РФ с предложением о привлечении Союза «Чернобыль» России к контролю за деятельностью по оказанию гражданам государственной социальной помощи в виде предоставления социальных услуг (до 1 января 2005 года);

— организовать работу по реализации Соглашения с ФНПР о сотрудничестве и взаимодействии в целях защиты прав гражданам, подвергшимся воздействию радиации.

2. Руководителям региональных и местных организаций СЧР: -принять участие в проверке правильности включения граждан,

— подвергшихся воздействию радиации, в Федеральный регистр лиц, имеющих право на получение ежемесячных денежных выплат и набора социальных услуг;

— своевременно информировать граждан о принятых нормативно-правовых актах, разъяснять механизм их применения;

— добиваться ускорения разработки и принятия, необходимых нормативно-правовых актов, регулирующих дополнительные меры социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации, являющиеся расходными обязательствами субъектов РФ. О принятии таких актов информировать Президиум ЦС СЧР;

— оперативно сообщать в Президиум ЦС СЧР о фактах нарушения прав граждан, принимать соответствующие меры по их недопущению.

3. На очередном заседании Центрального Совета обсудить вопрос реализации прав граждан, подвергшихся воздействию радиации, на получение государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг (до апреля 2005 года).

4. Обратиться к Министру здравоохранения России Зурабову М.Ю. с письмом об определении порядка оказания дополнительной специализированной медицинской помощи гражданам, подвергшимся воздействию радиации, с учётом специфики их заболеваемости.

5. Обратиться к Президенту РФ, председателям Конституционного и Верховного судов РФ, Всероссийскому съезду судей и Уполномоченному по правам человека в РФ с письмом об обязательном проведении Пленума Верховного Суда РФ в течение 2004 года.

6. Обратиться к Председателю Правительства РФ и председателям Фонда социального страхования РФ и Пенсионного фонда России с выражением недовольства по поводу отсутствия на заседании Центрального Совета их представителей, несмотря на неоднократные приглашения.

23 ноября 2004 года Центральный Совет утвердил Программу осуществления уставной деятельности СЧР на 2005 год. В этом документе основное внима-

ние уделяется мероприятиям, направленным на обеспечение органами власти исполнения Чернобыльского законодательства с учетом принятых изменений федеральными законами №31-ФЗ и №122-ФЗ. К началу 2005 года в связи с несовершенством отдельных норм чернобыльского закона по индексации денежных выплат образовалась задолженность по судебным решениям, вступившим в законную силу, в объеме превышающем 1 млрд. руб.

На 2005 год правительство РФ несвоевременно выпустило распоряжение, в котором определялся федеральный орган, уполномоченный осуществлять выплаты сумм возмещения вреда инвалидам Чернобыля.

В течение двух месяцев выплаты не производились, вызывая справедливые возмущения пострадавших граждан. Прошла череда акций протеста. В Белгородской, Брянской, Воронежской, Свердловской, Тульской, Ростовской областях, Красноярском крае, г. Санкт-Петербурге прошли голодовки инвалидов. Они требовали незамедлительного погашения задолженности по текущим платежам и судебным решениям.

В феврале 2005 года президиум ЦС СЧР принял решение о проведении акций протеста в виде митингов и пикетирования. Они прошли в более чем 30 регионах России.

В марте 2005 года Федеральная служба по труду и занятости населения начала производить текущие выплаты сумм в возмещение вреда инвалидам. Чуть позже в апреле началось погашение задолженности по исполнительным листам.

В целях оценки реализации федеральных законов №№31-ФЗ и 122-ФЗ 29 марта 2005 года Центральный Совет принимает постановление, в котором в частности отмечалось:

— в результате замены натуральных льгот денежными компенсациями и отмены ряда правовых норм государство в лице федерального законодателя от-

ступило от конституционно-правовой обязанности возможно более полного возмещения вреда, причиненного Чернобыльской катастрофой;

— суммарный размер ежемесячных денежных выплат взамен натуральных льгот и компенсаций оказался ниже их прежней реальной стоимости;

— новый порядок и условия предоставления мер социальной поддержки и получения компенсаций существенно затрудняют реализацию прав граждан на медицинское и лекарственное обслуживание, санаторно—курортное лечение, реабилитационные услуги, улучшение жилищных условий;

— часть нормативно-правовых документов по реализации федеральных законов №№ 31-ФЗ и 122-ФЗ носит противоречивый характер, а подготовка других затягивается по времени;

— принятый механизм индексации денежных выплат с учетом уровня инфляции, устанавливаемого Федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год, а также придание этому механизму обратной силы до 19.06.2002 года по существу привели к снижению уровня гарантий граждан;

— до настоящего времени отсутствует правовая определенность по индексации сумм в возмещение вреда, причиненного здоровью гражданам, ставшим инвалидами в периоды до вступления в силу Федерального закона № 31-ФЗ. Несколько тысяч судебных дел инвалидов находятся в незавершенном состоянии;

— сохраняется задолженность по выплатам инвалидам денежных средств на основании судебных решений, вступающих в законную силу. В течение первых месяцев этого года своевременно не были выплачены текущие платежи. Эти обстоятельства потребовали от Союза «Чернобыль» России принятия действий, направленных на восстановление конституционных прав граждан на возмещение ущерба, причиненного их здо-

ровью или имуществу экологическим правонарушением.

Участие членов Центрального Совета в тематических круглых столах, заседаниях экспертных советов, встречах с руководителями федеральных министерств, ведомств и субъектов РФ, проведение пресс-конференций позволило определить государственной власти степень необходимости и срочности решения этих проблем.

В Федеральном Собрании РФ, Министерстве здравоохранения и социального развития РФ, Федеральной службе по труду и занятости достигнуты договоренности о совместной с Союзом «Чернобыль» России работе по устранению имеющихся нарушений прав граждан.

Несмотря на принимаемые действия государственных органов власти и Союза «Чернобыль» России в Белгородской, Тульской и Свердловской областях продолжались голодовки инвалидов — чернобыльцев. Основным требованием участников акций протеста являлось погашение задолженности по судебным решениям, вступившим в законную силу. Их требования были частью требований, с которыми Союз «Чернобыль» России вел и продолжает вести работу по их исполнению федеральной властью.

Текущие результаты такой деятельности смогли убедить участников голодовок в необходимости приостановления акций протеста.

В связи с разграничением полномочий органов государственной власти в части предоставления гражданам мер социальной поддержки руководители ряда региональных отделений Союза «Чернобыль» России смогли организовать принятие властью субъекта РФ в отношении чернобыльцев ряд дополнительных социальных мер, смягчивших положение пострадавших по лекарственному обеспечению, проезду городским и пригородным транспортом, санаторно-курортному лечению, сохранению льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг для членов семей.

Определенную надежду на решение вышеназванных проблем дает серия недавних совещаний в Минздравсоцразвития РФ и Роструде, в результате которых будут приняты дополнительные организационные мероприятия в форме приказов, указаний и инструктивных писем.

В целях восстановления конституционных прав граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, наиболее полного и эффективного исполнения действующих социально-правовых гарантий Центральный Совет постановил:

1. Президиуму Центрального Совета, его комиссии по законодательной и судебной деятельности завершить подготовку предложений по внесению изменений и дополнений в Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и начать работу по обсуждению и поддержке этих предложений депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в законодательных органах субъектов РФ с целью рассмотрения проекта федерального закона в Государственной Думе ФС РФ (до 3 апреля 2005 года).

2. Президиуму Центрального Совета, членам Центрального Совета активизировать взаимодействие с органами государственной власти по обеспечению ими законных прав пострадавших, для чего:

— постоянно участвовать в подготовке и согласовании нормативно-правовых и инструктивных документов федеральных министерств и ведомств;

— завершить согласование с органами социальной защиты субъекта РФ данных по суммам задолженности в соответствии с исполнительными листами для направления их в Роструд (до 10 апреля 2005 года);

— внести предложения в Роструд для подготовки и исполнения графика погашения задолженности по судебным решениям, вступающим в законную силу (до 10 апреля 2005 года);

— обобщить опыт работы руководителей региональных организаций СЧР с органами государственной власти субъекта РФ по принятию дополнительных мер социальной поддержки граждан, подвергшихся воздействию радиации, являющихся расходными обязательствами субъектов РФ.

3. Руководителям региональных организаций СЧР:

— постоянно осуществлять согласование объемов и сроков текущих выплат сумм в возмещение вреда с органами социальной защиты и территориальных служб занятости населения. В случае необоснованных срывов бюджетных обязательств немедленно информировать Президента СЧР;

— организовать по просьбе Роструда разъяснительную работу с членами СЧР по объявлению моратория в отношении обращений инвалидов в судебные органы по взысканию задолженности до выхода соответствующих нормативно-правовых актов, регламентирующих решения спорных вопросов;

— повторно обратить внимание на необходимость согласования с Межрегиональным Советом и Президиумом ЦС обращений и запросов в федеральные органы государственной власти, а также подачи жалоб в федеральные судебные органы по проблемным вопросам.

4. Считать проведение акций протеста инвалидов в форме голодовки, как чрезвычайную ситуацию, требующую тщательного изучения причин ее объявления и принятия необходимых мер для ее прекращения. О готовящихся голодовках инвалидов немедленно сообщать в Президиум ЦС. Руководителям региональных и местных отделений СЧР совместно с медицинскими работниками проинформировать инвалидов о вредных последствиях таких акций протеста для больных людей. Принимать срочные меры по оказанию медицинской и социальной помощи лицам, оказавшимся в критическом положении.

5. Обратиться к инвалидам — черно-

быльцам, приостановившим голодовки, с призывом к их прекращению.

5 апреля 2005 г. Выходит Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №7 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2000 года №35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Данный документ основывается на обобщении практики рассмотрения судами дел, связанных с реализацией инвалидами прав, предоставленных им «Чернобыльским» законом. Пленум ВС РФ дал соответствующие разъяснения на неясные вопросы, возникшие у судов. Данные Пленумом ВС РФ разъяснения укрепили отдельные спорные нормы закона, касающиеся периодов и размеров индексации денежных выплат, «разморозили» отложенные судебные разбирательства. По стране вновь прокатилась волна обращений в судебные органы по защите своих прав. Задолженность по судам росла. Её погашение из отведенных бюджетом средств не хватало. Минздравсоцразвитие России и Роструд постоянно обращаются в правительство РФ за дополнительными финансовыми средствами. По состоянию на май 2005 года задолженность по исполнительным листам составляла 1,3 млрд. рублей. Принимается решение включить объемы задолженности в проект закона о корректировке федерального бюджета на 2005г.

В мае 2005 года по поручению министра здравоохранения и социального развития создается оперативная группа по координации медицинского обеспечения, социальной поддержки и возмещения вреда гражданам, подвергшимся воздействию радиации.

В её состав вошли представители всех заинтересованных департаментов

Минздравсоцразвития, Роструда, Росздрава, ФСС, Пенсионного фонда и Союза «Чернобыль» России. Задача оперативной группы реагировать на проблемы, возникающие при реализации прав граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф и готовить предложения по их решению.

В Госдуме РФ при комитете по труду и социальной политике по инициативе Союза «Чернобыль» России создаётся рабочая группа для выработки предложений по внесению изменений и дополнений в федеральное законодательство, связанное с реализацией прав граждан, пострадавших от радиации.

Важным мероприятием, организованным Союзом «Чернобыль» России и фракции «Единая Россия» в Госдуме РФ, стала работа межведомственной группы в Брянской области. В её состав входили:

— Дёмина Валентина Сергеевна — 1-й заместитель председателя комитета по социальной политике Совета Федерации ФС РФ.

— Мосякин Иван Яковлевич — 1-й заместитель председателя комитета по труду и социальной политике Государственной Думы ФС РФ.

— Чухраев Александр Михайлович — заместитель председателя комитета по здравоохранению Государственной Думы ФС РФ.

— Марченко Татьяна Андреевна — заместитель руководителя департамента развития инфраструктуры МЧС России.

— Рейхтман Татьяна Владимировна — начальник отдела департамента фармацевтической деятельности Минздравсоцразвития России.

— Стуканова Ирина Викторовна — главный специалист департамента развития социальной защиты Минздравсоцразвития России.

— Гришин Вячеслав Леонидович — президент Союза «Чернобыль» России.

— Дёмина Ольга Олеговна — шеф-редактор программы телеканала ТВЦ,

— Кисляков Сергей Игоревич — режиссер.

— Новиков Антон Владимирович — оператор.

— Корнев Денис Викторович — осветитель. Основными целями работы группы являлись:

— изучение состояния дел в Брянской области по реализации федерального законодательства в отношении граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, и выполнению мероприятий федеральной целевой программы преодоления последствий этой катастрофы;

— ознакомление с результатами обеспечения пострадавших граждан набором социальных услуг;

— сбор предложений от представителей областной, районной власти и общественности Брянской области в связи с подготовкой и проведением 20-й годовщины со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В результате встреч с главой администрации Брянской области Дениным Н.В., главами администраций территорий, подвергшихся радиационному загрязнению, а также представителями профсоюзов и общественности, основываясь на последних данных о состоянии здоровья пострадавшего населения и о состоянии окружающей среды Союз «Чернобыль» России констатирует:

1. Ежегодно более чем 10—20% жителей области, проживающих на территориях с плотностью радиоактивного загрязнения цезием свыше 5 Ки / км², индивидуальные накопленные эффективные дозы формируются, в основном, за счет инкорпорированных радионуклидов цезия.

2. Несмотря на длительный срок, прошедший после катастрофы на ЧАЭС, частота радиационно-индуцированных аббераций (дицентриков и центрических колец) в ФГА-стимулированных клетках крови у части населения Брянской области превышает спонтанный уровень

и является маркером радиационного облучения. Чаще всего дицентрики и центрический кольца встречаются у эвакуированных лиц — 18,7%, среди ликвидаторов у 11,6%, среди жителей загрязненных территорий у 6,8%; в контрольной группе у 4,0%.

3. Демографические показатели по Брянской области и на радиационно-загрязненных территориях имеют такую же динамику, как и в Российской Федерации, однако, степень естественной убыли населения более выражена в территориях с плотностью радиоактивного загрязнения свыше 5 Ки / км² (—11,1% в 2004 году) и в целом по Брянской области (—9,8%), чем по РФ (—6,5%).

4. Повышенные показатели заболеваемости детей, проживающих на территориях с плотностью радиоактивного загрязнения свыше 5 Ки / км², в основном определяются эффективностью специализированной диспансеризации, расширением и углублением возможностей диагностических исследований. Однако нельзя исключить, что часть выявляемой патологии обусловлена радиационным воздействием.

5. С 1975 по 1985 года на территории области было выявлено 308 случаев рака щитовидной железы, а с 1986 по 2004 годы — 2638. Заболеваемость данной патологией возросла от 3,3 на 100 тыс. населения в 1986 году до 20,1 на 100 тыс. в 2004 году. Самый высокий общероссийский показатель заболеваемости раком щитовидной железы был в 2003 году — 5,4. Заболеваемость раком щитовидной железы в Брянской области с 1989 по 1999 год была в среднем в 2 раза выше, чем по Российской Федерации, а в 1999—2004 годах — более чем в 3 раза.

6. В Брянской области до 1991 года (латентный период после катастрофы на Чернобыльской АЭС) у детей фиксировались спонтанные раки щитовидной железы. В период 1992—1999 гг. заболеваемость раком щитовидной железы детей Брянской области колебалась от

0,96 на 100 тыс. детей в 1992 году, до 2,6 — в 1994 году и была выше ($p > 0,05$) данных по России (от 0,08 в 1992 году до 2,6 в 1997 году), в основном за счет прироста данной патологии среди детей 10—14 лет, проживающих на территориях с плотностью радиоактивного загрязнения свыше 5 Ки / км².

7. В Брянской области внедрена эффективная система трехэтапной специализированной диспансеризации населения Брянской области, пострадавшего в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, которую следует закрепить административно и обеспечить финансово.

8. Сотрудниками МИАЦ, Брянского клиничко-диагностического центра и Клиновской ЦРБ при активной поддержке департамента здравоохранения Брянской области была усовершенствована и внедрена во всех ЛПУ юго-западных территорий схема регистрации заболеваемости населения в ЦРБ, наиболее загрязненных в результате аварии на ЧАЭС районов области и разработан универсальный программно-математический комплекс, позволяющий обеспечить 100% персонифицированный учет основных показателей здоровья населения и количества оказанных медицинских услуг.

9. Федеральный бюджет оказывает финансовую поддержку специализированной диспансеризации только в части приобретения оборудования и реактивов для проведения второго этапа диспансеризации. В этих условиях местные органы власти вынуждены предусматривать в областном и муниципальных бюджетах расходы на поддержку специализированной диспансеризации, хотя данные мероприятия должны финансироваться, согласно Закону РФ № 1244—1 от 15 мая 1991 г. «О социальной защите...» из федерального бюджета.

10. Амбулаторная и стационарная помощь жителям юго-западных районов Брянской области оказывается в полном объеме и на бесплатной основе в рай-

онных и областных ЛПУ. Оказание высокотехнологичной помощи в федеральных клиниках проводится в значительном объеме. Однако часть медицинских услуг в этих учреждениях оплачивают как сами пациенты, так и областной бюджет (на 2005 года на эти цели запланировано 5 млн. рублей).

11. В первом квартале 2005 года на радиационно-загрязненных территориях выбрали натуральные льготы, вместо ЕДВ не более 700 жителей, это в свою очередь приведет к значительному ухудшению состояния здоровья населения в целом, из-за того, что большая часть пациентов будет вынуждена покупать для лечения дешевые и малоэффективные лекарственные препараты.

12. Санаторно-курортное лечение ежегодно получают более 20 тыс. детей, проживающих на радиационно-загрязненных территориях. В 2005 году на эти цели Брянскому региональному Отделению Фонда социального страхования РФ на 2005 года выделено 157,0 млн. рублей, но только для детей работающих родителей.

13. Обеспеченность кадрами ЛПУ юго-западных территорий остается на крайне низком уровне, в основном за счет неудовлетворительной социальной защищенности медицинских работников.

14. В области проведена большая работа по вводу в эксплуатацию как районных, так и областных объектов здравоохранения. Однако сохраняется проблема по завершению строительства объектов здравоохранения и социальной сферы, ранее финансируемых из федерального бюджета.

15. Население Брянской области недостаточно информировано об использовании права получателя набора социальных услуг в соответствии с действующим законодательством.

16. Региональные и муниципальные органы власти области, профсоюзы и общественные организации представили данные о значительном снижении

государственных гарантий пострадавшему населению в связи с проведением административной и социальной реформ.

17. Население загрязненных радионуклидами территорий возлагает большие надежды на эффективность общероссийских мероприятий в связи с 20-летием катастрофы на ЧАЭС.

В ходе встреч с населением, проживающим на загрязненных радионуклидами территориях Брянской области, гражданами, переселенными из этих зон, а также участниками ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, поднимались следующие дополнительные проблемы:

- ухудшилось обеспечение льготных категорий граждан лекарственными препаратами;

- инвалиды-чернобыльцы потеряли право на санаторно-курортное лечение по показаниям врача в учреждениях, расположенных за пределами Брянской области, а также утратили право на зубопротезирование;

- на территории области не осуществляется право льготной оплаты услуг ЖКХ для членов семей, проживающих совместно с инвалидом или ликвидатором;

- до настоящего времени не приняты соответствующие нормативно-правовые документы по реализации права нуждающихся инвалидов на получение жилья по жилищному сертификату;

- инвалиды-чернобыльцы до настоящего времени не могут в полном объеме получить задолженность по судебным решениям, вступившим в законную силу;

- органы социальной защиты области и территориальное управление ФГСЗН по Брянской области не выплачивают ежемесячные текущие суммы возмещения вреда с учетом решений судов, вступивших в законную силу, по индексации размера выплат в зависимости от роста величины прожиточного минимума в субъектах РФ.

- около 300 инвалидов-ликвидато-

ров не могут получить решение судов по индексации сумм возмещения вреда здоровью в связи с постоянными переносами или откладыванием разбирательств в районных, городских и областном судах, несмотря на принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2005г.

— гражданам — получателям набора социальных услуг — отказано в праве получить компенсацию за санаторно-курортную путевку в случае невозможности ее предоставления или при наличии противопоказаний для лечения;

— гражданам, переселенным из зон отселения Брянской области с высокими плотностями загрязнения радионуклидами (свыше 40 Ки / км²), отказано в праве получения ежемесячной денежной выплаты и, соответственно, в получении набора социальных услуг.

В связи с вышесказанным, а также в целях недопущения роста социальной напряженности среди пострадавших граждан предлагается:

1. Правительству России внести предложения в Государственную Думу ФС РФ об изменениях и дополнениях в Федеральный Закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» с учетом правоприменительной и судебной практики, а также на основе данных мониторинга по реализации Федерального Закона № 122-ФЗ от 22.08.2000 г.

2. Перенести на 5—7 лет реализацию Закона РФ «О радиационной защите населения» в части гарантий социальных льгот по индивидуальным накопленным дозам на территории Брянской области.

3. Решить вопрос дополнительного объема финансирования выплат инвалидам по судебным решениям, вступившим в законную силу.

4. Приказ Минздрава РФ от 26.05.2003 г. № 216 «О диспансеризации граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы

на Чернобыльской АЭС», ущемляющий права жителей области на получение специализированной медицинской помощи, регламентированной Чернобыльским Законом, необходимо доработать с учетом мнения департамента здравоохранения Брянской области.

5. Выделить целевые средства в сумме 429 млн. рублей из федерального бюджета на приобретение медицинского оборудования для ЦРБ юго-западных территорий и областных ЛПУ, участвующих в оказании специализированной медицинской помощи пострадавшему населению.

6. Для контроля за накопленными эффективными дозами за счет инкорпорированных радионуклидов необходимо проводить обязательно ежегодное СИЧ-исследование среди жителей области, проживающих на территориях с плотностью радиоактивного загрязнения свыше 5 Ки / км².

7. Целесообразно проводить медико-дозиметрические расследования всех случаев заболеваний раком щитовидной железы, выявленных среди жителей Брянской области.

8. Необходимо повсеместное внедрение в лечебно-профилактических учреждениях новой единой системы сбора и обработки информации о заболеваемости жителей области для поддержания областных регистров и своевременного обмена информацией с Российским государственным медико-дозиметрическим регистром.

9. Необходимо предусмотреть в приказах Министерства здравоохранения и социального развития РФ увеличение квот для жителей Брянской области, особенно для детей, на оказание высокотехнологичной медицинской помощи в федеральных клиниках. При этом запретить оплату различных услуг в этих учреждениях (консультации, обследования и т.д.) для пациентов, направленных в рамках выделенных квот.

10. С целью сохранения и восстановления здоровья «чернобыльских» катего-

рий населения, необходимо обеспечить их лекарственными средствами в необходимом объеме и ассортименте, сократив время доставки и обслуживания.

11. Необходимо на федеральном уровне решить вопрос о ежегодном выделении средств для проведения санаторно-курортного лечения детей Брянской области, проживающих на радиационно-загрязненных территориях.

12. Осуществлять финансовую поддержку научных исследований, направленных на изучение медицинских последствий Чернобыльской катастрофы, как на федеральном, так и на областном уровнях.

13. Разработать программу целевого обеспечения всех медицинских работников ЛПУ наиболее загрязненных территорий жильем и предусмотреть эффективные меры по их социальной поддержке.

14. Изыскать средства и ускорить строительство роддома в г. Клинцы и пристройки блока лучевой терапии к радиологическому корпусу областного онкологического диспансера.

15. Решить проблемы финансирования незавершенного строительства объектов здравоохранения и социальной сферы Брянской области в интересах граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

16. Принять участие в разработке Закона Брянской области о социальной защите населения области, подвергшегося радиационному воздействию в результате катастрофы на ЧАЭС (основание — ст. 26 Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244—1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»).

17. Организовать постоянное информирование населения о принятых изменениях в «Чернобыльском» законодательстве и порядке реализации прав граждан, пострадавших вследствие катастрофы на ЧАЭС.

18. Правительству России направить

Президенту России В.В. Путину предложения о создании его решением Российского организационного комитета по подготовке и проведению 20-летия Чернобыльской катастрофы, включив в состав представителей Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, профсоюзов и Союза «Чернобыль» России.

Результаты работы в Брянской области в дальнейшем в определенной мере способствовали более эффективному и полному обеспечению жителей загрязненных территорий лекарственными средствами и другими видами социальных и медицинских услуг. Однако вопросы социально-экономического развития загрязненных после аварии на ЧАЭС территориях оставались неразрешенными.

Решение многих проблем пострадавших Союз «Чернобыль» России связывал с работой по подготовке и проведению в 2006 году 20-летия со дня Чернобыльской катастрофы. Начиная с марта 2005 года в адрес Президента и Правительства России, были направлены письма с предложениями о создании Российского организационного комитета в связи с этой датой. К этому времени организационные комитеты уже были созданы в Беларуси, Украине, Молдове, Кыргызстане. 3 июня 2005 года был принят план совместных мероприятий по случаю 20-летия Чернобыльской катастрофы для стран СНГ.

В нем предусматриваются следующие мероприятия:

1. Подготовить проект Обращения глав государств — участников Содружества Независимых Государств к народам государств — участников СНГ и мировой общественности в связи с 20-й годовщиной аварии на Чернобыльской АЭС.

2. Провести в городах Минске и Киеве международные конференции, приуроченные к 20-й годовщине аварии на Чернобыльской АЭС.

3. Провести совместные парламентские слушания государств — участников

СНГ в связи с 20-й годовщиной Чернобыльской катастрофы.

4. Организовать Международную специализированную выставку «Чернобыль: экология, человек, здоровье» и научно-практический семинар по данной тематике в городе Москве.

5. Организовать цикл передач об участниках ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, проживающих в государствах — участниках СНГ.

6. Провести международный телемост «Колокола Чернобыля».

7. Провести совместные мероприятия на Митинском кладбище города Москвы, где захоронены погибшие участники ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

8. Подготовить проект документа о единых подходах к установлению причинной связи заболеваний и инвалидности с последствиями Чернобыльской и других радиационных катастроф и аварий, а также ядерных испытаний.

9. Издать сборник законодательных актов государств — участников СНГ о мерах социальной поддержке граждан, пострадавших от воздействия радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

10. Оказать материальную и/или иную социальную помощь семьям ликвидаторов, погибших или умерших в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Союз «Чернобыль» России понимал, что если в бюджете 2006 года не будет выделено средств на 20-летие, то мероприятия пройдут достаточно скромно. Поэтому через Комитет по труду и социальной политике Госдумы РФ по предложению СЧР к третьему чтению проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 2006 год» вносится поправка по финансированию этих мероприятий в объеме 25 млн. рублей. Это, по мнению СЧР, должно ускорить принятие решения в Правительстве России по созданию Российского организационного комитета и началу работы по подготовке и проведению 20-летия

со дня катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В Краснодарском крае, Владимирской, Саратовской, Кемеровской, Томской областях и ряде других регионах решением глав субъектов РФ созданы аналогичные комитеты и комиссии. В их бюджетах заложены на мероприятия финансовые средства. Многие регионы ожидали примера сверху.

Вопросы реализации законных прав и интересов граждан, пострадавших вследствие катастрофы на чернобыльской и других радиационных авариях и катастроф с учетом закона «о монитизации льгот», по-прежнему оставались в центре внимания Союза «Чернобыль» России.

В целях обеспечения прав граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие радиационных аварий и катастроф, гарантированных Федеральным законом от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ, разработан и принят целый ряд нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Нормативными правовыми актами, принятыми Правительством Российской Федерации в конце 2004 — начале 2005 года введен в действие новый механизм индексации сумм возмещения вреда здоровью, обеспечивающий регулярное и стабильное её проведение, установленный федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 31-ФЗ, а также начат в соответствии с данным Законом возврат гражданам денежных сумм, недополученных ими в 2002—2004 годах в связи с отсутствием такого механизма индексации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 года № 847 определен порядок индексации с 2002 года сумм возмещения вреда здоровью, что позволило увеличить их размеры в 1,38 раза. С 1 января 2005 года в соответствии с постановлением Правительства Российской Феде-

рации от 7 мая 2005 г. № 292 эти размеры дополнительно проиндексированы за текущий год на 8 процентов. В общей сложности размеры сумм возмещения вреда здоровью были увеличены по сравнению с 2002 годом в 1,49 раза.

Объем средств федерального бюджета, выделяемых на эти выплаты, вырос с 1,7 млрд. руб. в 2002 году до 3,620 млрд. рублей в 2005 году, а размер средней выплаты вырос с 2,34 тыс. рублей до 4,4 тыс. рублей.

В целях возврата данным гражданам недополученных денежных сумм в связи с не проведением их индексации в период с 2002 по 2004 годы постановлением Правительства Российской Федерации от 25 мая 2005 г. №326 определен порядок возврата этих сумм в 2005 — 2006 годах. И в ноябре возврат начал осуществляться.

Постановлением правительства Российской Федерации от 9 августа

2005 г. №496 определен порядок индексации доплат к пенсиям неработающим пенсионерам, инвалидам, детям-инвалидам.

Решаются вопросы, связанные с погашением задолженности по судебным решениям об увеличении размеров денежных компенсаций в возмещение вреда, причиненного здоровью инвалидов-чернобыльцев. При корректировке федерального бюджета на 2005 год на эти цели были выделены дополнительные ассигнования в объеме 998 млн. рублей.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2005 г. №377 приведены в соответствие с Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на чернобыльской АЭС» (далее — Закон) Правила выплат компенсаций, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 907 (в том числе по уточнению категорий льготников). Одновременно этим постановлением установ-

лено право выбора чернобыльцами способа перечисления им компенсаций либо через почтовые отделения, либо через отделения Сбербанка России.

Для обеспечения компенсационных выплат чернобыльцам в «беззаявительном» режиме Минфином России, осуществляющим в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 31. декабря 2004 г. № 907 организацию их выплаты, даны разъяснения, что подача заявления необходима только в случаях, когда эти компенсации впервые назначаются после 1 января 2005 года. Подавляющее большинство граждан получают компенсации в «беззаявительном» порядке.

Организация медицинского обслуживания лиц, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, согласно статье 24 Закона осуществляется в рамках Программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи.

В рамках данной Программы гражданам оказывается амбулаторно-поликлиническая и стационарная помощь при всех заболеваниях, связанных с воздействием радиации.

Право инвалидов вследствие радиационного воздействия на внеочередное обслуживание в поликлиниках и аптеках закреплено законодательно и реализуется во всех лечебно-профилактических учреждениях.

Граждане, подвергшиеся воздействию радиации вследствие чернобыльской катастрофы и аварии на производственном объединении «Маяк», получавшие медицинское обслуживание в поликлиниках, к которым они были прикреплены до выхода на пенсию, сохраняют право на указанное обслуживание после выхода на пенсию согласно пункту 10 части первой статьи 14 Закона.

Обеспечение граждан необходимыми лекарственными средствами в рамках дополнительной медицинской помощи, предусмотренной набором социальных

услуг, осуществляется в соответствии с перечнем лекарственных средств, утвержденным приказом Минздравсоцразвития России от 2 декабря 2004 г. 3296, данный перечень неоднократно дополнялся. (Приказы Министерства от 24 декабря 2004 г. № 321 и от 31 марта 2005 г. №245). Приказом №497 в Перечень внесены изменения с учетом предложений органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации, учреждений здравоохранения, научно-исследовательских организаций, общественных организаций. Данный перечень предоставляет врачу возможность широкого выбора альтернативных вариантов лечения. Кроме того, согласно пункту 2.4 приказа Минздравсоцразвития России от 29 декабря 2004 г. № 328 по решению врачебной комиссии, утвержденному главврачом лечебного учреждения, разрешено применять по жизненно важным показаниям лекарственные средства, не включенные в Перечень.

Приказом Минздравсоцразвития России от 22 ноября 2004 г. №255 «о порядке оказания первичной медико-санитарной помощи гражданам, имеющим право на получение набора социальных услуг» определено обязательное диспансерное наблюдение. В то же время объемы и кратность осмотров специалистами и проведения лабораторных исследований при диспансерном наблюдении указанной категории лиц осуществляется в соответствии с приказом Минздрава России от 26 мая 2003 г. №216 «О диспансеризации граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС», а также Инструкцией, утвержденной Минздравмедпромом России 21 апреля 1995 г. «О проведении поэтапной специализированной диспансеризации населения, проживающего на территориях Российской Федерации» в три этапа участием республиканских центров радиационной медицины.

Продолжает действовать приказ

Минздрава России от 21 мая 2002 г. № 155 «О плане распределения путевок в санатории Минздрава России для участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2003 и последующие годы».

Предоставление путевок гражданам на лечение в санаторно-курортных учреждениях осуществляется при наличии медицинских показаний. Порядок медицинского отбора и направления больных на санаторно-курортное лечение определен приказом Минздравсоцразвития России от 22 ноября 2004 г. №256.

Перечень санаториев и количество выделяемых путевок позволяет обеспечить нуждающегося в нем гражданина, имеющего право на выбор социальных услуг. Сохранены условия санаторно-курортного лечения граждан, пострадавших вследствие радиационного воздействия, в специализированных санаториях. Утвержденный приказом Минздравсоцразвития России от 20 декабря 2004г. №319 Перечень санаториев, в которые предоставляются путевки на лечение гражданам, имеющим право на получение государственной социальной помощи, дополнен следующими санаториями федерального подчинения, специализирующимися на оказании медицинской помощи указанным гражданам: им. Кирова (г. Пятигорск), «Горный воздух» (г. Железноводск), «Луч» (г. Кисловодск).

Для обеспечения бесплатного проезда чернобыльцев к месту лечения и обратно постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. №477 внесены дополнения в Правила финансирования расходов по предоставлению гражданам набора социальных услуг, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. №864. В соответствии с этими дополнениями предусматривается оплата транспортным организациям расходов по предоставлению проезда гражданам к месту ле-

чения по направлению органов здравоохранения. Порядок оплаты проезда в специализированные санатории определен приказом Минздравсоцразвития России от 5 сентября 2005 г. №547.

По итогам правоприменительной практики был рассмотрен вопрос о предоставлении путевок на санаторно-курортное лечение отдельных категорий граждан с выдачей листка нетрудоспособности на весь период санаторно-курортного лечения и проезда до места санаторно-курортного лечения и обратно. В период после аварии на Чернобыльской АЭС, производственном объединении «Маяк» санаторно-курортное лечение предоставлялось больным гражданам, нуждающимся в медицинской реабилитации непосредственно после радиационного воздействия, поэтому оно носило характер стационарного лечения с выдачей листка нетрудоспособности.

В настоящее время санаторно-курортное лечение, предоставляемое указанным категориям граждан, носит характер профилактического лечения для предупреждения возникновения или обострения имеющихся соматических заболеваний. Выдача листков нетрудоспособности в соответствии с действующим законодательством предусмотрена при долечивании в санаторно-курортных учреждениях непосредственно после стационарного лечения. В других случаях выдача листка нетрудоспособности предусмотрена, если продолжительность очередного и дополнительного отпусков работника недостаточна для лечения и проезда в санаторий и обратно, то есть на недостающие дни. Эта норма применяется, в том числе и к работникам, подвергшимся радиационному воздействию.

При этом необходимо отметить, что лица, подвергшегося воздействию радиации, нуждающиеся в проведении лечения с использованием дорогостоящей (высокотехнологичной) медицинской помощи в федеральных специали-

зированных учреждениях здравоохранения, в том числе в Российском научном центре рентгенрадиологии, Российском онкологическом научном центре им. Н.Н. Блохина РАМН, Гематологическом научном центре РАМН и др., могут быть направлены для необходимого лечения в установленном порядке.

Порядок организации предоставления дорогостоящей (высокотехнологичной) медицинской помощи в федеральных специализированных медицинских учреждениях гражданам Российской Федерации и лицам, постоянно проживающим на территории Российской Федерации, регламентирован приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Российской академии медицинских наук от 6 апреля 2005 года №259/19 «Об организации оказания дорогостоящей (высокотехнологичной) медицинской помощи за счет средств федерального бюджета в федеральных специализированных медицинских учреждениях, подведомственных Федеральному агентству по здравоохранению и социальному развитию и Российской академии медицинских наук» (с дополнениями, внесенными приказом минздравсоцразвития России и Российской академии наук от 12 августа 2005 г. №523/61).

Граждане, пострадавшие от воздействия радиации, обеспечены бесплатным проездом на транспорте городского и пригородного сообщения. Проезд чернобыльцев на пригородном железнодорожном транспорте обеспечивается с 1 января 2005 года в соответствии с договором между Росздравом и ОАО «РЖД» в случае изъявления ими желания избрать этот вид социальных услуг.

Вопрос о предоставлении «чернобыльцам» права бесплатного проезда на городском транспорте урегулирован законодательством субъектов Российской Федерации, в большей части которых введен льготный социальный билет для проезда на всех видах городского

транспорта. В остальных субъектах Российской Федерации сохранены натуральные льготы для граждан, ранее пользующихся льготным проездом. Бюджетам субъектов Российской Федерации на эти цели выделяются субсидии из федерального бюджета.

Сегодня, реальная же ситуация по медицинскому, социальному и лекарственному обеспечению во многих регионах остаётся неудовлетворительной. К этим проблемам добавляется наличие задолжности по судебным решениям, вступившим в законную силу и, постепенно накопившаяся, до объемов близких к 1 млрд. рублей. Новый порядок обеспечения нуждающихся в жилой площади пострадавших граждан не обеспечивает гарантированного его получения из-за отсутствия четкого механизма его реализации и наличия необходимых финансовых средств.

Санаторно-курортное лечение по-прежнему является недоступным для большинства инвалидов и других категорий граждан. Рост цен на жилищно-коммунальные и транспортные услуги не в полном объеме компенсируются денежными выплатами.

Наиболее остро обнажились проблемы медико-социального обеспечения у таких категорий пострадавших как — участники ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и ПО «Маяк», дети, родившиеся от одного из облученных родителей, эвакуированные и переселенные из зон загрязнения радионуклидами, ветераны подразделений особого риска и др.

Рассмотрев предложения руководителей региональных организаций Союза «Черномыль» России и других организаций граждан, пострадавших от радиации об усилении взаимодействия и защиты прав всех категорий граждан, подвергшихся воздействию радиации, Президиум ЦС СЧР выступил с инициативой создания общероссийского союза общественных объединений этих граждан. С участием членов СЧР и других

организаций: «Наше право», ОООИ «Интеграция», «Черный аист».

4 октября 2005 года было создано новое общественное объединение - Общероссийский союз общественных объединений Союз «Черномыль» России. На учредительном съезде были приняты Устав организации, Основные направления деятельности, Руководящие органы и контрольно-ревизионные органы. Учитывая, что руководящие органы нового Союза «Черномыль» России состоят из руководителей ОООИ СЧР и его региональных организаций, а так же новых представителей других организаций, участвующих в создании Союза, то очевидным является преемственность существующей идеологии наряду с расширением функций по защите законных прав других категорий пострадавших.

В состав Центрального правления Союза «Черномыль» России были избраны дополнительно Паламарчук П.Р. — председатель межрегиональной организации «Наше право», Теплов Е.Д. — сопредседатель межрегиональной организации «Черный аист», Грачев Н.Ф. — заместитель председателя «Всеармейского Союза «Черномыль», Нестеров И.А. — мэр города Новозыбков Брянской области, Балева Л.С. — руководитель детского научно-практического центра противорадиационной защиты, Иванов В.К. — директор национального радиационного — эпидемиологического регистра (НРЭР).

Черномыльское общественное движение получило новое организационное развитие, сохранив всё лучшее, что было сделано за 15 лет, добавив то, что на время было утрачено или позабыто. Новая по форме общественная организация граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, ветеранов подразделений особого риска призвана объединить, подчас разрозненные, действия многих сотен черномыльских организаций, научных учреждений, муниципальных образований в пострадав-

ших от радиации территориях, во имя более эффективного решения проблем граждан, минимизации последствий техногенных аварий и катастроф.

Союз «Чернобыль» России будет теснее взаимодействовать и с международными организациями, которые занимаются проблемами Чернобыля, мнение которых определяет усилия международного сотрудничества по преодолению последствий Чернобыля. В связи с этим СЧР начал знакомится с материалами Чернобыльского форума (Вена, сентябрь 2005г.) «Наследие Чернобыля: медицинские, экологические и социально-экономические последствия и рекомендации правительствам Беларуси, Российской Федерации и Украины». 23 ноября в союзе «Чернобыль» России состоялась встреча с Ивановым В.К. директором НРЭР, который участвовал в работе международных экспертов, готовящих данный документ. Руководителям региональных организаций и представителям заинтересованных ведомств была представлена часть доклада — медицинские последствия Чернобыля. Комментарий ученых России представлен в специальном выпуске №2 за 2005 год в бюллетене Национального радиационно-эпидемиологического регистра «Радиация и риск». В частности российские ученые А.Ф. Цыб, директор МРНЦ РАМН, академик РАМН и В.К. Иванов, руководитель Национального регистра, член-корреспондент РАМН отметили: «сравнивая основные результаты радиационно-эпидемиологические исследования Национального регистра и выводы Чернобыльского форума в Вене можно сделать заключение об их хорошем согласии. Вместе с тем, следует обратить внимание на следующие нерешенные проблемы.

Во-первых, выводы Национального регистра и Чернобыльского форума носят предварительный характер. Это связано, прежде всего, с тем, что латентный период радиационной индукции солидных раков составляет 10 лет и

потребуется еще длительное время для объективной оценки медицинских последствий аварий на ЧАЭС в целом.

Во-вторых, предстоит выполнить большой объем эпидемиологических исследований для того, чтобы получить объективную оценку нерадиологических (психо-соматических) последствий Чернобыля.

В-третьих, важным вопросом дальнейшего эпидемиологических исследований остаётся оценка неопределенностей полученных коэффициентов радиационного риска (в частности, учёт неопределенности исходных дозиметрических данных).

7—8 декабря 2005 года в Брянске состоялась Международная конференция «Чернобыль — 20 лет спустя. Социально-экономические проблемы и перспективы развития пострадавших территорий». В её работе принял участие и выступил президент Союза «Чернобыль» России В.Л. Гришин с докладом «Усиление роли общественных организаций граждан, пострадавших вследствие катастрофы на чернобыльской АЭС, в решении социальных проблем». В нем в частности говорится:

Реализация социальных гарантий гражданам, пострадавшим вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, осуществляется системой социальной защиты населения на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Однако единой системы управления социальной защиты пострадавших граждан не создано, деятельность исполнительно-распорядительных органов власти осуществляется несогласованно.

Результаты такой работы отрицательно сказываются прежде всего на своевременном и качественном объеме предоставляемых социальных и медицинских услуг.

Например, с января до марта 2005 г. не производились ежемесячные выплаты сумм в возмещение вреда инвалидам чернобыльцам, так как не был определен государственный орган, уполномо-

моченный заниматься этими денежными выплатами.

В связи с принятием в августе 2004г. федерального закона №122-ФЗ существенным образом изменились нормы Чернобыльского закона по медицинскому, лекарственному и санаторно-курортному обслуживанию пострадавших граждан. В течение всего 2005 года издавались новые и уточнялись действующие нормативно-правовые акты. Более 50 документов регламентируют порядок и объемы предоставления государственных гарантий. Однако четкой организации работы министерств и ведомств по их исполнению до сих пор не обеспечено.

Исполнительно — распорядительная деятельность

Минздравсоцразвития России и подведомственных ему структур не в полной мере соответствует объему и характеру решаемых задач. В условиях проведения в стране социально-экономических и административной реформ требования к управлению социальной защитой граждан, пострадавших от радиации, возрастает.

Социальная защита должна строиться с учетом различий между пострадавшими (инвалиды, «ликвидаторы», эвакуированные, переселенные, проживающие в загрязненных радионуклидами территориями, дети) и сочетать меры, охватывающие все категории граждан, с адресной, индивидуализированной социальной и медицинской помощью.

Сегодня социальная защита граждан, пострадавших вследствие радиации, охватывает около двух миллионов человек. При этом представлена большим количеством форм (социальное обслуживание, меры социальной поддержки, пенсионное обеспечение, возмещение вреда, причиненное здоровью и имуществу граждан и др.). Объем, многообразие, сложность и специфичность решаемых ею задач, требуют системности в организации и управлении.

Насколько же эффективно существу-

ющее управление социальной защитой?

Как показывают результаты опроса, проведенного Союзом «Чернобыль» России и его региональными организациями в этом году, требования действующего законодательства о социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, исполняются на 30—40% от числа тех случаев, когда они подлежат применению. Работа органов государственной власти всех уровней по социальной защите оценивается Союзом, как неудовлетворительная. Суммарная задолженность по судам на 1 декабря этого года более миллиарда рублей, психологическое состояние многих граждан, не получивших своевременной социальной и медицинской помощи, оценивается как напряженное. Степень доверия к власти — низкая. Подтверждением этому служат тысячи судебных решений, а также акции протеста пострадавших.

В связи с этим существует острая потребность реформирования управления социальной защитой в тех государственных структурах, которые занимаются проблемами граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф.

Важным направлением совершенствования управления является его централизация. Это прежде всего согласование действий ведомств и учреждений, которые реализуют законы и другие правовые акты.

Эффективное управление нуждается в создании как можно большего числа каналов достоверной информации. Однако, поступающие в госучреждении с мест статистические данные, отражающие медицинские и социальные показатели, например, инвалидов Чернобыля, имеют запаздывание от 6 месяцев до года.

До сих пор не создана единая информационная система по проблемам пострадавших граждан. Эта ситуация «закладывает» в управление социальной за-

щитой основание для «неизбежных» сбоев, создает «полосу препятствий» на пути государственных мер к конкретному человеку.

В условиях реорганизации структуры федеральных органов государственной власти происходит сокращение специальных подразделений, занимающихся социальной защитой пострадавших или перепоручение этой задачи другим подразделениям, которым такая деятельность несвойственна. Это приводит к ухудшению качества решения проблем, снижает ответственность за исполнение законных прав и интересов граждан.

Несмотря на кризисные явления в общественно-политической жизни, в России уже пятнадцать лет продолжает действовать организованная и сплоченная общественная сила — Союз «Чернобыль» России — организация граждан, ставших инвалидами, принимавших участие в ликвидации последствий чернобыльской и других радиационных аварий и катастроф, граждан проживающих на загрязненных территориях и др. В своей работе они неоднократно подтверждают высокие нравственные качества, которые проявили в годы трагедии. Эта общественная сила в трудные для страны периоды встала в один ряд с теми, кто боролся за стабильность и единство в обществе.

Каков же информационный ресурс региональных организаций Союза «Чернобыль» России и координирующего его работу центра?

Большинство региональных организаций «Союза» располагают базой фактологических данных повышенной информационной ценности. Это организационное звено, самое близкое к пострадавшим, первым узнающее о бедах и потерях своих подопечных. Информация, которой располагает Союз «Чернобыль» России:

Во-первых, позволяет выявить людей наиболее острой нуждаемости;

Во-вторых, открывает возможности более детального и поэтапного ана-

лиза финансовой базы «Чернобыльского» Закона и нормативных документов;

В-третьих, мобилизует потенциал обратной связи, без которой невозможна адресность и оперативность государственных социальных мер;

В-четвертых, дает возможность устранить ненужные посреднические звенья, волокиту и бюрократизм;

В-пятых, создает основания для упорядочения финансирования, для прекращения порочной практики выделения бюджетных средств по факту реальных выплат за предшествующий год, то есть фактическое уменьшение финансирования.

Кроме традиционных для общественной организации мер контроля за законностью, региональные общественные объединения Союза «Чернобыль» России, могли бы получить со стороны федеральных, региональных органов власти полномочия по контролю и коррекции распределения бюджетных средств, отпущенных регионам на выполнение государственных программ, связанных со смягчением последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Это позволит вернуть, наконец, истинный смысл такому, ныне расплывчатому подходу к финансированию, как принцип «целевой строки». Это особенно важно сейчас, когда приходится констатировать многочисленные факты нецелевого использования средств в регионах.

Построение общественных организаций по административно-территориальному принципу позволяет вести учет различных категорий пострадавших граждан и проследить динамику их медико-социальных запросов на основе равного для всех подхода, а не по принадлежности к тому или иному ведомству. В этом — основа для создания свободного от ведомственного влияния всероссийского банка данных проблем пострадавших, для контроля за полной исполнением Закона в отношении всех категорий граждан.

Активный контроль за действиями

администрации дает возможность влиять на общественное мнение, привлечь внимание к проблемам пострадавших.

В Федеральном Законе «Об общественных объединениях» предусматривается участие государства в создании «общественно-государственных и государственно-общественных объединений».

Поэтому настоятельной необходимостью становится создание таких общественно-государственных структур, за которыми закреплялись бы следующие функции и задачи:

1. Исследование состояния социальной защищенности граждан, пострадавших вследствие радиации, как в целом, так и в отдельных регионах. Подготовка необходимых материалов и предложений по локализации и решению существующих проблем.

2. Участие в разработке проектов нормативных документов государственных органов различного уровня по вопросам социальной защиты, аналитических материалов и прогнозов для принятия конкретных управленческих решений.

3. Организация взаимодействия с федеральными, региональными и муниципальными органами власти и управления по вопросам социальной защиты, содействие в реализации нормативных актов.

4. Практическая работа по организации и осуществлению правовой защиты граждан, в особенности, в конфликтных ситуациях.

5. Организация информирования и консультаций, пострадавших по вопросам юридических, социальных и других средств обеспечения их прав.

6. Участие в проведении общеобразовательной и воспитательной работы с различными категориями граждан по проблемам социальной защищенности и её обеспечения.

7. Освещение вопросов социальной защиты в средствах массовой информации, формирование общественного мнения по этим проблемам.

8. Содействие созданию и организации деятельности негосударственных организаций, учреждений, предприятий социальной защиты граждан.

9. Участие в разработке мероприятий и программ по социальному и медицинскому обеспечению инвалидов и других категорий граждан, нуждающихся в государственной поддержке.

10. Привлечение внебюджетных средств для финансирования программ социальной помощи нуждающимся и укрепления материальной базы системы социальной защиты.

11. Осуществление координации внешнеэкономической деятельности и международного сотрудничества по вопросам, относящимся к компетенции общественно-государственного объединения.

12. Организация и проведение контроля за исполнением законодательства и нормативно-правовых документов по вопросам социальной защиты различных категорий пострадавших.

Не надо доказывать, что многомерная деятельность, такой высокой общественной значимости, будет нуждаться в квалифицированных кадрах и необходимой технической оснащённости. Адекватное указанным выше функциями и задачам бюджетное финансирование или использование возможностей льготного налогообложения окажутся оправданными. Общество сэкономит на немалых материальных издержках разлаженного, недееспособного управления. При этом будет сделан шаг в направлении, особо важном для людей и для государства: гарантированности прав человека и стабильности общества в целом.

Следует обратить внимание также на то, что данное предложение подготовлено реальными запросами общества.

Есть основания надеяться, что общественная организация, которая ставит перед собой высокие нравственные цели (а без общественной нравственности не может быть прочной никакая государственная форма), и вместе с тем, не

ставящая перед собой такую задачу как борьба за власть, не будет обойдена поддержкой граждан. Таким образом, общественно-государственные объединения (в данном контексте — «чернобыльские») способны стать новой созидательной силой российского общества.

За 15 лет деятельности Союза «Чернобыль» России мы стали свидетелями смены общественно-политических отношений в стране. Пережили и переживаем кризисы, реформы, чрезвычайные ситуации, которые смещают акценты к проблемам более 2-х миллионов россиян, пострадавших вследствие Чернобыльской трагедии.

Многолетняя борьба за права и интересы чернобыльцев воспитала стойких активистов и профессиональных руководителей общественных организаций, многие из которых удостоены госу-

дарственных наград и наград Союза «Чернобыль» России.

Мы склоняем головы, отдавая дань памяти нашим безвременно ушедшим из жизни товарищам — членам Центрального Совета: Рывкину А.С. (г. Пермь), Антонову В.Д. (г. Саранск), Булгакову С.И. (г. Москва), Окишеву Ю.А. (г. Пермь), Жарикову А.А. (г. Пермь), Хитрову Л.М. (г. Москва), Иванову Л.С. (г. Москва), Кожурову И.Е. (г. Якутск), Громенко А.С. (г. Брянск).

15 лет — это становление организации и укрепление единства её рядов. 15 лет — это горечь неудач и радость побед, приобретенный опыт и укрепившаяся взаимовыручка.

Девиз «Гуманность и милосердие» призывает нас защищать право чернобыльцев на достойную жизнь и уважение сограждан.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ

Л.В. ЗВЕРКОВСКИЙ

Стремительно бегут годы. За эти годы многое стерлось в памяти, но сколько бы лет не прошло, для нас чернобыльцев, да и населения многих стран будет день 26 апреля всегда кровоточащей раной. Взрыв 4-го блока Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года — самая крупная катастрофа в истории, как по пространству, так и по последствиям для человечества и природы. Сотни тысяч граждан страны приняли участие в ликвидации катастрофы. Двадцать пять тысяч представителей Москвы пришли на помощь, проявляли мужество и самоотверженность.

ЗВЕРКОВСКИЙ Леонид Васильевич — генерал-лейтенант в отставке, участник ликвидации чернобыльской катастрофы (1986), председатель Московской организации (1998—2003), инвалид 1-й группы.

В 1986 году мне неоднократно приходилось бывать в служебных командировках в Чернобыле, а с начала августа, будучи Начальником Главного Управления ГАИ МВД СССР возглавил оперативную группу в несколько тысяч человек МВД СССР и был членом правительственной комиссии. В оперативной группе были представлены все службы органов внутренних дел и внутренние войска МВД. О мужественной работе сотрудников служб и военнослужащих внутренних войск немало писали и рассказывали. Так действительно было. Я лично не помню ни одного значительного отрицательного случая их работы.

Отдавая должное героическому труду всех, кто участвовал в ликвидации последствий трагедии на ЧАЭС: гражданских, военных, сотрудников правоохрани-

тельных органов, хочу вот что отметить. Мне запомнилось и такое, чего не должно быть никогда. Я побывал в зоне во многих брошенных благоустроенных селах. Их десятки. Все они были без жителей, без жизни. Никаких домашних животных. Правда, попадались бегающие крысы с размером крупной кошки. Прекрасные дома. Брошено все имущество. Ветви гнутся под тяжестью яблок, на огородах — необычных размеров (возможно, от высокой радиации) помидоры, огурцы и звенящая тишина. Не слышно даже птиц — вымершие населенные пункты.

И в такой вот неземной красе жить противопоказано. Жуткое зрелище. Смертельно опасная красота. Примерно такую же картину я увидел в г. Припять.

Чернобыль вместе с трагедией, напомнил нам о человечности, чуткости, уважении и заботе. Здесь не надо было грубого окрика, понукания, дерганья, не тактичности. Строгость, требовательность — это да, ради дела, ради человека. Людям надо верить, дать возможность работать. И они работали на совесть. Чернобыль быстро определял, кто есть кто. Чернобыль заставил нас руководителей служб, по-иному посмотреть на свою работу, взаимоотношения с людьми. И сделать соответствующие выводы.

Вспоминаю заседания правительственной комиссии, которую поочередно, на определенный срок, возглавляли, как правило, заместители председателя Совета Министров СССР. На доклад — не более трех минут. Только по делу. И все вопросы решались.

Стоит взять на вооружение этот опыт нынешним «прозаседавшимся». Не ждали мы тогда указаний из центра. Всю ответственность брали на себя. В центр обращались только в исключительных случаях. Чернобыль показал, как можно и нужно работать. Катастрофа преподнесла урок очевидности, что в подобных экстремальных ситуациях, как ни в каких

Л.В. Зверковский

других обстоятельствах, успех дела определялся четкой его организацией, жесткой и твердой дисциплиной, безукоризненной исполнительностью и ответственностью и, наконец, знанием дела. Истины ради — не были мы готовы для работы в условиях катастрофы. Все это приобреталось в ходе борьбы с вырвавшимся из под контроля ядерным джином.

Накануне каждой годовщины чернобыльской трагедии, государственные органы постоянно говорят о внимании к ликвидаторам-чернобыльцам, о том, что забота о нуждах чернобыльцев — священный долг всех органов власти. Кое-что сделано. К сожалению, не всегда и все так, как предполагалось.

Мы выполнили свой долг в Чернобыле. Одни были там добровольно, другие по служебным обязанностям. Страна была спасена от более разрушительных последствий катастрофы. За все это ликвидаторы заплатили самым дорогим — здоровьем, а многие собственной жизнью. Все они настоящие патриоты, герои нашей Отчизны.

Некоторые сегодня удивляются:

очень многие в Чернобыль приехали добровольно. Это был искренний порыв. Они рисковали жизнью во имя будущего. Не дай Бог повториться подобной катастрофе. И дай Бог, чтобы на Руси всегда были патриоты.

После Чернобыльской катастрофы государством было сделано немало по медицинскому, социальному обеспечению и другим направлениям ликвидаторов и местного населения пораженных территорий.

Вышло ряд законодательных документов, нормативных актов о социальной защите граждан, пострадавших в результате чернобыльской катастрофы.

Однако, не вдаваясь в подробные причины, о чем писалось и говорилось немало, уровень государственной поддержки стал быстро снижаться.

Государство, ссылаясь на различные причины, проводило широкомасштабные мероприятия по ограничению существующих в то время прав и льгот чернобыльцев, грубо нарушая их. Ликвидаторы стали объединяться для поддержки друг друга и надежной социальной защиты своих прав. Тысячи чернобыльцев также нуждались в медицинской помощи. Появилось немало различных самостоятельных общественных организаций чернобыльцев. Но эти организации, несмотря на проводимую работу, действовали разрозненно. Пользы в целом от этого было явно недостаточно. Возникла необходимость объединиться. Были попытки объединяться на уровне страны.

Наконец в 1990 году появилась организованная и сплоченная общественная сила — Союз «Чернобыль» России.

Тогда в организацию вошло 47 организаций регионов, насчитывающих более 100 тысяч ликвидаторов и более 800 тысяч граждан, проживающих на загрязненных территориях. В настоящее время в составе Союза «Чернобыль» России 76 региональных общественных организаций. Все они прекрасно понимали и понимают, что всесторонняя

помощь пострадавшим от радиационного излучения может осуществляться только в совместной борьбе за социальные права, путем организованной, активной защиты своих интересов во взаимодействии с государственными органами власти. Президентом Союза «Чернобыль» России на первом Съезде был избран Гришин В.Л., который и до сегодняшнего дня им является, неоднократно переизбираясь на съездах Союза через каждые 4 года.

Наконец и в Москве состоялось объединение и создание МРООИЧ (Московская региональная общественная организация инвалидов вследствие Чернобыльской катастрофы и других катастроф, аварий и испытаний) в 1995 году.

Организация тогда не входила в Союз «Чернобыль» России, председателем избрали Катушенка В.К., депутата Московской Городской Думы. Почему именно инвалидов? Правительство страны в 1993 году отменило часть существующих льгот касающихся всех ликвидаторов. Льготы эти были сохранены только для инвалидных организаций. МРООИЧ за годы своего существования провела исключительно большую работу совместно с фондом социальной поддержки «Чернобыль-Надежда» (руководитель Хаскельберг Г.И.) и организацией «Заслон Чернобыля» (руководитель Корастилев В.П.) по правовой защите, законотворческой деятельности, финансирования разрабатываемых с Городской Думой Целевых комплексных программ.

МРООИЧ после вступления в Общероссийскую общественную организацию Союз «Чернобыль» России в мае 1999 года было преобразовано в Московскую региональную общественную организацию инвалидов Союз «Чернобыль» России (МРО СЧР) с сохранением функций правопреемника МРООИЧ по всем его обязательствам.

Организация является общественным объединением граждан, проживающих в г. Москве, и создана для содействия в

решении вопросов правовой защиты, медицинской и социальной помощи инвалидам, а также иным гражданам, чьи болезни связаны с радиационным воздействием вследствие радиационных аварий и катастроф и их последствий на объектах гражданского и военного назначения.

Вся работа строилась по следующим основным направлениям, которые были утверждены Конференцией 9 июня 1999 года. Это:

1. Организационное развитие МРО СЧР.

2. Участие в разработке законодательной и нормативной базы, а также участие в реализации и контроле за исполнением законов по проблемам инвалидов.

3. Защита прав и интересов инвалидов и других пострадавших граждан.

4. Работа по медицинским и социальным проблемам.

5. Информационная деятельность организации и освещении чернобыльских проблем в средствах массовой информации, исходя из меняющейся обстановки.

Организация включает в себя 10 окружных и 108 районных организаций г.Москвы, согласно ее административно-территориального деления и состоит из 2330 человек. Был избран совет МРО СЧР в количестве 15 человек. В него вошли, согласно Уставу, все руководители окружных общественных организаций. На Конференции была избрана Ревизионная комиссия. Был утвержден состав Попечительского Совета. Председатель — депутат Мосгордумы Новицкий И.Ю. Были определены его направления:

— осуществление реальной поддержки деятельности объединения на уровне законодательной и исполнительной власти в г.Москве;

— оказание методической помощи при составлении общегородских программ социальной и медицинской помощи инвалидам;

— оказание помощи при утверждении принятых программ;

— составление рекомендаций по реализации принятых программ;

— составление рекомендаций по деятельности объединения при изменении экономической и политической обстановке в стране;

— методическая помощь при составлении годового отчета о деятельности объединения;

— оказание помощи объединению в поиске и привлечению благотворительных взносов, работе со спонсорами.

Работали совместно с Союзом «Чернобыль» России и Ассоциацией «МВД — Щит Чернобыля» (Президент Демидов Н.И.). В подготовке и рассмотрении вопросов повестки дня Совета и Президиума принимали участие все его члены. Был организован контроль за выполнением постановлений. На заседании Совета периодически докладывалось о выполнении тех или иных вопросов.

В МРО СЧР сформировался хороший работоспособный административный аппарат. Это всеми уважаемые: Ибатулина О.Н., Носкова Л.А., Нестерова Е.Ю., Будкевич Л.А., Волошина А.И., Брызгалова Е.Ю., Снегирев В.В., Судзиловская Н.Л.

С момента вхождения в Союз «Чернобыль» России МРО СЧР под руководством и рука об руку трудился с Советом Союза, который в сложных условиях ведет кропотливую и широкомасштабную работу, показывая пример конструктивных взаимоотношений общественности со структурами государственной власти и местного самоуправления в деле реального оказания помощи пострадавшим. Руководством Союза «Чернобыль» России (Гришин В.Л., Валентей С.А., Швецов С.В. и другие) довольно часто бывали в МРО СЧР, оказывали существенную помощь своими советами, рекомендациями и делами.

Возобновил свою работу общественный Экспертный Совет по законодатель-

ной инициативе при кураторе чернобыльских вопросов депутате Городской Думы Новицком И.Ю. Совет существовал и действовал в Московской Гордуме с 1996 года, но на некоторое время деятельность его была прервана.

Совместно с руководством Союза «Чернобыль» России МРО СЧР приняло участие в подготовке предложений для внесения изменений и дополнений в Закон РФ «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». Представитель МРО СЧР Кривошенин Л.Л. был включен во временную рабочую группу, утвержденную приказом Министра труда и социального развития Российской Федерации, по подготовке предложений в упомянутый закон.

Также были обобщены предложения окружных организаций МРО СЧР, которые были направлены в Мосгордуму и Госдуму РФ. Кроме того, велась повседневная работа с рядом депутатов Госдумы по предотвращению принятия законопроектов депутата Шенкарева О.А., направленных на ущемление законных прав и интересов чернобыльцев. Было сделано все зависящее от чернобыльских организаций, чтобы принятый Госдумой и подписанный 12 января 2001 г. Президентом России Путиным В.В., наш Закон в целом удовлетворял жизненно важные интересы большинства инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы из числа гражданских лиц и военнослужащих.

Активная работа проводилась также по разработке Минтрудом РФ нормативных актов, разъясняющих применение действующего законодательства по выплате возмещения вреда здоровью вследствие увечья, полученного при выполнении трудовых обязанностей при участии в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Наши представители работали в тесном контакте с аппаратом Минтруда РФ, подготавливающим эти разъяснения и, на наш взгляд, смогли предотвратить ряд положений в

этих документах, нарушающих конституционные и законодательные права пострадавших граждан. К сожалению, далеко не все наши предложения были приняты, что в дальнейшем привело к судебным разбирательствам между инвалидами и органами социальной защиты, в ряде которых нашим юристам пришлось участвовать в качестве представителей истцов.

Ряд положений, ущемляющих законные права инвалидов, совместно с представителями других чернобыльских организаций, были предметом рассмотрения в судебном порядке в Верховном суде РФ. По большинству из них приняты решения и определения в пользу заявителей.

С целью улучшения правовой защиты инвалидов-чернобыльцев, возможности привлечения к работе высококвалифицированных специалистов (юристов и др.), имеющих большой опыт работы с законодательством, касающимся защиты законных прав, льгот и интересов участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и инвалидов, в первую очередь в судебных органах различных инстанций, МРО СЧР была создана некоммерческая организация — учреждение «Кодекс СЧР» во главе — Кривошениным Л.Л., заместителем председателя МРО СЧР.

В рамках учреждения «Кодекс СЧР», получили правовую квалифицированную консультацию по вопросам возмещения вреда здоровью, компенсации по случаю потери кормильца, льготам вдовам, получению жилья и др. 2500 человек. Составлялись иски, жалобы и заявления в различные организации.

Постоянно проводились юридические консультации для инвалидов-чернобыльцев и граждан, пострадавших от радиационных воздействий. В судах рассмотрены десятки дел с участием представителя (консультанта) организации «Кодекс СЧР».

Необходимо отметить высокую профессиональную и добросовестную работу наших юристов и правозащитников по

оказанию практической помощи в защите прав и законных интересов инвалидов-чернобыльцев и всех работников «Кодекс СЧР». Особенно заслуживает внимания добросовестная работа инвалидов-чернобыльцев: Кривошеина Леонида Леонидовича, Нечипоренко Евгения Давыдовича и Тураева Рудольфа Ниловича, которые, несмотря на серьезные проблемы с собственным здоровьем, оказывали неоценимую помощь чернобыльцам в отстаивании их законных прав.

МРО СЧР совместно с Союзом «Чернобыль» России участвовала в работе по обоснованию необходимости принятия новых федеральных программ преодоления последствий чернобыльской катастрофы на период до 2010 года.

Однако, Правительство РФ при рассмотрении этих программ снизило объемы финансирования, уменьшило число объектов капитального строительства, сократило суммы средств на здравоохранение, социально-психологическую помощь и обеспечение жильем участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС.

С 2002 года, несмотря на недостаточное финансирование, начали реализовываться федеральные усеченные целевые программы, преодоление последствий радиационных аварий на период до 2010 года и:

— «Обеспечение жильем участников радиационных аварий и катастроф на период до 2010 года, как подпрограмма «Жилище»;

— «Дети Чернобыля» на период 2001—2002 годы, как часть программы «Дети России».

Проделана значительная работа в сфере медицинского обслуживания на взносы инвесторов, проводилось лечение постоянно проживающих в Москве инвалидов, подвергшихся радиационному воздействию (включая ветеранов подразделений особого риска).

Многие инвалиды-чернобыльцы получили квалифицированную стоматологическую помощь в ООО «Санация» (про-

лечено 110 человек), где их обслуживали высококвалифицированные специалисты. Лечение осуществлялось с использованием новейших технологий и лучших импортных пломбирочных материалов 5-го — 6-го поколений.

Осуществлялось уникальное лечение инвалидов-чернобыльцев в государственном предприятии «Центр разработки, выпуска и эксплуатации лазерной медицинской техники «Астр». С помощью новых лазерных технологий инвалиды-чернобыльцы получили своевременную квалифицированную помощь в клинических условиях, а к некоторым больным врачи выезжали на дом.

Учитывая, что большинство инвалидов-чернобыльцев нуждаются в психологической и психотерапевтической помощи, т.к. согласно данным клинико-эпидемиологических исследований 25% инвалидов-ликвидаторов страдают депрессивными расстройствами, для оказания данного вида медицинской помощи при активном участии МРО СЧР был создан и успешно работал «Центр психологической патронажной помощи, реабилитации и профилактики суицидов».

Пролечено 480 инвалидов-чернобыльцев в ООО «Международный Центр биотической медицины», где впервые удалось установить и компенсировать нарушение ионного обмена у лиц, подвергшихся радиационному воздействию. Оплачены лекарственные препараты по медицинским показаниям.

Огромная работа проделана организацией по лечению инвалидов-чернобыльцев на базе Российского научного центра рентгено-радиологии Минздрава Харченко В.И. и профессора Зубовского Г.А.

Провели офтальмологическое медицинское обследование инвалидов-чернобыльцев в глазном центре ООО «Блик-М» по изготовлению очков, подбору и установке контактных линз.

В Центре было пролечено 409 человек. Был заключен договор и начался прием инвалидов-чернобыльцев в меди-

цинских Центрах «Виста Ком» и «Норд Стэл», где пролечилось свыше 500 человек на средства, перечисленные в 2000 году, продолжался прием инвалидов-чернобыльцев в Центре красоты «Гармония».

По рекомендациям медицинской комиссии инвалиды-чернобыльцы получили оздоровительное санаторно-курортное лечение, как внутри страны, так и за рубежом. Более 1000 человек получали лекарственные препараты, наборы дополнительного лечебного питания. Были закуплены для некоторых больных, инвалидов 1 группы, специальные медицинские гидроподъемники.

Кроме медицинского обслуживания, немало проблем удалось решить в социальной сфере на средства Инвесторов, направленных на реализацию «Целевой комплексной программы социальной помощи инвалидам, а также лицам, получившим увечья в связи с аварией на Чернобыльской АЭС», которая разрабатывалась на один год, и потом на два года, с рассмотрением в Городской Думе и утверждением Правительством Москвы. Порядок составления Программы был четко определен: финансирование было обеспечено за счет Московского Закона «О ставках и льготах по налогу на прибыль». Теперь спонсор, отдавая деньги инвалидам в порядке благотворительного пожертвования, рассчитывался с государством. Были при этом пределы суммы денег, которые чернобыльские организации имели право израсходовать. В рамках проекта «Поддержание и развитие музеев Чернобыля», в 2001 году в память о 15-й годовщине аварии на Чернобыльской АЭС, в помещении МРО СЧР создан музей в виде стендов с фотографиями чернобыльцев.

Понимая все сложности экономической и финансовой жизни страны и города, основное внимание было уделено дополнительному негосударственному пенсионному обеспечению инвалидов-чернобыльцев. Были пролонгированы

договоры с негосударственными пенсионными фондами «Выбор» и «Русский промышленный пенсионный фонд». Проводились поиски инвесторов, которые смогли бы финансировать данный проект. Полученные средства аккумулировались на расчетном счете с последующим их перечислением пенсионным фондам, которые приумножают собранные капиталы. В результате 2100 инвалидов-чернобыльцев ежеквартально получали дополнительное пенсионное обеспечение, сумма выплат которых зависела от степени утраты трудоспособности.

Значительное количество руководителей окружных организаций и активистов были отмечены различными наградами, внесены в Книгу Почета, награждены Почетными грамотами Союза «Чернобыль» России. Большая часть руководителей, сотрудников государственного аппарата по представлению окружных организаций были поощрены Союзом «Чернобыль» России, 62 чернобыльца отмечены государственными наградами. Очень большую подготовительную работу провел Будумян А.А., ответственный Секретарь Совета.

В 2000 году МРО СЧР за плодотворную работу по социальной защите инвалидов, а также лиц, пострадавших в результате катастрофы на ЧАЭС, награждена Почетной грамотой Мосгордумы.

Очень много было сделано окружными и многими районными организациями благодаря помощи префектур, управ, учреждений, спонсоров. Это и концерты, встречи, обеды, подарки, продуктовые наборы.

Вся деятельность, связанная с этим днем, проходила под знаком дальнейшего сплочения, объединения, взаимной поддержки и понимания друг друга, защиты наших прав и льгот и, в то же время, ответственности за судьбу нашей Отчизны.

Также всегда серьезно готовятся и отмечают окружные организации и ежегодные Дни Памяти.

Все о чем было сказано, о работе

МРО СЧР не сразу вдруг родилось. К этому долго шли, немало и примеров положительной работы окружных и районных организаций.

Немало было сделано за эти годы окружными организациями: СЗАО (Рудаков А.Б.), САО (Белов Г.К.), ЦАО (Мисюра Н.Н.), ЮВАО (Беляев Ю.А.), ВАО (Карасюк А.А., Грушенков А.А.), СВАО (Ильин А.Я.), ЮЗАО (Мисюра Е.Н.), ЗАО (Бреус О.А.).

Надо отметить, что вся поистине титаническая, кропотливая работа черномыльских организаций любого уровня проходила, к сожалению, в постоянной борьбе со своим же государством, которое они защищали, в отстаивании прав и льгот, созданию более лучших социально-экономических условий для жизни и здоровья.

В период развала экономики и разграбления страны, ухудшения социального положения, происходило уменьшение финансирования на нужды черномыльцев и населения, проживающего на загрязненной территории, постоянно возникали проблемы с выделением денежных средств, что вызывало возмущение в различных формах.

Они и сегодня возникают, в т.ч. по известному Закону РФ № 122 2004г. Кроме того, до сих пор никак не придут к общему окончательному знаменателю об индексации по уровню инфляции. И здесь идет борьба, в том числе с государством в судах. Окончания не видно.

С отменой Московского «Закона по налогу на прибыль» значительно ослабла деятельность черномыльских организаций. Социальная программа по защите интересов черномыльцев-инвалидов, без средств перестала существовать. Организации понесли значительный урон, положение намного усложнилось. Намного уменьшилось освещение черномыльских проблем в СМИ, которого и так было мало, в основном к ежегодному Дню Памяти. Надо признать, что в этом виноваты, в том числе, и сами черномыльские организации и их руко-

водители, которые совершенно недостаточно работают со СМИ, тем более по ряду направлений идет старание предать забвению, стереть в памяти то, что произошло 26 апреля 1986 года и возникшими тяжелыми последствиями. Время идет, новые дела, новые проблемы! Такие рассуждения.

А главное: желание сэкономить на черномыльцах, бездушие, безразличие, бюрократизм. Есть и другие причины.

Отрадно, что в этой сложной ситуации сохраняется боевитость многих черномыльских организаций. Вдохновляет и то, что существующее противостояние в стране, которое затрагивает жизненные интересы, судьбы черномыльцев, долго не продержаться не может. Здоровые патриотические силы победят.

Вместе с тем, надо серьезно думать о дальнейшем совершенствовании нашей черномыльской деятельности, с учетом того, что уже сделано, а сделано очень много, когда были потрачены энергия, здоровье, а то и жизнь ради жизни многих черномыльцев. Но время не стоит на месте, меняются формы, направления, обстоятельства, мировоззрения, надежды и оценки. Здесь надо еще раз внимательно посмотреть ряд положений жизнедеятельности Московской городской региональной организации Союза «Черномыль» России, задачи, пути их решения, поиски и расходования средств, взаимоотношения с другими общественными организациями, более полной и конкретной, совместной работы с органами исполнительной и законодательной власти.

Только четкая организация совместных действий, уважение, понимание друг друга, тесная работа с Мосгордумой и Правительством Москвы позволит оказать адресную и эффективную помощь каждому конкретному инвалиду. Слаженная работа облегчит решение многих социально-правовых, материальных, медицинских и других проблем инвалидов-черномыльцев.

До сих пор еще функционируют не-

большие по численности чернобыльские организации. Руководители этих организаций не хотят объединяться. Доводы различные, но только не главная забота о чернобыльцах, хотя по этим флагом они выступают. Беда в том, что они подчас агрессивные, наглые, нахрапистые бегают по различным учреждениям, не обходят и органы власти, выступают, публично требуя помощь, не забывая основательно себя и узкий круг своего окружения. Этим немало вносят разлад в чернобыльское движение, вызывает раздражение у тех, к кому обращаются. Создают обстановку не решения ряда социально-экономических вопросов, и заявления такого рода, как: «Наведите порядок у себя, тогда и будем решать ваши проблемы».

Московская региональная чернобыльская организация, состоящая из окружных организаций должна быть в составе Союза «Чернобыль» России. Это самая мощная, авторитетная, многочисленная чернобыльская общественная организация в России. Только Союз «Чернобыль» России со своими региональными организациями страны может решить жизненно-важные вопросы чернобыльцев на государственном уровне.

Пора это наконец понять отдельным, не в меру тщеславным, честолюбивым и амбициозным руководителям ряда чернобыльских организаций, которые хотят быть автономными. Кое-что и кое-чего они добиваются. Но все это «бои местного значения». Для поднятия своей значимости и увеличения численности своих автономных организаций они стараются заманить, завлечь из окружных организаций чернобыльцев. Идут на все, вплоть до направления своих «эмиссаров» для убеждения. Запретить кому-то перейти в эти организации нельзя. Не получится, значит надо поднимать авторитет районной, окружной организации. Речь идет о внимательном, заботливом отношении к чернобыльцам-инвалидам, о совершенствовании органи-

зационной работы, о притоке новых лидеров в районные и даже окружные организации. Обид здесь не должно быть. Всему свое время. Было сделано немало. Время, обстановка, условия меняются, а значит и требования во многом другие по формам, методам социально-экономической, медицинской защиты, конечно с учетом нарабатанного ранее. Уйди с почетом, не будь тормозом и в тягость. Самоотверженных, активных, честных чернобыльцев немало с организаторскими способностями.

Нельзя не отметить и следующее. Отстаивать, защищать права чернобыльцев обязательно надо, в том числе и в судах. Но иногда надо и меру знать. Некоторые активные очень вошли во вкус «правозащитников». Годами ходят по судам, государственным структурам, причем практически не согласовывая свои действия. Откуда и почему у них такая прыть? Перебор не в пользу чернобыльцев. Должно быть все взвешено, продумано и не в угоду меньшинства.

Чернобыльцы часто не знают, что делает власть: префектура, управа района для них, что создает негативное мнение, основанное на слухах, домыслах. Правильно делают те руководители организаций, которые приглашают для информации, ответов на вопросы ответственных работников префектуры, управы района.

И еще, при встрече группы чернобыльцев с Мэром г.Москвы Ю.М.Лужковым в конце 2001 года было высказано обоюдное мнение «уделить особое внимание патриотическому, духовно-нравственному воспитанию молодежи на подвигах, делах чернобыльцев, привития любви, уважения к Отчизне, народу, преданности Родине и ненависти к ее врагам».

Сегодня это еще более актуально звучит. В каждой организации есть подготовленные чернобыльцы для выступлений в учебных заведениях, различных

центрах, музеях, при выставках, в средствах массовой информации и т.д.

Закончить статью я хочу следующими словами:

«Родина у нас одна — Россия. Другой Родины нет! Чернобыльцы были и будут патриотами своей Родины».

20 ЛЕТ СО ДНЯ ТРАГЕДИИ...

В.Д. МАСПАНОВ

Приближается 20-я годовщина со дня величайшей ядерной катастрофы прошедшего XX века на Чернобыльской АЭС. На ликвидацию последствий ядерной трагедии по зову сердца, приказу и распоряжениям Правительства СССР были брошены многочисленные силы лучших людских ресурсов и самой современной техники, чтобы не дать смертоносной радиации распространиться на всю страну и страны Европы, чтобы спасти мир и последующие поколения людей от врага невидимого и лютого.

Ученые и военные, рабочие и колхозники, студенты и курсанты военных училищ, прибывшие в зону аварии, — все, как один без страха и сомнений шагнули в пламя и пепел ядерного взрыва, чтобы своим здоровьем и жизнью перекрыть несанкционированное расползание «мирного атома».

Работа по ликвидации последствий аварии не считалась как что-то героическое, былинное, так уж были воспитаны советские люди, которые действовали по принципу: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Ни о каких льготах и привилегиях ликвидаторы тогда и думать не думали. Главное спасти мир, людей, не ведающих о страшной беде, коснувшейся их. Свой гражданский долг ликвидаторы выполнили огромной ценой своего собственного здоровья и преждевременного ухода из жизни.

МАСПАНОВ Владимир Дмитриевич — полковник в отставке, главный специалист отдела наградений ГУК Министерства обороны, участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Уже потом, когда работы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС велись полным ходом, когда всем стало ясно, что эти работы продлятся не один год и потребуются огромные человеческие ресурсы, тогда аварию назвали катастрофой. Тогда же Правительство СССР стало принимать решения о предоставлении льгот участникам ликвидации последствий Чернобыльской трагедии, получившим радиационное воздействие, вводить компенсации на возмещение вреда и меры социальной поддержки.

Шли годы, среди ликвидаторов появлялось все больше инвалидов, многие из них в самом работоспособном возрасте уходили из жизни. Пока существовала огромная страна, ликвидаторы в полной мере, в соответствии с принятыми законами, получали и медицинскую помощь, и соответствующие выплаты, имели право на получение рабочих мест в любом предприятии, на котором им позволяло трудиться их здоровье. Никаких забастовок, пикетов, голодовок и в помине не было, в страшном сне такое не могло привидеться.

С развалом СССР к власти пришли демократы новой волны, которые решили воссоздать капитализм в лучшем его виде, обещая золотые горы каждому россиянину. Провели грабительскую приватизацию. Богатейшая по своим природным ресурсам страна превратилась в сырьевой придаток, место захоронения мировых ядерных отходов. От проведения «чубайсовской» приватизации, богатства страны, нажитые поко-

В. Д. Масленов

лениями наших отцов и дедов, недра, леса, фабрики и заводы были поделены кучкой зарвавшихся властителей, составляющих менее 10 процентов населения. Оставшаяся часть населения была брошена в нищету, а старики-победители, которым по праву принадлежали эти богатства, были отправлены на помойки, подбирать себе объедки с барских столов «новых русских», чтобы не умереть от голода.

Именно за эти годы в России число миллиардеров превысило передовые капиталистические страны. Откуда они появились? Кого ограбили? Почему государство мирится с ними?

Цены на продукты, товары народного потребления растут опережающими темпами, приближаясь по меркам к развитым капиталистическим странам, а заработная плата при этом остается ниже нижнего. Стоимость потребительской корзины намного превышает заработную плату врача, учителя простого крестьянина в несколько раз.

Хотелось бы посмотреть на любого

из олигархов и слуг народа из числа депутатов как бы они смогли хотя бы месяц прожить на мизерную пенсию или же заработную плату, которые более, чем на половину не достигают прожиточного минимума. Сами же они получают денежное содержание в десятки, а то и сотни, тысячи раз превышающее зарплату среднестатистического труженика, не говоря уже о пенсионере или же инвалиде. Откуда будет рождаемость детей, откуда возьмется здоровое поколение? Почему их не волнует будущее страны? Почему их дети учатся в престижных учебных заведениях западных стран и там же остаются на постоянное место жительства? Почему когда-то учебные заведения России были лучшими в мире и давали бесплатное образование, которое по уровню подготовки специалистов превосходило многие зарубежные учебные заведения? Почему Вооруженные Силы России получают лишь 1—2 модернизированных самолета и по 5—8 танков в год, когда новые перспективные разработки оказываются у наших потенциальных противников? Почему никто из правителей государства Российского не принимает решительных действий, чтобы престиж армейской службы поднять на должный уровень, чтобы не было проблем с восполнением рядов защитников Отечества здоровыми, сильными, грамотными и патриотически-воспитанными молодыми людьми? Какими гарантиями надо еще определять полномочия Верховной власти, чтобы почувствовать ее заботу о государстве и людях его населяющих?

По-видимому, эта забота проявляется сегодня лишь в том, что работающая семья не может иметь более одного ребенка, чтобы иметь возможность хоть каким то образом достойно содержать его. Проявление заботы видно и в том, что инвалиды не могут устроиться на работу — они не нужны хозяевам новой жизни, одна морока от них. Как только узнают в отделе кадров, что ты ликвидатор или же просто инвалид, так под

любым предлогом находят причины в отказе приема на работу, а ведь раньше законы защищали право инвалидов на труд.

Зато газеты вновь и вновь муссируют вопросы о том, что срок давности незаконной приватизации нужно сократить до нескольких лет, чтобы не было возможности предъявить иски проходцам и нуворишам за незаконную приватизацию.

На участников ликвидации ядерной катастрофы стали смотреть как на потребителей незаслуженных благ, сутяжников и дармоедов. Вместо того, чтобы давать то, что предписано федеральными законами, ждут решения судов, которые обязуют выполнять то, что уже установлено ЗАКОНОМ. Скажите, пожалуйста, в каком правовом государстве такое возможно?

Российская газета публикует накануне 19-ой годовщины со дня Чернобыльской катастрофы статью, что Чернобыльская катастрофа практически не воздействовала на ликвидаторов и, что все заболевания придуманы и вызваны излишним вниманием и излишней диспансеризацией ликвидаторов. Не было бы диспансеризаций, не знали бы и заболеваний. Железная логика.

Пресловутый федеральный закон №122 лишил основных льгот ликвидаторов и особенно инвалидов из их числа, предоставив им так называемую монетизацию этих льгот. В чем же она равнозначна льготам? В пересчете на денежное выражение льготы чернобыльцам — ликвидаторам заменены 1,5 тысячами рублей и предоставлением социального пакета, который иначе как насмешкой над инвалидом не назовешь. В то же время депутаты свою монетизацию льгот заменили несколькими десятками тысяч рублей при наличии заработной платы также в несколько десятков тысяч рублей.

122 закон забыл определить каким образом дети и вдова ликвидатора получают льготы от государства в случае

смерти отца и мужа. Как на сегодня ребенок должен доказывать свой бесплатный проезд на электричке при наличии у него социального пакета, получения бесплатных лекарств и пр. пр.

Сегодня ни одна государственная структура не сможет достоверно назвать количество ликвидаторов, проживающих на территории России. Называются самые различные цифры от 150 до 270 тысяч человек. В ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с 26 апреля 1986 года по конец 1990 года только по данным Министерства обороны принимало участие около 600 тысяч генералов, офицеров, солдат и сержантов. Сколько из них осталось в Российской Федерации после распада СССР — сказать не может никто. Многие из ликвидаторов, особенно из числа военнослужащих проходят как воины интернационалисты, участники боевых действий и вычленив из них ликвидаторов не так просто.

Сегодня у большинства ликвидаторов здоровье не соответствует их возрасту, не позволяет трудиться так, чтобы достойно содержать семью, как они могли бы это делать, будучи здоровыми и работоспособными. Материальная поддержка со стороны государства им, как никогда раньше, просто необходима. Кроме материальной поддержки в не меньшей мере ликвидаторы нуждаются и в поддержке моральной, особенно, учитывая отношение к ним со стороны лиц власти предержавших. Такой моральной поддержкой было бы награждение всех ликвидаторов государственными наградами.

В 1996 году по инициативе Министерства обороны России, Общероссийской общественной организации «Союз Чернобыль России», Государственной Думы Российской Федерации и Совета Федерации России Президентом Российской Федерации было дано распоряжение Пр. — 648 от 3 апреля 1996 года о награждении государственными наградами участников ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы.

Управлением Президента Российской Федерации по государственным наградам были определены критерии, предъявляемые к награждаемым и виды наград. Благое и необходимое решение, т.к. за период с 1986 года по 1990 гг. было награждено в СССР лишь 5 763 ликвидатора из многих сотен тысяч человек, совершивших по истине былинный подвиг.

Легко сказка сказывается, нелегко дело делается. Понадобилось без малого три года, чтобы запустить бюрократический механизм работы всех заинтересованных государственных органов, органов военного управления по награждению ликвидаторов заслуженными наградами. Так, в 1996 году награждено лишь 236 человек, в 1997 году 43 человека и только в 2000 году награждено 3832 человека. На начало 2005 года награждено всего более 21500 человек, из них орденом Мужества около 9000 человек.

В 2004 году награждение ликвидаторов было поставлено под сомнение. Возник вопрос, все ли представленные к награждению действительно являются ликвидаторами. Более 2000 человек, представленных к награждению, проверялись по архивным данным МЧС России, через Национальный радиационно-эпидемиологический регистр, расположенный в г. Обнинске.

Благодаря пониманию проблемы, поставленной Управлением Президента России, заботе о ликвидаторах руководителей Регистра в лице В.К. Иванова и М.А. Максютова во внеурочное время, на безвозмездной основе работниками Регистра были проверены данные на указанное число ликвидаторов. Было выяснено, что все представленные к награждению являются ликвидаторами и внесены по учету в Регистр. На проверку и доклады ушло почти восемь месяцев, в которые награждение не производилось. За это время из числа представленных к награждению 195 человек (примерно каждый 10-й) скончались, не дождав своих наград, и их вынуждены

были награждать посмертно с вручением государственных наград семьям умерших. При таком темпе награждения в среднем по 3,5 тысячи человек в год, многие из ликвидаторов при жизни не сумеют получить заслуженные награды, а процесс награждения растянется на 1,5—2 десятка лет.

Управлением Президента Российской Федерации по кадровым вопросам и государственным наградам принято решение об активизации работы по награждению ликвидаторов государственными наградами к 20 годовщине со дня Чернобыльской катастрофы и в основном завершении этой работы. Но каким образом это сделать за один, оставшийся до годовщины год совсем не ясно. Из 60 000 не награжденных ликвидаторов 1986—1988 годов в лучшем случае через Министерство обороны будут награждены лишь 8—10 тысяч человек, да по линии местных органов власти еще 3—5 тысяч. А как же остальные? Сколько им еще ждать своих наград и, что говорить детям и внукам почему не награжден их отец и дед?...

Данную проблему можно решить и пути ее решения есть. Эту проблему накануне 20-й годовщины со дня Чернобыльской катастрофы может решить только Президент России. Он может учредить награду чернобыльцам, и в канун 20 годовщины со дня всемирной радиационной катастрофы, в ознаменование их заслуг перед государством, за мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, наградить сразу всех ликвидаторов одной наградой своим Указом, как это было сделано по отношению к участникам Великой Отечественной войны в 1985 году в ознаменование 40-ой годовщины Победы, когда каждый фронтовик был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Отечественной войны.

Хотелось бы думать, что и после 20-ой годовщины о ликвидаторах-черно-

быльцах государство не забудет, будет по-прежнему уделять им хотя бы минимум внимания и заботы, элементарно соблюдать их права на социальную защиту, не позволит журабовым и им подобным называть их доживающими и унижать тех, кто ценою своей жизни и здоровья спас мир от неминуемой вселенской катастрофы, кто своим подвигом показал пример беззаветного служения Отчизне, кто поставил об-

щественное выше, чем свое личное я.

Низкий земной поклон Вам — участники ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, здоровья и долголетия.

Ваш подвиг будет в былинах и сказаниях передаваться из поколения в поколение до тех пор, пока жить будет Земля русская.

Слава и бессмертие вам и вашему подвигу!

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАЙОНА «ВЫХИНО-ЖУЛЕБИНО»

Н.С. ДВОРОКОВСКАЯ

Чернобыльская катастрофа поставила перед обществом исключительно сложные задачи, затрагивающие практически все стороны его жизни и, не в последнюю очередь, вопросы морали и нравственности. Для преодоления последствий катастрофы государством разработан многосторонний ряд целевых программ, итоги реализации которых, как показывает жизнь, носят порой отнюдь не слишком глубоко продуманный и, к тому же, долговременный характер. Да и выделяемые государством средства для решения проблемы недостаточны.

В этих условиях, когда помощь, и моральная, и материальная, ликвидаторам, инвалидам, вдовам и детям, пострадавшим от чернобыльских событий, нужна именно сейчас, сегодня, а не завтра, не через год, возникает необходимость взаимодействия и сотрудничества районных общественных чернобыльских подразделений с местными органами власти. В этом, очевидно и должна лежать основа решения соци-

альных и медицинских запросов чернобыльцев, проживающих на территории определенного городского или областного района.

Наше районное чернобыльское подразделение «Выхино-Жулебино» является звеном общероссийской общественной организации Союз «Чернобыль» России. Главные задачи наших чернобыльцев по решению насущных проблем нам удаётся воплощать в жизнь, причём зачастую эффективно, при взаимодействии с властями на уровне местного самоуправления.

Общественная организация Союз «Чернобыль» района «Выхино-Жулебино» была сформирована в конце 1995 года. В ней на первом этапе состояло на учёте не более ста человек. За десятилетний период деятельности организация объединила практически все категории людей пострадавших от радиации — это участники ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, инвалиды, вдовы, дети, эвакуированные и переселённые с территорий, подвергшихся радиационному заражению.

Наиболее сложной и трудоёмкой оказалась работа на начальном этапе.

Первым руководителем организации была Руденок Валентина Васильевна,

---

ДВОРОКОВСКАЯ Наталья Семеновна — председатель общественной чернобыльской организации района «Выхино-Жулебино» г. Москвы.

*Председатель Союза «Чернобыль»
«Выхино-Жулебино» Н.С. ДВОРОКОВСКАЯ
и руководитель муниципального образования
«Выхино-Жулебино» В.А. ЛЫСЕНКО*

активно, добросовестно и, самое главное, ответственно отнёсшаяся к этой нелёгкой общественной работе. За свой короткий период руководства организацией она смогла подключить районные власти к решению наших нужд и проблем. В этот период была проведена большая работа по расширению организации и постановке на учёт ещё более 150 человек. Органы районного управления положительно решили вопрос о предоставлении нашей общественной организации помещения, где чернобыльцы могли встречаться и решать свои насущные вопросы.

Но жизнь распорядилась по-своему. Наша Валя Руденок, молодая, жизнерадостная женщина, мать двоих детей ушла из жизни. Чернобыль не пощадил её, оставив сиротами малолетних детей, перечеркнув её молодость и любовь к жизни. Ушла из жизни Руденок Валентина Васильевна в августе 1999 года. Мы храним о ней светлую память.

С 1999 года руководителем организации был избран Соловьёв Михаил Михайлович, который успешно продолжил работу по взаимодействию с мест-

ными властями. В конце 2000 года Соловьёву М.М. пришлось уйти работать на ответственный пост в государственных структурах и, в связи с этим на внеочередном общем собрании руководителем организации была избрана Дворокровская Наталья Семёновна. До избрания её руководителем организации «Выхино-Жулебино» она работала в организации с 1993 года, возглавляла район «Марьино» и окружную организацию, объединяющую все категории. За добросовестный труд и оказание юридической и другой помощи чернобыльцам ей была вручена Почётная грамота от Союза «Чернобыль» России.

С начала 2001 года ещё теснее налаживаются контакты с местным руководством управы, в этот период наша общественная организация начинает работать с местным самоуправлением, с представителями депутатского корпуса Мосгордумы и налаживается работа с общественными и благотворительными организациями. Деятельность организации усиливается за счёт слаженной работы её председателя и членов правления.

Со временем нарастает объём помощи со стороны районной управы «Выхино-Жулебино»: в течение года выделение продовольственных наборов к праздникам, посильное решение вопросов оздоровления детей, проведение новогодних праздников, содействие в проведении Дня памяти жертв катастрофы на ЧАЭС. Рассматривается вопрос о предоставлении для организации оргтехники, но самый актуальный вопрос — это предоставление к 20-летию очередникам новых, благоустроенных квартир. Этот насущный вопрос мы хотим решить вместе с Союз «Чернобыль» России, чтобы было принято решение на уровне государственной думы и правительства. До конца не решён вопрос о предоставлении дачных участков для этой категории, мы надеемся на положительное решение и этого вопроса. Но, в связи с введением в действие № 122-ФЗ зако-

на, до конца не решены проблемы с лекарством и оздоровлением чернобыльцев.

По возможности наша организация хотела бы положительно решить вопрос о возведении стелы или памятника на территории нашего района с памятной аллеей ушедших из жизни чернобыльцев.

Наша организация благодарна за постоянную заботу со стороны районной управы «Выхино-Жулебино» во главе с её руководителем Пашковым Алексеем Анатольевичем. И хотелось также отметить тех работников управы, с которыми нам приходится постоянно контактировать — это зам. главы управы по социальным вопросам Буянкин Сергей Николаевич, зам. главы Жданов Владимир Борисович, зам. главы Вольнов Валерий Михайлович. Особенная благодарность работникам социального отдела Сидоренко Татьяне Михайловне — начальник отдела, Лепенкиной Елене Владимировне — ведущий специалист, Косаревой Наталье Сергеевне — ведущий специалист, Антоновой Наталье Олеговне — специалист 1 категории, которые имеют выдержку и терпение, работают очень квалифицированно непосредственно с льготными категориями. Пусть Вам всегда сопутствует удача, будьте здоровы и жизнерадостны.

Организация выражает благодарность руководству муниципального образования «Выхино-Жулебино» в лице его руководителя и председателя собрания Лысенко Валерия Анатольевича, с приходом которого помощь и забота в отношении чернобыльцев ещё более увеличилась. С первых дней работы муниципального образования с нами непосредственно работает Дарер Григорий Шаевич, который помогает нам буквально во всём, начиная от организации проведения нашей памятной даты, до очень умных и мудрых советов. Муниципальное образование возложило на себя проведение ежегодно Дня памяти жертв катастрофы на Чернобыльской АЭС, выделяет средства на издание кни-

*Депутат Московской городской думы
Г.В. ЛОБОК, участник ликвидации
последствий катастрофы
на Чернобыльской АЭС (1986)*

ги воспоминаний чернобыльцев «Выхино-Жулебино» к 20-тилетию. А также, за организацию подготовки документов и наградных листов для представления к государственным наградам чернобыльцев «Выхино-Жулебино» к 20-летию катастрофы на ЧАЭС. Пусть всегда сопутствует удача в добрых делах этой организации.

Союз «Чернобыль» районной управы «Выхино-Жулебино» очень тесно и плодотворно работает с нашим депутатом Московской городской думы Лобок Геннадием Васильевичем. Геннадий Васильевич с первых дней обращения к нему организации очень внимательно относится ко всем просьбам и проблемам. За весь период совместной работы были неоднократно предоставлены продовольственные наборы, на протяжении нескольких лет дети отдыхали и лечились в санаториях, даже были за границей, рассмотрено большое коли-

*Дети чернобыльцев «Выхино-Жулебино»
на отдыхе под Туапсе (2002)*

чество ходатайств, касающихся нужд чернобыльцев и по ним оказана помощь. Особенно важно, что он всегда очень хорошо помогает в оказании юридической помощи, и его советы всегда были направлены в поддержку нужд чернобыльцев и не только этой категории. Мы также благодарны помощникам депутата: Бирюковой Марине Евгеньевне, Лукьянову Евгению Александровичу, которые добросовестно исполняют свои обязанности и очень чутко реагируют на все просьбы со стороны нашей организации.

Хочется отдельно остановиться на работе и отношениях с нашей вышестоящей общественной организацией Союз «Чернобыль» России, во главе с её руководителем Гришиным Вячеславом Леонидовичем. За весь период существования Союз «Чернобыль» России всегда боролся за благополучие рядовых членов организации. Сколько вкладывается труда и здоровья, чтобы отстаивать закон и интересы в государственных эшелонах власти. Рядовой член организации практически всегда застаёт в рабочем кабинете, если только нет встречи с правительством, руководителя и всегда будет принят и ему будет оказана юридическая помощь, а в некоторых случаях будет дано ходатайство по тем или иным проблемам.

Так и наша местная организация при неоднократном обращении по всем воп-

росам была принята. Особенно хотелось отметить при всей его занятости Гришина В.Л. и его сложившийся коллектив: вице-президента Швецова С. В., Бондаренко В.В., Осипову В.А., которые, проработав столько лет на руководящих постах организации, не зачерствели душой к рядовым членам, не закрывают дверь от людей, всегда готовы помочь, подсказать более правильное решение и поддержать нужную инициативу. Обращение за ходатайством для детей, рождённых после катастрофы на Чернобыльской АЭС, было одобрено руководством Союз «Чернобыль» России и приложены все усилия в быстрой подготовке документов и передаче их детям. Это только один из эпизодов плодотворной работы нашей местной организации с руководством Союз «Чернобыль».

Отдельный разговор о предоставлении путёвок детям в санатории, ходатайства на благотворительные организации об оказании адресной помощи. Это всё совместная работа, которая будет продолжена и дальше. Желаем всем членам Союз «Чернобыль» России здоровья, семейного счастья, удачи везде и во всём.

Хотелось также отметить вклад в поддержку нашей организации благотворительных и частных фирм.

В первую очередь хочется отметить президента ООО ПФ «Фрегат» Лобок Дениса Геннадьевича. Этой фирмой был произведён ремонт помещения, неоднократно бесплатно предоставлялся автотранспорт, предоставлялись продовольственные наборы, был безвозмездно передан вдове чернобыля Евсеевой Галине Петровне компьютер в комплекте, а самое главное, эта организация взвалила на свои плечи основную работу по подготовке к изданию книги воспоминаний чернобыльцев «Выхино — Жулебино». Наша организация благодарна за безвозмездную помощь, которую оказывает ООО ПФ «Фрегат» много лет.

Общественная организация благодарит главного врача госпиталя № 2 ВОВ

Местергази Георгия Михайловича, который в тяжёлое время смог сохранить всё то, что накапливалось десятилетиями. При неоднократном обращении о помощи участникам, инвалидам, вопрос решался очень быстро. А какое чуткое отношение у всего коллектив к больным, ведь иногда хорошее слово лучше лечит, чем лекарство. Наша организация благодарит от чистого сердца Георгия Михайловича и его коллектив за их нелёгкий труд. Желаем всем крепкого здоровья, терпения и удачи в наше сложное время.

Хочется поблагодарить руководителей тех организаций, которые также поддерживают нашу организацию в течение многих лет:

- Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата «Русская Православная Церковь»;

- Президента ассоциации книгоиздателей Васильева Владимира Ивановича, исполнительного директора Матейчук Ираиду Павловну;

- Генерального директора ОАО Хлебокомбинат «Пролетарец» Макрушина В. Б.;

- Генерального директора ООО «Планта удачи» Трусова А.А.;

- Генерального директора ЗАО «Валетек ПродИМПЭКС» Спиричева В.Б.;

- Генерального директора ОАО Сети магазинов «Колейка» Ломакина С.А.;

- Генерального директора ОАО Хлебозавода № 12 Иванова В.В.;

- Региональная общественная организация инвалидов «Здоровье человека» — Исполнительные директора: Эйгель Любовь Исааковна, Тимченко Елена Александровна;

- Председателя благотворительного фонда «Страна детства» Чернову Валентину Алексеевну;

- Президента корпорации «Эконика» Илиопуло Андрея Андреевича;

- Председателя Московского общества «Азербайджан» Гусейнова Октяя Рамазовича.

И много других руководителей организаций, которые оказывают посильную помощь местной общественной организации Союз «Чернобыль» районной управы «Выхино-Жулебино».

Все чернобыльцы районной управы «Выхино-Жулебино» глубоко благодарят всех выше упомянутых руководителей организаций и надеются в будущем продолжить наши дружеские, плодотворные и партнёрские взаимоотношения.

Глава 5

ИХ НЕТ С НАМИ

От редакции. Сотни тысяч специалистов из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Латвии, Литвы, Молдавии, России, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана, Украины и Эстонии приняли участие в ЛПК на ЧАЭС.

Они спасали страну от опасности и не предполагали, что многие из них сами окажутся в тяжелых условиях. Десятки тысяч ликвидаторов стали инвалидами, тысячи — ушли из жизни, оставив семьи.

По данным органов здравоохранения, в России ежегодно из каждых 10 тысяч жителей 53—56 человек становятся инвалидами. Среди ликвидаторов этот показатель в 5—10 раз выше. Речь идет о 25 тысячах инвалидов, из которых почти половина — инвалиды II группы.

Систематический «недоучет» ликвидаторов отражается и на объеме бюджетного финансирования медицинской помощи, а это наносит прямой ущерб здоровью людей. Главное, с чего начинается рассмотрение вопроса о здоровье ликвидатора, — это данные о дозовых нагрузках, которые недостоверны и фальсифицированы изначально, так как не было достаточно средств, аппаратуры, не было и кадров.

«Средний возраст смертности ликвидаторов — 31,5 года», — этот вывод сделан экспертами Института биофизики Минздравмедпрома России в Рязани, когда ликвидаторы объявили голодовку, протестуя против того, что обла-

стная больница не нашла для них места в отделении профпатологии. Но как утверждают эксперты, с тех пор ситуация в Рязани не улучшилась.

Смерть, в среднем, на середине 32-года жизни — это страшный показатель, страшный потому, что среди причин смерти на первом месте, фактически, стоит суицид. И, кроме того, серьезным, усугубляющим фактором, действующим на здоровье ликвидаторов, является социально-психологический стресс. Стресс повторный, нанесенный ликвидатору и обществом, и средой. Об этом говорят письма:

«Мне 32 года, горько осознавать, что я уже инвалид II группы в связи с Чернобылем. Находился там в самое горячее время: июнь 1986 года. Мы понимали тогда, что жертвуем здоровьем, но надеялись восстановить его после завершения аварийных работ. Выходит, напрасно надеялись. Ведь я еще молод, а к труду не годен. А у меня двое детей: сыну 10 лет и дочери 9 лет. Живу в бараке, никаких удобств, да и площадь жилья всего 22 кв. м. Громко было объявлено: государство гарантирует инвалидам-чернобыльцам обеспечение жильем. Почему эти гарантии превратились в пустой звук?» (С.П. Козорез, г. Сорочинск Оренбургской области).

«Когда мы с сыном Ромой эвакуировались в 1986 г. из Припяти, муж Василий остался работать на ликвидации. Теперь мы с сыном — инвалиды, а муж — инвалид II группы. Живем в одно-

комнатной квартире 19 кв. м. В Санкт-Петербурге ставят на учет, если жилой площади меньше 5,5 кв. м на человека. Делим на три наши 19 кв. м — на очередь нас ставить не положено. А ведь мы все трое — инвалиды...» (В. Пакина, Санкт-Петербург.)

«Павла Николаенко из Припяти и его жену переселили из 30-ти км зоны в Ростов. Работал монтажником на «Ростсельмаше». После облучения стал чувствовать себя хуже и хуже. Врачи рекомендовали перейти на легкую работу, но трудно ее найти на предприятии с неполной нагрузкой. Так и работал на электрокаре с дикой головной болью. А тут еще разговор с одним врачом, «не увидевшим» его болезни. Павел пришел домой, рассказал жене о том, как врач ему заявил: «Больные ко мне на 2-й этаж не поднимаются, а приползают». Рассказывая, плакал. А когда жена отлучилась, выпил стакан и бросился с 9-го этажа...».

В Ростове среди 763 умерших ликвидаторов около сорока покончили с собой. (Из письма ликвидатора С. Волчкова, инвалида I группы, заместителя председателя Союза «Чернобыль», г. Ростов-на-Дону).

Ликвидаторы говорят, что хоть и много сил отнял Чернобыль, но чиновники — больше. Только чернобыльцы знают, что такое фраза чиновника: «Мы вас туда не посылали!» Надо отметить, что региональные власти почему-то ущемляют участников ликвидации аварии на ЧАЭС. Наверное, имеет место выгода. Ведь фонды отпускаются регионам.

Справедливо замечает председатель правления Московской общественной организации «Вдовы Чернобыля» [2.41.]: «... после смерти наших мужей-кормильцев, детей, мы, их жены, их дети, родители, остались никому не нужны. Есть закон, казалось, чего проще: положены семье, потерявшей кормильца, льготы, то и получай. Да не тут-то было! Закон законом, но человек есть человек. И для него обязательно нужно создать

проблемы, создать видимость работы чиновникам... Бюрократ везде найдет лазейку, чтобы отступить от Закона.

Шагает по земле третье тысячелетие. Близится 20-я годовщина страшной Чернобыльской катастрофы. И в каждый из пережитых годов возникала и вновь возникает необходимость обращения пострадавших от Чернобыля людей к обществу и правительству. Крик души все тот же: почему наша государственная власть своей порой безответственной деятельностью медленно, но целенаправленно способствует вымиранию народа. Причем, это делается при словесном декларировании лозунгов и перспективных задач, нацеленных на улучшение жизни в нашей стране.

Совсем нетрудно, обратившись к статистике, определить, что с 1986 года, года печальных Чернобыльских событий, средняя продолжительность жизни неуклонно падает, а с девяностых годов рождаемость заметно все больше уступает смертности населения. Ведь, ежегодно в Российской Федерации численность народонаселения уменьшается почти на миллион. И значительную «лепту» в этот процесс вносят ликвидаторы последствий Чернобыльской катастрофы и все пострадавшие от «мирного» атома. А, ведь, это — далеко не худшие представители нашего народа.

Московские ликвидаторы последствий Чернобыльской катастрофы, а их около 25 тысяч, включая инвалидов, в разное время вступали в борьбу с невидимой, и оттого еще более страшной силой, принесшей ужасные последствия. Усмирять эту силу приходилось многие годы. И, не зависимо от того, на каком участке и в какое время довелось работать ликвидаторам, какие посты они занимали, каждый из них совершал подвиг. У них было одно общее дело и одна судьба. И в разное время, кого раньше, а кого позже, их настигала смерть. Вечная им память!

Среди тех, кого сегодня с нами уже

нет, более полутора тысяч составили москвичи, те самые наши с вами земляки, оставившие на московской земле своих горюющих, престарелых отцов и матерей, осиротевших детей и безутешных, потерявших своих любимых мужей, вдов. И долгие годы после чернобыльской трагедии всем им уготована судьбой вечная скорбь и вечная борьба с высокими государственными инстанциями за свое, и без того горькое, существование.

Но с чиновниками различных рангов воевать очень трудно. И в прессе, и в средствах массовой информации, глядя в лица людей, которым Чернобыльская катастрофа исковеркала жизнь, чиновники и депутаты сочувственно говорят: «Да, мы знаем о ваших бедах и житейских трудностях. Да, мы знаем, что в 1986 году на ликвидацию последствий этой страшной катастрофы уходили самые опытные, самые квалифицированные специалисты науки и техники, самые настоящие патриоты своей Родины». Но это только слова, граничащие с цинизмом. Потому, что на деле принимаются такие законы, которые практически не способствуют улучшению жизни семей чернобыльцев. Да какому улучшению? Выживанию не способствуют!

Чиновничий аппарат слепо выполняет указания руководящей верхушки, правителей наших, и серьезно не думает о чернобыльских вдовах, о том, как растут и кем вырастут дети чернобыльцев-героев.

Не было бы Чернобыльской катастрофы, не возникла бы необходимость бросать тысячи людей на ликвидацию ее страшных последствий и, конечно, не было бы черного списка многих сотен

людей, ныне ушедших от нас, а когда-то бывших здоровыми и жизнерадостными, любивших своих родных и близких, трудившихся на интересной работе на благо семьи и Родины. Но, к глубочайшему сожалению, список ушедших из жизни чернобыльцев с трагической немолимостью и неизбежностью растет, умножая список вдов и сирот. Хочется знать, честно ли относятся представители государственной власти к десяткам тысяч покинувших этот мир ликвидаторов последствий Чернобыльской катастрофы, которых по праву можно считать героями России, ценой здоровья и жизни уберегшими нашу планету. И еще государству надо помнить и максимально честно помогать тем чернобыльцам-ликвидаторам и инвалидам, которым выпало жить, жить после героического, самоотверженного труда а период с 1986 по 1990 годы, позволившего предотвратить глобальное развитие Чернобыльской катастрофы. Все они в той или иной степени подверглись значительному радиационному воздействию, и показатели их здоровья вызывают тревогу, в особенности это относится к ликвидаторам последствий катастрофы в 1986—1987 годах.

В тот трудный для Родины час, в 1986 году, чернобыльцы не оставили Отчизну в беде. Наградой для них должна быть благодарная память ушедшим героям и полномерная забота о живых.

Ниже представлены воспоминания вдов, детей о своих близких, ушедших из жизни в возрасте, когда еще можно было жить и трудиться на благо Отчизны. Но безжалостная радиация оборвала их жизненный путь.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ БОБОРЫКИН
(25.11.1944 – 24.02.2001)

Родился 25 ноября 1944 г. в селе Дегтяное Ряжского района в Рязанской области. Его детство совпало с тяжелым послевоенным временем. Так получилось, что воспитывали его бабушка и дедушка. Для дедушки внук был опорой и помощником в работе. Они ездили вместе по окрестным селам, собирали-принимали у населения шкуры животных.

Окончил в селе 8 классов. Далее продолжил учиться в училище на каменщика в г.Кораблино. По окончании училища проходил практику в г. Архангельске. В 1963 году призвали служить в армию в войсках ПВО в закрытой части под городом Кыштым, Челябинской области на Урале. В 1966 году демобилизовался, вернулся в село. Армия дала ему еще одну профессию — водитель. В конце 1966 года он приезжает в Москву, устраивается на железобетонный комбинат водителем в транспортный цех. Шло время, его посылали на разные курсы, получал новые специальности. По натуре он был человеком трудолюбивым, аккуратным. Люди к нему тянулись.

Проработал он на комбинате вплоть до 1999 года.

В 1986 году, когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС, Волгоградским Райвоенкоматом был направлен на ликвидацию.

Призвали его 20.07.86 г. в в/ч 97752, как автокрановщика. Работал непосредственно на территории ЧАЭС с 21.07.86 по 26.08.86 г. Участвовал в сооружении саркофага для закрытия реактора 4-го блока. Жили в бункере. Питались консервами и пили минеральную воду. Рабочую одежду меняли каждый день. После работы каждый день проверяли радиационный фон их одежды и техники.

В.И. Боборыкин

Работали в белых робах и солдатских штанах. С каждым днем в его организме накапливалась радиация, и через 2 месяца после возвращения это привело к инфаркту миокарда. После этого получил группу инвалидности. Перед смертью Российский межведомственный экспертный совет признал, что заболевание и инвалидность связаны с выполнением работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Умер 24 февраля 2001 года.

В.М. БОБОРЫКИНА,
вдова В.И. Боборыкина

**ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР ПО РАДИОЛОКАЦИИ
ГАЙДУК АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
(1930–2003)**

А.К. Гайдук

Гайдук Алексей Константинович родился в 1930 году 19 декабря, скончался 2 июня 2003 года. Подполковник запаса.

С 1948 года по 1974 год проходил службу в Вооруженных Силах Союза ССР. всю свою сознательную жизнь посвятил армии, отдал ей лучшие годы своей жизни. В 1951 году закончил Ивановское военное училище, затем учился в Военной академии связи. В 1960 году закончил академию, ему была присвоена квалификация военного инженера по радиолокации. Служил на Дальнем Востоке в суровых условиях Приморского края, где проявил себя как организатор и специалист всех средств связи. Служил в Китае и на Кубе, где выполнял интернациональный долг по своей военной специальности.

Отслужил 25 лет в рядах Советской Армии. За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР от имени Прези-

диума Верховного Совета СССР был награжден медалью «Ветеран Вооруженных сил СССР». В ознаменование 35-й годовщины Советской Армии и 3-й годовщины со дня подписания Китайско-Советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи был награжден юбилейной медалью «Китайско-Советская дружба» 23 февраля 1953 года, 21 ноября 1958 года был награжден юбилейной медалью «40 лет Вооруженных сил СССР», 19 ноября 1965 года был награжден юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945гг.», 22 февраля 1968 года был награжден юбилейной медалью «50 лет Вооруженных сил СССР», 4 ноября 1978 года награжден медалью «60 лет Вооруженных сил СССР»... Приказом министра обороны СССР № 75 от 17 января 1959 года награжден медалью «За безупречную службу 3 степени», приказом № 54 от 22 января 1964 года награжден медалью «За безупречную службу 2 степени», приказом № 23 от 4 января 1969 года награжден медалью «За безупречную службу 1 степени».

Находился в командировке на Чернобыльской АЭС и принимал участие в работах по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. На основании этих документов Минатомэнергопром СССР выдал Гайдуку А.К. удостоверение участника ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в ноябре 1990 года, а затем после установления ВТЭК группы инвалидности было оформлено удостоверение инвалида.

После нахождения на Чернобыльской АЭС состояние здоровья резко ухудшилось. Находился на лечении в Клинической больнице № 84 МЗРФ, Клинической больнице № 83, проходил реабилитационный курс в БВЛ «Голубое», НИИ

неврологии РАМН, Центральной клинической больницы МОРАН.

11 февраля 2002 года присвоена вторая группа инвалидности, увечье связано с аварией на ЧАЭС. Был парализо-

ван, 2 года еле ходил. Инвалид первой группы.

Е.Н. ГАЙДУК,
вдова А.К. Гайдука

**АКАДЕМИК АН СССР
ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕГАСОВ
(01.09.1936—27.04.1988)**

Все могло пойти по-другому...

Помянем и поклонимся. 30 апреля 1988 г. похоронили академика В.А. Легасова.

Многим из высокой научной и государственной элиты было невдомек, что происходит... Позже некоторые и затем все уразумели, что идет борьба за «перестройку» социалистической отчизны в капиталистический рай. По пути в рай сметали, как назойливые помехи, многих.

Возвращаясь к частностям, скажу: когда я увидела мужа мертвым, у меня отнялись ноги; не буду утверждать, что я это подумала, скорее, внутренне поняла: «Это не годится, не могу обременять родственников такой мелочью, надо заставить ноги ходить». Три года была занята этой проблемой. Три последующих года курила, хотя до этого не переносила запаха дыма. Однажды по дороге на работу почувствовала — умираю, бросила сигарету, решив, что вся горечь, трудности, тяжесть — от нее. Бросила курить.

Оставалась работа, общение с людьми, осмысление того, что говорили и писали мне часто незнакомые и знакомые. Однажды получила газету «Земля русская» с материалом «Поклонимся и помянем академика Легасова» режиссера В.И.Гуркаленко (при жизни академика планировали сделать о нем документальный фильм; «Звезда Полюнь» — 2-х серийный фильм — был сделан сразу после его смерти), прочитала: «После

Чернобыля Легасова называли человеком, который хочет руками остановить цунами, понимая под «цунами» стихию нравственного разложения, захлестнувшего страну. Кстати, беспамятство и неблагодарность — элементы нравственного разложения. Конечно, одному человеку стихию не одолеть. Легасов погиб. Его имя было оболгано слухами, сплетнями, домыслами, затем он стал фигурой умолчания...».

«28 апреля мне позвонили из Москвы и сказали: «Легасов умер. Похороны тридцатого, приезжайте». Так я оказалась у черты, разделяющей жизнь и смерть не только в вечности, но и здесь, на земле, так начала снимать свою «Звезду Полюнь». Мы собрали огромный киноматериал, за достоверность которого я ручаюсь, и лишь после этой немислимой и невыносимой работы я поняла масштабы пережитой Валерием Алексеевичем трагедии. Он был одним из первых живых людей, заглянувших в ад...».

Рассказывает вице-президент Академии наук Украины академик В.И.Трефилов: «Мне довелось возглавлять комиссию Академии наук Украины. Здесь, в моем кабинете, был штаб. Отсюда сутками не выходили люди... Приносили пробы воды, воздуха, почвы, пищи... Невозможно было представить, как поведет себя реактор. Происходило загрязнение все новых территорий. Человеческая голова не могла вместить все эти

М.М. ЛЕГАСОВА, вдова академика, после награждения ее мужа посмертно звездой Героя России. 10 декабря 1996 г.

данные. Нужна была машина, постоянный мониторинг... Я и до этого был знаком с Легасовым... Таких людей у нас очень мало. Он обладал панорамным мышлением..., если говорить правду, у меня осталось в памяти постоянное присутствие Легасова и, главное, высокая эффективность его присутствия.

Валерий Алексеевич делал все мыслимое и неммыслимое для ликвидации Чернобыльской аварии. Он сделал для страны огромное дело во время венской сессии МАГАТЭ: он делал доклад об аварии и рассказал правду. И мир, который возненавидел нас за Чернобыль, перед его мужеством склонил голову. Вот тогда Легасов вошел в десятку самых известных ученых мира».

Всем высокомерным физикам, до сих пор кичливо разглядывающим свои дипломы, с удовольствием напоминаю, что Валерий Алексеевич Легасов окончил инженерный физико-химический факультет МХТИ им. Д.И.Менделеева,

факультет, «созданный велением времени», по определению академика Н.М. Жаворонкова.

Прошлый XX век знаменит величайшими открытиями: исследованиями электрона, тайн строения атома, атомного ядра, появлением новых отраслей науки и техники (электроники, атомной энергетики и т.п.), что потребовало решения проблем материаловедения, создания новых технологий, изучения многих новых процессов. Созданный в 1949 г. по инициативе И.В.Курчатова, при активной поддержке Н.М.Жаворонкова, факультет для химико-технологического обеспечения ядерной энергетики добросовестно готовит специалистов, многие из них талантливо работали и работают.

В связи с пятидесятилетием (1999) инженерного физико-химического факультета РХТУ им. Д.И.Менделеева министр прислал ректору академику П.Д. Саркисову поздравление, в котором есть такие строки: «Многие сотни выпускников факультета внесли свой вклад в дело обеспечения оборонного и промышленного потенциала страны, развитие ее науки. Имена ряда из них, такие, как академики В.А.Легасов, Б.Ф.Мясоедов, члены-корреспонденты РАН Р.А.Буянов, Н.Ф.Мясоедов, В.М.Седов, Н.А.Черноплеков, хорошо известны не только в России, но и за ее пределами...».

Запомним, что академик АН СССР В.А. Легасов внес «свой вклад в дело обеспечения оборонного и промышленного потенциала страны, в развитие ее науки», это нам пригодится, когда мы позже узнаем, что именно его в запальчивости очернительства называли «мальчиком с химической окраины».

Валерий Алексеевич всегда много и быстро читал, он знал все новинки художественной литературы (и «самиздат»!). Некоторые произведения он читал и перечитывал («Банкир», «Вся королевская рать»).

Книгу Уорена «Вся королевская рать» он читал долго (русский и английский

варианты «All the king's men»). Эта книга его интересовала: философское осмысление социально-этических проблем, нравственных поисков, злободневных явлений, закономерностей событий, возвышения деятелей макиавеллистского склада, организации борьбы против неудачников-соперников, — все было связано с реальной жизнью. Он понимал, что уязвим одиночка, человек без команды. Одиночка проигрывает, он обречен. Но создать боевую команду может не всякий...

М.М. ЛЕГАСОВА,
вдова академика В.А. Легасова

Беседы с В.А.Легасовым

Память каждого человека обладает удивительным свойством в мельчайших деталях фиксировать и сохранять на долгие годы небольшое число событий, связанных с глубокими внутренними переживаниями. Они становятся вехами, по которым мы измеряем путь, ведущий к познанию смысла и истинной ценности жизни, к пониманию своего места и роли в обществе, а, стало быть, и того, как жить дальше, к чему идти, что и как нужно делать.

Валерия Алексеевича Легасова уже нет среди нас. Но мне, как и многим другим, накрепко запомнились встречи, беседы и совместная работа с этим необычайно ярким, смелым и сильным человеком. Его гибель заставляет возвращаться к воспоминаниям, раз за разом, в мучительных поисках причин этой трагедии, постигшей нашу науку. Ведь только поняв их, можно избежать подобных событий в будущем. Сейчас боль потери еще слишком сильна. Время — единственный беспристрастный свидетель и мудрый судья — откроет нам многое.

У меня сохранились короткие заметки о нескольких беседах с Валерием Алексеевичем. Сейчас, просматривая их, я как бы вновь слышу его голос. Мне

кажется, что мысли и рассуждения его, выношенные и выстраданные годами, способны многое прояснить в его жизни и действиях. Мне хотелось бы воспроизвести их по возможности точно:

Октябрь 1963 года. В.А. Легасов:

«Я думаю, что существует в жизни особый возраст. Я назвал бы его возрастом зрелости. Он мало связан с возрастом биологическим. Есть люди, вступающие в него очень рано. Но многие, к сожалению, не достигают его никогда.

Возраст зрелости наступает тогда, когда к человеку приходит ясное сознание личной ответственности за судьбу не только его собственную и не только за судьбу его близких, но и за судьбу всей страны, всего народа. Возраст зрелости приходит тогда, когда вы подчиняете все свои действия одной цели — воплощению в жизнь самых светлых идеалов. Этому должны быть отданы все мысли, все силы, все время. Славна земля наша и история наша подвижниками, которые брали на себя эту тяжелую ношу. Но есть и другой сорт людей, к сожалению. Не обремененные чувством долга, а часто и грузом знаний, они легко шагают по жизненной лестнице со ступеньки на ступеньку, достигая этажей высоких, поднимая на уровень общегосударственных интересов интересы личные. Что же тогда удивляемся мы нелепости многих принимаемых решений, как в науке, так и на государственном уровне? Хорошо бы ввести специальный экзамен на зрелость. Но, как и кто разработает его программу?»

Май 1984 года.

«Напрасно Вы упрекаете меня за то, что я взвалил на себя это новое и трудное дело, не соразмерив с ним сил и возможностей своих по времени. Я просто не имел права отказаться, когда М. просил меня возглавить рабочую группу по изучению проблемы обеспечения науки современными прецизионными приборами. Слабость приборной

базы — это одна из самых главных причин нашего прогрессирующего отставания. Он убедил меня в этом. Мы ведь говорили уже с Вами о возрасте зрелости. Пожалуй, я был не совсем прав, когда назвал главной бедой непродуманность, некомпетентность, даже бездарность решений, принимаемых не достигшими зрелости «ответственными» людьми. Люди эти высокого положения, являют молодому поколению пример того, как легче всего добиться успеха. Вот и вырастили мы несколько поколений граждан инфантильных, не желающих и не способных принимать на себя груз важных решений и за эти решения отвечать. Прячемся за ближайшую широкую спину. Поступаясь принципами, здесь смолчим, там словчим. Вот она, наша главная беда».

Сентябрь 1984 года.

«Дискуссии, споры, обсуждения, заседания... А не кажется ли Вам, что многие дискуссии в нашей науке в прежние годы, да и сейчас еще, напоминают споры в племени людоедов? Оставшиеся в меньшинстве рискуют быть просто съеденными. Тут уже не научные истины проверяются и отстаиваются, а идет борьба за выживание! В такой борьбе все средства хороши. Истории с биологией, теоретической химией и кибернетикой — только верхний слой, самые одиозные случаи. Страшнее общий стиль, с тех времен укоренившийся и до сих пор сохраняющийся в каждой маленькой научной ячейке. Не умеем вслушаться в доводы оппонента, встать на время на его позицию. Сила аргументов пасует перед силой положения.

Я думаю, что настоящий смысл научного спора — выявление того общего, что объединяет, а не разделяет позиции спорящих. Здесь должен работать принцип консенсуса. Результат обсуждения должен быть одинаково стимулирующим для всех спорящих, как для тех, кто собрал на данный момент большинство, так и для тех, кто остался пока

в меньшинстве. Если по главным вопросам не достигнуто общего мнения, то нужно указать, какие дополнительные более веские аргументы могла бы представить каждая из сторон в поддержку своей позиции. Тогда возникает необходимость дополнительной работы, поисков, исследований. Вот это и будет конкретным положительным и конструктивным результатом обсуждения.

Бессмысленно, абсурдно решать научные проблемы голосованием. Вспомните Джордано Бруно, Коперника, Галилея. Кто бы поднял руку за них? По мнению дикаря, Земля была и всегда будет плоской. Отсюда следует очень важный вывод: участники спора не должны превышать уровень своей компетентности. Спор должен быть хорошо подготовлен. Все его участники и вся научная общественность должны быть знакомы с основными научными фактами, признавать их достоверность. Иначе не возникает общей платформы для дискуссии, а, стало быть, и общего согласия не будет достигнуто. Нужно всегда сначала определить смысл наиболее важных терминов. Иначе получится разговор на разных языках, спор слепых с глухими.

Стремление растоптать и унижить оппонента, уничтожить его морально (не дай бог, и физически) — первый признак дикости, варварства, отсутствия общей культуры. Вырезание инакомыслящих — самый верный путь загубить любое дело. Как нам еще далеко до понимания этих простых вещей. Будут ли дети наши мудрее нас? Верю, что будут, если каждый из нас даст им хороший пример доброжелательности в спорах».

Январь 1985 года.

«Вы назвали то, что сказал N., бредом. Я от Вас этого не ожидал. Хотя N. — Ваш близкий друг, он в душе обиделся. Вы должны принести ему свои извинения. Я тоже считаю, что он не прав, но его точка зрения для меня ин-

интересна. Многие, полагаю, могут думать так, как он. Вот и попробуйте доказать ему ошибочность его взгляда. Терпение, терпение и доброжелательность. Встаньте на его позицию и развивайте ее до конца и последовательно. Получается абсурд. А теперь, стоит только сказать, что Вы не правы, и N. сам с Вами согласится. На это нельзя жалеть времени. Иначе сторонников не завоеешь. А нам сторонники очень нужны в этом сложном деле».

Март 1985 года.

«Я не менее Вас огорчен, что M. поступился принципами и занял такую позицию. Его, вероятно, сломал аппарат, хотя он и отрицал это в беседе со мной. Стратегическими целями нельзя жертвовать, но тактика должна быть гибкой. Придется искать компромиссный вариант. Документ нужно переработать, сохранив основное ядро. Это самое важное.

В жизни не бывает вечных схем и решений. Орда в свое время была, пожалуй, самым эффективным государственным строем. Хан сказал: «Сабли наголо и вперед!» И полмира покорили. Разве плохо? Однако, сейчас этот способ действия не может привести к успеху. Новое состояние общества, новое положение в мире требуют совершенно новых решений, новых форм организации и науки, и общества. Но как довести это до понимания феодалов?»

Декабрь 1985 года.

«Вчера я погорячился, я был неправ. Простите меня. Просто сказанное Вами меня слишком задело лично. А если разобраться, то и Вы тоже неправы. Одни материальные стимулы эффекта не дадут. Слишком многих, и не только наверху, но и внизу устраивает создавшееся положение. С ним свыклись, вкус к настоящей работе потеряли. Но из этого только следует, что сейчас особенно важно объединить и собрать людей, которые хотят и могут что-то изменить.

Нужна определенная критическая масса ума и энергии, нужен коллектив единомышленников. Только это обеспечит начало цепной реакции перемен. Посмотрите, как дружно выступают все наши противники. Все они были такие разные, вчера еще они грызали друг друга. А сегодня - монолит. Безошибочно сработало корпоративное чувство. Учиться надо! А мы что же? Каждый умен и энергичен. Но каждый хорош по-своему, каждый засел в свой окоп, стоит за свой план. А каков будет результат? Расщелкают поодиночке. Я еще раз говорю, нужно не жалеть времени на подготовку и выработку общей позиции».

Ноябрь 1987 года.

«Да, теперь каждый имеет право высказать свое мнение. И все заговорили. Негатив получается прекрасно. Ругаем историю и друг друга мастерски. Но пока еще плохо обстоит дело с позитивными программами. Право говорить — половина дела. Другая и более важная половина — обязанность слушать. До сих пор не выработано механизма, который бы учитывал общественное мнение и претворял бы его в конкретные решения. Пока дело обстоит так, мы вперед не продвинемся ни на шаг».

Апрель 1988 года.

«Мои оппоненты называют меня «мальчиком с далекой химической окраины», который пришел учить аксакалов, построивших здание химической науки, как в нем жить и как это здание перестраивать. В этом есть доля истины. Я действительно с окраины, я ведь физико-химик. Но сейчас на окраинах, в пограничных областях, возникают все наиболее важные точки роста. С окружающих долину холмов можно многое увидеть такое, что со дна долины не увидишь. А вот насчет желания учить они заблуждаются. Я не оракул, а учить можно только того, кто чувствует в этом потребность. Правила общежития должны быть выработаны и приняты всеми,

как и любой план реконструкции общего дома. Бессмысленно говорить с человеком, который убежден в том, что закон стаи, закон силы — самый лучший закон. Бессмысленно работать над планом перестройки с тем, кто любую реконструкцию отвергает по существу и с порога. Трудно найти выход из этого замкнутого круга».

Мне искренне жаль, что на этом обрываются короткие заметки. Сколь много ценного из мыслей и высказываний В.А.Легасова было упущено. Да, человечество прекрасно именно такими людьми.

Мемуарные заметки

С академиком Валерием Алексеевичем Легасовым я познакомился в сентябре 1983 года. Академик Г.И.Марчук, в то время председатель Госкомитета СССР по науке и технике, обратился к В.А.Легасову с просьбой изучить проблему обеспечения научных исследований в стране современной научной аппаратурой. В связи с этим возникла необходимость провести сравнительный анализ парка научных приборов и организационных форм его использования в нашей стране и в ведущих капиталистических странах, оформить результаты этого анализа в виде докладной записки для Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) и подготовить проект директивного документа, в котором предусматривалась бы система мер по коренному улучшению приборного оснащения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в стране и повышению эффективности использования научной аппаратуры и средств вычислительной техники.

Эта проблема для ГКНТ не была новой. Начиная с 1974 года, было создано несколько комиссий по ней, было подготовлено несколько проектов постановлений. Я участвовал в работе всех этих комиссий, а также подготовил не-

сколько документов, которые были направлены в ГКНТ, ЦК КПСС, на XXVI съезд КПСС (совместно с к.х.н. В.П.Зволинским и к.х.н. А.М.Панешем), а также в Минвуз СССР. По всем сделанным предложениям не было принято реальных мер. Копии всех документов имелись в отделе межотраслевых технологий. Приняв предложение Г.И.Марчука, В.А.Легасов познакомился с этими материалами и пригласил меня для личной беседы. Наши точки зрения по всем ключевым вопросам оказались совпадающими или очень близкими. В связи с этим он пригласил меня работать в составе рабочей группы ГКНТ, созданной постановлением ГКНТ №571 от 17 октября 1983 года, в качестве своего заместителя.

Области наших научных интересов и профессиональной деятельности были очень далеки и я не могу компетентно судить о В.А.Легасове как об ученом. Однако регулярное общение с ним в течение 5 лет и постоянная совместная работа, иногда по несколько часов в неделю, дала мне возможность составить ясное представление о В.А.Легасове как об организаторе науки и как о человеке. Главное качество, которое резко выделяло его среди всех крупных ученых-организаторов, которых я знал, состояло в исключительной преданности делу. Работа составляла главный, почти единственный смысл его жизни. Его работоспособность поражала. Нередко мы засиживались до полуночи. Он никогда не терял остроты мысли, даже в минуты усталости. Он всегда сохранял четкое представление о конечной цели обсуждения и умело направлял усилия всех участников «мозгового штурма» к этой цели. Поэтому во всех случаях нам удавалось достичь результата. Преданность делу, интересам страны была его естественным внутренним свойством. Он был лишен способности говорить лозунгами и отвергал всякую показуху.

Предельная требовательность к себе сочеталась у него с такой же требова-

тельностью к партнерам по работе. Часто задания, которые он давал, казались невыполнимыми в отводимое время. В ответ на фразу: «Но это же невозможно сделать за неделю!» он говорил: «А вы попробуйте. Не выйдет, я вам помогу. Подумаем вместе и сделаем». И он помогал советом, подключением новых людей, материалами для работы.

Его скромность и внутренняя деликатность ярче всего проявлялись в умении слушать собеседника. Он весь превращался в слух, не перебивал и всячески показывал собеседнику свою заинтересованность в излагаемом предмете. Манера ведения спора также мало походила на манеру поведения многих других академиков. Никакого давления авторитетом. Если его аргументы не были приняты сразу, он говорил: «Вероятно, я недостаточно ясно изложил свою мысль. Я еще раз поясню». Если он допускал ошибку и осознавал это, то незамедлительно следовало: «Вы правы, я ошибся». Тогда он подхватывал мысль собеседника и через несколько минут превращал ее в отточенные чеканные формулировки, которые часто глубже и лучше отражали суть дела, чем слова автора. Поэтому общение с ним и работа с ним всегда приносили чувство удовлетворения от хорошо сделанного дела. В.А.Легасов, на мой взгляд, был тем редким типом современного выдающегося *государственного деятеля широкого масштаба*, наделенного глубокой внутренней культурой и громадной внутренней энергией, которого сейчас так недостает стране.

Рабочая группа ГКНТ, в которую вошли ученые и специалисты многих организаций и ведомств, успешно завершила работу в срок. В подготовленной итоговой записке было убедительно показано крайне тяжелое положение, сложившееся в деле приборного и методического оснащения нашей науки. Отставание от ведущих зарубежных стран составляло на конец 1985 года 15—20 лет. При этом имеющийся парк научной

аппаратуры, и без того устаревший и очень малый, использовался с эффективностью не более 25—30%. Была вскрыта и основная причина этого положения — несоответствие организационных форм использования научных приборов, которые до сих пор в нашей стране приобретаются в индивидуальное пользование отдельных лабораторий или институтов, качественно новому характеру современной научной аппаратуры. При высокой степени автоматизации и интеграции с вычислительной техникой, что обеспечивает очень высокую производительность и предельные технические характеристики, но сочетается с высокой ценой, а также при очень быстром моральном старении приборов, что приводит к необходимости замены через 5—7 лет, стала очевидной необходимость перехода к коллективному использованию научной аппаратуры (во всяком случае, ее значительной части) и создания для этой цели сети специальных центров.

Группа подготовила два проекта постановлений Совмина СССР. Первый предлагал систему мер, которые обеспечивали кардинальную перестройку обеспечения научных исследований современными научными приборами и создание всесоюзной сети центров коллективного пользования ими. Второй обеспечивал лишь некоторое улучшение этого обеспечения в рамках существующей сети научных организаций. Первый проект был отвергнут аппаратом ГКНТ, хотя, по словам В.А. Легасова, сам Г.И. Марчук его поддержал, но его (Г.И.Марчука) сломал аппарат. Нежелание ГКНТ принять на себя очень большую и ответственную работу по созданию всесоюзной сети приборных центров и неспособность обеспечить ее работу возобладали над интересами дела. Второй проект был разослан для согласования в АН СССР, Минвуз СССР, Госплан, Госснаб и другие ведомства. Он вернулся с большим количеством замечаний, касающихся основных пунктов: АН СССР не

тельностью к партнерам по работе. Часто задания, которые он давал, казались невыполнимыми в отводимое время. В ответ на фразу: «Но это же невозможно сделать за неделю!» он говорил: «А вы попробуйте. Не выйдет, я вам помогу. Подумаем вместе и сделаем». И он помогал советом, подключением новых людей, материалами для работы.

Его скромность и внутренняя деликатность ярче всего проявлялись в умении слушать собеседника. Он весь превращался в слух, не перебивал и всячески показывал собеседнику свою заинтересованность в излагаемом предмете. Манера ведения спора также мало походила на манеру поведения многих других академиков. Никакого давления авторитетом. Если его аргументы не были приняты сразу, он говорил: «Вероятно, я недостаточно ясно изложил свою мысль. Я еще раз поясню». Если он допускал ошибку и осознавал это, то незамедлительно следовало: «Вы правы, я ошибся». Тогда он подхватывал мысль собеседника и через несколько минут превращал ее в отточенные чеканные формулировки, которые часто глубже и лучше отражали суть дела, чем слова автора. Поэтому общение с ним и работа с ним всегда приносили чувство удовлетворения от хорошо сделанного дела. В.А.Легасов, на мой взгляд, был тем редким типом современного выдающегося государственного деятеля широкого масштаба, наделенного глубокой внутренней культурой и громадной внутренней энергией, которого сейчас так недостает стране.

Рабочая группа ГКНТ, в которую вошли ученые и специалисты многих организаций и ведомств, успешно завершила работу в срок. В подготовленной итоговой записке было убедительно показано крайне тяжелое положение, сложившееся в деле приборного и методического оснащения нашей науки. Отставание от ведущих зарубежных стран составляло на конец 1985 года 15—20 лет. При этом имеющийся парк научной

аппаратуры, и без того устаревший и очень малый, использовался с эффективностью не более 25—30%. Была вскрыта и основная причина этого положения — несоответствие организационных форм использования научных приборов, которые до сих пор в нашей стране приобретаются в индивидуальное пользование отдельных лабораторий или институтов, качественно новому характеру современной научной аппаратуры. При высокой степени автоматизации и интеграции с вычислительной техникой, что обеспечивает очень высокую производительность и предельные технические характеристики, но сочетается с высокой ценой, а также при очень быстром моральном старении приборов, что приводит к необходимости замены через 5—7 лет, стала очевидной необходимость перехода к коллективному использованию научной аппаратуры (во всяком случае, ее значительной части) и создания для этой цели сети специальных центров.

Группа подготовила два проекта постановлений Совмина СССР. Первый предлагал систему мер, которые обеспечивали кардинальную перестройку обеспечения научных исследований современными научными приборами и создание всесоюзной сети центров коллективного пользования ими. Второй обеспечивал лишь некоторое улучшение этого обеспечения в рамках существующей сети научных организаций. Первый проект был отвергнут аппаратом ГКНТ, хотя, по словам В.А. Легасова, сам Г.И. Марчук его поддержал, но его (Г.И. Марчука) сломал аппарат. Нежелание ГКНТ принять на себя очень большую и ответственную работу по созданию всесоюзной сети приборных центров и неспособность обеспечить ее работу возобладали над интересами дела. Второй проект был разослан для согласования в АН СССР, Минвуз СССР, Госплан, Госснаб и другие ведомства. Он вернулся с большим количеством замечаний, касающихся основных пунктов: АН СССР не

всей системы химического образования. Проект вызвал взрыв ярости в академических кругах. Он был отвергнут. По инициативе Ю.А.Овчинникова была создана специальная группа, которая должна была разработать альтернативные предложения. Резкое недовольство проявляли организаторы химических исследований, поскольку на них падала персональная ответственность за создавшееся положение. По существу основная работа группы, которую возглавил академик Ю.А. Буслаев, была направлена на исключение из проекта В.А. Легасова тех принципиальных положений, которые вошли в решительное противоречие с тогдашней консервативной системой. Главные усилия были направлены также на то, чтобы расширить рамки четко выделенных первоначально приоритетных направлений таким образом, чтобы в них вписывались все выполнявшиеся в стране работы.

Согласование проекта протекало в атмосфере острейших разногласий и споров. Только настойчивость отделов науки и химической промышленности ЦК КПСС позволила в конечном итоге создать вариант постановления, который уступал по своей действенности первоначальному, но все же позволял решить наиболее важные проблемы. При формировании персонального состава Межведомственного научно-технического Совета развития приоритетных направлений химической науки и технологии В.А. Легасов, а также К.М.Дюмаев и В.Н.Новосельцев, отвечавшие за это в ГКНТ, предложили включить в него всех ведущих ученых, в том числе академиков старшего возраста Н.М.Жаворонкова, Я.М.Колотыркина, И.П.Алимарина, М.И.Кабачника, Б.П.Жукова, Х.М.Миначева. Однако, это предложение, направленное на смягчение конфронтации с руководителями крупных научных организаций и ведущими учеными старшего поколения не встретило поддержки в Отделе науки и в Отделе химической промышленности ЦК КПСС. Оба отдела

решительно настаивали на выведении из Совета всех лиц старше 75 лет, согласно возрастным критериям, принятым в АН СССР. На совещании в ГКНТ 10 января 1988 года был найден компромиссный вариант, предложенный В.А. Легасовым — создать группу научных консультантов при Совете из числа таких лиц. Предполагалось, что это даст им возможность участвовать в работе Совета в меру сил и желания. Тем не менее эта мера, одобренная обоими Отделами ЦК КПСС, не дала результата.

Несколько академиков (Н.М. Жаворонков, Я.М. Колотыркин, Б.П. Жуков) обратились к Президенту АН СССР академику Г.И. Марчуку с категорическим требованием снять кандидатуру В.А. Легасова с обсуждения как возможного кандидата на пост куратора двух химических отделений в АН СССР. Такое предложение, насколько мне известно, было сделано В.А.Легасову в январе 1988 года. Назначение В.А.Легасова на этот пост могло существенно упростить работу Совета и сделать ее более эффективной. В этом случае в одних руках сосредоточивались все нити управления химическими исследованиями в стране. В самом начале апреля (5 или 6 апреля) В.А.Легасов в одной из бесед со мной сказал, что он только что разговаривал с Г.И.Марчуком, который снял его кандидатуру. «Они (перечисленные выше) дали мне кличку «мальчик с химической окраины», который пришел и начинает учить тех, кто вынес на себе и выстрадал все беды советской химии, как им руководить наукой».

Активная работа по сбору предложений научных организаций о работах в приоритетных направлениях, всколыхнувшая все химические институты страны, вызвала особую ярость ветеранов. Начался распад феодально-иерархической системы отношений, в которой они занимают верхние этажи. Начатое В.А.-Легасовым дело уже не удавалось задуть в зародыше. В связи с этим был избран другой путь: если дело нельзя

задушить, его нужно возглавить и затем развалить. В АН СССР начали распространяться грязные слухи: В.А.Легасов — запойный пьяница; В.А.Легасов — главный виновник Чернобыльской аварии (поэтому он и не был награжден за работу там); В.А.Легасов — неравнобокой; В.А.Легасов получил летальную дозу облучения в Чернобыле; В.А.Легасов — грязный честолюбец, стремящийся развалить советскую химию и т.д. Развернутая кампания носила характер широкомасштабной травли и противодействия по всем направлениям его деятельности.

26 апреля 1988 года академик Н.М.Жаворонков выступил на Президиуме АН СССР с изложением программы исследований в области материаловедения. Создание этой программы, начатое еще два года назад, до февраля-марта этого года шло медленно, по привычному шаблону. Собирались вместе предложения институтов и организаций, которые даже серьезно не анализировались. В новых изменившихся условиях Н.М. Жаворонков резко интенсифицировал эту работу. За основу была взята хорошо продуманная программа, созданная советом В.А.Легасова, но руководителями-координаторами по основным направлениям были назначены не члены межведомственного Совета, а другие (сам Н.М. Жаворонков, Я.М. Колотыркин и т.д.). Вопрос обсуждался в отсутствие ведущих ученых В.А.Кабанова, Н.С.Ениколопова, Н.А.Платэ и многих других, а также представителей Отдела науки ЦК КПСС.

В половине второго по полудни 26 апреля В.А. Легасов позвонил мне в лабораторию и попросил срочно прийти к нему на кафедру. Он был крайне взволнован и подавлен, сообщая о заседании Президиума и докладе Н.М.Жаворонкова. Он расценил ситуацию как критическую примерно в таких выражениях: «Сделана попытка пришить вторую голову к одному телу. Теперь реальное руководство исследованиями сосредоточивает-

ся в руках координаторов из АН СССР. Ведь их деятельность опирается на структуру академических институтов. Все достижения, если они будут, будут принадлежать им. Межведомственный Совет не может опереться на сеть научных организаций, поскольку АН СССР его игнорирует полностью. Но на него возложены обязанности, которые трудно будет выполнить. Все недостатки и ошибки припишут нам. Совет превратился, таким образом, в группу для битья».

«В этих условиях, — сказал В.А.Легасов, — я считаю, что у одного автомобиля не может быть двух рулей. Это приведет к катастрофе. Я должен уйти. Работу должен и в АН СССР, и в Совете направлять один и тот же человек». Через 20 минут после начала беседы пришел академик Ю.Д.Третьяков. В.А.Легасов еще раз изложил ему ситуацию. Мы пытались успокоить его, не торопиться с ответственными шагами, первоначально внимательно изучить программу, предложенную Н.М.Жаворонковым и попытаться найти альтернативные варианты. В качестве такого рассматривалась полная передача всех исследований по материаловедению кураторам АН СССР с возложением на них всей ответственности, с тем чтобы Межведомственный Совет сосредоточился на других многочисленных проблемах.

Предлагалось также еще раз обсудить этот вопрос в ЦК КПСС и в Бюро Совмина по химико-лесному комплексу. Однако, В.А.Легасов вновь возвращался к проблеме своей отставки и назвал в качестве возможного приемника академика В.А.Кабанова, высказав самое положительное мнение о нем. Я показал ему ряд документов, подготовленных по его просьбе. Одобрив два из трех, он просил меня и Ю.Д.Третьякова продолжать работу по намеченному плану. К концу моего пребывания (до 14.30—14.45) он уже был более спокоен и просил связаться с Ю.А.Золотовым, В.А.Кабановым и ответственным работником

отдела науки ЦК КПСС И.А.Розановым с тем, чтобы мы могли составить более полное представление о положении дел и возможных путях решения конфликта. После моего ухода Ю.Д.Третьяков еще оставался в кабинете.

Беседа с академиком Ю.А. Золотовым, который был на заседании, подтвердила правильность их изложения В.А.Легасовым; Ю.А.Золотов сообщил мне о том, что Г.И.Марчук в конце заседания объявил об отказе В.А.Легасова принять на себя обязанности куратора химических отделений в связи с перегруженностью и состоянием здоровья, а также об одобрении Президиумом программы по материалам и состава координаторов. Позиция Г.И.Марчука в этом деле выглядит крайне противоречивой и странной. Ведь именно он утвердил руководителями приоритетных направлений в межведомственном Совете совсем других лиц. В.А.Кабанов, Н.С.Ениколопов и Н.А.Платэ не знали о заседании Президиума, т.к. им не были посланы приглашения. В 22.30 того же дня я позвонил В.А.Легасову домой. Сначала разговаривал с его женой Маргаритой Михайловной, поскольку В.А.Легасов был на прогулке. Я убеждал ее в том, что в случившемся еще нет ничего страшного, и через два-три дня все встанет на место. В это время Валерий Алексеевич вернулся, и я рассказал ему о готовности академиков-членов Совета (В.А.Кабанов, Ю.А.Золотов, О.М.Нефедов, Н.С.Зефилов, Н.А.Платэ) выступить перед Г.И.Марчуком с решительным осуждением допущенной ошибки и о готовности Ю.А.Золотова, Ю.Д.Третьякова и В.А.Кабанова немедленно встретиться с ним для обсуждения совместных действий. Конец разговора проходил в спокойном деловом тоне. Около 23.30 я позвонил В.А.Кабанову и просил его связаться с В.А.Легасовым. Этот разговор состоялся утром 27 апреля, за несколько часов до трагических событий.

Вероятно, только детальный анализ

всех материалов следствия даст возможность сделать окончательный вывод о причинах, толкнувших такого сильного, смелого и энергичного человека, как Легасов, на столь страшный шаг. Тем не менее, на мой взгляд, события последних 3 лет его жизни позволяют сделать довольно очевидные общие заключения. Будучи искренне преданным своему делу, превыше всего ставя интересы науки и горячо болея за тревожную ситуацию, сложившуюся в стране, В.А.Легасов предложил ряд кардинальных революционных решений, затрагивавших основы сложившейся академической структуры. Наметившийся подрыв основ этой структуры вызвал ярость и негодование академиков-ретроградов, не мысливших себе существования вне ее. Были сделаны попытки пресечь и саботировать деятельность В.А.Легасова на начальных этапах, остановить «зарвавшегося» академика, предавшего интересы клана и посягнувшего на святая святых. Несмотря на обструкцию и противодействие, В.А.Легасов упорно добивался своего. Тогда вокруг него была создана атмосфера недоброжелательства и травли. Было сделано все возможное для дискредитации его как ученого, как организатора и как человека. Везде, где возможно, были созданы мелкие и крупные трудности. Я полагаю, что никто из участников этого противодействия не желал смерти В.А.Легасова. Его просто хотели убрать с дороги, пресечь его работу по разрушению основ структуры. Вероятно, многие из них даже испытывали угрызения совести после случившегося. Они мерили его на свой аршин, не понимая, что без созидательной работы жизнь для него просто теряет смысл. У В.А.Легасова просто не хватило сил в этой борьбе на нескольких фронтах: трудности в создании нового института, трудности в Совете. Все это привело его в состояние глубокого стресса. Его сломала СИСТЕМА и СТАЯ, которая охраняла ее. Таким же образом стая будет травить всякого, кто

отважится наводить свои порядки в том темном лесу, где она живет и который считает своей вотчиной. Мы потеряли замечательного человека, выдающегося организатора науки, искреннего патриота. Есть в этой смерти что-то общее со смертью В.В.Маяковского. Это убедительное доказательство того, что наша академия тяжело больна, и очень быстро эта болезнь может стать смертельной для нашей науки, если не принять решительных срочных мер.

В сентябре 1996 года академику было присвоено (посмертно) звание Героя Российской Федерации «За мужество, стойкость и героизм, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

В июле 2001 года в Российском химико-технологическом университете им. Д.И.Менделеева был открыт актов зал имени академика В.А.Легасова, в котором проходят защиты научных работ, ответственные совещания.

1 сентября 2001 года школе № 56 г.Москвы было также присвоено его имя.

Не прошло и двадцати лет с момента гибели академика, как его личностью заинтересовались журналы, программы телевидения, научные работники, исследующие различные риски.

Незаметно приближается семидесятилетие академика В.А. Легасова, он родился 01 сентября 1936 года в Туле, в семье служащих. Его отец Легасов Алексей Иванович в 1941 году, как и многие, отправил жену с двумя детьми из Курска в эвакуацию — в г.Тюмень. Алексей Иванович Легасов был одним из руководителей партизан Курской области. Никогда не рассказывал о своих заслугах, но враги обещали за его голову большие деньги. Алексею Ивановичу повезло: никто его не выдал, не продал, не предал... Редко и скупно рассказывал он, что было трудно, бывали ситуации, когда помнил, что последняя пуля — «для меня лич-

но»...

В январе 1995 года на могиле В.А. - Легасова была установлена заказанная нами заслуженному художнику России Н.А.Селиванову бронзовая фигура скорбящей женщины, выполненная в духе классицизма, в подражание работам мастера мемориальной пластики И.П.Мартоса. Деньги, выделенные Советом Министров СССР на оформление надгробия, где-то затерялись. Российская Академия Наук в помощи отказала.

В феврале 1995 года скульптор Н.А.-Селиванов пригласил меня в его мастерскую в помещении бывшей богодельни Церкви Пресвятой Троицы на Садовом Кольце и предложил забрать бронзовый скульптурный портрет академика В.А.Легасова. Спасибо Николаю Александровичу за его замечательные работы!

26 апреля 2006 года — двадцатилетняя отметка Чернобыльской катастрофы; 1 сентября 2006 года В.А.Легасову могло быть семьдесят лет, но его нет среди живых. Помянем его и поклонимся его памяти.

Строки из писем

Директору школы Вере Даниловне Кондратенко приходили очень теплые письма... Вот лишь некоторые из них.

Коллективу учителей и учащихся школы № 56 г. Москвы.

Уважаемые педагоги и учащиеся!

Я поддерживаю Ваше ходатайство о присвоении имени академика В.А. Легасова, Героя Российской Федерации, школе № 56, которую он окончил с золотой медалью. Всей своей жизнью, научными трудами, гражданской позицией он приносил славу стране. Это выдающийся ученый с мировым именем, патриот своей Родины, мужественный и храбрый человек.

Я, как руководитель авиационной

группы, с первого дня работал с ним в чрезвычайно тяжелых условиях при ликвидации аварии и ее последствий на Чернобыльской АЭС. Он смело и решительно принимал ответственные научные и организационные решения во имя спасения людей и окружающей среды, не щадя себя лично. Когда было необходимо, возражал и вышестоящему руководству, отстаивая свою точку зрения.

Его научная работа и общественная деятельность, работа по ликвидации аварии на ЧАЭС в борьбе с атомной стихией — это великий подвиг, на примере которого должны воспитываться наши новые поколения.

Присвоение школе №56 имени В.А. Легасова — заслуженное увековечение его памяти, его трудов на благо Родины.

*Герой Советского Союза,
заслуженный военный летчик РФ,
генерал-полковник,
доктор военных наук,
профессор Н.Т. АНТОШКИН*

Глубокоуважаемая Вера Даниловна!

В.А. Легасов — это легендарная личность XX века. Выдающийся ученый, прославивший отечественную науку своими классическими научными работами, Гражданин нашей Родины с большой буквы, мужественный и храбрый человек, сыгравший неоценимую роль в ликвидации последствий Чернобыльской аварии — это далеко не полная характеристика Валерия Алексеевича, именем которого, безусловно, должна быть увенчана Ваша школа.

Я много лет был знаком с Валерием Алексеевичем, мы много сотрудничали с ним в области проблем безопасности человека и среды его обитания. В тяжелые и трагические дни и ночи аварии на ЧАЭС мы все, участники ликвидации ее последствий, видели В.А. Легасова на самых опасных участках работы, он брал на себя огромную ответственность в формировании и принятии принци-

пальных решений по борьбе с атомной стихией.

Звание Героя Российской Федерации, присвоенное ему, — это лишь часть долга, который должен быть оплачен В.А. Легасову посмертно.

Присвоение Вашей школе № 56 имени В.А. Легасова — совершенно очевидная акция, которая сыграет большую роль в воспитании молодежи на примере выдающихся сынов России.

*Директор Государственного научного Центра РФ — Ордена Ленина
Института биофизики академик РАН,
Лауреат Ленинской и
Государственной премий,
Герой Социалистического Труда
Л. ИЛЬИН*

ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ПО-ДРУГОМУ...

*Неизвестный
В.А. Легасову в день
пятидесятилетия (01.09.1986)*

РОСТОК И ПОТОЛОК

В горшке цветочном рос росток.
Он был и так уже достаточно высок,
Но и потенциал еще имел немалый.
Причины аксельрации такой
Уже давно и многих занимали.
Где ж те ростки, что вместе
стартовали?

Один не мог расти по выходным,
А также в праздники,
А также в дни отгулов. Другой
Был искренне уверен, что покой
Ему промеж работ необходим,
И летом отпуск брал.
А третий приотстал,
Имея философию такую,
Что фотосинтез ночью не идет,
И ночью спал.
Без всяческих забот.
Напропалую.
Но нашего ростка почти потерял след,

В октябре 1999 года после одной из тяжелых операций получил инвалидность второй группы с определением: «...Увечье, связанное с аварией на ЧАЭС».

Продлением жизни прослужила хорошая физическая подготовка, стремление и желание активно жить, а также большое усилие медицинского персонала. Но болезнь оказалась сильнее, и исход оказался трагическим.

15 октября 2002 года мой муж Лабецкий Евгений Владимирович ушел из жизни, осталась только светлая память о нем.

По заключению межведомственного экспертного совета причина смерти связана с выполнением работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Л.Х. ЛАБЕЦКАЯ, вдова

Е.В. Лабецкий

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ МАТЕЙЧУК (27.04.1941–27.06.2000)

Матейчук Игорь Сергеевич родился в г. Москве 27 апреля 1941 года в семье служащих. Закончив в 1960 году московскую среднюю школу, в том же году поступил на исторический факультет Московского государственного педагогического института. В 1963 году перешел на вечернее отделение этого же института и стал работать в кинотделе Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР. Сначала в качестве младшего, а затем старшего научного сотрудника. Закончив в 1965 году с отличием институт, вступил в ряды КПСС. В 1966—1968 годах работал в кинолаборатории «Школфильм» инженером по производству, а с сентября 1968 года — на киностудии «Центрнаучфильм» в объединении «Космос», сначала ассистентом, а затем — режиссером первой категории.

В то время киностудия «Центрнауч-

фильм» была главной государственной студией, где снимали научно-популярные фильмы о различных аспектах науки и техники, и где работал большой творческий коллектив. В объединении «Космос» делали в основном заказные фильмы о мирной атомной энергетике Советского Союза, об использовании атома в медицине, сельском хозяйстве, о применении изотопов, о космических исследованиях, производили кино съемки, связанные с испытаниями различного вида ядерных устройств в мирных и оборонных целях и др.

Работа над фильмом требовала от кинорежиссера большой организационной подготовки, глубокого знания материала, умения работать с людьми, которые не были профессиональными актерами, «видеть кадр». С помощью камеры необходимо было образно и убедительно реализовать главную задачу на-

И.С. Матейчук

учного и популярного кинематографа — идею, ведь научно-популярное кино — это и рассказ о сегодняшнем дне нашей жизни, окно в мир.

Игорь Сергеевич шел к профессии режиссера поступательно, и стал настоящим профессионалом. Он прекрасно фотографировал, что было важно для этой профессии, и не только снимал фильмы, но часто сам писал сценарии к ним. И в этом ему помогала его поистине энциклопедическая образованность, глубокое знание истории, широта мировоззрения, пылливость, любознательность и огромная трудоспособность. Вот названия, только некоторых фильмов: «Наш атомный век», «Кузница крылатого металла», «Ариабата» — первый индийский искусственный спутник Земли», «Стартует космический «Марафон», «Марафон — ТВ — информационный прогресс России», «Современная многопрофильная больница» и др.

Кроме своей основной профессии, на киностудии Игорь Сергеевич вел большую общественную работу — постоянно был членом партийного бюро объеди-

нения, многие годы — секретарем партбюро, членом ревизионной комиссии партийного комитета студии. За высокое качество снятых им фильмов неоднократно награждался Почетными грамотами дирекции киностудии.

Он был очень общительным, честным и справедливым, любил жизнь и умел радоваться жизни. Коллеги и друзья любили и уважали его.

26 апреля 1986 года произошла страшная катастрофа — авария на Чернобыльской атомной станции. В этот период режиссеру И.С. Матейчуку дирекция киностудии поручает снять цикл фильмов о медицинских последствиях аварии в Чернобыле. Работа над этими киносюжетами была поистине профессиональным и человеческим подвигом, требовала огромных усилий воли и невероятного мужества. Документальные съемки проводились в клинической больнице № 6 Минздрава СССР, куда поступали пострадавшие при аварии на Чернобыльской АЭС, и где им оказывали медицинскую помощь.

Киносъемки были начаты 14 мая 1986 года и проводились в зонах повышенного радиационного воздействия в больнице, где находились больные: палаты, процедурные, перевязочные, операционные. Интенсивность работы была обусловлена задачей фиксировать клиническую картину острой лучевой болезни крайней степени тяжести, охватить наибольшее число пострадавших. Съемочная группа работала вместе с лечащими врачами, медперсоналом и научными сотрудниками и, естественно, имела непосредственный контакт с больными, являвшимися источниками ионизирующих облучений.

В результате этой работы были получены уникальные рабочие киноматериалы о больных острой лучевой болезнью в различные сроки ее течения: от стадии разгара до исходов, которые явились базовым материалом и легли в основу создания фильмов «Радиационные поражения у пострадавших в ава-

рии на АЭС», «Лечение радиационного поражения кожи», «Лечение острой лучевой болезни», «Чернобыль ... медицинские аспекты», «Предел возможного» и цветная полнометражная картина «Эхо Чернобыля...».

Эти фильмы демонстрировались на 8-м Международном симпозиуме по неотложной медицинской помощи (Италия, Милан, 1987 г.), II Конгрессе латиноамериканских стран по радиационной безопасности (1987), совещаниях экспертов МАГАТЭ (Париж, Вена, 1987—1988) и сегодня широко используются в процессе обучения в Институте усовершенствования врачей при Минздраве РФ.

Однако лично для И.С. Матейчука эта работа не прошла бесследно. В результате постоянного общения с больными острой лучевой болезнью, съемок в помещениях, где было отмечено наибольшее загрязнение радионуклидами, он получил сверхнормативную дозу облучения. По состоянию здоровья ему было выдано удостоверение «Участника ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

Начиная с 1992 года киностудия «Центрнаучфильм», как и многие государственные учреждения, переживала труд-

ные времена. Научно-популярные фильмы уже были никому не нужны, большой творческий коллектив киностудии распался, работы практически не стало. И именно в это время у Игоря Сергеевича стало сдавать здоровье — сказывалась полученная во время съемок в больнице радиация — то одни, то другие болезни проявлялись все чаще. Начались бесконечные встречи с врачами, больницы, лекарства...

В 1998 году кинорежиссер И.С. Матейчук официально уволился с киностудии «Центрнаучфильм».

В последние годы Игорь Сергеевич не работал, очень много болел, болезнь отнимала все физические и душевные силы. Но держался он достойно и очень мужественно, жалоб от него никто не слышал. И главное — никогда и ни о чем не жалел. Так он понимал свой долг и свое предназначение.

27 июня 2000 года Матейчук Игорь Сергеевич ушел из жизни — достойно и мужественно, как и жил, сохранив о себе добрую память в сердцах тех, кто его знал.

И.П. МАТЕЙЧУК,
вдова И.С. Матейчук
Е.И. МАТЕЙЧУК, сын

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖИВИЧКИН (1942–2001)

Жизнь каждого человека — это большая книга — повесть или роман. Мы — дети войны, поэтому говорить, а тем более писать о счастливом детстве было бы неверно. Каждый из нас в период войны пережили и голод и холод.

Родился А.Н. Живичкин в г. Москве, 16 июля 1942 г. Раньше его семья жила на ул. Марксисткая. Семья была многодетной: три сестры и три брата. Последний брат тяжело заболел и умер в младенчестве. Толин отец работал на заво-

де во время войны, где изготавливали ракетные установки и сами ракеты для «Катюш». Мать не работала, т.к. имела малолетних детей на своих руках. Толин отец работал, как говорится, за двоих. Дети видели его редко. Мужчины в период военного времени жили на заводах. Отпускали их очень редко домой, чтобы помыться и переодеться. Жили они в коммунальной квартире. Жилья не хватало. Толя спал на столе, а сестры и старший брат на полу.

Когда пришла долгожданная победа, Толиному отцу выделили земельный участок в Загорянке. Они построились и стали летом ездить отдыхать на свою дачу. Толик и его брат и сестры все лето проводили в Загорянке. Учился он в школе. Окончил 7 классов. Вечерами учился в школе рабочей молодежи, а утром — в ремесленном училище. Закончил училище и получил также аттестат за 10 классов. До армии выучился на шофера. Получил права III класса. Когда его забрали в армию, то у него уже была профессия.

Служил он в Германии, в войсках по понтонной переправе военной техники. Занимался спортом, вольной борьбой, выполнял свой воинский долг и устав.

По возвращении со службы — женился. У него родился сын. Работал он вместе со своей женой (медсестра) в третьем главном управлении здравоохранения в автохозяйстве № 3 водителем. Учился, повышал свой профессиональный уровень. Получил права первоклассного водителя со всеми категориями.

Познакомилась я с ним случайно. Ехала в автобусе, он ехал с другом. Друг его был красив и хорош собой. Мой пристальный взгляд в их сторону заставил обернуться молодых людей. Они подошли. Попросили телефон, я дала рабочий в надежде, что не позвонят. Они позвонили, и все произошло само собой. Мне тогда было 39 лет. Первый раз он пришел в мой дом на мое 40-летие. С этого дня мы не расставались.

Что касается Чернобыля. Мы с дочерью долго уговаривали его не ехать, но он был неумолим и упрям, и сказал, что все равно поедет в г. Киев, так как это просто обычная командировка. Послали его туда с места его работы (автохозяйство клинической больницы № 6). Работал он на «Скорой помощи». Возил облученных больных.

Когда вернулся с ЧАЭС, то рассказывал о том, как там было все очень красиво. Все было в цвету и кусты, и плодовые деревья. Было страшно, так как го-

род вымер. Бродили брошенные домашние животные и куры.

Кормили работников хорошо.

Болезни выявились не сразу. Какое-то время все было нормально, а затем все началось со всех сторон. Заболело сердце, перенес инфаркт, стал задыхаться, появилась тяжелая хроническая бронхиальная астма, лейкемия. Он лечился. Лежал в больницах многократно. Отдыхал в санаториях, но ничего не помогало. Ему становилось все хуже и хуже. Я ему оформляла все его документы, начиная с пенсии и кончая чернобыльскими. Я ему говорила, чтобы он бросил работу, а он мне сказал: «А что я буду делать дома? Ждать смерти?» И потому при оформлении документов попросил III-ю группу инвалидности. Жил он на лекарствах. Хорохорился. Не показывал вида, что ему очень плохо. Мне приходилось каждую ночь его откачивать. Однажды врач мне сказала: «Что же вы хотите, ведь у него опаленные легкие». Скорая не покидала наш подъезд и квартиру. Жил на уколах. Когда меня не было дома, он вызывал себе скорую сам. Несколько раз я сама откачивала его после клинической смерти. Это очень страшно! Больно!

Наблюдался он как в клинической больнице № 84, так и в поликлинике «Чернобыль», в международном медицинском центре «Геомед». Оформляла туда я его сама, а в районной поликлинике у него не было даже карты, т.к. он не болел до Чернобыля, а наблюдался по месту своей работы.

Родственники в нем не нуждались и ничем ему не помогали, а наоборот, обманным и захватническим путем лишили его участка на даче. Он имел глупость дать им свои документы для оформления льготы по оплате, вот в этот период они и воспользовались его документами. Он очень был обижен на них, когда узнал. И очень переживал. Ругал меня, когда я пыталась до них дозвониться.

Почему не расписались? Подали за-

явление в ЗАГС. Срок дали 3 месяца ждать. Когда пришел срок, он лежал в больнице. Да и мне было недосуг. Две наши старые матери, его и моя, обе инвалиды I группы, совсем были плохи. Его парализованная, а моя диабетик без ног. Вот и металась я то туда, то сюда, да еще и работала. Было трудно. Днем бабули наши, а ночью — Толя. Где здесь было думать о замужестве.

Когда Толя умер, я позвонила на его работу. Мне посоветовали вызвать городскую скорую, а т.к. он наблюдался по месту работы, то и справку о смерти должна была выдать мне врач, у которой он наблюдался. Я позвонила еще раз. Спустя 12 часов приехали, забрали

у меня протокол, который составил участковый.

Так вот и похоронили мы Толю с моим сыном. А его сын не пришел попрощаться с отцом, была его жена, я впервые ее увидела на похоронах. А его сына и в глаза не видела, только на фото.

В данный момент я не работаю, не могу, т.к. подорвано здоровье. Очень хотелось бы, чтобы люди были добрее друг к другу. Поражает равнодушие. О Толе вспомнили спустя четыре года после его смерти. Толя имеет награды: медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной войне»; звание «Ветеран труда»; Орден «Мужества» (за ЧАЭС); нагрудный знак «Капля крови».

Ю.В. ОЧАГОВА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

26 апреля 1986 года войдет в историю научно-технического прогресса как день тяжелейшей расплаты за пренебрежение к объективно действующим законам развития и функционирования сложных и техногенно-опасных систем на всех этапах их жизненного цикла.

Ретроспективный анализ причин катастрофы подтверждает, что они определялись не только уровнем подготовки персонала АЭС и конструктивными недостатками реактора. Их корни возникли одновременно с зарождением ядерной энергетики в стране на благодатной почве недостаточного внимания к проблеме безопасности АЭС.

Катастрофа на ЧАЭС показала несостоятельность концепции «полной безопасности» АЭС, обоснованной недалекими учеными и «навязанной» государственным органам управления «локальность» последствий аварий на АЭС.

Чернобыльская катастрофа подвергла серьезной проверке готовность и способность высших звеньев управления страной к ликвидации крупной чрезвычайной ситуации. Суровый экзамен был выдержан. Однако, готовность сил и средств к действиям в сложнейших условиях, оказалась весьма низкой. Это наглядно подтвердилось медицинским обеспечением населения и ликвидаторов в первые дни после катастрофы.

Вместе с тем, чернобыльская катастрофа не привела к растерянности в государственных органах управления. В кратчайшие сроки была создана цент-

рализованная система управления локализацией катастрофы и ликвидацией ее последствий.

Нельзя забывать в настоящее время и в ближайшем будущем развития нашего общества, что в случае аварий или катастроф на крупных техногенно-опасных объектах могут возникнуть не только значительные социально-экономические последствия, но и долговременные социально-психологические и, что самое опасное, — политические последствия, тем более в условиях ослабленной национальной безопасности нашего государства.

В связи с этим поиск эффективных путей развития не только энергетики, но других техногенно-опасных отраслей народного хозяйства, должен продолжаться. Решение этой проблемы надо осуществлять не только опираясь на ученых и чиновников. Необходимо привлечь к этой проблеме широкие слои населения. Только такой подход обеспечит объективный прогресс.

Прошедшие двадцать лет после катастрофы подтвердили, что чернобыльская тематика многогранна. Она будоражила общественность, и будет занимать умы тех ее представителей, которым не безразлична дальнейшая судьба человечества.

Авторский коллектив считал своим долгом на страницах данной монографии воздать должное героическому труду чернобыльцев района Выхино-Жулебино. В своих кратких воспоминаниях, рядовые участники ликвидации

Заключение

последствий катастрофы отразили любовь к Родине, самопожертвование, стремление выполнить конкретные задачи по уменьшению воздействия радиации на население. Это подтверждает главное — во всех героических делах и повседневных буднях основные страницы в истории пишет рядовой гражданин.

В заключении необходимо отметить, что в последующем выйдет немало произведений, в которых будет продолжена летопись невиданного по масштабам радиационного сражения, и найдутся

добрые слова о тех, кто заслонил собой планету от невидимой смертоносной опасности.

Поэтому мы обращаемся к ликвидаторам: продолжить исследования по чернобыльской тематике, чтобы восполнить пробелы в этой области. На базе собственного опыта. Смелее разрабатывайте предложения по дальнейшему эффективному развитию системы ликвидации возможных техногенных аварий и катастроф.

Здоровья вам, ликвидаторы, и творческого долголетия!

Чернобыльцы района «Выхино-Жулебино» на митинге у Дома правительства РФ, январь 2005 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Термины, употребляемые в монографии

Авария — происшествие, в результате которого повреждена или разрушена техника (без гибели людей).

Авария радиационная — авария, сопровождаемая выбросом радиоактивных веществ за пределы ядерного объекта, в результате чего может создаваться повышенная радиационная опасность, представляющая собой угрозу для жизни и здоровья людей. Выделяют локальные аварии — радиационные последствия ограничиваются одним зданием (сооружением) с возможным облучением персонала; местные — радиационные последствия ограничиваются территорией АЭС; общие — радиационные последствия распространяются за границу территории АЭС.

Адаптогены — препараты, повышающие общую сопротивляемость организма к различным неблагоприятным факторам, в том числе и к радиации. К ним относятся: элеутерококк, женьшень, китайский лимонник, дибазол.

Адсорбенты — вещества, способные захватывать на свою поверхность радиоактивные и другие вредные вещества, и вместе с ними они выводятся из организма. В качестве адсорбентов могут применяться активированный уголь, адсорбар, вакоцин и др.

Активность — число распадов радиоактивных ядер в единицу времени. Единицы активности: в системе СИ — беккерель (Бк), соответствует одному распаду радиоактивного изотопа в секунду.

Ампер (А) — единица силы электрического тока.

Бар — единица измерения давления. 1 Бар = 105 Па, 1 Па (Паскаль) = 0,102 кгс/ кв.м.

Биосфера — совокупность всех живых организмов на нашей планете и области их обитания и влияния (приземные атмосферные слои, вся толща океанов, поверхностные слои суши и водоемы).

Биоценоз — совокупность живых организмов, обитающих в определенном районе и тесно взаимосвязанных между собой.

Биоценоз — совокупность живых организмов и неорганических природных факторов, участвующих в их жизнедеятельности, обитающих в определенном районе.

Бэр — биологический эквивалент рентгена, внесистемная единица эквивалента дозы рентгеновского излучения, по своему биологическому действию эквивалентная 1 рентгену (R).

Ватт — единица мощности, обозначается Вт; киловатт (1 кВт = 1000 Вт), мегаватт (1 МВт = 1 млн. Вт); гига watt (1 ГВт = 1 млрд Вт).

Внешнее облучение — облучение тела от находящегося вне его источников ионизирующего излучения.

Внутреннее облучение — облучение за счет вдыхаемой радиоактивной пыли, а также за счет радиоактивных веществ, попадающих внутрь с водой и пищей.

Гамма-излучение — коротковолно-

вое электромагнитное излучение, а также электромагнитное излучение радионуклидов (независимо от энергии), возникающее при распаде радиоактивных ядер.

Ген — единица наследственного материала, ответственная за формирование элементарного признака организма (от греч. — рождающий).

Генетическое действие ионизирующей радиации — повреждение наследственного механизма клетки, передающееся потомству.

Грей — единица поглощенной дозы ионизирующей радиации.

Доза — мера действия ионизирующего излучения в определенной среде. Выражается в величине эффекта ионизации (так называемая экспозиционная доза, характеризующая источник радиации) или количестве поглощенной тканями, организмом энергии излучения (поглощенная доза).

Дезактивация — удаление радиоактивных загрязнений с поверхностей различных объектов. Способы дезактивации: струей воды, дезактивирующими растворами, электрическим полем, ультразвуком, стиркой, использованием сорбентов, струей газа (воздуха), пылеотсасыванием, снятием загрязненного слоя, изоляцией загрязненной поверхности, фильтрацией, протираaniem ветошью, щетками, паром, при помощи затвердевающих пленок.

Диагностика радиационных поражений — установление радиационного повреждения организма. Показатели индивидуальной дозиметрии позволяют получить представление о поглощенных дозах. Исследование с помощью счетчика ионизации (СИЧ) дает возможность изучить спектр и количество инкорпорированных радионуклидов. Наиболее информативной является «биологическая дозиметрия», основывающаяся на учете клинических проявлений лучевой травмы в каждом периоде заболевания.

Единицы измерения доз радиации: экспозиционной — рентген (Р) — вы-

зывает образование в 1 куб. см. воздуха при нормальных условиях 2,8 млн. пар ионов; поглощенной — грей (Гр) — соответствует поглощению энергии в 1 Дж массой вещества в 1 кг, 1 сГр = 1 Рад.

Естественный фон излучения — излучение, создаваемое рассеянными в природе многочисленными естественными радионуклидами, содержащимися в земной коре, приземном воздухе, почве, воде, растениях, в продуктах питания, в организме животных и человека, а также излучение, приходящее из космоса. Естественный фон излучения колеблется в широких пределах в различных регионах Земли. На территории СССР уровень естественного фона излучения составляет 5-50 мкр/ч. Поглощенная эффективная эквивалентная доза в организме человека в год в среднем составляет 2 мЗв, или 0,2 бэр, или 200 мбэр. При этом на долю облучения от радионуклидов приходится 84% всей дозы и 16% на долю космического излучения.

Зиверт — см. эффективная эквивалентная доза.

Зонирование загрязненных территорий основывается на величине вероятной годовой эффективной дозы, получаемой жителями в отсутствие мер радиационной защиты. Зонирование на ранней стадии радиационной аварии:

зона радиационного контроля — от 1 до 5 мЗв;

зона ограниченного проживания — от 5 до 20 мЗв;

зона добровольного отселения — от 20 до 50 мЗв;

зона отселения — более 50 мЗв.

Зонирование на восстановительной стадии радиационной аварии:

зона радиационного контроля — от 1 до 5 мЗв;

зона ограниченного проживания населения — от 5 до 20 мЗв;

зона отселения — от 20 до 50 мЗв, въезд на указанную территорию для постоянного проживания не разрешается;

зона отчуждения — более 50 мЗв.

Постоянное проживание не допускается.

Ионизирующая радиация — излучение высоких энергии (электромагнитное и корпускулярное), вызывающее ионизацию атомов и молекул вещества.

Канцерогенез — процесс злокачественного перерождения клеток, их превращения в раковые клетки.

Катастрофа (тех) — происшествие с техникой, повлекшее за собой гибель людей, событие, влекущее за собой трагические последствия.

Коллективная доза — суммарная доза, полученная группой облученных людей, единица измерения коллективной дозы — человеко-зиверт (чел/Зв).

Кюри (Ки) — внесистемная единица активности радионуклидов, соответствующая активности 1 г радия. 1 Ки = 37 млрд. Бк.

Коллапс — тяжелое проявление острой сосудистой недостаточности с резким снижением артериального давления и расстройством периферического кровообращения.

Коматозное состояние — критическое состояние больного, характеризующееся потерей сознания, нарушением функций всех анализаторов центральной нервной системы и расстройством жизненно важных функций.

Комплексоны — препараты, ускоряющие выведение радиоактивных веществ из организма (ЭДТА, гетацин-кальций, унитол).

Латентный (скрытый) период лучевой болезни — характеризуется относительным благополучием, исчезновением большинства симптомов начального периода. Вместе с тем, могут сохраняться общая слабость, понижение аппетита, дисептические расстройства, нарушение сна. Длительность латентного периода составляет промежуток времени от момента облучения до начала разгара болезни.

Лучевая болезнь — возникает при воздействии на организм ионизирующего излучения в дозах, равных или

больше чем 1 Зв (100 бэр). У человека лучевая болезнь проявляется, главным образом, поражением органов кроветворения, а при очень больших дозах более 10 Зв (1000 бэр) поражением желудочно-кишечного тракта, нервной системы.

Мощность дозы — доза ионизирующей радиации, излученная или поглощенная веществом в единицу времени (секунду, минуту, час, сутки, год).

Мутаген — вещество или воздействие, вызывающее мутацию. Мутация — внезапное и стойкое изменение генетической информации.

Ноосфера (от греческого ноос — разум и сфера) — новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. Понятие «ноосфера» введено французскими учеными Леруа и Тейяром де Шарденом (1927 г.), трактовавшими его идеалистически. В.И. Вернадский развил материалистическое представление о ноосфере, как качественно новой форме организованности, возникающей при взаимодействии природы и общества в соответствии с законами мышления и социально-экономическими законами.

Обморок — острая сосудистая недостаточность с кратковременным нарушением кровообращения головного мозга.

«Очистка» — обезвреживание от радиоактивных веществ жидких и газообразных сред.

Ожоги лучевые — в зависимости от поглощенной дозы на ростковый слой кожи степень лучевого ожога и клинические проявления варьируют от незначительных до тяжелых. Выделяют период первичной эритемы, скрытый, разгара и восстановления. Длительность первичной эритемы и отека в тяжелых случаях гамма-облучения — от нескольких часов до нескольких суток.

Период полураспада — время, в течение которого количество радиоактивных атомов изотопа уменьшается вдвое.

Поглощенная доза — см. доза.

Популяция — совокупность особей одного биологического вида, способных к свободному скрещиванию и обладающих общим генофондом. Термин применяется и по отношению к однородным клеткам определенной ткани.

Поражения радиационные — поражения, возникающие при воздействии на организм проникающей радиации в результате аварий на реакторах АЭС, производственных предприятиях, от источников ионизирующей радиации, при нарушении техники безопасности или повреждении систем защиты. Подразделяются на соматические, связанные с облучением данного человека, и генетические у потомства, обусловленные облучением зародышевых клеток.

Протектор (радиопротектор) — профилактические лекарственные средства, снижающие степень лучевого поражения, введенные в облучаемую живую систему до воздействия радиации. У некоторых радиопротекторов степень эффективности (фактор уменьшения дозы) равна 1,2-2.

Профилактика йодная — предупреждение накопления радиоактивного йода в щитовидной железе приемом внутрь лекарственных препаратов стабильного йода (йодистый калий, 5-ти % йодная настойка). Наибольший защитный эффект достигается тогда, когда эти средства применяются заблаговременно или одновременно с ингаляционным поступлением радиоактивного йода в организм.

Радиоактивность — самопроизвольное превращение нестабильных ядер атомов в ядра других элементов, сопровождающееся испусканием ядерных излучений (альфа-, бета- и гамма-).

Известно пять типов радиоактивности: альфа-, бета-распад, спонтанное деление атомных ядер, протонная и дупротонная радиоактивность.

Радионуклиды — атомы, в которых ядра самопроизвольно распадаются с выделением энергии в виде гамма-кван-

тов, электрически заряженных бета-частиц, альфа-частиц или нейтронов.

Радиорезистентность — устойчивость к действию ионизирующей радиации.

Радиофобия — собирательное понятие психопатологических состояний и психосоматических заболеваний, вызванных страхом перед радиацией.

Радиочувствительность — чувствительность к действию радиации, понятие, обратное радиорезистентности.

Соматический — телесный, термин применяется ко всем клеткам тела, кроме половых.

Соматические эффекты радиации — повреждения, появляющиеся в период жизни организма, но не передающиеся его потомкам.

Стимуляторы центральной нервной системы — применяются для оказания врачебной помощи и лечения пораженных. К ним относятся ин-допан в таблетках, бемеGRID в виде 5-ти % раствора для внутривенного введения.

Сцинтилляция — кратковременная световая вспышка, возникающая при прохождении заряженной частицы через некоторые вещества.

Техногенный фон излучения — фон излучения, возникающий в результате деятельности человека, связанный с переработкой и перемещением земных и горных пород, сжиганием угля и других материалов при производстве энергии, испытаниях ядерного оружия.

Цезий-137 — основной дозообразующий радиоактивный изотоп после аварии на ЧАЭС. Его гамма-кванты формируют дозы внешнего и внутреннего облучения; период его полураспада до 30 лет, а почти полного распада (на 90%) — 100 лет.

Эффективная эквивалентная доза излучения — термин, характеризующий поглощенную в организме энергию ионизирующего излучения с учетом неодинаковой чувствительности разных органов и тканей. Эффективную эквивалентную дозу нельзя измерить,

ее можно только рассчитать, предварительно измерив, поглощенные дозы в различных органах и зная чувствительность этих органов. Единицей измерения дозы является Грей, а применительно к организму и с учетом свойств вида излучения — Зиверт (Зв.). Один Зиверт равен 100 бэр. Производная величина миллизиверт (мЗв), равный 0,001 Зв.

Экзотермическая реакция — реакция с выделением тепла.

Эндотермическая реакция — реакция с поглощением тепла.

Чрезвычайная ситуация — обстановка на определенной территории или акватории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бед-

ствия, а также в результате применения современных средств поражения, которые могут привести к нарушению нормальных условий жизни и деятельности людей, к ущербу их здоровья и человеческим жертвам, ущербу имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде.

Чрезвычайная техногенная ситуация, состояние, при котором в результате возникновения источника чрезвычайной техногенной ситуации на объекте, определенной территории или акватории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, возникает угроза их жизни и здоровью, наносится ущерб имуществу населения, народному хозяйству и окружающей природной среде (ГОСТ Р 22 0,05-94).

Список сокращений

- А** — активность радионуклидов.
- АБК** — административно бытовой корпус.
- АЗ** — аварийная защита.
- АС** — атомная станция.
- АСТ** — атомная станция теплоснабжения.
- АТС** — автоматизированная телефонная станция.
- АТЭЦ** — атомная теплоэлектроцентраль.
- АЭС** — атомная электростанция.
- БВО** — Белорусский военный округ.
- БрХЗ** — бригада химической защиты.
- БЩУ** — Блочный щит управления энергоблоком.
- ВВ** — внутренние войска.
- ВВЭР** — водо-водяной энергетический реактор.
- ВГТР** — высокотемпературный газоохлаждаемый реактор.
- ВМФ** — Военно-морской флот.
- ВНИИАЭС** — Всесоюзный научно-исследовательский институт по эксплуатации атомных электростанций.
- ВНП** — валовой национальный продукт.
- ВОВ** — Великая Отечественная война.
- ВРР** — Воздушная радиационная разведка.
- ВУРС** — Восточно-уральский радиоактивный след.
- ВЧ** — высокочастотная связь (правительственная).
- ВВАУЛ** — Высшее военное авиационное училище летного состава.
- ГКО** — Государственный комитет обороны.
- ГО** — Гражданская оборона.
- ГОУ** — Главное оперативное управление.
- ГСЗ** — Государственная система защиты населения.
- ГУ** — Главное управление.
- ГУПВ** — Главное управление Пограничных войск.
- ГУПО** — Главное управление пожарной охраны.
- ГЦН** — Главный циркуляционный насос.
- ГШ ВС** — Генеральный штаб Вооруженных сил.
- ЦК** — Центральный комитет.
- ЦОИ** — Центр общественной информации по атомной энергии.
- ЖВ** — железнодорожные войска.
- ЗО** — защитная оболочка.
- ИАЭ** — Институт атомной энергии.
- ИБ** — Институт Биофизики.
- ИВ** — инженерные войска.
- ИМР** — инженерная машина разграждения.
- КВО** — Киевский военный округ.
- КГБ** — Комитет государственной безопасности.
- КНИР** — комплексная научно-исследовательская работа.
- КПП** — контрольно-пропускной пункт.
- КПСС** — Коммунистическая партия Советского Союза.
- КПУ** — Коммунистическая партия Украины.
- ЛПК** — ликвидация последствий катастрофы.
- ЛПЧС** — ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций.
- ЛЭП** — линия электропередачи.
- МВД** — Министерство внутренних дел.
- МГА** — максимальная гипотетическая авария.
- МЗ** — Министерство здравоохранения.
- Минатом** — Министерство РФ по атомной энергии.
- МИРЭК** — мировая энергетическая конференция.
- МКК** — Международный консультативный комитет.
- МО** — Министерство обороны.

Приложения

МПА — максимальная проектная авария.

МПВО — местная противовоздушная оборона.

МРЦ — медицинский радиологический центр.

МСД — мотострелковая дивизия.

МСМ — Министерство среднего машиностроения

МСЧ — медицинская санитарная часть.

МТС — Межведомственный технический совет.

МЧС — Министерство по чрезвычайным ситуациям.

НИИ — научно-исследовательский институт.

НИКИЭ — Научно-исследовательский и конструкторский институт энергетики.

НИКИЭТ — научно-исследовательский конструкторский институт энерготехники.

НИР — научно-исследовательская работа.

НКДАР — Научный комитет по действию атомной радиации при ООН.

НПО — научно-производственное объединение.

НРБ — нормы радиационной безопасности.

НТЦ БАЗ — Научно-технический центр по безопасности атомной энергетики России.

ОГ — оперативная группа.

ОГР — оперативная группировка.

ОД — оперативный дежурный.

ОКБМ — опытно-конструкторское бюро машиностроения.

ОЛБ — острая лучевая болезнь.

ОМП — отдельный механизированный полк.

СОП — санитарно-обмывочный пункт.

ОРЗ — оперативный запас реактивности.

ОТ — отдел труда.

ОШ — оперативный штаб.

ЦОСИ — Центр оперативно-стратегических исследований.

ПБ — Политбюро.

ПГ — парогенератор.

ПГТ — поселок городского типа.

ПДД — предельно-допустимая доза.

ПК — Правительственная комиссия.

ПрикВО — Прикарпатский военный округ.

ПУ — пункт управления.

ПУСО — пункт специальной обработки.

РАН — Российская академия наук.

РБ — радиационная безопасность.

РБМК — реактор большой мощности, канальный.

РВК — районный военный комиссариат.

РАМН — Российская академия медицинских наук.

РСЧС — Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

РТК — робототехнические комплексы.

САОР — система аварийного охлаждения реактора.

СЗ — специальная защита.

СИЗ — средства индивидуальной защиты.

СМИ — средства массовой информации.

СНЛК — сеть наблюдения и лабораторного контроля.

СОБ — система обеспечения безопасности.

СОО — станция обеззараживания одежды.

СРК — система радиационного контроля.

СТУ — специальное техническое управление.

СУЗ — система управления и защиты реактора.

T S — период полураспада радионуклида.

ТВС — тепловыделяющая сборка.

Твэл — тепловыделяющий элемент.

ТГ — турбогенератор.

ТБ — техника безопасности.

ТСМ — топливосодержащие массы

Приложения

УКГБ — управление КГБ.

УТС — управляемый термоядерный синтез.

ХВ — химические войска.

ЦЗ — центральный зал.

ЦКП — центральный командный пункт.

ЧАЭС — Чернобыльская атомная электростанция.

ЧП — Чрезвычайное происшествие.

ЧС — Чрезвычайная ситуация.

ШВИ — Шиханский военный институт.

ЭБ — энергоблок.

ЯТЦ — ядерный топливный цикл.

ЯЭУ — ядерная энергетическая установка.

ДИРЕКТИВА № 20/1 ОТ 18.08.1948 г. «ЦЕЛИ США В ВОЙНЕ ПРОТИВ РОССИИ»

18 августа 1948 г. Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России». Эта дата обычно считается началом информационной войны США против СССР. Директива 20/1 была впервые опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945-1950 гг.» Ввиду важности этого основополагающего документа, он целиком воспроизводится ниже: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними.

Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России.

Наши усилия, чтобы Москва приняла **НАШИ КОНЦЕПЦИИ**, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений. Во-первых,

мы не связаны определенным сроком для строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...». Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности и за внутренние условия в России...

Нашей целью во время мира является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придется по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако, следует со всей силой подчеркнуть — то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчез-

нуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или: осуществили это.

Речь идет, прежде всего, о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля. Мы должны, прежде всего, исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира.

Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи. Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы

слишком натерпелись в минувшие 15 лет (т.е. годы правления И.В. Сталина 1933-1948 гг. — прим. наше), действуя как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны...

Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов...

Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход

для нас — разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы. Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза — это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа. На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье; как, случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших комму-

нистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это па долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти »

Приведенная директива 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 г. была по существу объявлением войны СССР, в результате которой через пять десятилетий он был разрушен и расчленен, и подведен к тотальному уничтожению. Но тогда это была война нового типа, требовавшая соответствующей научной проработки. В 1948-1949 гг. в ЦРУ приходит значительное число специалистов высокой квалификации из различных областей науки, в том числе профессора, имеющая большой опыт теоретической и практической работы. Создано управление национальных оценок, теоретические разработки которого направлены на предсказание будущих действий СССР, понимание тенденций его развития, возможностей влияния на процессы, анализ слабых мест и выработку рекомендаций. Таким образом, информационно-психологическая война ставится в США на научную основу. К этому времени относится и план войны под кодовым названием «Дропшот». В отличие от предыдущих, чисто военных решений, он включал в себя широкомасштабную психологическую войну:

«Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространения среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности... Эффективного сопротивления или вос-

Приложения

станий можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»

Это — одна из главных сторон психологических ударов: капля за каплей, постепенно и незаметно подвести противника к тотальному поражению. В России 90-х годов широко цитируются и повторяются в печатных органах оппозиции высказывания начала психологической войны Аллена Даллеса:

«Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...»

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... Мы будем всячески поддерживать и подымать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом всякой безнравственности... В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незамет-

но, но активно и постоянно способствовать саможурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство...

Национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или далее понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, оплошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов».

Приведенная цитата впечатляет тем, что А. Даллес видел ситуацию сегодняшнего дня России через десятилетия...

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР / Директива СНБ 20/1 «Цели США в войне против России» от 18 августа 1948 г. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 31—34.

Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война / Высказывания Аллена Даллеса. М.: Институт социально-политических исследований АСН, 1999. С. 164.

ПРИКАЗ

20.05.86

Москва

№ 211

Об организации управления строительства на Чернобыльской АЭС

В целях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Министерства энергетики и электрификации СССР, выполнения строительных и монтажных работ, связанных с консервацией объектов, подверженных разрушению,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Создать в районе Чернобыльской АЭС управление строительства, задача которого — выполнение на правах генерального подрядчика всех видов работ, связанных с консервацией объектов.

2. Подчинить вновь созданное управление строительства II Главному управлению Министерства.

3. Назначить на время восстановительных работ:

начальником управления строительства на Чернобыльской АЭС генерал-майора Рыгалова Евгения Васильевича;
главным инженером управления строительства т. Шеянова Виктора Тимофеевича;

заместителем начальника управления строительства по общим вопросам т. Беднякова Владимира Михайловича;

заместителем начальника управления строительства по кадрам полковника Кокорина Евгения Николаевича;

заместителем начальника управления строительства по быту т. Лукьянова Анатолия Васильевича;

главным бухгалтером управления строительства т. Якимова Виктора Яковлевича;

заместителем главного инженера управления строительства по радиационной безопасности т. Лызлова Андрея Федоровича;

заместителем начальника управления строительства по монтажу и работу с субподрядчиками т. Захарова Валерия Дмитриевича.

4. Товарищам Увину И.П., Сеникову Я.С. до 25 мая т.г. открыть расчетный счет для вновь созданного управления строительства в отделении Госбанка СССР.

Тов. Рыгалову Е.В. до 25 мая сообщить, в каком отделении Госбанка СССР будут производиться финансовые и расчетные операции.

5. Тов. Лютову Н.И. присвоить вновь созданному управлению строительства наименование, а также возложить на т. Лютова Н.И. режимное обеспечение и охрану.

6. Установить следующую структуру во вновь организованном управлении строительства:

строительные и монтажные участки и районы, вспомогательные службы, Управление ВСО.

Тов. Камышану И.Ф. представить до 23 мая т.г. структуру и штаты УВСО, приданного вновь созданному управлению строительства.

7. Начальнику управления строительства т. Рыгалову Е.В. в двухсуточный срок представить на утверждение штатное расписание и структуру вновь созданного управления строительства, с учетом четырехсменного режима работы.

8. Комплектацию инженерно-техническими работниками, служащими МАП и рабочими специалистами вновь созданного управления строительства возложить на т. Семендяева Ю.С.

Подбор и командирование необходи-

Приложения

мых кадров для вновь созданного управления строительства в первоочередном порядке осуществить за счет комплектации работниками со строек и монтажных организаций, а также привлечения отдельных специалистов с предприятий Министерства. Срок комплектации кадрами установить до 1 июня т.г.

Подбор и расстановку кадров производить с учетом периодической смены линейного персонала, рабочих специалистов и других работников во вновь созданном управлении строительства.

Начальникам главных управлений Министерства беспрепятственно командировать ИТР и специалистов-рабочих на площадку по указанию Управления кадров и учебных заведений.

9. Создать оперативный штаб для разработки и принятия оперативных, технических решений под председательством заместителя Министра Усанова А.Н.

В состав штаба ввести:

т. Беляева И.А. — от ХОЗУ

т. Аверьянова Ю.П. — от 9 Главного управления

т. Савинова Ю.М. — от 14 Главного управления

т. Рудакова В.И. — от 12 Главного управления

т. Забияку Л.В. — от 11 Главного управления

т. Саруля Л.И. — от Главснабат

т. Журавлева Ю.И. — от 7 Главного управления

т. Игнашина А.П. — от 13 Главного управления

т. Дряпака Г.И. — от Отдела охраны труда

т. Сидорова П.С. — от Управления кадров и учебных заведений

т. Гаврилова А.П. — от 2 Главного управления

от 3 Главного управления Минздрава СССР (по согласованию)

10. Создать при оперативном штабе рабочую оперативно-диспетчерскую группу, задача которой — сбор информации, подготовка директивных указаний, доведение до исполнителей реше-

ний оперативного штаба и руководства Министерства, круглосуточный контроль за выполнением графиков, мероприятий, заданий и др. оперативные вопросы.

Назначить руководителем оперативно-диспетчерской группы т. Беляева И.А.

Тов. Беляеву И.А. в суточный срок представить состав группы, положение о ее правах, обязанностях.

11. Создать оперативную рабочую группу непосредственно во вновь созданном управлении строительства в составе:

т. Ермакова Ф.А. — 11 Главное управление

т. Маришина В.И. — 12 Главное управление

т. Дулюка Р.И. — 9 Главное управление

Тов. Ермакову Ф.А. в срок до 25 мая представить на утверждение положение о рабочей группе.

Место дислокации оперативной группы — в составе управления строительства.

12. Тов. Гришмановскому В.И. до 25 мая представить развернутую схему организации работы, комплектацию кадрами дозиметрической службы для обслуживания всех работников вновь созданного управления строительства.

13. Тов. Шульженко Е.И. до 25 мая т.г. представить предложения и мероприятия по медицинскому обслуживанию работников всех категорий во вновь созданном управлении строительства.

14. Товарищам Аверьянову Ю.П., Москвину К.Н., Рудакову В.И., Игнашину А.П. до 1 июня представить предложения о создании специальной сметно-экономической группы и положение о ее обязанностях.

15. Тов. Аверьянову Ю.П. до 22 мая представить на утверждение рабочую схему специальной проектной бригады, определить руководителя этой бригады. Установить место ее дислокации в здании Оргстройпроекта. Представить до 26

Приложения

мая положение об обязанностях и правах специальной проектной бригады.

16. Тов. Аверьянову Ю.П., Москвину К.Н. до 1 июня текущего года скомплектовать проектную группу для решения отдельных проектных вопросов непосредственно на площадке управления строительства.

17. Тов. Сарулю Л.И. через УМТС-25 Главснаба обеспечить выделение необходимой спецодежды, защитных

средств для вновь прибывших рабочих и сотрудников на строительную площадку Чернобыльской АЭС.

18. Тов. Алехину Ю.Т. до 1 июня т.г. представить мероприятия по организации рабочего снабжения и питания на новой площадке.

19. Контроль за выполнением приказа возложить на оперативный штаб.

Е.П.Славский

**ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ**

В книге использованы архивные фотографии

Издательство «Academia»
при участии редакции журнала
«Вестник Российской академии наук»
119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел. 238-21-44, 238-21-23, 238-25-10, факс 502-08-90
Эл. почта: info@academpres.net; academia@mail.cnt.ru
www.academpres.net

Генеральный директор
и главный редактор издательства
В.А. Попов

Научный редактор
Н.К. Лошкарёва

Художник
А.В. Кубанов

Арт-директор
Е.Ю. Салтыкова

Верстка
А.В. Генералова

Корректор
Р.А. Агеева

Редактор-организатор
Н.В. Капустина

Подписано в печать 09.03.2006. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага
офсетная № 1. Гарнитура «Pragmatica». Физ. п. л. 27,00. Уч.-изд. л. 40,00.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3015.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ACADEMIA»

119991, Москва, Мароновский пер., 26
Тел./факс (495)238-21-23, 238-21-44, 238-25-10
Эл. почта: info@academpres.net
<http://www.academpres.net>

ИСТОРИЯ

БИККЕНИН Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. 2003. 312 с. + 4 с. вклейка. Ил. 84x108 1/32. В пер. Тираж 1000 экз. (Времена и нравы: мемуары, письма, дневники).

ЖИЛИН М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы / РАН. Институт археологии. – 2004. – 168 с.: ил. + 50 с. Вклейка. Тираж 800 экз. В пер. [Монографические исследования: археология].

ИЛЛАРИОНОВ В.П. Синедрион и кесарь против Иисуса Христа. -2003. – 564 с.+ 22 с. вклейка. 60x88/16. В пер. Тираж 1500 экз.

КЛЕЙМЕНОВА Р.Н. Общество любителей российской словесности. 1811-1930. - 2002. – 624 с.: ил. В пер. 60x88/16. Тираж 1000 экз.

КОЗЛОВ Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России. (Очерк социальной истории. 1925 – 1963). Отв. редактор д-р истор. наук Б.В. Левшин. – 2003. 396 с.: ил. В пер. 84x108 1/16. Тираж 1000 экз.

КОЛОНТАЙ А.М. Дипломатические дневники. Т. 1 и т. 2. – 2001. – 528 и 544 с.: ил. В пер. 60x88/16. Тираж 1000 экз. (Времена и нравы: мемуары, письма, дневники).

КОЛОНТАЙ А.М. Летопись моей жизни / Сост. Р.А. Поповкина. – 2004. – 368 с.: ил.; вклейка, фронтис. – портрет, авт.: библ. Тираж 1000 экз. В пер. [Времена и нравы: мемуары, письма, дневники].

КОМЛЕВА Е.В. Енисейское купечество. Отв. ред. д-р истор. наук Д.Я. Резун / РАН. Сибирское отд. Объед. ин-т истории, филологии и философии. – 2006. – 384 с. + 12 с. вклейка. (Монографические исследования: история России).

КОРФ М.А. Дневник. Год 1843-й / Предисловие, подготовка к печати и публикация канд. истор. наук И.В. Ружицкой; РАН. Ин-т росийск. истории. – 2004. – 512 с. + 8 с. вклейка. В пер. (Времена и нравы: мемуары, письма, дневники).

ЛАРИН А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. – 2000. – 200 с.: ил. 60x88/16. В пер. Тираж 3000.

МЯГКОВА Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII-XVIII веках. – 2006. – 288 с.: ил. + 8 с. вклейка. В пер. (Монографические исследования: всемирная история).

НИКОРО З.С. Это моя неповторимая жизнь. Воспоминания генетика / Под общей редакцией д-ра биол. наук Е.А. Ляпуновой и канд. биол. наук Е.А. Ароновой. – 2005 – 288 с.: ил. + 8 с. вклейка. В пер. (Серия: Времена и нравы: мемуары, письма, дневники).

ПЕРХАВКО В.Б. Торговый мир средневековой Руси/ Культ.-просвет. фонд «Воспитание историей» – 2006. – 600 с., ил., библ. В пер. 84x108 1/16.(Монографические исследования: история России).

ПЕРШИН А.А. Под Андреевским флагом в Южных морях. (Из истории планирования русских военных кораблей в Океани и морях Зондского архипелага). – 2002. 288 с.: ил. В пер. 60x90/16. Тираж 1000 экз.

Рассекреченный Зубр. Следственное дело Н.В. Тимофеева-Ресовского. Вступительная статья. Документы. Составители Я.Г. Рокитянский, В.А. Гончаров и В.В. Нехотин. – 2003. – 600 с.: ил. В пер. 60x90 1/16. Тираж 1000 экз.

Российская наука в лицах / Под общей редакцией вице-президента РАН академика Н.А. Плато. Сост. Т.В. Маврина и В.А. Попов. – Кн. 1 – 536 с.; кн. 2 – 536 с.; кн. 3 – 536 с.; кн. 4 – 536 с.; кн. – 5 – 448 с. – 2003–2006. В пер. 60x88 1/16. Тираж 1000 экз.

СИНЕДИНА Ю.Ю. **Секуляризация в социальной истории России.** Под общей редакцией д-ра филос. наук В.П. Култыгина. – 216 с.; библ., табл. 84x108 1/32. Тираж 3000 экз. [Монографические исследования: социология].

ФИЛОСОФИЯ

Memento vivere, или Помни о смерти. Сб. статей. Под общей ред. В.Л. Рабиновича и М.С. Уварова / РАН. Ин-т философии; Мин-во культуры и массов. коммуникаций. Рос. ин-т культурологии. – 2006. – 400 с. В пер. (Монографические исследования: философия).

БИЛАЛОВ М. И. **Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания.** – 2003. – 128 с.; библ. Обл. 84x108 1/32.

СЕРДЮКОВ Ю.М. **Альтернатива паранауке.** – 2005 – 312 с.; ил. В пер. 84x108 1/32. Тираж 800 экз. (Монографические исследования: философия).

СОЦИОЛОГИЯ

Антология социально-экономической мысли в России / Под редакцией проф. А.И. Кравченко. – 2001. – 776 с.; ил., табл. В пер. 84x108 1/16. Тираж 1000 экз.

БЕЛЛ Д. **Грядущее постиндустриальное общество.** Опыт социального прогнозирования. 2-е изд., испр. и доп. / Пер. с англ. под ред. д-ра эконом. наук В.Л. Индземцева. – 2004. – СLXX, 788 с.: фронт. – портрет авт. В пер. 60x90 1/16. Тираж 1000 экз.

Вперед XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952-1999. Редактор-составитель и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. – 2000. – 480 с.; ил. В пер. 60x90 1/16. Тираж 2000.

ДЕГТЯРЕВ Г.П. **Пенсионные реформы в России.** – 2003. – 336 с.; табл., библ. В пер. 60x88 1/16. Тираж 1000 экз.

КАРМАДОНОВ О.А. **Социология символа.** – 2004. – 352 с.; ил. В пер. 84x108 1/32. Тираж 1000 экз. (Монографические исследования: социология).

МАЛЫШЕВА М.М. **Современный патриархат.** Социологическое эссе. – 2000 – 352 с. В пер. 84x108 /32. Тираж 1000 экз.

МЕРСИЯНОВА И.В. **Добровольные объединения граждан в местном самоуправлении: проблемы институализации.** – 2005. – 184 с. В пер. 84x108 1/32. Тираж 800 экз.

РИМАШЕВСКАЯ И., ВАННОЙ Д., МАЛЫШЕВА М. И др. **Окно в русскую частную жизнь.** – 1999. – 272 с.; табл. В пер. 60x88 1/16. Тираж 1000.

СОРОКИН П.А. **Голод как фактор.** Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Вступительная статья, составление, комментарии, подготовка к печати В.В. Сапова и В.С. Сычевой. -2003. 696 с.; библ., табл., указ. имен. В пер. 60x88 /16. Тираж 1000 экз.

СОРОКИН П.А. **Социальная мобильность** /Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. Предисл. В.А. Попова. – 2005. – 608 с., на фронтисп. портрет авт. В пер. 60x90 1/16. Тираж 1000 экз.

Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых

и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968-1973). Первая публикация / Составление и общая редакция члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. – 2005. – 912 с.; табл. 60x90 1/16.

Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под редакцией Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. – 2003. – 224 с.; ил., табл., библ. Обл. 84x108 1/32. Тираж 1000 экз.

МАТРОСОВ В.М., ИЗМОДЕНОВА-МАТРОСОВА К.В. Учение о ноосфере, глобальное моделирование и устойчивое развитие. Курс лекций. – 2005. – 352 с.; ил. В пер. (Учебники. Учебные пособия. Методические материалы).

ПСИХОЛОГИЯ

АРТАМОНОВ В.И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. – 2003 – 408 с.; ил. В пер. 60x88 1/16. Тираж 1000 экз.

ЭКОНОМИКА

АСАУЛ В.В., КРИШТАЛЬ В.И. Самоорганизация и экономическая интеграция: общие точки /Камский политехн. ин-т. – 2004. – 186 с.; ил. Обл. (Монографические исследования: экономика).

ЕГОРОВ Е.Г., БЕКЕТОВ Н.В. Научно-информационная система региона: структура, функции, перспективы развития. – 202. – 224 с.; библ., табл. Обл. 84x108 1/32. Тираж 500 экз.

БЕКЕТОВ Н.Е. Методологические проблемы формирования и развития научно-инновационных систем региона /Под общ. ред. чл. – корр. РАН В.В. Филиппова. – 1999. – 104 с. Обл. 84x108 1/32. Тираж 500 экз.

БЕНДИКОВ М.А. Стратегическое планирование развития наукоемких технологий и производств. – 2000. – 304 с.; табл. Обл. 84x108/32, Тираж 1000 экз.

БУЗДАЛОВ И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления /РАН. Всерос. ин-т агр. проблем и информатики им. А.А. Никонова. – 2005. – 394 с. В пер. 84x108 1/32. Тираж 1000 экз.

БРАГИНСКИЙ О.Б., ПЛИХТЕР Э.Б. Мировая нефтепереработка: экологическое измерение. – 2002. 264 с.; табл. Обл. 84x108 1/32. Тираж 800 экз.

ВАЙЦЕККЕР Э., ЛОВИНС Э., ЛОВИНС Л. Фактор «четыре». Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / Пер. с англ. – 2000. – 400 с.; ил. В пер. 60-x 88 1/16. Тираж 2000 экз.

ДОКУЧАЕВ М.В. Российский корпоративный бизнес: проблемы управления, стратегия развития. – 2003. – 384 с.; ил., табл., библ. 60x88 1/16. В пер. Тираж 1000 экз. (Монографические исследования: экономика).

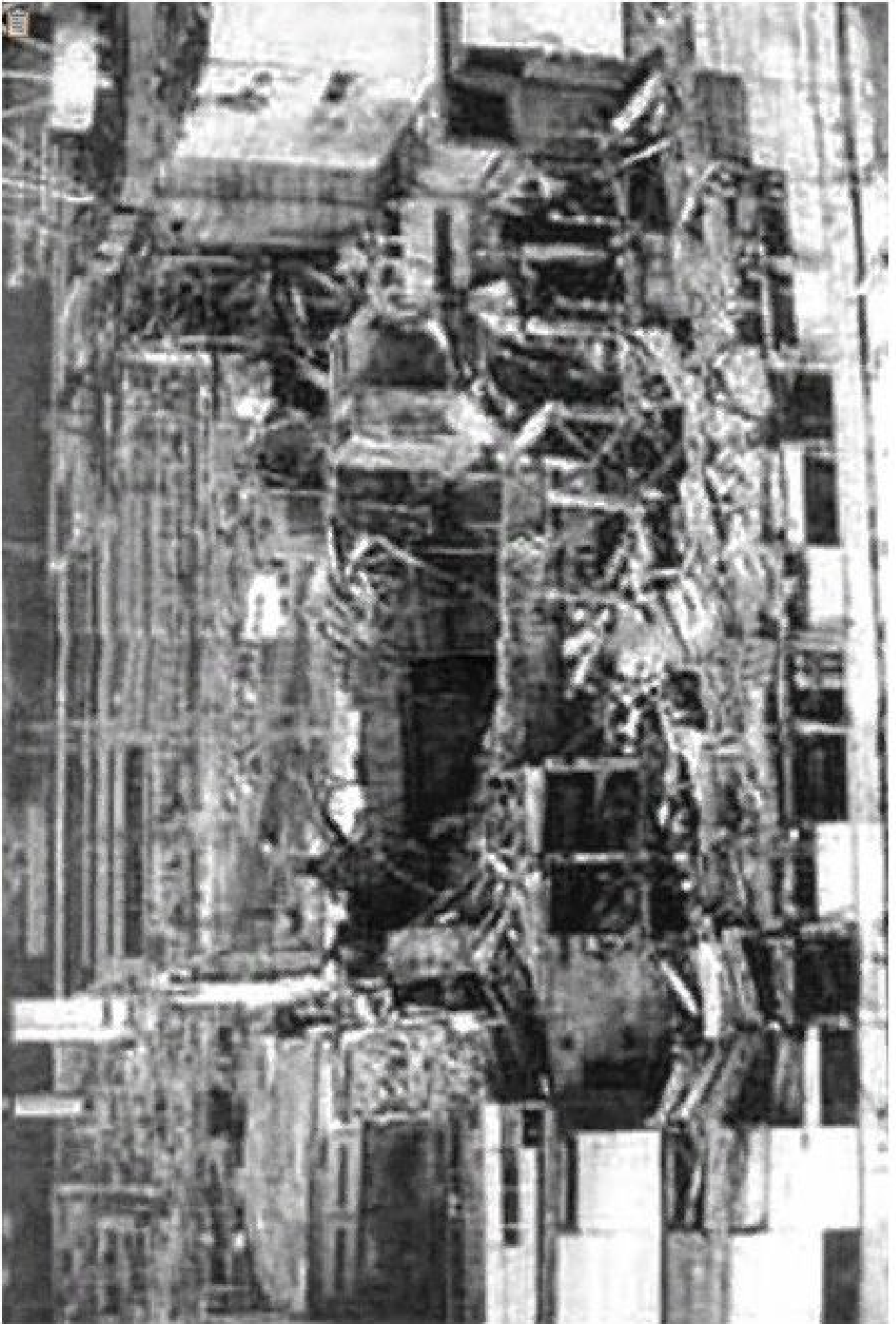
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л. За десять лет. – 1998 – 578 с. Обл. 84x108 1/32. Тираж 1000 экз.

КРАСИНЕЦЕ С., КУБИШИНЕ С., ТЮРЮКАНОВА Е.В. Нелегальная миграция в Россию. – 2000 – 96 с. Обл. 84x108/32. Тираж 1000 экз.

КУЗЬМИН С.А. Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономики России / РАН. Ин-т соц. эконом. проблем народонаселения. – 2006. – 344 с.; табл. В пер. 84x108 1/32. Тираж 1000 экз. (Монографические исследования: экономика).

ЛУНЕВ С. И., ШИРОКОВ Г.К. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии. – 2001 – 304 с. В пер. 60x88 1/16. Тираж 1000 экз.

ПРЫЖКИН Б.В. Компактэкономика. Курс лекций. – 2006. – 512 с.; ил. В пер. 84x108 1/32.

Это книга об отваге и доблести, о верности служебному долгу, о безответственных умолчаниях властей и небрежении человеческими жизнями. В книге предпринята попытка научно осмыслить события, связанные со взрывом реактора Чернобыльской АЭС и ликвидацией последствий катастрофы. Причем все статьи на эту тему написаны непосредственно участниками событий. Исследовательские материалы составляют первые главы. Основное же место отведено здесь мемуарным заметкам, воспоминаниям «чернобыльцев», проживающих ныне главным образом на территории муниципального образования Выхино-Жулебино города Москвы, под патронажем муниципалитета которого выходит эта книга. Затронута также тема об общественной деятельности бывших ликвидаторов последствий катастрофы, воздается дань уважения памяти ушедших. В книге публикуется большое число любительских и архивных фотографий, имеется справочный аппарат.

Для массового читателя, специалистов по профилактике и ликвидации чрезвычайных обстоятельств, управленческого персонала атомных электростанций, студентов и аспирантов высших учебных заведений технического, медицинского и обществоведческого профиля.

Наша книга издава приобретена
непосредственно в издательстве "Academica".

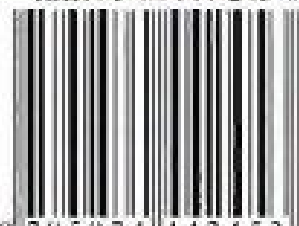
Заказать по телефону:

238-21-23, 238-21-44, 238-25-10.

e-mail: info@academpress.net

Интернет: www.academpress.net

ISBN 5-87444-245-6

9 785874 442453